This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

8524

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerox by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1962

Digitized by Google

Digitized by Google

THE LIBRARY OF CONGRESS
PHOTODUPLICATION SERVICE
WASHINGTON 25, D. C.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ПУШКИНСКІЙ ПЕРІОДЪ.

ОБРАЗЦЫ
НОВОЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

(для среднихъ учебныхъ заведеній вообще)

СОБРАЛЪ

А. ЦВѢТКОВЪ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, СЪ ИЗМѢНЕНІЯМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Д-ра М. А. Хана. Ковенскій пер. д. № 14.
1884.

Digitized by Google

~~PGR234~~
~~.T88~~
~~1811~~

2652c

~~852~~
3a
3v

821.708
T882mb
1852
v.3

Digitized by Google

105a-254755

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Изъ сочиненій Пушкина: Уединеніе	1
Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда	2
Я пережилъ свои желанья	—
Муза (Въ младенчествѣ моемъ она меня любила...)	3
Наполеонъ	—
Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ	7
Птичка. (Въ чужбинѣ свято наблюдаю...)	10
Къ морю. (Прощай, свободная стихія!...)	—
Зимній вечеръ. (Буря мглою небо кроетъ...)	12
Зимняя дорога. (Сквозь волнистые туманы...)	13
Пророкъ	14
Стансы. (Въ надеждѣ славы и добра...)	15
Ангелъ. (Въ дверяхъ Эдема Ангелъ нѣжный ..)	—
Три ключа	16
Поэтъ. (Пока не требуетъ поэта...)	—
Воспоминаніе	17
Утопленникъ	—
Анчаръ	20
Чернь	21
Кавказъ	23
Стансы (Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ...)	24
Поэту	25
Элегія. (Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье...)	26
Бѣсы	
Осень. (Октябрь ужъ наступилъ...)	28
Отрокъ	29
Трудъ	30
Клеветникамъ Россіи	—
19 окт. 1831 г. (Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей...)	31
Эхо	33

Digitized by Google

Полководецъ . . . . . —
Ко гробу Кутузова 35
Туча. (Послѣдняя туча разсѣянной бури...) 36
Пиръ Петра Великаго . . . . . —
Вновь я посѣтилъ тотъ уголокъ земли 38
Молитва. (Отцы-пустынники и жены непорочны...) . . 40
Памятникъ . . . . . —
Боже! Царя храни! 41
Исторія стихотворца 42
Прологъ къ поэмѣ „Русланъ и Людмила“ (У лукоморья дубъ зеленый...) . . . . . —
Изъ поэмы: „Кавказскій плѣнникъ“ 43
Черкесская пѣсня Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ. . . 49
Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ. 50
Изъ поэмы: „Цыганы“ 1. Таборъ (Цыганы шумною толпой...). 56
2. Разсказъ цыгана объ Овидіи. 57
Изъ поэмы: „Полтава“ 58
Гонецъ (Кто при звѣздахъ, кто при лунѣ...). 62
Полтавскій бой (Горитъ востокъ зарею новой). 75
Мѣдный Всадникъ. 81
Наводненіе (Рѣдѣетъ мгла ненастной ночи...). . 84
Капитанская дочка. 88
Изъ «Исторіи Пугачевскаго бунта» 132
Евгеній Онѣгинъ 138
Скупой Рыцарь 153
Борисъ Годуновъ 163
Изъ путешествія въ Эрзерумъ 210
Изъ стихотвореній Барона Дельвига: 1. Ахъ, ты, ночь ли, ноченька 218
Пѣла, пѣла пташечка. 219
Вдохновеніе. 220
Отставной солдатъ. . . . . —
Сегодня я съ вами пирую, друзья. 225
Изъ сочиненій Баратынскаго: О нравственной цѣли литературныхъ произведеній 226
На смерть Гете. 230
Финляндія. 231
Зима. (Гдѣ сладкій шопотъ моихъ лѣсовъ?..) . . . —
Весна (Весна, весна! какъ воздухъ чистъ!..) . . 232
Истина 233
Веселье и Горе 235
Изъ стихотвореній Языкова: Подражаніе псалму 14-му . . . . —
Подражаніе псалму 136-му 236
Двѣ картины. (Прекрасно озеро Чудское ..). . . . 237
Поэту. 238

Digitized by Google

Къ нянѣ А. С. Пушкина 239
Землетрясеніе. 240
Утро 241
Гроза 242
Кудесникъ 244
Олегъ. 245
Весна. 248
Море . . . . . —
Буря на морѣ 249
Пѣснь Баяна . . . . . —
Пловецъ. (Нелюдимо наше море...) 250
Изъ стихотвореній Тютчева: Не то, что мните вы, природа . . 251
Осенній вечеръ 252
Осень . . . . . —
Весеннія воды. (Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ...). 253
Весна . . . . . —
Весенняя гроза. (Люблю грозу въ началѣ мая...) . . 254
Зарница 255
Пошли Господь свою отраду. . . . . —
Гроза дорогой 256
Обвѣянъ вѣщею дремотой, полураздѣтый лѣсъ грустить . . . . . —
Слезы 257
Снѣжныя горы . . . . . —
Море 258
Наполеонъ . . . . . —
Тихой ночью, поздним лѣтомъ 259
Изъ стихотвореній Веневитинова: Сонетъ . . . . . —
Поэтъ 260
Вѣточка 261
Любителю музыки 262
Утѣшеніе . . . . . —
Спокойно дни мои цвѣли въ долинѣ жизни . . . 263
Изъ стихотвореній Кольцова: Доля бѣдняка 264
Раздумье селянина. (Сяду я за столъ да подумаю). 265
Что ты спишь, мужичекъ 266
Лѣсъ 268
Пѣсня пахаря 270
Косарь 271
Урожай 274
Вторая пѣсня Лихача Кудрявича 277
Крестьянская пирушка 279
Могила . . . . . —
Ночлегъ чумаковъ 280
Безъ ума, безъ разума меня замужъ выдали . . 281
Передъ образомъ Спасителя 282

Digitized by Google

Молитва 283
Послѣдняя борьба 284
Путь . . . . . —
Пѣсня. (Въ непогоду вѣтеръ вѣетъ) 286
Размышленіе поселянина. (На восьмой десятокъ пять лѣтъ перегнулось...) . . . . . —
Пѣсня. (Ахъ, зачѣмъ меня силой выдали) 288
Кольцо 289
Изъ пѣсенъ Цыганова: По полю, полю чистому 290
Не шей ты мнѣ, матушка 291
Полетай, соловеюшко 292
Что ты рано, травушка, пожелтѣла 293
Жаворонечекъ на проталинкѣ распѣваетъ . . . 295
Изъ сказки Ершова: «Конекъ-Горбунокъ» 296
Изъ сочиненій Лермонтова: Ангелъ 309
Вѣтка Палестины 310
Умирающій гладіаторъ 311
Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодаго опрячника и удалаго купца Калашникова 312
Бородино 327
Дума 330
Молитва. (Въ минуту жизни трудную ..) 331
Три пальмы 332
Поэтъ. (Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ...) . 334
Первое января 335
Казачья колыбельная пѣсня 336
Воздушный корабль 338
И скучно, и грустно 340
Изъ Гете (Горныя вершины спятъ во тьмѣ ночной..) . 341
Тучи (Тучки небесныя, вѣчные странники...) . . . . —
Сосна. (На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко...) 342
Родина . . . . . —
Плѣнный рыцарь 343
Парусъ 344
Споръ . . . . . —
Утесъ. (Почевала тучка золотая...) 347
Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой . . . —
Выхожу одинъ я на дорогу 348
Пророкъ 349
Два великана 350
Утро въ горахъ . . . . . —
Зима 351
Когда волнуется желтѣющая нива 352
Мцыри . . . . . —
Изъ романа «Герой нашего времени» I. Бэла . . . 363
II. Максимъ Максимычъ 384

Digitized by Google

Изъ сочиненій Гоголя: Старосвѣтскіе помѣщики. 390
Украинская ночь. 404
Днѣпръ. . . . . —
Тарасъ Бульба. 406
Мертвыя души. I. Чичиковъ у Манилова. 442
II. — у Коробочки 460
III. Характеристика Ноздрева 468
IV. — Собакевича 471
V. Русское слово (Выражается сильно россійскій народъ!..). 473
VI. Чичиковъ у Плюшкина 474
VII. Два типа писателей (начало VII-й главы) 495
VIII. Русь (въ началѣ XI гл.) 502
IX. Дорога. 503
X. Чичиковъ (Темно и скромно происхожденіе нашего героя...). 504
XI. Русская тройка и Русь (Какой же русскій не любитъ быстрой ѣзды?) . . 522
Изъ комедіи «Ревизоръ» 524
Изъ піесы «Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи» 558
Духовные писатели: Изъ Слова похвальнаго о флотѣ Россійскомъ и проч.—Ѳеофана Прокоповича 566
Слово на погребеніе Петра Великаго—его-же 571
Рѣчь Имп. Александру I на коронованіе его—Платона, митрополита Московскаго. 575
Слово въ Великій пятокъ (малое)—Иннокентія, архіеп. Херсонскаго. 579
Слово въ Великій пятокъ (большое)—его-же. . . . . —
Слово въ недѣлю Православія—его-же. 584
Слово о гласѣ вопіющаго въ пустынѣ... Филарета, митрополита Московскаго 589
Слово противъ роскоши въ одеждѣ и убранствѣ—его-же. 598
Слово о духовномъ просвѣщеніи Россіи—Іоанна, епископа Смоленскаго 604
Слово при дворянскихъ выборахъ въ СПБ.—его-же . . 607
Поученіе въ скорбяхъ—протоіерея Родіона Путятина . 611
Поученіе предъ св. причастіемъ—его-же 613

Digitized by Google

Писатели, сочиненія которыхъ помѣщены въ этомъ томѣ.

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ. . . . . (1799—1837).
Дельвигъ, баронъ, Антонъ Антоновичъ . . . (1798—1831).
Баратынскій, Евгеній Абрамовичъ. . . . . (1800 –1845).
Языковъ, Николай Михайловичъ . . . . . (1803—1846).
Тютчевъ, Ѳедоръ Николаевичъ . . . . . (1803—1873).
Веневитиновъ, Дмитрій Владиміровичъ. . . . (1805—1824).
Кольцовъ, Алексѣй Васильевичъ . . . . . (1809—1842).
Цыгановъ, Николай Григорьевичъ. . . . . (1797—1831).
Ершовъ, Петръ Павловичъ. . . . . (1815—1869).
Лермонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ . . . . . (1814—1841).
Гоголь, Николай Васильевичъ . . . . . (1809—1852).
Ѳеофанъ Прокоповичъ, Архіепископъ Новгородскій . . . . . (1681—1736).
Платонъ (Левшинъ), Митрополитъ Московскій. (1737—1812).
Иннокентій, (Борисовъ), Архіепископъ Херсонскій и Таврическій. . . . . (1800—1857).
Филаретъ (Дроздовъ), Митрополитъ Московскій. . . . . (1784—1867).
Іоаннъ (Соколовъ), Епископъ Смоленскій. . (1818—1866).
Родіонъ Путятинъ, Протоіерей . . . . . (1807—1869).

Digitized by Google

Изъ сочиненій Пушкина.

Уединеніе.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
На лонѣ счастья и забвенья!
Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья,
На мирный шумъ дубравъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.
Я твой: люблю сей темный садъ
Съ его прохладой и цвѣтами,
Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
Вездѣ передо мной подвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбаря бѣлѣетъ иногда,
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымные и мельницы крылаты;
Вездѣ слѣды довольства и труда.
Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденной,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душой законъ боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвѣщенной,
Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ
И незавидовать судьбѣ

Digitized by Google

Злодѣя иль глупца въ величіи неправомъ.
Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!
Въ уединеньи величавомъ
Слышнѣе вашъ отрадный гласъ;
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.

Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда:
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины
И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины.
Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ,
Онъ думы разбудилъ уснувшія во мнѣ.
Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ стройны тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ,
И сладостно шумятъ полуденныя волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь...

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты!
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Подъ бурями судьбы жестокой
Увялъ цвѣтущій мой вѣнецъ!
Живу печальный, одинокой,
И жду: прійдетъ ли мой конецъ?

Digitized by Google

Такъ, позднимъ хладомъ пораженной,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листъ.

Муза.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила,
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустаго тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя Фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;
И, радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ,
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

Наполеонъ.

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ.
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ;
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.

О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ твоею славой,

Digitized by Google

Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила...
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучъ безсмертія горитъ.

Давно-ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно ли царства упадали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державной
Ты на земныя племена.
. . . . . .
Тогда въ волненьи бурь народныхъ,
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзко вѣровалъ душой...
Тебя плѣнило самовластье
Разочарованной красой.

И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Едва рожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на пиръ обильный;

Digitized by Google

Все пало съ шумомъ предъ тобой,
Европа гибла: сонъ могильный
Носился надъ ея главой.

Сбылось! Въ величіи постыдномъ
Ступилъ на грудь ея колоссъ!
Тильзитъ! При звукѣ семъ обидномъ
Теперь не поблѣднѣетъ Россъ—
Тильзитъ надменнаго героя
Послѣдней славою вѣнчалъ,
Но скучный миръ, но хладъ покоя
Счастливца душу волновалъ.

Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца Русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ какъ дара,
Но поздно Русскихъ разгадалъ...

Россія, бранная царица,
Воспомни древнія права!
Померкни солнце Аустерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другія:
Исчезни краткій нашъ позоръ!
Благослови Москву, Россія!
Война—по гробъ нашъ договоръ.

Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ.
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
Бѣгутъ Европы ополченья;
Окровавленные снѣга

Digitized by Google

Провозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.

И все, какъ буря, закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнъ;
Во слѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе племенъ.
И длань народной Немезиды
Подъяту видитъ великанъ:
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!

Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья,
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ,

Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ, иногда, въ своей пустынѣ
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ о миломъ сынѣ
Въ унынии горькомъ думалъ онъ.

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!... Онъ Русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Digitized by Google

Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ Хозарамъ:
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ Цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса на встрѣчу ему
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любаго возьмешь ты коня.

«Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ,
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

«Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава—отрада;
Побѣдой прославлено имя твое;
Твой щитъ на вратахъ Царяграда;
И волны и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

Digitized by Google

«И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ;
Незримый хранитель могущему данъ.

«Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю,
И холодъ, и сѣча ему ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня своего».

Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ, и треплетъ по шеѣ крутой,

«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай, ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня,

«Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ устцы отведите,
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите».
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другаго коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ

Digitized by Google

Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

«А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ,
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ-ли? Все также-ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?»
И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: «что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье:
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня».
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ: на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: «спи, другъ одинокой!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ;
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь.

Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!»
Изъ мертвой главы гробовая змѣя
Шипя, между тѣмъ, выползала;
Какъ черная лента вкругъ ногъ обвилась:
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Digitized by Google

Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

Птичка.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.

Я сталъ доступенъ утѣшенью;
За что на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать?

Къ морю.

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

Какъ друга ропотъ заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ.

Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ!

Digitized by Google

Какъ я любилъ твои отзывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ,
И тишину въ вечерній часъ,
И своенравные порывы!

Смиренный парусъ рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользитъ отважно средь зыбей;
Но ты взыгралъ, неодолимый,
И стая тонетъ кораблей!

Не удалось на вѣкъ оставить
Мнѣ скучный, неподвижный брегъ,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтамъ твоимъ направить
Мой поэтическій побѣгъ.

Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ окованъ,
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я.

О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
Я путь безпечный устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою бы душу поразилъ:

Одна скала, гробница славы...
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы:
Тамъ угасалъ Наполеонъ!

Тамъ онъ почилъ среди мученій,
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ.

Исчезъ, оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ.

Digitized by Google

Шуми, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ!

Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго слышать буду
Твой гулъ въ вечерніе часы.

Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ.

Зимній вечеръ.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя,
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ путникъ запоздалой,
Къ намъ въ окошко застучитъ.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

Digitized by Google

Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ спница
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя.
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.

Зимняя дорога.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печально свѣтъ она.

По дорогѣ зимней, скучной,
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучной
Утомительно гремитъ.

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снѣгъ... На встрѣчу мнѣ

Digitized by Google

Только версты полосаты
Попадаются однѣ.

Пророкъ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами легкими, какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ;
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній Ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавой,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И уголь, пылающій огнемъ,
Во грудь отверзтую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!»

Digitized by Google

Стансы.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой Онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ Нимъ отличенъ Долгорукой.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ.
Во всемъ будь пращуру подобенъ:
Какъ Онъ неутомимъ и твердъ
И памятью, какъ Онъ, незлобенъ.

Ангелъ.

Въ дверяхъ Эдема Ангелъ нѣжный
Главой поникшею сіялъ,
А демонъ мрачный и мятежный
Надъ адской бездною леталъ.

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ,

Digitized by Google

И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ.

«Прости!» онъ рекъ: «тебя я видѣлъ,
И ты не даромъ мнѣ сіялъ:
Не все я въ мірѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ!»

Три ключа.

Въ степи мірской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключъ юности—ключъ быстрый и мятежный,
Кипитъ, бѣжитъ, сверкая и журча;
Кастальскій ключъ волною вдохновенья
Въ степи мірской изгнанниковъ поитъ;
Послѣдній ключъ—холодный ключъ забвенья:
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ.

Поэтъ.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;

Digitized by Google

Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ, и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы....

Воспоминаніе.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья;
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ.
И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

Утопленникъ.

Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
«Тятя! тятя! Наши сѣти
Притащили мертвеца.»
— Врите, врите, бѣсенята,
Заворчалъ на нихъ отецъ;

Digitized by Google

Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ ужо мертвецъ!

Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка:
Съ нимъ я ввѣкъ не разберусь.
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай кафтанъ: ужъ поплетусь...
Гдѣ-жъ мертвецъ?—«Вонъ, тятя, э-вотъ!»
Въ самомъ дѣлѣ, при рѣкѣ,
Гдѣ разостланъ мокрый неводъ,
Мертвый виденъ на пескѣ.

Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмѣльный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ—

Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ...
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги ташитъ,
И отъ берега крутова
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.

Долго мертвый межъ волнами
Плылъ качаясь, какъ живой;
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
«Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу,
Да смотрите жъ, не болтайте,
А не то поколочу.»

Digitized by Google

Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка,
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика.
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На палатяхъ мужъ лежитъ;
Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.

«Кто тамъ?»—Эй, впусти, хозяинъ!—
«Ну, какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ?
Чортъ занесъ тебя сюда;
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно.»
И лѣнивою рукою
Подымаетъ онъ окно.

Изъ-за тучъ луна катится—
Что же? Голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.

И мужикъ окно захлопнулъ;
Гостя голаго узнавъ,
Такъ и обмеръ: Чтобъ ты лопнулъ!
Прошепталъ онъ, задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались,
Трясся ночь онъ на пролетъ,
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.

Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ

Digitized by Google

Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждетъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаетъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

Анчаръ.

Въ пустынѣ чахлой и скупой,
На почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила,
И зелень мертвую вѣтвей,
И корни ядомъ напоила.

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдетъ, лишь вихорь черный
На древо смерти набѣжитъ—
И мчится прочь уже тлетворный.

И если туча оросить,
Блуждая, листъ его дремучій,
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.

Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ:

Digitized by Google

И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.
Принесъ онъ смертную смолу,
Да вѣтвь съ увядшими листами—
И потъ по блѣдному челу
Струился хладными ручьями.

Принесъ—и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша, на лыки,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

А князь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы,
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

Чернь.

Procul este, profani.

Поэтъ по лирѣ вдохновенной,
Рукой разсѣянной бряцалъ:
Онъ пѣлъ—а хладный и надменной,
Кругомъ народъ непосвященной
Ему безсмысленно внималъ.

И толковала чернь тупая:
«Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
О чемъ бренчитъ? чему насъ учитъ?
Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ
Какъ своенравный чародѣй?
Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,

Digitized by Google

Зато какъ вѣтеръ и безплодна:
Какая польза намъ отъ ней?»

Поэтъ.

Молчи, безсмысленный народъ,
Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкій.
Ты червь земли, не сынъ небесъ;
Тебѣ бы пользы все—на вѣсъ
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но мраморъ сей вѣдь богъ!.. Такъ что же?
Нечной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

Чернь.

Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй:
Сердца собратьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.

Поэтъ.

Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
Не оживитъ васъ лиры гласъ;
Душѣ противны вы какъ гробы.

Digitized by Google

Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры;
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ—полезный трудъ!—
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Кавказъ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наровнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье
Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь шумятъ водопады,
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.
А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи:

Digitized by Google

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще! Нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

Стансы.

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды,
И чей нибудь ужъ близокъ часъ.

Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.

Младенца ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю—
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.

День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина?
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?

Digitized by Google

Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бъ хотѣлось почивать.

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Поэту.

(сонетъ.)

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.

Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Digitized by Google

Элегія.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье;
Но какъ вино—печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И, вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И, можетъ быть, на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

Бѣсы.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Страшно, страшно по неволѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!

—Эй, пошелъ, ямщикъ!...—«Нѣтъ мочи:
Конямъ, баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ?

Digitized by Google

Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
Да кружитъ по сторонамъ.

«Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня;
Вонъ—теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали...—Что тамъ въ полѣ?—
«Кто ихъ знаетъ: пень иль волкъ»?

Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ,
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.

Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! Куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домоваго ли хоронятъ,
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?

Digitized by Google

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ....

Осень.

Октябрь ужъ наступилъ; ужъ роща отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ;
Журча еще бѣжитъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже застылъ, сосѣдъ мой поспѣшаетъ
Въ отъѣзжія поля съ охотою своей—
И страждутъ озими отъ бѣшеной забавы,
И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы.

Унылая пора, очей очарованье,
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

И съ каждой осенью я расцвѣтаю вновь;
Здоровью моему полезенъ русскій холодъ;
Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь;
Чредой слетаетъ сонъ, чредой находитъ холодъ;
Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь,
Желанія кипятъ; я снова счастливъ, молодъ,

Digitized by Google

Я снова жизни полнъ: таковъ мой организмъ,
(Извольте мнѣ простить ненужный прозаизмъ).

Ведутъ ко мнѣ коня; въ раздоліи открытомъ,
Махая гривою, онъ всадника несетъ—
И звонко подъ его блистающимъ копытомъ
Звенитъ промерзлый долъ и трескается ледъ.
Но гаснетъ краткій день, и въ камелькѣ забытомъ
Огонь опять горитъ, то яркій свѣтъ ліетъ,
То тлѣетъ медленно; а я надъ нимъ читаю,
Иль думы долгія въ душѣ моей питаю.

И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ и звучитъ, и пищетъ, какъ во снѣ,
Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ.
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И рифмы легкія на встрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо—къ бумагѣ,
Минута—и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагѣ;
Но чу!.. матросы вдругъ кидаются, ползутъ
Вверхъ, внизъ—и паруса надулись, вѣтра полны:
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.

Отрокъ.

Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу студенаго моря;
Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ Царямъ.

Digitized by Google

Трудъ.

Мигъ вожделѣнный насталъ. Оконченъ мой трудъ многолѣтній.
Что жъ непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ подвижникъ ненужный,
Плату пріявшій свою, чуждый работѣ другой?
Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга Пенатовъ святыхъ?

Клеветникамъ Россіи.

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?
Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ?—вотъ вопросъ.

Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда!
Для васъ безмолвны Кремль и Прага,
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага—
И ненавидите вы насъ...
За что-жъ? отвѣтствуйте: за то-ли,

Digitized by Google

Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, предъ кѣмъ дрожали вы?
За то-ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?

Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій штыкъ?
Иль Русскаго Царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?
Такъ высылайте жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ.

---

19 Октября 1831 г.

Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей
Свою святую годовщину,
Тѣмъ робче старый кругъ друзей
Въ семью стѣсняется единую;
Тѣмъ рѣже онъ; тѣмъ праздникъ нашъ
Въ своемъ веселіи мрачнѣе;
Тѣмъ глуше звонъ заздравныхъ чашъ,
И наши пѣсни тѣмъ грустнѣе.

Digitized by Google

Давно ль, друзья?.. Но двадцать лѣтъ
Тому прошло; и что же вижу?
Того Царя въ живыхъ ужъ нѣтъ;
Мы жгли Москву, былъ плѣнъ Парижу,
Угасъ въ тюрьмѣ Наполеонъ,
Воскресла Грековъ древнихъ слава,
Съ престола палъ другой Бурбонъ,
Отбунтовала вновь Варшава.

Такъ дуновенья бурь земныхъ
И насъ нечаянно касались;
И мы средь пиршествъ молодыхъ
Душею часто омрачались;
Мы возмужали; рокъ судилъ
И намъ житейски испытанья;
И смерти духъ средь насъ ходилъ,
И назначалъ свои закланья.

Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоятъ;
Шести друзей не узримъ болѣ;
Они, разбросанные, спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ полѣ;
Кто дома, кто въ землѣ чужой;
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой;—
И всѣхъ мы братски поминали.

И, мнится, очередь за мной...
Зоветъ меня мой Дельвигъ милый.
Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсенъ молодыхъ,
Пировъ и чистыхъ помышленій,
Туда, въ толпу тѣней родныхъ,
На вѣкъ отъ насъ ушедшій геній...

Тѣснѣй, о милые друзья,
Тѣснѣй нашъ вѣрный кругъ составимъ!

Digitized by Google

Почившимъ пѣснь окончилъ я:
Живыхъ надеждою поздравимъ—
Надеждой нѣкогда опять
Въ пиру Лицейскомъ очутиться,
Всѣхъ остальныхъ еще обнять—
И новыхъ жертвъ ужъ не страшиться.

Эхо.

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ—
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты другъ.

Ты внемлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ—
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

Полководецъ.

У Русскаго Царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится подъ стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину кругомъ,
Своею кистію свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокой..
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ Нимфъ, ни дѣвственныхъ Мадоннъ,
Ни Фавновъ съ чашами, ни полногрудныхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ: а все плащи да шпаги,
Да лица, полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ

Digitized by Google

Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу,
И на знакомые ихъ образы гляжу,
И, мнится, слышу ихъ воинственные клики.
Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе, коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состарѣлись, и никнутъ въ тишинѣ
Главою лавровой.
Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
Всегда остановлюсь предъ нимъ и не свожу
Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.

Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ—густая мгла;
За нимъ—военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье—
Но Доу далъ ему такое выраженье.

О, вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой;
И въ имени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною,
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ...
И долго укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;

Digitized by Google

И на полупути былъ долженъ наконецъ
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,—
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свирца веселый свистъ заслышавшій впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти,—
Вотще!—

. . . . . .
. . . . . .

О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

Ко гробу Кутузова.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.

Подъ ними спитъ ихъ властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ Русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ

Digitized by Google

Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ—и спасъ...

Туча.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.
Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный громъ,
И алчную землю поила дождемъ.
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

Пиръ Петра Великаго.

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ;
Въ Царскомъ домѣ пиръ веселой;
Рѣчь гостей хмѣльна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пируетъ Царь великій
Въ Петербургѣ-городкѣ?
Отчего пальба и клики
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
Русскій штыкъ иль Русскій флагъ?
Побѣжденъ ли Шведъ суровой?
Мира-ль проситъ грозный врагъ?

Digitized by Google

Иль въ отъятый край у Шведа
Прибылъ Брантовъ утлый ботъ,
И пошелъ на встрѣчу *дѣда*
Всей семьей нашъ юный флотъ,
И воинственные *внуки*
Стали въ строй предъ старикомъ,
И раздался въ честь науки
Пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ?

Годовщину ли Полтавы
Торжествуетъ Государь,
День, какъ жизнь своей Державы
Спасъ отъ Карла Русскій Царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль Она,
Чудотворца-Исполина
Чернобровая жена?

Нѣтъ: Онъ съ подданнымъ мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну,
И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ;
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Оттого-то шумъ и клики
Въ Петербургѣ-городкѣ,
И пальба, и громъ музыки,
И эскадра на рѣкѣ;
Оттого-то въ часъ веселой
Чаша Царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Digitized by Google

. . . Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо—
И кажется, вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.
Вотъ смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ. Вотъ
И холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ, и глядѣлъ
На озеро, воспоминая съ грустію
Иные берега, иныя волны...
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко:
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогой неводъ. По брегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ...
На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ, одна по-одаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собою

Digitized by Google

Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ-же,
Все тотъ-же ихъ знакомый слухъ шорохъ;
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась:
Зеленою семьей кусты тѣснятся
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вкругъ него
По прежнему все пусто.
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ,
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ...
Въ разны годы
Подъ вашу сѣнь, Михайловскія рощи,
Являлся я! Когда вы въ первый разъ
Увидѣли меня, тогда я былъ
Веселымъ юношей. Безпечно, жадно
Я приступалъ лишь только къ жизни; годы
Промчалися—и вы во мнѣ пріяли
Усталаго пришельца! Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неровной истомила;
Я былъ ожесточенъ! Въ унынии часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души довѣрчивой и нѣжной—
И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства!

Digitized by Google

Молитва.

Отцы-пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ;
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные Великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста—
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
«Владыко дней моихъ! Духъ праздности унылой,
Любоначалія змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже! прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви,
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи».

Памятникъ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворной;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столпа.

Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ Славянъ, и Финнъ, и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.

Digitized by Google

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божію, о Муза, будь послушна!
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца;
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Боже! Царя храни.

Боже! Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли:
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все ниспошли.
Тамъ громкой славою,
Сильной державою
Міръ онъ покрылъ;
Здѣсь—безмятежною
Сѣнью надежною,
Благостью нѣжною
Насъ осѣнилъ.
Брани въ ужасный часъ
Мощно хранила насъ
Вѣрная длань.
Гласъ умиленія,
Благодаренія,
Сердца стремленія—
Вотъ наша дань!

Digitized by Google

Исторія стихотворца.

Мараетъ онъ единымъ духомъ
Листъ;
Внимаетъ онъ привычнымъ ухомъ
Свистъ;
Потомъ всему терзаетъ свѣту
Слухъ;
Потомъ печатаетъ—и въ Лету
Бухъ!

Прологъ

къ поэмѣ «Русланъ и Людмила».

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво—сказку говоритъ.
Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходитъ ясныхъ
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;

Digitized by Google

Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ ступа съ бабою ягой
Идетъ-бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ русскій духъ... тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ,
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ—и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню: сказку эту
Повѣдаю теперь я свѣту...

Изъ поэмы: «Кавказскій плѣнникъ».

Герой поэмы оставилъ отчизну; отступившись отъ свѣта, другомъ природы полетѣлъ онъ на Кавказъ «съ веселымъ призракомъ свободы». На Кавказѣ онъ схваченъ въ плѣнъ черкесами и томится въ цѣпяхъ.

Казалось, плѣнникъ безнадежный
Къ унылой жизни привыкалъ;
Тоску неволи, жаръ мятежный
Въ душѣ глубоко онъ скрывалъ.
Влачася межъ угрюмыхъ скалъ,
Въ часъ ранней утренней прохлады,
Вперялъ онъ неподвижный взоръ
На отдаленныя громады
Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ!
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ.
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,

Digitized by Google

Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый,
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.
Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,
Предтеча бури, громъ гремѣлъ,
Какъ часто плѣнникъ предъ ауломъ
Недвижимъ на горѣ сидѣлъ!
У ногъ его дымились тучи,
Въ степи взвивался прахъ летучій;
Уже пріюта между скалъ
Олень испуганный искалъ;
Орлы съ утесовъ подымались
И въ небесахъ перекликались;
Шумъ табуновъ, мычанье стадъ
Ужъ гласомъ бури заглушались...
И вдругъ на долы дождь и градъ
Изъ тучъ сквозь молній извергались;
Волнами роя крутизны,
Сдвигая камни вѣковые,
Текли потоки дождевые—
А плѣнникъ, съ горной вышины,
Одинъ, за тучей громовою,
Возврата солнечнаго ждалъ,
Недосягаемый грозою,
И бури немощному вою
Съ какой-то радостью внималъ.

Но Европейца все вниманье
Народъ сей чудный привлекалъ.
Межъ горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
Ихъ вѣру, нравы, воспитанье,
Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепріимство, жажду брани,
Движеній вольныхъ быстроту,
И легкость ногъ, и силу длани.
Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
Какъ иногда Черкесъ проворной,
Широкой степью, по горамъ,

Digitized by Google

Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной,
Къ лукѣ склонясь, на стремена
Ногою стройной опираясь,
Леталъ по волѣ скакуна,
Къ войнѣ заранѣ пріучаясь.
Онъ любовался красотой
Одежды бранной и простой.
Черкесъ оружіемъ обвѣшенъ,
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ:
На немъ броня, пищаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
И шашка, вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга.
Ничто его не тяготитъ,
Ничто не брякнетъ: пѣшій, конный—
Все тотъ же онъ, все тотъ же видъ
Непобѣдимый, непреклонный,
Гроза безпечная казаковъ.
Его богатство—конь ретивый,
Питомецъ горскихъ табуновъ,
Товарищъ вѣрный, терпѣливый.
Въ пещерѣ иль травѣ глухой
Коварный хищникъ съ нимъ таится,
И вдругъ, внезапною стрѣлой,
Завидя путника, стремится;
Въ одно мгновенье вѣрный бой
Рѣшитъ ударъ его могучій,
И странника въ ущелье горъ
Уже влечетъ арканъ летучій.
Стремится конь во весь опоръ,
Исполненъ огненной отваги,
Все путь ему—болото, боръ,
Кусты, утесы и овраги;
Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
Въ пустынѣ топотъ раздается,
Сѣдой потокъ предъ нимъ шумитъ—
Онъ въ глубь кипящую несется,
И путникъ, брошенный ко дну,

Digitized by Google

Глотаетъ мутную волну,
Изнемогая, смерти проситъ
И зритъ ее передъ собой...
Но мощный конь его—стрѣлой
На берегъ пѣнистый выноситъ.

Иль, ухвативъ рогатый пень,
Въ рѣку низверженный грозою,
Когда на холмахъ пеленою
Лежитъ безлунной ночи тѣнь,
Черкесъ на корни вѣковые,
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
Свои доспѣхи боевые,
Щитъ, бурку, панцырь и шеломъ,
Колчанъ и лукъ—и въ быстры волны
За нимъ бросается потомъ,
Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка реветъ,
Могучій токъ его несетъ
Вдоль береговъ уединенныхъ,
Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
Склонясь на копья, казаки
Глядятъ на темный бѣгъ рѣки—
И мимо ихъ, во мглѣ чернѣя,
Плыветъ оружіе злодѣя...
О чемъ ты думаешь, казакъ?
Воспоминаешь прежни битвы,
На смертномъ полѣ свой бивакъ,
Полковъ хвалебныя молитвы
И родину?.. Коварный сонъ!
Простите, вольныя станицы,
И домъ отцовъ, и тихій Донъ,
Война и красныя дѣвицы!
Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
Стрѣла выходитъ изъ колчана,
Взвилась - и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана.—
Когда же съ мирною семьей

Digitized by Google

Черкесъ въ отеческомъ жилищѣ
Сидитъ ненастною порой,
И тлѣютъ угли въ пепелищѣ;
И, спрянувъ съ вѣрнаго коня,
Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
И робко сядетъ у огня—
Тогда хозяинъ благосклонной
Съ привѣтомъ, ласково. встаетъ
И гостю въ чашѣ благовонной
Чихирь отрадный подаетъ.
Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной,
Вкушаетъ путникъ мирный сонъ,
И утромъ оставляетъ онъ
Ночлега кровъ гостепріимной.

Бывало, въ свѣтлый Баиранъ
Сберутся юноши толпою;
Игра смѣняется игрою:
То, полный разобравъ колчанъ,
Они крылатыми стрѣлами
Пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
То съ высоты крутыхъ холмовъ,
Нетерпѣливыми рядами,
При данномъ знакѣ, вдругъ падутъ,
Какъ лани землю поражаютъ,
Равнину пылью покрываютъ
И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ.

Но скученъ миръ однообразной
Сердцамъ, рожденнымъ для войны,
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Нерѣдко шашки грозно блещутъ
Въ безумной рѣзвости пировъ,
И въ прахъ летятъ главы рабовъ,
И въ радости младенцы плещутъ.

Digitized by Google

Русскій плѣнникъ равнодушно смотрѣлъ на эти кровавыя забавы и молчалъ. Черкесы щадили его и гордились своей добычею.

Заря на знойный небосклонъ
За днями новы дни возводитъ;
За ночью ночь во слѣдъ уходитъ;
Вотще свободы жаждетъ онъ.
Мелькнетъ ли серна межъ кустами,
Проскачетъ ли во мглѣ сайгакъ,
Онъ, вспыхнувъ, загремитъ цѣпями,
Онъ ждетъ, не крадется ль казакъ,
Ночной ауловъ разоритель,
Рабовъ отважный избавитель,
Зоветъ.. но все кругомъ молчитъ;
Лишь волны плещутся бушуя,
И человѣка звѣрь почуя,
Въ пустыню темную бѣжитъ.
Однажды слышитъ Русскій плѣнный,
Въ горахъ раздался кликъ военный:
«Въ табунъ, въ табунъ!» Бѣгутъ, шумятъ;
Уздечки мѣдныя гремятъ,
Чернѣютъ бурки, блещутъ брони,
Кипятъ осѣдланные кони;
Къ набѣгу весь аулъ готовъ.
И дикіе питомцы брани
Рѣкою хлынули съ холмовъ,
И скачутъ по брегамъ Кубани
Сбирать насильственныя дани.
Утихъ аулъ; на солнцѣ спятъ
У саклей псы сторожевые,
Младенцы смуглые, нагіе
Въ свободной рѣзвости шумятъ;
Ихъ прадѣды въ кругу сидятъ,
Изъ трубокъ дымъ, віясь, синѣетъ.
Они безмолвно юныхъ дѣвъ
Знакомый слушаютъ припѣвъ—
И старцевъ сердце молодѣетъ.

Digitized by Google

Черкесская пѣсня.

1.

«Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ;
Въ горахъ безмолвіе ночное;
Казакъ усталый задремалъ,
Склонясь на копіе стальное.
Не спи, казакъ: во тмѣ ночной
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

2.

«Казакъ плыветъ на челнокѣ,
Влача по дну рѣчному сѣти;
Казакъ, утонешь ты въ рѣкѣ,
Какъ тонутъ маленькія дѣти,
Купаясь жаркою порой;
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

3.

«На берегу завѣтныхъ водъ
Цвѣтутъ богатыя станицы;
Веселый пляшетъ хороводъ.
Бѣгите, Русскія пѣвицы,
Спѣшите, красныя, домой—
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.»

Такъ пѣли дѣвы. Сѣвъ на брегѣ,
Мечтаетъ Русскій о побѣгѣ;
Но цѣпь невольника тяжка,
Быстра глубокая рѣка...

Черкешенка освобождаетъ плѣнника.

Пилу дрожащей взявъ рукой,
Къ его ногамъ она склонилась—
Визжитъ желѣзо подъ пилой,

Digitized by Google

Слеза невольная скатилась....
И цѣпь распалась и гремитъ.
«Ты воленъ,» дѣва говоритъ,
«Бѣги!»

Плѣнникъ зоветъ ее съ собою, а потомъ, когда она не пожелала слѣдовать за нимъ, бросился въ воду и поплылъ. Черкешенка съ горя топится въ рѣкѣ, а плѣнникъ благополучно достигаетъ русскаго стана.

Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.

Жилъ старикъ со своею старухой
Усамаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ одною тиной;
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ травою морской;
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ золотою рыбкой,
Съ непростою рыбкой, золотою.
Какъ взмолится золотая рыбка,
Голосомъ молвитъ человѣчьимъ:
«Отпусти, ты, старче, меня въ море,
«Дорогой за себя дамъ откупъ:
«Откуплюсь, чѣмъ только пожелаешь.»
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
— Богъ съ тобою, золотая рыбка!

Digitized by Google

Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на-просторѣ.
Воротился старикъ ко старухѣ,
Разсказалъ ей великое чудо.
— Я сегодня поймалъ-было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась,
Дорогою цѣною откупалась:
Откупалась, чѣмъ только пожелаю.
Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ,
Такъ пустилъ ее въ синее море.—
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть бы взялъ ты съ нея корыто:
Наше-то совсѣмъ раскололась.»
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю.
Видитъ: море слегка разыгралось.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка и спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
— Смилуйся, государыня,—рыбка!
Разбранила меня моя старуха,
Не даетъ старику, мнѣ, покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсѣмъ раскололось.—
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Будетъ вамъ новое корыто.»
Воротился старикъ ко старухѣ:
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много ли корысти?

Digitized by Google

Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ;
Поклонись ей, выпроси ужъ избу.»
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю:
(Помутилося синее море);
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
— Смилуйся, государыня—рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не даетъ старику, мнѣ, покою:
Избу проситъ сварливая баба.—
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ.»
Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
А землянки нѣтъ ужъ и слѣда:
Передъ нимъ изба со свѣтелкой,
Съ кирпичною, бѣленою трубою,
Съ дубовыми, тесовыми вороты.
Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
На чемъ свѣтъ стоитъ, мужа ругаетъ.
«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросилъ, простофиля, избу!
Воротись, поклонись рыбкѣ:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой.»

Пошелъ старикъ къ синему морю:
(Неспокойно синее море);
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче.»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
— Смилуйся, государыня—рыбка!
Пуще прежняго старуха вздурилась,
Не даетъ старику, мнѣ, покою:
Ужъ не хочетъ быть она крестьянкой,

Digitized by Google

Хочетъ быть столбовою дворянкой.—
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!»

Воротился старикъ ко старухѣ;
Чтожъ онъ видитъ? Высокій теремъ,
На крыльцѣ стоитъ его старуха
Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ,
Парчевая на маковкѣ кичка,
Жемчуги окружили шею,
На рукахъ золотые перстни,
На ногахъ красные сапожки.
Передъ нею усердные слуги:
Она бьетъ ихъ, за чупрынъ таскаетъ.
Говоритъ старикъ своей старухѣ:
— Здравствуй, барыня-сударыня дворянка!
Чай теперь твоя душенька довольна.—
На него крикнула старуха,
На конюшню служить его послала.

Вотъ недѣля-другая проходитъ;
Еще пуще старуха вздурилась;
Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ.
«Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей.»
Испугался старикъ, взмолился:
— Что ты, баба, бѣлены объѣлась?
Ни ступить, ни молвить не умѣешь—
Насмѣшишь ты цѣлое царство.
Осердилась пуще старуха,
По щекѣ ударила мужа:
«Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?
Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честью;
Не пойдешь, поведутъ по неволѣ».

Старичекъ отправился къ морю

Digitized by Google

(Почернѣло синее море).
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
— Смилуйся, государыня—рыбка!
Опять моя старуха бунтуетъ:
Ужъ не хочетъ быть она дворянкой,
Хочетъ быть вольною царицей.—
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Добро! будетъ старуха царицей!»

Старичекъ къ старухѣ воротился.
Чтожъ? Предъ нимъ царскія палаты,
Въ палатахъ видитъ свою старуху,
За столомъ сидитъ она царицей,
Служатъ ей бояре да дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вина,
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держатъ.
Какъ увидѣлъ старикъ—испугался;
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
Молвилъ: здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна.—
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали бояре и дворяне,
Старика въ зашеи затолкали;
А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
Топорами чуть не изрубила;
А народъ-то надъ нимъ насмѣялся:
«По дѣломъ тебѣ, старый невѣжа!
Впредь тебѣ, невѣжа, наука:
Не садися не въ свои сани!»—

Вотъ недѣля,—другая проходитъ,

Digitized by Google

Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ.
Отыскали старика, привели къ ней.
Говоритъ старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобъ жить мнѣ въ окіянѣ-морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
И была-бъ у меня на посылкахъ.»
Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперекъ слова молвить.
Вотъ идетъ онъ къ синему морю;
Видитъ: на морѣ черная буря—
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
— Смилуйся, государыня—рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужъ не хочетъ быть она царицей,
Хочетъ быть владычицей морскою,
Чтобъ жить ей въ окіянѣ-морѣ,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у нея на посылкахъ.—
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.
Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
Не дождался, къ старухѣ воротился—
Глядь: опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А предъ нею разбитое корыто.

Digitized by Google

Изъ поэмы «Цыганы».

1. Таборъ.

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ,
Какъ вольность, веселъ ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телѣгъ,
Полузавѣшенныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недальній,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ, да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены;
Спокойно все, луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.
На утро
Шатры разобраны; телѣги
Готовы двинуться въ походъ;
Все вмѣстѣ тронулось—и вотъ
Толпа валитъ въ пустыхъ равнинахъ.
Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
Дѣтей играющихъ несутъ,
Мужья и братья, жены, дѣвы,

Digitized by Google

И старъ и младъ во слѣдъ идутъ;
Крикъ, шумъ, Цыганскіе припѣвы,
Медвѣдя ревъ, его цѣпей
Нетерпѣливое бряцанье,
Лохмотьевъ яркихъ пестрота,
Дѣтей и старцевъ нагота,
Собакъ и лай и завыванье,
Волынки говоръ, скрипъ телѣгъ,
Все скудно, дико, все нестройно,
Но все такъ живо, непокойно,
Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ,
Такъ чуждо этой жизни праздной,
Какъ пѣснь рабовъ однообразной.

---

2. Разсказъ цыгана объ Овидіи.

Межъ нами есть одно преданье:
Царемъ когда-то сосланъ былъ
Полудня житель къ намъ въ изгнанье.
(Я прежде зналъ, но позабылъ
Ему мудреное прозванье.)
Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ и живъ душой незлобной;
Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобной.
И полюбили всѣ его,
И жилъ онъ на брегахъ Дуная,
Не обижая никого,
Людей разсказами плѣняя.
Не разумѣлъ онъ ничего,
И слабъ, и робокъ былъ, какъ дѣти;
Чужіе люди за него
Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти.
Какъ мерзла быстрая рѣка,
И зимни вихри бушевали—
Пушистой кожей покрывали
Они святаго старика;

Digitized by Google

Но онъ къ заботамъ жизни бѣдной
Привыкнуть никогда не могъ;
Скитался онъ, изсохшій, блѣдной.
Онъ говорилъ, что гнѣвный Богъ
Его каралъ за преступленье,
Онъ ждалъ: прійдетъ ли избавленье.
И все несчастный тосковалъ,
Бродя по берегамъ Дуная,
Да горьки слезы проливалъ,
Свой дальній градъ воспоминая.
И завѣщалъ онъ, умирая,
Чтобы на югъ перенесли
Его тоскующія кости,
И смертью чуждой сей земли
Не успокоенные гости.

Полтава.

пѣснь 1-я.

Богатъ и славенъ Кочубей,
Его луга необозримы,
Тамъ табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
Кругомъ Полтавы хутора
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мѣховъ, атласа, серебра
И на виду, и подъ замками.
Но Кочубей богатъ и гордъ
Не долгогривыми конями,
Не златомъ, данью крымскихъ ордъ,
Не родовыми хуторами—
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей.
И то сказать: въ Полтавѣ нѣтъ
Красавицы, Маріи равной.

Digitized by Google

Она свѣжа, какъ вешній цвѣтъ,
Взлелѣянный въ тѣни дубравной.
Какъ тополь Кіевскихъ высотъ
Она стройна. Ея движенья
То лебедя пустынныхъ водъ
Напоминаютъ плавный ходъ,
То лани быстрыя стремленья.
Вокругъ высокаго чела,
Какъ тучи, локоны чернѣютъ;
Звѣздой блестятъ ея глаза;
Ея уста, какъ роза, рдѣютъ.
Но не единая краса
(Мгновенный цвѣтъ!) молвою шумной
Въ младой Маріи почтена:
Вездѣ прославилась она
Дѣвицей скромной и разумной.
За то завидныхъ женихов
Ей шлетъ Украйна и Россія;
Но отъ вѣнца, какъ отъ оковъ,
Бѣжитъ пугливая Марія.
Всѣмъ женихамъ отказъ—и вотъ
За ней самъ Гетманъ сватовъ шлетъ.

Родители Маріи оскорблены сватовствомъ Гетмана, оскорблены тѣмъ болѣе, что онъ, крестный отецъ Маріи, и долженъ быть ей отцемъ и другомъ, а не мужемъ. Узнавъ рѣшеніе родителей,

.....цѣлые два дня,
То молча плача, то стеня,
Марія ни пила, ни ѣла,
Шатаясь блѣдная, какъ тѣнь,
Не зная сна. На третій день
Ея свѣтлица опустѣла.

Сперва не знали, куда она дѣлась, но потомъ пронесся слухъ, что она у Мазепы.

Кочубей, имѣвшій много друзей, могъ бы отомстить Мазепѣ за оскорбленіе:

Digitized by Google

Онъ могъ бы возмутить Полтаву;
Внезапно средь его дворца
Онъ можетъ мщеніемъ отца
Постигнуть гордаго злодѣя;
Онъ могъ бы вѣрною рукой
Вонзить... Но замыселъ иной
Волнуетъ сердце Кочубея.
Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра.
Суровый былъ въ наукѣ славы
Ей данъ учитель: не одинъ
Урокъ нежданный и кровавый
Задалъ ей шведскій паладинъ.
Но въ искушеньяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.
Вѣнчанный славой безполезной,
Отважный Карлъ скользилъ надъ бездной,
Онъ шелъ на древнюю Москву,
Взметая Русскія дружины,
Какъ вихорь гонитъ прахъ долины
И клонитъ пыльную траву.
Онъ шелъ путемъ, гдѣ слѣдъ оставилъ
Въ дни наши новый, сильный врагъ,
Когда паденіемъ ославилъ
Мужъ рока свой попятный шагъ.
Украйна глухо волновалась,
Давно въ ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,
Чтобъ Гетманъ узы ихъ расторгъ,
И Карла ждалъ нетерпѣливо
Ихъ легкомысленный восторгъ.
Вокругъ Мазепы раздавался

Digitized by Google

Мятежный крикъ: пора! пора!
Но старый Гетманъ оставался
Послушнымъ подданнымъ Петра,
Храня суровость обычайну,
Спокойно вѣдалъ онъ Украйну,
Молвѣ, казалось, не внималъ,
И равнодушно пировалъ.

Но на самомъ-то дѣлѣ Мазепа только хитрилъ, выжидая и тайно лелѣя планъ—сдѣлаться, при помощи Карла XII, царемъ Малороссіи.

....Старость ходитъ осторожно
И подозрительно глядитъ:
Чего нельзя и что возможно,
Еще не вдругъ она рѣшитъ.
Кто снидетъ въ глубину морскую,
Покрытую недвижно льдомъ?
Кто испытующимъ умомъ
Проникнетъ бездну роковую
Души коварной? Думы въ ней—
Плоды подавленныхъ страстей,
Лежатъ погружены глубоко,
И замыселъ давнишнихъ дней,
Быть можетъ, зрѣетъ одиноко.
Какъ знать? Но чѣмъ Мазепа злѣй,
Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй,
Тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй
И въ обхожденіи простѣй.
Какъ онъ умѣетъ самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужія тайны разрѣшать!
Съ какой довѣрчивостью лживой,
Какъ добродушно на пирахъ,
Со старцами старикъ болтливой,
Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
Свободу славитъ съ своевольнымъ,

Digitized by Google

Поноситъ власти съ недовольнымъ,
Съ ожесточеннымъ слезы льетъ,
Съ глупцомъ разумну рѣчь ведетъ!
Немногимъ, можетъ быть, извѣстно,
Что духъ его неукротимъ,
Что радъ и честно и безчестно
Вредить онъ недругамъ своимъ;
Что ни единой онъ обиды
Съ тѣхъ поръ, какъ живъ, не забывалъ,
Что далеко преступны виды
Старикъ надменный простиралъ;
Что онъ не вѣдаетъ святыни,
Что онъ не помнитъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего,
Что кровь готовъ онъ лить, какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что нѣтъ отчизны для него!
Издавна умыселъ ужасный
Взлелѣялъ тайно злой старикъ
Въ душѣ своей...

Во время дружескихъ сношеній, Мазепа не разъ намекалъ Кочубею о своихъ преступныхъ намѣреніяхъ отложиться отъ Россіи, измѣнить своему законному Государю.

Такъ, было сердце Кочубея
Въ то время предано ему.

Теперь же Кочубей рѣшился открыть Петру замыслы Мазепы. Онъ нашелъ себѣ безстрашнаго товарища, Искру, Полтавскаго полковника; вмѣстѣ составили они доносъ Петру на Мазепу; а одинъ молодой казакъ, страстно любившій Марію, но отвергнутый ею, рѣшился доставить этотъ доносъ по назначенію.

Кто при звѣздахъ и при лунѣ
Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?
Чей это конь неутомимой
Бѣжитъ въ степи необозримой?

Digitized by Google

Казакъ на сѣверъ держитъ путь,
Казакъ не хочетъ отдохнуть
Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
Ни при опасной переправѣ.

Какъ стекло булатъ его блеститъ,
Мѣшокъ за пазухой звенитъ;
Не спотыкаясь конь ретивой
Бѣжитъ, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,
Булатъ—потѣха молодца,
Ретивый конь—потѣха тоже;
Но шапка для него дороже.

За шапку онъ оставить радъ
Коня, червонцы и булатъ;
Но выдастъ шапку только съ бою
И то лишь съ буйной головою.

Зачѣмъ онъ шапкой дорожитъ?
Затѣмъ, что въ ней доносъ зашитъ,
Доносъ на Гетмана злодѣя
Царю Петру отъ Кочубея.

Между тѣмъ Мазепа, не зная ничего, ведетъ переговоры съ Іезуитомъ Зеленскимъ, который ходилъ подъ видомъ нищаго, разсылаетъ слугъ къ Булавину, Донскому козаку, бунтовавшему около того времени, за пороги Днѣпра, гдѣ стращаютъ ватаги казаковъ самодержавіемъ Петра; посылаетъ письма въ разные концы, подымаетъ на Москву Бахчисарай, заводитъ сношенія съ Польшей и Карломъ;

Но какъ онъ вздрогнулъ, какъ воспрянулъ,
Когда предъ нимъ незапно грянулъ
Упадшій громъ! когда ему,
Врагу Россіи, самому
Вельможи Русскіе послали

Digitized by Google

Въ Полтаву писанный доносъ,
И, вмѣсто праведныхъ угрозъ,
Какъ жертвѣ, ласки расточали!
И озабоченный войной,
Гнушаясь мнимой клеветой,
Доносъ оставя безъ вниманья,
Самъ Царь Іуду утѣшалъ,
И злобу шумомъ наказанья
Смирить на долго обѣщалъ!
Мазепа, въ горести притворной,
Къ Царю возноситъ гласъ покорной:
«И знаетъ Богъ, и видитъ свѣтъ:
Онъ, бѣдный Гетманъ, двадцать лѣтъ
Царю служилъ душою вѣрной;
Его щедротою безмѣрной
Осыпанъ, дивно вознесенъ...
О, какъ слѣпа, безумна злоба!
Ему ль теперь у двери гроба
Начать ученіе измѣнъ
И потемнять благую славу?
Не онъ ли помощь Станиславу
Съ негодованьемъ отказалъ,
Стыдясь, отвергъ вѣнецъ Украйны,
И договоръ, и письма тайны
Къ Царю, по долгу, отослалъ?
Не онъ ли къ наущеньямъ Хана
И цареградскаго Султана
Былъ глухъ? Усердіемъ горя,
Съ врагами бѣлаго царя
Умомъ и саблей радъ былъ спорить,
Трудовъ и жизни не жалѣлъ,—
И нынѣ злобный недругъ смѣлъ
Его сѣдины опозорить!
И кто же? Искра, Кочубей!
Такъ долго бывъ его друзьями»!...
И съ кровожадными слезами,
Въ холодной дерзости своей,
Ихъ казни требуетъ злодѣй...

Digitized by Google

1-я пѣснь заканчивается обращеніемъ къ Маріи, въ которомъ поэтъ выражаетъ сожалѣніе о ея участи и упрекъ за то, что она бросила своихъ родителей «въ бездѣтной старости однихъ».

О, еслибъ вѣдала она,
Что ужъ узнала вся Украйна!
Но отъ нея сохранена
Еще убійственная тайна,

Пѣснь 2-я

что сильно тревожитъ Мазепу; это замѣчаетъ Марія, спрашиваетъ его, но онъ сначала ничего ей не отвѣчаетъ, а потомъ вдругъ открываетъ свое намѣреніе отложиться отъ Москвы, основать самостоятельное государство. Этимъ онъ не только успокаиваетъ Марію, но даже приводитъ ее въ восторгъ:

Твоимъ сѣдинамъ какъ пристанетъ
Корона царская! (говоритъ она).

Пользуясь этой минутой, Мазепа спрашиваетъ Марію, кто для нея дороже: отецъ или онъ. Марія, послѣ нѣкоторой внутренней борьбы, даетъ желанный отвѣтъ Мазепѣ, прибавивъ:
«Страшны мнѣ слова такія, Довольно.

Тиха Украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ,
И пышныхъ Гетмановъ сады
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шопотъ и смятенье.
Въ одной изъ башенъ подъ окномъ,

Digitized by Google

Въ глубокомъ, тяжкомъ размышленьѣ,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.
Заутра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслитъ объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему?—желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дрема долитъ. Но, Боже правый!
Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть,
Какъ безсловесное созданье,
Царемъ быть отдану во власть
Врагу Царя на поруганье,
Утратить жизнь—и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху весть,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ,
И смерти кинуться въ объятья,
Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему!..
И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни насладился,
Что добровольно бросилъ онъ,
И для чего?—
Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ—и пробужденъ
Несчастный, думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ Креста,
Грѣховъ могучій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель
За насъ распятаго Христа,

Digitized by Google

Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной пріобщусь!
И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святаго,
Онъ гостя узнаетъ инаго—
Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
И отвращеніемъ томимъ,
Страдалецъ горько вопрошаетъ:
Ты здѣсь, жестокій человѣкъ?
Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
Еще Мазепа возмущаетъ?

Орликъ.

Допросъ не конченъ, отвѣчай.

Кочубей.

Я отвѣчалъ уже, ступай,
Оставь меня.

Орликъ.

Еще признанья
Панъ Гетманъ требуетъ.

Кочубей.

Но въ чемъ?
Давно сознался я во всемъ,
Что вы хотѣли. Показанья
Мои всѣ ложны. Я лукавъ,

Digitized by Google

Я строю козни. Гетманъ правъ.
Чего вамъ болѣе?

Орликъ.

Мы знаемъ,
Что ты несчетно былъ богатъ,
Мы знаемъ, не единый кладъ
Тобой въ Диканькѣ укрываемъ.
Свершиться казнь твоя должна;
Твое имѣніе сполна
Къ казну поступитъ войсковую—
Таковъ законъ. Я указую
Тебѣ послѣдній долгъ: открой,
Гдѣ клады, скрытые тобой?

Кочубей.

Такъ, не ошиблись вы, три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада,
И первый кладъ мой честь была—
Кладъ этотъ пытка отняла;
Другой былъ кладъ невозвратимый,
Честь дочери моей любимой:
Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ...
Мазепа этотъ кладъ укралъ!..
Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
Мой третій кладъ—святую месть,
Ее готовлюсь Богу снесть.

Орликъ.

Старикъ, оставь пустыя бредни;
Сегодня покидая свѣтъ,
Питайся мыслію суровой.
Шутить не время. Дай отвѣтъ,
Когда не хочешь пытки новой:
Гдѣ спряталъ деньги?

Digitized by Google

Кочубей.

Злой холопъ!
Окончишь ли допросъ нелѣпой,
Повремени, дай лечь мнѣ въ гробъ,
Тогда ступай себѣ съ Мазепой
Мое наслѣдіе считать,
Окровавленными перстами
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады съ домами;
Съ собой возьмите дочь мою,
Она сама вамъ все разскажетъ,
Сама всѣ клады вамъ укажетъ;
Но ради Господа молю,
Теперь оставь меня въ покоѣ.

Орликъ.

Гдѣ спряталъ деньги? укажи.
Не хочешь?—Деньги гдѣ, скажи,
Иль выйдетъ слѣдствіе плохое.
Подумай, мѣсто намъ назначь.
Молчишь?—Ну, въ пытку. Гей, палачъ!
Палачъ вошелъ.
О, ночь мученій!
Но гдѣ же Гетманъ? гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ отъ угрызеній
Змѣиной совѣсти своей?..
Мазепа, тихо пробираясь,
Въ уединенный сходитъ садъ.
Тиха Украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Но мрачны странныя мечты
Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи,
Какъ обвинительныя очи,
За нимъ насмѣшливо глядятъ.

Digitized by Google

И тополи, стѣснившись въ рядъ,
Качая тихо головою,
Какъ судьи шепчутъ межъ собою,
И лѣтней, теплой ночи тьма
Душна, какъ черная тюрьма.

Рано утромъ мать тихонько пробирается во дворецъ Мазепы, будитъ Марію, сообщаетъ ей ужасное извѣстіе о предстоящей сегодня казни отца и умоляетъ спасти его. Марія:

Что со мною?
Отецъ... Мазепа... казнь—съ мольбою
Здѣсь, въ этомъ замкѣ, мать моя—
Нѣтъ, иль ума лишилась я,
Иль это грезы...
....Боже, Боже!
Сегодня! Бѣдный мой отецъ!
И дѣва падаетъ на ложе,
Какъ хладный падаетъ мертвецъ.

Пестрѣютъ шапки. Копья блещутъ.
Бьютъ въ бубны. Скачутъ сердюки,
Въ строяхъ ровняются полки.
Толпы кипятъ; сердца трепещутъ.
Дорога, какъ змѣиный хвостъ,
Полна народу, шевелится.
Средь поля роковой помостъ,
На немъ гуляетъ, веселится
Палачъ, и алчно жертвы ждетъ:
То въ руки бѣлыя беретъ,
Играючи, топоръ тяжелой,
То шутитъ съ чернію веселой.
Въ гремучій говоръ все слилось:
Крикъ женскій, брань, и смѣхъ, и ропотъ.
Вдругъ восклицанье раздалось—
И смолкло все. Лишь конскій топотъ
Былъ слышенъ въ грозной тишинѣ.
Тамъ, окруженный сердюками,
Вельможный Гетманъ съ старшинами
Скакалъ на ворономъ конѣ.

Digitized by Google

А тамъ, по Кіевской дорогѣ,
Телѣга ѣхала. Въ тревогѣ
Всѣ взоры обратили къ ней.
Въ ней, съ міромъ, съ небомъ примиренный,
Могущей вѣрой укрѣпленный,
Сидѣлъ безвинный Кочубей,
Съ нимъ Искра тихій, равнодушный,
Какъ агнецъ, жребію послушный.
Телѣга стала. Раздалось
Моленье ликовъ громогласныхъ;
Съ кадилъ куренье поднялось.
За упокой души несчастныхъ
Безмолвно молится народъ,
Страдальцы за враговъ. И вотъ
Идутъ они, взошли. На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Какъ будто въ гробѣ—тмы людей
Молчатъ. Топоръ блеснулъ съ размаху,—
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслѣдъ за ней, мигая.
Зардѣлась кровію трава—
И, сердцемъ радуясь, во злобѣ
Палачъ за чубъ поймалъ ихъ обѣ,
И напряженною рукой
Потрясъ ихъ обѣ надъ толпой.
Свершилась казнь! Народъ безпечный
Идетъ, разсыпавшись, домой,
И про свои работы вѣчны
Уже толкуетъ межъ собой.
Пустѣетъ поле понемногу.
Тогда чрезъ пеструю дорогу
Перебѣжали двѣ жены.
Утомлены, запылены,
Онѣ, казалось, къ мѣсту казни
Спѣшили, полныя боязни.
Ужъ поздно, кто-то имъ сказалъ
И въ поле перстомъ указалъ.

Digitized by Google

Тамъ роковой помостъ ломали,
Молился въ черныхъ ризахъ попъ,
И на телѣгу поднимали
Два казака дубовый гробъ.

Мазепа возвращается домой, спрашиваетъ про Марію, никто ему не отвѣчаетъ; онъ входитъ въ ея свѣтлицу, — она пуста. Онъ въ садъ,—и тамъ нѣтъ Маріи. Посылаетъ онъ слугъ—искать ее; ее не нашли.

И слѣдъ ея существованья
Пропалъ, какъ будто звукъ пустой,
И мать одна во мракъ изгнанья
Умчала горе съ нищетой.

Пѣснь 3-я.

Мазепа продолжаетъ сноситься съ королемъ Шведскимъ. Чтобы обмануть Петра, Мазепа притворяется больнымъ.

....Уже готовъ
Онъ скоро бренный міръ оставить,
Святой обрядъ онъ хочетъ править,
Онъ архипастыря зоветъ
Къ одру сомнительной кончины;
И на коварныя сѣдины
Елей таинственный течетъ.

Но вотъ Карлъ нежданно перенесъ войну въ Украйну,—и

Встаетъ съ одра
Мазепа, сей страдалецъ хилой,
Сей трупъ живой, еще вчера
Стонавшій слабо надъ могилой.

Теперь онъ мощный врагъ Петра: носится передъ полками и мчится съ казаками къ Деснѣ.

Digitized by Google

Украйна смутно зашумѣла:
«Онъ перешелъ, онъ измѣнилъ,
Къ ногамъ онъ Карлу положилъ
Бунчукъ покорный»!..
....Кто опишетъ
Негодованье, гнѣвъ Царя?

Въ соборахъ проклинается Мазепа; избирается новый Гетманъ; семейства Искры и Кочубея возвращаются изъ Сибири.

Онъ (Петръ) съ ними слезы проливаетъ;
Онъ, ихъ лаская, осыпаетъ
И новой честью, и добромъ.

Врагъ Мазепы, старикъ Палѣй, ѣдетъ въ царскій станъ. Чичель и Запорожскій атаманъ, приверженцы Мазепы, гибнутъ на плахѣ. Оба войска, Шведское и Русское, направляются къ Полтавѣ...

....И злобясь видитъ Карлъ могучій
Ужъ не разстроенныя тучи
Несчастныхъ Нарвскихъ бѣглецовъ,
А нить полковъ блестящихъ, стройныхъ,
Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
И рядъ незыблемый штыковъ.

Предстоитъ рѣшительное сраженіе. Разговоръ Мазепы съ Орликомъ.

Мазепа.

«Нѣтъ, вижу я, нѣтъ, Орликъ мой,
Поторопились мы не кстати:
Разсчетъ и дерзкій, и плохой,
И въ немъ не будетъ благодати.
Пропала, видно, цѣль моя.
Что дѣлать, далъ я промахъ важный:
Ошибся въ этомъ Карлѣ я.
Онъ мальчикъ бойкій и отважный;
Два, три сраженья разыграть,

Digitized by Google

Конечно, можетъ онъ съ успѣхомъ,
Къ врагу на ужинъ прискакать,
Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ;
Не хуже Русскаго стрѣлка
Прокрасться въ ночь ко вражью стану;
Свалить, какъ нынче, казака;
И обмѣнять на рану рану;
Но не ему вести борьбу
Съ самодержавнымъ великаномъ.
Какъ полкъ, вертѣться онъ судьбу
Принудить хочетъ барабаномъ;
Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ,
И легкомысленъ, и кичливъ,
Богъ вѣсть какому счастью вѣритъ!
Онъ силы новыя врага
Успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ—
Сломить ему свои рога.
Стыжусь, воинственнымъ бродягой
Увлекся я на старость лѣтъ:
Былъ ослѣпленъ его отвагой
И бѣглымъ счастіемъ побѣдъ,
Какъ дѣва робкая».

Орликъ.

Сраженья
Дождемся. Время не ушло
Съ Петромъ опять войти въ сношенья.
Еще поправить можно зло.
Разбитый нами, нѣтъ сомнѣнья,
Царь не отвергнетъ примиренья.

Мазепа.

Нѣтъ, поздно. Русскому Царю
Со мной мириться невозможно.
Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба! Давно горю
Стѣсненной злобой. Подъ Азовомъ

Digitized by Google

Однажды я съ Царемъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ:
Полны виномъ кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши.
Я слово смѣлое сказалъ,
Смутились гости молодые—
Царь, вспыхнувъ, чашу уронилъ,
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отмстить себѣ я клятву далъ,
Носилъ ее—какъ мать во чревѣ
Младенца носитъ. Срокъ насталъ.
Такъ, обо мнѣ воспоминанье
Хранить онъ будетъ до конца.
Петру я посланъ въ наказанье:
Я тернъ въ листахъ его вѣнца.
Онъ далъ бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова, какъ во дни былые,
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для насъ надежды...
Кому бѣжать, рѣшитъ заря».
Умолкъ, и закрываетъ вѣжды
Измѣнникъ Русскаго Царя.

Горитъ востокъ зарею новой.
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ,
Грохочутъ пушки. Дымъ багровой
Кругами всходитъ къ небесамъ
На встрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся Шведы;
Волнуясь, конница летитъ;

Digitized by Google

Пѣхота движется за нею,
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ,
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлипенбахъ.
Тѣснимъ мы Шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ;
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь какъ Божія гроза
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ,
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки,
Ровняясь строятся полки,
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се—равнину оглашая,

Digitized by Google

Далече грянуло *ура*:
Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ жребія земнова,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

И передъ сими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился,
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился,
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На Русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними Царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины—
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,

Digitized by Google

Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, Русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ,
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ!
...Но близокъ, близокъ мигъ побѣды...
Ура! мы ломимъ; гнутся шведы.
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ—и врагъ бѣжитъ;
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.

Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его.
И Царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Но гдѣ же первый, званый гость?
Гдѣ первый, грозный нашъ учитель,
Чью долговременную злость
Смирилъ Полтавскій побѣдитель?
И гдѣ жъ Мазепа? гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ Іуда въ страхѣ?
Зачѣмъ король не межъ гостей?
Зачѣмъ измѣнникъ не на плахѣ?

Digitized by Google

Король и Гетманъ бѣгутъ, гонимые Руссими. Проѣзжая мимо одного хутора, Мазепа будто испугался и понесся во весь опоръ. Это былъ хуторъ Кочубея.

Ночью, на берегу Днѣпра бѣглецы отдыхаютъ. Карлъ, забывъ свое пораженіе, предается сну. «Но сонъ Мазепы смутенъ былъ: въ немъ мрачный духъ не зналъ покоя. И вдругъ въ безмолвіи ночномъ его зовутъ. Онъ пробудился, глядитъ»: предъ нимъ Марія «съ развитыми власами, сверкая впалыми глазами, вся въ рубищѣ, худа, блѣдна, стоитъ, луной освѣщена»... Говоритъ она:

..,«Я помню поле... праздникъ шумной...
И чернь... и мертвыя тѣла...
На праздникъ мать меня вела...
Но гдѣ жъ ты былъ?.. Съ тобою розно
Зачѣмъ въ ночи скитаюсь я?
Пойдемъ домой. Скорѣй... ужъ поздно.
Ахъ, вижу, голова моя
Полна волненія пустаго—
Я принимала за другаго
Тебя, старикъ. Оставь меня,
Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ.
Ты безобразенъ. Онъ прекрасенъ!
Въ его глазахъ блеститъ любовь,
Въ его рѣчахъ такая нѣга...
Его усы бѣлѣе снѣга,
А на твоихъ засохла кровь».
И съ дикимъ смѣхомъ завизжала,
И легче серны молодой
Она вспрыгнула, побѣжала,
И скрылась въ темнотѣ ночной.

Съ разсвѣтомъ Карлъ и Мазепа бѣгутъ далѣе.

Прошло сто лѣтъ—и чтожъ осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?
Ихъ поколѣнье миновалось—
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Усилій, бѣдствій и побѣдъ.

Digitized by Google

Въ гражданствѣ сѣверной державы,
Въ ея воинственной судьбѣ,
Лишь ты воздвигъ, герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ.
Въ странѣ, гдѣ мельницъ рядъ крылатый
Оградой мирной обступилъ
Бендеръ пустынные раскаты,
Гдѣ бродятъ буйволы рогаты
Вокругъ воинственныхъ могилъ,—
Остатки разоренной сѣни,
Три углубленныя въ землѣ
И мхомъ поросшія ступени
Гласятъ о Шведскомъ королѣ.
Съ нихъ отражалъ герой безумный,
Одинъ, въ толпѣ домашнихъ слугъ,
Турецкой рати приступъ шумный,
И бросилъ шпагу подъ бунчукъ.
И тщетно тамъ пришлецъ унылый
Искалъ бы Гетманской могилы:
Забытъ Мазепа съ давнихъ поръ;
Лишь въ торжествующей святынѣ
Разъ въ годъ анаѳемой донынѣ,
Грозя, гремитъ о немъ Соборъ.
Но сохранилася могила,
Гдѣ двухъ страдальцевъ прахъ почилъ:
Межъ древнихъ праведныхъ могилъ
Ихъ мирно Церковь пріютила.
Цвѣтетъ въ Диканькѣ древній рядъ
Дубовъ, друзьями насажденныхъ;
Они о праотцахъ казненныхъ
Донынѣ внукамъ говорятъ.
Но дочь-преступница... преданья
Объ ней молчатъ. Ея страданья,
Ея судьба, ея конецъ
Непроницаемою тьмою
Отъ насъ закрыты. Лишь порою
Слѣпой Украинскій пѣвецъ,
Когда въ селѣ передъ народомъ

Digitized by Google

Онъ пѣсни Гетмана бренчитъ,
О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
Казачкамъ юнымъ говоритъ.

Мѣдный Всадникъ.

Вступленіе.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.
И думалъ онъ:
«Отсель грозить мы будемъ Шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ—
И запируемъ на просторѣ».

Прошло сто лѣтъ—и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво:
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ

Digitized by Google

Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ,
По оживленнымъ берегамъ
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами:
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова—
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.
Люблю тебя, Петра творенье;
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампады,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса;
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ.

Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,

Digitized by Google

Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость,
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь прострѣленныхъ въ бою;
Люблю военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда Полнощная Царица
Даруетъ сына въ Царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вешни дни, ликуетъ.

Красуйся, градъ Петровъ и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны Финскія забудутъ,
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

Была ужасная пора:
Объ ней свѣжо воспоминанье...
Объ ней, друзья мои, для васъ
Начну свое повѣствованье.
Печаленъ будетъ мой разсказъ.

Digitized by Google

Часть первая.

Надъ омраченнымъ Петроградомъ
Дышалъ Ноябрь осеннимъ хладомъ;
Плеская шумною волной
Въ края своей ограды стройной,
Нева металась, какъ больной
Въ своей постели безпокойной;
Ужъ было поздно и темно;
Сердито бился дождь въ окно,
И вѣтеръ дулъ, печально воя.
Въ то время изъ гостей домой
Пришелъ Евгеній молодой...

Евгеній—бѣдный чиновникъ, живущій въ Коломнѣ. Ему не спится отъ думъ о своей бѣдной жизни, о непогодѣ и о своей невѣстѣ Парашѣ, жившей въ Гавани.

Сонны очи
Онъ наконецъ закрылъ. И вотъ
Рѣдѣетъ мгла ненастной ночи,
И блѣдный день ужъ настаетъ...
Ужасный день!
Нева всю ночь
Рвалася къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури...
И спорить стало ей не въ мочь...
Поутру надъ ея брегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтра отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова;
Погода пуще свирѣпѣла;
Нева вздувалась и ревѣла,

Digitized by Google

Котломъ клокоча и клубясь—
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло... Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы;
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы—
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ,
По поясъ въ воду погруженъ.
Осада! приступъ! злыя волны,
Какъ воры, лѣзутъ въ окна; челны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой;
Садки подъ мокрой пеленой,
Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки блѣдной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гробы съ размытаго кладбища
Плывутъ по улицамъ!
Народъ
Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ: кровъ и пища.
Гдѣ будетъ взять?
Въ тотъ грозный годъ
Покойный Царь еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ
Печаленъ, смутенъ вышелъ Онъ
И молвилъ: «Съ Божіей стихіей
Царямъ не совладѣть». Онъ сѣлъ,
И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ.
Стояли стогны озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы. Дворецъ
Казался островомъ печальнымъ.
Царь молвилъ—изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнимъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ

Digitized by Google

Его пустились генералы
Спасать и страхомъ обуялый,
И дома тонущій народъ

Евгеній на Петровской площади; недвижимъ сидитъ онъ верхомъ на одномъ изъ мраморныхъ львовъ, у крыльца бывшаго Лобанова дома; и съ глубокой тревогой смотритъ въ даль, къ взморью, гдѣ грозно бушевали волны; его мысль занята судьбою Параши; и, кака будто околдованный, онъ не можетъ сойти съ мрамора, чтобы помочь ей.

Вкругъ него
Вода—и больше ничего.
И обращенъ къ нему спиною
Въ неколебимой вышинѣ,
Надъ возмущенною Невою,
Сидитъ съ простертою рукою
Гигантъ на бронзовомъ конѣ.

Часть вторая.

Но вотъ насытясь разрушеньемъ
И наглымъ буйствомъ утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своимъ любуясь возмущеньемъ
И покидая съ небреженьемъ
Свою добычу. Такъ злодѣй,
Съ свирѣпой шайкою своей
Въ село ворвавшись, ловитъ, рѣжетъ,
Крушитъ и грабитъ; вопли, скрежетъ,
Насилье, брань, тревога, вой!..
И грабежемъ отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Спѣшатъ разбойники домой,
Добычу на пути роняя.
Вода сбыла, и мостовая
Открылась. И Евгеній мой
Спѣшитъ, душею замирая,

Digitized by Google

Въ надеждѣ, страхѣ и тоскѣ
Къ едва смирившейся рѣкѣ.
Но, торжествомъ побѣды полны,
Еще кипѣли злобно волны,
Какъ бы подъ ними тлѣлъ огонь;
Еще ихъ пѣна покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Какъ съ битвы прибѣжавшій конь.

Евгеній, переѣхавъ рѣку, бѣжитъ въ Гавань. Бѣжитъ туда, гдѣ ждетъ его

Судьба съ невѣдомымъ извѣстьемъ,
Какъ съ запечатаннымъ письмомъ.
И вотъ бѣжитъ ужъ онъ предмѣстьемъ,
И вотъ заливъ, и близокъ домъ...
Чтожъ это?
Онъ остановился,
Пошелъ назадъ—и воротился.
Глядитъ... идетъ... еще глядитъ:
Вотъ мѣсто, гдѣ ихъ домъ стоитъ;
Вотъ ива. Были здѣсь ворота,
Снесло ихъ, видно. Гдѣ же домъ?
И, полонъ сумрачной заботы,
Все ходитъ, ходитъ онъ кругомъ,
Толкуетъ громко самъ съ собою—
И вдругъ, ударя въ лобъ рукою,
Захохоталъ.

Лишившись своей Параши, бѣдный Евгеній потерялъ разсудокъ. Разъ помѣшанный Евгеній спалъ у Невской пристани.

Дни лѣта
Клонились къ осени. Дышалъ
Ненастный вѣтеръ. Мрачный валъ
Плескалъ на пристань, ропща пѣни
И бьясь о гладкія ступени,
Какъ челобитчикъ у дверей
Ему не внемлющихъ судей.

Digitized by Google

Проснувшись, Евгеній пошелъ бродить и очутился у того дома, у котораго сидѣлъ во время наводненія, а прямо въ темной вышинѣ,

Надъ огражденною скалою,
Гигантъ съ простертою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ.

Евгеній обратился съ злобнымъ укоромъ къ этому гиганту, чьей волей роковой подъ моремъ городъ основался, слѣд. какъ бы къ виновнику его несчастія; но вдругъ пустился бѣжать. Ему показалось, что всадникъ грозно взглянулъ на него, и, куда онъ ни бѣжалъ, всадникъ всюду за нимъ гнался. Послѣ этого Евгеній, проходя мимо памятника Петра В., поспѣшно прижималъ къ сердцу своему руку, снималъ картузъ и не смѣлъ поднять своихъ смущенныхъ глазъ.

Успокоился несчастный только на порогѣ ветхаго домишка, гдѣ когда-то жила его Параша,

И тутъ же хладный трупъ его
Похоронили, ради Бога.

Капитанская дочка

1-я глава.

Воспитаніе Гринева, героя повѣсти, подъ руководствомъ Савельича, за трезвое поведеніе возведеннаго въ дядьки. Когда Гриневу минуло одиннадцать лѣтъ, Савельича смѣнилъ французъ, мосье Бопре, который въ отечествѣ своемъ былъ парикмахеромъ, потомъ въ Пруссіи солдатомъ, потомъ пріѣхалъ въ Россію pour être outchitel, не очень понимая значеніе этого слова. По контракту, онъ обязанъ былъ учить Гринева по-французски, по-нѣмецки и всѣмъ наукамъ. У Савельича Гриневъ выучился Русской грамотѣ, а у Бопре—ничему. За пьянство и другіе пороки Бопре выгнали. Гриневъ жилъ недорослемъ, гоняя голубей и играя въ чехарду съ дворовыми мальчишками до шестнадцати

Digitized by Google

лѣтъ, а тамъ отецъ началъ поговаривать объ опредѣленіи его на службу. Записанный въ Семеновскій полкъ сержантомъ, Гриневъ отправляется въ армію. «Пускай послужитъ въ арміи», разсуждалъ отецъ, «да понюхаетъ пороху, да будетъ солдатъ, а не шаматонъ въ гвардіи». Такая перемѣна въ отцѣ произошла отъ непріятныхъ для него новостей, почерпнутыхъ изъ «Придворнаго календаря» о товарищахъ, шибко двинувшихся на службѣ, тогда какъ онъ самъ былъ въ отставкѣ съ чиномъ только премьеръ-маіора.

Прощаясь съ сыномъ, отецъ далъ ему слѣдующее наставленіе: «служи вѣрно, кому присягнешь; слушайся начальниковъ; за ихъ лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; отъ службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье съ нову, а честь съ молоду. Савельичу приказано было смотрѣть за дитятей.

Въ Симбирскѣ Гриневъ встрѣчается съ ротмистромъ гусарскаго полка, Зуринымъ, который научилъ его играть на билліардѣ и напоилъ до-пьяна. Въ такомъ видѣ Гриневъ проигралъ Зурину сто рублей, что изумило Савельича, и онъ сначала не хотѣлъ выдать такой крупной суммы. Гриневу нужно было напомнить Савельичу о себѣ, какъ о баринѣ,—приказать: тогда только деньги были выданы Зурину.

Изъ главы 2-й (1-й отрывокъ).

Вожатый.

Я приближался къ мѣсту моего назначенія. Вокругъ меня простирались печальныя пустыни, пересѣченныя холмами и оврагами. Все покрыто было снѣгомъ. Солнце садилось. Кибитка ѣхала по узкой дорогѣ, или, точнѣе, по слѣду, проложенному крестьянскими санями. Вдругъ ямщикъ сталъ посматривать въ сторону, и, наконецъ снявъ шапку, оборотился ко мнѣ и сказалъ:

— Баринъ, не прикажешь ли воротиться?

— Это зачѣмъ?

— Время ненадежно: вѣтеръ слегка подымается; вишь какъ онъ сметаетъ порошу.

Digitized by Google

— Что за бѣда!

— А видишь тамъ что?

(Ямщикъ указалъ кнутомъ на востокъ).

— Я ничего не вижу, кромѣ бѣлой степи да яснаго неба.

— А вотъ... вонъ: это облачко.

Я увидѣлъ, въ самомъ дѣлѣ, на краю неба бѣлое облачко, которое принялъ было сперва за отдаленный холмикъ. Ямщикъ изъяснилъ мнѣ, что облачко предвѣщало буранъ. Я слыхалъ о тамошнихъ мятеляхъ и зналъ, что цѣлые обозы бывали ими занесены. Савельичъ, согласно съ мнѣніемъ ямщика, совѣтовалъ воротиться. Но вѣтеръ показался мнѣ не силенъ: я понадѣялся добраться заблаговременно до слѣдующей станціи и велѣлъ ѣхать скорѣе. Ямщикъ поскакалъ, но все поглядывалъ на востокъ. Лошади бѣжали дружно. Вѣтеръ между тѣмъ часъ отъ часу становился сильнѣе. Облако обратилось въ бѣлую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегала небо. Пошелъ мелкій снѣгъ и вдругъ повалилъ хлопьями. Вѣтеръ завылъ; сдѣлалась мятель. Въ одно мгновеніе темное небо смѣшалось съ снѣжнымъ моремъ. Все исчезло.

— Ну, баринъ, закричалъ ямщикъ: бѣда: буранъ!...

Я выглянулъ изъ кибитки: все было мракъ и вихорь. Вѣтеръ выдъ съ такой свирѣпой выразительностью, что казался одушевленнымъ; снѣгъ засыпалъ меня и Савельича; лошади шли шагомъ и скоро стали.

— Что же ты не ѣдешь? спросилъ я ямщика съ нетерпѣніемъ.

— Да что ѣхать? отвѣчалъ онъ, слѣзая съ облучка: невѣсть и такъ, куда заѣхали: дороги нѣтъ, и мгла кругомъ.

Я сталъ было его бранить. Савельичъ за него заступился: «И охота было не слушаться», говорилъ онъ сердито: «воротился бы на постоялый дворъ, накушался бы чаю, почивалъ бы себѣ до утра, буря бъ утихла, отправились бы далѣе. И куда спѣшимъ? Добро бы на свадьбу!» Савельичъ былъ правъ. Дѣлать было нечего. Снѣгъ такъ и валилъ. Около кибитки подымался сугробъ. Лошади стояли, понуря голову и изрѣдка вздрагивая. Ямщикъ ходилъ кругомъ, отъ нечего дѣлать улаживая упряжь. Савельичъ ворчалъ; я глядѣлъ во всѣ стороны, надѣясь увидѣть хоть признакъ жилья или дороги, но ничего не могъ

Digitized by Google

различить, кромѣ мутнаго круженія мятели... Вдругъ увидѣлъ я что-то черное.

— Эй, ямщикъ!—закричалъ я:—смотри, что тамъ такое чернѣется?

Ямщикъ сталъ всматриваться.

— А Богъ знаетъ, баринъ,—сказалъ онъ, садясь на свое мѣсто: возъ не возъ, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волкъ, или человѣкъ.

Я приказалъ ѣхать на незнакомый предметъ, который тотчасъ и сталъ подвигаться намъ на встрѣчу. Черезъ двѣ минуты мы поровнялись съ человѣкомъ.

— «Гей, добрый человѣкъ!»—закричалъ ему ямщикъ:—«скажи, не знаешь ли гдѣ дорога?»

— «Дорога-то здѣсь; я стою на твердой полосѣ»,—отвѣчалъ дорожный:—«да что толку?»

— «Послушай, мужичокъ»,—сказалъ я ему: «знаешь ли ты эту сторону? Возьмешься ли ты довезти меня до ночлега?»

— «Сторона мнѣ знакома»,—отвѣчалъ дорожный: «слава Богу, исхожена и изъѣзжена вдоль и поперекъ. Да вишь какая погода: какъ разъ собьешься съ дороги. Лучше здѣсь остановиться, да переждать, авось буранъ утихнетъ, да небо прояснится: тогда найдемъ дорогу по звѣздамъ».

Его хладнокровіе ободрило меня. Я ужъ рѣшился, предавъ себя волѣ Божіей, ночевать посреди степи, какъ вдругъ дорожный сѣлъ проворно на облучекъ и сказалъ ямщику:

— «Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай вправо, да поѣзжай».

— «А почему ѣхать мнѣ вправо?»—спросилъ ямщикъ съ неудовольствіемъ. «Гдѣ ты видишь дорогу? Небось: лошади чужія, хомутъ не свой, погоняй не стой.»

Ямщикъ казался мнѣ правъ.

— «Въ самомъ дѣлѣ»,—сказалъ я: «почему думаешь ты, что жило недалече?»

— «А потому, что вѣтеръ оттолѣ потянулъ»,—отвѣчалъ дорожный: «и я слышу: дымомъ пахнуло; знать, деревня близко.»

Смѣтливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велѣлъ ямщику ѣхать. Лошади тяжело ступали по глубокому снѣгу. Кибитка тихо подвигалась, то взъѣзжая на сугробъ, то обрушаясь

Digitized by Google

въ оврагъ и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плаваніе судна по бурному морю. Савельичъ охалъ, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустилъ цыновку, закутался въ шубу и задремалъ, убаюканный пѣніемъ бури и качкою тихой ѣзды...

.....Отъ страшнаго сна я проснулся; лошади стояли; Савельичъ держалъ меня за руку, говоря:

— Выходи, сударь, пріѣхали.

— Куда пріѣхали?—спросилъ я, протирая глаза.

— На постоялый дворъ. Господь помогъ, наткнулись прямо на заборъ. Выходи, сударь, скорѣе, да обогрѣйся.

Я вышелъ изъ кибитки. Буранъ еще продолжался, хотя съ меньшею силою. Было такъ темно, что хоть глазъ выколи. Хозяинъ встрѣтилъ насъ у воротъ, держа фонарь подъ полою, и ввелъ меня въ горницу, тѣсную, но довольно чистую; лучина освѣщала ее. На стѣнѣ висѣла винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяинъ, родомъ Яицкій казакъ, казался, мужикъ лѣтъ шестидесяти, еще свѣжій и бодрый. Савельичъ внесъ за мною погребецъ, потребовалъ огня, чтобъ готовить чай, который никогда такъ не казался мнѣ нуженъ. Хозяинъ пошелъ хлопотать.

— Гдѣ же вожатый?—спросилъ я у Савельича.

— Здѣсь, ваше благородіе,—отвѣчалъ мнѣ голосъ сверху.

Я взглянулъ на палати и увидѣлъ черную бороду и два сверкающіе глаза.

— Что, братъ, прозябъ?

— Какъ не прозябнуть въ одномъ худенькомъ армякѣ! Былъ тулупъ, да что грѣха таить—заложилъ вечоръ у цѣловальника: морозъ показался невеликъ.

Въ эту минуту хозяинъ вошелъ съ кипящимъ самоваромъ; я предложилъ вожатому нашему чашку чаю; мужикъ слѣзъ съ палатей. Наружность его показалась мнѣ замѣчательна. Онъ былъ лѣтъ сорока, росту средняго, худощавъ и широкоплечъ. Въ черной бородѣ его показывалась просѣдь; живые большіе глаза такъ и бѣгали. Лицо его имѣло выраженіе довольно пріятное, но плутовское. Волосы были обстрижены въ кружокъ; на немъ былъ оборванный армякъ и татарскіе шаровары. Я поднесъ ему чашку чаю; онъ отвѣдалъ и поморщился. «Ваше благо-

Digitized by Google

родіе, сдѣлайте мнѣ такую милость... прикажите поднести стаканъ вина; чай не наше казацкое питье». Я съ охотой исполнилъ его желаніе. Хозяинъ вынулъ изъ ставца штофъ и стаканъ, подошелъ къ нему и, взглянувъ ему въ лицо: «Эхе»,— сказалъ онъ: «опять ты въ нашемъ краю! Отколѣ Богъ принесъ?» Вожатый мой мигнулъ значительно и отвѣчалъ поговоркою: «Въ огородѣ леталъ, конопли клевалъ; швырнула бабушка камушкомъ, да мимо. Ну, а что наши?»

— Да что наши!—отвѣчалъ хозяинъ, продолжая иносказательный разговоръ: стали было къ вечернѣ звонить, да попадья не велитъ: попъ въ гостяхъ, черти на погостѣ.

— Молчи, дядя, возразилъ мой бродяга:—будетъ дождикъ, будутъ и грибки; а будутъ грибки, будетъ и кузовъ; а теперь (тутъ онъ мигнулъ опять) заткни топоръ за спину: лѣсничій ходитъ. Ваше благородіе? за ваше здоровье!

При сихъ словахъ онъ взялъ стаканъ, перекрестился и выпилъ однимъ духомъ, потомъ поклонился мнѣ, и воротился на палати.

Я ничего не могъ тогда понять изъ этого воровскаго разговора, но послѣ уже догадался, что дѣло шло о дѣлахъ Яицкаго войска, въ то время только что усмиреннаго послѣ бунта 1772 года. Савельичъ слушалъ съ видомъ большаго неудовольствія. Онъ посматривалъ съ подозрѣніемъ то на хозяина, то на вожатаго. Постоялый дворъ, или, по тамошнему, *уметъ*, находился въ сторонѣ, въ степи, далече отъ всякаго селенія, и очень походилъ на разбойническую пристань. Но дѣлать было нечего. Нельзя было подумать о продолженіи пути. Безпокойство Савельича очень меня забавляло. Между тѣмъ я расположился ночевать и легъ на лавку. Савельичъ рѣшился убраться на печь, хозяинъ легъ на полу. Скоро вся изба захрапѣла, и я уснулъ, какъ убитый.

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидѣлъ, что буря утихла. Солнце сіяло. Снѣгъ лежалъ ослѣпительной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился съ хозяиномъ, который взялъ съ насъ такую умѣренную плату, что даже Савельичъ съ нимъ не заспорилъ и не сталъ торговаться по своему обыкновенію, и вчерашнія подозрѣнія изгладились совершенно изъ головы его. Я позвалъ вожатаго, благодарилъ

Digitized by Google

за оказанную помощь и велѣлъ Савельичу дать ему полтину на водку. Савельичъ нахмурился. «Полтину на водку!» сказалъ онъ: «за что это? За то, что ты же изволилъ подвезти его къ постоялому двору? Воля твоя сударь: нѣтъ у насъ лишнихъ полтинъ. Всякому давать на водку, такъ самому скоро прійдется голодать.» Я не могъ спорить съ Савельичемъ. Деньги, по моему обѣщанію, находились въ полномъ его распоряженіи. Мнѣ было досадно, однако жъ, что не могъ отблагодарить человѣка, выручившаго меня если не изъ бѣды, то, по крайней мѣрѣ, изъ очень непріятнаго положенія.

— Хорошо,—сказалъ я хладнокровно:—если не хочешь дать полтину, то вынь ему что нибудь изъ моего платья: онъ одѣтъ слишкомъ легко. Дай ему мой заячій тулупъ.

— Помилуй, батюшка, Петръ Андреевичъ! сказалъ Савельичъ:—Зачѣмъ ему твой заячій тулупъ? Онъ его пропьетъ, собака, въ первомъ кабакѣ.

— Это, старинушка, ужъ не твоя печаль,—сказалъ мой бродяга:—пропью ли я, или нѣтъ. Его благородіе жалуетъ мнѣ шубу съ своего плеча: его на то барская воля, а твое холопье дѣло не спорить, а слушаться.

— Бога ты не боишься разбойникъ! отвѣчалъ ему Савельичъ сердитымъ голосомъ. Ты видишь, что дитя еще не смыслитъ, а ты и радъ его обобрать, простоты его ради. Зачѣмъ тебѣ барскій тулупчикъ? Ты и не напялишь его на свои окаянныя плечища.

— Прошу не умничать,—сказалъ я своему дядькѣ:—сейчасъ неси сюда тулупъ.

— Господи, Владыко!—простоналъ мой Савельичъ. Заячій тулупъ почти новешенькій! И добро бы кому, а то пьяницѣ оголѣлому!

Однако заячій тулупъ явился. Мужичекъ тутъ же сталъ его примѣривать. Въ самомъ дѣлѣ, тулупъ, изъ котораго успѣлъ и я вырости, былъ немножко для него узокъ. Однако онъ кое-какъ умудрился и надѣлъ его, распоровъ по швамъ. Савельичъ чуть не завылъ, услышавъ, какъ нитки затрещали. Бродяга былъ чрезвычайно доволенъ моимъ подаркомъ. Онъ проводилъ меня до кибитки и сказалъ съ низкимъ поклономъ: «Спасибо, ваше благородіе! Награди васъ Господь за вашу добродѣтель. Вѣкъ

Digitized by Google

не забуду вашихъ милостей.» Онъ пошелъ въ свою сторону, а я отправился далѣе, не обращая вниманія на Савельича, и скоро позабылъ о вчерашней вьюгѣ, о своемъ вожатомъ и о заячьемъ тулупѣ.

Пріѣхавъ въ Оренбургъ, я прямо явился къ генералу. Я увидѣлъ мужчину роста высокаго, но уже сгорбленнаго старостью. Длинные волосы его были совсѣмъ бѣлы. Старый полинялый мундиръ напоминалъ воина временъ Анны Іоанновны, а въ его рѣчи сильно отзывался нѣмецкій выговоръ. Я подалъ ему письмо отъ батюшки. При имени его, онъ взглянулъ на меня быстро: «Поже мой!» сказалъ онъ. «Тафно ли, кажется, Андрей Петровичъ былъ еще твоихъ лѣтъ, а теперь вотъ ужъ какой у него молотецъ! Ахъ, фремя, фремя!» Онъ распечаталъ письмо и сталъ читать его въ полголоса, дѣлая свои замѣчанія: «Милостивый государь Иванъ Карловичъ, надѣюсь, что ваше превосходительство»... Это что за серемоніи? Фуй, какъ ему не софѣсно! Конечно, дисциплина первое дѣло, но такъ ли пишутъ къ старому камратъ?.. «ваше превосходительство не забыло»... гм... «и... когда... покойнымъ фельдмаршаломъ Мин... походѣ... также и... Эхе, брудеръ! такъ онъ еще помнитъ стары наши проказъ? «Теперь о дѣлѣ.. Къ вамъ моего повѣсу»... гм... «держать въ ежевыхъ рукавицахъ»... Что такое ешевы рукавицъ? Это должно быть русска поговоркъ... Что такое держать въ ешевыхъ рукавицахъ? повторилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Это значитъ, отвѣчалъ я ему съ видомъ какъ можно болѣе невиннымъ: обходиться ласково, не слишкомъ строго, побольше воли, держать въ ежовыхъ рукавицахъ.

«Гм, понимаю... и не давать ему волп»... нѣтъ, видно, ешевы рукавицы значитъ не то... «При семъ... его паспортъ». Гдѣ же онъ? А, вотъ... «Отписать въ Семеновскій»... Хорошо, хорошо: все будетъ сдѣлано... «Позволишь безъ чиновъ обнять себя и... старымъ товарищемъ и другомъ»,—а! наконецъ догадался... и прочая и прочая... «Ну, батюшка,» сказалъ онъ, прочитавъ письмо и отложивъ въ сторону мой паспортъ: «все будетъ сдѣлано: ты будешь офицеромъ переведенъ въ *** полкъ, и чтобъ тебѣ времени не терять, то завтра же поѣзжай въ Бѣлогорскую крѣпость, гдѣ ты будешь въ командѣ капитана Миронова, добраго и честнаго человѣка. Тамъ ты будешь на службѣ

Digitized by Google

настоящей, научишься дисциплинѣ. Въ Оренбургѣ дѣлать тебѣ нечего; разсѣяніе вредно молодому человѣку. А сегодня милости просимъ отобѣдать у меня.»

Часъ отъ часу не легче! подумалъ я про себя: къ чему послужило то, что почти въ утробѣ матери я былъ уже гвардіи сержантомъ! Куда это меня завело? Въ *** полкъ и въ глухую крѣпость на границу Киргизъ-Кайсацкихъ степей!... Я отобѣдалъ у Андрея Карловича, втроемъ съ его старымъ адъютантомъ. Строгая нѣмецкая экономія царствовала за его столомъ, и я думаю, что страхъ видѣть иногда лишняго гостя за своею холостою трапезою былъ отчасти причиною поспѣшнаго удаленія моего въ гарнизонъ. На другой день я простился съ генераломъ и отправился къ мѣсту моего назначенія,

Глава 3.

Крѣпость.

Бѣлогорская крѣпость находилась въ сорока верстахъ отъ Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Рѣка еще не замерзла, и ея свинцовыя волны грустно чернѣли въ однообразныхъ берегахъ, покрытыхъ бѣлымъ снѣгомъ. За ними простирались Киргизскія степи. Я погрузился въ размышленія, большею частію печальныя. Гарнизонная жизнь мало имѣла для меня привлекательности. Я старался вообразить себѣ Капитана Миронова, моего будущаго начальника, и представлялъ его строгимъ, сердитымъ старикомъ, не знающимъ ничего, кромѣ своей службы, и готовымъ, за всякую бездѣлицу, сажать меня подъ арестъ на хлѣбъ и на воду. Между тѣмъ начало смеркаться. Мы ѣхали довольно скоро. «Далече ли до крѣпости?» спросилъ я у своего ямщика. — «Не далече», отвѣчалъ онъ. «Вонъ ужъ видна». Я глядѣлъ во всѣ стороны, ожидая увидѣть грозные бастіоны, башни и валъ, но ничего не видалъ, кромѣ деревушки, окруженной бревенчатымъ заборомъ. Съ одной стороны стояли три или четыре скирда сѣна, полузанесенные снѣгомъ; съ другой скривившаяся мельница, съ лубочными крыльями, лѣниво опущенными. «Гдѣ же крѣпость?» спросилъ я съ удивленіемъ.—«Да вотъ она», отвѣчалъ ямщикъ, указывая на деревушку, и съ этимъ словомъ

Digitized by Google

мы въ нее въѣхали. У воротъ увидѣлъ я старую чугунную пушку; улицы были тѣсны и кривы, избы низки и большею частію покрыты соломою. Я велѣлъ ѣхать къ коменданту, и черезъ минуту кибитка остановилась передъ деревяннымъ домикомъ, выстроеннымъ на высокомъ мѣстѣ, близъ деревянной же церкви.

Никто не встрѣтилъ меня. Я вошелъ въ сѣни и отворилъ дверь въ переднюю. Старый инвалидъ, сидя на столѣ, нашивалъ синюю заплату на локоть зеленаго мундира. Я велѣлъ ему доложить обо мнѣ. «Войди, батюшка», отвѣчалъ инвалидъ: «наши дома». Я вошелъ въ чистенькую комнатку, убранную по старинному. Въ углу стоялъ шкафъ съ посудой; на стѣнѣ висѣлъ дипломъ офицерскій за стекломъ и въ рамкѣ; около него красовались лубочныя картинки, представляющія взятіе Кистрина и Очакова, также выборъ невѣсты и погребеніе кота. У окна сидѣла старушка въ тѣлогрѣйкѣ и съ платкомъ на головѣ. Она разматывала нитки, которыя держалъ, распяливъ на рукахъ, кривой старичекъ въ офицерскомъ мундирѣ. «Что вамъ угодно, батюшка?» спросила она, продолжая свое занятіе. Я отвѣчалъ, что пріѣхалъ на службу и явился по долгу своему къ господину капитану, и съ этимъ словомъ обратился было къ кривому старичку, принимая его за коменданта; но хозяйка перебила затверженную мою рѣчь. «Ивана Кузмича дома нѣтъ», сказала она: «онъ пошелъ въ гости къ отцу Герасиму; да все равно, батюшка, я его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись, батюшка». Она кликнула дѣвку и велѣла ей позвать урядника. Старичекъ своимъ одинокимъ глазомъ поглядывалъ на меня съ любопытствомъ. «Смѣю спросить», сказалъ онъ: «вы въ какомъ полку изволили служить?» Я удовлетворилъ его любопытству. «А смѣю спросить», продолжалъ онъ: «зачѣмъ изволили вы перейти изъ гвардіи въ гарнизонъ?» Я отвѣчалъ, что такова была воля начальства. «Чаятельно, за неприличные гвардіи офицеру поступки?» продолжалъ неутомимый вопрошатель. — «Полно врать пустяки», сказала ему капитанша: «ты видишь, человѣкъ съ дороги усталъ; ему не до тебя... держи-ка руки прямѣе... А ты, мой батюшка», продолжала она, обращаясь ко мнѣ: «не печалься, что тебя упекли въ наше захолустье. Не ты первый, не ты послѣдній. Стерпится, слюбится. Швабринъ, Алексѣй Иванычъ, вотъ уже пятый годъ къ намъ переведенъ за смертоубійство.

Digitized by Google

Богъ знаетъ, какой грѣхъ его попуталъ; онъ, изволите видѣть, поѣхалъ за городъ съ однимъ поручикомъ, да взяли съ собой шпаги, да и ну другъ въ друга пырять, а Алексѣй Иванычъ и закололъ поручика, да еще при двухъ свидѣтеляхъ! Что прикажешь дѣлать? На грѣхъ мастера нѣтъ».

Въ эту минуту вошелъ урядникъ, молодой и статный казакъ.

— «Максимычъ!» сказала ему капитанша:—«Отведи г. офицеру квартиру, да почище».

— Слушаю, Василиса Егоровна, отвѣчалъ урядникъ. Не помѣстить ли его благородіе къ Ивану Полежаеву?

— «Врешь, Максимычъ», сказала капитанша:—«у Полежаева и такъ тѣсно, онъ же мнѣ кумъ и помнитъ, что мы его начальники. Отведи г. офицера... какъ ваше имя и отчество, мой батюшка?»

— Петръ Андреичъ.

— «Отведи Петра Андреевича къ Семену Кузову. Онъ, мошенникъ, лошадь свою пустилъ ко мнѣ въ огородъ. Ну, что, Максимычъ, все ли благополучно?»

— «Все, слава Богу, тихо отвѣчалъ казакъ: только капралъ Прохоровъ подрался съ Устиньей Пегулиной».

— «Иванъ Игнатьичъ!» сказала капитанша кривому старичку. «Разбери Прохора съ Устиньей, кто правъ, кто виноватъ. Да обоихъ и накажи. Ну, Максимычъ, ступай себѣ съ Богомъ. Петръ Андреичъ, Максимычъ отведетъ васъ на вашу квартиру».

Я откланялся. Урядникъ привелъ меня въ избу, стоявшую на высокомъ берегу рѣки, на самомъ краю крѣпости. Половина избы занята была семьею Семена Кузова, другую отвели мнѣ. Она состояла изъ одной горницы довольно опрятной, раздѣленной на-двое перегородкой. Савельичъ сталъ въ ней распоряжаться; я сталъ глядѣть въ узенькое окошко. Передо мной простиралась печальная степь. Наискось стояло нѣсколько избушекъ, по улицѣ бродило нѣсколько курицъ. Старуха, стоя на крыльцѣ съ корытомъ, кликала свиней, которыя отвѣчали ей дружелюбнымъ хрюканьемъ. И вотъ въ такой сторонѣ осужденъ я былъ проводить мою молодость! Тоска взяла меня; я отошелъ отъ окошка и легъ спать безъ ужина, не смотря на увѣщанія Савельича, который повторилъ съ сокрушеніемъ: «Господи Вла-

Digitized by Google

дыко! ничего кушать не изволитъ! Что скажетъ барыня, коли дитя занеможетъ?»

На другой день по утру я только что сталъ одѣваться, какъ дверь отворилась, и ко мнѣ вошелъ молодой офицеръ невысокаго роста, съ лицемъ смуглымъ и отмѣнно некрасивымъ, но чрезвычайно живымъ. «Извините меня», сказалъ онъ мнѣ по-французски: «что я безъ церемоніи прихожу съ вами познакомиться. Вчера я узналъ о вашемъ пріѣздѣ: желаніе увидѣть наконецъ человѣческое лицо такъ овладѣло мною, что я не вытерпѣлъ. Вы это поймете, когда проживете здѣсь нѣсколько времени». Я догадался, что это былъ офицеръ выписанный изъ гвардіи за поединокъ. Мы тотчасъ познакомились. Швабринъ былъ очень не глупъ. Разговоръ его былъ остеръ, занимателенъ. Онъ съ большою веселостью описалъ мнѣ семейство коменданта, его общество и край, куда завела меня судьба. Я смѣялся отъ чистаго сердца, какъ вошелъ ко мнѣ инвалидъ, который чинилъ мундиръ въ передней коменданта, и отъ имени Василисы Егоровны позвалъ меня къ нимъ обѣдать. Швабринъ вызвался идти со мною вмѣстѣ.

Подходя къ комендантскому дому, мы увидѣли на площадкѣ человѣкъ двадцать старенькихъ инвалидовъ съ длинными косами и въ треугольныхъ шляпахъ. Они выстроены были во фрунтъ. Впереди стоялъ комендантъ, старикъ бодрый и высокаго роста, въ колпакѣ и въ китайчатомъ халатѣ. Увидя насъ, онъ къ намъ подошелъ, сказалъ мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ и сталъ опять командовать. Мы остановились было смотрѣть на ученье, но онъ просилъ насъ идти къ Василисѣ Егоровнѣ, обѣщаясь быть вслѣдъ за нами. «А здѣсь» прибавилъ онъ: «нечего вамъ смотрѣть».

Василиса Егоровна приняла насъ за-просто и радушно, и обошлась со мною, какъ бы вѣкъ была знакома. Инвалидъ и Палашка накрывали на столъ. «Что мой Иванъ Кузмичъ сегодня такъ заучился!» сказала комендантша. «Палашка, позови барина обѣдать. Да гдѣ же Маша?» Тутъ вошла дѣвушка лѣтъ осьмнадцати, круглолицая, румяная, съ свѣтлорусыми волосами, гладко зачесанными за уши, которыя у ней такъ и горѣли. Съ перваго взгляда она мнѣ не очень понравилась. Я смотрѣлъ на нее съ предубѣжденіемъ: Швабринъ описалъ мнѣ Машу, капитанскую дочь, совершенною дурочкою. Марья Ивановна сѣла въ уголъ и

Digitized by Google

стала шить. Между тѣмъ подали щи. Василиса Егоровна, не видя мужа, вторично послала за нимъ Палашку. «Скажи барину: гости-де ждутъ, щи простынутъ; слава Богу ученье не уйдетъ; успѣетъ накричаться». Капитанъ вскорѣ явился, сопровождаемый кривымъ старичкомъ.

— «Что это, мой батюшка?» сказала ему жена:—«кушанье давнымъ-давно подано, а тебя не дозовешься».

— А—слышь ты, Василиса Егоровна, отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ:—я былъ занятъ службой: солдатушекъ училъ.

— «И полно!» возразила капитанша.—«Только слава, что солдатъ учишь: ни имъ служба не дается, ни ты въ ней толку не вѣдаешь. Сидѣлъ бы дома да Богу молился, такъ было бы лучше. Дорогіе гости, милости просимъ за столъ».

Мы сѣли обѣдать. Василиса Егоровна не умолкала ни на минуту и осыпала меня вопросами: кто мои родители, живы ли они, гдѣ живутъ и какое ихъ состояніе? Услыша, что у батюшки триста душъ крестьянъ, «легко ли!» сказала она: «вѣдь есть же на свѣтѣ богатые люди! А у насъ, мой батюшка, всего-то душъ одна дѣвка Палашка; да слава Богу живемъ помаленьку. Одна бѣда: Маша на выданьи; а какое у ней приданое? частый гребень, да вѣникъ, да алтынъ денегъ (прости Богъ!) съ чѣмъ въ баню сходить. Хорошо, коли найдется добрый человѣкъ; а то сиди въ дѣвкахъ вѣковѣчной невѣстой». Я взглянулъ на Марью Ивановну: она вся покраснѣла и даже слезы капнули на ея тарелку. Мнѣ стало жаль ее, и я спѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Я слышалъ, сказалъ я довольно не кстати:—что на вашу крѣпость собираются напасть Башкирцы.

— Отъ кого, батюшка, ты изволилъ это слышать? спросилъ Иванъ Кузмичъ.

— Мнѣ такъ сказывали въ Оренбургѣ,—отвѣчалъ я.

— Пустяки! сказалъ комендантъ. У насъ давно ничего не слыхать. Башкирцы—народъ напуганный, да и Киргизцы проучены. Небось, на насъ не сунутся; а насунутся, такъ я такую задамъ острастку, что лѣтъ на десять угомоню.

— И вамъ не страшно,—продолжалъ я, обращаясь къ капитаншѣ: — оставаться въ крѣпости, подверженной такимъ опасностямъ?

— «Привычка, мой батюшка»,—отвѣчала она. «Тому лѣтъ

Digitized by Google

двадцать, какъ насъ изъ полка перевели сюда и не приведи Господи, какъ я боялась проклятыхъ этихъ нехристей! Какъ завижу, бывало, рысьи шапки, да какъ заслышу ихъ визгъ, вѣришь ли, отецъ мой, сердце такъ и замретъ! А теперь такъ привыкла, что я съ мѣста не тронусь, какъ придутъ намъ сказать, что злодѣи около крѣпости рыщутъ.

— «Василиса Егоровна прехрабрая дама»,—замѣтилъ важно Швабринъ. «Иванъ Кузьмичъ можетъ это засвидѣтельствовать».

— «Да, слышь ты»,—сказалъ Иванъ Кузьмичъ:—«баба-то не робкаго десятка».

— А Марья Ивановна?—спросилъ я:—такъ же ли смѣла, какъ и вы?

— «Смѣла ли Маша?» отвѣчала ея мать. «Нѣтъ, Маша трусиха. До сихъ поръ не можетъ слышать выстрѣла изъ ружья: такъ и затрепещется. А какъ тому два года Иванъ Кузьмичъ выдумалъ въ мои имянины палить изъ нашей пушки, такъ она, моя голубушка, чуть со страху на тотъ свѣтъ не отправилась. Съ тѣхъ поръ ужъ и не палимъ изъ проклятой пушки.

Мы встали изъ-за стола. Капитанъ съ капитаншею отправились спать; а я пошелъ къ Швабрину, съ которымъ и провелъ цѣлый вечеръ.

Глава 4.

Ссора Гринева съ Швабринымъ и поединокъ. Гриневъ проситъ Ивана Игнатьича быть его секундантомъ.

— «Вы изволите говорить», — сказалъ Иванъ Игнатьевичъ Гриневу, «что хотите Алексѣя Иваныча (Швабрина) заколоть, и желаете, чтобъ я при томъ былъ свидѣтелемъ? Такъ ли, смѣю спросить?»

— Точно такъ.

— «Помилуйте, Петръ Андреичъ! Что это вы затѣяли! Вы съ Алексѣемъ Иванычемъ побранились? Велика бѣда! Брань на вороту не виснетъ. Онъ васъ побранилъ, а вы его выругайте; онъ васъ въ рыло, а вы его въ ухо, въ другое, въ третье—и разойдитесь; а мы васъ ужъ помиримъ. А то доброе-ли дѣло заколоть своего ближняго, смѣю спросить? И добро-бъ ужъ закололи вы его: Богъ съ нимъ, съ Алексѣемъ Иванычемъ; я и

Digitized by Google

самъ до него не охотникъ. Ну, а если онъ васъ просверлитъ? На что это будетъ похоже? Кто будетъ въ дуракахъ, смѣю спросить?»

— «Какъ вамъ угодно», сказалъ Иванъ Игнатьичъ:—«дѣлайте, какъ разумѣете. Да зачѣмъ же мнѣ тутъ быть свидѣтелемъ? съ какой стати? Люди дерутся—что за невидальщина, смѣю спросить? Слава Богу, ходилъ я подъ Шведа и подъ Турку: всего насмотрѣлся».

Я кое-какъ сталъ изъяснять ему должность секунданта; но Иванъ Игнатьичъ никакъ не могъ меня понять.

— «Воля ваша»,—сказалъ онъ, «коли ужъ мнѣ и вмѣшаться въ это дѣло, такъ развѣ пойти къ Ивану Кузьмичу, да донести ему, по долгу службы, что въ фортеціи умышляется злодѣйствіе, противное казенному интересу, не благоугодно ли будетъ г. коменданту принять надлежащія мѣры...»

Гриневъ упросилъ Ивана Игнатьича не дѣлать этого.

Поединокъ назначенъ безъ секундантовъ, но не состоялся: Иванъ Игнатьичъ помѣшалъ и повелъ обоихъ къ коменданту.

Мы вошли въ комендантскій домъ. Иванъ Игнатьичъ отворилъ двери, провозгласивъ торжественно:—привелъ! Насъ встрѣтила Василиса Егоровна. Ахъ, мои батюшки! На что это похоже? какъ? что? Въ нашей крѣпости заводить смертоубійство! Иванъ Кузмичъ, сейчасъ ихъ подъ арестъ! Петръ Андреичъ! Алексѣй Иванычъ! подавайте сюда ваши шпаги, подавайте, подавайте. Палашка, отнеси эти шпаги въ чуланъ. Петръ Андреичъ! этого я отъ тебя не ожидала. Какъ тебѣ не совѣстно? Добро Алексѣй Иванычъ: онъ за душегубство и изъ гвардіи выписанъ, онъ и въ Господа Бога не вѣруетъ; а ты-то что, туда же лѣзешь?

Иванъ Кузмичъ вполнѣ соглашался съ своею супругою и приговаривалъ:—А, слышь ты, Василиса Егоровна правду говоритъ: поединки формально запрещены въ воинскомъ артикулѣ». Между тѣмъ Палашка взяла у насъ наши шпаги и отнесла въ чуланъ. Я не могъ не засмѣяться. Швабринъ сохранилъ свою важность. «При всемъ моемъ уваженіи къ вамъ»,—сказалъ онъ ей хладнокровно: «не могу не замѣтить, что напрасно вы изволите безпокоиться, подвергая насъ нашему суду. Предоставьте это Ивану Кузмичу: это его дѣло».—«Ахъ, мой батюшка!» воз-

Digitized by Google

разила комендантша: «да развѣ мужъ и жена не единъ духъ и едина плоть? Иванъ Кузмичъ! что ты зѣваешь? Сейчасъ разсади ихъ по разнымъ угламъ на хлѣбъ да на воду, чтобъ у нихъ дурь-то прошла; да пусть отецъ Герасимъ наложитъ на нихъ эпитемью, чтобъ молили у Бога прощеніе, да каялись передъ людьми».

Наконецъ выдался удобный случай, и Гриневъ съ Швабринымъ дрались, причемъ Гриневъ потерпѣлъ: шпагой Швабрина попало ему въ грудь пониже праваго плеча, такъ что онъ упалъ и лишился чувствъ, а виноватъ-то Савельичъ, помѣшавшій Гриневу.

Глава 5.

Гриневъ лежитъ въ домѣ коменданта. Марья Ивановна заботливо ухаживаетъ за больнымъ.

Въ это время Марья Ивановна такъ понравилась Гриневу, что онъ сдѣлалъ ей предложеніе и—получилъ согласіе. Письмо къ отцу, у котораго Гриневъ проситъ благословенія на вступленіе въ бракъ съ Марьей Ивановной. Отвѣтъ отца: «Сынъ мой Петръ! Письмо твое, въ которомъ ты просишь насъ о родительскомъ нашемъ благословеніи и согласіи на бракъ съ Марьей Ивановой, дочерью Мироновой, мы получили, и не только ни моего благословенія, ни моего согласія дать я тебѣ не намѣренъ, но еще и собираюсь до тебя добраться, да за проказы твои проучить тебя путемъ, какъ мальчишку, не смотря на твой офицерскій чинъ, ибо ты доказалъ, что шпагу носить еще недостоинъ, которая пожалована тебѣ на защиту отечества, а не для дуэлей съ такими же сорванцами, каковъ ты самъ. Немедленно буду писать къ Андрею Карловичу, прося его перевести тебя изъ Бѣлогорской крѣпости куда нибудь подальше, гдѣ бы дурь у тебя прошла. Матушка твоя, узнавъ о твоемъ поединкѣ и о томъ, что ты раненъ, съ горести занемогла и теперь лежитъ. Что изъ тебя будетъ? Молю Бога, чтобъ ты исправился, хоть и не смѣю надѣяться на Его великую милость.

Отецъ твой А. Г.»

Савельичъ получилъ особое письмо: «Стыдно тебѣ, старый песъ, что ты не взирая на мои строгія приказанія, мнѣ не до-

Digitized by Google

несъ о сынѣ моемъ Петрѣ Андреевичѣ, и что посторонніе принуждены увѣдомлять меня о его проказахъ. Такъ ли ты исполняешь свою должность и господскую волю? я тебя, стараго пса, пошлю свиней пасти за утайку правды и потворство молодому человѣку.

Въ концѣ письма приказываетъ увѣдомлять о здоровьѣ сына.

Послѣ всего этого дѣло о женитьбѣ Гринева на Марьѣ Ивановнѣ на время было отложено.

Глава 6.

Совѣщаніе у капитана Миронова вслѣдствіе предписанія, полученнаго изъ Оренбурга («немедленно принять надлежащія мѣры къ отраженію злодѣя и самозванца (Пугачева), а буде можно, и къ совершенному уничтоженію онаго, если онъ обратится на крѣпость, ввѣренную вашему попеченію»). Василиса Егоровна нарочно выпровожена къ о. Герасиму, чтобы не мѣшала совѣщанію, и что отъ ней скрыто; Палашка заперта въ чуланъ, такъ какъ Иванъ Кузьмичъ опасался, что она подслушаетъ. Когда Василиса Егоровна возвратилась домой, Иванъ Кузьмичъ на ея разспросы отвѣчалъ уклончиво.

Во всю ночь Василиса Егоровна не могла заснуть и никакъ не могла догадаться, чтобы такое было въ головѣ ея мужа, о чемъ бы ей нельзя было знать.

На другой день Иванъ Игнатьичъ, вытаскивавшій изъ пушки тряпички, камешки, щепки, бабки и соръ всякаго рода, запиханный въ нее ребятишками, прежде всего этимъ самымъ и выдалъ тайну совѣщанія. Василиса Егоровна глубоко вздохнула и сказала, качая головою: «Господи, Боже мой! Вишь какія новости! Что изъ этого будетъ?»

— И, матушка!—отвѣчалъ Иванъ Игнатьичъ:—Богъ милостивъ; солдатъ у насъ довольно, пороху много, пушку я вычистилъ. Авось дадимъ отпоръ Пугачеву. Господь не выдастъ, свинья не съѣстъ!

Комендантъ, между тѣмъ, посылаетъ урядника развѣдать хорошенько обо всемъ по сосѣднимъ селеніямъ и крѣпостямъ. Урядникъ черезъ два дня возвратился и объявилъ, что въ степи, верстъ за шестьдесятъ отъ крѣпости, видѣлъ онъ множество

Digitized by Google

огней и слышалъ отъ Башкирцевъ, что идетъ невѣдомая сила. Въ крѣпости между казаками замѣтно стало необыкновенное волненіе. Показанія урядника, по донесенію Юлая, крещенаго калмыка, ложны, за что урядникъ посаженъ подъ караулъ, а Юлай на его мѣсто. Бѣгство урядника изъ подъ караула. Схваченъ Башкирецъ съ возмутительными листами. Совѣщаніе у коменданта и чтеніе воззванія Пугачева (Пугачевъ объявляетъ о своемъ намѣреніи немедленно идти на Бѣлогорскую крѣпость; приглашаетъ казаковъ и солдатъ въ свою шайку, командиры не должны сопротивляться, иначе будутъ казнены). Пытка Башкирца съ цѣлію узнать о силѣ Пугачева. Извѣстіе о взятіи Нижнеозерной крѣпости, при чемъ комендантъ и всѣ офицеры перевѣшаны, а солдаты взяты въ плѣнъ.

Иванъ Кузмичъ, по совѣту Гринева, предложилъ Василисѣ Егоровнѣ съ дочерью на это время отправиться куда нибудь подальше, на что она отвѣчала:

— «И, пустое! Гдѣ такая крѣпость, куда бы пули не залетали? Чѣмъ Бѣлогорская не надежна? Слава Богу, двадцать второй годъ въ ней проживаемъ. Видали и Башкирцевъ, и Киргизцевъ: авось и отъ Пугачева отсидимся!» Но все-таки согласилась отправить Марью Ивановну въ Оренбургъ къ крестной матери.

ГЛАВА 7.

Отправленіе Марьи Ивановны не состоялось, потому что на другое утро уже было извѣстно, что казаки выступили изъ крѣпости, что не далеко отъ ней разъѣзжаютъ невѣдомые люди, и дорога въ Оренбургъ отрѣзана. Жители крѣпости собрались на валъ. Гарнизонъ стоялъ въ ружьѣ. Пушку туда перетащили наканунѣ. Комендантъ расхаживалъ передъ своимъ малочисленнымъ строемъ, воодушевляя солдатъ такими словами: «ну, дѣтушки, постоимъ сегодня за матушку Государыню и докажемъ всему свѣту, что мы люди бравые и присяжные!» Иванъ Игнатьичъ направляетъ пушку на замѣченную толпу въ степи, но ядро пролетаетъ, не сдѣлавъ толпѣ никакого вреда. Василиса Егоровна съ дочерью тоже на валу.

Въ это время изъ-за высоты, находившейся въ полуверстѣ

Digitized by Google

отъ крѣпости, показались новыя конныя толпы, и вскорѣ степь усѣялась множествомъ людей, вооруженныхъ копьями и сайдаками. Между ними, на бѣломъ конѣ, ѣхалъ человѣкъ въ красномъ кафтанѣ, съ обнаженною саблей въ рукѣ: это былъ самъ Пугачевъ. Онъ остановился; его окружили, и, какъ видно, по его повелѣнію, четыре человѣка отдѣлились и во весь опоръ подскакали подъ самую крѣпость. Мы въ нихъ узнали своихъ измѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ держалъ надъ шапкою листъ бумаги; у другаго на копьѣ воткнута была голова Юлая, которую, стряхнувъ, перекинулъ онъ къ намъ чрезъ частоколъ. Голова бѣднаго Калмыка упала къ ногамъ коменданта. Измѣнники кричали.

— Не стрѣляйте; выходите вонъ къ Государю. Государь здѣсь!

— Вотъ я васъ! закричалъ Иванъ Кузмичъ. Ребята, стрѣляй!

Солдаты наши дали залпъ. Казакъ, державшій письмо, зашатался и свалился съ лошади; другіе поскакали назадъ. Я взглянулъ на Марью Ивановну. Пораженная видомъ окровавленной головы Юлая, оглушенная залпомъ, она казалась безъ памяти. Капралъ вышелъ въ поле и возвратился, ведя подъ уздцы лошадь убитаго. Онъ вручилъ коменданту письмо. Иванъ Кузьмичъ прочелъ его про себя и разорвалъ потомъ въ клочки. Между тѣмъ, мятежники видимо приготовлялись къ дѣйствію. Вскорѣ пули начали свистать около нашихъ ушей, и нѣсколько стрѣлъ воткнулись около насъ въ землю и въ частоколъ. «Василиса Егоровна»! сказалъ комендантъ: «здѣсь не бабье дѣло, уведи Машу: видишь, дѣвка ни жива, ни мертва».

Василиса Егоровна, присмирѣвшая подъ пулями, взглянула на степь, на которой замѣтно было большое движеніе, потомъ оборотилась къ мужу и сказала ему: «Иванъ Кузьмичъ, въ животѣ и смерти Богъ воленъ: благослови Машу. Маша, подойди къ отцу».

Маша, блѣдная и трепещущая, подошла къ Ивану Кузьмичу, стала на колѣни и поклонилась ему въ землю. Старый комендантъ перекрестилъ ее трижды; потомъ поднялъ и, поцѣловавъ, сказалъ ей измѣнившимся голосомъ:

— Ну Маша, будь счастлива. Молись Богу: Онъ тебя не оставитъ. Коли найдется добрый человѣкъ, дай Богъ вамъ любовь

Digitized by Google

да совѣтъ. Живите, какъ жили мы съ Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же ее поскорѣе».

Маша кинулась ему на шею и зарыдала.

— Поцѣлуемся жъ и мы,—сказала, заплакавъ, комендантша. Прощай, мой Иванъ Кузьмичъ. Отпусти мнѣ, коли въ чемъ я тебѣ досадила!

— Прощай, прощай, матушка!—сказалъ комендантъ, обнявъ свою старуху. Ну, довольно! Ступайте; ступайте домой; да, коли успѣешь, надѣнь на Машу сарафанъ.

Комендантша съ дочерью удалились. Я глядѣлъ во слѣдъ Марьи Ивановны; она оглянулась и кивнула мнѣ головой. Тутъ Иванъ Кузмичъ обратился къ намъ, и все вниманіе его устремилось на непріятеля. Мятежники съѣзжались около своего предводителя и вдругъ начали слѣзать съ лошадей. «Теперь стойте крѣпко», сказалъ комендантъ: «будетъ приступъ»... Въ эту минуту раздался страшный визгъ и крики; мятежники бѣгомъ бѣжали къ крѣпости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендантъ подпустилъ ихъ на близкое разстояніе и вдругъ выпалилъ опять. Картечь хватила въ самую середину толпы. Мятежники отхлынули въ обѣ стороны и попятились. Предводитель ихъ остался одинъ впереди... Онъ махалъ саблею и, казалось, съ жаромъ ихъ уговаривалъ... Крикъ и визгъ, умолкнувшіе на минуту, тотчасъ снова возобновились. «Ну ребята», сказалъ комендантъ: «теперь отворяй ворота, бей въ барабанъ. Ребята! впередъ, на вылазку, за мною»!

Комендантъ, Иванъ Игнатьичъ, и я очутились за крѣпостнымъ валомъ; но оробѣлый гарнизонъ не тронулся. «Чтожъ вы, дѣтушки, стоите! закричалъ Иванъ Кузьмичъ. «Умирать, такъ умирать, дѣло служивое»! Въ эту минуту мятежники набѣжали на насъ и ворвались въ крѣпость. Барабанъ умолкъ; гарнизонъ бросилъ ружья; меня сшибли было съ ногъ, но я всталъ и вмѣстѣ съ мятежниками вошелъ въ крѣпость. Комендантъ, раненый въ голову, стоялъ въ кучкѣ злодѣевъ, которые требовали отъ него ключей. Я бросился было къ нему на помощь: нѣсколько дюжихъ казаковъ схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «Вотъ ужо вамъ будетъ, государевымъ ослушникамъ»! Насъ потащили по улицамъ; жители выходили изъ домовъ съ хлѣбомъ и солью. Раздался колокольный звонъ. Вдругъ закри-

Digitized by Google

чали въ толпѣ, что государь на площади ожидаетъ плѣнныхъ и принимаетъ присягу. Народъ повалилъ на площадь; насъ погнали туда же.

Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ на крыльцѣ комендантскаго дома. На немъ былъ красивый казацкій кафтанъ, обшитый галунами. Высокая соболья шапка съ золотыми кистями была надвинута на его сверкающіе глаза. Лице его показалось мнѣ знакомо. Казацкіе старшины окружали его. Отецъ Герасимъ, блѣдный и дрожащій, стоялъ у крыльца, съ крестомъ въ рукахъ, и, казалось, молча умолялъ его за предстоящія жертвы. На площади ставили наскоро висѣлицу. Когда мы приблизились, Башкирцы разогнали народъ, и насъ представили Пугачеву. Колокольный звонъ утихъ; настала глубокая тишина. «Который комендантъ?» спросилъ самозванецъ. Нашъ урядникъ выступилъ изъ толпы и указалъ на Ивана Кузьмича. Пугачевъ грозно взглянулъ на старика и сказалъ ему: «Какъ ты смѣлъ противиться мнѣ, своему государю?» Комендантъ, изнемогая отъ раны, собралъ послѣднія силы и отвѣчалъ твердымъ голосомъ. «Ты мнѣ не государь; ты воръ и самозванецъ, слышь ты!» Пугачевъ мрачно нахмурился и махнулъ бѣлымъ платкомъ. Нѣсколько казаковъ подхватили стараго капитана и потащили къ висѣлицѣ. На ея перекладинѣ очутился верхомъ изувѣченный Башкирецъ, котораго допрашивали мы наканунѣ. Онъ держалъ въ рукѣ веревку, и черезъ минуту увидѣлъ я бѣднаго Ивана Кузьмича вздернутаго на воздухъ. Тогда привели къ Пугачеву Ивана Игнатьича. «Присягай», сказалъ ему Пугачевъ: «Государю Петру Ѳеодоровичу!»—«Ты намъ не государь», отвѣчалъ Иванъ Игнатьичъ, повторяя слова своего капитана. «Ты, дядюшка, воръ и самозванецъ!» Пугачевъ махнулъ опять платкомъ, и добрый поручикъ повисъ подлѣ своего стараго начальника.

Очередь была за мною. Я глядѣлъ смѣло на Пугачева, готовясь повторить отвѣтъ великодушныхъ моихъ товарищей. Тогда, къ неописанному моему изумленію, увидѣлъ я среди мятежныхъ старшинъ Швабрина, обстриженнаго въ кружокъ и въ казацкомъ кафтанѣ. Онъ подошелъ къ Пугачеву и сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ. «Вѣшать его!» сказалъ Пугачевъ, не взглянувъ уже на меня. Мнѣ накинули на шею петлю. Я сталъ читать про себя молитву, принося Богу искреннее раская-

Digitized by Google

ніе во всѣхъ моихъ прегрѣшеніяхъ и моля Его о спасеніи всѣхъ близкихъ моему сердцу. Меня притащили подъ висѣлицу. «Небось, небось», повторяли мнѣ губители, можетъ быть, и вправду желая меня ободрить. Вдругъ услышалъ я крикъ: «Постойте, окаянные! погодите!..» Палачи остановились. Гляжу: Савельичъ лежитъ въ ногахъ у Пугачева. «Отецъ родной!» говорилъ бѣдный дядька. «Что тебѣ въ смерти барскаго дитяти? Отпусти его; за него тебѣ выкупъ дадутъ; а, для примѣра и страха ради, вели повѣсить хоть меня, старика!» Пугачевъ далъ знакъ, и меня тотчасъ развязали и оставили. «Батюшка нашъ тебя милуетъ», говорили мнѣ. Въ эту минуту, не могу сказать, чтобъ я обрадовался своему избавленію, не скажу, однако жъ, чтобъ я о немъ и сожалѣлъ. Чувствованія мои были слишкомъ смутны. Меня снова привели къ самозванцу и поставили передъ нимъ на колѣни. Пугачевъ протянулъ мнѣ жилистую свою руку. «Цѣлуй руку, цѣлуй руку!» говорили около меня. Но я предпочелъ бы самую лютую казнь такому подлому униженію. «Батюшка, Петръ Андреичъ!» шепталъ Савельичъ, стоя за мною и толкая меня. «Не упрямься! что тебѣ стоитъ? плюнь да поцѣлуй у злод.... (тьфу)! поцѣлуй у него ручку». Я не шевелился. Пугачевъ опустилъ руку, сказавъ съ усмѣшкою: «Его благородіе, знать, одурѣлъ отъ радости. Подымите его!» Меня подняли и оставили на свободѣ. Я сталъ смотрѣть на продолженіе ужасной комедіи.

Жители начали присягать. Они подходили одинъ за другимъ, цѣлуя распятіе и потомъ кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тутъ же. Ротный портной, вооруженный тупыми своими ножницами, рѣзалъ у нихъ косы. Они, отряхиваясь, подходили къ рукѣ Пугачева, который объявлялъ имъ прощеніе и принималъ въ свою шайку. Все это продолжалось около трехъ часовъ. Наконецъ Пугачевъ всталъ съ креселъ и сошелъ съ крыльца въ сопровожденіи своихъ старшинъ. Ему подвели бѣлаго коня, украшеннаго богатой сбруей. Два казака взяли его подъ руки и посадили на сѣдло. Онъ объявилъ отцу Герасиму, что будетъ обѣдать у него. Въ эту минуту раздался женскій крикъ. Нѣсколько разбойниковъ вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрепанную и раздѣтую до-нага. Одинъ изъ нихъ успѣлъ уже нарядиться въ ея душегрѣйку. Другіе таскали пе-

Digitized by Google

рины, сундуки, чайную посуду, бѣлье и всю рухлядь. «Батюшки мои!» кричала бѣдная старушка. «Отпустите душу на покаяніе. Отцы родные, отведите меня къ Ивану Кузьмичу». Вдругъ она взглянула на висѣлицу и узнала своего мужа. «Злодѣи!» кричала она въ изступленіи. «Что это вы съ нимъ сдѣлали? Свѣтъ ты мой, Иванъ Кузьмичъ, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки Прусскіе, ни пули Турецкія; не въ честномъ бою положилъ ты свой животъ, а сгинулъ отъ бѣглаго каторжника!»—«Унять старую вѣдьму!» сказалъ Пугачевъ. Тутъ молодой казакъ ударилъ ее саблею по головѣ, и она упала мертвая на ступени крыльца. Пугачевъ уѣхалъ; народъ бросился за нимъ.

Глава VIII.

Когда всѣ убрались съ площади, Гриневъ, собравшись съ мыслями, идетъ въ домъ коменданта узнать о судьбѣ Марьи Ивановны. Тутъ онъ узналъ, что Марья Ивановна спрятана у жены священника, гдѣ въ это время Пугачевъ пировалъ со своими товарищами. Онъ пощадилъ Марью Ивановну, какъ племянницу священника и какъ больную: такъ ему сказали про нее.

Швабринъ передался Пугачеву и теперь, *остригшись въ кружокъ*, пировалъ вмѣстѣ съ Пугачевымъ.

Гриневъ идетъ къ себѣ на квартиру. Проходя мимо площади, я увидѣлъ нѣсколько Башкирцевъ, которые тѣснились около висѣлицы и стаскивали сапоги съ повѣшенныхъ; съ трудомъ удержалъ я порывъ негодованія, чувствуя безполезность заступленія. По крѣпости бѣгали разбойники, грабя офицерскіе домы. Вездѣ раздавались крики пьянствующихъ мятежниковъ. Я пришелъ домой. Савельичъ встрѣтилъ меня у порога.

— Слава Богу!—вскричалъ онъ, увидя меня. «Я было думалъ, что злодѣи опять тебя подхватили. Ну, батюшка, Петръ Андреичъ! вѣришь ли, все у насъ разграбили, мошенники: платье, бѣлье, вещи, посуду—ничего не оставили. Да что ужъ! Слава Богу, что тебя живаго отпустили! А узналъ ли ты, сударь, атамана?»

— Нѣтъ, не узналъ; а кто жъ онъ такой?

— Какъ, батюшка? Ты и позабылъ того пьяницу, который

Digitized by Google

выманилъ у тебя тулупъ на постояломъ дворѣ? Заячій тулупчикъ совсѣмъ новёшенькій; а онъ, бестія, его такъ и распоролъ, напяливая на себя!

Я изумился. Въ самомъ дѣлѣ, сходство Пугачева съ моимъ вожатымъ было разительно. Я удостовѣрился, что Пугачевъ и онъ были одно и то же лицо, и понялъ тогда причину пощады, мнѣ оказанной. Я не могъ не подивиться странному сцѣпленію обстоятельствъ: дѣтскій тулупъ, подаренный бродягѣ, избавлялъ меня отъ петли, и пьяница, шатавшійся по постоялымъ дворамъ, осаждалъ крѣпости и потрясалъ государствомъ!

— Не изволишь ли покушать? спросилъ Савельичъ, неизмѣнный въ своихъ привычкахъ. Дома ничего нѣтъ; пойду, пошарю, да что нибудь тебѣ изготовлю.

Оставшись одинъ, я погрузился въ размышленія. Что мнѣ было дѣлать? Оставаться въ крѣпости, подвластной злодѣю, или слѣдовать за его шайкою, было неприлично офицеру. Долгъ требовалъ, чтобъ я явился туда, гдѣ служба моя могла еще быть полезна отечеству въ настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ... Но любовь сильно совѣтовала мнѣ оставаться при Марьѣ Ивановнѣ и быть ей защитникомъ и покровителемъ. Хотя я и предвидѣлъ скорую и несомнѣнную перемѣну въ обстоятельствахъ, но все же не могъ не трепетать, воображая опасность ея положенія.

Размышленія мои были прерваны приходомъ одного изъ казаковъ, который прибѣжалъ съ объявленіемъ, «что-де Великій Государь требуетъ тебя къ себѣ».

— Гдѣ же онъ? спросилъ я, готовясь повиноваться.

— Въ комендантскомъ,—отвѣчалъ казакъ. Послѣ обѣда батюшка нашъ отправился въ баню, а теперь отдыхаетъ. Ну, ваше благородіе, по всему видно, что персона знатная: за обѣдомъ скушать изволилъ двухъ жареныхъ поросятъ, а парится такъ жарко, что и Тарасъ Курочкинъ не вытерпѣлъ: отдалъ вѣникъ Ѳомкѣ Бикбаеву, да на силу холодной водой откачался. Нечего сказать: всѣ пріемы такіе важные... А въ банѣ, слышно, показывалъ царскіе свои знаки на грудяхъ: на одной двухглавый орелъ, величиною въ пятакъ, а на другой персона его.

Я не почелъ нужнымъ оспаривать мнѣніе казака—и съ нимъ вмѣстѣ отправился въ комендантскій домъ, заранѣе воображая

Digitized by Google

себѣ свиданіе съ Пугачевымъ и стараясь предугадать, чѣмъ оно кончится. Читатель легко можетъ себѣ представить, что я не былъ совершенно хладнокровенъ.

Начинало смеркаться, когда пришелъ я къ комендантскому дому. Висѣлица съ своими жертвами страшно чернѣла. Тѣло бѣдной комендантши все еще валялось подъ крыльцомъ, у котораго два казака стояли на караулѣ. Казакъ, приведшій меня, отправился про меня доложить и, тотчасъ же воротившись, ввелъ меня въ ту комнату, гдѣ наканунѣ такъ нѣжно прощался я съ Марьей Ивановной.

Необыкновенная картина мнѣ представилась. За столомъ, накрытымъ скатертью и установленнымъ штофами и стаканами, Пугачевъ и человѣкъ десять казацкихъ старшинъ сидѣли, въ шапкахъ и цвѣтныхъ рубашкахъ, разгоряченные виномъ, съ красными рожами и блистающими глазами. Между ними не было ни Швабрина, ни нашего урядника—новобранныхъ измѣнниковъ. «А, ваше благородіе!» Сказалъ Пугачевъ, увидя меня. «Добро пожаловать; честь и мѣсто, милости просимъ». Собесѣдники потѣснились. Я молча сѣлъ на краю стола. Сосѣдъ мой, молодой казакъ, стройный и красивый, налилъ мнѣ стаканъ простаго вина, до котораго я не коснулся. Съ любопытствомъ сталъ я разсматривать сборище. Пугачевъ на первомъ мѣстѣ сидѣлъ, облокотясь на столъ и подпирая черную бороду своимъ широкимъ кулакомъ. Черты лица его, правильныя и довольно пріятныя, не изъявляли ничего свирѣпаго. Онъ часто обращался къ человѣку лѣтъ пятидесяти, называя его то графомъ, то Тимоѳеичемъ, а иногда величая дядюшкою. Всѣ обходились между собою, какъ товарищи, и не оказывали никакого особеннаго предпочтенія своему предводителю. Разговоръ шелъ объ утреннемъ приступѣ, объ успѣхѣ возмущенія и о будущихъ дѣйствіяхъ. Каждый хвасталъ, предлагалъ свои мнѣнія и свободно оспаривалъ Пугачева. И на семъ странномъ военномъ совѣтѣ рѣшено было идти къ Оренбургу: движеніе дерзкое, и которое чуть было не увѣнчалось бѣдственнымъ успѣхомъ! Походъ былъ объявленъ къ завтрашнему дню. «Ну, братцы», сказалъ Пугачевъ: «затянемъ-ка на сонъ грядущій мою любимую пѣсенку. Чумаковъ, начинай!» Сосѣдъ мой затянулъ тонкимъ голоскомъ заунывную бурлацкую пѣсню, и всѣ подхватили хоромъ:

Digitized by Google

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ добру молодцу думу думати.
Что заутра мнѣ добру молодцу во допросъ идти
Передъ грознаго судью, самого Царя.
Еще станетъ Государь-Царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ,
Еще много ли съ тобой было товарищей?
Я скажу тебѣ, надежа православный Царь,
Всеё правду скажу тебѣ, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первой мой товарищъ темная ночь,
А второй мой товарищъ булатный ножъ,
А какъ третій-то товарищъ, то мой добрый конь,
А четвертый мой товарищъ, то тугой лукъ;
Что разсыльщики мои, то калены стрѣлы.
Что возговоритъ надежа православный Царь:
Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать!
Я за то тебя дѣтинушка пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекладиной.

Невозможно разсказать, какое дѣйствіе произвела на меня эта простонародная пѣсня про висѣлицу, распѣваемая людьми, обреченными висѣлицѣ. Ихъ грозныя лица, стройные голоса, унылое выраженіе, которое придавали они словамъ, и безъ того выразительнымъ, — все потрясало меня какимъ-то патетическимъ ужасомъ.

Гости выпили еще по стакану, встали изъ-за стола и простились съ Пугачевымъ. Я хотѣлъ за ними послѣдовать; но Пугачевъ сказалъ мнѣ: «Сиди; я хочу съ тобою переговорить». Мы остались глазъ на глазъ.

Нѣсколько минутъ продолжалось обоюдное наше молчаніе. Пугачевъ смотрѣлъ на меня пристально, изрѣдка прищуривая лѣвый глазъ съ удивительнымъ выраженіемъ плутовства и насмѣшливости. Наконецъ онъ засмѣялся, и съ такою непритвор-

Digitized by Google

ною веселостью, что и я, глядя на него, сталъ смѣяться, самъ не зная чему..

— Что, ваше благородіе? сказалъ онъ мнѣ. Струсилъ ты, признайся, когда молодцы мои накинули тебѣ веревку на шею? Я чаю, небо съ овчинку показалось... А повѣчался бы на перекладинѣ, еслибъ не твой слуга. Я тотчасъ узналъ стараго хрыча. Ну, думалъ ли ты, ваше благородіе, что человѣкъ, который вывелъ тебя къ умету, былъ самъ Великій Государь?—(Тутъ онъ взялъ на себя видъ важный и таинственный.) Ты крѣпко предо мною виноватъ, — продолжалъ онъ,—но я помиловалъ тебя за твою добродѣтель, за то, что ты оказалъ мнѣ услугу, когда принужденъ я былъ скрываться отъ своихъ недруговъ. То-ли еще увидишь! Такъ ли еще тебя пожалую, когда получу свое государство! Обѣщаешься ли служить мнѣ съ усердіемъ?

Вопросъ мошенника и его дерзость показались мнѣ такъ забавны, что я не могъ не усмѣхнуться.

— Чему ты усмѣхаешься? спросилъ онъ меня, нахмурясь. Или ты не вѣришь, что я Великій Государь? Отвѣчай прямо.

Я смутился. Признать бродягу Государемъ былъ я не въ состояніи: это казалось мнѣ малодушіемъ непростительнымъ. Назвать его въ глаза обманщикомъ, было подвергнуть себя погибели, и то, на что былъ я готовъ подъ висѣлицею въ глазахъ всего народа, теперь казалось мнѣ безполезною хвастливостью. Я колебался. Пугачевъ мрачно ждалъ моего отвѣта. Наконецъ (я еще нынѣ съ самодовольствіемъ помнаю эту минуту) чувство долга восторжествовало во мнѣ надъ слабостью человѣческою. Я отвѣчалъ Пугачеву:

— Слушай, скажу тебѣ всю правду. Разсуди, могу ли я признать въ тебѣ Государя? Ты человѣкъ смышленый, ты самъ увидѣлъ бы, что я лукавствую.

— Кто же я таковъ, по твоему разумѣнію?

— Богъ тебя знаетъ; но кто бы ты ни былъ, ты шутишь опасную шутку.

Пугачевъ взглянулъ на меня быстро.

— Такъ ты не вѣришь,—сказалъ онъ: чтобъ я былъ Государь Петръ Ѳедоровичъ? Ну, добро. А развѣ нѣтъ удачи удалому? Развѣ встарину Гришка Отрепьевъ не царствовалъ? Думай променя, что хочешь, а отъ меня не отставай. Какое тебѣ дѣло до

Digitized by Google

инаго прочаго? Кто ни попъ, тотъ батька. Послужи мнѣ вѣрой и правдою, и я тебя пожалую и въ фельдмаршалы, и въ князья. Какъ ты думаешь?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я съ твердостью. Я природный дворянинъ; я присягалъ Государынѣ Императрицѣ: тебѣ служить не могу. Коли ты въ самомъ дѣлѣ желаешь мнѣ добра, такъ отпусти меня въ Оренбургъ.

Пугачевъ задумался.

— А коли отпущу,—сказалъ онъ:—такъ обѣщаешься ли, по крайней мѣрѣ, противъ меня не служить?

— Какъ могу тебѣ въ этомъ обѣщаться? отвѣчалъ я. Самъ знаешь, не моя воля: велятъ идти противъ тебя—пойду, дѣлать нечего. Ты теперь самъ начальникъ; самъ требуешь повиновенія отъ своихъ. На что это будетъ похоже, если я отъ службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя въ твоей власти: отпустишь — спасибо; казнишь — Богъ тебѣ судья, а я сказалъ тебѣ правду.

Моя искренность поразила Пугачева.

— Такъ и быть—сказалъ онъ, ударя меня по плечу. Казнить, такъ казнить, миловать такъ миловать. Ступай себѣ на всѣ четыре стороны и дѣлай, что хочешь. Завтра приходи со мною проститься, а теперь ступай себѣ спать, и меня ужъ дрема клонитъ.

Я оставилъ Пугачева и вышелъ на улицу. Ночь была тихая и морозная. Мѣсяцъ и звѣзды ярко сіяли, освѣщая площадь и висѣлицу. Въ крѣпости все было спокойно и темно. Только въ кабакѣ свѣтился огонь и раздавались крики запоздалыхъ гулякъ. Я взглянулъ на домъ священника. Ставни и ворота были заперты. Казалось, все въ немъ было тихо.

Я пришелъ къ себѣ на квартиру и нашелъ Савельича, горюющаго по моемъ отсутствіи. Вѣсть о свободѣ моей обрадовала его несказанно.

— Слава тебѣ, Владыко! — сказалъ онъ, перекрестившись. Чѣмъ свѣтъ оставимъ крѣпость и пойдемъ, куда глаза глядятъ. Я тебѣ кое-что заготовилъ, покушай-ка, батюшка, да и почивай себѣ до утра, какъ у Христа за пазушкой.

Я послѣдовалъ его совѣту и, поужинавъ съ большимъ аппе-

Digitized by Google

титомъ, заснулъ на голомъ полу, утомленный душевно и физически.

Глава 9.

Рано утромъ Пугачевъ является предъ народомъ. Гриневъ, по приказанію Пугачева, долженъ ѣхать въ Оренбургъ съ тѣмъ, чтобы извѣстить губернатора о скоромъ пріѣздѣ къ нимъ Пугачева, котораго они, по наказу послѣдняго, обязаны встрѣтить *съ дѣтскою любовію и послушаніемъ*, а то имъ грозитъ лютая казнь. Швабринъ назначенъ комендантомъ Бѣлогорской крѣпости. Тутъ же Савельичъ подаетъ Пугачеву бумагу, въ которой обозначены вещи, украденныя у нихъ людьми Пугачева; въ счетъ вошелъ и заячій тулупъ. Въ другое время съ Савельича, по словамъ Пугачева, съ живаго содрали бы кожу на тулупы, но теперь, благодаря тому, что Пугачевъ былъ въ припадкѣ великодушія, Савельичъ былъ помилованъ. Простившись съ Марьей Ивановной, Гриневъ отправляется въ Оренбургъ, Савельичъ слѣдуетъ за нимъ. Скоро ихъ настигаетъ урядникъ изъ крѣпости, отъ котораго они получаютъ, какъ даръ Пугачева, лошадь, овчинный тулупъ и полтину денегъ; послѣднее Гриневъ оставляетъ въ пользу урядника,—а сами ѣдутъ далѣе.

Глава 10.

Гриневъ въ Оренбургѣ. Отъ него губернаторъ узнаетъ о случившемся и приглашаетъ Гринева на военномъ Совѣтѣ дать вѣрныя свѣдѣнія о Пугачевѣ и его войскѣ. Гриневъ предлагаетъ Совѣту дѣйствовать противъ Пугачева *наступательно;* но его за это кто-то вполголоса назвалъ молокососомъ. Старичекъ въ глазетовомъ кафтанѣ подаетъ голосъ—не дѣйствовать ни наступательно, ни оборонительно, а двигаться подкупательно. Наконецъ рѣшено ожидать осады, а нападенія непріятеля отражать силой артиллеріи и вылазками. Гриневъ получаетъ письмо отъ Марьи Ивановны, изъ котораго узнаетъ, что она бѣдствуетъ, принуждаемая Швабринымъ выйти за него замужъ. Гриневъ проситъ у губернатора роту солдатъ и полсотни казаковъ, чтобы очистить Бѣлогорскую крѣпость отъ мятежниковъ и, разумѣется, получаетъ отказъ.

Digitized by Google

Глава 11.

Гриневъ рѣшился ѣхать одинъ на выручку Марьи Ивановны. Савельичъ не отстаетъ отъ него. Выѣхавъ изъ Оренбурга, они должны были проѣзжать мимо Бердской слободы, пристанища Пугачева.

.....Вскорѣ засверкали Бердскіе огни. Мы подъѣхали къ оврагамъ, естественнымъ укрѣпленіямъ слободы. Савельичъ отъ меня не отставалъ, не прерывая жалобныхъ своихъ моленій. Я надѣялся объѣхать слободу благополучно, какъ вдругъ увидѣлъ въ сумракѣ прямо передъ собою человѣкъ пять мужиковъ, вооруженныхъ дубинами: это былъ передовой караулъ Пугачевскаго пристанища. Насъ окликали. Не зная пароля, я хотѣлъ молча проѣхать мимо ихъ; но они меня тотчасъ окружили, и одинъ изъ нихъ схватилъ лошадь мою за узду. Я выхватилъ саблю и ударилъ мужика по головѣ; шапка спасла его, однако онъ зашатался и выпустилъ изъ рукъ узду. Прочіе смутились и отбѣжали, я воспользовался этою минутой, пришпорилъ лошадь и поскакалъ.

Темнота приближающейся ночи могла избавить меня отъ всякой опасности, какъ вдругъ, оглянувшись, увидѣлъ я, что Савельича со мною не было. Бѣдный старикъ на своей хромой лошади не могъ ускакать отъ разбойниковъ. Что было дѣлать? Подождавъ его нѣсколько минутъ и удостовѣрясь въ томъ, что онъ задержанъ, я поворотилъ лошадь и отправился его выручать.

Подъѣзжая къ оврагу, услышалъ я издали шумъ, крики и голосъ моего Савельича. Я поѣхалъ скорѣе и вскорѣ очутился снова между караульными мужиками, остановившими меня нѣсколько минутъ тому назадъ. Савельичъ находился между ними. Они съ крикомъ бросились на меня и мигомъ стащили съ лошади. Одинъ изъ нихъ, повидимому, главный, объявилъ намъ, что онъ сейчасъ поведетъ насъ къ Государю. «А нашъ батюшка,—прибавилъ онъ:—воленъ приказать: сейчасъ ли васъ повѣсить, али дождаться свѣту Божія». Я не противился; Савельичъ послѣдовалъ моему примѣру, и караульные повели насъ съ торжествомъ.

Мы перебрались черезъ оврагъ и вступили въ слободу. Во всѣхъ избахъ горѣли огни. Шумъ и крики раздавались вездѣ.

Digitized by Google

На улицѣ я встрѣтилъ множество народу; но никто въ темнотѣ насъ не замѣтилъ и не узналъ во мнѣ Оренбургскаго офицера. Насъ привели прямо къ избѣ, стоявшей на углу перекрестка. У воротъ стояло нѣсколько винныхъ бочекъ и двѣ пушки.— Вотъ и дворецъ, сказалъ одинъ изъ мужиковъ: сейчасъ объ васъ доложатъ. Онъ вошелъ въ избу. Я взглянулъ на Савельича: старикъ крестился, читая про-себя молитву. Я дожидался долго; наконецъ мужикъ воротился и сказалъ мнѣ: «Ступай, нашъ батюшка велѣлъ впустить офицера».

Я вошелъ въ избу, или во дворецъ, какъ называли ее мужики. Она освѣщена была двумя сальными свѣчами, а стѣны оклеены были золотою бумагою; впрочемъ, лавки, столъ, рукомойникъ на веревочкѣ, полотенце на гвоздѣ, ухватъ въ углу и широкій шестокъ, уставленный горшками,—все было какъ въ обыкновенной избѣ. Пугачевъ сидѣлъ подъ образами, въ красномъ кафтанѣ, въ высокой шапкѣ и важно подбочась. Около него стояло нѣсколько изъ главныхъ товарищей, съ видомъ притворнаго подобострастія. Видно было, что вѣсть о прибытіи офицера изъ Оренбурга пробудила въ бунтовщикахъ сильное любопытство, и что они приготовились встрѣтить меня съ торжествомъ. Пугачевъ узналъ меня съ перваго взгляда. Поддѣльная важность его вдругъ исчезла. «А, ваше благородіе!» сказалъ онъ мнѣ съ живостью. Какъ поживаешь? Зачѣмъ тебя Богъ принесъ? Я отвѣчалъ, что ѣхалъ по своему дѣлу, и что люди его меня остановили. А по какому дѣлу? спросилъ онъ меня. Я не зналъ, что отвѣчать. Пугачевъ, полагая, что я не хочу объясниться при свидѣтеляхъ, обратился къ своимъ товарищамъ и велѣлъ имъ выйти. Всѣ послушались, кромѣ двухъ, которые не тронулись съ мѣста. Говори смѣло при нихъ, сказалъ мнѣ Пугачевъ: отъ нихъ я ничего не таю. Я взглянулъ наискось на наперсниковъ самозванца. Одинъ изъ нихъ, щедушный и сгорбленный старичекъ съ сѣдою бородкою, не имѣлъ въ себѣ ничего замѣчательнаго, кромѣ голубой ленты, надѣтой черезъ плечо по сѣрому армяку. Но ввѣкъ не забуду его товарища. Онъ былъ высокаго роста, дороденъ и широкоплечъ, и показался мнѣ лѣтъ сорока пяти. Густая рыжая борода, сѣрые сверкающіе глаза, носъ безъ ноздрей и красноватыя пятна на лбу и на щекахъ придавали его рябому, широкому лицу выраженіе неизъяснимое.

Digitized by Google

Онъ былъ въ красной рубахѣ, въ киргизскомъ халатѣ и въ казацкихъ шароварахъ. Первый (какъ узналъ я послѣ) былъ бѣглый капралъ Бѣлобородовъ; второй—Аѳанасій Соколовъ (прозванный Хлопушей) ссыльный преступникъ, три раза бѣжавшій изъ Сибирскихъ рудниковъ. Не смотря на чувства, исключительно меня волновавшія, общество, въ которомъ я такъ нечаянно очутился, сильно развлекало мое воображеніе. Но Пугачевъ привелъ меня въ себя своимъ вопросомъ: «Говори, по какому же дѣлу выѣхалъ ты изъ Оренбурга?»

Странная мысль пришла мнѣ въ голову: мнѣ показалось, что Провидѣніе, вторично приведшее меня къ Пугачеву, подавало мнѣ случай привесть въ дѣйствіе мое намѣреніе. Я рѣшился имъ воспользоваться и, не успѣвъ обдумать то, на что рѣшался, отвѣчалъ на вопросъ Пугачева:

— Я ѣхалъ въ Бѣлогорскую крѣпость избавить сироту, которую тамъ обижаютъ.

Глаза у Пугачева засверкали.

— Кто изъ моихъ людей смѣетъ обижать сироту? закричалъ онъ. Будь онъ семи пядей во лбу, а отъ суда моего не уйдетъ. Говори, кто виноватый?

— Швабринъ виноватый, отвѣчалъ я. Онъ держитъ въ неволѣ ту дѣвушку, которую ты видѣлъ, больную, у попадьи, и насильно хочетъ на ней жениться.

— Я проучу Швабрина! сказалъ грозно Пугачевъ. Онъ узнаетъ, каково у меня своевольничать и обижать народъ. Я его повѣшу.

— Прикажи слово молвить, сказалъ Хлопуша хриплымъ голосомъ. Ты поторопился назначить Швабрина въ коменданты крѣпости, а теперь торопишься его вѣшать. Ты ужъ оскорбилъ казаковъ, посадивъ дворянина имъ въ начальники; не пугай же дворянъ, казня ихъ по первому наговору.

— Нечего ихъ ни жалѣть, ни жаловать!—сказалъ старичекъ въ голубой лентѣ. Швабрина сказнить не бѣда; а не худо и господина офицера допросить порядкомъ: зачѣмъ изволилъ пожаловать. Если онъ тебя Государемъ не признаетъ, такъ нечего у тебя и управы искать; а коли признаетъ, что же онъ до сегодняшняго дня сидѣлъ въ Оренбургѣ съ твоими супостатами? Не прикажешь ли свести его въ приказную, да запалить тамъ

Digitized by Google

огоньку: мнѣ сдается, что его милость подосланъ къ намъ отъ Оренбургскихъ командировъ.

Логика стараго злодѣя показалась мнѣ довольно убѣдительною. Морозъ пробѣжалъ по всему моему тѣлу при мысли, въ чьихъ рукахъ я находился. Пугачевъ замѣтилъ мое смущеніе. «Ась, ваше благородіе? сказалъ онъ мнѣ, подмигивая. Фельдмаршалъ мой, кажется, говоритъ дѣло. Какъ ты думаешь?»

Насмѣшка Пугачева возвратила мнѣ бодрость. Я спокойно отвѣчалъ, что нахожусь въ его власти, и что онъ воленъ поступить со мною, какъ ему будетъ угодно.

— Добро, сказалъ Пугачевъ. Теперь скажи, въ какомъ состояніи вашъ городъ.

— Слава Богу, отвѣчалъ я: все благополучно.

— Благополучно? повторилъ Пугачевъ. А народъ мретъ съ голоду!

Самозванецъ говорилъ правду; но я, по долгу присяги, сталъ увѣрять, что все это простые слухи, и что въ Оренбургѣ довольно всякихъ запасовъ.

— Ты видишь, подхватилъ старичекъ, что онъ тебя въ глаза обманываетъ. Всѣ бѣглецы согласно показываютъ, что въ Оренбургѣ голодъ и моръ, что тамъ ѣдятъ мертвечину, и то за честь; а его милость увѣряетъ, что всего вдоволь. Коли ты Швабрина хочешь повѣсить, то ужъ на той висѣлицѣ повѣсь и этого молодца, чтобъ никому не было завидно.

Слова проклятаго старика, казалось, поколебали Пугачева. Къ счастію, Хлопуша сталъ противорѣчить своему товарищу. Полно, Наумычъ, сказалъ онъ ему. Тебѣ бы все душить да рѣзать. Что ты за богатырь? Поглядѣть, такъ въ чемъ душа держится. Самъ въ могилу смотришь, а другихъ губишь. Развѣ мало крови на твоей совѣсти?

— Да ты что за угодникъ? возразилъ Бѣлобородовъ. У тебя-то откуда жалость взялась?

— Конечно,—отвѣчалъ Хлопуша:—и я грѣшенъ, и эта рука (тутъ онъ сжалъ свой костлявый кулакъ и, засуча рукава, открылъ косматую руку), и эта рука повинна въ пролитой Христіанской крови. Но я губилъ супротивника, а не гостя; на вольномъ перепутьи да въ темномъ лѣсу, не дома, сидя за печью; кистенемъ и обухомъ, а не бабьимъ наговоромъ.

Digitized by Google

Старикъ отворотился и проворчалъ слова. «рваныя ноздри!..».

— Что ты тамъ шепчешь, старый хрычъ? закричалъ Хлопуша. Я тебѣ дамъ рваныя ноздри; погоди, прійдетъ и твое время: Богъ дастъ, и ты щипцовъ понюхаешь... А покамѣстъ смотри, чтобъ я тебѣ бородишки не вырвалъ!

— Господа енаралы! провозгласилъ важно Пугачевъ:—полно вамъ ссориться. Не бѣда, если бъ и всѣ Оренбургскія собаки дрыгали ногами подъ одной перекладиной: бѣда, если наши кобели межъ собою перегрызутся. Ну, помиритесь.

Хлопуша и Бѣлобородовъ не сказали ни слова и мрачно смотрѣли другъ на друга. Я увидѣлъ необходимость перемѣнить разговоръ, который могъ кончиться для меня очень невыгоднымъ образомъ, и, обратясь къ Пугачеву, сказалъ ему съ веселымъ видомъ:

— Ахъ! я было и забылъ благодарить тебя за лошадь и за тулупъ. Безъ тебя я не добрался бы до города и замерзъ бы на дорогѣ.

Уловка моя удалась. Пугачевъ развеселился.

— Долгъ платежемъ красенъ, сказалъ онъ, мигая и прищуриваясь. Разскажи-ка мнѣ теперь, какое тебѣ дѣло до той дѣвушки, которую Швабринъ обижаетъ? Ужъ не зазноба ли сердцу молодецкому, а?

— Она невѣста моя,—отвѣчалъ я Пугачеву, видя благопріятную перемѣну погоды и не находя нужды скрывать истину.

— Твоя невѣста! закричалъ Пугачевъ. Что жъ ты прежде не сказалъ? Да мы тебя женимъ и на свадьбѣ твоей попируемъ! Потомъ обращаясь къ Бѣлобородову: — Слушай, фельдмаршалъ! Мы съ его благородіемъ старые пріятели; сядемъ-ка да поужинаемъ; утро вечера мудренѣе. Завтра посмотримъ, что съ нимъ сдѣлаемъ.

Я радъ былъ отказаться отъ предлагаемой чести; но дѣлать было нечего. Двѣ молодыя казачки, дочери хозяина избы, накрыли столъ бѣлою скатертью; принесли хлѣба, ухи и нѣсколько штофовъ съ виномъ и пивомъ, и я вторично очутился за одною трапезою съ Пугачевымъ и съ его страшными товарищами.

Оргія, коей я былъ невольнымъ свидѣтелемъ, продолжалась до глубокой ночи. Наконецъ хмѣль началъ одолѣвать собесѣдниковъ. Пугачевъ задремалъ, сидя на своемъ мѣстѣ; товарищи его

Digitized by Google

встали и дали мнѣ знакъ оставить его. Я вышелъ вмѣстѣ съ ними. По распоряженію Хлопуши, караульный отвелъ меня въ приказную избу, гдѣ я нашелъ и Савельича, и гдѣ меня оставили съ нимъ взаперти. Дядька былъ въ такомъ изумленіи при видѣ всего, что происходило, что не сдѣлалъ мнѣ никакого вопроса. Онъ улегся въ темнотѣ и долго вздыхалъ и охалъ; наконецъ захрапѣлъ, а я предался размышленіямъ, которыя во всю ночь ни на одну минуту не дали мнѣ задремать.

Поутру пришли меня звать отъ имени Пугачева. Я пошелъ къ нему. У воротъ его стояла кибитка, запряженная тройкою татарскихъ лошадей. Народъ толпился по улицамъ. Въ сѣняхъ встрѣтилъ я Пугачева: онъ былъ одѣтъ по дорожному, въ шубѣ и въ Киргизской шапкѣ. Вчерашніе собесѣдники окружали его, принявъ на себя видъ подобострастія, который сильно противорѣчилъ всему, чему я былъ свидѣтелемъ наканунѣ. Пугачевъ весело со мною поздоровался и велѣлъ мнѣ садиться съ нимъ въ кибитку.

Мы усѣлись. Въ Бѣлогорскую крѣпость!—сказалъ Пугачевъ широкоплечему Татарину, стоя правящему тройкою. Сердце мое сильно забилось. Лошади тронулись, колокольчикъ загремѣлъ, кибитка полетѣла....

— Стой! стой! раздался голосъ, слишкомъ мнѣ знакомый, и я увидѣлъ Савельича, бѣжавшаго намъ на встрѣчу. Пугачевъ велѣлъ остановиться.

— Батюшка, Петръ Андреичъ!—кричалъ дядька. Не покинь меня на старости лѣтъ посреди этихъ мошен.....

— А, старый хрычъ! сказалъ ему Пугачевъ. Опять Богъ далъ свидѣться. Ну, садись на облучекъ.

— Спасибо, государь, спасибо, отецъ родной! говорилъ Савельичъ, усаживаясь. Дай Богъ тебѣ сто лѣтъ здравствовать за то, что меня старика призрѣлъ и успокоилъ. Вѣкъ за тебя буду Бога молить, а о заячьемъ тулупѣ и упоминать ужъ не стану.

Этотъ заячій тулупъ могъ наконецъ не на шутку разсердить Пугачева. Къ счастію, самозванецъ или не разслышалъ, или пренебрегъ неумѣстнымъ намекомъ. Лошади поскакали; народъ на улицѣ остановился и кланялся въ поясъ. Пугачевъ кивалъ

Digitized by Google

головою на обѣ стороны. Черезъ минуту мы выѣхали изъ слободы и помчались по гладкой дорогѣ.

Легко можно себѣ представить, что чувствовалъ я въ эту минуту. Черезъ нѣсколько часовъ долженъ я былъ увидѣться съ тою, которую почиталъ уже для меня потерянною. Я воображалъ себѣ минуту нашего соединенія... Я думалъ также и о томъ человѣкѣ, въ чьихъ рукахъ находилась моя судьба, и который, по странному стеченію обстоятельствъ, таинственно былъ со мною связанъ. Я вспомнилъ объ опрометчивой жестокости, о кровожадныхъ привычкахъ того, кто вызвался быть избавителемъ моей любезной. Пугачевъ не зналъ, что она была дочь капитана Миронова; озлобленный Швабринъ могъ открыть ему все; Пугачевъ могъ провѣдать истину и другимъ образомъ... Тогда что станется съ Марьей Ивановной? Холодъ пробѣгалъ по моему тѣлу, и волосы становились дыбомъ...

Вдругъ Пугачевъ прервалъ мои размышленія, обратясь ко мнѣ съ вопросомъ:

— О чемъ, ваше благородіе, изволилъ задуматься?

— Какъ не задуматься, отвѣчалъ я ему. Я офицеръ; вчера еще дрался противъ тебя, а сегодня ѣду съ тобою въ одной кибиткѣ, и счастіе всей моей жизни зависитъ отъ тебя.

— Что-жъ? спросилъ Пугачевъ. Страшно тебѣ?

Я отвѣчалъ, что, бывъ однажды уже имъ помилованъ, я надѣялся не только на его пощаду, но даже и на помощь.

— И ты правъ, ей Богу правъ! сказалъ самозванецъ. Ты видѣлъ, что мои ребята смотрѣли на тебя косо; а старикъ и сегодня настаивалъ на томъ, что ты шпіонъ, и что надобно тебя пытать и повѣсить; но я не согласился, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ, чтобъ Савельичъ и татаринъ не могли услышать, помня твой стаканъ вина и заячій тулупъ. Ты видишь, что я не такой еще кровопійца, какъ говоритъ обо мнѣ ваша братья.

Я вспомнилъ взятіе Бѣлогорской крѣпости, но не почелъ нужнымъ его оспаривать и не отвѣчалъ ни слова.

— Что говорятъ обо мнѣ въ Оренбургѣ? спросилъ Пугачевъ, помолчавъ немного.

— Да говорятъ, что съ тобою сладить трудновато; нечего сказать: далъ ты себя знать.

Digitized by Google

Лице самозванца изобразило довольное самолюбіе.

— Да! сказалъ онъ съ веселымъ видомъ. Я воюю хоть куда. Знаютъ ли у васъ въ Оренбургѣ о сраженіи подъ Юзеевой? Сорокъ генераловъ убито, четыре арміи взято въ полонъ. Какъ ты думаешь: Прусскій Король могъ ли бы со мною потягаться?

Хвастливость разбойника показалась мнѣ забавна.

— Самъ какъ ты думаешь, сказалъ я ему, управился ли бы ты съ Фридерикомъ?

— Съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ? А какъ же нѣтъ? Съ вашими генералами вѣдь я же управляюсь; а они его бивали. Доселѣ оружіе мое было счастливо. Дай срокъ, то ли еще будетъ, какъ пойду на Москву.

— А ты полагаешь итти на Москву?

Самозванецъ нѣсколько задумался и сказалъ вполголоса:

— Богъ вѣсть. Улица моя тѣсна; воли мнѣ мало. Ребята мои умничаютъ. Они воры. Мнѣ должно держать ухо востро; при первой неудачѣ они свою шею выкупятъ моею головою.

— То-то! сказалъ я Пугачеву. Не лучше ли тебѣ отстать отъ нихъ самому заблаговременно, да прибѣгнуть къ милосердію Государыни.

Пугачевъ горько усмѣхнулся.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ: поздно мнѣ каяться. Для меня не будетъ помилованія. Буду продолжать, какъ началъ. Какъ знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьевъ вѣдь поцарствовалъ же надъ Москвою.

— А знаешь ты, чѣмъ онъ кончилъ? Его выбросили изъ окна, зарѣзали, сожгли, зарядили его пепломъ пушку и выпалили!

— Слушай,—сказалъ Пугачевъ съ какимъ-то дикимъ вдохновеніемъ. Разскажу тебѣ сказку, которую въ ребячествѣ мнѣ разсказывала старая калмычка. Однажды орелъ спрашивалъ у ворона: скажи, воронъ—птица, отчего живешь ты на бѣломъ свѣтѣ триста лѣтъ, а я всего-на-все только тридцать три года?— «Оттого, батюшка», отвѣчалъ ему воронъ, «что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной». Орелъ подумалъ: давай попробуемъ и мы питаться тѣмъ же. Хорошо. Полетѣли орелъ да воронъ. Вотъ завидѣли палую лошадь, спустились и сѣли. Воронъ сталъ клевать да похваливать. Орелъ клюнулъ разъ, клюнулъ другой, махнулъ крыломъ и сказалъ ворону:—нѣтъ, братъ, воронъ:

Digitized by Google

чѣмъ триста лѣтъ питаться падалью, лучше разъ напиться живой кровью; а тамъ что Богъ дастъ!—Какова Калмыцкая сказка?

— Затѣйлива, отвѣчалъ я ему. Но жить убійствомъ и разбоемъ значитъ, по мнѣ, клевать мертвечину.

Пугачевъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и ничего не отвѣчалъ. Оба мы замолчали, погрузясь каждый въ свои размышленія. Татаринъ затянулъ унылую пѣсню; Савельичъ, дремля, качался на облучкѣ. Кибитка летѣла по гладкому зимнему пути... Вдругъ увидѣлъ я деревушку на крутомъ берегу Яика, съ частоколомъ и съ колокольней, и черезъ четверть часа въѣхали мы въ Бѣлогорскую крѣпость.

Глава 12.

Пугачевъ освобождаетъ бѣдную Марью Ивановну, которую Швабринъ посадилъ на хлѣбъ-на воду, при чемъ Швабрину досталось за то, что онъ обманулъ Пугачева, назвавъ Марью Ивановну своею женою. Швабринъ, въ свою очередь, доказалъ что Гриневъ также обманулъ Пугачева, выдавъ Марью Ивановну за племянницу священника. Гриневъ объяснилъ, почему онъ такъ сдѣлалъ, и Пугачевъ успокоился. Назвавъ Пугачева своимъ благодѣтелемъ, Гриневъ проситъ его *довершить, какъ началъ:* отпустить его съ бѣдной сиротою, куда имъ Богъ путь укажетъ. *Казнить, такъ казнить, жаловать, такъ жаловать: таковъ мой обычай*, сказалъ Пугачевъ, и пустилъ ихъ на всѣ четыре стороны. Гриневъ порѣшилъ на томъ, что Марья Ивановна должна ѣхать въ деревню къ его отцу, на что М. И. согласилась. Всѣ они отправляются вмѣстѣ.

Глава 13.

На дорогѣ близъ городка, гдѣ, какъ говорили, находился сильный отрядъ, шедшій на соединеніе къ самозванцу, наши путешественники остановлены караульными, и Гриневу пришлось идти къ начальнику, которымъ оказался памятный Гриневу Зуринъ. Когда все объяснилось, Марьѣ Ивановнѣ отвели лучшую квартиру, а Гриневъ остался ночевать у Зурина. Послѣ разговора съ Зуринымъ, Гриневъ пришелъ къ убѣжденію, что долгъ чести требовалъ его присутствія въ войскахъ Императрицы, и онъ рѣшилъ завтра

Digitized by Google

же отправить Марью Ивановну съ Савельичемъ и Палашей, дѣвушкой Марьи Ивановны, къ своему отцу въ деревню, а самъ въ тотъ же вечеръ съ отрядомъ Зурина выступилъ въ походъ. Пугачевъ стоялъ подъ Оренбургомъ. Вскорѣ князь Голицынъ подъ крѣпостью Татищевой разбилъ Пугачева и освободилъ Оренбургъ. Послѣ этого Пугачевъ является на Сибирскихъ заводахъ, гдѣ собираетъ новыя шайки и разоряетъ тамошнія крѣпости, беретъ затѣмъ Казань и хочетъ идти на Москву, но потомъ бѣжитъ, преслѣдуемый Михельсономъ. Вскорѣ пришла вѣсть о поимкѣ самозванца. Война была кончена, и Гриневу можно было теперь ѣхать къ родителямъ. Зуринъ ужъ далъ ему отпускъ, какъ вдругъ получилъ приказаніе арестовать Гринева.

Глава 14.

Гриневъ въ Казани, въ тюрьмѣ. На другой день — въ слѣдственной коммиссіи, на очной ставкѣ съ Швабринымъ, который показалъ, что Гриневъ отряженъ былъ отъ Пугачева въ Оренбургъ шпіономъ, передался на его сторону и разъѣзжалъ съ нимъ изъ крѣпости въ крѣпость. Гриневу не удалось оправдаться.

.....Марья Ивановна принята была моими родителями съ тѣмъ искреннимъ радушіемъ, которое отличало людей стараго вѣка. Они видѣли благодать Божію въ томъ, что имѣли случай пріютить и обласкать бѣдную сироту. Вскорѣ они къ ней искренно привязались, потому что нельзя было ее узнать и не полюбить. Моя любовь уже не казалась батюшкѣ пустою блажью; а матушка только того и желала, чтобъ ея Петруша женился на милой капитанской дочкѣ.

Слухъ о моемъ арестѣ поразилъ все мое семейство. Марья Ивановна такъ просто разсказала моимъ родителямъ о странномъ знакомствѣ моемъ съ Пугачевымъ, что оно не только не безпокоило ихъ, но еще заставляло часто смѣяться отъ чистаго сердца. Батюшка не хотѣлъ вѣрить, чтобы я могъ быть замѣшанъ въ гнусномъ бунтѣ, коего цѣль была ниспроверженіе престола и истребленіе дворянскаго рода. Онъ строго допросилъ Савельича. Дядька не утаилъ, что баринъ бывалъ въ гостяхъ у Емельки Пугачева, и что-де злодѣй его таки жаловалъ; но клялся, что

Digitized by Google

ни о какой измѣнѣ онъ и не слыхивалъ. Старики успокоились и съ нетерпѣніемъ стали ждать благопріятныхъ вѣстей. Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, ибо въ высшей степени одарена была скромностью и осторожностью.

Прошло нѣсколько недѣль... Вдругъ батюшка получаетъ изъ Петербурга письмо отъ нашего родственника, князя **. Князь писалъ ему обо мнѣ. Послѣ обыкновеннаго приступа, онъ объявилъ ему, что подозрѣнія на счетъ участія моего въ замыслахъ бунтовщиковъ, къ несчастію, оказались слишкомъ основательными; что примѣрная казнь должна была бы меня постигнуть, но что Государыня, изъ уваженія къ заслугамъ и преклоннымъ лѣтамъ отца, рѣшилась помиловать преступнаго сына и, избавляя его отъ позорной казни, повелѣла только сослать въ отдаленный край Сибири на вѣчное поселеніе.

Сей неожиданный ударъ едва не убилъ отца моего. Онъ лишился обыкновенной своей твердости, и горесть его (обыкновенно, нѣмая) изливалась въ горькихъ жалобахъ. «Какъ»! повторялъ онъ, выходя изъ себя: «Сынъ участвовалъ въ замыслахъ Пугачева! Боже праведный, до чего я дожилъ! Государыня избавляетъ его отъ казни! Отъ этого развѣ мнѣ легче? Не казнь страшна; пращуръ мой умеръ на лобномъ мѣстѣ, отстаивая то, что почиталъ святынею совѣсти; отецъ мой пострадалъ вмѣстѣ съ Волынскимъ и Хрущевымъ. Но дворянину измѣнить своей присягѣ, соединиться съ разбойниками, съ убійцами, съ бѣглыми холопьями!.. Стыдъ и срамъ нашему роду»!.. Испуганная его отчаяніемъ матушка не смѣла при немъ плакать и старалась возвратить ему бодрость, говоря о невѣрности молвы, о шаткости людскаго мнѣнія. Отецъ мой былъ неутѣшенъ.

Марья Ивановна мучилась болѣе всѣхъ. Будучи увѣрена, что я могъ бы оправдаться, когда бы только захотѣлъ, она догадывалась объ истинѣ и почитала себя виновницею моего несчастія. Она скрывала отъ всѣхъ свои слезы и страданія, и между тѣмъ непрестанно думала о средствахъ, какъ бы меня спасти.

Однажды вечеромъ батюшка сидѣлъ на диванѣ, перевертывая листы «Придворнаго Календаря»; но мысли его были далеко, и чтеніе не производило надъ нимъ обыкновеннаго своего дѣйствія. Онъ насвистывалъ старинный маршъ. Матушка молча вязала шерстяную фуфайку, и слезы изрѣдка капали на ея ра-

Digitized by Google

боту. Вдругъ Марья Ивановна, тутъ же сидѣвшая за работой, объявила, что необходимость заставляетъ ее ѣхать въ Петербургъ, и что она проситъ дать ей способъ отправиться. Матушка очень огорчилась. «Зачѣмъ тебѣ въ Петербургъ»? сказала она. «Неужто, Марья Ивановна, хочешь и ты насъ покинуть?» Марья Ивановна отвѣчала, что вся будущая судьба ея зависитъ отъ этого путешествія, что она ѣдетъ искать покровительства и помощи у сильныхъ людей, какъ дочь человѣка, пострадавшаго за свою вѣрность.

Отецъ мой потупилъ голову: всякое слово, напоминающее мнимое преступленіе сына, было ему тягостно и казалось колкимъ упрекомъ. «Поѣзжай, матушка»! сказалъ онъ ей со вздохомъ. «Мы твоему счастію помѣхи сдѣлать не хотимъ. Дай Богъ тебѣ въ женихи добраго человѣка, не ошельмованнаго измѣнника». Онъ всталъ и вышелъ изъ комнаты.

Марья Ивановна, оставшись наединѣ съ матушкою, отчасти объяснила ей свои предположенія. Матушка со слезами обняла ее и молила Бога о благополучномъ концѣ замышленнаго дѣла. Марью Ивановну снарядили, и чрезъ нѣсколько дней она отправилась въ дорогу съ вѣрною Палашей и съ вѣрнымъ Савельичемъ, который, насильственно разлученный со мною, утѣшался, по крайней мѣрѣ, мыслію, что служитъ нарѣченной моей невѣстѣ.

Марья Ивановна благополучно прибыла въ Софію, и узнавъ, что Дворъ находился въ то время въ Царскомъ Селѣ, рѣшилась тутъ остановиться. Ей отвели уголокъ за перегородкой. Жена смотрителя тотчасъ съ нею разговорилась, объявила, что она племянница придворнаго истопника, и посвятила ее во всѣ таинства придворной жизни. Она разсказала, въ которомъ часу Государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофе, прогуливалась, какіе вельможи находились въ то время при ней, что изволила она вчерашній день говорить у себя за столомъ, кого принимала вечеромъ. Словомъ, разговоръ Анны Власьевны стоилъ нѣсколько страницъ историческихъ записокъ и былъ бы драгоцѣненъ для потомства. Марья Ивановна слушала ее со вниманіемъ. Онѣ пошли въ садъ. Анна Власьевна разсказала исторію каждой аллеи и каждаго мостика, и, нагулявшись, они возвратились на станцію, очень довольныя другъ другомъ.

Digitized by Google

На другой день рано утромъ Марья Ивановна проснулась, одѣлась и тихонько пошла въ садъ. Утро было прекрасное, солнце освѣщало вершины липъ, пожелтѣвшихъ уже подъ свѣжимъ дыханіемъ осени. Широкое озеро сіяло неподвижно. Проснувшіеся лебеди важно выплывали изъ-подъ кустовъ, осѣняющихъ берегъ. Марья Ивановна пошла около прекраснаго луга, гдѣ только что поставленъ былъ памятникъ въ честь недавнихъ побѣдъ Графа Петра Александровича Румянцева. Вдругъ бѣлая собачка Англійской породы залаяла и побѣжала ей навстрѣчу; Марья Ивановна испугалась и остановилась. Въ эту самую минуту раздался пріятный женскій голосъ: «Не бойтесь, она не укуситъ». И Марья Ивановна увидѣла даму, сидѣвшую на скамейкѣ противу памятника. Дама пристально на нее смотрѣла, а Марья Ивановна, съ своей стороны, бросивъ нѣсколько косвенныхъ взглядовъ успѣла разсмотрѣть ее съ ногъ до головы. Она была въ бѣломъ утреннемъ платьѣ, въ ночномъ чепцѣ и въ душегрѣйкѣ. Ей, казалось, лѣтъ сорокъ. Лице ея, полное и румяное, выражало важность и спокойствіе, а голубые глаза и легкая улыбка имѣли прелесть неизъяснимую. Дама первая прервала молчаніе.

— Вы вѣрно не здѣшняя? сказала она.

— Точно такъ-съ: я вчера только пріѣхала изъ провинціи.

— Вы пріѣхали съ вашими родными?

— Никакъ нѣтъ-съ, я пріѣхала одна.

— Одна! Но вы такъ еще молоды.

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери.

— Вы здѣсь, конечно, по какимъ нибудь дѣламъ?

— Точно такъ-съ. Я пріѣхала подать просьбу Государынѣ.

— Вы сирота: вѣроятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?

— Никакъ нѣтъ-съ. Я пріѣхала просить милости, а не правосудія.

— Позвольте спросить, кто вы таковы?

— Я дочь Капитана Миронова.

— Капитана Миронова? того самаго, что былъ комендантомъ въ одной изъ Оренбургскихъ крѣпостей?

— Точно такъ-съ.

Дама, казалось, была тронута.

Digitized by Google

— Извините меня, сказала она голосомъ еще болѣе ласковымъ, если я вмѣшиваюсь въ ваши дѣла; но я бываю при Дворѣ; изъясните мнѣ, въ чемъ состоитъ ваша просьба, и, можетъ быть, мнѣ удастся вамъ помочь.

Марья Ивановна встала и почтительно ее благодарила. Все въ неизвѣстной дамѣ невольно привлекало сердце и внушало довѣренность. Марья Ивановна вынула изъ кармана сложенную бумагу и подала ее незнакомой своей покровительницѣ, которая стала читать ее про себя.

Сначала она читала съ видомъ внимательнымъ и благосклоннымъ; но вдругъ лицо ея перемѣнилось—и Марья Ивановна, слѣдовавшая глазами за всѣми ея движеніями, испугалась строгому выраженію этого лица, за минуту столь пріятному и спокойному.

— Вы просите за Гринева? сказала дама съ холоднымъ видомъ. Императрица не можетъ его простить. Онъ присталъ къ самозванцу не изъ невѣжества и легковѣрія, а какъ безнравственный и вредный негодяй.

— Ахъ, не правда! вскрикнула Марья Ивановна.

— Какъ, не правда! возразила дама, вся вспыхнувъ.

— Не правда, ей Богу, не правда! Я знаю все, я все вамъ разскажу. Онъ для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если онъ не оправдался передъ судомъ, то развѣ потому только, что не хотѣлъ запутать меня.

Тутъ она съ жаромъ разсказала все, что уже извѣстно моему читателю.

Дама выслушала ее со вниманіемъ.

— Гдѣ вы остановились? спросила она потомъ, и услыша, что у Анны Власьевны, примолвила съ улыбкою:—А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрѣчѣ. Я надѣюсь, что вы не долго будете ждать отвѣта на ваше письмо.

Съ этимъ словомъ она встала и вышла въ крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась къ Аннѣ Власьевнѣ, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила ее за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по ея словамъ, для здоровья молодой дѣвушки. Она принесла самоваръ, и за чашкою чая только было принялась за безконечные разсказы о Дворѣ, какъ вдругъ придворная карета

Digitized by Google

остановилась у крыльца, и камеръ-лакей вошелъ съ объясненіемъ, что Государыня изволитъ къ себѣ приглашать дѣвицу Миронову.

Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась. «Ахти, Господи»! закричала она:—Государыня требуетъ васъ ко Двору. Какъ же это она про васъ узнала? Да какъ же вы, матушка, представитесь Императрицѣ? Вы, я чай, и ступить по придворному не умѣете... Не проводить ли мнѣ васъ? Все-таки я васъ хоть въ чемъ нибудь да могу предостеречь. И какъ же вамъ ѣхать въ дорожномъ платьѣ? Не послать ли къ повивальной бабушкѣ за ея желтымъ роброномъ?

Камеръ-лакей объявилъ, что Государынѣ угодно было, чтобъ Марья Ивановна ѣхала одна и въ томъ, въ чемъ ее застанутъ. Дѣлать было нечего: Марья Ивановна сѣла въ карету и поѣхала во дворецъ, сопровождаемая совѣтами и благословеніями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчувствовала рѣшеніе своей судьбы; сердце ея сильно билось и замирало. Черезъ нѣсколько минутъ карета остановилась у дворца. Марья Ивановна съ трепетомъ пошла по лѣстницѣ. Двери передъ нею отворились настежь. Она прошла длинный рядъ пустыхъ великолѣпныхъ комнатъ; камеръ-лакей указывалъ дорогу. Наконецъ, подошедъ къ запертымъ дверямъ, онъ объявилъ, что сейчасъ объ ней доложитъ, и оставилъ ее одну.

Мысль увидѣть Императрицу лицемъ къ лицу такъ устрашала ее, что она съ трудомъ могла держаться на ногахъ. Чрезъ минуту двери отворились, и она вошла въ уборную Государыни.

Императрица сидѣла за своимъ туалетомъ. Нѣсколько придворныхъ окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково къ ней обратилась, и Марья Ивановна узнала въ ней ту даму, съ которою такъ откровенно изъяснялась она нѣсколько минутъ тому назадъ. Государыня подозвала ее и сказала съ улыбкой: «Я рада, что могла сдержать вамъ свое слово и исполнить вашу просьбу. Дѣло ваше кончено. Я убѣждена въ невинности вашего жениха. Вотъ письмо, которое сами потрудитесь отвезти къ будущему свекру».

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакавъ, упала къ ногамъ Императрицы, которая подняла ее и по-

Digitized by Google

цѣловала. Государыня разговорилась съ нею. «Знаю, что вы не богаты», сказала она: «но я въ долгу передъ дочерью капитана Миронова. Не безпокойтесь о будущемъ. Я беру на себя устроить ваше состояніе».

Обласкавъ бѣдную сироту, Государыня ее отпустила. Марья Ивановна уѣхала въ той же придворной каретѣ. Анна Власьевна, нетерпѣливо ожидавшая ея возвращенія, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвѣчала кое-какъ. Анна Власьевна хотя и была недовольна ея безпамятствомъ, но приписала оное провинціальной застѣнчивости и извинила великодушно. Въ тотъ же день Марья Ивановна, не полюбопытствовавъ взглянуть на Петербургъ, обратно поѣхала въ деревню...

Здѣсь прекращаются записки Петра Андреевича Гринева. Изъ семейныхъ преданій извѣстно, что онъ былъ освобожденъ отъ заключенія въ концѣ 1774 года, по именному повелѣнію, что онъ присутствовалъ при казни Пугачева, который узналъ его въ толпѣ и кивнулъ ему головою, которая черезъ минуту, мертвая и окровавленная, показана была народу. Вскорѣ потомъ Петръ Андреевичъ женился на Марьѣ Ивановнѣ. Потомство ихъ благоденствуетъ въ Симбирской губерніи. Въ тридцати верстахъ отъ *** находится село, принадлежащее десятерымъ помѣщикамъ. Въ одномъ изъ барскихъ флигелей показываютъ собственноручное письмо Екатерины II, за стекломъ и въ рамкѣ. Оно писано къ отцу Петра Андреевича и содержитъ оправданіе его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова.

Приложеніе къ повѣсти: «Изъ исторіи Пугачевскаго бунта».

Въ первой главѣ описано теченіе рѣки Яика (Урала), гдѣ жили яицкіе казаки. Въ XV столѣтіи, по разсказу Пушкина, здѣсь они поселились, рядомъ съ татарами. Въ царствованіе Михаила Ѳедоровича казаки отдались подъ покровительство Москвы и получили въ свое владѣніе рѣку Яикъ съ правомъ «набираться вольными людьми». Ими управляли атаманы и старшины, избираемые народомъ; всѣ дѣла рѣшались на народныхъ сходкахъ (кругахъ), гдѣ каждый имѣлъ свободный голосъ. Во

Digitized by Google

время Петра Великаго имъ сдѣлана перепись, опредѣлена служба и назначено жалованье. Съ тѣхъ поръ понемногу измѣняли ихъ прежнее устройство; по вновь заведенному порядку дѣлъ, ими стала управлять канцелярія, учрежденная при войскѣ; атаманъ назначался правительствомъ, для разсмотрѣнія жалобъ посылались чиновники. Казаки постоянно роптали на разныя притѣсненія: на удержаніе жалованья, на самовольные налоги и нарушеніе старинныхъ правъ рыбной ловли. При Екатеринѣ II, они посылали отъ себя людей съ жалобой въ Петербургъ; но посланные были заключены въ оковы и наказаны, какъ бунтовщики. Начались волненія, которыя нѣсколько разъ усмиряли силою оружія и казнями, но тайное волненіе не прекратилось: казаки стали совѣщаться по степнымъ уметамъ и отдаленнымъ хуторамъ.

Изъ 2-й главы. «По казацкимъ дворамъ шатался неизвѣстный бродяга, нанимаясь въ работники то къ одному хозяину, то къ другому, и принимаясь за всякія ремесла. Онъ былъ свидѣтелемъ усмиренія мятежа и казни зачинщиковъ, уходилъ на время въ Иргизскіе скиты; оттуда, въ концѣ 1772 года, посланъ былъ для закупки рыбы въ Яицкій городокъ, гдѣ и стоялъ у казака Дениса Иванова. Онъ отличался дерзостію своихъ рѣчей, поносилъ начальство и подговаривалъ казаковъ бѣжать въ области турецкаго султана; онъ увѣрялъ, что и Донскіе казаки не замедлятъ за нимъ послѣдовать, что у него на границѣ заготовлено двѣсти тысячъ рублей и товару на семьдесять тысячъ, и что какой-то паша, тотчасъ, по приходѣ казаковъ, долженъ имъ выдать по пяти милліоновъ; покамѣстъ обѣщалъ онъ каждому по двѣнадцати рублей жалованья въ мѣсяцъ. Сверхъ того сказывалъ онъ, будто бы противъ Яицкихъ казаковъ изъ Москвы идутъ два полка, и что около Рождества или Крещенія непремѣнно будетъ бунтъ... Сей бродяга былъ Емельянъ Пугачевъ, Донской казакъ и раскольникъ, пришедшій съ ложнымъ письменнымъ видомъ изъ-за польской границы, съ намѣреніемъ поселиться на рѣкѣ Иргизѣ, посреди тамошнихъ раскольниковъ».

Пойманный въ этомъ селѣ, Пугачевъ сидѣлъ подъ стражею въ Казани: тутъ приверженцы освободили его, подготовивъ тройку въ то время, какъ съ двумя солдатами онъ собиралъ милостыню. Это случилось 19 іюня 1773 года.

Digitized by Google

...Пугачевъ явился на хуторъ отставнаго казака Данилы Шелудякова, у котораго жилъ онъ прежде въ работникахъ. Тамъ производились тогда совѣщанія злоумышленниковъ.

Сперва дѣло шло о побѣгѣ въ Турцію: мысль издавна общая всѣмъ недовольнымъ казакамъ. Но Яицкіе заговорщики слишкомъ привязаны были къ своимъ богатымъ родимымъ берегамъ. Они, вмѣсто побѣга, положили быть новому мятежу. Самозванство показалось имъ надежною пружиною. Для сего нуженъ былъ только пришлецъ дерзкій и рѣшительный, еще неизвѣстный народу. Выборъ ихъ палъ на Пугачева. Имъ не трудно было его уговорить. Они немедленно начали собирать себѣ сообщниковъ.

...Михаилъ Кожевниковъ, одинъ изъ схваченныхъ казаковъ, подъ пыткою объявилъ, что у него на хуторѣ, вмѣстѣ съ двумя казаками, являлся неизвѣстный человѣкъ, который называлъ себя императоромъ Петромъ III. По словамъ самозванца, онъ скрывался сначала въ Турціи, потомъ на Дону, во время своего заключенія въ Казани освобожденъ съ помощію часоваго, котораго одинъ купецъ подкупилъ за 700 рублей; онъ говорилъ также, что думаетъ овладѣть Яицкимъ городкомъ, когда казацкое войско уйдетъ на *плавню* (осеннее рыболовство), а, «въ случаѣ неудачи, броситься на Русь», увлечь ее за собою, повсюду поставить новыхъ судей (ибо въ нынѣшнихъ, по его словамъ, присмотрѣна имъ многая неправда), и т. д.

...Взятіе подъ стражу Кожевникова и казаковъ, замѣшанныхъ въ его показаніе, ускорило ходъ происшествій. 18 сентября Пугачевъ пришелъ подъ Яицкій городокъ съ толпою, изъ трехъ сотъ состоявшею...

...Въ городѣ все пришло въ смятеніе. Недавно усмиренные жители начали перебѣгать на сторону новыхъ мятежниковъ. Симоновъ (Яицкій комендантъ) выслалъ противъ Пугачева пятьсотъ казаковъ, подкрѣпленныхъ пѣхотою, и съ двумя пушками. Двѣсти казаковъ при капитанѣ Крыловѣ (отецъ знаменитаго баснописца) отряжены были впередъ. Къ нимъ выѣхалъ на встрѣчу казакъ, держа надъ головою возмутительное письмо отъ самозванца. Казаки потребовали, чтобъ письмо было имъ прочтено. Крыловъ тому противился. Произошелъ мятежъ, и половина отряда тутъ же передалась на сторону самозванца и

Digitized by Google

потащила съ собою пятьдесятъ вѣрныхъ казаковъ, ухватя за узды ихъ лошадей. Видя измѣну въ своемъ отрядѣ, Крыловъ возвратился въ городъ. Захваченные казаки приведены были къ Пугачеву, и одиннадцать изъ нихъ, по приказанію его, повѣшены (слѣдуютъ имена ихъ).

...Съ шайкой, умноженной новыми бунтовщиками, Пугачевъ пошелъ прямо къ Илецкому городку (въ 145 в. отъ Яицкаго городка и въ 124 отъ Оренбурга) и послалъ начальствовавшему въ немъ атаману Портнову повелѣніе—выйти къ нему навстрѣчу и съ нимъ соединиться. Онъ обѣщалъ казакамъ пожаловать ихъ крестомъ и бородою (Илецкіе, какъ и Яицкіе казаки, были всѣ старовѣрцы), рѣками и лугами, деньгами и провіантомъ, свинцомъ и порохомъ, и вѣчною вольностію, угрожая местію въ случаѣ непослушанія. Вѣрный своему долгу, атаманъ думалъ сопротивляться; но казаки связали его и приняли Пугачева съ колокольнымъ звономъ и съ хлѣбомъ—солью. Пугачевъ повѣсилъ атамана, три дня праздновалъ побѣду и, взявъ съ собою всѣхъ Илецкихъ казаковъ и городскія пушки, пошелъ на крѣпость Разсыпную (въ 25 в. отъ Илецкаго городка и въ 101 в. отъ Оренбурга).

...Крѣпости, въ томъ краю выстроенныя, были не что иное, какъ деревни, окруженныя плетнемъ или деревяннымъ заборомъ. Нѣсколько старыхъ солдатъ и тамошнихъ казаковъ, подъ защитой двухъ или трехъ пушекъ, были въ нихъ безопасны отъ стрѣлъ и копій дикихъ племенъ, разсѣянныхъ по степямъ Оренбургской губерніи и около ея границъ.

...24 сентября Пугачевъ напалъ на Разсыпную. Казаки и тутъ измѣнили. Крѣпость была взята. Комендантъ, маіоръ Веловскій *), нѣсколько офицеровъ и одинъ священникъ были повѣ-

---

*) Были случаи и помилованія комендантовъ: въ Ильинской крѣпости Пугачевъ, по просьбѣ солдатъ, пощадилъ капитана Башарина (гл. IV, стр. 47), сказавъ: «*Коли онъ былъ до васъ добръ, то я его прощаю*», и велѣлъ его, такъ же, какъ и солдатъ, остричь по-казацки. При взятіи Пречистенской крѣпости онъ не казнилъ офицеровъ, которые съ покорностію вышли къ нему навстрѣчу. Сохранился еще разсказъ, будто, во время Казанскаго пожара, къ Пугачеву привели одного пастора реформатскаго исповѣданія, который подавалъ ему милостыню,

Digitized by Google

шены, а гарнизонная рота и полтораста казаковъ присоединены къ мятежникамъ.

Далѣе разсказывается о взятіи крѣпостей: Нижне-Озерной (въ 82 в. отъ Оренбурга, на высокомъ берегу Яика), Татищевой, Черноречненской и Сакмарскаго городка (въ 29 в. отъ Оренбурга).

Въ Сакмарскомъ городкѣ такъ встрѣчали Пугачева: «Въ крѣпости у станичной избы постланы были ковры, и поставленъ столъ съ хлѣбомъ и солью. Попъ ожидалъ Пугачева съ крестомъ и съ св. иконами. Когда въѣхалъ онъ въ крѣпость, начали звонить въ колокола; народъ снялъ шапки, и когда самозванецъ сталъ сходить съ лошади, при помощи двухъ изъ его казаковъ, подхватившихъ его подъ руки, тогда всѣ пали ницъ. Онъ приложился ко кресту, хлѣбъ-соль поцѣловалъ и, сѣвъ на уготовленный стулъ, сказалъ: *вставайте, дѣтушки*. Потомъ всѣ цѣловали его руку».

Въ третьей главѣ Пушкинъ разсказываетъ преимущественно о положеніи дѣлъ въ Оренбургѣ. При извѣстіяхъ объ успѣхахъ Пугачева, въ городѣ началось волненіе: схваченъ зачинщикъ смятенія, отставной сержантъ, подосланный Пугачевымъ. Рейнсдорпъ, Оренбургскій губернаторъ, издалъ объявленіе, гдѣ говорилось: о злодѣйствующемъ съ Яицкой стороны носится слухъ, якобы онъ другаго состоянія, нежели есть, «что онъ бѣглый казакъ, наказанный кнутомъ съ поставленіемъ на лицѣ знаковъ». Послѣднее было невѣрно, да и вообще Рейнсдорпъ распоряжался очень неискусно. Онъ думалъ дѣйствовать на Пугачева чрезъ Хлопушу, который двадцать лѣтъ разбойничалъ въ тамошнихъ краяхъ и сидѣлъ въ оковахъ, въ оренбургскомъ острогѣ. Но Хлопуша передался самозванцу и посланъ имъ возмущать уральскіе заводы. Рейнсдорпъ не успѣлъ также перевести въ городъ запасы сѣна, заготовленные въ окрестностяхъ; казаки Пугачева сожгли его, и въ городѣ оказался крайній недостатокъ въ ло-

---

когда его еще въ цѣпяхъ водили по улицамъ Казани. Самозванецъ узналъ пастора, принялъ его ласково и пожаловалъ въ полковники. Пасторъ принужденъ былъ нѣсколько дней сопровождать Пугачева на башкирской лошади, но, наконецъ, ему удалось отстать отъ казаковъ и возвратиться въ Казань (гл. VIII, стр. 95—по изд. Исакова).

Digitized by Google

шадиномъ кормѣ. На военномъ совѣтѣ одинъ только статскій генералъ, Старовъ-Милюковъ, далъ голосъ дѣйствовать наступательно: прочіе, вмѣстѣ съ Рейнсдорпомъ, рѣшили защищаться. Послѣ этого Пушкинъ описываетъ дѣйствія Пугачева при осадѣ Оренбурга и Бердскую слободу, въ которой онъ поселился. Около самозванца скопилось болѣе 25,000 войска, состоявшаго изъ яицкихъ казаковъ и солдатъ, захваченныхъ по крѣпостямъ, кромѣ того, изъ крестьянъ, татаръ, калмыковъ, башкирцевъ и проч. Всѣ были вооружены, какъ попало: кто копьемъ, кто пистолетомъ, кто дубиной. Жалованье получали одни Яицкіе казаки. Вино продавалось отъ *казны*. За побѣгъ объявлена смертная казнь, и десятникъ отвѣчалъ головою за своего бѣглеца. Пугачевъ строго наблюдалъ за исправностію разъѣздовъ и карауловъ. Ученія (особенно артиллерійскія) происходили каждый день. Церковная служба отправлялась ежедневно; на ектеніи поминали государя Петра Ѳедоровича и супругу его, государыню Екатерину Алексѣевну, но Пугачевъ, будучи раскольникомъ, никогда не ходилъ въ церковь. Когда онъ ѣздилъ по базару, или по Бердскимъ улицамъ, то всегда бросалъ въ народъ мѣдными деньгами. Судъ и расправу давалъ, сидя въ креслахъ предъ своею избою. По бокамъ его сидѣли два казака: одинъ съ булавою, другой съ серебрянымъ топоромъ. Подходящіе къ нему кланялись въ землю и, перекрестясь, цѣловали его руку. Бердская слобода была полна офицерскихъ женъ и дочерей, казни происходили каждый день. Пугачевъ не былъ самовластенъ. Яицкіе казаки управляли его дѣйствіями; онъ ничего не предпринималъ безъ ихъ согласія, а они иногда дѣйствовали вопреки его волѣ. Они оказывали ему наружное почтеніе, при народѣ ходили за нимъ безъ шапокъ и били ему челомъ, но наединѣ обходились съ нимъ, какъ съ товарищемъ, и вмѣстѣ пьянствовали, сидя при немъ въ шапкахъ и въ однѣхъ рубахахъ и распѣвая бурлацкія пѣсни. «Улица моя тѣсна», говорилъ онъ Денису Пьянову, одному изъ первыхъ своихъ приверженцевъ, на свадьбѣ его младшаго сына *). Зарубинъ (Чика) именовался при немъ фельдмар-

*) Пугачевъ любилъ такъ выражаться. Когда Панинъ на допросѣ спросилъ его: «Какъ же смѣлъ ты, воръ, назваться государемъ?» то онъ, играя словами, отвѣчалъ: «Я не воронъ, я воронёнокъ, а воронъ-то еще летаетъ». Гл. VIII, стр. 111.

Digitized by Google

шаломъ и былъ первый по самозванцѣ. Овчинниковъ, Шигаевъ, Лысовъ, Чумаковъ предводительствовали войскомъ. Всѣ они въ шутку назывались именами вельможъ, окружавшихъ въ то время престолъ Екатерины. Отставной артиллерійскій капралъ, Бѣлобородовъ, пользовался полною довѣренностію самозванца и, вмѣстѣ съ Падуровымъ, завѣдывалъ письменными дѣлами.

Евгеній Онѣгинъ.

Глава I.

«Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ,
Когда не въ шутку занемогъ;
Онъ уважать себя заставилъ,
И лучше выдумать не могъ:
Его примѣръ другимъ наука;
Но, Боже мой, какая скука
Съ больнымъ сидѣть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживаго забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лѣкарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же чортъ возьметъ тебя!»
Такъ думалъ молодой повѣса,
Летя въ пыли на почтовыхъ,
Всевышней волею Зевеса
Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ.
Друзья Людмилы и Руслана!
Съ героемъ моего романа,
Безъ предисловій, сей же часъ,
Позвольте познакомить васъ:
Онѣгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на брегахъ Невы,
Гдѣ, можетъ быть, родились вы,
Или блистали, мой читатель!

Digitized by Google

Тамъ нѣкогда гулялъ и я:
Но вреденъ сѣверъ для меня.
Служивъ отлично благородно,
Долгами жилъ его отецъ,
Давалъ три бала ежегодно,
И промотался наконецъ.
Судьба Евгенія хранила:
Сперва madame за нимъ ходила,
Потомъ monsieur ее смѣнилъ.
Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ.
Monsieur l'Abbé, французъ убогой,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему шутя,
Не докучалъ моралью строгой,
Слегка за шалости бранилъ,
И въ Лѣтній садъ гулять водилъ.
Когда же юности мятежной
Пришла Евгенію пора,
Пора надеждъ и грусти нѣжной,
Monsieur прогнали со двора.
Вотъ мой Онѣгинъ на свободѣ;
Остриженъ по послѣдней модѣ;
Какъ dandy Лондонскій одѣтъ,
И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.
Онъ по-французски совершенно
Могъ изъясняться и писалъ,
Легко мазурку танцовалъ,
И кланялся непринужденно:
Чего жъ вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.
Мы всѣ учились понемногу,
Чему нибудь и какъ нибудь,
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ немудрено блеснуть.
Онѣгинъ былъ, по мнѣнью многихъ
(Судей рѣшительныхъ и строгихъ),
Ученый малый, но педантъ:
Имѣлъ онъ счастливый талантъ,

Digitized by Google

Безъ принужденья, въ разговорѣ,
Коснуться до всего слегка;
Съ ученымъ видомъ знатока
Хранить молчанье въ важномъ спорѣ,
И возбуждать улыбку дамъ
Огнемъ нежданныхъ эпиграмъ.
Латынь изъ моды вышла нынѣ:
Такъ, если правду вамъ сказать,
Онъ зналъ довольно по-латынѣ,
Чтобъ эпиграфы разбирать,
Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить vale,
Да помнилъ, хоть не безъ грѣха,
Изъ Энеиды два стиха.
Онъ рыться не имѣлъ охоты
Въ хронологической пыли
Бытописанія земли;
Но дней минувшихъ анекдоты,
Отъ Ромула до нашихъ дней,
Хранилъ онъ въ памяти своей.
Высокой страсти не имѣя
Для звуковъ жизни не щадить,
Не могъ онъ ямба отъ хорея,
Какъ мы ни бились, отличить;
Бранилъ Гомера, Ѳеокрита;
Зато читалъ Адама Смита,
И былъ глубокій экономъ,
То есть, умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣетъ,
И чѣмъ живетъ, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продуктъ имѣетъ.
Отецъ понять его не могъ,
И земли отдавалъ въ залогъ...

Такъ воспитанный Онѣгинъ оказался человѣкомъ ни къ чему неспособнымъ. Все время онъ убивалъ на разныя свѣтскія удовольствія. Былъ ли онъ счастливъ, ведя такой образъ жизни?

Digitized by Google

Нѣтъ: рано чувства въ немъ остыли;
Ему наскучилъ свѣта шумъ;
Красавицы не долго были
Предметъ его привычныхъ думъ;
Измѣны утомить успѣли;
Друзья и дружба надоѣли,
Затѣмъ, что не всегда же могъ
Beef-steaks и Страсбургскій пирогъ
Шампанской обливать бутылкой,
И сыпать острыя слова,
Когда болѣла голова;
И хоть онъ былъ повѣса пылкой,
Но разлюбилъ онъ наконецъ
И брань, и саблю, и свинецъ.
Недугъ, котораго причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный Англійскому *сплину*,
Короче—Русская *хандра*
Имъ овладѣла по немногу.
Онъ застрѣлиться, слава Богу,
Попробовать не захотѣлъ,
Но къ жизни вовсе охладѣлъ.

Онѣгинъ запирается дома съ цѣлію заняться чтеніемъ и литературой; «но трудъ упорный ему былъ тошенъ», и цѣль домашняго уединенія не была достигнута. Думалъ онъ отправиться за границу, а потомъ, получивъ письмо отъ умирающаго дяди, долженъ былъ отправиться къ нему въ деревню.

Но, прилетѣвъ въ деревню дяди,
Его нашелъ ужъ на столѣ,
Какъ дань готовую землѣ.
Нашелъ онъ полонъ дворъ услуги:
Къ покойнику со всѣхъ сторонъ
Съѣзжались недруги и други,
Охотники до похоронъ.
Покойника похоронили;
Попы и гости ѣли, пили,

Digitized by Google

И послѣ важно разошлись,
Какъ будто дѣломъ занялись.
Вотъ нашъ Онѣгинъ сельскій житель,
Заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель
Хозяинъ полный, а досель
Порядка врагъ и расточитель,—
И очень радъ, что прежній путь
Перемѣнилъ на что нибудь.
Два дня ему казались новы
Уединенныя поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихаго ручья;
На третій, роща, холмъ и поле
Его не занимали болѣ,
Потомъ ужъ наводили сонъ;
Потомъ увидѣлъ ясно онъ,
Что и въ деревнѣ скука та-же,
Хоть нѣтъ ни улицъ, ни дворцовъ,
Ни картъ, ни баловъ, ни стиховъ.
Хандра ждала его на стражѣ,
И бѣгала за нимъ она,
Какъ тѣнь, иль вѣрная жена...

Глава II.

Деревня, гдѣ скучалъ Евгеній,
Была прелестный уголокъ:
Тамъ другъ невинныхъ наслажденій
Благословить бы небо могъ.
Господскій домъ уединенный,
Горой отъ вѣтровъ огражденный,
Стоялъ надъ рѣчкою; вдали
Предъ нимъ пестрѣли и цвѣли
Луга и нивы золотыя,
Мелькали села здѣсь и тамъ,
Стада бродили по лугамъ,
И тѣнь расширялъ густыя
Огромный, запущенный садъ,
Пріютъ задумчивыхъ дріадъ.

Digitized by Google

Почтенный замокъ былъ построенъ,
Какъ замки строиться должны:
Отмѣнно проченъ и спокоенъ,
Во вкусѣ умной старины.
Вездѣ высокіе покои,
Въ гостиной штофные обои,
Портреты дѣдовъ на стѣнахъ,
И печи въ пестрыхъ изразцахъ.
Все это нынѣ обветшало,
Не знаю право почему,
Да, впрочемъ, другу моему
Въ томъ нужды было очень мало,
Затѣмъ, что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.
Онъ въ томъ покоѣ поселился,
Гдѣ деревенскій старожилъ
Лѣтъ сорокъ съ ключницей бранился,
Въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ.
Все было прочно: полъ дубовый,
Два шкафа, столъ, диванъ пуховый,
Нигдѣ ни пятнышка чернилъ.
Онѣгинъ шкафы отворилъ:
Въ одномъ нашелъ тетрадь расхода,
Въ другомъ наливокъ цѣлый строй,
Кувшины съ яблочной водой,
И календарь осьмаго года:
Старикъ, имѣя много дѣлъ,
Въ иныя книги не глядѣлъ.
Одинъ среди своихъ владѣній,
Чтобъ только время проводить,
Сперва задумалъ нашъ Евгеній
Порядокъ новый учредить.
Въ своей глуши мудрецъ пустынной,
Яремъ онъ барщины пустынной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ—
Мужикъ судьбу благословилъ.
Зато въ углу своемъ надулся,
Увидя въ этомъ страшный вредъ,

Digitized by Google

Его разсчетливый сосѣдъ;
Другой лукаво улыбнулся,
И въ голосъ всѣ рѣшили такъ,
Что онъ опаснѣйшій чудакъ.
Сначала всѣ къ нему ѣзжали;
Но такъ какъ съ задняго крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донскаго жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышатъ ихъ домашни дроги:
Поступкомъ оскорбясь такимъ,
Всѣ дружбу прекратили съ нимъ.
«Сосѣдъ нашъ неучъ, сумазбродитъ,
Онъ фармазонъ, онъ пьетъ одно
Стаканомъ красное вино;
Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ;
Все *да*, да *нѣтъ*, не скажетъ *да-съ*
Иль *нѣтъ-съ*». Таковъ былъ общій гласъ.

Въ это время пріѣзжаетъ въ свою деревню Ленскій, получившій образованіе заграницей, мечтатель, романтикъ. Характеръ Ленскаго совершенно противоположенъ характеру Онѣгина, но они сходятся.

Ленскому очень нравилась Ольга, дочь сосѣдей,—Лариныхъ.

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда какъ утро весела,
Какъ жизнь поэта простодушна.
Глаза какъ небо голубые,
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голосъ, легкій станъ,
Все въ Ольгѣ...

Но все таки съ бо́льшимъ сочувствіемъ Пушкинъ относится къ ея старшей сестрѣ,—Татьянѣ.

Ни красотой сестры своей,
Ни свѣжестью ея румяной,

Digitized by Google

Не привлекла бъ она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой,
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,
И часто цѣлый день одна
Сидѣла молча у окна.
Задумчивость, ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
Теченье сельскаго досуга
Мечтами украшала ей;
Ея изнѣженные пальцы
Не знали иглъ; склонясь на пяльцы,
Узоромъ шелковымъ она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примѣта:
Съ послушной куклою дитя
Приготовляется шутя
Къ приличію, закону свѣта,
И важно повторяетъ ей
Уроки маменьки своей.
Но куклы, даже въ эти годы,
Татьяна въ руки не брала,
Про вѣсти города, про моды
Бесѣды съ нею не вела.
И были дѣтскія проказы
Ей чужды; страшные разсказы
Зимою, въ темнотѣ ночей,
Плѣняли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги, на широкій лугъ,
Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,
Она въ горѣлки не играла:
Ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ,

Digitized by Google

Это кто?
Не онъ ли?

Альберъ.

Такъ—онъ, Государь.

Герцогъ.

Подите жъ
Въ ту комнату. Я кликну васъ
(*Альберъ выходитъ; входитъ Баронъ.*)

Герцогъ.

Я радъ васъ видѣть бодрымъ и здоровымъ.

Баронъ.

Я счастливъ, Государь, что въ сплахъ былъ
По приказанью вашему явиться.

Герцогъ.

Давно, Баронъ, давно разстались мы.
Вы помните меня?

Баронъ.

Я, Государь?
Я какъ теперь васъ вижу. О, вы были
Ребенокъ рѣзвый.—Мнѣ покойный Герцогъ
Говаривалъ: Филиппъ (онъ звалъ меня
Всегда Филиппомъ), что ты скажешь, а?
Лѣтъ черезъ двадцать, право, ты да я,
Мы будемъ глупы передъ этимъ малымъ....
Передъ вами, то есть...

Герцогъ.

Мы теперь знакомство
Возобновимъ. Вы Дворъ забыли мой.

Digitized by Google

Баронъ.

Старъ, Государь, я нынче: при Дворѣ
Что дѣлать мнѣ? Вы молоды; вамъ любы
Турниры, праздники. А я на нихъ
Ужъ не гожусь. Богъ дастъ войну, такъ я
Готовъ, кряхтя, взлѣзть снова на коня;
Еще достанетъ силы старый мечъ
За васъ рукой дрожащей обнажить.

Герцогъ.

Баронъ, усердье ваше намъ извѣстно.
Вы дѣду были другомъ; мой отецъ
Васъ уважалъ. И я всегда считалъ
Васъ вѣрнымъ, храбрымъ рыцаремъ; но сидемъ.
У васъ, Баронъ, есть дѣти?

Баронъ.

Сынъ одинъ.

Герцогъ.

Зачѣмъ его я при себѣ не вижу?
Вамъ Дворъ наскучилъ, но ему прилично
Въ его лѣтахъ и званьи быть при насъ.

Баронъ.

Мой сынъ не любитъ шумной, свѣтской жизни;
Онъ дикаго и сумрачнаго нрава—
Вкругъ замка по лѣсамъ онъ вѣчно бродитъ,
Какъ молодой олень.

Герцогъ.

Не хорошо
Ему дичиться. Мы тотчасъ пріучимъ
Его къ весельямъ, къ баламъ и турнирамъ.
Пришлите мнѣ его; назначьте сыну

Digitized by Google

Приличное по званью содержанье...
Вы хмуритесь—устали вы съ дороги,
Быть можетъ?

Баронъ.

Государь, я не усталъ;
Но вы меня смутили. Передъ вами
Я бъ не хотѣлъ сознаться, но меня
Вы принуждаете сказать о сынѣ
То, что желалъ отъ васъ бы утаить.
Онъ, Государь, къ несчастью, недостоинъ
Ни милости, ни вашего вниманья.
Онъ молодость свою проводитъ въ буйствѣ,
Въ порокахъ низкихъ...

Герцогъ.

Это потому,
Баронъ, что онъ одинъ. Уединенье
И праздность губятъ молодыхъ людей.
Пришлите къ намъ его: онъ позабудетъ
Привычки, зарожденныя въ глуши.

Баронъ.

Простите мнѣ, но право, Государь,
Я согласиться не могу на это...

Герцогъ.

Но почему жъ?

Баронъ.

Увольте старика....

Герцогъ.

Я требую: откройте мнѣ причину
Отказа вашего.

Digitized by Google

Баронъ.

На сына я
Сердитъ.

Герцогъ.

За что?

Баронъ.

За злое преступленье.

Герцогъ.

А въ чемъ оно, скажите, состоитъ?

Баронъ.

Увольте, Герцогъ...

Герцогъ.

Это очень странно!
Или вамъ стыдно за него?

Баронъ.

Да... стыдно...

Герцогъ.

Но что же сдѣлалъ онъ?

Баронъ.

Онъ... онъ меня
Хотѣлъ убить.

Герцогъ.

Убить! Такъ я суду
Его предамъ, какъ чернаго злодѣя.

Баронъ.

Доказывать не стану я, хоть знаю,

Digitized by Google

Что точно смерти жаждетъ онъ моей,
Хоть знаю то, что покушался онъ
Меня...

Герцогъ.

Что?

Баронъ.

Обокрасть.
(*Альберъ бросается въ комнату.*)

Альберъ.

Баронъ, вы лжете!

Герцогъ (*сыну*).

Какъ смѣли вы?..

Баронъ.

Ты здѣсь! ты, ты мнѣ смѣлъ!..
Ты могъ отцу такое слово молвить!..
Я лгу и передъ нашимъ Государемъ!..
Мнѣ, мнѣ... иль ужъ не рыцарь я?..

Альберъ.

Вы лжецъ!

Баронъ.

И громъ еще не грянулъ, Боже правый!
Такъ подыми жъ, и мечъ насъ разсуди!
(*Бросаетъ перчатку, сынъ поспѣшно ее подымаетъ.*)

Альберъ.

Благодарю. Вотъ первый даръ отца!

Герцогъ.

Что видѣлъ я, что было предо мною?

Digitized by Google

Сынъ принялъ вызовъ стараго отца!
Въ какіе дни надѣлъ я на себя
Цѣпь Герцоговъ! Молчите: вы, безумецъ,
И ты, тигренокъ! полно (*сыну*). Бросьте это;
Отдайте мнѣ перчатку эту (*отнимаетъ ее*).

Альберъ (a parte).

Жаль!

Герцогъ.

Такъ и впился въ нее когтями!.. Извергъ!
Подите: на глаза мои не смѣйте
Являться до тѣхъ поръ, пока я самъ
Не призову васъ.
(*Альберъ выходитъ.*)
Вы, старикъ несчастный,
Не стыдно ль вамъ?

Баронъ.

Простите, Государь...
Стоять я не могу... мои колѣна
Слабѣютъ... душно!.. душно!.. Гдѣ ключи?
Ключи, ключи мои!

Герцогъ.

Онъ умеръ. Боже!
Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!

Борисъ Годуновъ.

1. Кремлевскія палаты (1598 г., 29 февраля).

Князь Шуйскій и Воротынскій.

Воротынскій.

Наряжены мы вмѣстѣ городъ вѣдать,

Digitized by Google

Но, кажется, намъ не за кѣмъ смотрѣть:
Москва пуста; во слѣдъ за Патріархомъ
Къ монастырю пошелъ и весь народъ.
Какъ думаешь, чѣмъ кончится тревога?

Шуйскій.

Чѣмъ кончится? узнать не мудрено:
Народъ еще повоетъ, да поплачетъ,
Борисъ еще поморщится немного,
Что пьяница предъ чаркою вина,
И наконецъ, по милости своей,
Принять вѣнецъ смиренно согласится,
А тамъ—а тамъ онъ будетъ нами править
По прежнему.

Воротынскій.

Но мѣсяцъ ужъ протекъ,
Какъ затворясь въ монастырѣ съ сестрою,
Онъ, кажется, покинулъ все мірское.
Ни Патріархъ, ни Думные Бояре
Склонить его доселѣ не могли;
Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ,
Ни ихъ мольбамъ, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу Великаго Собора.
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;
Печальная монахиня-Царица,
Какъ онъ, тверда, какъ онъ, неумолима:
Знать, самъ Борисъ сей духъ въ нее вселилъ.
Что, ежели Правитель въ самомъ дѣлѣ
Державными заботами наскучилъ
И на престолъ безвластный не взойдетъ?
Что скажешь ты?

Шуйскій.

Скажу, что понапрасну

Digitized by Google

Лилася кровь Царевича-младенца;
Что если такъ, Димитрій могъ бы жить.

Воротынскій.

Ужасное злодѣйство! Полно точно ль
Царевича сгубилъ Борисъ?

Шуйскій.

А кто же?
Кто подкупалъ напрасно Чепчугова?
Кто подослалъ обоихъ Битяговскихъ
Съ Качаловымъ? Я въ Угличъ посланъ былъ
Изслѣдовать на мѣстѣ это дѣло.
Наѣхалъ я на свѣжіе слѣды;
Весь городъ былъ свидѣтель злодѣянья;
Всѣ граждане согласно показали:
И, возвратясь, я могъ единымъ словомъ
Изобличить сокрытаго злодѣя.

Воротынскій.

Зачѣмъ же ты его не уничтожилъ?

Шуйскій.

Онъ, признаюсь, тогда меня смутилъ
Спокойствіемъ, безстыдностью нежданой;
Онъ мнѣ въ глаза смотрѣлъ какъ будто правый,
Разспрашивалъ, въ подробности входилъ—
И передъ нимъ я повторилъ нелѣпость,
Которую мнѣ самъ онъ нашепталъ.

Воротынскій.

Нечисто, князь.

Шуйскій.

А что мнѣ было дѣлать?
Все объявить Ѳеодору? Но Царь

Digitized by Google

На все глядѣлъ очами Годунова,
Всему внималъ ушами Годунова:
Пускай его бъ увѣрилъ я во всемъ;
Борисъ тотчасъ его бы разувѣрилъ,
А тамъ меня жъ сослали бъ въ заточенье,
Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,
Въ глухой тюрьмѣ тихонько бъ задавили.
Не хвастаюсь, а въ случаѣ, конечно,
Никая казнь меня не устрашитъ;
Я самъ не трусъ, но также не глупецъ,
И въ петлю лѣзть не соглашуся даромъ.

Воротынскій.

Ужасное злодѣйство! Слушай, вѣрно
Губителя раскаянье тревожитъ:
Конечно, кровь невиннаго младенца
Ему ступить мѣшаетъ на престолъ.

Шуйскій.

Перешагнетъ; Борисъ не такъ-то робокъ!
Какая честь для насъ, для всей Руси!
Вчерашній рабъ, Татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ
Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха...

Воротынскій.

Такъ, родомъ онъ незнатенъ, мы знатнѣе.

Шуйскій.

Да, кажется.

Воротынскій.

Вѣдь Шуйскій, Воротынскій...
Легко сказать, природные князья.

Digitized by Google

Шуйскій.

Природные, и Рюриковой крови.

Воротынскій.

А слушай, князь, вѣдь мы бъ имѣли право
Наслѣдовать Ѳеодору.

Шуйскій.

Да, болѣ,
Чѣмъ Годуновъ.

Воротынскій.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ!

Шуйскій.

Что жъ?
Когда Борисъ хитрить не перестанетъ,
Давай народъ искусно волновать;
Пускай они оставятъ Годунова;
Своихъ князей у нихъ довольно—пусть
Себѣ въ цари любова изберутъ.

Воротынскій.

Не мало насъ, наслѣдниковъ Варяга,
Да трудно намъ тягаться съ Годуновымъ:
Народъ отвыкъ въ насъ видѣть древню отрасль
Воинственныхъ властителей своихъ.
Уже давно лишились мы удѣловъ,
Давно Царямъ подручниками служимъ,
А онъ умѣлъ и страхомъ, и любовью,
И славою народъ очаровать.

Шуйскій (*глядитъ въ окно*).

Онъ смѣлъ, вотъ все—а мы... Но полно. Видишь,

Digitized by Google

И шумъ ихъ вѣтреныхъ утѣхъ.
Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день.
Зимой, когда ночная тѣнь
Полміромъ долѣ обладаетъ,
И долѣ въ праздной тишинѣ,
При отуманенной лунѣ,
Востокъ лѣнивый почиваетъ,
Въ привычный часъ пробуждена,
Вставала при свѣчахъ она.
Ей рано нравились романы;
Они ей замѣняли все;
Она влюбилася въ обманы
И Ричардсона, и Руссо.

Глава III. Ленскій знакомитъ Онѣгина съ домомъ Лариныхъ. Татьянѣ нравится Онѣгинъ. Глава IV. Въ разговорѣ съ Татьяной въ саду Онѣгинъ заявляетъ ей, что онъ не созданъ для любви и семейной жизни, а потому не можетъ сочувствовать привязанности дѣвицы къ себѣ, и продолжаетъ вести праздную жизнь.

Глава V.

Въ тотъ годъ осенняя погода
Стояла долго на дворѣ;
Зимы ждала-ждала природа—
Снѣгъ выпалъ только въ ноябрѣ,
На третье въ ночь. Проснувшись рано,
Въ окно увидѣла Татьяна
Поутру побѣлѣвшій дворъ,
Куртины, кровли и заборъ;
На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зимнемъ серебрѣ,

Digitized by Google

Сорокъ веселыхъ на дворѣ
И мягко устланныя горы
Зимы блистательнымъ ковромъ:
Все ярко, все бѣло кругомъ.
Зима... Крестьянинъ торжествуя
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плететься рысью какъ нибудь;
Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки *жучку* посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ:
Ему и больно, и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно...
...Татьяна (Русская душою,
Сама не зная почему),
Съ ея холодною красою
Любила Русскую зиму,
На солнцѣ иней въ день морозный,
И сани, и зарею поздной
Сіянье розовыхъ снѣговъ,
И мглу Крещенскихъ вечеровъ.
По старинѣ торжествовали
Въ ихъ домѣ эти вечера:
Служанки со всего двора
Про барышень своихъ гадали,
И имъ сулили каждый годъ
Мужьевъ военныхъ и походъ.
Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старины,
И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
И предсказаніямъ луны.
Ее тревожили примѣты;
Таинственно ей всѣ предметы

Digitized by Google

Провозглашали что нибудь,
Предчувствія тѣснили грудь.
Жеманный котъ, на печкѣ сидя,
Мурлыча, лапкой рыльце мылъ:
То несомнѣнный знакъ ей былъ,
Что ѣдутъ гости. Вдругъ увидя
Младой двурогій видъ луны
На небѣ съ лѣвой стороны,
Она дрожала и блѣднѣла.
Когда жъ падучая звѣзда
По небу темному летѣла
И разсыпалася, тогда
Въ смятеньи Таня торопилась,
Пока звѣзда еще катилась,
Желанье сердца ей шепнуть...
...Настали святки. То-то радость!
Гадаетъ вѣтряная младость,
Которой ничего не жаль,
Передъ которой жизни даль
Лежитъ свѣтла, необозрима,
Гадаетъ старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратимо;
И все равно: надежда имъ
Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ.
Татьяна любопытнымъ взоромъ
На воскъ потопленный глядитъ;
Онъ чудно-вылитымъ узоромъ
Ей что-то чудное гласитъ;
Изъ блюда, полнаго водою,
Выходятъ кольца чередою,
И вынулось колечко ей
Подъ пѣсенку старинныхъ дней:
«*Тамъ мужички-то всѣ богаты!*
Гребутъ лопатой серебро;
Кому поемъ, тому добро
И слава!» Но сулитъ утраты
Сей пѣсни жалостный напѣвъ;

Digitized by Google

Милѣй *кошурка* сердцу дѣвъ.
Морозна ночь: все небо ясно;
Свѣтилъ небесныхъ дивный хоръ
Течетъ такъ тихо, такъ согласно...
Татьяна на широкій дворъ
Въ открытомъ платьицѣ выходитъ,
На мѣсяцъ зеркало наводитъ;
Но въ темномъ зеркалѣ одна
Дрожитъ печальная луна...
Чу... снѣгъ хруститъ... прохожій... дѣва
Къ нему на цыпочкахъ летитъ,
И голосокъ ея звучитъ
Нѣжнѣй свирѣльнаго напѣва:
Какъ ваше имя? Смотритъ онъ
И отвѣчаетъ: Агаѳонъ.

Подъ впечатлѣніемъ гаданій Татьяна ложится спать и засыпаетъ.

И снится чудный сонъ Татьянѣ.
Ей снится, будто бы она
Идетъ по снѣговой полянѣ,
Печальной мглой окружена;
Въ сугробахъ снѣжныхъ передъ нею
Шумитъ, клубитъ волной своею
Кипучій, темный и сѣдой
Потокъ, не скованный зимой;
Двѣ жердочки, склеенны льдиной,
Дрожащій гибельный мостокъ,
Положены черезъ потокъ;
И предъ шумящею пучиной,
Недоумѣнія полна,
Остановилася она.
Какъ на досадную разлуку,
Татьяна ропщетъ на ручей;
Не видитъ никого, кто руку
Съ той стороны подалъ бы ей;
Но вдругъ сугробъ зашевелился,

Digitized by Google

И кто жъ изъ-подъ него явился?
Большой взъерошенный медвѣдь:
Татьяна, *ахъ!* а онъ ревѣть,
И лапу съ острыми когтями
Ей протянулъ; она скрѣпясь
Дрожащей ручкой оперлась,
И боязливыми шагами
Перебралась черезъ ручей;
Пошла—и что жъ? медвѣдь за ней.
Она, взглянуть назадъ не смѣя,
Поспѣшный ускоритъ шагъ;
Но отъ косматаго лакея
Не можетъ убѣжать никакъ;
Кряхтя, налитъ медвѣдь несносный:
Предъ ними лѣсъ; недвижны сосны
Въ своей нахмуренной красѣ;
Отягчены ихъ вѣтви всѣ
Клоками снѣга; сквозь вершины
Осинъ, березъ и липъ нагихъ
Сіяетъ лучъ свѣтилъ ночныхъ;
Дороги нѣтъ; кусты, стремнины
Мятелью всѣ занесены,
Глубоко въ снѣгъ погружены.
Татьяна въ лѣсъ, медвѣдь за нею;
Снѣгъ рыхлый по-колѣно ей;
То длинный сукъ ее за шею
Зацѣпитъ вдругъ, то изъ ушей
Златыя серьги вырветъ силой;
То въ хрупкомъ снѣгѣ съ ножки милой
Увязнетъ мокрый башмачокъ;
То выронитъ она платокъ;
Поднять ей некогда; боится,
— Медвѣдя слышитъ за собой,
И даже трепетной рукой
Одежды край поднять стыдится;
Она бѣжитъ, онъ все во слѣдъ;
И силъ уже бѣжать ей нѣтъ.
Упала въ снѣгъ; медвѣдь проворно

Digitized by Google

Ее хватаетъ и несетъ;
Она безчувственно-покорна,
Не шевелится, не дохнетъ;
Онъ мчитъ ее лѣсной дорогой:
Вдругъ межъ деревъ шалашъ убогой;
Кругомъ все глушь; отвсюду онъ
Пустыннымъ снѣгомъ занесенъ;
И ярко свѣтится окошко.
И въ шалашѣ и крикъ, и шумъ,
Медвѣдь промолвилъ: *здѣсь мой кумъ*:
Погрѣйся у него немножко!
И въ сѣни прямо онъ идетъ,
И на порогъ ее кладетъ.

Опомнилась, глядитъ Татьяна:
Медвѣдя нѣтъ; она въ сѣняхъ;
За дверью крикъ и звонъ стакана,
Какъ на большихъ похоронахъ;
Не видя тутъ ни капли толку,
Глядитъ она тихонько въ щелку,
И что же! видитъ... за столомъ
Сидятъ чудовища кругомъ:
Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой,
Другой съ пѣтушьей головой,
Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,
Тутъ остовъ чопорный и гордой,
Тамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ
Полу-журавль и полу-котъ.

Еще страшнѣй, еще чуднѣе:
Вотъ ракъ верхомъ на паукѣ,
Вотъ черепъ на гусиной шеѣ
Вертится въ красномъ колпакѣ,
Вотъ мельница въ присядку пляшетъ
И крыльями трещитъ и машетъ;
Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и хлопъ,
Людская молвь и конскій топъ!
Но что подумала Татьяна,
Когда узнала межъ гостей
Того, кто милъ и страшенъ ей—

Digitized by Google

Героя нашего романа!
Онѣгинъ за столомъ сидитъ
И въ дверь украдкою глядитъ.
Онъ знакъ подастъ—и всѣ хлопочутъ;
Онъ пьетъ, всѣ пьютъ и всѣ кричатъ;
Онъ засмѣется, всѣ хохочутъ;
Нахмуритъ брови, всѣ молчатъ;
Онъ тамъ хозяинъ, это ясно.
И Танѣ ужъ не такъ ужасно,
И любопытная, теперь
Немного растворила дверь...
Вдругъ вѣтеръ дунулъ, загашая
Огонь свѣтильниковъ ночныхъ;
Смутилась шайка домовыхъ;
Онѣгинъ, взорами сверкая,
Изъ-за стола гремя встаетъ;
Всѣ встали. Онъ къ дверямъ идетъ.
И страшно ей; и торопливо
Татьяна силится бѣжать—
Нельзя никакъ; нетерпѣливо
Метаясь, хочетъ закричать—
Не можетъ; дверь толкнулъ Евгеній:
И взорамъ адскихъ привидѣній
Явилась дѣва; ярый смѣхъ
Раздался дико; очи всѣхъ,
Копыта, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки,
Рога и пальцы костяные,
Все указуетъ на нее,
И всѣ кричатъ: мое! мое!
Мое! сказалъ Евгеній грозно,
И шайка вся сокрылась вдругъ...

Затѣмъ разсказывается, какъ праздновали имянины Татьяны. Во время обѣда пріѣзжаетъ Ленскій съ Онѣгинымъ. Вечеромъ танцы. Онѣгинъ все танцуетъ съ Ольгой и занимаетъ ее, что

Digitized by Google

не нравится Ленскому, жениху ея, который тутъ же рѣшаетъ вызвать Онѣгина на дуэль.

Дуэль. Ленскій убитъ. Ольга скоро выходитъ замужъ. Татьяна, оставшись одна, скучаетъ. Отъ скуки посѣщаетъ усадьбу Онѣгина, который, послѣ дуэли, отправился странствовать. Татьяна съ матерью въ Москвѣ, гдѣ выходитъ замужъ за стараго генерала. Онѣгинъ встрѣчаетъ ее потомъ въ Петербургѣ. Какъ старый знакомый мужа Татьяны, онъ усердно посѣщаетъ ихъ домъ; но Татьяна упрекаетъ его за прежнюю холодность и за теперешнія ухаживанія, говоря рѣшительно:

Теперь она другому отдана
И будетъ вѣкъ ему вѣрна.

Скупой Рыцарь.

Въ *первой* сценѣ молодой рыцарь, Альберъ, сынъ Скупаго Рыцаря, разсматриваетъ свой пробитый на турнирѣ шлемъ и горюетъ, что ему больше нельзя надѣть его. Онъ вышибъ изъ сѣдла своего противника (графа Делоржа), да что толку? Кромѣ того, и конь Альбера хромаетъ, а въ домѣ нѣтъ ни гроша: старикъ отецъ не даетъ ни копѣйки. Нѣтъ у Альбера и приличнаго наряда, чтобы бывать во дворцѣ у герцога. Альберъ хочетъ занять денегъ у жида Соломона, у котораго уже не разъ занималъ. Кстати пришелъ и Соломонъ; но онъ не даетъ ему безъ залога: пришлось бы разсчитывать на смерть отца, а онъ, можетъ быть, проживетъ еще долго. Альберъ съ отвращеніемъ говоритъ о скупости отца, и лукавый еврей, видя страстное желаніе сына скорѣе получить отцовское наслѣдство, соображая тутъ и о своей выгодѣ, очень хитро и осторожно подаетъ ему мысль, нельзя ли отравить отца. Альберъ приходитъ въ такое раздраженіе, что прогоняетъ жида и отправляется къ герцогу искать у него защиты противъ скупости отца.

Digitized by Google

Сцена вторая.

(Подвалъ.)

Баронъ.

...Я
Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный, къ вѣрнымъ сундукамъ.
Счастливый день! могу сегодня я
Въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще неполный)
Горсть золота накопленнаго всыпать.
Не много, кажется, но понемногу
Сокровища растутъ. Читалъ я гдѣ-то,
Что царь однажды воинамъ своимъ
Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу,
И гордый холмъ возвысился, и царь
Могъ съ вышины, съ весельемъ, озирать
И долъ, покрытый бѣлыми шатрами,
И море, гдѣ бѣжали корабли.
Такъ я, по горсти бѣдной принося
Привычну дань мою сюда въ подвалъ,
Вознесъ мой холмъ—и съ высоты его
Могу взирать на все, что мнѣ подвластно.
Что не подвластно мнѣ?.. Какъ нѣкій демонъ,
Отселѣ править міромъ я могу;
Лишь захочу—воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою;
И Музы дань свою мнѣ принесутъ,
И вольный геній мнѣ поработится,
И добродѣтель, и безсонный трудъ
Смиренно будутъ ждать моей награды.
Я свисну,—и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли.
Мнѣ все послушно, я же—ничему;
Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;

Digitized by Google

Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья... (*Смотритъ на свое золото.*)
Кажется, не много,
А сколькихъ человѣческихъ заботъ,
Обмановъ, слезъ, моленій и проклятій
Оно тяжеловѣсный представитель!
Тутъ есть дублонъ старинный... вонъ онъ. Нынче
Вдова мнѣ отдала его, но прежде
Съ тремя дѣтьми полдня передъ окномъ
Она стояла на колѣнихъ, воя.
Шелъ дождь, и пересталъ, и вновь пошелъ,
Притворщица не трогалась; я могъ бы
Ее прогнать, но что-то мнѣ шептало,
Что мужнинъ долгъ она мнѣ принесла,
И не захочетъ завтра быть въ тюрьмѣ.
А этотъ? этотъ мнѣ принесъ Тибо.
Гдѣ было взять ему лѣнивцу, плуту?
Укралъ, конечно, или, можетъ быть,
Тамъ на большой дорогѣ, ночью въ рощѣ...
Да! Если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ—я захлебнулся бъ
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ. Но пора.
(*Хочетъ отпереть сундукъ.*)
Я каждый разъ, когда хочу сундукъ
Мой отпереть, впадаю въ жаръ и трепетъ.
Не страхъ (о, нѣтъ! кого бояться мнѣ?
При мнѣ мой мечъ: за злато отвѣчаетъ
Честной булатъ), но сердце мнѣ тѣснитъ
Какое-то невѣдомое чувство...
Насъ увѣряютъ медики: есть люди,
Въ убійствѣ находящіе пріятность.
Когда я ключъ въ замокъ влагаю, то же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая въ жертву ножъ: пріятно
И страшно вмѣстѣ.
(*Отпираетъ сундукъ.*)

Digitized by Google

Вотъ мое блаженство!
(Всыпаетъ деньги.)
Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ человѣка.
Усните здѣсь сномъ силы и покоя,
Какъ боги спятъ въ глубокихъ небесахъ!..
Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:
Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,
И всѣ ихъ отопру, и стану самъ
Средь нихъ глядѣть на блещущія груды.
(Зажигаетъ свѣчи и отпираетъ сундуки одинъ за другимъ.)
Я царствую!.. Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава!
Въ ней счастіе, въ ней честь моя и слава!
Я царствую!.. Но кто вослѣдъ за мной
Пріиметъ власть надъ нею? Мой наслѣдникъ!
Безумецъ, расточитель молодой!
Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ!
Едва умру, онъ, онъ сойдетъ сюда,
Подъ эти мирные, нѣмые своды,
Съ толпой ласкателей придворныхъ, жадныхъ.
Укравъ ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отопретъ—
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные, дырявые карманы.
Онъ разобьетъ священные сосуды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ напоитъ.
Онъ расточитъ... А по какому праву?
Мнѣ развѣ даромъ это все досталось,
Или шутя, какъ игроку, который
Гремитъ костьми, да груды загребаетъ?
Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мнѣ
Все это стоило? Иль скажетъ сынъ,
Что сердце у меня обросло мохомъ,
Что я не зналъ желаній, что меня
И совѣсть никогда не грызла,—совѣсть.

Digitized by Google

Когтистый звѣрь, скребящій сердце,—совѣсть,
Незванный гость, докучный собесѣдникъ,
Запмодавецъ грубый; эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ, и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ!..
Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство,
А тамъ, посмотримъ, станетъ ли несчастный
То расточать, что кровью пріобрѣлъ.
О, если бъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ!.. О, если бъ изъ могилы
Прійти я могъ, сторожевою тѣнью
Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить, какъ нынѣ!..

Сцена третья.

(во дворцѣ.)

Альберъ и Герцогъ.

Альберъ.

Повѣрьте, Государь, терпѣлъ я долго
Стыдъ горькой бѣдности. Когда бъ не крайность,
Вы бъ жалобы моей не услыхали.

Герцогъ.

Я вѣрю: благородный рыцарь,
Таковъ, какъ вы, отца не обвинитъ
Безъ крайности. Такихъ развратныхъ мало...
Спокойны будьте: вашего отца
Усовѣщу наединѣ, безъ шуму.
Я жду его. Давно мы не видались.
Онъ былъ другъ дѣду моему. Я помню,
Когда я былъ еще ребенкомъ, онъ
Меня сажалъ на своего коня
И покрывалъ своимъ тяжелымъ шлемомъ,
Какъ будто колоколомъ.—
(*Смотритъ въ окно.*)

Digitized by Google

Народъ идетъ, разсыпавшись, назадъ—
Пойдемъ скорѣй, узнаемъ: рѣшено ли?

---

2. Красная площадь.

Народъ.

Одинъ.

Неумолимъ! Онъ отъ себя прогналъ
Святителей, Бояръ и Патріарха.
Они предъ нимъ напрасно пали ницъ;
Его страшитъ сіяніе престола.

Другой.

О Боже мой, кто будетъ нами править?
О горе намъ!

Третій.

Да вотъ Верховный Дьякъ
Выходитъ намъ сказать рѣшенье Думы.

Народъ.

Молчать! молчать! Дьякъ Думный говоритъ;
Ш-ш—слушайте!

Щелкаловъ (*съ Краснаго крыльца*).

Соборомъ положили
Въ послѣдній разъ отвѣдать силу просьбы
Надъ скорбною Правителя душой.
Завтра вновь святѣйшій Патріархъ,
Въ Кремлѣ отпѣвъ торжественно молебенъ,
Предшествуемъ хоругвями святыми,
Съ иконами Владимірской, Донской,
Воздвижется, а съ нимъ Сиклитъ, Бояре,
Да сонмъ Дворянъ, да выборные люди
И весь народъ Московскій православный,

Digitized by Google

Мы всѣ пойдемъ молить Царицу вновь,
Да сжалится надъ сирою Москвой
И на вѣнецъ благословитъ Бориса.
Идите же вы съ Богомъ по домамъ,
Молитеся, да взыдетъ къ небесамъ
Усердная молитва православныхъ.

(*Народъ расходится.*)

---

3. Дѣвичье поле.

Новодѣвичій монастырь. Народъ.

Одинъ.

Теперь они пошли къ Царицѣ въ келью;
Туда вошли Борисъ и Патріархъ
Съ толпой бояръ.

Другой.

Что слышно?

Третій.

Все еще
Упрямится; однако есть надежда.

Баба (*съ ребенкомъ*).

Агу! не плачь, не плачь! Вотъ бука, бука
Тебя возьметъ! Агу, агу... не плачь.

Одинъ.

Нельзя ли намъ пробраться за ограду?

Другой.

Нельзя. Куды! И въ полѣ даже тѣсно,
Не только тамъ. Легко ли? Вся Москва
Сперлася здѣсь. Смотри: ограда, кровли,

Digitized by Google

Всѣ ярусы соборной колокольня,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народъ.

Первый.

Право, любо!

Одинъ.

Что тамъ за шумъ?

Другой.

Послушай... что за шумъ?
Народъ завылъ: тамъ падаютъ, что волны
За рядомъ рядъ... еще... еще! Ну, братъ,
Дошло до насъ: скорѣе на колѣни!

Народъ (*на колѣняхъ; вой и плачъ*).

Ахъ, смилуйся, отецъ нашъ! Властвуй нами!
Будь нашъ отецъ, нашъ Царь!

Одинъ (*тихо*).

О чемъ тамъ плачутъ?

Другой.

А какъ намъ знать? То вѣдаютъ Бояре—
Не намъ чета.

Баба (*съ ребенкомъ*).

Ну, что жъ? Какъ надо плакать,
Такъ и затихъ! Вотъ я тебя!.. вотъ бука!
Плачь, баловень (*ребенокъ плачетъ*). Ну, то-то же!

Одинъ.

Всѣ плачутъ—
Заплачемъ, братъ, и мы!

Digitized by Google

Другой.

Да слезъ-то нѣтъ.
Что тамъ еще?

Первый.

Да кто ихъ разберетъ?

Народъ.

Вѣнецъ за нимъ! онъ Царь! онъ согласился!..
Борисъ нашъ Царь! Да здравствуетъ Борисъ!

---

4. Кремлевскія палаты.

Борисъ, Патріархъ, Бояре.

Борисъ.

Ты, отче Патріархъ, вы всѣ, Бояре!
Обнажена моя душа предъ вами.
Вы видѣли, что я пріемлю власть
Великую со страхомъ и смиреньемъ.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наслѣдую могущимъ Іоаннамъ—
Наслѣдую и Ангелу-Царю!..
О праведникъ, о мой отецъ державный!
Воззри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ
И ниспошли тому, кого любилъ ты,
Кого ты здѣсь столь дивно возвеличилъ,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славѣ свой народъ,
Да буду благъ и праведенъ, какъ ты.
Отъ васъ я жду содѣйствія, Бояре.
Служите мнѣ, какъ вы ему служили,
Когда труды я ваши раздѣлялъ,
Неизбранный еще народной волей.

Digitized by Google

Бояре.

Не измѣнимъ присягѣ, нами данной.

Борисъ.

Теперь пойдемъ, поклонимся гробамъ
Почіющихъ властителей Россіи,
А тамъ—сзывать весь нашъ народъ на пиръ,
Всѣхъ, отъ вельможъ до нищаго слѣпца;
Всѣмъ вольный входъ, всѣ гости дорогіе.
(*Уходитъ, за нимъ и Бояре*).

Князь Воротынскій (*останавливая Шуйскаго.*)

Ты угадалъ!

Шуйскій.

А что?

Воротынскій.

Да здѣсь, намедни,
Ты помнишь?

Шуйскій.

Нѣтъ, не помню ничего.

Воротынскій.

Когда народъ ходилъ въ Дѣвичье—поле,
Ты говорилъ—

Шуйскій.

Теперь не время помнить;
Совѣтую порой и забывать.
А впрочемъ я злословіемъ притворнымъ
Тогда желалъ тебя лишь испытать,
Вѣрнѣй узнать твой тайный образъ мыслей;

Digitized by Google

Но вотъ—народъ привѣтствуетъ Царя;
Отсутствіе мое замѣтить могутъ.
Иду за нимъ.

Воротынскій.

Лукавый царедворецъ!

---

5. Ночь. Келья въ Чудовомъ монастырѣ.

(1603 г.)

Отецъ Пименъ, Григорій (спящій).

Пименъ (*пишетъ передъ лампадой*).

Еще одно, послѣднее сказанье—
И лѣтопись окончена моя.
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ,
И книжному искусству вразумилъ:
Когда нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безъименный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ Царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро—
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я съизнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною...
Давно ль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море-океанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,

Digitized by Google

Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!
Но близокъ день, лампада догораетъ—
Еще одно, послѣднее сказанье (*пишетъ*).

Григорій (*пробуждается*).

Все тотъ же сонъ! Возможно-ль? въ третій разъ!
Проклятый сонъ!.. А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ да пишетъ—и дремотой,
Знать, во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ; и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ Татаръ?
О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ ли Новогородскомъ Вѣчѣ?
О славѣ ли отечества? Напрасно!
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ:
Все тотъ же видъ смиренный, величавый...
Такъ точно Дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пименъ.

Проснулся, братъ.

Григорій.

Благослови меня,

Честный отецъ.

Пименъ.

Благослови, Господь,
Тебя и днесь, и присно, и во вѣки.

Digitized by Google

Григорій.

Ты все писалъ и сномъ не позабылся;
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ, и страшно становилось.
И, падая стремглавъ, я пробуждался...
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?

Пименъ.

Младая кровь играетъ;
Смиряй себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ—если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи,—
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ;
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Григорій.

Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ Дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! А я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за Царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ

Digitized by Google

Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ,
И въ тихую обитель затвориться.

Пименъ.

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладился.
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о Царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный Царь Игумномъ богомольнымъ...
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ—
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я Царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней.
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный,
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ Игумну и всей братьѣ:
«Отцы мои, желанный день придетъ:
Предстану здѣсь алкающій спасенья;

Digitized by Google

Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,
Вы всѣ—обѣтъ примите мой духовный:
Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный,
И схиму здѣсь честную восприму,
Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ, припадши».
Такъ говорилъ державный Государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной.
А сынъ его Ѳеодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ Царскіе чертоги
Преобразилъ въ молитвенную келью:
Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе Царя,
И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась—а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, Царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать Ѳеодоръ,
И называть великимъ Патріархомъ...
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый Владыко предъ Царемъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его какъ солнце просіялъ.
Ужъ не видать такого намъ Царя.
О страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

Digitized by Google

Григорій.

Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія-Царевича; въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

Пименъ.

Охъ помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. На утро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ Царицы. Я
Спѣшу туда жъ, а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный Царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ, остервенясь, волочитъ
Безбожную предательницу—мамку...
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда-Битяговскій.
«Вотъ, вотъ злодѣй»! раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо—вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
«Покайтеся!» народъ имъ завопилъ:
И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись—и назвали Бориса.

Григорій.

Какихъ былъ лѣтъ Царевичъ убіенный?

Digitized by Google

Пименъ.

Да лѣтъ семи: ему бы нынѣ было—
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ, больше:
Двѣнадцать лѣтъ)—онъ былъ бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.
Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою: съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій!
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы,
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу Государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны.
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонятъ
Къ заутренѣ... Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ! Подай костыль, Григорій.
(*Уходитъ.*)

Григорій.

Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ,
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца;
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

Изъ слѣдующей (6) сцены (Палаты Патріарха) мы узнаемъ, что Григорій бѣжалъ изъ Чудова монастыря, о чемъ Игуменъ и сообщаетъ Патріарху.

Патріархъ не думаетъ тревожить этимъ отца-Государя, считая достаточнымъ объявить о побѣгѣ Дьяку Смирному или Дьяку Евфимьеву, затѣмъ поймать *врагоугодника* и сослать въ Соловецкій на вѣчное покаяніе.

Digitized by Google

7-я сцена происходитъ въ Царскихъ палатахъ. Борисъ, послѣ бесѣды съ какимъ-то колдуномъ, выходитъ изъ своей опочивальни и говоритъ слѣдующее:

Достигъ я высшей власти;
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно:
Но счастья нѣтъ моей душѣ.
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной:
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать;
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ,
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше!
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ:
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая,
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ;
Я выстроилъ имъ новыя жилища;
Они жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ!
Какъ буря, смерть уноситъ жениха...
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня несчастнаго отца!..
Кто ни умретъ, я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Ѳеодора кончину,
Я отравилъ свою сестру-Царицу,
Монахиню смиренную... все я!

Digitized by Google

Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть;
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста!

8 сцена. Корчма на Литовской границѣ.

Здѣсь Григорій сталкивается съ двумя бѣглыми иноками— Мисаиломъ и Варлаамомъ. Григорій разспрашиваетъ у хозяйки корчмы дорогу въ Литву къ Луевымъ горамъ, причемъ узнаетъ отъ ней, что кто-то бѣжалъ изъ Москвы, и сторожевые пристава всюду ищутъ бѣглаго. Да вотъ и сами пристава. Григорій сначала хотѣлъ было спрятаться, но потомъ остался на ихъ глазахъ. При чтеніи царскаго указа, онъ всѣ примѣты бѣглеца ловко примѣнилъ къ Варлааму, а потомъ, какъ самому пришлось плохо, обнажилъ кинжалъ и бросился въ окно.

9 сцена. Москва. Домъ Шуйскаго. У Шуйскаго гости. Ужинъ. Мальчикъ, при концѣ ужина, читаетъ указанную молитву о Борисѣ. Гости расходятся. Остается бояринъ Пушкинъ; онъ сообщаетъ Шуйскому о появленіи самозванца.

Шуйскій.

Кто жъ онъ такой? откуда онъ?

Пушкинъ.

Не знаютъ.
Извѣстно то, что онъ слугою былъ
У Вишневецкаго; что на одрѣ болѣзни

Digitized by Google

Открылся онъ духовному отцу;
Что гордый панъ, сію провѣдавъ тайну,
Ходилъ за нимъ, поднялъ его съ одра,
И съ нимъ потомъ уѣхалъ къ Сигизмунду.

Шуйскій.

Что жъ говорятъ объ этомъ удальцѣ?

Пушкинъ.

Да слышно, онъ уменъ, привѣтливъ, ловокъ,
По нраву всѣмъ. Московскихъ бѣглецовъ
Обворожилъ. Латинскіе попы
Съ нимъ заодно. Король его ласкаетъ,
И, говорятъ, помогу обѣщалъ.

Шуйскій.

Все это, братъ, такая кутерьма,
Что голова кругомъ пойдетъ невольно.
Сомнѣнья нѣтъ, что это самозванецъ,
Но признаюсь, опасность не мала.
Вѣсть важная! и если до народа
Она дойдетъ, то быть грозѣ великой!

Пушкинъ.

Такой грозѣ, что врядъ Царю Борису
Сдержать вѣнецъ на умной головѣ.
И подѣломъ ему: онъ правитъ нами,
Какъ Царь Иванъ (не къ ночи будь помянутъ).
Что пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ,
Что на полу кровавомъ всенародно
Мы не поемъ каноновъ Іисусу,
Что насъ не жгутъ на площади, а Царь
Своимъ жезломъ не подгребаетъ углей?
Увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей!
Насъ каждый день опала ожидаетъ,
Тюрьма, Сибирь, клобукъ иль кандалы,

Digitized by Google

А тамъ въ глуши голодна смерть, иль петля.
Знатнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?
Гдѣ Сицкіе князья, гдѣ Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены въ изгнаньѣ.
Дай срокъ: тебѣ такая жъ будетъ участь!
Легко ль, скажи: мы дома, какъ Литвой,
Осаждены невѣрными рабами:
Все языки, готовые продать,
Правительствомъ подкупленные воры.
Зависимъ мы отъ перваго холопа,
Котораго захочемъ наказать.
Вотъ—Юрьевъ день задумалъ уничтожить.
Невластны мы въ помѣстіяхъ своихъ,
Не смѣй согнать лѣнивца! Радъ не радъ,
Корми его! Не смѣй переманить
Работника! Не то—въ Приказъ Холопій.
Ну, слыхано ль хоть при Царѣ Иванѣ
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванецъ
Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
Такъ и пойдетъ потѣха.

Шуйскій.

Правъ ты, Пушкинъ.
Но знаешь ли? Объ этомъ обо всемъ
Мы помолчимъ до времени.

Пушкинъ.

Вѣстимо,
Знай про себя. Ты человѣкъ разумный.
Всегда съ тобой бесѣдовать я радъ,
И если что меня подъ часъ тревожитъ,
Не вытерплю, чтобъ не сказать тебѣ;
Къ тому жъ твой медъ да бархатное пиво
Сегодня такъ языкъ мнѣ развязали...
Прощай же, Князь.

Digitized by Google

И Пушкина слуги пришли съ доносомъ.

Царь.

Ну.

Семенъ Годуновъ.

Пушкина слуга донесъ сперва,
Что поутру вчера къ нимъ въ домъ пріѣхалъ
Изъ Кракова гонецъ и черезъ часъ
Безъ грамоты отосланъ былъ обратно.

Царь.

Гонца схватить.

Семенъ Годуновъ

Ужъ послано въ догоню.

Царь.

О Шуйскомъ что?

Семенъ Годуновъ.

Вечоръ онъ угощалъ
Своихъ друзей, обоихъ Милославскихъ,
Бутурлиныхъ, Михайла Салтыкова,
Да Пушкина, да нѣсколько другихъ;
А разошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ
Наединѣ съ хозяиномъ остался
И долго съ нимъ бесѣдовалъ еще.

Царь.

Сейчасъ послать за Шуйскимъ.

Семенъ Годуновъ.

Государь!
Онъ здѣсь уже.

Digitized by Google

Царь.

Позвать его сюда.

(*Годуновъ уходитъ.*)

Царь.

Сношеніе съ Литвою! Это что?..
Противенъ мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный,
А Шуйскому не должно довѣрять:
Уклончивый, но смѣлый и лукавый...

(*Входитъ Шуйскій.*)

Мнѣ нужно, Князь, съ тобою говорить.
Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ:
И выслушать хочу тебя сперва.

Шуйскій.

Такъ, Государь: мой долгъ тебѣ повѣдать
Вѣсть важную.

Царь.

Я слушаю тебя.

Шуйскій (*тихо указываетъ на Ѳеодора*).

Но, Государь...

Царь.

Царевичъ можетъ знать,
Что вѣдаетъ князь Шуйскій. Говори.

Шуйскій.

Царь, изъ Литвы пришла намъ вѣсть...

Царь.

Не та ли,
Что Пушкину привезъ вечоръ гонецъ?

Digitized by Google

Шуйскій.

Все знаетъ онъ!.. Я думалъ, Государь.
Что ты еще не вѣдаешь сей тайны.

Царь.

Нѣтъ нужды, Князь; хочу сообразить
Извѣстія, иначе не узнаемъ
Мы истины.

Шуйскій.

Я знаю только то,
Что въ Краковѣ явился самозванецъ,
И что Король и Паны за него.

Царь.

Что жъ говорятъ? Кто этотъ самозванецъ?

Шуйскій.

Не вѣдаю.

Царь.

Но... чѣмъ опасенъ онъ?

Шуйскій.

Конечно, Царь, сильна твоя держава!
Ты милостью, радѣньемъ и щедротой
Усыновилъ сердца своихъ рабовъ.
Но знаешь самъ: безсмысленная чернь
Измѣнчива, мятежна, суевѣрна,
Легко пустой надеждѣ предана,
Мгновенному внушенію послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится безстыдная отвага;
Такъ если сей невѣдомый бродяга
Литовскую границу перейдетъ,

Digitized by Google

Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
Димитрія воскресшее имя.

Царь.

Димитрія!.. какъ? этого младенца?
Димитрія!.. Царевичъ, удались!

Шуйскій.

Онъ покраснѣлъ: быть бурѣ!..

Ѳеодоръ.

Государь,
Дозволишь ли?..

Царь.

Нельзя, мой сынъ, поди.
(*Ѳеодоръ уходитъ.*)
Димитрія!..

Шуйскій.

Онъ ничего не зналъ.

Царь.

Послушай, Князь: взять мѣры сей же часъ;
Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась
Заставами; чтобъ ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ
Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ
Не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай.

Шуйскій.

Иду.

Царь.

Постой. Не правда ль эта вѣсть
Затѣйлива? Слыхалъ ли ты когда,
Чтобъ мертвые изъ гроба выходили

Digitized by Google

Допрашивать Царей, Царей законныхъ,
Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
Увѣнчанныхъ великимъ Патріархомъ?
Смѣшно? а? что? чтожъ не смѣешься ты?

Шуйскій.

Я, Государь?..

Царь.

Послушай, Князь Василій:
Какъ я узналъ, что отрока сего...
Что отрокъ сей лишился какъ-то жизни,
Ты посланъ былъ на слѣдствіе: теперь
Тебя Крестомъ и Богомъ заклинаю,
По совѣсти мнѣ правду объяви:
Узналъ ли ты убитаго младенца
И не было-ль подмѣна? Отвѣчай.

Шуйскій.

Клянусь тебѣ...

Царь.

Нѣтъ, Шуйскій, не клянись,
Но отвѣчай: то былъ Царевичъ?

Шуйскій.

Онъ.

Царь.

Подумай, князь. Я милость обѣщаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь—тебя постигнетъ злая казнь,
Такая казнь, что царь Иванъ Васильичъ
Отъ ужаса во гробѣ содрогнется.

Digitized by Google

Шуйскій.

Не казнь страшна, страшна твоя немилость!
Передъ тобой дерзну ли я лукавить?
И могъ ли я такъ слѣпо обмануться,
Что не узналъ Димитрія? Три дня
Я трупъ его въ Соборѣ посѣщалъ,
Всѣмъ Угличемъ туда сопровожденный.
Вокругъ него тринадцать тѣлъ лежало,
Растерзанныхъ народомъ, и по нимъ
Ужъ тлѣніе примѣтно проступало,
Но дѣтскій ликъ Царевича былъ ясенъ,
И свѣжъ, и тихъ, какъ будто усыпленный:
Глубокая не запекалась язва,
Черты жъ лица совсѣмъ не измѣнились.
Нѣтъ, Государь, сомнѣнья нѣтъ: Димитрій
Во гробѣ спитъ.

Царь.

Довольно, удались!
(*Шуйскій уходитъ.*)
Ухъ, тяжело!.. дай духъ переведу!
Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лицо
Мнѣ кинулась и тяжко опускалась...
Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ сряду
Все снилося убитое дитя!
Да, да—вотъ что! теперь я понимаю.
Но кто же онъ, мой грозный супостатъ?
Кто на меня? Пустое имя, тѣнь—
Ужели тѣнь сорветъ съ меня порфиру,
Иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣдства?
Безумецъ я! Чего жъ я испугался?
На призракъ сей подуй—и нѣтъ его.
Такъ рѣшено: не окажу я страха;
Но презирать не должно ничего...
Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

11 сцена. Краковъ. Домъ Вишневецкаго. Самозванецъ, въ

Digitized by Google

бесѣдѣ съ патеромъ, ручается, что русскій народъ и вся Восточная церковь признаютъ власть Намѣстника Петра. Толпѣ Русскихъ и Поляковъ онъ объявляетъ о выступленіи изъ Кракова, намѣреваясь остановиться у Мнишка въ Самборѣ; предполагаетъ скоро идти на Годунова, принимаетъ на службу сына Курбскаго и Собаньскаго, шляхтича вольнаго. Тутъ же является къ нему на службу опальный Хрущовъ и Карела, Донской казакъ; принимаетъ латинскіе стихи и награждаетъ автора ихъ перстнемъ.

Сцена оканчивается тѣмъ, что всѣ, явившіеся къ Самозванцу, изъявляютъ полную готовность идти въ походъ, громко восклицая: «Да здравствуетъ Димитрій, да здравствуетъ Великій князь Московскій!»

12 сцена. Замокъ Воеводы Мнишка въ Самборѣ. Уборная Марины.

Рузя, одѣвая Марину на балъ, увѣряетъ ее, что Димитрій влюбленъ въ нее, сообщая при этомъ, что будто онъ дьячекъ, бѣжавшій изъ Москвы, извѣстный плутъ въ своемъ приходѣ: такъ говорятъ объ немъ въ народѣ. Марина не вѣритъ.

13 сцена. Рядъ освѣщенныхъ комнатъ. Музыка. Мнишекъ съ удовольствіемъ сообщаетъ Вишневецкому, что Димитрій занятъ на балу только его Мариною. Вотъ они въ первой парѣ во время Польскаго (танца). Марина назначаетъ ему свиданіе на завтра вечеромъ, въ одиннадцать часовъ, въ аллеѣ липъ, у фонтана.

14 сцена. Ночь. Садъ. Фонтанъ.

Самозванцу приходится недолго ждать Марины. Марина, не желая слушать его нѣжныхъ рѣчей, серьезно говоритъ:

...Вѣрю,
Что любишь ты; но слушай: я рѣшилась
Съ твоей судьбой, и бурной, и невѣрной
Соединить судьбу мою,—то вправѣ
Я требовать, Димитрій, одного:
Я требую, чтобъ ты души своей
Мнѣ тайныя открылъ теперь надежды,
Намѣренья и даже опасенья;
Чтобъ объ руку съ тобой могла я смѣло
Пуститься въ жизнь, не съ дѣтской слѣпотой,

Digitized by Google

Не какъ раба желаній легкихъ мужа,
Но какъ тебя достойная супруга,
Помощница Московскаго Царя.

Самозванецъ желаетъ забыть въ это время своей *судьбы заботы и тревоги*; вмѣсто всего этого, онъ проситъ Марину выслушать *моленія* своей любви къ ней, заявляя, что онъ теперь равнодушно глядитъ на тронъ Московскій и царскую власть. Но Марина хочетъ отдать свою руку ему, не какъ юношѣ, плѣненному ея красотой, а какъ наслѣднику Московскаго престола, Царевичу, спасенному судьбой; другаго ей любить нельзя. На это Самозванецъ говоритъ ей слѣдующее:

...Скажу
Всю истину; такъ знай же: твой Димитрій
Давно погибъ, зарытъ— и не воскреснетъ.
А хочешь ли ты знать, кто я таковъ?
Изволь, скажу: я бѣдный черноризецъ!
Монашеской неволею скучая,
Подъ клобукомъ свой замыселъ отважный
Обдумалъ я; готовилъ міру чудо—
И наконецъ изъ келіи бѣжалъ
Къ Украинцамъ, въ ихъ буйные курени;
Владѣть конемъ и саблей научился;
Явился къ вамъ, Димитріемъ назвался,—
И Поляковъ безмозглыхъ обманулъ.
Что скажешь ты, надменная Марина?
Довольна ль ты признаніемъ моимъ?
Что-жъ ты молчишь?

Марина.

О стыдъ! о горе мнѣ!

Самозванецъ жалѣетъ, что онъ не въ мѣру проболтался, и потому теперь ввѣряетъ свою судьбу Маринѣ и бросается передъ ней на колѣни.

Марина.

Встань, бѣдный самозванецъ!
Не мнишь ли ты колѣнопреклоненьемъ,

Digitized by Google

Какъ дѣвочки довѣрчивой и слабой
Тщеславное мнѣ сердце умилить?
Ошибся, другъ: у ногъ своихъ видала
Я Рыцарей и Графовъ благородныхъ;
Но ихъ мольбы я хладно отвергала
Не для того, чтобъ бѣглаго монаха...

Самозванецъ объясняетъ свое признаніе Маринѣ единственно любовію къ ней, а затѣмъ гордо говоритъ:

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила,
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
Царевичъ я. Довольно. Стыдно мнѣ
Предъ гордою Полячкой унижаться.
Прощай навѣкъ: игра войны кровавой,
Судьбы моей обширныя заботы
Тоску любви, надѣюсь, заглушатъ.
О, какъ тебя я стану ненавидѣть,
Когда пройдетъ постыдной страсти жаръ!
Теперь иду—погибель иль вѣнецъ
Мою главу въ Россіи ожидаетъ,
Найду ли смерть, какъ воинъ, въ битвѣ честной,
Иль, какъ злодѣй, на плахѣ площадной;
Не будешь ты подругою моей,
Моей судьбы не раздѣлишь со мною;
Но, можетъ быть, ты будешь сожалѣть
Объ участи, отвергнутой тобою.

Марина.

А если я твой дерзостный обманъ
Заранѣе предъ всѣми обнаружу?

Самозванецъ.

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
Что болѣе повѣрятъ Польской дѣвѣ,

Digitized by Google

Чѣмъ Русскому царевичу? Но знай,
Что ни Король, ни Папа, ни вельможи
Не думаютъ о правдѣ словъ моихъ.
Димитрій я иль нѣтъ—что имъ за дѣло?
Но я предлогъ раздоровъ и войны.
Имъ это лишь и нужно: и тебя,
Мятежница, повѣрь, молчать заставятъ.
Прощай.

Марина послѣ этого мирится съ Самозванцемъ и торопитъ его вести полки на Москву, чтобы очистить Кремль и сѣсть на тронъ Московскій. Самозванецъ рѣшилъ завтра же *двинуть рать*.

15. Граница Литовская. (1604 16-е октября).

Князь Курбскій и Самозванецъ (*оба верхомъ, полки приближаются къ границѣ*).

Курбскій (*прискакавъ первый*).

Вотъ, вотъ она!.. вотъ Русская граница!
Святая Русь! Отечество! я твой!
Чужбины прахъ съ презрѣньемъ отряхаю
Съ моихъ одеждъ; пью жадно воздухъ новый:
Онъ мнѣ родной! Теперь твоя душа,
О мой отецъ, утѣшилась, и въ гробѣ
Опальныя возрадуются кости!
Блеснулъ опять наслѣдственный нашъ мечъ,
Сей славный мечъ—гроза Казани темной,
Сей добрый мечъ—слуга Царей Московскихъ!
Въ своемъ пиру теперь онъ загуляетъ
За своего надежу-Государя!..

Самозванецъ (*ѣдетъ тихо съ поникшей головой*).

Какъ счастливъ онъ! какъ чистая душа
Въ немъ радостью и славой разыгралась!
О витязь мой, завидую тебѣ!
Сынъ Курбскаго, воспитанный въ изгнаньи,

Digitized by Google

Забывъ отцемъ снесенныя обиды,
Его вину за гробомъ искупивъ,
Ты кровь излить за сына Іоанна,
Готовишься законнаго Царя
Ты возвратить отечеству... ты правъ,
Душа твоя должна пылать весельемъ.

Курбскій.

Уже ль и ты не веселишься духомъ?
Вотъ наша Русь—она твоя, Царевичъ!
Тамъ ждутъ тебя сердца твоихъ людей,
Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

Самозванецъ.

Кровь Русская, о Курбскій, потечетъ!
Вы за Царя подъяли мечъ, вы чисты.
Я жъ васъ веду на братьевъ; я Литву
Позвалъ на Русь; я въ красную Москву
Кажу врагамъ завѣтную дорогу!...
Но пусть мой грѣхъ падетъ не на меня,
А на тебя, Борисъ-Цареубійца!
Впередъ!

Курбскій.

Впередъ!—и горе Годунову!
(*Скачутъ. Полки переходятъ черезъ границу.*)

---

16. Царская дума.

Царь. Патріархъ и Бояре.

Царь.

Возможно ли? разстрига, бѣглый инокъ
На насъ ведетъ злодѣйскія дружины,
Дерзаетъ намъ писать угрозы! Полно,

Digitized by Google

Пора смирить безумца! Поѣзжайте,
Ты, Трубецкой, и ты, Басмановъ; помощь
Нужна моимъ усерднымъ Воеводамъ.
Бунтовщикомъ Черниговъ осажденъ:
Спасайте градъ и гражданъ.

Басмановъ.

Государь,
Трехъ мѣсяцевъ отнынѣ не пройдетъ,
И замолчитъ и слухъ о самозванцѣ;
Его въ Москву мы привеземъ, какъ звѣря
Заморскаго, въ желѣзной клѣткѣ. Богомъ
Тебѣ клянусь.

(*Уходитъ съ Трубецкимъ.*)

Царь.

Мнѣ Свейскій Государь
Черезъ пословъ союзъ свой предложилъ;
Но не нужна намъ чуждая помога:
Своихъ людей у насъ довольно ратныхъ,
Чтобъ отразить измѣнниковъ и Ляха.
Я отказалъ.
Щелкаловъ! разослать
Во всѣ концы Указы къ Воеводамъ,
Чтобъ на коня садились, и людей,
По старинѣ, на службу высылали;
Въ монастыряхъ подобно отобрать
Служителей причетныхъ. Въ прежни годы,
Когда бѣдой отечеству грозило,
Отшельники на битву сами шли;
Но не хотимъ тревожить нынѣ ихъ.
Пусть молятся за насъ они—таковъ
Указъ Царя и приговоръ Боярскій.
Теперь вопросъ мы важный разрѣшимъ:
Вы знаете, что наглый самозванецъ
Коварные промчалъ повсюду слухи;

Digitized by Google

Повсюду имъ разосланныя письма
Посѣяли тревогу и сомнѣнье;
На площадяхъ мятежный бродитъ шопотъ,
Умы кипятъ... ихъ нужно остудить;
Предупредить желалъ бы казни я,
Но чѣмъ и какъ? рѣшимъ теперь. Ты первый,
Святой Отецъ, свою повѣдай мысль.

Патріархъ.

Благословенъ Всевышній, поселившій
Духъ милости и кроткаго терпѣнья
Въ душѣ твоей, великій Государь!
Ты грѣшному погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь, да пройдетъ заблужденье:
Оно пройдетъ, и солнце правды вѣчной
Всѣхъ озаритъ.
Твой вѣрный богомолецъ,
Въ дѣлахъ мірскихъ немудрый судія,
Дерзаетъ днесь подать тебѣ свой голосъ:
Бѣсовскій сынъ, разстрига окаянный,
Прослыть умѣлъ Димитріемъ въ народѣ,
Онъ именемъ Царевича, какъ ризой
Украденной безстыдно облачился:
Но стоитъ лишь ее раздрать—и самъ
Онъ наготой своею посрамится.
Самъ Богъ на то намъ средство посылаетъ:
Знай, Государь, тому прошло шесть лѣтъ,
Въ тотъ самый годъ, когда тебя Господь
Благословилъ на царскую державу—
Въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ однажды
Простой пастухъ, уже маститый старецъ,
И чудную повѣдалъ онъ мнѣ тайну:
«Въ младыхъ лѣтахъ», сказалъ онъ, «я ослѣпъ,
И съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи
До старости: напрасно я лѣчился
И зеліемъ и тайнымъ нашептаньемъ;
Напрасно я ходилъ на поклоненье

Digitized by Google

Въ обители къ великимъ Чудотворцамъ;
Напрасно я изъ кладезей святыхъ
Кропилъ водой цѣлебной темны очи—
Не посылалъ Господь мнѣ исцѣленья.
Вотъ наконецъ утратилъ я надежду,
И къ тмѣ своей привыкъ, и даже сны
Мнѣ виданныхъ вещей ужъ не являли,
А снилися мнѣ только звуки. Разъ,
Въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣтскій голосъ
Мнѣ говоритъ: встань, дѣдушка, поди
Ты въ Угличъ-градъ, въ Соборъ Преображенья:
Тамъ помолись ты надъ моей могилой,
Богъ милостивъ—и я тебя прощу.
Но кто же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ.
Царевичъ я Димитрій. Царь небесный
Пріялъ меня въ ликъ Ангеловъ своихъ:
И я теперь великій Чудотворецъ.
Иди, старикъ.—Проснулся я и думалъ:
Что-жъ? можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Богъ
Мнѣ позднее даруетъ исцѣленье.
Пойду—и въ путь отправился далекій.
Вотъ Углича достигъ я, прихожу
Въ святой Соборъ, и слушаю обѣдню,
И, разгорясь душой усердной, плачу
Такъ сладостно, какъ будто слѣпота
Изъ глазъ моихъ слезами вытекала.
Когда народъ сталъ выходить, я внуку
Сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ
Царевича Димитрія. И мальчикъ
Повелъ меня—и только передъ гробомъ
Я тихую молитву сотворилъ,
Глаза мои прозрѣли: я увидѣлъ
И Божій свѣтъ, и внука, и могилку».
Вотъ, Государь, что мнѣ повѣдалъ старецъ.

(Общее смущеніе. Въ продолженіе сей рѣчи Борисъ нѣсколько разъ отираетъ лице платкомъ.)

Digitized by Google

Я посылалъ тогда нарочно въ Угличъ,
И свѣдано, что многіе страдальцы
Спасеніе подобно обрѣтали
У гробовой Царевича доски.
Вотъ мой совѣтъ: во Кремль святыя мощи
Перенести, поставить ихъ въ Соборѣ
Архангельскомъ; народъ увидитъ ясно
Тогда обманъ безбожнаго злодѣя,
И мощь бѣсовъ исчезнетъ яко прахъ.
(*Молчаніе.*)

Князь Шуйскій.

Святый отецъ, кто вѣдаетъ пути
Всевышняго? Не мнѣ Его судить.
Нетлѣнный сонъ и силу чудотворства
Онъ можетъ дать младенческимъ останкамъ;
Но надлежитъ народную молву
Изслѣдовать прилежно и безстрастно;
А въ бурныя ль смятеній времена
Намъ помышлять о столь великомъ дѣлѣ?
Не скажутъ ли, что мы святыню дерзко
Въ дѣлахъ мірскихъ орудіемъ творимъ?
Народъ и такъ колеблется безумно,
И такъ ужъ есть довольно шумныхъ толковъ:
Умы людей не время волновать
Нежданною, столь важной новизною.
Самъ вижу я: необходимо слухъ,
Разсѣянный разстригой, уничтожить;
Но есть на то иныя средства—проще.
Такъ, Государь, когда изволишь ты,
Я самъ явлюсь на площади народной,
Уговорю, усовѣщу безумство,
И злой обманъ бродяги обнаружу.

Царь.

Да будетъ такъ! Владыка Патріархъ,

Digitized by Google

Прошу тебя пожаловать въ палату:
Сегодня мнѣ нужна твоя бесѣда.
(*Уходитъ, занимъ и всѣ Бояре.*)

Одинъ бояринъ (*тихо другому*).

Замѣтилъ ты, какъ Государь блѣднѣлъ,
И крупный потъ съ лица его закапалъ?

Второй.

Я, признаюсь, не смѣлъ поднять очей,
Не смѣлъ вздохнуть, не только шевелиться.

Первый.

А выручилъ Князь Шуйскій. Молодецъ!

17 сцена. Равнина близъ Новгорода-Сѣверскаго. (1604 г. 12 декабря). Битва. Побѣда на сторонѣ Самозванца. По приказу побѣдителя, трубятъ отбой. «Мы побѣдили. Довольно; щадите Русскую кровь», говоритъ самозванецъ.

18 сцена. Площадь передъ соборомъ въ Москвѣ.

Въ народѣ, ожидающемъ выхода Царя изъ собора, является юродивый; мальчишки его дразнятъ. Выходитъ Царь, и юродивый, жалуясь ему на мальчишекъ, говоритъ: «вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзалъ ты маленькаго царевича». Бояре хотятъ, чтобы схватили юродиваго, Царь же велитъ ему молиться за себя, на что юродивый отвѣчаетъ: «нельзя молиться за Царя-Ирода: Богородица не велитъ».

19 сцена. Сѣвскъ. Самозванецъ, окруженный своими. Здѣсь отъ плѣннаго, Московскаго дворянина Рожнова, онъ узнаетъ, что въ Москвѣ доносы и пытки, разспрашиваетъ о числѣ войска, о себѣ. На вопросъ о послѣднемъ Рожновъ отвѣчаетъ:

А говорятъ о милости твоей,
Что ты—дескать (будь не во гнѣвъ) и воръ,
А молодецъ.

Digitized by Google

Самозванецъ (*смѣясь*).

Такъ это я на дѣлѣ
Имъ докажу: друзья, не станемъ ждать
Мы Шуйскаго; я поздравляю васъ:
На завтра бой.

20 сцена. Лѣсъ. Лжедимитрій, Пушкинъ. Самозванецъ, разбитый Русскими, отдыхаетъ въ лѣсу, жалѣя о своемъ раненомъ конѣ, объ убитомъ въ сраженіи Курбскомъ, и потомъ спокойно себѣ засыпаетъ.

Пушкинъ.

Пріятный сонъ, Царевичъ!
Разбитый въ прахъ, спасаяся побѣгомъ,
Безпеченъ онъ, какъ глупое дитя:
Хранитъ его, конечно, Провидѣнье;—
И мы, друзья, не станемъ унывать.

21. Москва. Царскія палаты.

Царь.

Онъ побѣжденъ, какая польза въ томъ?
Мы тщетною побѣдой увѣнчались.
Онъ вновь собралъ разсѣянное войско
И намъ со стѣнъ Путивля угрожаетъ.
Что дѣлаютъ межъ тѣмъ герои наши?
Стоятъ у Кромъ, гдѣ кучка казаковъ
Смѣется имъ изъ-подъ гнилой ограды.
Вотъ слава! Нѣтъ, я ими не доволенъ;
Пошлю тебя начальствовать надъ ними;
Не родъ, а умъ поставлю въ воеводы;
Пускай ихъ спѣсь о мѣстничествѣ тужитъ!
Пора презрѣть мнѣ ропотъ знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

Басмановъ.

Ахъ, Государь, стократъ благословенъ
Тотъ будетъ день, когда разрядны книги

Digitized by Google

Съ раздорами, съ гордыней родословной
Пожретъ огонь!

Царь.

День этотъ недалекъ,
Лишь дай сперва смятеніе народа
Мнѣ усмирить.

Басмановъ.

Что на него смотрѣть?
Всегда народъ къ смятенью тайно склоненъ:
Такъ борзый конь грызетъ свои бразды;
На власть отца такъ отрокъ негодуетъ:
Но что жъ? конемъ спокойно всадникъ правитъ,
И отрокомъ отецъ повелѣваетъ.

Царь.

Конь иногда сбиваетъ сѣдока,
Сынъ у отца не вѣчно въ полной волѣ:
Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержать народъ. Такъ думалъ Іоаннъ,
Смиритель бурь, разумный Самодержецъ,
Такъ думалъ и его свирѣпый внукъ.
Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ:
Твори добро—не скажетъ онъ спасибо;
Грабь и казни—тебѣ не будетъ хуже.
(*Входитъ Бояринъ.*)
Что?

Бояринъ.

Привели гостей иноплеменныхъ.

Царь.

Иду принять; Басмановъ, погоди,
Останься здѣсь: съ тобой еще мнѣ нужно
Поговорить.
(*Уходитъ.*)

Digitized by Google

Басмановъ.

Высокій духъ державный!
Дай Богъ ему съ Отрепьевымъ проклятымъ
Управиться,—и много, много онъ
Еще добра въ Россіи сотворитъ.
Мысль важная въ умѣ его родилась.
Не надобно ей дать остыть. Какое
Мнѣ поприще откроется, когда
Онъ сломитъ рогъ боярству родовому!
Соперниковъ во брани я не знаю;
У Царскаго престола стану первый...
И можетъ быть... Но что за чудный шумъ?

(*Тревога. Бояре, придворные служители въ безпорядкѣ бѣгутъ, встрѣчаются и шепчутъ.*)

Одинъ.

За лѣкаремъ!

Другой.

Скорѣе къ Патріарху.

Третій.

Царевича, царевича зоветъ!

Четвертый.

Духовника!

Басмановъ.

Что сдѣлалось такое?

Пятый и шестой.

Царь занемогъ, Царь умираетъ.

Басмановъ.

Боже!

Digitized by Google

Пятый.

На тронѣ онъ сидѣлъ и вдругъ упалъ;
Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей.
(*Царя выносятъ на стулѣ; все Царское семейство, всѣ Бояре.*)

Царь.

Подите всѣ—оставьте одного
Царевича со мною. (*Всѣ удаляются.*) Умираю;
Обнимемся. Прощай, мой сынъ: сейчасъ
Ты царствовать начнешь... о Боже, Боже!
Сейчасъ явлюсь передъ Тобой—и душу
Мнѣ некогда очистить покаяньемъ!
Но чувствую, мой сынъ, ты мнѣ дороже
Душевнаго спасенья... такъ и быть!
Я подданнымъ рожденъ, и умереть
Мнѣ подданнымъ во мракѣ бъ надлежало;
Но я достигъ верховной власти—чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
Ты царствовать теперь по праву станешь,
А я за все одинъ отвѣчу Богу.
О милый сынъ, не обольщайся ложно,
Не ослѣпляй себя ты добровольно.
Въ дни бурные державу ты пріемлешь:
Опасенъ онъ, сей чудный самозванецъ!
Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
Могъ удержать смятенье и мятежъ;
Передо мной они дрожали въ страхѣ;
Возвысить гласъ измѣна не дерзала:
Но ты, младой, неопытный властитель,
Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
Тушить мятежъ, опутывать измѣну!
Но Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости даруетъ силу... Слушай:
Совѣтника, во-первыхъ, изберн
Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
Любимаго народомъ, а въ Боярахъ

Digitized by Google

Почтеннаго породой или славой—
Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
Искусный вождь: Басманова пошли
И съ твердостью снеси боярскій ропотъ.
Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ Думѣ,
Ты знаешь ходъ державнаго правленья;
Не измѣняй теченья дѣлъ. Привычка—
Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
Возстановить опалы, казни—можешь
Ихъ отмѣнить: тебя благословятъ,
Какъ твоего благословляли дядю,
Когда престолъ онъ Грознаго пріялъ.
Со временемъ и понемногу снова
Затягивай державныя бразды:
Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская.
Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
Довѣрчиво ихъ службу принимай.
Со строгостью храни Уставъ церковный;
Будь молчаливъ! не долженъ Царскій голосъ
На воздухѣ теряться по-пустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ.
О милый сынъ! ты входишь въ тѣ лѣта,
Когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость!
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ младые дни привыкнулъ утопать,
Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ.
Въ семьѣ своей будь завсегда главой;
Мать почитай, но властвуй самъ собою:
Ты мужъ и Царь; люби свою сестру—
Ты ей одинъ хранитель остаешься.

Ѳеодоръ (*на колѣняхъ*).

Нѣтъ, нѣтъ—живи и царствуй долговѣчно:
Народъ и мы погибли безъ тебя.

Digitized by Google

Царь.

Все кончено—глаза мои темнѣютъ,
Я чувствую могильный хладъ...
(*Входятъ Патріархъ, Святители, за нимъ всѣ Бояре. Царицу ведутъ подъ руки. Царевна рыдаетъ.*)
Кто тамъ?
А! схима... такъ! святое постриженье...
Ударилъ часъ! въ монахи Царь идетъ—
И темный гробъ моею будетъ кельей.
Повремени, Владыка Патріархъ!
Я Царь еще. Внемлите вы, Бояре:
Се тотъ, кому приказываю Царство;
Цѣлуйте крестъ Ѳеодору... Басмановъ,
Друзья мои! при гробѣ васъ молю
Ему служить усердіемъ и правдой!
Онъ такъ еще и младъ, и непороченъ.
Клянетесь ли?

Бояре.

Клянемся.

Царь.

Я доволенъ.
Простите жъ мнѣ соблазны и грѣхи,
И вольныя и тайныя обиды...
Святый отецъ, приближься: я готовъ.

(*Начинается обрядъ постриженія. Женщинъ выносятъ въ обморокъ.*)

22 сцена. Ставка.

Пушкинъ убѣждаетъ Басманова перейти на сторону Самозванца, и честолюбивый Басмановъ, послѣ нѣкоторой борьбы, готовъ измѣнить Ѳеодору.

23 сцена. Лобное мѣсто.

Пушкинъ съ амвона извѣщаетъ народъ о Димитріи, спас-

Digitized by Google

шемся отъ рукъ убійцы,—о томъ, что Россія уже покорилась ему, и Басмановъ свои полки привелъ ему къ присягѣ.

Потерпѣвъ подъ властію жестокаго пришельца, гов. далѣе Пушкинъ: вы будете утѣшены Димитріемъ; цѣлуйте крестъ законному владыкѣ; немедленно пошлите къ нему во станъ Митрополита, Бояръ, Дьяковъ и Выборныхъ людей, да бьютъ челомъ отцу и Государю.

Народъ за Димитрія. За Пушкинымъ на амвонѣ является мужикъ, который кричитъ: Народъ! народъ! въ Кремль! въ Царскія палаты! Ступай вязать Борисова щенка!

Народъ (*несется толпою*).

Вязать! топить! Да здравствуетъ Димитрій!
Да гибнетъ родъ Бориса Годунова!

24. Кремль. Домъ Борисовъ. Стража у крыльца.

Ѳеодоръ, *подъ окномъ*.

Нищій.

Дайте милостыню Христа ради!

Стража.

Поди прочь; не велѣно говорить съ заключенными.

Ѳеодоръ.

Поди, старикъ, я бѣднѣе тебя: ты на волѣ.
(*Ксенія подъ покрываломъ подходитъ также къ окну.*)

Одинъ изъ народа.

Братъ да сестра—бѣдныя дѣти, что пташки въ клѣткѣ!

Другой.

Есть о комъ жалѣть? Проклятое племя!

Первый.

Отецъ былъ злодѣй, а дѣти невинны

Digitized by Google

Другой.

Яблоко отъ яблони недалеко падаетъ.

Ксенія.

Братецъ! братецъ! кажется, къ намъ Бояре идутъ.

Θеодоръ.

Это Голицынъ, Мосальскій. Другіе мнѣ незнакомы.

Ксенія.

Ахъ, братецъ, сердце замираетъ.

(*Голицынъ, Мосальскій, Молчановъ и Шереферединовъ; за ними трое стрѣльцовъ.*)

Народъ.

Разступитесь, разступитесь: Бояре идутъ.

(*Они входятъ въ домъ.*)

Одинъ изъ народа.

Зачѣмъ они пришли?

Другой.

А вѣрно приводить къ присягѣ Θеодора Годунова.

Третій.

Въ самомъ дѣлѣ? слышишь, какой въ домѣ шумъ. Тревога!.. дерутся!

Народъ.

Слышишь? визгъ! Это женскій голосъ.... Войдемъ!... Двери заперты; крики замолкли; шумъ продолжается.

(*Отворяются двери. Мосальскій является на крыльцѣ.*)

Мосальскій.

Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Θеодоръ отравили себя

Digitized by Google

ядомъ. Мы видѣли ихъ мертвые трупы. (*Народъ въ ужасѣ молчитъ.*) Что жъ вы молчите? Кричите: да здравствуетъ Царь Димитрій Ивановичъ!

(*Народъ безмолвствуетъ.*)

Изъ путешествія въ Эрзерумъ.

Переходъ отъ Европы къ Азіи дѣлается часъ отъ часу чувствительнѣе: лѣса исчезаютъ, холмы сглаживаются, трава густѣетъ и являетъ большую силу растительности; показываются птицы, невѣдомыя въ нашихъ лѣсахъ; орлы сидятъ на кочкахъ, означающихъ большую дорогу, какъ будто на стражѣ, и гордо смотрятъ на путешественника. Калмыки располагаются около станціонныхъ хатъ. У кибитокъ ихъ пасутся уродливыя косматыя козы, знакомыя вамъ по прекраснымъ рисункамъ Орловскаго.

Въ Ставрополѣ я увидѣлъ на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры ровно за десять лѣтъ. Они были все тѣ же, все на томъ же мѣстѣ. Это—снѣжныя вершины Кавказской цѣпи.

Изъ Георгіевска я заѣхалъ на Горячія воды. Здѣсь нашелъ я большую перемѣну. Въ мое время ванны находились въ лачужкахъ, наскоро построенныхъ. Источники, большею частію въ первобытномъ своемъ видѣ, били, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красноватые слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ коры или дномъ разбитой бутылки. Нынѣ выстроены великолѣпные ванны и дома. Бульваръ, обсаженный липками, проведенъ по склоненію Машука. Вездѣ чистенькія дорожки, зеленыя лавочки, правильные цвѣтники, мостики, павильоны. Ключи обдѣланы, выложены камнемъ; на стѣнахъ ваннъ прибиты предписанія отъ полиціи; вездѣ порядокъ, чистота, красивость...

Признаюсь, Кавказскія воды представляютъ нынѣ болѣе удобностей; но мнѣ было жаль ихъ прежняго, дикаго состоянія: мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ тропинокъ, кустарниковъ и неогороженныхъ пропастей, надъ которыми, бывало, я карабкался. Съ грустью оставилъ я воды и отправился обратно въ Георгіевскъ. Скоро настала ночь. Чистое небо усѣялось мил-

Digitized by Google

ліонами звѣздъ; я ѣхалъ берегомъ Подкумка. Здѣсь, бывало, сиживалъ со мною А. Р., прислушиваясь къ мелодіи водъ. Величавый Бешту чернѣе и чернѣе рисовался въ отдаленіи, окруженный горами, своими вассалами, и наконецъ исчезъ во мракѣ...

На другой день мы отправились далѣе и прибыли въ Екатериноградъ, бывшій нѣкогда намѣстническимъ городомъ.

Съ Екатеринограда начинается военная Грузинская дорога; почтовый трактъ прекращается. Нанимаютъ лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачій и пѣхотный и одна пушка. Почта отправляется два раза въ недѣлю, и проѣзжіе къ ней присоединяются: это называется оказіей. Мы дожидались недолго. Почта пришла на другой день, и на третье утро въ 9 часовъ мы были готовы отправиться въ путь. На сборномъ мѣстѣ соединился весь караванъ, состоявшій изъ пятисотъ человѣкъ или около. Пробили въ барабанъ. Мы тронулись. Впередъ поѣхала пушка, окруженная пѣхотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдатокъ, переѣзжающихъ изъ одной крѣпости въ другую; за нами заскрипѣлъ обозъ двуколесныхъ аробъ. По сторонамъ бѣжали конскіе табуны и стада воловъ. Около нихъ скакали Нагайскіе проводники въ буркахъ и съ арканами. Все это сначала мнѣ очень нравилось, но скоро надоѣло. Пушка ѣхала шагомъ, фитиль курился, и солдаты раскуривали имъ трубки. Медленность нашего похода, (въ первый день мы прошли только пятнадцать верстъ) несносная жара, недостатокъ припасовъ, безпокойные ночлеги, наконецъ безпрерывный скрипъ Нагайскихъ аробъ выводили меня изъ терпѣнія. Татары тщеславятся этимъ скрипомъ, говоря, что они разъѣзжаютъ какъ честные люди, не имѣющіе нужды укрываться. На сей разъ пріятнѣе было бы мнѣ путешествовать не въ столь почтенномъ обществѣ. Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонамъ холмы. На краю неба — вершины Кавказа, каждый день являющіяся выше и выше. Крѣпости достаточныя для здѣшняго края, со рвомъ, который каждый изъ насъ перепрыгнулъ бы въ старину не разбѣгаясь, съ пушками, не стрѣлявшими со временъ графа Гудовича, съ валомъ, по которому бродитъ гарнизонъ курицъ и гусей. Въ крѣпостяхъ нѣсколько

Digitized by Google

лачужекъ, гдѣ съ трудомъ можно достать десятокъ яицъ или кислаго молока.

Первое замѣчательное мѣсто есть крѣпость Минаретъ. Приближаясь къ ней, нашъ караванъ ѣхалъ по прелестной долинѣ, между курганами, обросшими липой и чинаромъ. Это могилы нѣсколькихъ тысячъ умершихъ чумою. Пестрѣлись цвѣты, порожденные зараженнымъ пепломъ. Справа сіялъ снѣжный Кавказъ; впереди возвышалась огромная лѣсистая гора, за нею находилась крѣпость: кругомъ ея видны слѣды разореннаго аула, называвшагося Татартубомъ и бывшаго нѣкогда главнымъ въ Большой Кабардѣ. Легкій одинокій минаретъ свидѣтельствуетъ о бытіи исчезнувшаго селенія. Онъ стройно возвышается между грудами камней, на берегу изсшохшаго потока. Внутренняя лѣстница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, съ которой уже не раздается голосъ Муллы. Тамъ нашелъ я нѣсколько неизвѣстныхъ имянъ, нацарапанныхъ на кирпичахъ славолюбивыми путешественниками. Дорога наша сдѣлалась живописна. Горы тянулись надъ нами. На ихъ вершинахъ ползали чуть видныя стада и казались насѣкомыми. Мы различали и пастуха, быть можетъ, Русскаго, нѣкогда взятаго въ плѣнъ и состарѣвшагося въ неволѣ. Мы встрѣтили еще курганы, еще развалины. Два-три надгробныхъ памятника стояли на краю дороги. Тамъ, по обычаю Черкесовъ, похоронены ихъ наѣздники. Татарская надпись, изображеніе шашки, танга, изсѣченныя на камнѣ, оставлены хищнымъ внукомъ въ память хищнаго предка.

Черкесы насъ ненавидятъ. Мы вытѣснили ихъ изъ привольныхъ пастбищъ; аулы ихъ разорены, цѣлыя племена уничтожены. Они часъ отъ часу далѣе углубляются въ горы и оттуда направляютъ свои набѣги. Дружба *мирныхъ* Черкесовъ ненадежна: они всегда готовы помочь буйнымъ своимъ единоплеменникамъ. Духъ дикаго ихъ рыцарства замѣтно упалъ. Они рѣдко нападаютъ въ равномъ числѣ на казаковъ, никогда на пѣхоту, и бѣгутъ, завидя пушку. За то никогда не пропустятъ случая напасть на слабый отрядъ или на беззащитнаго. Здѣшняя сторона полна молвой о ихъ злодѣйствахъ. Почти нѣтъ никакого способа ихъ усмирять, пока ихъ не обезоружатъ, какъ обезоружили Крымскихъ Татаръ, что чрезвычайно трудно исполнить, по причинѣ господствующихъ между ними наслѣдствен-

Digitized by Google

ныхъ распрей и мщенія крови. Кинжалъ и шашка суть члены ихъ тѣла, и младенецъ начинаетъ владѣть ими прежде, нежели лепетать. У нихъ убійство—простое тѣлодвиженіе. Плѣнниковъ они сохраняютъ въ надеждѣ на выкупъ, но обходятся съ ними съ ужаснымъ безчеловѣчіемъ: заставляютъ работать сверхъ силъ, кормятъ сырымъ тѣстомъ, бьютъ, когда вздумается, и приставляютъ къ нимъ для стражи своихъ мальчишекъ, которые за одно слово вправѣ ихъ изрубить своими дѣтскими шашками. Недавно поймали *мирнаго* Черкеса, выстрѣлившаго въ солдата. Онъ оправдывался тѣмъ, что ружье его было слишкомъ долго заряжено. Что дѣлать съ таковымъ народомъ? Должно, однакожъ, надѣяться, что пріобрѣтеніе восточнаго края Чернаго моря, отрѣзавъ Черкесовъ отъ торговли съ Турціей, принудитъ ихъ съ нами сблизиться. Вліяніе роскоши можетъ благопріятствовать ихъ укрощенію: самоваръ былъ бы важнымъ нововведеніемъ. Есть средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе Евангелія. Черкесы очень недавно приняли Магометанскую вѣру. Они были увлечены дѣятельнымъ фанатизмомъ апостоловъ Корана, между коими отличался Мансуръ, человѣкъ необыкновенный, долго возмущавшій Кавказъ противу Русскаго владычества, наконецъ схваченный нами и умершій въ Соловецкомъ монастырѣ. Кавказъ ожидаетъ Христіанскихъ миссіонеровъ. Но тщетно, въ замѣну слова живаго, выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, не знающимъ грамоты.

...Тифлисъ находится на берегахъ Куры, въ долинѣ, окруженной каменистыми горами. Онѣ укрываютъ его со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ и, раскалясь на солнцѣ, не нагрѣваютъ, а кипятятъ недвижимый воздухъ. Вотъ причина нестерпимыхъ жаровъ, царствующихъ въ Тифлисѣ, несмотря на то, что городъ находится только еще подъ 41 градусомъ широты. Самое его названіе (Тбилисаларъ) значитъ жаркій городъ.

Большая часть города выстроена по-Азіатски: дома низкіе, кровли плоскія. Въ сѣверной части возвышаются дома Европейской архитектуры, и около нихъ начинаютъ образовываться правильныя площади. Базаръ раздѣляется на нѣсколько рядовъ; лавки полны Турецкихъ и Персидскихъ товаровъ, довольно дешевыхъ, если принять въ разсужденіе всеобщую дороговизну.

Digitized by Google

Оружіе Тифлисское дорого цѣнится на всемъ Востокѣ. Графъ С. и В., прослывшіе здѣсь богатырями, обыкновенно пробовали свои новыя шашки, съ одного маху перерубая на-двое барана, или отсѣкая голову быку.

Въ Тифлисѣ главную часть народонаселенія составляютъ Армяне: въ 1825 году было ихъ здѣсь до двухъ тысячъ пятисотъ семействъ. Во время нынѣшнихъ войнъ число ихъ еще умножилось. Грузинскихъ семействъ считается до тысячи пятисотъ. Русскіе не считаютъ себя здѣшними жителями. Военные, повинуясь долгу, живутъ въ Грузіи, потому что такъ имъ велѣно. Молодые титулярные совѣтники пріѣзжаютъ сюда за чиномъ ассесорскимъ, только вожделѣннымъ. Тѣ и другіе смотрятъ на Грузію, какъ на изгнаніе.

Климатъ Тифлисскій, сказываютъ, нездоровъ. Здѣшнія горячки ужасны; ихъ лечатъ меркуріемъ, коего употребленіе безвредно, по причинѣ жаровъ.

Лѣкаря кормятъ имъ своихъ больныхъ безъ всякой совѣсти. Генералъ С., говорятъ, умеръ оттого, что его домовый лѣкарь, пріѣхавшій съ нимъ изъ Петербурга, испугался пріема, предлагаемаго тамошними докторами, и не далъ онаго больному. Здѣшнія лихорадки похожи на Крымскія и Молдавскія, и лѣчатся одинаково.

Жители пьютъ Курскую воду, мутную, но пріятную. Во всѣхъ источникахъ и колодцахъ вода сильно отзывается сѣрой. Впрочемъ, вино здѣсь въ такомъ общемъ употребленіи, что недостатокъ въ водѣ былъ бы незамѣтенъ.

Въ Тифлисѣ удивила меня дешевизна денегъ. Переѣхавъ на извощикѣ чрезъ двѣ улицы и отпустивъ его чрезъ полчаса, я долженъ былъ заплатить два рубля серебромъ. Я сперва думалъ, что онъ хотѣлъ воспользоваться незнаніемъ новопріѣзжаго; но мнѣ сказали, что цѣна точно такова. Все прочее дорого въ соразмѣрности.

...Я сталъ подыматься на Безобдалъ, гору, отдѣляющую Грузію отъ древней Арменіи. Широкая дорога, осѣненная деревьями, извивается около горы. На вершинѣ Безобдала я проѣхалъ сквозь малое ущеліе, называемое, кажется, Волчьими Воротами, и очутился на естественной границѣ Грузіи. Мнѣ представились новыя горы, новый горизонтъ; подо мною разсти-

Digitized by Google

лались злачныя зеленыя нивы. Я взглянулъ еще разъ на опаленную Грузію и сталъ спускаться по отлогому склоненію горы къ свѣжимъ равнинамъ Арменіи. Съ неописаннымъ удовольствіемъ замѣтилъ я, что зной вдругъ уменьшился: климатъ былъ другой.

Человѣкъ мой, со вьючными лошадьми, отъ меня отсталъ. Я ѣхалъ въ цвѣтущей пустынѣ, окруженной издали горами. Въ разсѣянности проѣхалъ я мимо поста, гдѣ долженъ былъ перемѣнить лошадей. Прошло болѣе шести часовъ, и я началъ удивляться пространству перехода. Я увидѣлъ въ сторонѣ груды камней, похожія на сакли, и отправился къ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, я пріѣхалъ въ армянскую деревню. Нѣсколько женщинъ, въ пестрыхъ лохмотьяхъ, сидѣли на плоской кровлѣ подземной сакли. Я изъяснился кое-какъ. Одна изъ нихъ сошла въ саклю и вынесла мнѣ сыру и молока. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, я пустился далѣе, и на высокомъ берегу рѣки увидѣлъ противъ себя крѣпость Гергеры. Три потока съ шумомъ и пѣной низвергались съ высокаго берега. Я переѣхалъ черезъ рѣку. Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько Грузинъ сопровождали арбу. «Откуда вы»? спросилъ я ихъ.—Изъ Тегерана.—«Что вы везете»?—Грибоѣда. Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ.

Не думалъ я встрѣтить уже когда-нибудь нашего Грибоѣдова! Я разстался съ нимъ въ прошломъ году, въ Петербургѣ, предъ отъѣздомъ его въ Персію. Онъ былъ печаленъ и имѣлъ странныя предчувствія. Я было хотѣлъ его успокоить, онъ мнѣ сказалъ: Vous ne connaissez pas ces gens là: vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux. Онъ полагалъ, что причиною кровопролитія будетъ смерть Шаха и междуусобица его семидесяти сыновей. Но престарѣлый Шахъ еще живъ, а пророческія слова Грибоѣдова сбылись. Онъ погибъ подъ кинжалами Персіянъ, жертвой невѣжества и вѣроломства. Обезображенный трупъ его, бывшій три дня игралищемъ Тегеранской черни, узнанъ былъ только по рукѣ, нѣкогда простреленной пистолетною пулею.

Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣчества, все въ немъ было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ

Digitized by Google

честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой нибудь Наполеонъ, не предводительствующій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ «Московскомъ Телеграфѣ». Впрочемъ, уваженіе наше въ славѣ происходитъ, можетъ быть, отъ самолюбія: въ составъ славы входитъ и нашъ голосъ.

Жизнь Грибоѣдова была затемнена нѣкоторыми облаками: слѣдствіе пылкихъ страстей и могучихъ обстоятельствъ. Онъ почувствовалъ необходимость разчесться единожды навсегда съ своею молодостію и круто поворотить свою жизнь. Онъ простился съ Петербургомъ и съ праздной разсѣянностію—и уѣхалъ въ Грузію, гдѣ пробылъ восемь лѣтъ въ уединенныхъ, неусыпныхъ занятіяхъ. Возвращеніе его въ Москву, въ 1824 году, было переворотомъ въ его судьбѣ и началомъ безпрерывныхъ успѣховъ. Его рукописная комедія «Горе отъ ума» произвела неописанное дѣйствіе и вдругъ поставила его на ряду съ первыми нашими поэтами. Черезъ нѣсколько времени потомъ совершенное знаніе того края, гдѣ начиналась война, открыло ему новое поприще: онъ назначенъ былъ посланникомъ. Пріѣхавъ въ Грузію, женился онъ на той, которую любилъ... Не знаю ничего завиднѣе послѣднихъ годовъ бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смѣлаго, неровнаго боя, не имѣла для Грибоѣдова ничего ужаснаго, ничего томительнаго. Она была мгновенна и прекрасна.

Какъ жаль, что Грибоѣдовъ не оставилъ своихъ записокъ! Написать его біографію было бы дѣломъ его друзей; но замѣчательные люди исчезаютъ у насъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ. Мы лѣнивы и нелюбопытны...

Мнѣ предстоялъ переходъ черезъ невысокія горы, естественную границу Карскаго пашалыка. Небо покрыто было тучами:

Digitized by Google

я надѣялся, что вѣтеръ, который часъ отъ часу усиливался, ихъ разгонитъ. Но дождь сталъ накрапывать и шелъ все крупнѣе и чаще. Отъ Пернике до Гумровъ считается двадцать семь верстъ. Я затянулъ ремни моей бурки, надѣлъ башлыкъ на картузъ и поручилъ себя Провидѣнію.

Прошло болѣе двухъ часовъ. Дождь не переставалъ. Вода ручьями лилась съ моей отяжелѣвшей бурки и съ башлыка, напитаннаго дождемъ. Наконецъ холодная струя начала пробираться мнѣ за галстухъ, и вскорѣ дождь меня промочилъ до послѣдней нитки. Ночь была темная. Казакъ ѣхалъ впереди, указывая дорогу. Мы стали подыматься на горы. Между тѣмъ дождь пересталъ, и тучи разсѣялись. До Гумровъ оставалось верстъ десять. Вѣтеръ, дуя на свободѣ, былъ такъ силенъ, что въ четверть часа высушилъ меня совершенно. Я не думалъ избѣжать горячки. Наконецъ я достигнулъ Гумровъ около полуночи. Казакъ привезъ меня прямо къ посту. Мы остановились у палатки, куда спѣшилъ я войти. Тутъ нашелъ я двѣнадцать казаковъ, спящихъ одинъ возлѣ другаго. Мнѣ дали мѣсто: я повалился на бурку, не чувствуя самъ себя отъ усталости. Въ этотъ день проѣхалъ я 75 верстъ. Я заснулъ, какъ убитый.

Казаки разбудили меня на зарѣ. Первою моею мыслію было: не лежу ли въ лихорадкѣ, но почувствовалъ, что слава Богу, былъ здоровъ; не было слѣда не только болѣзни, но и усталости. Я вышелъ изъ палатки на свѣжій утренній воздухъ. Солнце всходило. На ясномъ небѣ бѣлѣла снѣговая, двуглавая гора. Что за гора? спросилъ я, потягиваясь, и услышалъ въ отвѣтъ: это Араратъ. Какъ сильно дѣйствіе звуковъ! Жадно глядѣлъ я на библейскую гору, видѣлъ ковчегъ, причалившій къ ея вершинѣ съ надеждой обновленія и жизни, и врана и голубицу, излетающихъ,—символы казни и примиренія...

Лошадь моя была готова. Я поѣхалъ съ проводникомъ. Утро было прекрасно. Солнце сіяло. Мы ѣхали по широкому лугу, по густой зеленой травѣ, орошенной росою и каплями вчерашняго дождя. Передъ нами блистала рѣчка, черезъ которую должны мы были переправиться. Вотъ и Арпачай, сказалъ мнѣ казакъ. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакалъ къ рѣкѣ съ чувствомъ неизъяснимымъ. Никогда еще не видалъ я чужой земли. Граница имѣла для меня что-то таинственное; съ

Digitized by Google

дѣтскихъ лѣтъ путешествія были моею любимою мечтою. Долго велъ я потомъ жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по сѣверу, и никогда еще не вырывался изъ предѣловъ необъятной Россіи. Я весело въѣхалъ въ завѣтную рѣку, и добрый конь вынесъ меня на Турецкій берегъ. Но этотъ берегъ былъ уже завоеванъ: я все еще находился въ Россіи!

Изъ стихотвореній Барона Дельвига.

Пѣсни.

1.

Ахъ, ты, ночь ли,
Ноченька!
Ахъ, ты, ночь ли,
Бурная!
Отчего ты
Съ вечера
До глубокой
Полночи
Не блистаешь
Звѣздами,
Не сіяешь
Мѣсяцемъ,
Все темнѣешь
Тучами?
И съ тобой, знать,
Ноченька,
Какъ со мною,
Молодцемъ,
Грусть-злодѣйка
Свѣдалась!
Какъ зяляжетъ
Лютая

Digitized by Google

Тамъ глубоко
На сердце-
Позабудешь
Съ вечера
До глубокой
Полночи,
Припѣвая,
Тѣшиться
Хороводной
Пляскою.
Нѣтъ, взрыдаешь,
Всплачешься—
И, безродный
Молодецъ,
На постелю
Жесткую,
Какъ въ могилу,
Кинешься!

2.

Пѣла, пѣла пташечка—
И затихла.
Знало сердце радости—
И забыло.
Что, пѣвунья-пташечка,
Замолчала?
Какъ ты, сердце, свѣдалось
Съ чернымъ горемъ?
Ахъ! убили пташечку
Злыя вьюги;
Погубили молодца
Злые толки!
Полетѣть бы пташечкѣ
Къ синю морю!
Убѣжать бы молодцу
Въ лѣсъ дремучій!
На морѣ валы шумятъ,

Digitized by Google

А не вьюги—
Въ лѣсѣ—звѣри лютые,
Да не люди!

Вдохновеніе.

Не часто къ намъ слетаетъ вдохновенье,
И краткій мигъ въ душѣ оно горитъ;
Но этотъ мигъ любимецъ музъ оцѣнитъ,
Какъ мученикъ съ землёю разлученье.

Въ друзьяхъ обманъ, въ любви разувѣренье
И ядъ во всёмъ, чѣмъ сердце дорожитъ,
Забыты имъ: восторженный піитъ
Ужъ прочиталъ своё предназначенье.

И прѐзрѣнный, гонимый отъ людей,
Блуждающій одинъ подъ небесами,
Онъ говоритъ съ грядущими вѣками,

Онъ ставитъ честь превыше всѣхъ честей,
Онъ клеветѣ мститъ славою своей
И дѣлится безсмертіемъ съ богами.

Отставной солдатъ.

Солдатъ.

Нѣтъ, не звѣзда мнѣ изъ лѣсу свѣтила;
Какъ звѣздочка, манилъ меня часъ цѣлый
Огонь вашъ, братцы! Кашицу себѣ
Для ужина варите? Хлѣбъ да соль!

Пастухи.

Спасибо, служба! Хлѣба кушать.

Digitized by Google

Солдатъ.

Быть такъ.
Благодарю васъ. Я усталъ порядкомъ!
Ну, костыли мои, вамъ роздыхъ! рядомъ
Я на траву васъ положу, и подлѣ
Присяду самъ. Да, верстъ пятнадцать
Ушелъ я въ вечеръ.

Первый Пастухъ.

А идешь откуда?

Солдатъ.

А изъ Литвы, изъ Виленской больницы.
Вотъ какъ изъ матушки Россіи ладно
Мы выгнали гостей незванныхъ, я
На первой пограничной перестрѣлкѣ,
Бѣда такая, безъ ноги остался!
Товарищи меня стащили въ Вильну;
Съ годъ лѣкаря и тѣмъ и семъ лѣчили
И вотъ какимъ злодѣи отпустили.
Теперь на костыляхъ бреду кой-какъ
На родину, за Курскъ, къ женѣ и сестрамъ.

Второй Пастухъ.

На, руку; обопрись! да не сюда,
А на тулупъ раскинутый ложися!

Солдатъ.

Спасибо, другъ, Господь тебѣ заплатитъ.
Ахъ, братцы, что за рай земной у васъ
Подъ Курскомъ! Въ этотъ вечеръ словно чудомъ
Помолодѣлъ я, въ волю надышавшись
Тепломъ и запахомъ цѣлебнымъ! Любо,
Легко мнѣ въ воздухѣ родномъ, какъ рыбкѣ
Въ рѣкѣ студеной! Въ царствахъ многихъ былъ я,
Попробовалъ вездѣ весны и лѣта,

Digitized by Google

Въ иныхъ краяхъ земля благоухаетъ,
Какъ въ свѣтлый праздникъ ручка генеральши;
И дорого и чудно, да не мило,
Не такъ, какъ тутъ! Здѣсь цѣлымъ тѣломъ дышишь,
Здѣсь всѣ суставчики въ себя впиваютъ
Простой, но сладкій, теплый воздухъ; словомъ,
И спать не хочется! игралъ бы все
До солнышка въ дѣвичьемъ хороводѣ.

Третій Пастухъ.

И мы бъ, землякъ, играть не отказались,
Да лихъ нельзя! Село далеко; стадо-жъ
Покинуть безъ присмотра, положившись
Лишь на собакъ, опасно,—самъ ты знаешь.
Какъ быть! но вотъ и кашица поспѣла.
Перекрестяся, примемся за ужинъ.
А послѣ, если къ сну тебя не клонитъ,
То разскажи намъ (говоришь ты складно)
Про старое житье-бытье:
Я чай, вездѣ бывалъ ты, все видалъ—
И домовыхъ, и водяныхъ, и лѣшихъ,
И маленькихъ людей, живущихъ тамъ,
Гдѣ край земли сошелся съ краемъ неба;
Гдѣ можно въ облако любое вбить
Крючекъ иль гвоздь, и свой кафтанъ повѣсить.

Солдатъ.

Вздоръ мелешь, малый, уши вянутъ! полно!
Старухи врутъ вамъ, грѣясь на печи,
А вы имъ вѣрите! Какіе черти
Крещеному солдату захотятъ
Представиться! Да нынѣ-жъ человѣкъ
Лукавѣй бѣса. Нѣтъ, другое чудо
Я видѣлъ, и не въ ночь до пѣтуховъ,
Но днемъ оно предъ нами совершилось!
Вы слышали ль, какъ заступился Богъ
За православную державу нашу,

Digitized by Google

Какъ сжалился Онъ надъ Москвой горящей,
Надъ бѣдною землею, не посѣвомъ,
А вражьими ватагами покрытой;
И раннюю зиму послалъ намъ въ помощь,
Зиму съ морозами, какіе только
Въ Николинъ день да около Крещенья
Трещатъ и за щеки и уши щиплютъ?
Свѣжо намъ стало, а Французамъ туго!
И жалко и смѣшно ихъ даже вспомнить!
Окутались отъ стужи, чѣмъ могли:
Кто шитой душегрѣйкой, кто лохмотьемъ,
Кто ризою поповской, кто рогожей;
Убрались всѣ какъ святочныя хари,
И ну бѣжать скорѣе изъ Москвы!
Недалеко ушли же. По дорогѣ
Морозъ схватилъ ихъ и заставилъ ждать
Дня суднаго на мѣстѣ преступленья—
У Божьей церкви, ими оскверненной,
Въ разграбленномъ амбарѣ, у села,
Сожженнаго ихъ буйствомъ! Мы, бывало,
Окончивъ трудный переходъ, сидимъ,
Какъ здѣсь, вокругъ огня и варимъ щи,
А около лежатъ, какъ это стадо,
Замерзлые французы. Какъ лежатъ!
Когда бъ не лица ихъ и не молчанье,
Подумалъ бы, живые на бивакѣ
Комедію ломаютъ. Тотъ уткнулся
Въ костеръ горящій головой; тотъ лошадь
Взвалилъ, какъ шубу, на себя; другой
Ея копыто гложетъ; тѣ-жъ, какъ братья,
Обнялись крѣпко, и другъ въ друга зубы
Вонзили, какъ враги!

Пастухи.

Ухъ! страшно, страшно!

Солдатъ.

А между тѣмъ, курьерскій колокольчикъ,

Digitized by Google

Вотъ какъ теперь, и тамъ гремитъ, и тамъ
Прозвякнетъ на морозѣ; отовсюду
Везутъ извѣстья о побѣдахъ въ Питеръ
И въ обгорѣлую Москву.

Первый Пастухъ.

Э, братцы,
Смотрите, вотъ и къ намъ телѣжка скачетъ,
И офицеръ про что-то ямщику
Кричитъ; ямщикъ ужъ держитъ лошадей:
Не спросятъ ли о чемъ насъ?

Солдатъ.

Помоги
Мнѣ встать: солдату вытянуться надо...

Офицеръ (*подъѣхавъ*).

Огня, ребята, закурить мнѣ трубку!

Солдатъ.

Въ минуту, ваше благородье!

Офицеръ.

Ба!
Товарищъ, ты какъ здѣсь?

Солдатъ.

Къ женѣ и сестрамъ
Домой тащуся, ваше благородье.
За рану въ чистую уволенъ.

Офицеръ.

Съ Богомъ!
Снеси-жъ къ своимъ хорошее извѣстье:
Мы кончили войну въ столицѣ вражьей;
Въ Парижѣ Русскіе отмстили честно
Пожаръ Московскій. Ну, прости, товарищъ!

Digitized by Google

Солдатъ.

Прощенья просимъ, ваше благородье!
(*Офицеръ уѣзжаетъ.*)
Благословеніе Господне съ нами
Отнынѣ и вовѣки буди! Вотъ какъ
Господь утѣшилъ матушку Россію!
Молитесь, братцы! Божьи чудеса
Не совершаются ль предъ нами явно?

«Сегодня я съ вами пирую, друзья,
Веселье намъ пѣсни заводитъ;
А завтра, быть можетъ, тамъ буду и я,
Откуда никто не приходитъ»!

Я такъ беззаботнымъ друзьямъ говорилъ
Давно,—но отъ самаго дѣтства
Печаль въ безпокойномъ я сердцѣ таилъ
Предвѣстьемъ грядущаго бѣдства.

Друзья мнѣ смѣялись—и, свѣжій вѣнецъ
На кудри мои надѣвая,
«Стыдись», восклицали, «мечтатель-пѣвецъ!
Измѣнитъ ли жизнь молодая»?

Война запылала: къ роднымъ знаменамъ
Друзья, какъ на пиръ, полетѣли;
Я съ ними,—но узы сыновней любви
Мнѣ съ ними разстаться велѣли.

Въ бездѣйствіи тяжко я думой слѣдилъ
Ихъ битвы, предтечи побѣды;
Ихъ славою часто я первый живилъ
Родителей грустныхъ бесѣды;

Года пролетали—я часто въ слезахъ
Былъ черной повязкой украшенъ...

Digitized by Google

Брань стихла—гдѣ жъ други? Лежатъ на поляхъ
Близъ ими разрушенныхъ башенъ.

Съ тѣхъ поръ я печально сижу на поляхъ,
Гдѣ все мнѣ твердитъ про былое;
Дрожитъ моя чаша въ ослабшихъ рукахъ:
Мнѣ тяжко веселье чужое.

Эпитафія.

Жизнью земною играла она, какъ младенецъ игрушкой.
Скоро разбила ее: вѣрно утѣшилась тамъ.

Изъ сочиненій Баратынскаго.

О нравственной цѣли литературныхъ произведеній.

Что такое нравственная цѣль литературнаго произведенія? Въ чемъ состоитъ она? Есть, люди, называющіе нравственными сочиненіями только тѣ, въ которыхъ наказывается порокъ и награждается добродѣтель. Мнѣніе это нѣкоторымъ образомъ противно нравственности, истинѣ и религіи. Ежели бы добродѣтель всегда торжествовала, въ чемъ было бы ея достоинство? Этого не хотѣло Провидѣніе, и здѣшній міръ есть міръ испытаній, гдѣ большею частію добродѣтель страждетъ, а порокъ блаженствуетъ. Изъ этого наружнаго безпорядка въ видимомъ мірѣ и теологи и философы выводятъ необходимость другой жизни, необходимость загробныхъ наградъ и наказаній, обѣщаемыхъ намъ Откровеніемъ.

Нравственное сочиненіе не состоитъ ли въ выводѣ какой-нибудь философической мысли, вообще полезной человѣчеству? Но, чтобы въ самомъ дѣлѣ быть полезною, мысль должна быть истинною, слѣдственно извлеченною изъ общаго, а не изъ частнаго: какъ же, изображая только добродѣтель, играющую довольно второстепенную роль въ свѣтѣ, и минуя торжествующій

Digitized by Google

порокъ, я достигну этого вывода? Я скажу мысль блестящую, но необходимо ложную, слѣдственно вредную.

Нѣтъ, скажутъ наши противники: мы не требуемъ, чтобы вы изображали одну добродѣтель; изображайте и порокъ, но первую привлекательною, а второй отвратительнымъ.

Мы погрѣшимъ противъ истины: не всѣ пороки имѣютъ видъ рѣшительно гнусный. По большей части наши добрыя и злыя начала такъ смежны, что нельзя провести раздѣляющей линіи между ними. Нѣтъ человѣка совершенно добродѣтельнаго, т. е. чуждаго всякой слабости, ни совершенно порочнаго, т. е. чуждаго всякаго добраго побужденія. Жалѣть объ этомъ нечего: одинъ былъ бы добродѣтеленъ по необходимости, другой порочень по той же причинѣ; въ одномъ не было бы заслуги, въ другомъ вины; слѣдственно ни въ томъ, ни въ другомъ ничего нравственнаго.

Характеры смѣшанные одни естественны и одни нравственны: ихъ двойственность и составляетъ ихъ нравственность. Одно и то же лицо является намъ попеременно добродѣтельнымъ и порочнымъ, попеременно ужасаетъ насъ и привлекаетъ. Федра, оплакивающая незаконную страсть свою, и Федра, ей уступающая, двѣ противоположныя Федры: мы любимъ добродѣтельную, ненавидимъ порочную, и здѣсь мы не можемъ ошибиться, не можемъ принять добродѣтель за порокъ и порокъ за добродѣтель: дѣйствія не смѣшаны, какъ характеры; дѣйствіе добродѣтельное совершенно прекрасно, дѣйствіе порочное совершенно безобразно, и нравственный выводъ внушаетъ намъ, безъ всякихъ постороннихъ соображеній, всякое лицо, вѣрно снятое съ природы.

Но не безнравственно-ли, скажутъ, то участіе, которое возбуждаетъ въ насъ герой трагедіи, романа, поэмы, даже въ ту минуту, когда онъ уступаетъ преступному побужденію? Не говоритъ ли намъ наше сердце, что и мы охотно совершили бы то же преступленіе, надѣясь возбудить то же участіе? Если означенное лице безъ борьбы уступаетъ искушенію, оно не возбуждаетъ участія, не возбуждаетъ его и тогда, когда мы чувствуемъ, что оно не употребило всего могущества воли своей на побѣду преступной наклонности и позволило побороть себя, а не пало подъ силою обстоятельствъ, превышающихъ нрав-

Digitized by Google

ственную его силу. Побѣжденные Трояне возбуждаютъ наше участіе потому, что они защищались до послѣдней крайности; побѣжденные, они не ниже побѣдителей: разсчетливая сдача какой нибудь крѣпости не восхищаетъ насъ, подобно падшей Троѣ, и никто не сравниваетъ ея коменданта съ божественнымъ Гекторомъ.

Должно прибавить, что творенія, развивающія чувствительность, въ то же время просвѣщаютъ совѣсть. Ежели они располагаютъ насъ къ лишнему числу искушеній, они развиваютъ въ насъ лишніе способы противостоять имъ.

Разсматривая литературныя произведенія по правиламъ нашихъ журналистовъ, всякую книгу найдемъ мы безнравственною. Что, напримѣръ, хуже Квинта-Курція? Онъ изображаетъ привлекательно неистоваго честолюбца, жаднаго битвъ и побѣдъ, стоющихъ такъ дорого роду человѣческому; кровь его не ужасаетъ: чѣмъ больше ея прольетъ, тѣмъ онъ будетъ славнѣе. И эту книгу будутъ читать юные властители! Что хуже Гомера? Въ первомъ стихѣ Иліады онъ уже показываетъ безнравственную цѣль свою, намѣреніе воспѣвать порокъ: «Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына!».

Подобнымъ образомъ можно неопровержимо доказать вредное вліяніе всякаго сочиненія и изъ слѣдствія въ слѣдствіе заключить съ логическою основательностью, что въ благоустроенномъ государствѣ должно запретить литературу.

Въ такомъ случаѣ должно запретить и человѣка. Но природа одарила его разумомъ не для невѣжества, одарила словомъ не для молчанія. Запретить человѣку пользоваться своимъ разумомъ значитъ унизить его до животныхъ, его лишенныхъ.

Чѣмъ согласиться на уничтоженіе литературы, слѣдовательно на уничтоженіе человѣка, не благоразумнѣе ли взглянуть на нее съ другой точки зрѣнія, не требовать отъ нея положительныхъ нравственныхъ поученій, видѣть въ ней науку, подобную другимъ наукамъ, искать въ ней свѣдѣній, а ничего иного? Знаю, что можно искать въ ней и прекраснаго, но прекрасное не для всѣхъ; оно непонятно даже людямъ умнымъ, но не одареннымъ особенною чувствительностью: не всякій можетъ читать съ чувствомъ, каждый съ любопытствомъ. Читайте же романъ, трагедію, поэму, какъ вы читаете путешествіе. Странствователь

Digitized by Google

описываетъ вамъ и веселый югъ, и суровый сѣверъ, и горы, покрытыя вѣчными льдами, и смѣющіяся долины, и рѣки прозрачныя, и болота, поросшія тиною, и цѣлебныя и ядовитыя растенія. Романисты, поэты изображаютъ добродѣтели и пороки, ими замѣченные, злыя и добрыя побужденія, управляющія человѣческими дѣйствіями. Ищите въ нихъ того же, чего въ путешественникахъ, въ географахъ: извѣстій о любопытныхъ вамъ предметахъ; требуйте отъ нихъ того же, чего отъ ученыхъ: истины показаній.

Читайте землеописателей и, не выходя изъ вашего дома, вы будете имѣть понятіе объ отдаленныхъ разнообразныхъ краяхъ, которыхъ вамъ, можетъ быть, не случится увидѣть собственными глазами. Читайте романистовъ, поэтовъ, и вы узнаете страсти, вами или не вполнѣ, или совсѣмъ не испытанныя; нравы, выраженіе которыхъ, можетъ быть, вы бы сами не замѣтили; узнаете положенія, въ которыхъ вы не находились; обогатитесь мыслями, впечатлѣніями, которыхъ вы безъ того бы не имѣли; пріобщите къ опытамъ вашимъ опыты всѣхъ прочтенныхъ вами писателей и бытіемъ ихъ пополните ваше.

Ежели показанія ихъ вѣрны, впечатлѣніе, вами полученное, будетъ непремѣнно нравственно, ибо зрѣлище дѣйствительной жизни, развитіе прекрасныхъ и безобразныхъ страстей, дозволенное въ ней Провидѣніемъ, конечно, не развратительно, и міръ дѣйствительный никого еще не заставилъ воскликнуть: какъ прекрасенъ порокъ! какъ отвратительна добродѣтель!

Изъ этого слѣдуетъ, что нравственная критика литературнаго произведенія ограничивается простымъ изслѣдованіемъ: справедливы или несправедливы его показанія?

Критика можетъ жаловаться также на неполноту ихъ, ибо самое полное описаніе предмета есть въ тоже время и самое вѣрное. Можно сказать недостаточную правду. Есть истины относительныя, которыхъ отдѣльное выраженіе внушаетъ ложное понятіе.

Или не читайте, или читайте все: иначе вы будете всегда въ заблужденіи. Читать одного автора съ частнымъ дарованіемъ все равно, что читать одну страницу въ писателѣ многообъемлющемъ. Раскройте Шекспира на монологѣ злодѣя, искусными софизмами ободряющаго себя къ преступленію, остановитесь на

Digitized by Google

немъ—и Шекспиръ будетъ для васъ проповѣдникомъ злодѣянія; но прочтите все твореніе, прочтите всего Шекспира, и самая эта страница будетъ наставительна: такъ и книга односторонняя занимаетъ не лишнее мѣсто въ библіотекѣ.

Заключимъ, что въ книгѣ безнравственна только ложь, вредна только односторонность; но ни лжи, ни односторонности не существуетъ тамъ, гдѣ литература дѣятельна, гдѣ ложное показаніе тотчасъ раждаетъ улику, гдѣ рѣшеніе нравственнаго вопроса тотчасъ вызываетъ изслѣдованія и противорѣчія, гдѣ публика не осуждена на чтеніе одной указанной книги.

На смерть Гёте.

Предстала—и старецъ великій смежилъ
Орлиныя очи въ покоѣ;
Почилъ безмятежно, зане совершилъ
Въ предѣлѣ земномъ все земное!
Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,
Что генія черепъ наслѣдье червей.
Погасъ! но ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта;
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что проситъ у сердца отвѣта:
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ.
Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованья.
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.
Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.
Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!

Digitized by Google

И ежели жизнью земною
Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ,
И насъ за могильной доскою,
За міромъ явленій не ждетъ ничего:
Творца оправдаетъ могила его.
И если загробная жизнь намъ дана,
Онъ, здѣшней вполнѣ отдышавшій
И въ звучныхъ глубокихъ отзывахъ сполна
Все дольное долу отдавшій,
Къ Предвѣчному легкой душой возлетитъ,
И въ небѣ земное его не смутитъ.

Финляндія.

Суровый край: его красамъ,
Пугаясь, дивятся взоры;
На горы каменныя тамъ
Повергались каменныя горы;
Синѣя всходятъ до небесъ
Ихъ своенравныя громады;
На нихъ шумитъ сосновый лѣсъ;
Съ нихъ бурно льются водопады;
Тамъ долъ очей не веселитъ:
Гранитной лавой онъ облитъ;
Главу одѣвши въ мохъ печальный,
Огромнымъ сторожемъ стоитъ
На немъ гранитъ пирамидальный;
По дряхлымъ скаламъ бродитъ взглядъ;
Пришлецъ наполненъ смутной думы:
Не міра-ль давняго лежатъ
Предъ нимъ развалины угрюмы?

Зима.

Гдѣ сладкій шопотъ
Моихъ лѣсовъ?
Потоковъ ропотъ,

Digitized by Google

Цвѣты луговъ?
Деревья голы,
Коверъ зимы
Покрылъ холмы,
Луга и долы.
Подъ ледяной
Своей корой
Ручей нѣмѣетъ;
Все цѣпенѣетъ,
Лишь вѣтеръ злой,
Бушуя воетъ,
И небо кроетъ
Сѣдою мглой.

Весна.

Весна, весна! какъ воздухъ чистъ!,
Какъ ясенъ небосклонъ!
Своей лазурію живой
Слѣпитъ мнѣ очи онъ.
Весна, весна! какъ высоко
На крыльяхъ вѣтерка,
Ласкаясь къ солнечнымъ лучамъ,
Летаютъ облака!
Шумятъ ручьи, блестятъ ручьи;
Взревѣвъ, рѣка несетъ
На торжествующемъ хребтѣ
Поднятый ею ледъ.
Еще древа обнажены,
Но въ рощѣ ветхій листъ,
Какъ прежде, подъ моей ногой
И шуменъ, и душистъ.
Подъ солнце самое взвился
И, въ яркой вышинѣ,
Незримый жаворонокъ поетъ
Заздравный гимнъ веснѣ.
Что съ нею, что съ моей душой?
Съ ручьемъ—она ручей

Digitized by Google

И съ птичкой—птичка: съ нимъ журчитъ,
Летаетъ въ небѣ съ ней!
Зачѣмъ такъ радуютъ ее
И солнце и весна?
Ликуетъ ли, какъ дочь стихій,
На пирѣ ихъ она?

Что нужды! счастливъ, кто на немъ
Забвенье мысли пьетъ,
Кого далеко отъ нее
Онъ дивный унесетъ.

Истина.

О счастіи съ младенчества тоскуя,
Все счастьемъ бѣденъ я,
Или во вѣкъ его не обрѣту я
Въ пустынѣ бытія?

Младые сны отъ сердца отлетѣли,
Не узнаю я свѣтъ;
Надеждъ своихъ лишенъ я прежней цѣли,
А новой цѣли нѣтъ.

Безуменъ ты и всѣ твои желанья:
Мнѣ тайный голосъ рекъ;
И лучшія мечты моей созданья
Отвергнулъ я на-вѣкъ.

Но для чего души разувѣренье
Свершилось не вполнѣ?
Зачѣмъ же въ ней слѣпое сожалѣнье
Живетъ о старинѣ?

Такъ нѣкогда обдумывалъ съ роптаньемъ
Я тяжкій жребій свой,
Вдругъ истину (то не было мечтаньемъ)
Узрѣлъ передъ собой.

Digitized by Google

«Свѣтильникъ мой укажетъ путь ко счастью!»
Вѣщала: «захочу—
И страстнаго отрадному безстрастью
Тебя я научу.

«Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь;
Пускай, узнавъ людей,
Ты, можетъ быть, испуганный, разлюбишь
И ближнихъ, и друзей.

«Я бытія всѣ прелести разрушу,
Но умъ наставлю твой;
Я оболью суровымъ хладомъ душу,
Но дамъ душѣ покой».

Я трепеталъ, словамъ ея внимая,
И горестно въ отвѣтъ
Промолвилъ ей: «о гостья неземная!
Печаленъ твой привѣтъ.

Свѣтильникъ твой—свѣтильникъ погребальный
Послѣднихъ благъ моихъ!
Твой миръ, увы! могилы миръ печальный,
И страшенъ для живыхъ.

Нѣтъ, я не твой! въ твоей наукѣ строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня: кой-какъ моей дорогой
Одинъ я побреду.

Прости! иль нѣтъ: когда мое свѣтило
Во звѣздной вышинѣ
Начнетъ блѣднѣть, и все, что сердцу мило,
Забыть придется мнѣ,

Явись тогда! раскрой тогда мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти,
Чтобъ, жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
Безропотно сойти!»

Digitized by Google

Веселье и Горе.

Рука съ рукой Веселье, Горе
Пошли дорогой бытія;
Но что? поссорилися вскорѣ
Во всемъ несходные друзья!

Лишь перекрестокъ улучили,
Другъ другу молвили: «прости!»
Не долго розно побродили:
Чрезъ день сошлись въ концѣ пути.

Изъ стихотвореній Языкова.

Подражаніе псалму 14-му.

Кому, о Господи, доступны
Твои Сіонски высоты?
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи цѣломудренны мечты;
Кто дѣлъ своихъ цѣною злата
Не взвѣшивалъ, не продавалъ,
Не ухищрялся противъ брата
И на врага не клеветалъ:
Но вѣрой въ Бога укрѣплялся,
Но сердцемъ чистымъ и живымъ
Ему со страхомъ поклонялся,
Съ любовью плакалъ передъ Нимъ.
И святъ, о Боже, Твой избранникъ!
Мечемъ ли руку ополчитъ?
Велѣній Господа посланникъ,
Онъ исполина сокрушитъ!
Въ вѣнцѣ ли онъ? Его народы
Возлюбятъ правду; весь и градъ
Взыграютъ радостью свободы
И нивы златомъ закипятъ!

Digitized by Google

Возьметъ ли арфу? дивной силой
Духъ преисполнится его,
И, какъ орелъ ширококрылой,
Взлетитъ до неба Твоего!

Подражаніе псалму 136-му.

Въ дни плѣна, полные печали,
На Вавилонскихъ берегахъ,
Среди враговъ мы возсѣдали
Въ молчаньи горькомъ и слезахъ;
Тамъ вопрошали насъ тираны,
Почто мы плачемъ и грустимъ.
«Возьмите гусли и тимпаны
И пойте вашъ Ерусалимъ».
Нѣтъ! Свято намъ воспоминанье
О славной родинѣ своей;
Мы не дадимъ на посмѣянье
Высокихъ пѣсенъ прошлыхъ дней!
Твои, Сіонъ! онѣ прекрасны!
Въ нихъ умъ и звукъ любимыхъ странъ!
Порвитесь струны сладкогласны,
Разбейся, звонкій мой тимпанъ!
Окаменѣй, языкъ лукавый,
Когда забуду грусть мою
И пѣснь отечественной славы
Ея губителямъ спою.
А ты, среди огней и грома,
Намъ даровавшій свой законъ,
Напомяни сынамъ Эдома
День, опозорившій Сіонъ,
Когда они въ весельи дикомъ,
Убійства шумные виномъ,
Насъ оглушали грознымъ крикомъ:
«Все истребимъ, всѣхъ поженемъ»!
Блаженъ, кто смѣлою десницей
Оковы плѣна сокрушитъ,

Digitized by Google

Кто плачъ Израиля сторицей
На притѣсвителяхъ отмститъ?
Кто въ домъ тирана мечъ и пламень,
И смерть ужасную внесетъ,
И съ яркимъ хохотомъ о камень
Его младенцевъ разобьетъ!

Двѣ картины.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда надъ нимъ свѣтило дня
Изъ синихъ водъ, какъ шаръ огня,
Встаетъ въ торжественномъ покоѣ:
Его красой озарена,
Цвѣтами радуги играя,
Лежитъ равнина водная
Необозрима и пышна!
Прохлада утренняя вѣетъ,
Едва колышутся лѣса,
Какъ блестки золота, свѣтлѣетъ
Ихъ переливная роса;
У пробудившагося брега
Стоятъ, готовые для бѣга,
И тихо плещутъ паруса,
На лодку мрежи собирая,
Рыбакъ взываетъ и поетъ,
И пѣсня русская, живая,
Разносится по глади водъ.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда блистательнымъ столбомъ
Свѣтило искрится ночное
Въ его кристаллѣ голубомъ:
Какъ тѣнь, отброшенная тучей,
Вдоль искривленныхъ береговъ,
Чернѣютъ образы лѣсовъ,
И кое-гдѣ огонь пловучій

Digitized by Google

Горитъ на челнахъ рыбаковъ;
Безмолвна синяя пучина,
Въ дубравахъ мракъ и тишина,
Небесъ далекая равнина
Сіянья мирнаго полна;
Лишь изрѣдка, съ богатымъ ловомъ
Подъемля сѣти изъ воды,
Рыбакъ живитъ веселымъ словомъ
Своихъ товарищей труды:
Или—путемъ дугообразнымъ—
Съ небесныхъ падая высотъ,
Звѣзда надъ озеромъ блеснетъ,
Огнемъ разсыплется алмазнымъ
И въ отдаленьи пропадетъ.

Поэту.

Когда съ тобой сроднилось вдохновенье
И сильно имъ твоя трепещетъ грудь,
И видишь ты свое предназначенье,
И знаешь свой благословенный путь;
Когда тебѣ на подвигъ все готово,
Въ чемъ на землѣ небесный явенъ даръ—
Могучей мысли свѣтъ и жаръ
И огнедышущее слово—

Иди ты въ міръ: да слышитъ онъ пророка!
Но въ мірѣ будь величественъ и святъ,
Не лобызай сахарныхъ устъ порока
И не проси, и не бери наградъ—
Привѣтно ли сіяніе денницы,
Ужасенъ ли судьбины произволъ:
Невиненъ будь, какъ голубица,
Смѣлъ и отваженъ, какъ орелъ!

И стройные и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ:

Digitized by Google

Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки,
И царь Саулъ заслушается ихъ;
И жизнію торжественно-высокой
Ты процвѣтешь—и будетъ вѣкъ свѣтло
Твое открытое чело
И зорко-пламенное око!

Но если ты похвалъ и наслажденій
Исполнился желаніемъ земнымъ—
Не собирай богатыхъ приношеній
На жертвенникъ предъ Господомъ твоимъ:
Онъ на тебя немилосердо взглянетъ,
Не приметъ жертвъ лукавыхъ; дымъ и громъ
Размечутъ ихъ—и жрецъ отпрянетъ,
Дрожащій страхомъ и стыдомъ.

Къ нянѣ А. С. Пушкина.

Свѣтъ Родіоновна, забуду ли тебя?
Въ тѣ дни, какъ сельскую свободу возлюбя,
Я покидалъ для ней и славу, и науки,
И нѣмцевъ, и сей градъ профессоровъ и скуки—
Ты, благодатная хозяйка сѣни той,
Гдѣ Пушкинъ, не сраженъ суровою судьбой,
Презрѣвъ людей молву, ихъ ласки, ихъ измѣны,
Священнодѣйствовалъ при алтарѣ Камены,
Всегда привѣтами сердечной доброты
Встрѣчала ты меня, мнѣ здравствовала ты,
Когда чрезъ длинный рядъ полей, подъ зноемъ лѣта,
Ходилъ я навѣщать изгнанника-поэта
И мнѣ сопутствовалъ пріятель давній твой,
Ареевыхъ наукъ питомецъ молодой.
Какъ сладостно твое святое хлѣбосольство
Намъ баловало вкусъ и жажды своевольство!
Съ какимъ радушіемъ—красою древнихъ лѣтъ—
Ты набирала намъ затѣйливый обѣдъ!
Сама и водку намъ и брашна подавала,

Digitized by Google

И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тѣснотѣ стариннаго стола!
Ты занимала насъ—добра и весела—
Про стародавнихъ баръ плѣнительнымъ разсказомъ
Мы удивлялися почтеннымъ ихъ проказамъ,
Мы вѣрили тебѣ—и смѣхъ не прерывалъ
Твоихъ безхитростныхъ сужденій и похвалъ;
Свободно говорилъ языкъ словоохотный—
И легкіе часы летѣли беззаботно.

Землетрясеніе.

Всевышній граду Константина
Землетрясенье посылалъ—
И геллеспонтская пучина,
И берегъ съ грудой горъ и скалъ
Дрожали, и царей палаты,
И храмъ, и циркъ, и гипподромъ,
И стѣнъ градскихъ верхи зубчаты,
И все поморіе кругомъ.

По всей пространной Византіи,
Въ отверстыхъ храмахъ, Богу силъ
Обильно пѣлися литіи,
И дымъ молитвенныхъ кадилъ
Клубился; люди, страхомъ полны,
Текли передъ Христовъ алтарь:
Сенатъ, синклитъ, народа волны
И самъ благочестивый царь.

Вотще! Ихъ вопли и моленья
Господь во гнѣвѣ отвергалъ—
И гулъ, и громъ землетрясенья
Не умолкалъ, не умолкалъ.
Тогда невидимая сила
Съ небесъ на землю низошла,

Digitized by Google

И быстро отрока схватила,
И выше облакъ унесла:

И внялъ онъ горнему глаголу
Небесныхъ ликовъ: «Святъ, святъ, святъ»!
И пѣсню ту принесъ онъ долу,
Священнымъ трепетомъ объятъ.
И церковь тѣ слова святыя
Въ свою молитву приняла—
И той молитвой Византія
Себя отъ гибели спасла.

Такъ ты, поэтъ, въ годину страха
И колебанія земли,
Носись душой превыше праха
И ликамъ ангельскимъ внемли,
И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины—
Да въ сердце примемъ ихъ и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены.

Утро.

Бывало, въ царственномъ покоѣ,
Великое свѣтило дня,
Во слѣдъ за раннею денницей,
Шаромъ восходитъ огневымъ,
И небеса, какъ багряницей,
Окинетъ заревомъ своимъ;
Его лучами заиграютъ
Озеръ живыя зеркала;
Поля, холмы благоухаютъ;
Съ нихъ бѣлой скатертью слетаютъ
И сонъ, и утренняя мгла;
Росой перловой и зернистой
Деревъ одежда убрана;

Digitized by Google

Пернатыхъ пѣснью голосистой
Звучитъ лѣсная глубина.

Гроза.

Вотъ за далекими горами
Скрывается прекрасный день;
Отъ сѣней лѣса надъ водами
Волнообразными рядами
Длиннѣетъ трепетная тѣнь;
Въ рѣкѣ сверкаетъ блескъ зарницы,
Пустѣютъ холмы, долъ и брегъ;
Въ село въѣзжаютъ вереницы
Поля покинувшихъ телѣгъ.
Гдѣ-гдѣ заластъ песъ домовый,
Иль вѣтерокъ зашелеститъ
Въ листахъ темнѣющей дубровы,
Иль птица робко пролетитъ,
Иль возъ тяжелый и скрипучій,
Усталымъ движимый конемъ,
Считая бревна колесомъ,
Переступаетъ мостъ плавучій;
И вдругъ отрывный и глухой
Промчится грохотъ надъ рѣкой,
Уже спокойной и дремучей,
И вдругъ замолкнетъ. Но вдали,
На краѣ неба, мѣсяцъ полный
Со всѣхъ сторонъ заволокли
Большія, облачныя волны;
Вонъ разступились—вонъ сошлись—
Вонъ грозно тихія слились
Въ одну громаду непогоды—
И на лазоревые своды,
Молніеносна и черна,
Съ востока крадется она.

Digitized by Google

Уже безмолвіе лѣсное
Налетомъ вѣтра смущено,
Уже не мирно и темно
Рѣки теченіе ночное;
Широко зыблются на немъ
Тѣней раскидистыя чащи,—
Какъ парусъ въ воздухѣ дрожащій,
Почти упущенный пловцомъ,
Когда внезапно буря встанетъ,
Покатитъ шумныя струи,
Рванетъ крыло его ладьи
И надъ пучиною растянетъ.

Тьма потопила небеса;
Пустился дождь; гроза волнуетъ,
Взрываетъ воды и лѣса,
Гремитъ, и блещетъ, и бушуетъ.
Мгновенья дивныя! Когда
Съ конца въ конецъ, по тучамъ бурнымъ,
Зубчатой молніи бразда
Огнемъ разсыплется пурпурнымъ,
Все видно: цѣпь далекихъ горъ
И разноцвѣтныя картины
Извивовъ Соротн, озеръ,
Села, и брега, и долины.
Вдругъ тьма угрюмѣй и чернѣй,
Удары громче громовые,
Шумнѣе, гуще и быстрѣй
Дождя потоки проливные.
Но завтра въ пышной тишинѣ
На небо ярко-голубое
Свѣтило явится дневное,
Возставитъ утро золотое
Грозой омытой сторонѣ.

———

Digitized by Google

Кудесникъ.

На мѣстѣ священномъ, гдѣ съ дѣдовскихъ дней,
Счастливый дарами природы,
Народъ Ярославовъ, на волѣ своей,
Себѣ избираетъ и ставитъ князей,
Полкамъ назначаетъ походы
И жалуетъ миромъ сосѣдей-враговъ—
Толпятся: кудесникъ явился изъ Чуди...
Къ нему-то съ далекихъ и ближнихъ концовъ
Стеклись любопытные люди.

И старецъ-кудесникъ, съ соблазномъ въ устахъ,
Въ толпу изъ толпы переходитъ:
Народу о черныхъ крылатыхъ духахъ,
О многихъ и страшныхъ своихъ чудесахъ
Твердитъ и руками разводитъ;
Святителей, церковь и святость мощей,
Христа и Пречистую Дѣву поноситъ;
Онъ сдѣлаетъ чудо—и добрыхъ людей
На чудо пожаловать проситъ.

Онъ сладко, хитро празднословитъ и лжетъ,
Смущаетъ умы и морочитъ.
Ужъ онъ-то, потѣшитъ, великій народъ,
Ужъ онъ-то, кудесникъ, чрезъ Волховъ пойдетъ
Водой—и ноги не замочитъ.
Вотъ вышелъ епископъ Ѳеодоръ съ крестомъ
Къ народу—народъ отъ него отступился;
Лишь князь со своимъ правовѣрнымъ полкомъ
Къ святому кресту приложился.

И вдругъ къ соблазнителю твердой стопой
Подходитъ онъ, грозенъ и пылокъ:
«Кудесникъ! скажи мнѣ, что будетъ съ тобой?»
Замялся кудесникъ и... самъ онъ не свой,
И жмется, и чешетъ затылокъ.

Digitized by Google

— Я сдѣлаю чудо.—«Безумный старикъ,
Солгалъ ты»! и княжеской дланью своею
Онъ поднялъ топоръ свой тяжелый—и въ мигъ
Чело раздвоилъ чародѣю.

Олегъ.

Не лѣсъ завываетъ, не волны кипятъ
Подъ сильнымъ крыломъ непогоды:
То люди выходятъ изъ Кіевскихъ вратъ—
Князь Игорь, его воеводы,
Дружина, свои и чужіе народы
На берегъ днѣпровскій, въ долину спѣшатъ,
Могильнымъ общественнымъ пиромъ
Отправить Олегу почетный обрядъ,
Великому бранью и миромъ.

Пришли—и широко бойцовъ и гражданъ
Толпы обступили густыя
То мѣсто, гдѣ черный возстанетъ курганъ,
Да Вѣщаго помнитъ Россія;
Гдѣ князь бездыханный въ доспѣхахъ златыхъ
Лежалъ средь зеленаго луга,
И бурный товарищъ трудовъ боевыхъ—
Конь бѣлый стоялъ изукрашенъ и тихъ
У ногъ своего господина.

Всѣ, старый и малый, отрадой своей,
Отцомъ опочившаго звали;
Горючія слезы текли изъ очей,
Носилися вопли печали;
И долго, и долго вопилъ и стеналъ
Народъ, покрывавшій долину;
Но вотъ на срединѣ булатъ засверкалъ,
И бранному въ честь властелину
Конь бѣлый, булатомъ сраженный, упалъ
Безъ жизни къ ногамъ своему господину.

Digitized by Google

Все стихло... руками бойцовъ и гражданъ
Подвигнулись глыбы земныя...
И вотъ на долинѣ огромный курганъ,
Да Вѣщаго помнитъ Россія.

Волнуясь, могилу народъ окружалъ,
Какъ волны морскія, несмѣтный;
Тамъ праздникъ надгробный самъ князь начиналъ:
Въ стаканъ золотой и завѣтный
Онъ медъ наливалъ искрометный,
Онъ въ память Олегу его выпивалъ;
И, вновь наполняемый медомъ,
Изъ рукъ молодого владыки славянъ,
Съ конца до конца, межъ народомъ
Ходилъ золотой и завѣтный стаканъ.

Толпа торопливо, по данному знаку,
Откинувъ доспѣхъ боевой,
Свершить на могилѣ потѣшную драку
Воители строятся въ строй;
Могучи, отваги исполнены жаромъ,
Отъ разныхъ выходятъ сторонъ,
Сошлися и бьются... ударъ за ударомъ,
Ударомъ ударъ отраженъ!
Сверкаютъ ихъ очи: десницы высокой
И ловокъ и мѣтокъ размахъ;
Увертливы станомъ и грудью широкой,
И тверды бойцы на ногахъ!
Расходятся, сходятся... сшибка другая...
И пала одна сторона!
И громко народъ зашумѣлъ, повторяя
Счастливыхъ бойцовъ имена.

Тутъ съ поприща боя ихъ рѣчью привѣтной
Князь Игорь къ себѣ подзывалъ;
Въ стаканъ золотой и завѣтный
Онъ медъ наливалъ искрометный,
Онъ самъ его бодрымъ бойцамъ подавалъ;

Digitized by Google

И, вновь наполняемый медомъ,
Изъ рукъ молодого владыки славянъ,
Съ конца до конца, межъ народомъ
Ходилъ золотой и завѣтный стаканъ.

Вдругъ,—словно мятежъ усмиряется шумный
И чинно дорогу даетъ,
Когда посѣдѣлый въ добрѣ и разумный
Бояринъ на вѣче идетъ—
Толпы разступились... и сталъ среди схода
Съ гуслями въ рукахъ славянинъ.
Кто онъ? Онъ не князь и не княжескій сынъ,
Не старецъ, совѣтникъ народа,
Не славный дружинъ воевода,
Не славный соратникъ дружинъ;
Но всѣ его знаютъ, онъ людямъ знакомъ
Красой вдохновеннаго гласа...
Онъ сталъ среди схода—молчанье кругомъ,
И звучная пѣснь раздалася!

Онъ пѣлъ, какъ премудръ и мужественъ былъ
Правитель полночной державы;
Какъ первый онъ громомъ войны огласилъ
Древлянъ вѣковыя дубравы;
Какъ дружно сбирались въ далекій походъ
Народы по слову Олега;
Какъ шли чрезъ пороги подъ грохотомъ водъ
По высямъ днѣпровскаго брега;
Какъ по морю бурному вѣтеръ носилъ
Проворные русскіе челны;
Летѣла, шумѣла станица вѣтрилъ,
И прыгали челны чрезъ волны;
Какъ послѣ, водима любимымъ вождемъ,
Сражалась, гуляла дружина
По градамъ и селамъ, съ мечомъ и съ огнемъ
До града царя Константина;
Какъ тамъ побѣдитель къ воротамъ прибилъ
Свой щитъ знаменитый во брани,

Digitized by Google

И какъ онъ дружину свою одѣлилъ
Богатствами греческой дани.

Умолкъ онъ—и радостнымъ крикомъ похвалъ
Народъ отзывался несмѣтный,
И братски баяна самъ князь обнималъ,
Въ стаканъ золотой и завѣтный
Онъ медъ наливалъ искрометный,
И съ ласковымъ словомъ ему подавалъ;
И, вновь наполняемый медомъ,
Изъ рукъ молодаго владыки славянъ,
Съ конца до конца, межъ народомъ
Ходилъ золотой и завѣтный стаканъ.

Весна.

Великолѣпный день! На мягкой муравѣ
Лежу; ни облачка въ небесной синевѣ;
Цвѣтетъ зеленый лугъ; чистѣйшій воздухъ горный
Прохладой сладостной и нѣгой животворной
Струится въ грудь мою, и полонъ я весной!
И вотъ пѣвецъ ея летаетъ надо мной,
И звуки надо мной веселые летаютъ,
И чувство дивное тѣ звуки навѣваютъ
Мнѣ на душу. Даюсь невольно забытью
Волшебному, глаза невольно закрываю:
Легко мнѣ, такъ легко, какъ будто я летаю,
Летаю и пою, летаю и пою.

Море.

Струится и блещетъ, свѣтло, какъ хрусталь,
Лазурное море; огнистая даль
Сверкаетъ багрянцемъ, и вѣтеръ шумитъ
Попутный; легко твой корабль побѣжитъ.
Но кормчій, пускаяся весело въ путь,

Digitized by Google

Смотри ты: надежна ли мѣдная грудь,
Крѣпки ль паруса корабля твоего,
Здоровы ль дубовыя ребра его?
Вѣдь море лукаво у насъ: неравно
Смутится и вдругъ обуяетъ оно,
И страшною силой съ далекаго дна
Угрюмая встанетъ его глубина,
Расходится, будетъ кипѣть, бушевать
Сердито, свирѣпо и дастъ себя знать.

Буря на морѣ.

Громадныя тучи нависли широко
Надъ моремъ и скрыли блистательный день;
И въ синюю бездну спустились глубоко,
И въ ней улеглася тяжелая тѣнь.
Но бездна морская уже негодуетъ:
Ей хочется свѣта и ропщетъ она,
И скоро могучая встанетъ грозна;
Пространно и громко она забушуетъ.
Великую силу уже поднимая,
Полки она строитъ изъ водныхъ громадъ,
И валъ-великанъ, головою качая,
Становится въ рядъ, и ряды говорятъ;
И вотъ, свои смуглыя лица нахмуря,
И бѣлые гребни колебля, они
Идутъ. Въ черныхъ тучахъ блеснули огни,
И громъ загудѣлъ!.. Начинается буря!..

Пѣснь Баяна.

О ночь, о ночь, лети стрѣлой!
Несносенъ отдыхъ Святославу:
Онъ жаждетъ битвы роковой.
О ночь, о ночь, лети стрѣлой!
Несносенъ отдыхъ Святославу.

Digitized by Google

Цимминскій! крѣпокъ ли твой щитъ?
Не тонки ль кованыя латы?
Нашъ князь убійственно разитъ.
Цимминскій! крѣпокъ ли твой щитъ?
Не тонки ль кованыя латы?

Дружинѣ борзыхъ дай коней:
Не то—мечи ее нагонятъ,
И не ускачетъ отъ мечей.
Дружинѣ борзыхъ дай коней:
Не то—мечи ее нагонятъ!

Ты рать обширную привелъ;
Не много насъ, но мы славяне:
Ударъ нашъ мѣтокъ и тяжелъ.
Ты рать обширную привелъ;
Не много насъ, но мы славяне.

О ночь, о ночь, лети стрѣлой!
Поля откройтесь для побѣды!
Проснися, ужасъ боевой!
О ночь, о ночь, лети стрѣлой!
Поля, откройтесь для побѣды!

Пловецъ.

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумитъ оно;
Въ роковомъ его просторѣ
Много бѣдъ погребено.

Смѣло, братья! Вѣтромъ полный
Парусъ мой направилъ я:
Полетитъ на скользки волны
Быстрокрылая ладья.

Digitized by Google

Облака бѣгутъ надъ моремъ,
Крѣпнетъ вѣтеръ, зыбь чернѣй...
Будетъ буря: мы поспоримъ
И помужествуемъ съ ней.

Смѣло, братья! Туча грянетъ,
Закипитъ громада водъ,
Выше валъ сердитый встанетъ,
Глубже бездна упадетъ!

Тамъ, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнѣютъ неба своды,
Не проходитъ тишина.

Но туда выносятъ волны
Только спльнаго душой!—
Смѣло, братья! бурей полный,
Прямъ и крѣпокъ парусъ мой.

Изъ стихотвореній Тютчева.

Не то, что мните вы, природа—
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

Вы зрите листъ и цвѣтъ на древѣ:
Иль ихъ садовникъ приклеилъ?
Иль зрѣетъ плодъ въ родимомъ чревѣ
Игрою внѣшнихъ, чуждыхъ силъ?

Они не видятъ и не слышатъ,
Живутъ въ семъ мірѣ какъ въ потьмахъ;
Для нихъ и солнца, знать, не дышатъ,
И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.

Digitized by Google

Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили
И ночь въ звѣздахъ нѣма была.

И языками неземными,
Волнуя рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними
Въ бесѣдѣ дружеской гроза.

Не ихъ вина: пойми, коль можетъ,
Органа жизнь глухо-нѣмой!
Увы! души въ немъ не встревожитъ
И голосъ матери самой!

Осенній вечеръ.

Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ
Умильная, таинственная прелесть...
Зловѣщій блескъ и пестрота деревъ,
Багряныхъ листьевъ томный, легкій шелестъ,
Туманная и тихая лазурь
Надъ грустно спротѣющей землею,
И—какъ предчувствіе сходящихъ бурь—
Порывистый холодный вѣтръ порою,
Ущербъ, изнеможенье, и на всемъ
Та кроткая улыбка увяданья,
Что въ существѣ разумномъ мы зовемъ
Возвышенной стыдливостью страданья.

Осень.

Есть въ осени первоначальной
Короткая, но дивная пора:
Весь день стоитъ какъ бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Digitized by Google

Гдѣ бодрый серпъ гулялъ и падалъ колосъ,
Теперь ужъ пусто все; просторъ вездѣ,
Лишь паутины тонкій волосъ
Блеститъ на праздной бороздѣ.

Пустѣетъ воздухъ; птицъ не слышно болѣ,
Но далеко еще до первыхъ зимнихъ бурь,
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле.

Весеннія воды.

Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А воды ужъ весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный брегъ,
Бѣгутъ и блещутъ и гласятъ—

Онѣ гласятъ во всѣ концы:
«Весна идетъ! весна идетъ!
Мы молодой весны гонцы:
Она насъ выслала впередъ».

Весна идетъ! весна идетъ!—
И тихихъ, теплыхъ майскихъ дней
Румяный свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней.

Весна.

Зима не даромъ злится:
Прошла ея пора;
Весна въ окно стучится
И гонитъ со двора.

И все засуетилось,
Все гонитъ зиму вонъ,

Digitized by Google

И жаворонки въ небѣ
Ужъ подняли трезвонъ.

Зима еще хлопочетъ
И на весну ворчитъ,
Та ей въ глаза хохочетъ
И пуще лишь шумитъ.

Взбѣсилась вѣдьма злая
И, снѣгу захватя,
Пустила, убѣгая,
Въ прекрасное дитя.

Веснѣ и горя мало:
Умылася въ снѣгу,
И лишь румянѣй стала
Наперекоръ врагу.

Весенняя гроза.

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній, первый громъ,
Какъ бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.

Гремятъ раскаты молодые;
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ;
Повисли перлы дождевые,
И солнце нивы золотитъ.

Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
И гамъ лѣсной и шумъ нагорный—
Все вторитъ весело громамъ.

Digitized by Google

Зарница.

Не остывшая отъ зною,
Ночь іюльская блистала,
И надъ тусклою землею
Небо, полное грозою,
Отъ зарницъ все трепетало.

Словно тяжкія рѣсницы
Разверзалися порою—
II сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣницы
Загорались надъ землею.

Пошли Господь свою отраду
Тому, кто въ лѣтній жаръ и зной,
Какъ бѣдный нищій, мимо саду
Бредетъ по жаркой мостовой;

Кто смотритъ вскользъ черезъ ограду
На тѣнь деревьевъ, злакъ долинъ,
На недоступную прохладу
Роскошныхъ свѣтлыхъ луговинъ.

Не для него гостепріимной
Деревья сѣнью разрослись,
Не для него, какъ облакъ дымной,
Фонтанъ на воздухѣ повисъ.

Лазурный гротъ, какъ изъ тумана,
Напрасно взоръ его манитъ,
И пыль росистая фонтана
Главы его не освѣжитъ.

Пошли Господь свою отраду
Тому, кто жизненной тропой,

Digitized by Google

Какъ бѣдный нищій мимо саду,
Бредетъ по знойной мостовой.

Гроза дорогой.

Неохотно и несмѣло
Солнце смотритъ на поля...
Чу! за тучей прогремѣло,
Принахмурилась земля.
Вѣтра теплаго порывы,
Дальній громъ и дождь порой...
Зеленѣющія нивы
Зеленѣе подъ грозой.
Вотъ пробилась изъ-за тучи
Синей молніи струя;
Пламень бѣлый и летучій
Окаймилъ ея края.
Чаще капли дождевыя,
Вихремъ пыль летитъ съ полей,
И раскаты громовые
Все сердитѣй и смѣлѣй.
Солнце разъ еще взглянуло
Изъ-подлобья на поля—
И въ сіяньи потонула
Вся смятенная земля.

Обвѣянъ вѣщею дремотой,
Полураздѣтый лѣсъ груститъ;
Изъ лѣтнихъ листьевъ развѣ сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на вѣткѣ шелеститъ.

Гляжу съ участьемъ умиленнымъ,
Когда, пробившись изъ-за тучъ,
Вдругъ по деревьямъ испещреннымъ
Молніевидный брызнетъ лучъ.

Digitized by Google

Какъ увядающее мило,
Какая прелесть въ немъ для насъ,
Когда, что такъ цвѣло и жило,
Теперь такъ немощно и хило,
Въ послѣдній улыбнется разъ!

Слезы.

Слезы людскія, о слезы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой,—
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистощимыя, неисчислимыя,—
Льетесь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую, порою ночной.

Снѣжныя горы.

Уже полдневная пора
Палитъ отвѣсными лучами,
И задымилася гора
Съ своими черными лѣсами.

Внизу, какъ зеркало стальное,
Синѣютъ озера струи,
И съ камней, блещущихъ на зноѣ,
Въ родную глубь спѣшатъ ручьи.

И между тѣмъ какъ, полусонный,
Нашъ дольній міръ, лишенный силъ,
Проникнутъ нѣгой благовонной,
Во мглѣ полуденной почилъ,—

Горѣ, какъ божества родныя,
Надъ усыпленною землей,
Играютъ выси ледяныя
Съ лазурью неба огневой.

Digitized by Google

Море.

Какъ хорошо ты, о, море ночное!
Здѣсь лучезарно, тамъ сплошь-черно!
Въ лунномъ сіяньи, словно живое,
Ходитъ и дышитъ и блещетъ оно.

На безконечномъ, на вольномъ просторѣ
Блескъ и движенье, грохотъ и громъ...
Тусклымъ сіяньемъ облитое море,
Какъ хорошо ты въ безлюдьи ночномъ!

Зыбь ты великая, зыбь ты морская!
Чей это праздникъ такъ празднуешь ты?
Волны несутся гремя и сверкая,
Чуткія звѣзды глядятъ съ высоты...

Въ этомъ волненьи, въ этомъ сіяньи,
Вдругъ онѣмѣвъ, я потерянъ стою,
И какъ охотно бы въ ихъ обаяньи
Всю потопилъ бы душу свою.

Наполеонъ.

Два демона ему служили,
Двѣ силы чудно въ немъ слились:
Въ его главѣ—орлы парили,
Въ его груди—змѣи вились...
Ширококрылыхъ вдохновеній
Орлиный, дерзостный полетъ;
И въ самомъ буйствѣ дерзновеній
Змѣиной мудрости разсчетъ!
Но освящающая сила,
Непостижимая уму,
Его души не озарила
И не приблизилась къ нему...

Digitized by Google

Онъ былъ земной, не Божій пламень!
Онъ гордо плылъ, презритель волнъ!
Но о подводный вѣры камень
Въ щепы разбился утлый челнъ

Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ,
Какъ на небѣ звѣзды рдѣютъ,
Какъ подъ сумрачнымъ ихъ свѣтомъ
Нивы дремлющія зрѣютъ!..
Усыпительно безмолвны,
Какъ блестятъ въ тиши ночной
Золотистыя ихъ волны,
Убѣленныя луной!

Изъ стихотвореній Веневитинова.

Сонетъ.

Къ тебѣ, о, чистый Духъ, источникъ вдохновенья
На крыліяхъ любви несется мысль моя:
Она затеряна въ юдоли заточенья,
И все зоветъ ее въ небесные края.

Но ты облекъ себя въ завѣсу тайны вѣчной:
Напрасно силится мой духъ къ тебѣ парить.
Тебя читаю я во глубинѣ сердечной,
И мнѣ осталося надѣяться, любить.

Греми надеждою, греми любовью, лира!
Въ преддверьи вѣчности греми его хвалой!
И если бъ рухнулъ міръ, затмился свѣтъ эѳира

И хаосъ задавилъ природу пустотой—
Греми! Пусть сѣтуютъ среди развалинъ міра
Любовь съ надеждою и вѣрою святой!

Digitized by Google

Поэтъ.

Тебѣ знакомъ ли сынъ боговъ,
Питомецъ музъ и вдохновенья?
Узналъ ли бъ межъ земныхъ сыновъ
Ты рѣчь его, его движенья?
Не вспыльчивъ онъ, и строгій умъ
Не блещетъ въ шумномъ разговорѣ,
Но ясный лучъ высокихъ думъ
Невольно свѣтитъ въ ясномъ взорѣ.
Пусть вкругъ него, въ чаду утѣхъ,
Бунтуетъ вѣтреная младость—
Безумный крикъ, нескромный смѣхъ
И необузданная радость:
Все чуждо, дико для него,
На все безмолвно онъ взираетъ;
Лишь что-то рѣдко съ устъ его
Улыбку бѣглую срываетъ.
Его богиня—простота,
И тихій геній размышленья
Ему поставилъ отъ рожденья
Печать молчанья на уста.
Его мечты, его желанья,
Его боязни, ожиданья—
Все тайна въ немъ, все въ немъ молчитъ:
Въ душѣ заботливо хранитъ
Онъ неразгаданныя чувства.
Когда жъ внезапно что нибудь
Взволнуетъ огненную грудь—
Душа безъ страха, безъ искусства
Готова вылиться въ рѣчахъ—
И блещетъ въ пламенныхъ очахъ.
И снова тихъ онъ, и стыдливый
Къ землѣ онъ опускаетъ взоръ,
Какъ-будто бъ слышалъ онъ укоръ
За невозвратные порывы.
О, если встрѣтишь ты его

Digitized by Google

Съ раздумьемъ на челѣ суровомъ,
Пройди безъ шума близъ него,
Не нарушай холоднымъ словомъ
Его священныхъ, тихихъ сновъ!
Взгляни съ слезой благоговѣнья—
И молви: «это сынъ боговъ,
Питомецъ музъ и вдохновенья!»

Вѣточка.

Въ безцѣнный часъ уединенья,
Когда пустынною тропой
Съ живымъ восторгомъ упоенья
Ты бродишь съ милою мечтой
Въ тѣни дубравы молчаливой,—
Видалъ ли ты, какъ вѣтръ игривый
Младую вѣточку сорветъ?
Родной кустарникъ оставляя,
Она вiется, упадая
На зеркало ручейныхъ водъ,
И, новый житель влаги чистой,
Съ потокомъ плыть принуждена;
То надъ струею серебристой
Спокойно носится она,
То вдругъ предъ взоромъ исчезаетъ
И кроется на днѣ ручья:
Плыветъ—все новое встрѣчаетъ,
Все незнакомые края:
Усѣянъ нѣжными цвѣтами
Здѣсь улыбающiйся брегъ,
А тамъ пустыни, вѣчный снѣгъ,
Иль горы съ грозными скалами.
Такъ далѣ вѣточка плыветъ
И путь невѣрный свой свершаетъ,
Пока она не утопаетъ
Въ пучинѣ безпредѣльныхъ водъ.
Вотъ наша жизнь!—такъ къ вѣрной цѣли

Digitized by Google

Необозримою волной
Потокъ насъ всѣхъ отъ колыбели
Влечетъ до двери гробовой.

Любителю музыки.

Молю тебя, не мучь меня:
Твой шумъ, твои рукоплесканья,
Языкъ притворнаго огня,
Безсмысленныя восклицанья
Противны, ненавистны мнѣ.
Повѣрь, привычки рабъ холодный,
Не такъ, не такъ восторгъ свободный
Горитъ въ сердечной глубинѣ.
Когда бъ ты зналъ, что эти звуки,
Когда бы тайный ихъ языкъ
Ты чувствомъ пламеннымъ проникъ,
Повѣрь, уста твои и руки
Сковались бы, какъ въ часъ святой,
Благоговѣйной тишиной.
Тогда-бъ ты не желалъ блеснуть
Личиной страсти принужденной,
Но ты-бъ въ углу, уединенной,
Таилъ вселюбящую грудь:
Тебѣ-бы люди были братья,
Ты-бъ втайнѣ слезы проливалъ
И къ нимъ горячія объятья,
Какъ другъ вселенной, простиралъ.

Утѣшеніе.

Блаженъ, кому судьба вложила
Въ уста высокій даръ рѣчей,
Кому она сердца людей
Волшебной силой покорила!
Какъ Прометей, похитилъ онъ

Digitized by Google

Творящій лучъ, небесный пламень,
И вкругъ себя, какъ Пигмальонъ,
Одушевляетъ хладный камень.
Немногіе сей дивный даръ
Въ удѣлъ счастливый получаютъ,
И рѣдко, рѣдко сердца жаръ
Уста послушно выражаютъ.
Но если въ душу вложена
Хоть искра страсти благородной,—
Повѣрь, не даромъ въ ней она;
Не теплится она безплодно;
Не съ тѣмъ судьба ее зажгла,
Чтобъ смерти хладная зола
Ее на вѣки потушила:
Нѣтъ!—что въ душевной глубинѣ,
Того не унесетъ могила:
Оно останется по мнѣ.
Души пророчества—правдивы.
Я зналъ сердечные порывы,
Я былъ ихъ жертвой, я страдалъ,
И на страданья не роптал;
Мнѣ было въ жизни утѣшенье,
Мнѣ тайный голосъ обѣщалъ,
Что не напрасное мученье
До срока растерзала грудь,
Онъ говорилъ: «когда нибудь
Созрѣетъ плодъ сей муки тайной,
И слово сильное случайно
Изъ груди вырвется твоей.
Уронишь ты его не даромъ:
Оно чужую грудь зажжетъ,
Въ нее какъ искра упадетъ,
А въ ней пробудится пожаромъ».

Спокойно дни мои цвѣли въ долинѣ жизни;
Меня лелѣяли веселіе съ мечтой;

Digitized by Google

Мнѣ міръ фантазіи былъ ясный край отчизны,
Онъ привлекалъ меня знакомой красотой.

Но рано пламень чувствъ, душевные порывы
Волшебной силою разрушили меня:
Я жизни сладостной теряю лучъ счастливый,
Лишь воспоминаніе отъ прежняго храня.

О муза! я позналъ твое очарованье!
Я видѣлъ молній блескъ, свирѣпость ярыхъ волнъ;
Я слышалъ трескъ громовъ и бури завыванье:

Но что сравнить съ пѣвцомъ, когда онъ страсти полнъ!
Прости! питомецъ твой тобою погибаетъ
И, погибающій, тебя благословляетъ.

Изъ стихотвореній Кольцова.

Доля бѣдняка.

У чужихъ людей
Горекъ бѣлый хлѣбъ,
Брага хмѣльная—
Не разымчива!

Рѣчи вольныя—
Все какъ связаны;
Чувства жаркія
Мрутъ безъ отзыва...

Изъ души-ль порой
Радость вырвется—
Злой насмѣшкою
Вмигъ отравится.

И бѣлъ-ясенъ день
Затуманится;

Digitized by Google

Грустью черною
Міръ одѣнется.

И сидишь, глядишь
Улыбаючись,
А въ душѣ клянешь
Долю горькую!

Раздумье селянина.

Сяду я за столъ
Да подумаю,
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому.

Нѣтъ у молодца
Молодой жены;
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнаго,

Золотой казны,
Угла теплаго,
Бороны, сохи,
Коня-пахаря...

Вмѣстѣ съ бѣдностью
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ талантъ—
Силу крѣпкую.

Да и ту какъ разъ
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю размыкала...

Сяду я за столъ
Да подумаю,

Digitized by Google

Какъ мнѣ вѣкъ дожить
Одинокому.

Что ты спишь, мужичекъ?

Что ты спишь, мужичекъ?
Вѣдь весна на дворѣ,
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты былъ, и что сталъ,
И что есть у тебя?

На гумнѣ—ни снопа;
Въ закромахъ—ни зерна;
На дворѣ—по травѣ
Хоть шаромъ покати.

Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ, за долгъ,
По сосѣдямъ развелъ.

И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ,
И, погнувшись, изба,
Какъ старушка, стоитъ.

Вспомни время свое:
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой.

Со двора и гумна
По дорожкѣ большой,

Digitized by Google

По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!

И какъ двери ему
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое!

А теперь—подъ окномъ
Ты съ бѣдою сидишь,
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь;

А въ поляхъ, сиротой,
Хлѣбъ не скошенъ стоитъ:
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его!

Что ты спишь, мужичекъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ;

Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.

Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшичкомъ пьютъ.

Digitized by Google

Лѣсъ.

Что, дремучій лѣсъ,
Призадумался,
Грустью темною
Затуманился?
Что Бова-сплачъ
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою,
Ты стоишь—поникъ,
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей-бурею?
Густолиственный
Твой-зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ
И разсѣялъ въ прахъ;
Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался...
Ты стоишь,—поникъ,
И не ратуешь.
Гдѣ жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?
У тебя ль было—
Въ ночь безмолвную
Заливная пѣснь
Соловьиная...
У тебя ль было—
Дни—роскошество,
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются...
У тебя ль, было,
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ;

Digitized by Google

Распахнетъ она
Тучу черную,
Обоймётъ тебя
Вѣтромъ-холодомъ.
И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
«Вороти назадъ!
Держи около!..»
Закружитъ она,
Разыграется...
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатается.
Встрепенувшися,
Разбушуешься:
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ.
Буря всплачется
Лѣшимъ, вѣдьмою,
И несетъ свои
Тучи за море...
Гдѣ жъ теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился...
Одичалъ, замолкъ—
Только въ нѐпогодь
Воешь жалобу
На безвременье.
Такъ-то, темный лѣсъ,
Богатырь-Бова!
Всю ты жизнь свою
Маялъ битвами.
Не осилили
Тебя сильные—
Такъ дорѣзала
Осень черная.
Знать, во время сна,
Къ безоружному

Digitized by Google

Силы вражія...
Понахлынули;
Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову—
Не большой горой,
А соломенкой...

Пѣсня пахаря.

Ну, тащися, сивка,
Пашней, десятиной!
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.
Красавица-зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большаго лѣса
Солнышко выходитъ!
Весело на пашнѣ!
Ну, тащися, сивка!
Я самъ-другъ съ тобою
Слуга и хозяинъ.
Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.
Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю;
Ну, тащися, сивка!
Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.
Его вспоитъ, вскормитъ
Мать-земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка—
Ну, тащися, сивка!

Digitized by Google

Выйдетъ въ полѣ травка,
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.
Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы:
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ.
Ну, тащися, сивка!
Накормлю до-сыта,
Напою водою,
Водой ключевою.
Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ—мое богатство!

Косарь.

Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю...
Отчего же такъ
Не возьму я въ толкъ?
Охъ, въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ!
У меня-ль плечо
Шире дѣдова;
Грудь высокая—
Моей матушки.
На лицѣ моемъ
Кровь отцовская
Въ молокѣ зажгла
Зорю красную.
Кудри черныя
Лежатъ скобкою;

Digitized by Google

Что работаю—
Все мнѣ спорится.
Да въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ!
Прошлой осенью
Я за Грунюшку,
Дочку старосты,
Долго сватался;
А онъ, старый хрѣнъ,
Заупрямился!
За кого же онъ
Выдастъ Грунюшку?
Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю...
Я-ль за тѣмъ гонюсь,
Что отецъ ея
Богачемъ слыветъ?
Пускай домъ его—
Чаша полная!
Я ее хочу,
Я по ней крушусь:
Лицо бѣлое—
Заря алая,
Щеки полныя,
Глаза темные
Свели мóлодца
Съ ума-разума.
Ахъ, вчера по мнѣ
Ты такъ плакала!
На отрѣзъ старикъ
Отказалъ вчера...
Охъ, не свыкнуться
Съ этой горестью!
Я куплю себѣ
Косу новую;
Отобью ее,

Digitized by Google

Наточу ее—
И прости-прощай,
Село рóдное!
Не плачь, Грунюшка:
Косой вострою
Не подрѣжусь я...
Ты прости, село,
Прости, староста:
Въ края дальніе
Пойдетъ молодецъ.
Что внизъ по Дону,
По набережью,
Хороши стоятъ
Тамъ слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой
Разстилается.
Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Черному
Понадвинулась!
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ-другъ
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной,
Вдоль и поперекъ
Съ ней хотѣлося...
Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ, съ полудня!
Освѣжи, взволнуй

Digitized by Google

Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава,
Подкошеная!
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!
Наряду съ травой
Вы засохните,
Какъ по Грунѣ я
Сохну, молодецъ!
Нагребу копенъ,
Намечу стоговъ—
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну:
Ворочусь въ село—
Прямо къ старостѣ:
Не разжалобилъ
Его бѣдностью—
Такъ разжалоблю
Золотой казной.

Урожай.

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула:
По лицу земли
Туманъ стелется;
Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ,
Нагустилъ его
Въ тучу черную;

Digitized by Google

Туча черная
Понахмурилась:
Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...
Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго...
Ополчается
Громомъ, бурею,
Огнемъ-молніей,
Дугой-радугой;
Ополчилася—
И расширилась,
И ударила,
И пролилася
Слезой крупною—
Проливнымъ дождемъ—
На земную грудь,
На широкую.
И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко;
Напилась воды
Земля до-сыта.
На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельскіе
Не насмотрятся;
Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою;
За-одно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.

Digitized by Google

Дума первая:
Хлѣбъ изъ зáкрома
Насыпáть въ мѣшки,
Убирать воза.
А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать.
Третью думушку
Какъ задумали—
Богу Господу
Помолилися.
Чѣмъ-свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались,
И пошли гулять
Другъ за дружкою,
Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать,
И давай пахать
Землю плугами,
Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчесывать...
Посмотрю-пойду,
Полюбуюся,
Что послалъ Господь
За труды людямъ:
Выше пояса
Рожь зернистая
Дремитъ колосомъ
Почти до земли;
Словно Божій гость
На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается;
Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,

Digitized by Google

Золотой волной
Разбѣгается...
Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую.
Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрипитъ музыка.
На гумнахъ вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.
Видитъ солнышко—
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени;
Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

Вторая пѣсня Лихача Кудриевича.

Въ золотое время
Хмѣлемъ кудри вьются,
Съ горести-печали
Русыя сѣкутся.
Ахъ сѣкутся кудри!
Любитъ ихъ забота;
Полюбитъ забота—
Не чешетъ и гребень!
Не родись въ сорочкѣ,
Не родись таланливъ:
Родись терпѣливымъ
И на все готовымъ.

Digitized by Google

Вѣкъ прожить—не поле
Пройти за сохою.
Кручину, что тучу—
Не уносить вѣтромъ.
Зла бѣда, не буря—
Горами качаетъ,
Ходитъ невидимкой,
Губитъ безъ разбору.
Отъ ея напасти
Не уйти на лыжахъ:
Въ чистомъ полѣ найдетъ,
Въ темномъ лѣсѣ сыщетъ;
Чуешь только сердцемъ:
Прійдетъ, сядетъ рядомъ,
Объ руку съ тобою
Пойдетъ и поѣдетъ...
И щемитъ, и ноетъ,
Болитъ ретивое:
Все—изъ рукъ вонъ—плохо,
Нѣтъ ни въ чемъ удачи.
То—скосило градомъ,
То—сняло пожаромъ;
Чистъ кругомъ и легокъ,
Никому не нуженъ...
Къ старикамъ на сходку
Выйти приневолятъ—
Старыя лаптишки
Безъ онучъ обуешь,
Кафтанишка рваный
На плечи натянешь,
Бороду вскосматишь,
Шапку нахлобучишь,
Тихомолкомъ станешь
За чужія плечи...
Пусть не видятъ люди
Прожитова счастья.

Digitized by Google

Крестьянская пирушка.

Ворота тесовы растворилися,
На коняхъ, на саняхъ гости въѣхали;
Имъ хозяинъ съ женой низко кланялись;
Со двора повели въ свѣтлу горенку.
Передъ Спасомъ Святымъ гости молятся;
За дубовы столы, за набраные,
На сосновыхъ скамьяхъ сѣли званые.
На столахъ куръ, гусей много жареныхъ,
Пироговъ, ветчины блюда полныя.
Бахрамой, кисеей принаряжена,
Молодая жена, чернобровая,
Обходила подругъ съ поцѣлуями,
Разносила гостямъ чашу горькова.
Самъ хозяинъ за ней, брагой хмѣльною,
Изъ ковшей вырѣзныхъ родныхъ потчуетъ;
А хозяйская дочь медомъ сыченымъ
Обносила кругомъ съ лаской дѣвичьей.
Гости пьютъ и ѣдятъ, рѣчи гуторятъ:
Про хлѣба, про покосъ, про старинушку,
Какъ-то Богъ и Господь хлѣбъ уродитъ намъ?
Какъ-то сѣно въ степи будетъ зелено?
—Гости пьютъ и ѣдятъ, забавляются
Отъ вечерней зари до полуночи.
По селу пѣтухи перекликнулись;
Призатихъ говоръ-шумъ въ темной горенкѣ;
Отъ воротъ поворотъ видѣнъ по снѣгу.

Могила.

Чья это могила
Тиха, одинока?
И крестъ тростниковый,
И насыпь свѣжа;
И чистое поле
Кругомъ безъ дорогъ.
Чья жизнь отжилася?

Digitized by Google

Чей кончился путь?
Татаринъ ли дикій
Свершилъ здѣсь убійство
Въ ночной темнотѣ,
И свѣжею кровью,
Горячею, брызнулъ
На русскую быль?..
Или молодая
Жница-поселянка,
Ангела-младенца
На рукахъ лелѣя,
Оплакала горько
Кончину его,—
И подъ яснымъ небомъ,
Въ полѣ, на просторѣ,
Въ цвѣтахъ васильковыхъ,
Положенъ дитя?..
Вѣетъ надъ могилой,
Вѣетъ буйный вѣтеръ,
Катитъ черезъ ниву,
Мимо той могилы,
Сухую былинку,
Перекати-поле;
Будитъ вольный вѣтеръ,
Будитъ, не пробудитъ
Дикую пустыню,
Тихій сонъ могилы!..

Ночлегъ чумаковъ.

Вблизи дороги столбовой
Ночуетъ таборъ кочевой
Сыновъ Украины привольной.
Въ степи и пасмурно, и темно:
Ни звѣздъ блестящихъ, ни луны
На небѣ нѣтъ, и тишины
Ночной ничто не нарушаетъ:
Порой проѣзжій лишь играетъ,

Digitized by Google

И колокольчикъ почтовой,
Звеня надъ тройкой удалой,
На мигъ молчанье прерываетъ.
Между возовъ огонь горитъ;
На таганѣ котелъ виситъ;
Чумакъ раздѣтый, бородатый,
Поджавшись, на ногахъ сидитъ
И кашу съ саломъ кипятитъ.
За таборомъ невдалекѣ
Волы усталые пасутся:
Они никѣмъ не стерегутся.
Безпечно предъ огнемъ въ кружкѣ
Хохлы чумазые, сѣдые,
Съ усами хлопцы молодые,
Простершись на травѣ, лежатъ
И въ даль невесело глядятъ.
Чѣмъ чумаковъ прогнать дремоту?
Давно-ль утратили охоту
Они пѣть пѣсни старины?
Чѣмъ нынѣ такъ развлечены?
Бывало, часто, ночью темной
Я съ ними время раздѣлялъ
И, помню, пѣснямъ ихъ внималъ
Съ какой-то радостью невольной...
Но вотъ во тьмѣ игра свирѣли,
Вотъ тихо подъ свирѣль запѣли
Они про жизнь своихъ дѣдовъ,
Украйны вольныя сыновъ...
И какъ тѣ пѣсни сердцу милы,
Какъ выразительны, унылы,
Протяжны, звучны и полны
Преданьями родной страны.

Безъ ума, безъ разума
Меня замужъ выдали,
Золотой вѣкъ дѣвичій
Силой укоротили.

Digitized by Google

Для того ли молодость
Соблюдали, нѣжили,
За стекломъ отъ солнышка
Красоту лелѣяли,—
Чтобъ я вѣкъ свой замужемъ
Горевала, плакала,
Безъ любви, безъ радости
Сокрушалась, мучилась.
Говорятъ родимые:
Поживется—слюбится;
И по сердцу выберешь—
Да горчѣе придется.
Хорошо, состарѣвшись,
Разсуждать, совѣтовать.
И съ собою молодость
Безъ разсчета сравнивать!

Передъ образомъ Спасителя.

Предъ Тобою, мой Богъ!
Я свѣчу погасилъ,
И премудрую книгу
Предъ Тобою закрылъ.

Твой небесный огонь
Негасимо горитъ;
Безконечный Твой міръ
Предъ очами раскрытъ;

Я съ любовью къ Тебѣ
Погружаюся въ немъ;
Со слезами стою
Передъ свѣтлымъ лицемъ!

И напрасно весь міръ
На Тебя возставалъ,
И напрасно на смерть
Онъ Тебя осуждалъ:

Digitized by Google

На крестѣ, подъ вѣнцомъ,
И спокоенъ, и тихъ,
До конца Ты молилъ
За злодѣевъ своихъ!

Молитва.

Спаситель, Спаситель!
Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы;
Но, Боже, и вѣрѣ
Могила темна!
Что слухъ мой замѣнитъ
Потухшія очи?
Глубокое чувство
Остывшаго сердца?
Что̀ будетъ жизнь духа
Безъ этого сердца?..
На крестъ, на могилу,
На небо и землю,
На точку начала
И цѣли твореній
Творецъ всемогущій
Накинулъ завѣсу,
Печать наложилъ...
Печать та навѣки:
Ея не расторгнутъ
Міры, разрушаясь,
Огонь не растопитъ,
Не смоетъ вода.
Прости жъ мнѣ, Спаситель,
Слезу моей грустной
Вечерней молитвы:
Во тьмѣ она свѣтитъ
Любовью къ Тебѣ.

Digitized by Google

Послѣдняя борьба.

Надо мною буря выла,
Громъ на небѣ грохоталъ,
Слабый умъ судьба страшила,
Холодъ въ душу проникалъ.

Но не палъ я отъ страданья,
Гордо выдержалъ ударъ,
Сохранилъ въ душѣ желанья,
Въ тѣлѣ силу, въ сердцѣ жаръ.

Что погибель! что спасенье!
Будь, что будетъ—все равно!
На святое Провидѣнье
Положился я давно.

Въ этой вѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,
Ею жизнь моя полна;
Безконечно къ ней стремленье,
Въ ней покой и тишина!

Не грози жъ ты мнѣ бѣдою,
Не зови, судьба, на бой!
Биться я готовъ съ тобою,
Но не сладишь ты со мной!

У меня въ душѣ есть сила;
У меня есть въ сердцѣ кровь;
Подъ крестомъ—моя могила,
На крестѣ—моя любовь!

Путь.

Путь широкій давно
Предо мною лежитъ,

Digitized by Google

Да нельзя мнѣ по немъ
Ни летать, ни ходить...

Кто же держитъ меня,
И что́ кинуть мнѣ жаль?
И зачѣмъ до-сихъ-поръ
Не стремлюся я вдаль?

Или доля моя
Сиротой родилась!
Иль со счастьемъ слѣпымъ
Безъ ума разошлась!

По лѣтамъ и кудрямъ
Не старикъ еще я:
Много думъ въ головѣ,
Много въ сердцѣ огня!

Много слугъ и казны
Подъ замками лежитъ;
И лихой-вороной
Ужъ осѣдланъ стоитъ.

Да на путь—по душѣ—
Крѣпкой воли мнѣ нѣтъ,
Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть;

Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять,
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать;

И чтобъ съ горемъ въ пиру,
Быть съ веселымъ лицемъ;
На погибель идти—
Пѣсни пѣть соловьемъ!

Digitized by Google

Пѣсня.

Въ непогоду вѣтеръ
Воетъ, завываетъ;
Буйную головку
Злая грусть терзаетъ.

Горемычной долѣ
Нѣтъ нигдѣ привѣта;
До сѣдыхъ волосъ любовью
Душа не согрѣта.

Нѣту силъ; усталъ я
Съ этимъ горемъ биться,
А на свѣтъ посмотришь:
Жалко съ нимъ проститься!

Доля жъ, моя доля!
Гдѣ ты запропала!
До поры, до время,
Въ воду камнемъ пала?

Поднимись, что силы
Размахни крылами:
Можетъ, наша радость
Живетъ за горами.

Если нѣтъ—у моря
Сядемъ да дождемся;
Безъ любви и съ горемъ
Жизнью наживемся!

Размышленіе поселянина.

На восьмой десятокъ
Пять лѣтъ перегнулось,

Digitized by Google

Какъ одну я пѣсню,
Пѣсню молодую,
Пою, запѣваю
Старою погудкой;
Какъ одну я лямку
Тяну безъ подмоги!
Ровесникамъ дѣтки
Давно помогаютъ,
Только мнѣ на свѣтѣ
Перемѣны нѣту.
Сынъ пошелъ на службу,
А другой въ могилу;
Двѣ вдовы невѣстки:
У нихъ дѣтей куча—
Все малъ-мала меньше;
Задной головою
Ничего не знаютъ,
Гдѣ пахать, что сѣять
Позабыли думать.
Богу, знать, угодно
Наказать, подъ старость,
Меня горемыку
Такой тяготою.
Сбыть съ двора невѣстокъ,
Пустить сиротъ въ люди—
Старики, на сходкѣ,
Про Кузьму что скажутъ?
Нѣтъ, мой згадъ, ужъ лучше,
Доколь мочь и сила,
Доколь душа въ тѣлѣ,
Буду я трудиться;
Кто у Бога проситъ,
Да работать любитъ—
Тому невидимо
Господь посылаетъ.
Посмотришь—одинъ я
Батракъ и хозяинъ,
А живу чѣмъ хуже

Digitized by Google

Людей семьянистыхъ?
Лиха-бѣда въ землю
Кормилицу-ржицу
Мужичку закинуть;
А тамъ Богъ урѣдитъ,
Микола подсобитъ
Собрать хлѣбецъ съ поля;
Такъ его достанетъ
Годъ семью пробавить,
Посбыть подать съ шеи
И нужды поправить,
И лишней копейкой
Божій праздникъ встрѣтить.

Пѣсня.

Ахъ, зачѣмъ меня
Силой выдали
За немилова—
Мужа старова?

Небось весело
Теперь матушкѣ
Утирать мои
Слезы горькія!

Небось весело
Глядѣть батюшкѣ
На житье-бытье
Горемычное!

Небось сердце въ нихъ
Разрывается,
Какъ приду одна
На великой день;

Отъ дружка дары

Digitized by Google

Принесу съ собой:
На лицѣ—печаль,
На душѣ—тоску!

Поздно, родные;
Обвинять судьбу,
Ворожить, гадать,
Сулить радости!

Пусть изъ-за моря
Корабли плывутъ,
Пущай золото
На полъ сыплется:

Не рости травѣ
Послѣ осени;
Не цвѣсти цвѣтамъ
Зимой по снѣгу!

Кольцо.

Я затеплю свѣчу
Воску ярова,
Распаяю кольцо
Друга милова.
Загорись, разгорись,
Роковой огонь,
Распаяй, растопи
Чисто золото.
Безъ него, для меня
Ты не надобно;
Безъ него, на рукѣ—
Камень на сердцѣ.
Что взгляну, то вздохну,
Затоскуюся,
И зальются глаза
Горькимъ горемъ слезъ.

Digitized by Google

Возвратится ли онъ?
Или вѣсточкой
Оживитъ ли меня
Безутѣшную?
Нѣтъ надежды въ душѣ...
Ты разсыпься же
Золотой слезой,
Память милова!
Невредимо, черно,
На огнѣ кольцо,
И звенитъ по столу
Память вѣчную.

Изъ пѣсенъ Цыганова.

1.

По полю, полю чистому,
По бархатнымъ лужкамъ,
Течетъ, струится рѣченька
Къ безвѣстнымъ бережкамъ.
Взойдетъ гроза, пройдетъ гроза—
Всегда свѣтла она.
Отъ бури лишь поморщится,
Не зная, что волна...
Не рощи, не дубравушки
По бережку ростутъ:
Кусты цвѣтовъ лазоревыхъ,
Любуясь въ ней, цвѣтутъ.
А рѣчка извивается,
По травушкѣ скользитъ;
То въ ямкѣ потеряется,
То снова заблеститъ.
Ей убыли невѣдомы—
Всегда въ одной красѣ;
За прибыль благодарствуетъ
Небесной лишь росѣ.

Digitized by Google

Но долго-ль, долго-ль рѣченькѣ
Катиться по цвѣтамъ?
Ждутъ бездны моря свѣтлую
Въ дали туманной, тамъ.
О, поле, поле чистое,
Осиротѣешь ты!
И вы, и вы посохнете,
Лазоревы цвѣты!
Ахъ, рѣчка, рѣчка свѣтлая,
Измѣнчивъ нашъ удѣлъ!
На рѣзвый бѣгъ твой по полю
Сквозь слезы я глядѣлъ...
И я жилъ рѣзво, весело,
Пѣвалъ въ былые дни,
И радости сердечныя
Лишь чувствовалъ одни.
Но все перемѣняется,
Проходитъ все, какъ сонъ—
И я грустить, печалиться
До гроба осужденъ.

2.

«Не шей ты мнѣ, матушка,
Красный сарафанъ:
Не входи, родимушка,
Попусту въ изъянъ!
Рано мою косыньку
На двѣ расплетать!
Прикажи мнѣ русую
Въ ленту убирать!
Пускай, не покрытая
Шелковой фатой,
Очи молодецкія
Веселитъ собой!
То ли житье дѣвичье,
Чтобъ его мѣнять,
Торопиться замужемъ

Digitized by Google

Охать да вздыхать?
Золотая волюшка
Мнѣ милѣй всего!
Не хочу я съ волюшкой
Въ свѣтѣ ничего!»
— Дитя мое, дитятко,
Дочка милая!
Головка побѣдная,
Неразумная.
Не вѣкъ тебѣ пташечкой
Звонко распѣвать,
Легкокрылой бабочкой
По цвѣтамъ порхать:
Поблекнутъ на щоченькахъ
Маковы цвѣты;
Прискучатъ забавушки—
Стоскуешься ты...
А мы и при старости
Себя веселимъ:
Младость вспоминаючи,
На дѣтей глядимъ.
И я, молодешенька,
Была такова;
И мнѣ тѣ же въ дѣвушкахъ
Пѣлися слова!»

3.

Полетай соловеюшко,
На родиму сторонушку;
На родимой сторонушкѣ,
Тамъ живала сироточка.
Сирота горемычная,
Моя матушка родимая!
Подъ ея подъ окошечкомъ
Есть кудрявое деревцо:
Оно мною посажено,
Ею часто поливано,

Digitized by Google

Не водицей ключевою,
А слезами, да горючими.
Сядь на немъ, соловеюшко!
Свей на немъ тепло гнѣздышко,
Заведи малыхъ дѣтушекъ,
Распѣвай съ утра до ночи:
Потѣшай сиротинушку,
Мою матушку родимую!
Пусть родная не плачется,
Подъ окошкомъ сидючи,
На проѣзжаго глядючи,
Обо мнѣ вспоминаючи!...
Еще я на бѣломъ свѣту,
Пуще прежняго люблю ее.
Есть вѣдь дни, въ кои солнышко
Съ яснымъ мѣсяцемъ видится...
Такъ настанетъ и намъ денёкъ—
И мы съ ней повидаемся:
Наглядимся, насмотримся,
Насмѣемся... наплачемся...
Крѣпко, крѣпко обнимемся
И до-сыта нацѣлуемся!

4.

«Что ты рано, травушка,
Пожелтѣла,
Что вы рано, цвѣтики,
Облетѣли?
Что ты такъ, красавица,
Похудѣла?..
Впали алы щоченьки—
Поблѣднѣли,
Впали ясны оченьки—
Потускнѣли»...
—Не успѣли цвѣтики
Распуститься,—
Ужъ ихъ злая засуха

Digitized by Google

Поѣдаетъ:
Не успѣла я съ дружкомъ
Обручиться,—
Ужъ онъ меня, бѣдную,
Покидаетъ,
Безъ поры, безъ времени,
Убиваетъ!—
«Только-ль свѣту бѣлаго,
Что въ оконцѣ?
Только-ль добрыхъ молодцевъ,
Что измѣнщикъ?
Не туманъ, голубушка,
Ясныхъ очекъ;
Не слезп, лебедушка,
Алыхъ щочекъ;
Выбирай любимаго
Изъ удалыхъ,
По нраву пріятному,
По обычью,
По уму, по разуму,
Да по сердцу!»
— Погляжу-ль я на небо:
Звѣздокъ много,—
Да одинъ во звѣздочкахъ
Свѣтелъ мѣсяцъ!
Загляну-ль въ зеленый садъ:
Пташекъ много,—
Да одинъ во пташечкахъ
Ясенъ соколъ!
Взгляну ли на молодцевъ:
Добрыхъ много,—
Да не прійдутъ дѣвушкѣ
По обычью,
По уму, по разуму,
Да по сердцу...

Digitized by Google

5

Жавороночекъ на проталинкѣ
Распѣваетъ:
Онъ зоветъ весну, радость-красную
Вызываетъ!
Не лежать снѣжкамъ въ чистомъ полѣ—
Растопиться,
Бурной рѣченькой въ море сине
Укатиться!
Не пора-ль и мнѣ съ грустью лютою
Раздружиться?
Жавороночекъ надъ теплымъ гнѣздомъ
Распѣваетъ;
Сѣнокосъ поспѣлъ, золотая рожь
Созрѣваетъ;
Время птенчикамъ, малымъ дѣточкамъ,
Оперяться,
Легкимъ крылышкомъ по поднебесью
Поноситься!—
Вотъ пора и мнѣ съ грустью лютою
Разлучиться!
Замолчалъ пѣвунъ-жавороночекъ—
Унываетъ...
Со полуночи дуетъ буйный вѣтръ,
Подуваетъ...
Не дозрѣть плодамъ—на земь съ деревца
Посвалиться;
Облетѣть листамъ—прахомъ по вѣтру
Разноситься...
Ахъ, пора, пора съ грустью лютою
Распроститься...
Жавороночекъ къ морю теплому
Отлетаетъ;
Вьюга зимняя—все мятелица
Заметаетъ...
Видно, ко молодцу счастью прошлому

Digitized by Google

Не вернуться:
Спать бы крѣпкимъ сномъ во сырой землѣ—
Не проснуться,
Горю бъ лютому до сердечушка
Не коснуться...

Изъ сказки Ершова: «Конекъ-Горбунокъ.»

За горами, за лѣсами,
За широкими морями,
Не на небѣ—на землѣ
Жилъ старикъ въ одномъ селѣ.
У крестьянина три сына:
Старшій умный былъ дѣтина,
Средній сынъ и такъ и сякъ,
Младшій вовсе былъ дуракъ.
Братья сѣяли пшеницу,
Да возили подъ столицу:
Знать, столица та была
Недалеко отъ села.
Тамъ пшеницу продавали,
Деньги счетомъ принимали—
И съ телѣгою пустой
Возвращалися домой.
Въ долгомъ времени, аль вскорѣ,
Приключилося имъ горе:
Кто-то въ поле сталъ ходить
И пшеницу ихъ косить.
Мужички такой печали
Отъ рожденья не видали.
Стали думать да гадать—
Какъ-бы вора имъ поймать,
И рѣшили всенародно:
Съ той ночи поочередно
Полосу свою беречь,
Злаго вора подстеречь.

Digitized by Google

Только стало лишь смеркаться,
Началъ старшій братъ сбираться:
Взялъ и вилы и топоръ,
И отправился въ дозоръ.
Ночь ненастная настала:
На него боязнь напала—
И со страху нашъ мужикъ
Завалился на сѣнникъ.
Ночь проходитъ; день приходитъ.
Съ сѣнника дозорный сходитъ
И, обшедъ избу кругомъ,
У дверей стучитъ кольцомъ:
«Эй, вы, сонныя тетери!
Отпирайте брату двери!
Подъ дождемъ я весь промокъ
Съ головы до самыхъ ногъ».
Братья двери отворили,
Караульнаго впустили,
Стали спрашивать его,
Не видалъ ли онъ чего.
Караульный помолился,
Вправо, влѣво поклонился
И, прокашлявшись, сказалъ:
«Цѣлу ноченьку не спалъ;
На мое жъ притомъ несчастье,
Было страшное ненастье:
Дождь вотъ такъ ливмя и лилъ;
Подъ дождемъ я все ходилъ.
Правда, было мнѣ и скучно...
Впрочемъ, все благополучно».
Похвалилъ его отецъ:
«Ты, Данило, молодецъ!
Ты, вотъ такъ сказать, примѣрно,
Сослужилъ мнѣ службу вѣрно,
То-есть, будучи при томъ,
Не ударилъ въ грязь лицомъ».

Снова начало смеркаться;

Digitized by Google

Средній сынъ пошелъ сбираться:
Взялъ и вилы и топоръ,
И отправился въ дозоръ.
Ночь холодная настала:
На него тоска напала,
Зубы начали плясать:
Онъ—ударился бѣжать.
Только начало свѣтать,
У дверей онъ сталъ стучать:
«Эй вы, сони! что вы спите?
Брату двери отоприте!
Ночью страшный былъ морозъ:
До костей я весь промерзъ».
Братья двери отворили,
Караульнаго впустили,
Стали спрашивать его,
Не видалъ ли онъ чего.
Караульный помолился;
Вправо, влѣво поклонился
И сквозь зубы отвѣчалъ:
«Всю я ноченьку не спалъ;
Да, къ моей судьбѣ несчастной,
Ночью холодъ былъ ужасной—
До костей меня пробралъ:
Цѣлу ночь я проскакалъ...
Слишкомъ было несподручно!
Впрочемъ, все благополучно».
И ему сказалъ отецъ:
«Ты, Гаврило, молодецъ!»

Стало въ третій разъ смеркаться
Надо младшему сбираться:
Онъ и усомъ не ведетъ,
На печи въ углу поетъ
Изо всей дурацкой мочи:
«Распрекрасныя вы очи!»
Братья ну его ругать,
Стали въ поле посылать;

Digitized by Google

Но сколь долго ни кричали,
Только время потеряли:
Онъ ни съ мѣста. Наконецъ
Подошелъ къ нему отецъ,
Говоритъ ему: «Послушай,
Ты поди въ дозоръ, Ванюша!
Я нашью тебѣ обновъ,
Дамъ гороху и бобовъ».
Вотъ дуракъ съ печи слѣзаетъ,
Шапку на бокъ надѣваетъ,
Хлѣбъ за пазуху кладетъ
И, шатаяся, идетъ.

Ночь настала; мѣсяцъ всходитъ.
Поле все дуракъ обходитъ,
И садится подъ кустомъ,
Звѣзды на небѣ считаетъ
Да краюшку убираетъ.
Вдругъ на полѣ конь заржалъ.
Караульный нашъ привсталъ,
Посмотрѣлъ сквозь рукавицу—
И увидѣлъ кобылицу.
Кобылица та была
Вся, какъ зимній снѣгъ, бѣла;
Грива—точно золотая,
Въ мелки кольцы завитая.
«Эхе-хе! такъ вотъ какой
Нашъ воришко! Но постой,
Я шутить вѣдь не умѣю:
Разомъ сяду те на шею.
Вишь, какая саранча!»
И, минуту улуча,
Къ кобылицѣ подбѣгаетъ,
За волнистый хвостъ хватаетъ
И садится на хребетъ—
Только задомъ напередъ.
Кобылица молодая,
Задомъ, передомъ брыкая,

Digitized by Google

Понеслася по полямъ,
По горамъ и по лѣсамъ;
То заскачетъ, то забьется,
То вдругъ круто повернется;
Но дуракъ и самъ не простъ:
Крѣпко держится за хвостъ.
Наконецъ она устала.
«Ну, дуракъ!» ему сказала:
«Коль умѣлъ ты усидѣть,
Такъ тебѣ мной и владѣть».

Скоро сказка говорится,
Дѣло мѣшкотно творится.
Только, братцы, я узналъ,
Что конекъ туда вбѣжалъ,
Гдѣ-я слышалъ стороною—
Небо сходится съ землею,
Гдѣ крестьянки ленъ прядутъ,
Пряжки на небо кладутъ.
Тутъ Иванъ на небо въѣхалъ
Да по небу и поѣхалъ,
Избоченясь, будто князь,
Шапку на бокъ, подбодрясь.
— «Эко диво! эко диво!
Наше царство хоть красиво»,
Говоритъ коньку Иванъ
Средь лазоревыхъ полянъ;
«А какъ съ небомъ то сравнится,
Такъ подъ стельку не годится.
Вѣдь у насъ земля черна,
И темна-то, и грязна;
Здѣсь земля-то голубая,
А ужъ свѣтлая какая!
Посмотри-ка, горбунокъ,
Видишь, вонъ гдѣ на востокъ,
Словно свѣтится гнилушка...
Чай, крестьянская избушка?
Что-то больно высока!»

Digitized by Google

Такъ спросилъ Иванъ конька.
— «Это теремъ Царь-Дѣвицы,
Нашей будущей царицы»,
Горбунокъ ему кричитъ.
— «По ночамъ здѣсь солнце спитъ,
А какъ день деньской приходитъ,
То сюда и мѣсяцъ входитъ».

Подъѣзжаютъ къ воротамъ—
Сто столбовъ по сторонамъ;
Всѣ столбы тѣ голубые,
А верхушки золотыя;
На верхушкахъ три звѣзды;
Вокругъ терема сады;
На серебряныхъ тамъ вѣткахъ,
Въ раззолоченыхъ во клѣткахъ,
Птицы райскія живутъ,
Пѣсни царскія поютъ.
А вѣдь теремъ съ теремами,
Будто городъ съ деревнями;
А на теремѣ изъ звѣздъ –
Православный русскій крестъ.

Вотъ конекъ во дворъ въѣзжаетъ;
Нашъ Иванъ съ него слѣзаетъ,
Въ теремъ къ мѣсяцу идетъ
И такую рѣчь ведетъ;
«Здравствуй, Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ!
Я—Иванушка Петровичъ...
Изъ далекихъ я сторонъ
И привезъ тебѣ поклонъ».
— «Сядь, Иванушка Петровичъ!»
Молвилъ Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ:
— «И повѣдай мнѣ вину—
Въ нашу свѣтлую страну
Твоего съ земли прихода:
Изъ какого ты народа,
Какъ явился въ сей странѣ,—

Digitized by Google

Все вполнѣ повѣдай мнѣ».—
«Я съ земли пришелъ землянской,
Изъ страны вѣдь христіанской»,
Говоритъ ему Иванъ:
«Переѣхалъ окіянъ
Съ порученьемъ отъ Дѣвицы,
Нашей будущей царицы,
Чтобъ тебя отъ ней спрошать,
Послѣ ей пересказать:
Для чего, дескать, три ночи
Не показывалъ ты очи,
И зачѣмъ уже три дня
Солнце скрылось отъ меня?»
— «А какая тò царица?»
«Это, знаешь, Царь-Дѣвица»...
— «Царь-Дѣвица? Такъ она
Что-ль тобой увезена?»
Вскрикнулъ Мѣсяцъ Мѣсяцовичъ.
Тутъ Иванушка Петровичъ
Говоритъ: «извѣстно, мной!
Вишь, я царской стремянной...

Тутъ Иванушка поднялся,
Въ путь-дороженьку собрался...
Вдругъ онъ дважды привскочилъ:
«Эхъ, немножко не забылъ!
Есть къ тебѣ, родной, прошенье—
То о китовомъ прощеньѣ..
Есть, вишь, море: чудо-китъ
Поперегъ его лежитъ;
Всѣ бока его изрыты,
Частоколы въ ребра вбиты;
Онъ бѣднякъ меня прошалъ,
Чтобы я тебѣ сказалъ:
Скоро-ль кончится мученье,
Чѣмъ сыскать ему прощенье
И за что онъ тутъ лежитъ?»
Мѣсяцъ ясный говоритъ:

Digitized by Google

— «Онъ за-то несетъ мученье,
Что безъ Божія велѣнья
Проглотилъ середь морей
Три десятка кораблей.
Если дастъ онъ имъ свободу,
То сниму съ него невзгоду».
Поклонившись, какъ умѣлъ,
На конька Иванъ тутъ сѣлъ,
Свистнулъ, будто витязь знатный,
И пустился въ путь обратный.

На другой день нашъ Иванъ
Вновь пришелъ на окіянъ.
Вотъ конекъ бѣжитъ по киту,
По костямъ стучитъ копытомъ.
Чудо-юдо рыба-китъ
Такъ, вздохнувши, говоритъ:
«Что, отецъ мой? въ небѣ былъ ли?
Мнѣ прощенье испросилъ ли?»
Тутъ конекъ ему кричитъ:
«Погоди ты, рыба-китъ!»

Вотъ въ селенье прибѣгаетъ,
Мужичковъ къ себѣ сзываетъ,
Черной гривкою трясетъ
И такую рѣчь ведетъ:
«Эй послушайте, міряне?
Православны христіяне!
Коль не хочетъ кто изъ васъ
Къ водяному сѣсть въ приказъ,
Убирайся вмигъ отсюда!
Здѣсь тотчасъ случится чудо:
Море сильно закипитъ—
Повернется рыба-китъ»...

Тутъ крестьяне и міряне,
Православны христіяне,
Закричали: «быть бѣдамъ!»

Digitized by Google

И пустились по домамъ.
Всѣ телѣги собирали;
Въ нихъ не мѣшкая поклали
Все, что было живота—
И оставили кита. (*)
Лишь на небѣ засмеркалось,
То на китѣ ни осталось
Ни одной души живой,
Будто шелъ Мамай войной.

Тутъ конекъ на хвостъ вскѣгаетъ,
Къ перьямъ скоро прилегаетъ
И, что мочи есть, кричитъ:
«Чудо-юдо рыба-китъ!
Отъ того твое мученье,
Что безъ Божія велѣнья
Проглотилъ ты средь морей
Три десятка кораблей.
Если дашь ты имъ свободу,
Не потерпишь ужъ невзгоду».
И, окончивъ это, вмигъ
Горбунокъ на берегъ—прыгъ.
И на немъ остановился.
Чудо китъ поворотился,
Началъ море волновать
И изъ челюстей бросать
Корабли за кораблями,
Съ парусами и гребцами...

Чудо-юдо рыба-китъ
Громкимъ голосомъ кричитъ,
Ротъ широкій отворяя,

---

*) Раньше разсказано, что на китѣ было:
На хвостѣ сыръ-боръ шумитъ,
На спинѣ село стоитъ,
Мужички на губѣ пашутъ,
Между глазъ мальчишки пляшутъ,
А въ дубровѣ межъ усовъ
Ищутъ дѣвушки грибовъ.

Digitized by Google

Плесомъ волны разбивая:
«Чѣмъ тебѣ мнѣ услужить?
Чѣмъ за службу наградить?
Надо-ль раковинъ цвѣтистыхъ?
Надо ль рыбокъ золотистыхъ?
Надо ль крупныхъ жемчуговъ?
Все достать тебѣ готовъ!»
— «Нѣтъ, китъ-рыба, мнѣ не надо
Крупныхъ жемчуговъ въ награду»,
Говоритъ ему Иванъ:
«Лучше перстень мнѣ достань,
Перстень красной Царь-Дѣвицы,
Нашей будущей царицы».
— «Ладно, ладно!» рыба-китъ
Стремянному говоритъ:
— «Отыщу я до зарницы
Перстень красной Царь-Дѣвицы».
Такъ китъ-чудо отвѣчалъ
И, всплеснувъ, на дно упалъ.

Вотъ онъ плесомъ ударяетъ,
Громкимъ голосомъ сзываетъ
Осетриный весь народъ
И такую рѣчь ведетъ:
«Вы достаньте до зарницы
Перстень красной Царь-Дѣвицы,
Скрытый въ ящичкѣ на днѣ.
Кто его доставитъ мнѣ,
Награжу того я чиномъ:
Будетъ думнымъ дворяниномъ.
Если жъ умный мой приказъ
Не исполните—я васъ!»
Осетры тутъ поклонились
И въ порядкѣ удалились.

Черезъ нѣсколько часовъ,
Двое бѣлыхъ осетровъ
Къ киту медленно подплыли

Digitized by Google

И смиренно говорили:
«Царь великій, не гнѣвись!
Мы все море ужъ, кажись,
Ваша милость, обыскали,
А все перстня не видали.
Только ершъ одинъ изъ насъ
Могъ исполнить твой приказъ:
Онъ по всѣмъ морямъ гуляетъ,
Такъ ужъ, вѣрно, перстень знаетъ;
Но его, какъ бы на зло,
Ужъ куда-то унесло».
— «Отыскать его въ минуту
И послать въ мою каюту!»
Китъ во гнѣвѣ закричалъ
И усами закачалъ.

Осетры тутъ поклонились,
Въ земской судъ потомъ пустились
И велѣли въ тотъ же часъ
Отъ кита писать указъ,
Чтобъ гонцовъ скорѣй послали
И ерша скорѣй поймали.
Лещъ, услыша сей приказъ,
Именной писалъ указъ;
Сомъ (исправникомъ онъ звался)
Подъ указомъ подписался,
Черный ракъ указъ сложилъ
И печати приложилъ.
Двухъ дельфиновъ тутъ призвали
И, отдавъ указъ, сказали,
Чтобъ отъ имени царя
Всѣ объѣхали моря,
И того ерша-гуляку,
Крикуна и забіяку,
Гдѣ бы ни было, нашли,
Къ государю привели.
Тутъ дельфины поклонились
И ерша искать пустились.

Digitized by Google

Ищутъ часъ они въ моряхъ,
Ищутъ часъ они въ рѣкахъ,
Всѣ озера исходили,
Всѣ проливы переплыли—
Не могли ерша сыскать,
И вернулися назадъ,
Чуть не плача отъ печали.
Вдругъ дельфины услыхали
Недалеко на прудѣ
Крикъ неслыханный въ водѣ.
Въ прудъ дельфины завернули
И на дно его нырнули—
Глядь: въ прудѣ подъ камышемъ
Ершъ дерется съ карасемъ.

«Смирно! Черти бъ васъ побрали!
Вишь, содомъ какой подняли,
Словно важные бойцы!»
Закричали имъ гонцы.
— «Ну, а вамъ какое дѣло?»
Ершъ кричитъ дельфинамъ смѣло;
— «Я шутить вѣдь не люблю:
Разомъ всѣхъ переколю!»
«Охъ ты, вѣчная гуляка,
И крикунъ и забіяка!
Все бы, дрянь, тебѣ гулять,
Все бы драться да кричать?
Дома—нѣтъ, вѣдь, не сидится...
Ну, да что съ тобой рядиться!
Вотъ тебѣ царевъ указъ,
Чтобъ ты плылъ къ нему тотчасъ».
Тутъ проказника дельфины
Подхватили за щетины
И отправились назадъ.
Ершъ ну рваться и кричать:
— «Будьте милостивы, братцы!
Дайте чуточку подраться:
Распроклятый тотъ карась

Digitized by Google

Поносилъ меня вчерась,
При честномъ при всемъ собраньѣ,
Басурманской разной бранью».
Долго ершъ еще кричалъ.
Наконецъ и замолчалъ;
А проказника дельфины
Все тащили за щетины,
Ничего ни говоря,—
И явились предъ царя.

— «Что ты долго не являлся?
Гдѣ ты, вражій сынъ, шатался?»
Китъ со гнѣвомъ закричалъ.
На колѣни ершъ упалъ—
И, признавшись въ преступленьѣ,
Онъ испрашивалъ прощенья.
— «Ну, ужъ Богъ тебя проститъ!»
Китъ державный говоритъ:
— «Но за это преступленье
Ты исполни повелѣнье».
«Все исполню, славный китъ!»
На колѣняхъ ершъ пищитъ.
— «Ты по всѣмъ морямъ гуляешь,
Такъ ужъ, вѣрно, перстень знаешь
Царь-Дѣвицы?»—«Какъ не знать!
Можемъ разомъ отыскать».
— «Такъ ступай же поскорѣе,
Да неси его живѣе».

Тутъ отдавъ царю поклонъ,
Ершъ пошелъ оттуда вонъ;
Съ полминуты порѣзвился,
Въ черный омутъ опустился
И, разрывъ на днѣ песокъ,
Вырылъ красный сундучекъ—
Пудъ, по-крайней мѣрѣ, во сто.
«Здѣсь, братъ, дѣло-то не просто!»
И давай изъ всѣхъ морей

Digitized by Google

Ершъ скликать къ себѣ сельдей.
Сельди разомъ собралися,
Сундучекъ тащить взялися—
Только слышно и всего,
Что «у-у!» да «о-о-о!»
Но, сколь сильно ни кричали,
Сундучка все не подняли.
Ершъ, не тратя много словъ,
Кликнулъ десять осетровъ.
Вотъ десятокъ приплываетъ
И безъ крика поднимаетъ
Крѣпко ввязнувшій въ песокъ
Съ перстнемъ красный сундучекъ.
«Ну, ребятушки, смотрите,
Вы къ царю теперь плывите;
Я пойду теперь ко дну,
Да немножко отдохну:
Что-то сонъ одолѣваетъ,
Такъ глаза вотъ и смыкаетъ».

Осетры къ царю плывутъ;
Ершъ-гуляка прямо въ прудъ,
Изъ котораго дельфины
Утащили за щетины:
Чай, додраться съ карасемъ—
Я не вѣдаю о томъ.

Изъ сочиненій Лермонтова.

Ангелъ.

По небу полуночи Ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ,
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,

Digitized by Google

О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ.
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Вѣтка Палестины.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины:
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?

У водъ-ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной-ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?

Молитву-ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?

И пальма та жива-ль понынѣ?
Все также-ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?

Или, въ разлукѣ безотрадной,
Она увяла, какъ и ты,

Digitized by Google

И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?....

Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?

Иль, Божьей рати лучшій воинъ,
Онъ былъ, съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и божествомъ?..

Заботой тайною хранима.
Передъ иконой золотой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!

Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

Умирающій гладіаторъ.

Ликуетъ буйный Римъ... торжественно гремитъ
Рукоплесканьями широкая арена,—
А онъ, пронзенный въ грудь, безмолвно онъ лежитъ,
Во прахѣ и крови скользитъ его колѣна...
И молитъ жалости напрасно мутный взоръ:
Надменный временщикъ и льстецъ его, сенаторъ,
Вѣнчаютъ похвалой побѣду и позоръ...
Что̀ яростной толпѣ сраженный гладіаторъ?
Онъ презрѣнъ и забытъ.... освистанный актеръ!
И кровь его течетъ,—послѣднія мгновенья
Мелькаютъ,—близокъ часъ... Вотъ лучъ воображенья
Сверкнулъ въ его душѣ... предъ нимъ шумитъ Дунай...

Digitized by Google

И родина цвѣтетъ—свободной жизни край;
Онъ видитъ кругъ семьи, оставленный для брани,
Отца, простершаго немѣющія длани,
Зовущаго къ себѣ опору дряхлыхъ дней...
Дѣтей играющихъ—возлюбленныхъ дѣтей!
Всѣ ждутъ его назадъ съ добычею и славой....
Напрасно: жалкій рабъ, онъ палъ, какъ звѣрь лѣсной,
Безчувственной толпы минутною забавой...
«Прости, развратный Римъ!—прости, о, край родной!»

Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова.

Охъ ты гой еси, Царь Иванъ Васильевичъ!
Про тебя нашу пѣсню сложили мы,
Про твово любимаго опричника,
Да про смѣлаго купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный ладъ,
Мы пѣвали ее подъ гуслярный звонъ,
И причитывали, да присказывали.
Православный народъ ею тѣшился,
А бояринъ Матвѣй Ромодановскій
Намъ чарку поднесъ меду пѣннаго.
А боярыня его бѣлолицая
Поднесла намъ на блюдѣ серебряномъ
Полотенце новое, шелкомъ шитое.
Угощали насъ три дня, три ночи,
И все слушали—не наслушались.

1

Не сіяетъ на небѣ солнце красное,
Не любуются имъ тучки синія:
То за трапезой сидитъ во златомъ вѣнцѣ,

Digitized by Google

Сидитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Позади его стоятъ стольники,
Супротивъ его все бояре да князья,
По бокамъ его все опричники;

И пируетъ царь во славу божію,
Въ удовольствіе свое и веселіе.

Улыбаясь, царь повелѣлъ тогда
Вина сладкаго заморскаго
Нацѣдить въ свой золоченый ковшъ
И поднесть его опричникамъ.
— И всѣ пили, царя славили.

Лишь одинъ изъ нихъ, изъ опричниковъ,
Удалой боецъ, буйный молодецъ,
Въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ;
Опустилъ онъ въ землю очи темныя,
Опустилъ головушку на широку грудь,—
А въ груди его была дума крѣпкая.

Вотъ нахмурилъ царь брови черныя
И навелъ на него очи зоркія,
Словно ястребъ взглянулъ съ высоты небесъ
На младаго голубя, сизокрылаго,—
Да не поднялъ глазъ молодой боецъ.
—Вотъ объ землю царь стукнулъ палкою,
И дубовый полъ на полчетверти
Онъ желѣзнымъ пробилъ оконечникомъ,—
Да не вздрогнулъ и тутъ молодой боецъ.
—Вотъ промолвилъ Царь слово грозное,—
И очнулся тогда добрый молодецъ.

«Гей ты, вѣрный нашъ слуга, Кирибѣевичъ,
Аль ты думу затаилъ нечестивую?
Али славѣ нашей завидуешь?
Али служба тебѣ честная прискучила?
Когда всходитъ мѣсяцъ—звѣзды радуются,

Digitized by Google

Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью;
А которая въ тучку прячется—
Та стремглавъ на землю падаетъ...
Неприлично-же тебѣ, Кирибѣевичъ,
Царской радостью гнушатися;
А изъ роду ты, вѣдь, Скуратовыхъ
И семьею ты вскормленъ Малютиной!..»

Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Царю грозному въ поясъ кланяясь;

— Государь ты нашъ, Иванъ Васильевичъ!
Не кори ты раба недостойнаго:
Сердца жаркаго не залить виномъ,
Думу черную—не запотчивать!
А прогнѣвалъ я тебя—воля царская!
Прикажи казнить, рубить голову:
Тяготитъ она плечи богатырскія
И сама къ сырой землѣ она клонится.

И сказалъ ему царь Иванъ Васильевичъ:
Да объ чемъ тебѣ, молодцу, кручиниться?
Не истерся-ли твой парчевой кафтанъ?
Не измялась-ли шапка соболиная?
Не казна-ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закаленая?
Или конь захромалъ худо-кованый?
Или съ ногъ тебя сбилъ на кулачномъ бою,
На Москвѣ-рѣкѣ, сынъ купеческій?»

Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Покачавъ головою кудрявою:

— Не родилась та рука заколдованная
Ни въ боярскомъ роду, ни въ купеческомъ!
Аргамакъ мой степной ходитъ весело;
Какъ стекло горитъ сабля вострая;

Digitized by Google

А на праздничный день, твоей милостью,
Мы не хуже другаго нарядимся.

— Какъ я сяду, поѣду на лихомъ конѣ
За Москву-рѣку покататися,
Кушачкомъ подтянуся шелковымъ,
Заломлю на бочекъ шапку бархатную,
Чернымъ соболемъ отороченную,—
У воротъ стоятъ у тесовыхъ
Красны дѣвушки да молодушки,
И любуются, глядя, перешептываясь;
Лишь одна не глядитъ, не любуется,
Полосатой фатой закрывается...

— На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходитъ плавно—будто лебедушка,
Смотритъ сладко—какъ голубушка,
Молвитъ слово—соловей поетъ.
Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ божіемъ;
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цѣлуются.
Во семьѣ родилась она купеческой,
Прозывается Аленой Дмитревной.

— Какъ увижу ее, я и самъ не свой:
Опускаются руки сильныя,
Помрачаются очи бойкія;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.
Опостылли мнѣ кони легкіе,
Опостылли наряды парчевые,
И не надо мнѣ золотой казны:
Съ кѣмъ казною своей подѣлюсь теперь?
Передъ кѣмъ покажу удальство свое?

Digitized by Google

Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?..
Отпусти меня въ степи приволжскія,
На житье на вольное, на казацкое.
Ужъ сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье басурманское;
И раздѣлятъ по себѣ злы татаровья
Коня добраго, саблю острую
И сѣдельце бранное, черкасское,
Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
Мои кости сирыя дождикъ вымоетъ,
И безъ похоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется...

И сказалъ, смѣясь, Иванъ Васильевичъ:
Ну, мой вѣрный слуга! я твоей бѣдѣ,
Твоему горю пособить постараюся.
Вотъ возьми перстенекъ ты мой яхонтовый,
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахѣ смышленой покланяйся,
И пошли дары драгоцѣнные
Ты своей Аленѣ Дмитревнѣ:
Какъ полюбишься—празднуй свадебку,
Не полюбишься—не прогнѣвайся.»

— Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ?
Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
Не сказалъ тебѣ правды истинной,
Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
Въ церкви Божіей перевѣнчана,
Перевѣнчана съ молодымъ купцомъ
По закону нашему, христіанскому...

Ай, ребята, пойте—только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте—дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

Digitized by Google

II.

За прилавкою сидитъ молодой купецъ,
Статный молодецъ Степанъ Парамоновичъ,
По прозванію Калашниковъ;
Шелковые товары раскладываетъ,
Рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ,
Злато, серебро пересчитываетъ.
Да не добрый день задался ему:
Ходятъ мимо баре богатые,
Въ его лавочку не заглядываютъ.

Отзвонили вечерню во святыхъ церквахъ;
За Кремлемъ горитъ заря туманная,
Набѣгаютъ тучки на небо,—
Гонитъ ихъ мятелица, распѣваючи,
Опустѣлъ широкій гостиный дворъ.
Запираетъ Степанъ Парамоновичъ
Свою лавочку дверью дубовою
Да замкомъ нѣмецкимъ со пружиною;
Злаго пса—ворчуна зубастаго
На желѣзную цѣпь привязываетъ.
И пошелъ онъ домой, призадумавшись,
Къ молодой хозяйкѣ, за Москву-рѣку.

И приходитъ онъ въ свой высокій домъ,
И дивится Степанъ Парамоновичъ:
Не встрѣчаетъ его молода жена,
Не накрытъ дубовый столъ бѣлой скатертью,
А свѣча передъ образомъ еле теплится.
И кличетъ онъ старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремѣевна,
А куда дѣвалась, затаилася
Въ такой поздній часъ Алена Дмитревна?
А что дѣтки мои любезныя,
Чай, забѣгались, заигралися,
Спозаранку спать уложилися?

Digitized by Google

—Господинъ ты мой, Степанъ Парамоновичъ!
Я скажу тебѣ диво дивное:
Что къ вечернѣ пошла Алена Дмитревна.
Вотъ ужъ попъ прошелъ съ молодой попадьей:
Засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать,—
А по-сю-пору твоя хозяюшка
Изъ приходской церкви не вернулася.
А что дѣтки твои малыя
Почивать не легли, не играть пошли—
Плачемъ плачутъ, все не унимаются.

И смутился тогда думой крѣпкою
Молодой купецъ Калашниковъ.
И онъ сталъ къ окну, глядитъ на улицу—
А на улицѣ ночь темнехонька;
Валитъ бѣлый снѣгъ разстилается,
Заметаетъ слѣдъ человѣческій.

Вотъ онъ слышитъ: въ сѣняхъ дверью хлопнули,
Потомъ слышитъ шаги торопливые,
Обернулся, глядитъ—сила крестная!
Передъ нимъ стоитъ молода жена,
Сама блѣдная, простоволосая,
Косы русыя расплетенныя
Снѣгомъ-инеемъ пересыпаны,
Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя;
Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.

«Ужъ ты гдѣ, жена, шаталася?
На какомъ на дворѣ, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одежа вся твоя изорвана?
Ужъ гуляла ты, пировала ты,
Чай, съ сынками все боярскими?..
Не на то предъ святыми иконами
Мы съ тобой, жена, обручалися,
Золотыми кольцами мѣнялися!..
Какъ запру я тебя за желѣзный замокъ,

Digitized by Google

За дубовую дверь, окованную,
Чтобы свѣту Божьяго ты не видѣла,
Мое имя честное не порочила»...

И услышавъ то, Алена Дмитревна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, какъ листочекъ осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
Въ ноги мужу повалилася:

«Государь ты мой, красно солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои рѣчи—будто острый ножъ:
Отъ нихъ сердце разрывается.
Не боюся смерти лютыя,
Не боюся я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

«Отъ вечерни я домой шла нонече
Вдоль по улицѣ одинешенька.
И послышалось мнѣ, будто снѣгъ хруститъ;
Оглянулася—человѣкъ бѣжитъ.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.
И онъ сильно схватилъ меня за руки
И сказалъ мнѣ такъ тихимъ шепотомъ:
— Что пужаешься, красная красавица?
Я не воръ какой, душегубъ лѣсной.
Я слуга царя, Царя Грознаго,
Прозываюсь Кирибѣевичемъ,
А изъ славной семьи изъ Малютиной...

«Испугалась я пуще прежняго;
Закружилась моя бѣдная головушка.
И онъ сталъ меня цѣловать—ласкать,
И цѣлуя, все приговаривалъ:
— Отвѣчай мнѣ, чего тебѣ надобно,
Моя милая, драгоцѣнная!

Digitized by Google

Хочешь золота, али жемчугу?,
Хочешь яркихъ камней, аль цвѣтной парчи?
Какъ царицу, я наряжу тебя.
Станутъ всѣ тебѣ завидовать.
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый разъ на прощаніе!—

«И ласкалъ онъ меня, цѣловалъ меня:
На щекахъ моихъ и теперь горятъ,
Живымъ пламенемъ разливаются
Поцѣлуи его окаянные...
А смотрѣли въ калитку сосѣдушки;
Смѣючись, на насъ пальцемъ показывали...

«Какъ изъ рукъ его я рванулася
И домой стремглавъ бѣжать бросилась,—
И остались въ рукахъ у разбойника
Мой узорный платокъ—твой подарочекъ,
И фата моя бухарская.
Опозорилъ онъ, осрамилъ меня,
Меня честную, непорочную—
И что скажутъ злые сосѣдушки?
И кому на глаза покажусь теперь?

«Ты не дай меня, свою вѣрную жену,
Злымъ охульникамъ въ поруганіе!
На кого, кромѣ тебя, мнѣ надѣяться?
У кого просить стану помощи?
На бѣломъ свѣтѣ я сиротинушка:
Родной батюшка ужъ въ сырой землѣ,
Рядомъ съ нимъ лежитъ моя матушка,
А мой старшій братъ, самъ ты вѣдаешь,
На чужой сторонушкѣ пропалъ безъ—вѣсти,
А меньшой мой братъ—дитя малое,
Дитя малое, неразумное»...

Говорила такъ Алёна Дмитревна,
Горючьми слезами заливалася.

Digitized by Google

Посылаетъ Степанъ Парамоновичъ
За двумя меньшими братьями.
И пришли его два брата, поклонилися,
И такое слово ему молвили:
«Ты повѣдай намъ, старшій нашъ братъ,
Что съ тобой случилося, приключилося,
Что послалъ ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь, морозную?»

— Я скажу вамъ, братцы любезные,
Что лиха бѣда со мною приключилася:
Опозорилъ семью нашу честную
Злой опричникъ царскій, Кирибѣевичъ;
А такой обиды не стерпѣть душѣ,
Да не вынести сердцу молодецкому.
Ужъ какъ завтра будетъ кулачный бой
На Москвѣ-рѣкѣ при самомъ царѣ,
И я выйду тогда на опричника,
Буду на-смерть биться, до послѣднихъ силъ;
А побьетъ онъ меня—выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробѣйте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свѣжѣй силою,
На васъ меньше грѣховъ накопилося,
Такъ авось Господь васъ помилуетъ!

И въ отвѣтъ ему братья молвили:
«Куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушныя;
Когда сизой орелъ зоветъ голосомъ
На кровавую долину побоища,
Зоветъ пиръ пировать, мертвецовъ убирать,
Къ нему малые орлята слетаются;
Ты нашъ старшій братъ, намъ второй отецъ;
Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь;
А ужъ мы тебя, роднаго, не выдадимъ!»

Ай, ребята, пойте—только гусли стройте!

Digitized by Google

Ай, ребята, пейте—дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

III.

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной кремлевской, бѣлокаменной,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается:
Разметала кудри золотистыя,
Умывается снѣгами разсыпчатыми,
Какъ красавица, глядя въ зеркальцо,
Въ небо чистое смотритъ, улыбается.
Ужъ зачѣмъ ты, алая заря, просыпалася?
Но какой ты радости разыгралася?

Какъ сходилися, собиралися
Удалые бойцы московскіе
На Москву-рѣку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потѣшиться,
И пріѣхалъ Царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велѣлъ растянуть цѣпь серебряную,
Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную.
Оцѣпили мѣсто въ двадцать пять саженъ
Для охотницкаго боя, одиночнаго.
И велѣлъ тогда Царь Иванъ Васильевичъ
Кличъ кликать звонкимъ голосомъ:
«Ой, ужъ гдѣ вы, добрые молодцы?
Вы потѣшьте Царя, нашего Батюшку!
Выходите-ка во широкій кругъ:
Кто побьетъ кого, того Царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, тому Богъ проститъ!»

И выходитъ удалой Кирибѣевичъ,

Digitized by Google

Царю въ поясъ молча кланяется,
Скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную,
Подпершися въ бокъ рукою правою,
Поправляетъ другой шапку алую,
Ожидаетъ онъ себѣ сопротивника...
Трижды громкій кличъ прокликали—
Ни одинъ боецъ и не тронулся,
Лишь стоятъ, да другъ друга поталкиваютъ.

На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ:
«Присмирѣли, небойсь, призадумались!
Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника,
Отпущу живаго съ покаяніемъ,
Лишь потѣшу Царя нашего, Батюшку».

Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны—
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванію Калашниковъ.
Поклонился прежде Царю Грозному,
Послѣ Бѣлому Кремлю, да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горятъ очи его соколиныя,
На опричника смотрятъ пристально.
Супротивъ него онъ становится,
«Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи распрямливаетъ,
Да кудряву бороду поглаживаетъ.

И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
«А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
Ты какого роду, племени,
Какимъ именемъ прозываешься?
Чтобы знать, по комъ панихиду служить,
Чтобы было чѣмъ и похвастаться».

Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:

Digitized by Google

«А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честнова отца,
И жилъ я по закону Господнему:
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить
Къ тебѣ вышелъ я теперь, басурманскій сынъ, —
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!»

И услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ:
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...
Вотъ молча оба расходятся,
Богатырскій бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ его посередь груди—
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ;
На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ
Со святыми мощами изъ Кіева,
И погнулся крестъ, и вдавился въ грудь;
Какъ роса, изъ-подъ него кровь закапала.
И подумалъ Степанъ Парамоновичъ;
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до-послѣднева!»
Изловчился онъ, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударилъ своего ненавистника
Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.

Digitized by Google

И опричникъ молодой застонялъ слегка,
Закачался, упалъ замертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, въ сыромъ бору
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.
И, увидѣвъ то, Царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о землю
И нахмурилъ брови черныя:
Повелѣлъ онъ схватить удалаго купца
И привесть его предъ лицо свое.

Какъ возговорилъ Православный Царь:
Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти,
Вольной волею, или нехотя,
Ты убилъ на-смерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?»
— Я скажу тебѣ, Православный Царь!
Я убилъ его вольной волею,
А за что, про что—не скажу тебѣ;
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить—и на плаху несть
Мнѣ головушку повинную;
Не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,
Не оставь молодую вдову,
Да двухъ братьевъ моихъ своей милостью...

Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему царству русскому, широкому
Торговать безданно, безпошлинно,
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.

Digitized by Google

Я топоръ велю наточить-навострить,
Палача велю одѣть-нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью...»

Какъ на площади народъ собирается,
Заунывный гудитъ-воетъ колоколъ,
Разглашаетъ всюду вѣсть недобрую.
По высокому мѣсту лобному,
Во рубахѣ красной съ яркой запонкой,
Съ большимъ топоромъ, навостреннымъ,
Руки голыя потираючи,
Палачъ весело похаживаетъ,
Удалова бойца дожидается,—
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Съ родными братьями прощается:

«Ужъ вы, братцы мои, други кровные,
Поцѣлуемтесь, да обнимемтесь
На послѣднее разставаніе.
Поклонитесь отъ меня Аленѣ Дмитревнѣ,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать.
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ,
Помолитесь сами въ церкви Божіей
Вы за душу мою, душу грѣшную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безталанная
Во крови на плаху покатилася.

Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ тульской, рязанской, владимірской,—
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,

Digitized by Google

И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безъименной могилкою.
И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ—перекрестится,
Пройдетъ дѣвица—пригорюнится,
А пройдутъ гусляри—споютъ пѣсенку.

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали—красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте.

Тароватому боярину слава!
И красавицѣ-боярынѣ слава!
И всему народу христіанскому слава!

Бородино.

«Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были-жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!»

—Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали-бъ Москвы!

Мы долго, молча, отступали,

Digitized by Google

Досадно было, боя ждали.
Ворчали старики:
«Что-жъ мы? на зимнія квартиры?
Не смѣютъ что-ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?»
И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
Французъ тутъ-какъ-тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добраться до картечи!»
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.

Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.

Digitized by Google

И только небо засвѣтилось—
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята! не Москва-ль за нами?
Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
— И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ бородинскій бой.

Ну-жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.

Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,—
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что значитъ русскій бой удалый,—
Нашъ рукопашный бой!..
Земля тряслась—какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди;
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...

Digitized by Google

Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны—
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя,
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда-бъ на то не Божья воля,
Не отдали-бъ Москвы!

Дума.

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее—иль пусто, иль темно;
Межъ-тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы;
Передъ опасностью позорно малодушны...
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!

Мы изсушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей

Digitized by Google

Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
Изъ каждой радости, боясь пресыщенья,
Мы лучшій сокъ на вѣки извлекли.

Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства—
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.

Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

Молитва.

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится-ль въ сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная

Digitized by Google

Въ созвучьи словъ живыхъ;
И дышетъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко—
И вѣрится, и плачется
И такъ легко, легко!..

Три пальмы.

(Восточное сказаніе).

Въ песчаныхъ степяхъ аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, подъ сѣнью зеленыхъ листовъ,
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.

И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый, изъ чуждой земли,
Пылающей грудью ко влагѣ студеной
Еще не склонялся подъ кущей зеленой,
И стали ужь сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
«На то-ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,
Ни чей благосклонный не радуя взоръ?..
Не правъ твой, о, Небо, святой приговоръ!..»

И только замолкли—въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,

Digitized by Google

Пестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали...
И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня,
Арабъ горячилъ воронаго коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгалъ, какъ барсъ, пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса вились въ безпорядкѣ;
И, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ;
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.
Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
И щедро поитъ ихъ студеный ручей.

Но только-что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ,—
И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.

Когда-же на западъ умчался туманъ,
Урочный свой путь совершалъ караванъ;
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодной;
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.

Digitized by Google

И нынѣ все дико и пусто кругомъ—
Не шепчутся листья съ гремучимъ ключомъ:
Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ—
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

Поэтъ.

Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ:
Клинокъ надежный, безъ порока;
Булатъ его хранитъ таинственный закалъ—
Наслѣдье браннаго Востока.
Наѣзднику въ горахъ служилъ онъ много лѣтъ,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провелъ онъ страшный слѣдъ
И не одну прорвалъ кольчугу.
Забавы онъ дѣлилъ послушнѣе раба,
Звенѣлъ въ отвѣтъ рѣчамъ обиднымъ;
Въ тѣ дни была-бъ ему богатая рѣзьба
Нарядомъ чуждымъ и постыднымъ.
Онъ взятъ за Терекомъ отважнымъ казакомъ
На хладномъ трупѣ господина,
И долго онъ лежалъ, заброшенный потомъ,
Въ походной лавкѣ армянина.
Теперь родныхъ ноженъ, избитыхъ на войнѣ,
Лишенъ героя спутникъ бѣдный;
Игрушкой золотой онъ блещетъ на стѣнѣ—
Увы! безславный и безвредный!
Никто привычною, заботливой рукой
Его не чиститъ, не ласкаетъ,
И надписи его, молясь передъ зарей,
Никто съ усердьемъ не читаетъ...

Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ-ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ

Digitized by Google

Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньи?
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшутъ блестки и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься-ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

Первое января.

Какъ часто, пестрою толпою окруженъ,
Когда передо мной, какъ будто-бы сквозь сонъ,
При шумѣ музыки и пляски,
При дикомъ шепотѣ затверженныхъ рѣчей,
Мелькаютъ образы бездушные людей—
Приличьемъ стянутые маски;

Когда касаются холодныхъ рукъ моихъ,
Съ небрежной смѣлостью, красавицъ городскихъ
Давно-безтрепетныя руки,—
Наружно погружась въ ихъ блескъ и суету,
Ласкаю я въ душѣ старинную мечту,
Погибшихъ лѣтъ святые звуки.

И если какъ-нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться,—памятью къ недавней старинѣ
Лечу я вольной, вольной птицей:

Digitized by Google

И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей;

Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится—и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и желтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами.

И странная тоска тѣснитъ ужъ грудь мою:
Я думаю объ ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье,
Съ глазами полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодаго дня
За рощей первое сіянье.

Такъ царства дивнаго всесильный господинъ—
Я долгіе часы проживалъ одинъ,
И память ихъ жива понынѣ
Подъ бурей тягостныхъ сомнѣній и страстей,
Какъ свѣжій островокъ безвредно средь морей
Цвѣтетъ на влажной ихъ пустынѣ.

Когда-жъ, опомнившись, обманъ я узнаю,
И шумъ толпы людской спугнетъ мечту мою—
На праздникъ незванную гостью,
О какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью!

Казачья колыбельная пѣсня.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный

Digitized by Google

Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты-жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой—старый воинъ,
Закаленъ въ бою;
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.

Самъ узнаешь—будетъ время—
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой.
Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой....
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!..
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь

Digitized by Google

Ты въ чужомъ краю...
Спи-жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой;
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой;
Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

Воздушный корабль.

(Изъ Зейдлица.)

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.

Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И, молча, въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.

Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ:
Но скалы и тайныя мели,
И бури ему ни по-чемъ.

Есть островъ на томъ океанѣ—
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.

Digitized by Google

Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ.
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.

И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.

Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.

Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится,
И быстро пускается въ путь.

Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника-сына,
И старую гвардію онъ.

И только-что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ
И очи пылаютъ огнемъ.

На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.

Но спятъ усачи-гренадеры—
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,

Digitized by Google

Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.

И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.

И, топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ,
И снова онъ громко зоветъ;

Зоветъ онъ любезнаго сына—
Опору въ превратной судьбѣ;
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только—себѣ.

Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ,
И долго, его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ,—

Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.

Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...

Digitized by Google

Желанья!... что пользы напрасно и вѣчно желать?...
А годы проходятъ—всѣ лучшіе годы!

Любить... но кого-же?... на время—не стоитъ труда;
А вѣчно любить невозможно.
Въ себя-ли заглянешь?—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда;
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно...

Что страсти?—вѣдь, рано иль поздно, ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь—какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ—
Такая пустая и глупая шутка...

Изъ Гете.

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной;
Тихія долины
Полны свѣжей мглой;
Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

Тучи.

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я-же, изгнанники
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.

Кто-же васъ гонитъ: судьбы-ли рѣшеніе?
Зависть-ли тайная? злоба-ль открытая?
Или на васъ тяготитъ преступленіе?
Или друзей клевета ядовитая?

Digitized by Google

Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя...
Чужды вамъ страсти и чужды страданія;
Вѣчно—холодныя, вѣчно—свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

Сосна.

(Изъ Гейне.)

На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна,
И дремлетъ качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.

И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна на утесѣ горючемъ
Прекрасная пальма растетъ.

Родина.

Люблю отчизну я, но странною любовью:
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой,
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой;
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.

Но я люблю—за что, не знаю самъ—
Ея степей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ
И, взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.

Digitized by Google

Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи кочующій обозъ,
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ.

Плѣнный рыцарь.

Молча сижу подъ окошкомъ темницы.
Синее небо отсюда мнѣ видно:
Въ небѣ играютъ все вольныя птицы;
Глядя на нихъ, мнѣ и больно, и стыдно.

Нѣтъ на устахъ моихъ грѣшной молитвы,
Нѣту ни пѣсни во славу любезной;
Помню я только старинныя битвы,
Мечъ мой тяжелый да панцырь желѣзный.

Въ каменный панцырь я нынѣ закованъ,
Каменный шлемъ мою голову давитъ,
Щитъ мой отъ стрѣлъ и меча заколдованъ,
Конь мой бѣжитъ, и никто имъ не правитъ.

Быстрое время—мой конь неизмѣнный,
Шлема забрало—рѣшетка бойницы,
Каменный панцырь—высокія стѣны,
Щитъ мой—чугунныя двери темницы.

Мчись-же быстрѣе, летучее время!
Душно подъ новой бронею мнѣ стало!

Digitized by Google

Смерть, какъ пріѣдемъ, подержитъ мнѣ стремя;
Слѣзу и сдерну съ лица я забрало.

Парусъ.

Бѣлѣетъ парусъ одинокій
Въ туманѣ неба голубомъ...
Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?

Играютъ волны; вѣтеръ свищетъ,
И мачта гнется и скрипитъ...
Увы, онъ счастія не ищетъ,
И не отъ счастія бѣжитъ!

Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
А онъ, мятежный, ищетъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

Споръ.

Какъ-то разъ, передъ толпою
Соплеменныхъ горъ,
У Казбека съ Шатъ-горою
Былъ великій споръ.
«Берегись!» сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ:
«Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!
Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ,
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,

Digitized by Google

Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.
Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы
Да царп-орлы.
Люди хитры! Хоть и труденъ
Первый былъ скачекъ—
Берегися! многолюденъ
И могучъ Востокъ».

—Не боюся я Востока!
Отвѣчалъ Казбекъ:
Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары,
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный льетъ грузинъ;
И, склонясь въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ у ногъ Ерусалима,
Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна.
Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.
Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ,
И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.
Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня.

Digitized by Google

Нѣтъ! не дряхлому Востоку
Покорить меня!—

«Не хвались еще заранѣ!»
Молвилъ старый Шатъ:
«Вотъ на сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, братъ!»

Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущенъ;
И, смутясь, на сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣньѣ
Смотритъ, полный думъ:
Видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальйоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамены,
Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ.
И, дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ.
И испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой.
Идутъ всѣ полки могучи,
Шумны, какъ потокъ,

Digitized by Google

Страшно-медленны, какъ тучи,
Прямо на Востокъ.

И, томимъ зловѣщей думой,
Полный черныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмый,
И не счелъ враговъ.
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ—
И навѣкъ затихъ.

Утесъ.

Ночевала тучка золотая
На груди утеса, великана.
Утромъ въ путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный слѣдъ въ морщинѣ
Стараго утеса. Одиноко
Онъ стоитъ: задумался глубоко
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ...

Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтви родимой
И въ степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засохъ и увялъ онъ отъ холода, зноя и горя,
И вотъ, наконецъ, докатился до Чернаго моря.

У Чернаго моря чинара стоитъ молодая,
Съ ней шепчется вѣтеръ, зеленыя вѣтви ла[illegible];
На вѣтвяхъ зеленыхъ качаются райскія птицы,
Поютъ онѣ пѣсни про славу морской царь-дѣвицы.

И странникъ прижался у корня чинары высокой.
Пріюта на время онъ молитъ съ тоскою глубокой.

Digitized by Google

И такъ говоритъ онъ: «Я бѣдный листочекъ дубовый,
До срока созрѣлъ я и выросъ въ отчизнѣ суровой.

«Одинъ и безъ цѣли по свѣту ношуся давно я,
Засохъ я безъ тѣни, увялъ я безъ сна и покоя.
Прими же пришельца межъ листьевъ своихъ изумрудныхъ—
Не мало я знаю разсказовъ мудреныхъ и чудныхъ».

— На что мнѣ тебя! отвѣчаетъ младая чинара:
Ты пыленъ и желтъ, и сынамъ моимъ свѣжимъ не пара.
Ты много видалъ, да къ чему мнѣ твои небылицы?
Мнѣ слухъ утомили давно уже райскія птицы...
Иди себѣ дальше, о странникъ! тебя я не знаю.
Я солнцемъ любима, цвѣту для него и блистаю;
По небу я вѣтви раскинула здѣсь на просторѣ,
И корни мои омываетъ холодное море.

Выхожу одинъ я на дорогу:
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха; пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

Въ небесахъ торжественно и чудно!
Спитъ земля въ сіяньѣ голубомъ...
Что-же мнѣ такъ больно и такъ трудно:
Жду-ль чего? Жалѣю-ли о чемъ?

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть,
Я ищу свободы и покоя:
Я-бъ хотѣлъ забыться и заснуть...

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы
Я-бъ желалъ на вѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь;
Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,

Digitized by Google

Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

Пророкъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья,
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.

Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій,
И вотъ, въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы—даромъ Божьей пищи.

Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.

Когда-же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
Тамъ старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
Глупецъ—хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!

Смотрите-жъ, дѣти, на него,

Digitized by Google

Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его!»

Два великана.

Въ шапкѣ золота литаго
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другаго
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.

За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ о немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.

И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ.

Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ—
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою:
Ахнулъ дерзкій—и упалъ.

Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

Утро въ горахъ.

Взошла заря. Изъ-за тумановъ,
На небосклонѣ голубомъ
Главы гранитныхъ великановъ
Встаютъ, увѣнчанныя льдомъ.

Digitized by Google

Въ ущельѣ облако проснулось,
Какъ парусъ розовый надулось
И понеслось по вышинѣ.
Все дышетъ утромъ. За оврагомъ,
По косогору ѣдетъ шагомъ
Черкесъ на борзомъ скакунѣ.
Еще лѣнивое свѣтило
Росы холмовъ не осушило.
Со скалъ высокихъ, надъ путемъ,
Склонился дикій виноградникъ;
Его серебрянымъ дождемъ
Осыпанъ часто конь и всадникъ;
Небрежно бросивъ повода,
Красивой плеткой онъ махаетъ,
И пѣсню дѣдовъ иногда,
Склонясь на гриву, запѣваетъ;
И дальній отзывъ за горой
Уныло вторитъ пѣснѣ той.

Зима.

Зима. Изъ глубины снѣговъ
Встаютъ, чернѣя, пни деревъ.
Какъ призраки, склонясь челомъ
Надъ замерзающимъ Днѣпромъ.
Глядится тусклый день въ стекло
Прозрачныхъ льдинъ—и занесло
Овраги снѣгомъ. На зарѣ
Лишь заяцъ крадется къ норѣ
И, прыгая назадъ, впередъ,
Свой слѣдъ запутанный кладетъ;
Да иногда во тьмѣ ночной
Раздастся псовъ протяжный вой,
Когда, голодный и худой,
Обходитъ волкъ вокругъ гумна;
И если въ полѣ тишина,
То даже слышны издали
Его тяжелые шаги,

Digitized by Google

И скрипъ, и щелканье зубовъ,
И каждый вечеръ межъ кустовъ
Сто яркихъ глазъ, какъ свѣчи въ рядъ,
Во мракѣ прыгаютъ, блестятъ...

Когда волнуется желтѣющая нива
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;
Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристой
Привѣтливо киваетъ головой;
Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ—
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога.

Мцыри.

Въ грузинскомъ монастырѣ, находившемся при сліяніи рѣкъ, Арагвы и Куры, на попеченіе иноковъ однимъ русскимъ генераломъ оставленъ плѣнный шестилѣтній ребенокъ.

.....чуждъ ребяческихъ утѣхъ,
Сначала бѣгалъ онъ отъ всѣхъ,
Бродилъ безмолвенъ, одинокъ,
Смотрѣлъ вздыхая на востокъ,
Томимъ неясною тоской
По сторонѣ своей родной.
Но послѣ къ плѣну онъ привыкъ
Сталъ понимать чужой языкъ,

Digitized by Google

Былъ окрещенъ святымъ отцемъ,
И, съ шумнымъ свѣтомъ незнакомъ,
Уже хотѣлъ во цвѣтѣ лѣтъ
Изречь монашескій обѣтъ,
Какъ вдругъ однажды онъ исчезъ
Осенней ночью. Темный лѣсъ
Тянулся по горамъ кругомъ.
Три дня всѣ поиски по немъ
Напрасны были; но потомъ
Его въ степи безъ чувствъ нашли
И вновь въ обитель принесли.
Онъ страшно блѣденъ былъ и худъ
И слабъ, какъ будто долгій трудъ,
Болѣзнь, иль голодъ испыталъ.
Онъ на допросъ не отвѣчалъ
И съ каждымъ днемъ примѣтно вялъ.
И близокъ сталъ его конецъ.
Тогда пришелъ къ нему чернецъ
Съ увѣщеваньемъ и мольбой;
И, гордо выслушавъ, больной
Привсталъ, собравъ остатокъ силъ,
И долго такъ онъ говорилъ:
«Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ, благодарю.
Все лучше передъ кѣмъ нибудь
Словами облегчить мнѣ грудь.
Но людямъ я не дѣлалъ зла,
И потому мои дѣла
Немного пользы вамъ узнать,—
А душу можно-ль разсказать?
Я мало жилъ, и жилъ въ плѣну.
Такихъ двѣ жизни за одну,
Но только полную тревогъ,
Я промѣнялъ бы, если-бъ могъ.
Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну,—но пламенную страсть:
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.

Digitized by Google

Она мечты мои звала
Отъ келій душныхъ и молитвъ,
Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди вольны, какъ орлы.
Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской;
Ее предъ небомъ и землей
Я нынѣ громко признаю
И о прощеньи не молю...
«Ты хочешь знать, что видѣлъ я
На волѣ?—Пышныя поля,
Холмы, покрытые вѣнцомъ
Деревъ, разросшихся кругомъ,
Шумящихъ свѣжею толпой,
Какъ братья въ пляскѣ круговой.
Я видѣлъ груды темныхъ скалъ,
Когда потокъ ихъ раздѣлялъ,
И думы ихъ я угадалъ:
Мнѣ было свыше то дано!
Простерты въ воздухѣ давно
Объятья каменныя ихъ
И жаждутъ встрѣчи каждый мигъ.
Но дни бѣгутъ, бѣгутъ года,—
Имъ не сойтиться никогда!
Я видѣлъ горные хребты,
Причудливые, какъ мечты,
Когда въ часъ утренней зари
Курилися, какъ алтари,
Ихъ выси въ небѣ голубомъ,
И облачко за облачкомъ,
Покинувъ тайный свой ночлегъ,
Къ востоку направляло бѣгъ—
Какъ будто бѣлый караванъ
Залетныхъ птицъ изъ дальнихъ странъ!
Вдали я видѣлъ сквозь туманъ,
Въ снѣгахъ, горящихъ какъ алмазъ,
Сѣдой, незыблемый Кавказъ,—

Digitized by Google

И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мнѣ тайный голосъ говорилъ,
Что нѣкогда и я тамъ жилъ,
И стало въ памяти моей
Прошедшее яснѣй, яснѣй...
«И вспомнилъ я отцовскій домъ,
Ущелье наше, и кругомъ
Въ тѣни разсыпанный аулъ;
Мнѣ слышался вечерній гулъ
Домой бѣгущихъ табуновъ
И дальній лай знакомыхъ псовъ.
Я помнилъ смуглыхъ стариковъ,
При свѣтѣ лунныхъ вечеровъ,
Противъ отцовскаго крыльца
Сидѣвшихъ съ важностью лица,
И блескъ оправленныхъ ноженъ
Кинжаловъ длинныхъ... и, какъ сонъ,
Все это смутной чередой
Вдругъ пробѣгало предо мной.
А мой отецъ? Онъ какъ живой
Въ своей одеждѣ боевой
Являлся мнѣ, и помнилъ я:
Кольчуги звонъ, и блескъ ружья,
И гордый, непреклонный взоръ,—
И молодыхъ моихъ сестеръ...
Лучи ихъ сладостныхъ очей,
И звукъ ихъ пѣсенъ и рѣчей
Надъ колыбелію моей...
Въ ущельи тамъ бѣжалъ потокъ;
Онъ шуменъ былъ, но не глубокъ;
Къ нему, на золотой песокъ,
Играть я въ полдень уходилъ
И взоромъ ласточекъ слѣдилъ,
Когда онѣ передъ дождемъ
Волны касалися крыломъ.
И вспомнилъ я нашъ мирный домъ,
И предъ вечернимъ очагомъ

Digitized by Google

Разсказы долгіе о томъ,
Какъ жили люди прежнихъ дней,
Когда былъ міръ еще пышнѣй.
«Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
На волѣ? Жилъ—и жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была-бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безсильной старости твоей.
Давнымъ-давно задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля,
Узнать, прекрасна-ли земля,
И въ часъ ночной, ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
Я убѣжалъ. О! я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ бы радъ!
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ...

Убѣдившись, что нѣтъ погони, отъ усталости Мцыри прилегъ между высокихъ травъ.

Недвижимъ молча я лежалъ.
Порой въ ущеліи шакалъ
Кричалъ и плакалъ какъ дитя,
И, гладкой чешуей блестя,
Змѣя скользила межъ камней;
Но страхъ не сжалъ души моей:
Я самъ, какъ звѣрь, былъ чуждъ людей,
И ползъ и прятался, какъ змѣй:

На утро онъ увидѣлъ, что лежитъ на краю грозящей бездны.

«Кругомъ меня цвѣлъ Божій садъ;
Растеній радужный нарядъ
Хранилъ слѣды небесныхъ слезъ,
И кудри виноградныхъ лозъ

Digitized by Google

Вились, красуясь межъ деревъ
Прозрачной зеленью листовъ;
И грозды полныя на нихъ,
Серегъ подобье дорогихъ,
Висѣли пышно, и порой
Къ нимъ птицъ леталъ пугливый рой.
И снова я къ землѣ припалъ,
И снова вслушиваться сталъ
Къ волшебнымъ страннымъ голосамъ:
Они шептались по кустамъ,
Какъ будто рѣчь свою вели
О тайнахъ неба и земли;
И всѣ природы голоса
Сливались тутъ; не раздался
Въ торжественный хваленья часъ
Лишь человѣка гордый гласъ.
Все, что я чувствовалъ тогда,
Тѣ думы,– имъ ужъ нѣтъ слѣда;
Но я бъ желалъ ихъ разсказать,
Чтобъ жить, хоть мысленно, опять.
Въ то утро былъ небесный сводъ
Такъ чистъ, что ангела полетъ
Прилежный взоръ слѣдить бы могъ;
Онъ такъ прозрачно былъ глубокъ,
Такъ полонъ ровной синевой!
Я въ немъ глазами и душой
Тонулъ, пока полдневный зной
Мои мечты не разогналъ,
И жаждой я томиться сталъ.
«Тогда къ потоку съ высоты,
Держась за гибкіе кусты,
Съ плиты на плиту я, какъ могъ,
Спускаться началъ. Изъ-подъ ногъ
Сорвавшись, камень иногда
Катился внизъ—за нимъ бразда
Дымилась, прахъ вился столбомъ;
Гудя и прыгая, потомъ
Онъ поглощаемъ былъ волной;

Digitized by Google

И я висѣлъ надъ глубиной,—
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
...Я цѣль одну,
Пройти въ родимую страну,
Имѣлъ въ душѣ,—и превозмогъ
Страданье голода, какъ могъ.
И вотъ дорогою прямой
Пустился, робкій и нѣмой.
Но скоро въ глубинѣ лѣсной
Изъ виду горы потерялъ—
И тутъ съ пути сбиваться сталъ.
«Напрасно, въ бѣшенствѣ, порой
Я рвалъ отчаянной рукой
Терновникъ, спутанный плющомъ:
Все лѣсъ былъ, вѣчный лѣсъ кругомъ,
Страшнѣй и гуще каждый часъ;
И милліономъ черныхъ глазъ
Смотрѣла ночи темнота
Сквозь вѣтви каждаго куста....
Моя кружилась голова.
Я сталъ влѣзать на дерева;
Но даже на краю небесъ
Все тотъ же былъ зубчатый лѣсъ.
Тогда на землю я упалъ
И въ изступленіи рыдалъ,
И грызъ сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
Въ нее горючею росой...
Но, вѣрь мнѣ, помощи людской
Я не желалъ... я былъ чужой
Для нихъ навѣкъ, какъ звѣрь степной;
И еслибъ хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ—клянусь, старикъ,
Я бъ вырвалъ слабый мой языкъ.
«Ты помнишь, въ дѣтскіе года
Слезы не зналъ я никогда;
Но тутъ я плакалъ безъ стыда.

Digitized by Google

Кто видѣть могъ? Лишь темный лѣсъ,
Да мѣсяцъ, плывшій средь небесъ!
Озарена его лучемъ,
Покрыта мохомъ и пескомъ,
Непроницаемой стѣной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдругъ по ней
Мелькнула тѣнь, и двухъ огней
Промчались искры... и потомъ
Какой-то звѣрь однимъ прыжкомъ
Изъ чащи выскочилъ и легъ,
Играя, навзничь на песокъ.
То былъ пустыни вѣчный гость—
Могучій барсъ. Сырую кость
Онъ грызъ и весело визжалъ;
То взоръ кровавый устремлялъ,
Мотая ласково хвостомъ,
На полный мѣсяцъ,—и на немъ
Шерсть отливалась серебромъ.
Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ,
Минуту битвы; сердце вдругъ
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела инымъ путемъ...
Но нынче я увѣренъ въ томъ,
Что быть-бы могъ въ краю отцовъ
Не изъ послѣднихъ удальцовъ.
«Я ждалъ. И вотъ въ тѣни ночной
Врага почуялъ онъ, и вой
Протяжный жалобный, какъ стонъ,
Раздался вдругъ... и началъ онъ
Сердито лапой рыть песокъ,
Всталъ на дыбы, потомъ прилегъ.
И первый бѣшеный скачекъ
Мнѣ страшной смертію грозилъ...
Но я его предупредилъ.
Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ.
Надежный сукъ мой, какъ топоръ,

Digitized by Google

Широкій лобъ его разсѣкъ...
Онъ застоналъ, какъ человѣкъ,
И опрокинулся. Но вновь,—
Хотя лила изъ раны кровь
Густой, широкою волной,—
Бой закипѣлъ, смертельный бой!
«Ко мнѣ онъ кинулся на грудь;
Но въ горло я успѣлъ вотинуть
И тамъ два раза повернуть
Мое оружье... Онъ завылъ,
Рванулся изъ послѣднихъ силъ,
И мы, сплетясь, какъ пара змѣй,
Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
Упали разомъ, и во мглѣ
Бой продолжался на землѣ.
И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ:
Какъ барсъ пустынный, золъ и дикъ,
Я пламенѣлъ, визжалъ, какъ онъ;
Какъ будто самъ я былъ рожденъ
Въ семействѣ барсовъ и волковъ,
Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ.
Казалось, что слова людей
Забылъ я—и въ груди моей
Родился тотъ ужасный крикъ,
Какъ будто съ дѣтства мой языкъ
Къ иному звуку не привыкъ...
Но врагъ мой сталъ изнемогать,
Метаться, медленнѣй дышать,
Сдавилъ меня въ послѣдній разъ...
Зрачки его недвижныхъ глазъ
Блеснули грозно—и потомъ
Закрылись вѣчнымъ сномъ;
Но съ торжествующимъ врагомъ
Онъ встрѣтилъ смерть лицомъ къ лицу,
Какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу!..
«Ты видишь на груди моей
Слѣды глубокіе когтей;
Еще они не заросли

Digitized by Google

И не закрылись; но земли
Сырой покровъ ихъ освѣжитъ
И смерть навѣки заживитъ,
О нихъ тогда я позабылъ,
И, вновь собравъ остатокъ силъ,
Побрелъ я въ глубинѣ лѣсной...
Но тщетно спорилъ я съ судьбой:
Она смѣялась надо мной!

...«Вдругъ дальній колокола звонъ раздался», и бѣглецъ видитъ, что онъ возвращается въ монастырь, откуда бѣжалъ. Тогда онъ *смутно понялъ*, что ему *на родину слѣда не проложить ужъ никогда*.

«И было все на небесахъ
Свѣтло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернѣли двѣ горы.
Нашъ монастырь изъ-за одной
Сверкалъ зубчатою стѣной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвивъ каймой изъ серебра
Подошвы свѣжихъ островов,
По корнямъ шепчущихъ кустовъ
Бѣжали дружно и легко...
До нихъ мнѣ было далеко!
Хотѣлъ я встать—передо мной
Все закружилось съ быстротой;
Хотѣлъ кричать—языкъ сухой
Беззвученъ и недвижимъ былъ . .
Я умиралъ. Меня томилъ
Предсмертный бредъ.
Казалось мнѣ,
Что я лежу на влажномъ днѣ
Глубокой рѣчки—и была
Кругомъ таинственная мгла.
И, жажду вѣчную поя,
Какъ ледъ холодная струя,
Журча, вливалася мнѣ въ грудь...

Digitized by Google

И я боялся лишь заснуть,—
Такъ было сладко, любо мнѣ...
А надо мною въ вышинѣ
Волна тѣснилася къ волнѣ
И солнце сквозь хрусталь волны
Сіяло сладостнѣй луны...
....Тутъ я забылся. Божій свѣтъ
Въ глазахъ угасъ. Безумный бредъ
Безсилью тѣла уступилъ...
«Такъ я найденъ и поднятъ былъ...
Ты остальное знаешь самъ.
Я кончилъ. Вѣрь моимъ словамъ,
Или не вѣрь, мнѣ все равно.
Меня печалитъ лишь одно:
Мой трупъ холодный и нѣмой
Не будетъ тлѣть въ землѣ родной,
И повѣсть горькихъ мукъ моихъ
Не призоветъ межъ стѣнъ глухихъ
Вниманье скорбное ни чье
На имя темное мое.
«Прощай, отецъ... дай руку мнѣ:
Ты чувствуешь, моя въ огнѣ...
Знай, этотъ пламень, съ юныхъ дней
Таяся, жилъ въ груди моей;
Но нынѣ пищи нѣтъ ему,
И онъ прожегъ свою тюрьму,
И возвратится вновь къ Тому,
Кто всѣмъ законной чередой
Даетъ страданье и покой...
«Когда я стану умирать,
И, вѣрь, тебѣ не долго ждать—
Ты перенесть меня вели
Въ нашъ садъ, въ то мѣсто, гдѣ цвѣли
Акацій бѣлыхъ два куста...
Трава межъ ними такъ густа,
И свѣжій воздухъ такъ душистъ,
И такъ прозрачно золотистъ
Играющій на солнцѣ листъ!

Digitized by Google

Тамъ положить вели меня.
Сіяньемъ голубаго дня
Упьюся я въ послѣдній разъ.
Оттуда видѣнъ и Кавказъ!
Быть можетъ, онъ съ своихъ высотъ
Привѣтъ прощальный мнѣ пришлетъ,
Пришлетъ съ прохладнымъ вѣтеркомъ...
И близъ меня передъ концомъ
Родной опять раздастся звукъ!
И стану думать я, что другъ,
Иль братъ, склонившись надо мной,
Отеръ внимательной рукой
Съ лица кончины хладный потъ,
И что въ—полголоса поетъ
Онъ мнѣ про милую страну...
И съ этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!..»

Изъ романа «Герой нашего времени».

I. Бэла.

Я ѣхалъ на перекладныхъ изъ Тифлиса. Вся поклажа моей телѣжки состояла изъ одного небольшаго чемодана, который до половины былъ набитъ путевыми записками о Грузіи. Большая часть изъ нихъ, къ счастію для васъ, потеряна, а чемоданъ съ остальными вещами, къ счастію для меня, остался цѣлъ.

Ужъ солнце начинало прятаться за снѣговой хребетъ, когда я въѣхалъ въ Койшаурскую долину. Осетинъ-извощикъ неутомимо погонялъ лошадей, чтобъ успѣть до ночи взобраться на Койшаурскую гору и во все горло распѣвалъ пѣсни. Славное мѣсто эта долина! Со всѣхъ сторонъ горы неприступныя, красноватыя скалы, обвѣшанныя зеленымъ плющемъ и увѣнчанныя купами чинаръ, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а тамъ высоко, высоко, золотая бахрома снѣговъ, а внизу Арагва, обнявшись съ другой безъименной рѣкой, шумно вырывающейся

Digitized by Google

изъ чернаго, полнаго мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ, какъ змѣя, своею чешуею.

Подъѣхавъ къ подошвѣ Койшаурской горы, мы остановились возлѣ духана. Тутъ столпилось шумно десятка два грузинъ и горцевъ: по-близости караванъ верблюдовъ остановился для ночлега. Я долженъ былъ нанять быковъ, чтобъ втащить мою телѣжку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица,—а эта гора имѣетъ около двухъ верстъ длины.

Нечего дѣлать, я нанялъ шесть быковъ и нѣсколькихъ осетинъ. Одинъ изъ нихъ взвалилъ себѣ на плечи мой чемоданъ, другіе стали помогать быкамъ почти однимъ крикомъ.

За моею телѣжкою четверка быковъ тащила другую, какъ ни въ чемъ не бывало, не смотря на то, что она была до верху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шелъ ея хозяинъ, покуривая изъ маленькой кабардинской трубочки, обдѣланной въ серебро. На немъ былъ офицерскій сюртукъ безъ эполетъ и черкесская мохнатая шапка. Онъ казался лѣтъ пятидесяти; смуглый цвѣтъ лица его показывалъ, что оно давно знакомо съ закавказскимъ солнцемъ, и преждевременно посѣдѣвшіе усы не соотвѣтствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Я подошелъ къ нему и поклонился; онъ молча отвѣчалъ мнѣ на поклонъ и пустилъ огромный клубъ дыма.

— Мы съ вами попутчики, кажется?

Онъ молча опять поклонился.

— Вы, вѣрно, ѣдете въ Ставрополь?

— Такъ-съ точно... съ казенными вещами.

— Скажите, пожалуйста, отчего эту вашу тяжелую телѣжку четыре быка тащатъ шутя, а мою, пустую, шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощью этихъ осетинъ?

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня.— Вы, вѣрно, недавно на Кавказѣ?

— Съ годъ, отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

— А что-жъ?

— Да такъ-съ; ужасныя бестіи эти азіяты. Вы думаете, они помогаютъ, что кричатъ? А чортъ ихъ разберетъ, что они кричатъ? Быки-то ихъ понимаютъ, запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнутъ по-своему, быки все ни съ мѣста... Ужас-

Digitized by Google

ные плуты! А что съ нихъ возьмешь? Любятъ деньги драть съ проѣзжающихъ... Избаловали мошенниковъ! Увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю; меня не проведутъ!

— А вы давно здѣсь служите?

— Да я ужъ здѣсь служилъ при Алексѣѣ Петровичѣ (Ермоловѣ), отвѣчалъ онъ, пріосанившись.—Когда онъ пріѣхалъ на Линію, я былъ подпоручикомъ, прибавилъ онъ—и при немъ получилъ два чина за дѣла противъ горцевъ.

— А теперь вы?

— Теперь считаюсь въ третьемъ линейномъ батальонѣ. А вы, смѣю спросить?

Я сказалъ ему.

Разговоръ этимъ кончился, и мы продолжали молча идти другъ подлѣ друга.

На вершинѣ горы нашли мы снѣгъ. Солнце закатилось, и ночь послѣдовала за днемъ, безъ промежутка, какъ это обыкновенно бываетъ на югѣ; но, благодаря отливу снѣговъ, мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла въ гору, хотя уже не такъ круто. Я велѣлъ положить чемоданъ въ телѣжку, замѣнить быковъ лошадьми, и въ послѣдній разъ оглянулся внизъ на долину; но густой туманъ, нахлынувшій волнами изъ ущелій, покрывалъ ее совершенно, и ни единый звукъ не долеталъ уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабсъ-капитанъ такъ грозно на нихъ прикрикнулъ, что они вмигъ разбѣжались. Вѣдь этакій народъ! сказалъ онъ: и хлѣба по-русски назвать не умѣетъ, а выучилъ: «офицеръ, дай на водку?» Ужъ татары по мнѣ лучше: тѣ хоть непьющіе...

До станціи осталось еще съ версту. Кругомъ было тихо, такъ тихо, что по жужжанію комара можно было слѣдить за его полетомъ. Налѣво чернѣло глубокое ущелье; за нимъ и впереди насъ темно-синія вершины горъ, изрытыя морщинами, покрытыя слоями снѣга, рисовались на блѣдномъ небосклонѣ, еще сохранившемъ послѣдній отблескъ зари. На темномъ небѣ начинали мелькать звѣзды, и странно мнѣ показалось, что онѣ гораздо выше, чѣмъ у насъ, на сѣверѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги торчали голые, черные камни, кой-гдѣ изъ-подъ снѣга выгля-

Digitized by Google

дывали кустарники; но ни одинъ сухой листокъ не шевелился, и весело было слышать среди этого мертваго сна природы фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русскаго колокольчика.

Завтра будетъ славная погода! сказалъ я. Штабсъ-капитанъ не отвѣчалъ ни слова и указалъ мнѣ пальцемъ на высокую гору, поднимавшуюся прямо противъ насъ.

— Что́-жъ это? спросилъ я.

— Гутъ-гора.

— Ну такъ что-жъ?

— Посмотрите, какъ курится.

И въ самомъ дѣлѣ, Гутъ-гора курилась; по бокамъ ея ползали легкія струйки облаковъ, а на вершинѣ лежала черная туча, такая черная, что на темномъ небѣ она казалась пятномъ.

Ужъ мы различали почтовую станцію, кровли окружающихъ ее саклей, и передъ нами мелькали привѣтные огоньки, когда пахнулъ сырой, холодный вѣтеръ, ущелье загудѣло и пошелъ мелкій дождь. Едва успѣлъ я накинуть бурку, какъ повалилъ снѣгъ. Я съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на штабсъ-капитана.

— Намъ придется здѣсь ночевать, сказалъ онъ съ досадою,— въ такую мятель черезъ горы не переѣдешь. Что! были-ль обвалы на Крестовой? спросилъ онъ извощика.

— Не было, господинъ, отвѣчалъ осетинъ-извощикъ,—а виситъ много, много.

За неимѣніемъ комнаты для проѣзжающихъ на станціи, намъ отвели ночлегъ въ дымной саклѣ. Я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чаю, ибо со мною былъ чугунный чайникъ—единственная отрада моя въ путешествіяхъ по Кавказу.

Сакля была прилѣплена однимъ бокомъ къ скалѣ; три скользкія, мокрыя ступени вели къ ея двери. Ощупью вошелъ я и наткнулся на корову (хлѣвъ у этихъ людей замѣняетъ лакейскую). Я не зналъ, куда дѣваться: тутъ блеютъ овцы, тамъ ворчитъ собака. Къ счастью, въ сторонѣ блеснулъ тусклый свѣтъ и помогъ мнѣ найти другое отверстіе, на подобіе двери. Тутъ открылась картина, довольно занимательная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. По срединѣ трещалъ огонекъ, разложенный на землѣ, и дымъ, выталкиваемый обратно вѣтромъ изъ отверстія въ

Digitized by Google

крышѣ, разстилался вокругъ такой густой пеленою, что я долго не могъ осмотрѣться; у огня сидѣли двѣ старухи, множество дѣтей и одинъ сухощавый грузинъ, всѣ въ лохмотьяхъ. Нечего было дѣлать: мы пріютились у огня, закурили трубки, и скоро чайникъ зашипѣлъ привѣтливо.

— Жалкіе люди! сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые молча смотрѣли на насъ въ какомъ-то остолбенѣніи.

— Преглупый народъ! отвѣчалъ онъ.—Повѣрите-ли? Ничего не умѣютъ, неспособны ни къ какому образованію! Ужъ, по-крайней-мѣрѣ, наши Кабардинцы или Черкесы, хотя разбойники, голыши, за то отчаянныя башки; а у этихъ и къ оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго кинжала ни на одномъ не увидишь. Ужъ подлинно осетины!

— А вы долго были въ Чечнѣ?

— Да я лѣтъ десять стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго Брода,—знаете?

— Слыхалъ.

— Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы. Нынче, слава Богу, смирнѣе; а бывало, на сто шаговъ отойдешь за валъ, ужъ гдѣ нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зазѣвался, того и гляди—либо арканъ на шеѣ, либо пули въ затылкѣ. А молодцы!..

— А, чай, много съ вами бывало приключеній? спросилъ я, подстрекаемый любопытствомъ.

— Какъ не бывать! бывало...

Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и призадумался. Мнѣ страхъ хотѣлось вытянуть изъ него какую нибудь исторійку,—желаніе, свойственное всѣмъ путешествующимъ и записывающимъ людямъ. Между тѣмъ чай поспѣлъ; я вытащилъ изъ чемодана два походные стаканчика, налилъ и поставилъ одинъ передъ нимъ. Онъ отхлебнулъ и сказалъ, какъ будто про себя: «да, бывало!»

Это восклицаніе подало мнѣ большія надежды. Я знаю, старые кавказцы любятъ поговорить, поразсказать; имъ такъ рѣдко это удается: другой лѣтъ пять стоитъ гдѣ нибудь въ захолустьѣ съ ротой, и цѣлыя пять лѣтъ никто не скажетъ: *здравствуйте*, (потому что фельдфебель говоритъ: *здравія желаю*). А поболтать

Digitized by Google

было бы о чемъ: кругомъ народъ дикій, любопытный; каждый день опасность; случаи бываютъ чудные, и тутъ поневолѣ пожалѣешь о томъ, что у насъ такъ мало записываютъ.

— Не хотите-ли подбавить рому? сказалъ я моему собесѣднику,—у меня есть бѣлый, изъ Тифлиса; теперь холодно.

— Нѣтъ-съ, благодарствуйте, не пью.

— Что такъ?

— Да такъ. Я далъ себѣ заклятье. Когда я былъ еще подпоручикомъ, разъ, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сдѣлалась тревога; вотъ мы и вышли передъ фронтъ навеселѣ, да ужъ и досталось намъ, какъ Алексѣй Петровичъ узналъ: не дай Господи, какъ онъ разсердился! чуть-чуть не отдалъ подъ судъ. Оно и точно: другой разъ цѣлый годъ живешь, никого не видишь, да какъ тутъ еще водка—пропадшій человѣкъ!

Услышавъ это, я почти почти потерялъ надежду.

— Да вотъ хоть черкесы, продолжалъ онъ: какъ напьются бузы на свадьбѣ, или на похоронахъ, такъ и пошла рубка. Я разъ насилу ноги унесъ, а еще у мирнóва князя былъ въ гостяхъ.

— Какъ же это случилось?

— Вотъ... (онъ набилъ трубку, затянулся и началъ разсказывать),—вотъ изволите видѣть, я тогда стоялъ въ крѣпости за Терекомъ съ ротой—этому скоро пять лѣтъ. Разъ, осенью пришелъ транспортъ съ провіантомъ; въ транспортѣ былъ офицеръ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти. Онъ явился ко мнѣ въ полной формѣ и объявилъ, что ему велѣно остаться у меня въ крѣпости. Онъ былъ такой тоненькій, бѣленькій; на немъ мундиръ былъ такой новенькій, что я тотчасъ догадался, что онъ на Кавказѣ у насъ недавно. «Вы, вѣрно», спросилъ я его, «переведены сюда изъ Россіи»?—Точно такъ, господинъ штабсъ-капитанъ, отвѣчалъ онъ. Я взялъ его за руку и сказалъ: «Очень радъ. Вамъ будетъ немножко скучно... ну, да мы съ вами будемъ жить по-пріятельски. Да, пожалуйста, зовите меня просто Максимъ Максимычъ, и пожалуйста — къ чему эта полная форма? приходите ко мнѣ всегда въ фуражкѣ». Ему отвели квартиру, и онъ поселился въ крѣпости.

— Какъ его звали? спросилъ я Максима Максимыча.

— Его звали... Григорьемъ Александровичемъ *Печоринымъ*.

Digitized by Google

Славный былъ малый, смѣю васъ увѣрить; только немножко страненъ. Вѣдь, напримѣръ, въ дождикъ, въ холодъ, цѣлый день на охотѣ; всѣ иззябнутъ, устанутъ—а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ, вѣтеръ пахнетъ, увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ, онъ вздрогнетъ и поблѣднѣетъ; а при мнѣ ходилъ на кабана одинъ на одинъ; бывало, по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, за то ужъ иногда какъ начнетъ разсказывать, такъ и животики надорвешь со смѣху... Да-съ, съ большими странностями, и, должно быть, богатый человѣкъ: сколько у него было разныхъ дорогихъ вещицъ!...

— А долго онъ съ вами жилъ? спросилъ я опять.

— Да съ годъ. Ну, да ужъ за то памятенъ мнѣ этотъ годъ: надѣлалъ онъ мнѣ хлопотъ, не тѣмъ будь помянутъ!.. Вѣдь есть, право, этакіе люди, у которыхъ на роду написано, что съ ними должны случаться необыкновенныя вещи!

— Необыкновенныя? воскликнулъ я съ видомъ любопытства, подливая ему чаю.

— А вотъ я вамъ разскажу: «Верстъ шесть отъ крѣпости жилъ одинъ мирной князь. Сынишко его, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, повадился къ намъ ѣздить всякій день, бывало, то за тѣмъ, то за другимъ. И ужъ точно избаловали мы его съ Григорьемъ Александровичемъ. А ужъ какой былъ головорѣзъ, проворный на что хочешь: шапку ли поднять на всемъ скаку, изъ ружья-ли стрѣлять. Одно было въ немъ не хорошо: ужасно падокъ былъ на деньги. Разъ, для смѣха, Григорій Александровичъ обѣщался ему дать червонецъ, коли онъ ему украдетъ лучшаго козла изъ отцовскаго стада; и что-жъ вы думаете: на другую же ночь притащилъ его за рога. А бывало, мы его вздумаемъ дразнить, такъ глаза кровью и нальются, и сейчасъ за кинжалъ. «Эй, Азаматъ, не сносить тебѣ головы», говорилъ я ему: «яманъ будетъ твоя башка!»

— Разъ пріѣзжаетъ самъ старый князь звать насъ на свадьбу: онъ отдавалъ старшую дочь замужъ, а мы были съ нимъ кунаки: такъ нельзя-же, знаете, отказаться, хоть онъ и татаринъ. Отправились. Въ аулѣ множество собакъ встрѣтило насъ громкимъ лаемъ. Женщины, увидя насъ, прятались; тѣ, которыхъ мы могли разсмотрѣть въ лицо, были далеко не красавицы: «я имѣлъ гораздо лучшее мнѣніе о черкешенкахъ», ска-

Digitized by Google

залъ мнѣ Григорій Александровичъ. — Погодите, отвѣчалъ я, усмѣхаясь. У меня было свое на умѣ.

— У князя въ саклѣ собралось множество народа. У азіятовъ, знаете, обычай всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ приглашать на свадьбу. Насъ приняли со всѣми почестями и повели въ кунацкую. Я, однако же, не позабылъ подмѣтить, гдѣ поставили нашихъ лошадей, знаете, для непредвидимаго случая.

— Какъ-же у нихъ празднуютъ свадьбу? спросилъ я штабсъ-капитана.

— Да обыкновенно. Сначала мулла прочитаетъ имъ что-то изъ корана; потомъ дарятъ молодыхъ и всѣхъ ихъ родственниковъ; ѣдятъ, пьютъ бузу, потомъ начинается джигитовка, и всегда одинъ какой нибудь оборвышъ, засаленный, на скверной хромой лошаденкѣ, ломается, паясничаетъ, смѣшитъ честную компанію; потомъ, когда смеркнется, въ кунацкой начинается, по нашему сказать, балъ. Бѣдный старичишка бренчитъ на трехструнной... забылъ какъ по ихнему... ну, да въ родѣ нашей балалайки. Дѣвки и молодые ребята становятся въ двѣ шеренги, одна противъ другой, хлопаютъ въ ладоши и поютъ. Вотъ выходитъ одна дѣвка и одинъ мужчина на середину, и начинаютъ говорить другъ другу стихи нараспѣвъ, что попало, а остальные подхватываютъ хоромъ.

— Меньшая дочь хозяина, Бэла, пропѣла Печорину и обратила на себя его вниманіе. Казбичу тоже она понравилась.

— Казбичъ, знаете, былъ не то, чтобъ мирной, не то, чтобъ немирной. Подозрѣній на него было много, хоть онъ ни въ какой шалости не былъ замѣченъ. Бывало, онъ приводилъ къ намъ въ крѣпость барановъ и продавалъ дешево, только никогда не торговался: что запроситъ, давай, — хоть зарѣжь, не уступитъ. Говорили про него, что онъ любитъ таскаться за Кубань съ абреками, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья; маленькій, сухой, широкоплечій... А ужъ ловокъ-то, ловокъ-то былъ, какъ бѣсъ! Бешметъ всегда изорванный, въ заплаткахъ, а оружіе въ серебрѣ. А лошадь его славилась въ цѣлой Кабардѣ, — и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно. Недаромъ ему завидовали всѣ наѣздники, и не разъ пытались ее украсть, только не удавалось. Какъ теперь гляжу на эту лошадь: вороная какъ смоль, ноги—

Digitized by Google

струнки, и глаза не хуже, чѣмъ у Балы; а какая сила! скачи хоть на 50 верстъ; а ужъ выѣзжена — какъ собака бѣгаетъ за хозяиномъ; голосъ даже его знала! Бывало, онъ ее никогда и не привязываетъ. Ужъ такая разбойничья лошадь!...

— Въ этотъ вечеръ Казбичъ былъ угрюмѣе, чѣмъ когда нибудь, и я замѣтилъ, что у него подъ бешметомъ надѣта кольчуга. — Не даромъ на немъ эта кольчуга, подумалъ я: ужъ онъ, вѣрно, что нибудь замышляетъ.

— Душно стало въ саклѣ, и я вышелъ на воздухъ освѣжиться. Ночь ужъ ложилась на горы, и туманъ начиналъ бродить по ущельямъ.

— Мнѣ вздумалось завернуть подъ навѣсъ, гдѣ стояли наши лошади, посмотрѣть, есть-ли у нихъ кормъ, и притомъ осторожность никогда не мѣшаетъ; у меня же была лошадь славная, и ужъ не одинъ кабардинецъ на нее умильно поглядывалъ, приговаривая: *якши тхе, чекъ якши!*

— Пробираюсь вдоль забора и вдругъ слышу голоса; одинъ голосъ я тотчасъ узналъ: это былъ повѣса Азаматъ, сынъ нашего хозяина; другой говорилъ рѣже и тише. «О чемъ они тутъ толкуютъ?» подумалъ я: «ужъ не о моей ли лошадкѣ?» Вотъ присѣлъ я у забора и сталъ прислушиваться, стараясь не пропустить ни одного слова. Иногда шумъ пѣсенъ и говоръ голосовъ, вылетая изъ сакли, заглушали любопытный для меня разговоръ.

— Славная у тебя лошадь! говорилъ Азаматъ: если бъ я былъ хозяинъ въ домѣ и имѣлъ табунъ въ триста кобылъ, то отдалъ бы половину за твоего скакуна, Казбичъ!

— А! Казбичъ!—подумалъ я, и вспомнилъ кольчугу.

— «Да», отвѣчалъ Казбичъ послѣ нѣкотораго молчанія: «въ цѣлой Кабардѣ не найдешь такой. Разъ — это было за Терекомъ—я ѣздилъ съ абреками отбивать русскіе табуны; намъ не посчастливилось, и мы разсыпались кто куда. За мной неслись четыре казака; ужъ я слышалъ за собою крики гяуровъ, и передо мною былъ густой лѣсъ. Прилегъ я на сѣдло, поручилъ себя Аллаху, и въ первый разъ въ жизни оскорбилъ коня ударомъ плети. Какъ птица нырнулъ онъ между вѣтвями; острыя колючки рвали мою одежду, сухіе сучья карагача били меня по лицу. Конь мой прыгалъ черезъ пни, разрывалъ кусты грудью.

Digitized by Google

Лучше было бы мнѣ его бросить у опушки и скрыться въ лѣсу пѣшкомъ, да жаль было съ нимъ разстаться—и пророкъ вознаградилъ меня. Нѣсколько пуль провизжало надъ моей головою; я ужъ слышалъ, какъ спѣшившіеся казаки бѣжали по слѣдамъ... Вдругъ передо мною рытвина глубокая; скакунъ мой призадумался—и прыгнулъ. Заднія его копыта оборвались съ противнаго берега, и онъ повисъ на переднихъ ногахъ. Я бросилъ поводья и полетѣлъ въ оврагъ; это спасло моего коня: онъ выскочилъ. Казаки все это видѣли, только ни одинъ не пустился меня искать: они, вѣрно, думали, что я убился до смерти, и я слышалъ, какъ они бросились ловить моего коня. Сердце мое облилось кровью; поползъ я по густой травѣ вдоль по оврагу,—смотрю: лѣсъ кончился, нѣсколько казаковъ выѣзжаютъ изъ него на поляну, и вотъ выскакиваетъ прямо къ нимъ мой Карагесъ; всѣ кинулись за нимъ съ крикомъ; долго, долго они за нимъ гонялись, особенно одинъ раза два чуть-чуть не накинулъ ему на шею аркана; я задрожалъ, опустилъ глаза и началъ молиться. Черезъ нѣсколько мгновеній поднимаю ихъ—и вижу: мой Карагезъ летитъ, развѣвая хвостъ, вольный, какъ вѣтеръ, а гяуры далеко одинъ за другимъ тянутся по степи на измученныхъ коняхъ. Валлахъ! это правда, истинная правда! До поздней ночи я сидѣлъ въ своемъ оврагѣ. Вдругъ, что-жъ ты думаешь, Азаматъ? во мракѣ слышу, бѣгаетъ по берегу оврага конь, фыркаетъ, ржетъ и бьетъ копытами о землю; я узналъ голосъ моего Карагеса, это былъ онъ, мой товарищъ!... Съ тѣхъ поръ мы не разлучались».

— И слышно было, какъ онъ трепалъ рукою по гладкой шеѣ своего скакуна, давая ему разныя нѣжныя названія.

— «Еслибъ у меня былъ табунъ въ тысячу кобылицъ, сказалъ Азаматъ:—то отдалъ бы тебѣ его весь за твоего Карагеса».

— «Нокъ, не хочу», отвѣчалъ равнодушно Казбичъ.

— Послушай, Казбичъ, говорилъ, ласкаясь къ нему Азаматъ:—ты добрый человѣкъ, ты храбрый джигитъ, а мой отецъ боится русскихъ и не пускаетъ меня въ горы; отдай мнѣ свою лошадь, и я сдѣлаю все, что ты хочешь; украду для тебя у отца лучшую его винтовку, или шашку, что только пожелаешь, — а шашка его настоящая гурда: приложи лезвеемъ къ рукѣ, сама въ тѣло вопьется; а кольчуга такая, какъ твоя, ни по чемъ.

Digitized by Google

— Казбичъ молчалъ.

— Въ первый разъ я увидѣлъ твоего коня, продолжалъ Азаматъ:—когда онъ подъ тобой крутился и прыгалъ, раздувая ноздри, и кремни брызгами летѣли изъ-подъ копытъ его, въ моей душѣ сдѣлалось что-то непонятное, и съ тѣхъ поръ все мнѣ опостылѣло: на лучшихъ скакуновъ моего отца смотрѣлъ я съ презрѣніемъ, стыдно было мнѣ на нихъ показаться, и тоска овладѣла мной; и, тоскуя, просиживалъ я на утесѣ цѣлые дни, и ежеминутно мыслямъ моимъ являлся вороной скакунъ твой съ своей стройной поступью, съ своимъ гладкимъ, прямымъ, какъ стрѣла, хребтомъ; онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза своими бойкими глазами, какъ будто хотѣлъ слово вымолвить. Я умру, Казбичъ, если ты мнѣ не продашь его! сказалъ Азаматъ дрожащимъ голосомъ.

— Мнѣ послышалось, что онъ заплакалъ; а надо вамъ сказать, что Азаматъ былъ преупрямый мальчишка, и ничѣмъ, бывало, у него слезъ не выбьешь, даже когда онъ былъ и помоложе.

— Въ отвѣтъ на его слезы послышалось что-то въ родѣ смѣха.

Азаматъ, наконецъ, рѣшался вымѣнять Карагеса на свою родную сестру. Казбичъ нетерпѣливо прервалъ его:

— Поди прочь, безумный мальчишка! Гдѣ тебѣ ѣздить на моемъ конѣ? На первыхъ трехъ шагахъ онъ тебя сброситъ, и ты разобьешь себѣ затылокъ объ камни.

— «Меня!» крикнулъ Азаматъ въ бѣшенствѣ, и желѣзо дѣтскаго кинжала зазвенѣло о кольчугу. Сильная рука оттолкнула его прочь, и онъ ударился о плетень такъ, что плетень зашатался. «Будетъ потѣха!» подумалъ я, кинулся въ конюшню, взнуздалъ лошадей нашихъ и вывелъ ихъ на задній дворъ. Черезъ двѣ минуты ужъ въ саклѣ былъ ужасный гвалтъ. Вотъ что случилось: Азаматъ вбѣжалъ туда въ разорванномъ бешметѣ, говоря, что Казбичъ хотѣлъ его зарѣзать. Всѣ выскочили, схватились за ружья—и пошла потѣха! Крикъ, шумъ, выстрѣлы; только Казбичъ ужъ былъ верхомъ и вертѣлся среди толпы по улицѣ, какъ бѣсъ, отмахиваясь шашкой. «Плохое дѣло—въ чужомъ пиру похмѣлье», сказалъ я Григорью Александровичу, поймавъ его за руку: «Не лучше-ли намъ поскорѣй убраться?»

Digitized by Google

— Да погодите, чѣмъ кончится.

— Да ужъ, вѣрно, кончится худо; у этихъ азіятовъ все такъ: натянулись бузы—и пошла рѣзня!—Мы сѣли верхомъ и ускакали домой.

— А что Казбичъ? спросилъ я нетерпѣливо у штабсъ-капитана.

— Да что этому народу дѣлается! отвѣчалъ онъ, допивая стаканъ чаю—вѣдь ускользнулъ!

— И не раненъ? спросилъ я.

— А Богъ его знаетъ! Живущи разбойники! Видалъ я-съ иныхъ въ дѣлѣ, напримѣръ: вѣдь весь исколотъ, какъ рѣшето, штыками, а все махаетъ шашкой.

(Максимъ Максимычъ все это разсказалъ Печорину, въ чемъ послѣ сильно раскаявался. Печоринъ способствовалъ Азамату похитить лошадь Казбича, и Бэла стала за это плѣнницей Печорина, какъ обѣщалъ Азаматъ и Казбичу).

— Какъ я только провѣдалъ, что черкешенка у Григорья Александровича, то надѣлъ эполеты, шпагу и пошелъ къ нему.

— Онъ лежалъ въ первой комнатѣ на постели, подложивъ одну руку подъ затылокъ, а другой держа погасшую трубку; дверь во вторую комнату была заперта на замокъ, и ключа въ замкѣ не было. Я все это тотчасъ замѣтилъ... Я началъ кашлять и постукивать каблуками о порогъ, — только онъ притворялся, будто не слышитъ.

— Господинъ прапорщикъ! сказалъ я какъ можно строже:— развѣ вы не видите, что я къ вамъ пришелъ?

— Ахъ, здравствуйте, Максимъ Максимычъ! Не хотите-ли трубку?—отвѣчалъ онъ, не поднимаясь.

— Извините, я не Максимъ Максимычъ: я штабсъ-капитанъ.

— Все равно. Не хотите-ли чаю? Еслибъ вы знали, какая мучитъ меня забота!

— Я все знаю, отвѣчалъ я, подошедъ къ кровати.

— Тѣмъ лучше: я не-въ-духѣ разсказывать.

— Господинъ прапорщикъ, вы сдѣлали проступокъ, за который и я могу отвѣчать...

— И полно-те! что-жъ за бѣда? Вѣдь, у насъ давно все пополамъ.

Digitized by Google

— Что за шутки? Пожалуйте шпагу!

— Митька, шпагу!...

— Митька принесъ шпагу. Исполнивъ долгъ свой, сѣлъ я къ нему на кровать и сказалъ: «Послушай, Григорій Александровичъ, признайся, что не хорошо».

— Что не хорошо?

— Да то, что ты увезъ Бэлу... Ужъ эта мнѣ бестія Азаматъ!.. Ну, признайся, сказалъ я ему.

— Да когда она мнѣ нравится?

— Ну, что прикажете отвѣчать на это?.. Я сталъ въ-тупикъ. Однакожъ, послѣ нѣкотораго молчанія, я ему сказалъ, что если отецъ станетъ ее требовать, то надо будетъ отдать.

— Вовсе не надо!

— Да онъ узнаетъ.

— А какъ онъ узнаетъ?

— Я опять сталъ въ-тупикъ.—«Послушайте, Максимъ Максимычъ»!—сказалъ Печоринъ, приподнявшись: «вѣдь, вы добрый человѣкъ, — а если отдадимъ дочь этому дикарю, онъ ее зарѣжетъ, или продастъ. Дѣло сдѣлано, не надо только охотою портить, оставьте ее у меня, а у себя мою шпагу»...

— Да покажите мнѣ ее,—сказалъ я.

— Она за этой дверью; только я самъ нынче напрасно хотѣлъ ее видѣть: сидитъ въ углу, закутавшись въ покрывало, не говоритъ и не смотритъ: пуглива, какъ дикая серна. Я нанялъ нашу духанщицу: она знаетъ по-татарски, будетъ ходить за нею и пріучитъ ее къ мысли, что она моя, потому что она никому не будетъ принадлежать, кромѣ меня, — прибавилъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу. — Я и въ этомъ согласился... Что прикажете дѣлать? Есть люди, съ которыми непремѣнно должно соглашаться...

...«Да, неужели отецъ не догадался, что она у васъ въ крѣпости»?

— То есть, кажется, онъ подозрѣвалъ. Спустя нѣсколько дней, узнали мы, что старикъ убитъ. Вотъ какъ это случилось...

— Вниманіе мое пробудилось снова.

— Надо вамъ сказать, что Казбичъ вообразилъ, будто Азаматъ съ согласія отца укралъ у него лошадь, по-крайней-мѣрѣ, я такъ полагаю. Вотъ онъ разъ и дожидался у дороги, версты

Digitized by Google

три за ауломъ; старикъ возвращался изъ напрасныхъ поисковъ за дочерью; уздени его отстали, — это было въ сумерки — онъ ѣхалъ задумчиво шагомъ, какъ вдругъ Казбичъ, будто кошка, нырнулъ изъ-за куста, прыгъ сзади его на лошадь, ударомъ кинжала свалилъ его на земь, схватилъ поводья — и былъ таковъ; нѣкоторые уздени все это видѣли съ пригорка; они бросились догонять, только не догнали.

— Онъ вознаградилъ себя за потерю коня и отмстилъ, сказалъ я, чтобъ вызвать мнѣніе моего собесѣдника.

— Конечно, по-ихнему, сказалъ штабсъ-капитанъ,—онъ былъ совершенно правъ.

Меня невольно поразила способность русскаго человѣка примѣняться къ обычаямъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ ему случается жить. Не знаю, достойно порицанія или похвалы это свойство ума, яснаго, здраваго смысла, который прощаетъ зло вездѣ, гдѣ видитъ его необходимость или невозможность его уничтоженія.

Между тѣмъ чай былъ выпитъ; давно запряженные кони продрогли на снѣгу; мѣсяцъ блѣднѣлъ на западѣ и готовъ ужъ былъ погрузиться въ черныя свои тучи, висѣвшія на дальнихъ вершинахъ, какъ клочки разодраннаго занавѣса. Мы вышли изъ сакли. Вопреки предсказанію моего спутника, погода прояснилась и обѣщала намъ тихое утро; хороводы звѣздъ чудными узорами сплетались на далекомъ небосклонѣ и одна за другою гасли по мѣрѣ того, какъ блѣдноватый отблескъ востока разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно крутыя отлогости горъ, покрытыя дѣвственными снѣгами. Направо и налѣво чернѣли мрачныя, таинственныя пропасти, и туманы, клубясь и извиваясь, какъ змѣи, сползали туда по морщинамъ сосѣднихъ скалъ, будто чувствуя и пугаясь приближенія дня.

Тихо было все на небѣ и на землѣ, какъ въ сердцѣ человѣка въ минуту утренней молитвы; только изрѣдка набѣгалъ прохладный вѣтеръ съ востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеемъ. Мы тронулись въ путь; съ трудомъ пять худыхъ клячъ тащили наши повозки по извилистой дорогѣ на Гутъ-гору. Мы шли пѣшкомъ, сзади подкладывая камни подъ колеса, когда лошади выбивались изъ силъ; казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глазъ могъ разглядѣть, она

Digitized by Google

все поднималась и наконецъ пропадала въ облакѣ, которое еще съ вечера отдыхало на вершинѣ Гутъ-горы, какъ коршунъ, ожидающій добычу; снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами нашими; воздухъ становился такъ рѣдокъ, что было больно дышать; кровь поминутно приливала въ голову, но, со всѣмъ тѣмъ, какое-то отрадное чувство распространилось по всѣмъ моимъ жиламъ, и мнѣ было какъ-то весело, что я такъ высоко надъ міромъ — чувство дѣтское, не спорю, но, удаляясь отъ условій общества и приближаясь къ природѣ, мы невольно становимся дѣтьми: все пріобрѣтенное отпадаетъ отъ души, и она дѣлается вновь такою, какой была нѣкогда и, вѣрно, будетъ когда нибудь опять. Тотъ, кому случалось, какъ мнѣ, бродить по горамъ пустыннымъ и долго-долго всматриваться въ ихъ причудливые образы, и жадно глотать животворящій воздухъ, разлитый въ ихъ ущельяхъ, тотъ, конечно, пойметъ мое желаніе передать, разсказать, нарисовать эти волшебныя картины. Вотъ, наконецъ, мы взобрались на Гутъ-гору, остановились и оглянулись: на ней висѣло сѣрое облако, и его холодное дыханіе грозило близкой бурею; но на востокѣ все было такъ ясно и золотисто, что мы, то есть я и штабсъ-капитанъ, совершенно о немъ и забыли... Да, и штабсъ-капитанъ: въ сердцахъ простыхъ чувство красоты и величія природы сильнѣе, живѣе во сто кратъ, чѣмъ въ насъ, восторженныхъ разсказчикахъ, на словахъ и на бумагѣ.

— Вы, я думаю, привыкли къ этимъ великолѣпнымъ картинамъ? сказалъ я ему.

— Да-съ, и къ свисту пули можно привыкнуть, то есть привыкнуть скрывать невольное біеніе сердца.

— Я слышалъ, напротивъ, что для иныхъ старыхъ воиновъ эта музыка даже пріятна.

— Разумѣется, если хотите, оно пріятно; только все-же потому, что сердце бьется сильнѣе. Посмотрите, прибавилъ онъ, указывая на востокъ: что за край!

И точно, такую панораму врядъ-ли гдѣ еще удастся мнѣ видѣть: подъ нами лежала Койшаурская долина, пересѣкаемая Арагвой и другой рѣчкой, какъ двумя серебряными нитями; голубоватый туманъ скользилъ по ней, убѣгая въ сосѣднія тѣснины отъ теплыхъ лучей утра; направо и налѣво гребни горъ, одинъ выше другаго, пересѣкались, тянулись, покрытые снѣгами,

Digitized by Google

кустарникомъ; вдали тѣ-же горы, но хоть бы двѣ скалы, похожія одна на другую, — и всѣ эти снѣга горѣли румянымъ блескомъ такъ весело, такъ ярко, что, кажется, тутъ бы и остаться жить на-вѣки. Солнце чуть показалось изъ-за темносиней горы, которую только привычный глазъ могъ бы различить отъ грозовой тучи; но надъ солнцемъ была кровавая полоса, на которую мой товарищъ обратилъ особенное вниманіе. «Я говорилъ вамъ», воскликнулъ онъ, «что нынче будетъ погода; надо торопиться, а то, пожалуй, она застанетъ насъ на Крестовой. Трогайтесь!» закричалъ онъ ямщикамъ.

Подложили цѣпи подъ колеса вмѣсто тормазовъ, чтобъ они не раскатывались; взяли лошадей подъ уздцы и начали спускаться; направо былъ утесъ, налѣво пропасть такая, что цѣлая деревушка осетинъ, живущихъ на днѣ ея, казалась гнѣздомъ ласточки. Я содрогнулся, подумавъ, что часто здѣсь, въ глухую ночь, по этой дорогѣ, гдѣ двѣ повозки не могутъ разъѣхаться, какой нибудь курьеръ разъ десять въ годъ проѣзжаетъ, не вылѣзая изъ своего трясскаго экипажа. Одинъ изъ нашихъ извощиковъ былъ русскій ярославскій мужикъ, другой—осетинъ. Осетинъ велъ коренную подъ уздцы со всѣми возможными предосторожностями, отпрягши заранѣе уносныхъ, — а нашъ безпечный русакъ даже не слѣзъ съ облучка! Когда я ему замѣтилъ, что онъ могъ бы побезпокоиться въ пользу хотя моего чемодана, за которымъ я вовсе не желалъ лазить въ эту бездну, онъ отвѣчалъ мнѣ: «И, баринъ! Богъ дастъ, не хуже ихъ доѣдемъ; вѣдь намъ не впервые», — и онъ былъ правъ: мы точно могли бы не доѣхать, однакожъ все-таки доѣхали...

...Мы спускались съ Гутъ-горы въ Чертову долину... Вотъ романтическое названіе! Вы уже видите гнѣздо злаго духа между неприступными утесами, — не тутъ-то было: названіе Чертовой долины происходитъ отъ слова «черта», а не «чортъ», ибо здѣсь когда-то была граница Грузіи. Эта долина была завалена снѣговыми сугробами, напоминавшими довольно живо Саратовъ, Тамбовъ и прочія *милыя* мѣста нашего отечества.

«Вотъ и Крестовая»!—сказалъ мнѣ штабсъ-капитанъ, когда мы въѣхали въ Чертову долину, указывая на холмъ, покрытый пеленою снѣга; на его вершинѣ чернѣлся каменный крестъ, и мимо его вела едва-едва замѣтная дорога, по которой проѣзжаютъ

Digitized by Google

только тогда, когда боковая завалена снѣгомъ: наши извощики объявили, что обваловъ еще не-было и, сберегая лошадей, повезли насъ кругомъ. При поворотѣ встрѣтили мы человѣкъ пять осетинъ; они предложили намъ свои услуги и, уцѣпясь за колеса, съ крикомъ принялись тащить и поддерживать нашу телѣжку. И точно, дорога опасная: направо висѣли надъ нашими головами груды снѣга, готовыя, кажется, при первомъ порывѣ вѣтра оборваться въ ущелье; узкая дорога частію была покрыта снѣгомъ, который въ иныхъ мѣстахъ проваливался подъ ногами, въ другихъ превращался въ ледъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и ночныхъ морозовъ, такъ что съ трудомъ мы сами пробирались; лошади падали;—налѣво зіяла глубокая разсѣлина, гдѣ катился потокъ, то скрываясь подъ ледяной корою, то съ пѣною прыгая по чернымъ камнямъ. Въ два часа едва могли мы обогнуть Крестовую гору—двѣ версты въ два часа! Между тѣмъ тучи спустились, повалилъ градъ, снѣгъ; вѣтеръ врывался въ ущелья, ревѣлъ, свисталъ, какъ Соловей-Разбойникъ, и скоро каменный крестъ скрылся въ туманѣ, котораго волны, одна другой гуще и тѣснѣе, набѣгали съ востока... Кстати, объ этомъ крестѣ существуетъ странное, но всеобщее преданіе, будто его поставилъ императоръ Петръ I, проѣзжая черезъ Кавказъ; но, во-первыхъ, Петръ былъ только въ Дагестанѣ, и, во-вторыхъ, на крестѣ было написано крупными буквами, что онъ поставленъ по приказанію г. Ермолова, а именно въ 1824 году. Но преданіе, не смотря на надпись, такъ укоренилось, что, право, не знаешь, чему вѣрить, тѣмъ болѣе, что мы не привыкли вѣрить надписямъ.

Намъ должно было спускаться еще верстъ пять по обледенѣвшимъ скаламъ и топкому снѣгу, чтобъ достигнуть станціи Коби. Лошади измучились, мы продрогли; мятель гудѣла сильнѣе и сильнѣе, точно наша родимая, сѣверная; только ея дикіе напѣвы были печальнѣе, заунывнѣе. «И ты, изгнанница», думалъ я, «плачешь о своихъ широкихъ, раздольныхъ степяхъ! Тамъ есть гдѣ развернуть холодныя крылья, а здѣсь тебѣ душно и тѣсно, какъ орлу, который съ крикомъ бьется о рѣшетку желѣзной своей клѣтки».

— Плохо! говорилъ штабсъ-капитанъ: посмотрите, кругомъ ничего не видно, только туманъ да снѣгъ: того и гляди, что

Digitized by Google

свалимся въ пропасть, или засядемъ въ трущобу; а тамъ пониже, чай, Байдара такъ разыгралась, что и не переѣдешь. Ужъ эта мнѣ Азія! что люди, что рѣчки—никакъ нельзя положиться.

Извощики съ крикомъ и бранью колотили лошадей, которыя фыркали, упирались и не хотѣли ни за что въ свѣтѣ тронуться съ мѣста, не смотря на краснорѣчіе кнутовъ. «Ваше благородіе», сказалъ наконецъ одинъ: «вѣдь мы нынче до Коби не доѣдемъ; не прикажете-ли, покамѣстъ можно, своротить налѣво? Вонъ тамъ что-то на косогорѣ чернѣется,—вѣрно, сакли: тамъ всегда-съ проѣзжающіе останавливаются въ погоду; они говорятъ, что проведутъ, если дадите на водку», прибавилъ онъ, указывая на осетина.

— Знаю, братецъ, знаю безъ тебя!—сказалъ штабсъ-капитанъ. Ужъ эти бестіи! рады придраться, чтобъ сорвать на водку.

— Признайтесь, однако, сказалъ я, что безъ нихъ намъ было-бы хуже.

— Все такъ, все такъ, пробормоталъ онъ: — ужъ эти мнѣ проводники! чутьемъ слышатъ, гдѣ можно попользоваться, будто безъ нихъ и нельзя найти дороги.

Вотъ мы свернули налѣво и кое-какъ, послѣ многихъ хлопотъ, добрались до скуднаго пріюта, состоящаго изъ двухъ саклей, сложенныхъ изъ плитъ и булыжника и обведенныхъ такою же стѣною. Оборванные хозяева приняли насъ радушно. Я послѣ узналъ, что правительство имъ платитъ и кормитъ ихъ съ условіемъ, чтобъ они принимали путешественниковъ, застигнутыхъ бурею.

(Далѣе Максимъ Максимычъ продолжаетъ свой разсказъ про Бэлу.)

«Славная была дѣвочка, эта Бэла. Я къ ней наконецъ такъ привыкъ, какъ къ дочери, и она меня любила. Надо вамъ сказать, что у меня нѣтъ семейства: объ отцѣ и матери я лѣтъ двѣнадцать уже не имѣю извѣстія, а запастись женой не догадался раньше, — такъ теперь ужъ, знаете, и не къ лицу; я и радъ былъ, что нашелъ, кого баловать. Она, бывало, намъ поетъ пѣсни, иль пляшетъ лезгинку... А ужъ какъ плясала! Видалъ я нашихъ губернскихъ барышень,—я разъ былъ-съ въ

Digitized by Google

Москвѣ, въ благородномъ собраніи, лѣтъ двадцать тому назадъ,— только куда имъ! совсѣмъ не то!.. Григорій Александровичъ нарядилъ ее, какъ куколку, холилъ и лелѣялъ, и она у него такъ похорошѣла, что чудо! съ лица и съ рукъ сошелъ загаръ, румянецъ разыгрался на щекахъ... Ужъ какая, бывало, веселая, и все надо мной, проказница, подшучивала... Богъ ей прости!»

— А что, когда вы ей объявили о смерти отца?

— Мы долго отъ нея это скрывали, пока она не привыкла къ своему положенію; а когда сказали, такъ она дня два поплакала, а потомъ забыла...

...Она скучала, когда Печоринъ надолго отлучался...

— Что было съ нею мнѣ дѣлать? я, знаете, никогда съ женщинами не обращался; думалъ, думалъ, чѣмъ ее утѣшить, и ничего не придумалъ; нѣсколько времени мы оба молчали... Пренепріятное положеніе! смѣшно.

На замѣчаніе, что Печоринъ ужъ много времени убиваетъ на охоту и невнимателенъ къ Бэлѣ, Максимъ Максимычъ услышалъ отъ него слѣдующее:

У меня несчастный характеръ: воспитаніе ли меня сдѣлало такимъ, Богъ-ли такъ меня создалъ—не знаю; знаю только, что если я причиною несчастія другихъ, то и самъ не менѣе несчастливъ. Разумѣется, это имъ плохое утѣшеніе — только дѣло въ томъ, что это такъ. Въ первой моей молодости, съ той минуты, когда я вышелъ изъ опеки родныхъ, я сталъ наслаждаться бѣшено всѣми удовольствіями, которыя можно достать за деньги, и, разумѣется, удовольствія эти мнѣ опротивѣли. Потомъ пустился я въ большой свѣтъ, и скоро общество мнѣ также надоѣло; влюблялся въ свѣтскихъ красавицъ, и былъ любимъ; но ихъ любовь только раздражала мое воображеніе и самолюбіе, а сердце осталось пусто... Я сталъ читать, учиться—науки также надоѣли; я видѣлъ, что ни слава, ни счастье отъ нихъ не зависятъ нисколько, потому что самые счастливые люди—невѣжды, а слава—удача, и чтобъ добиться ея, надо быть ловкимъ. Тогда мнѣ стало скучно... Вскорѣ перевели меня на Кавказъ: это самое счастливое время моей жизни. Я надѣялся, что скука не живетъ подъ чеченскими пулями — напрасно: черезъ мѣсяцъ я такъ привыкъ къ ихъ жужжанью и къ близости смерти, что, право, обращалъ больше вниманія на комаровъ, и мнѣ стало скучнѣе прежняго, потому что я поте-

Digitized by Google

рялъ почти послѣднюю надежду... Глупецъ я, или злодѣй — не знаю; но то вѣрно, что я также очень достоинъ сожалѣнія; во мнѣ душа испорчена свѣтомъ, воображеніе безпокойное, сердце ненасытное; мнѣ все мало; къ печали я также легко привыкаю, какъ къ наслажденію, и жизнь моя становится пустѣе день ото дня; мнѣ осталось одно средство: путешествовать. Какъ только будетъ можно, отправлюсь,—только не въ Европу, избави Боже!— поѣду въ Америку, въ Аравію, въ Индію, — авось гдѣ нибудь умру на дорогѣ! По крайней мѣрѣ, я увѣренъ, что это послѣднее утѣшеніе нескоро истощится, съ помощію бурь и дурныхъ дорогъ».

— Что̀ за диво! Скажите-ка, пожалуйста, продолжалъ штабсъ-капитанъ, обращаясь ко мнѣ, — вы вотъ, кажется, бывали въ столицѣ, и недавно: не ужъ-то тамошняя молодежь вся такова?

Я отвѣчалъ, что много есть людей, говорящихъ то-же самое; что есть, вѣроятно, и такіе, которые говорятъ правду; что, впрочемъ, разочарованіе, какъ всѣ моды, начавъ съ высшихъ слоевъ общества, спустились къ низшимъ, которые его дона шиваютъ, и что нынче тѣ, которые больше всѣхъ и въ самомъ дѣлѣ скучаютъ, стараются скрыть это несчастіе, какъ порокъ. Штабсъ-капитанъ не понялъ этихъ тонкостей, покачалъ головой и улыбнулся лукаво.

— Все, чай, французы ввели моду скучать?

— Нѣтъ, англичане.

— Ага, вотъ что!.. отвѣчалъ онъ:—да, вѣдь, они всегда были отъявленные пьяницы!..

Я невольно вспомнилъ объ одной московской барынѣ, которая утверждала, что Байронъ былъ больше ничего, какъ пьяница. Впрочемъ, замѣчаніе штабсъ-капитана было извинительнѣе: чтобъ воздержаться отъ вина, онъ, конечно, старался увѣрять себя, что всѣ въ мірѣ несчастія происходятъ отъ пьянства.

Между тѣмъ онъ продолжалъ свой разсказъ... Не смотря на запрещеніе Печорина Бэла вышла изъ крѣпости къ рѣчкѣ. Было, знаете, очень жарко; она сѣла на камень и опустила ноги въ воду. Вотъ Казбичъ подкрался—цапъ-царапъ ее, зажалъ ротъ и потащилъ въ кусты, а тамъ вскочилъ на коня, да и тягу. Она, между тѣмъ, успѣла закричать: часовые всполошились, выстрѣлили, да мимо, а мы тутъ и подоспѣли.

Digitized by Google

Но было уже поздно: Казбичъ успѣлъ ранить Бэлу. Призванный лѣкарь объявилъ, что рана смертельная, но все таки мучилъ несчастную припарками и микстурой.

— Помилуйте! говорилъ я ему:—вѣдь вы сами сказали, что она умретъ непремѣнно, такъ зачѣмъ тутъ всѣ ваши препараты?—Все-таки лучше, Максимъ Максимычъ, отвѣчалъ онъ:—чтобъ совѣсть была покойна.—Хороша совѣсть!

— Воды, воды!.. говорила она хриплымъ голосомъ, приподнявшись съ постели.

— Печоринъ сдѣлался блѣденъ, какъ полотно, схватилъ стаканъ, налилъ и подалъ ей. Я закрылъ глаза руками и сталъ читать молитву—не помню, какую... Да, батюшка, видалъ я много, какъ люди умираютъ въ госпиталяхъ и на полѣ сраженія, только это все не то, совсѣмъ не то!.. Еще, признаться, меня вотъ что́ печалитъ: она передъ смертью ни разу не вспомнила обо мнѣ; а, мнѣ кажется, я ее любилъ, какъ отецъ... Ну, да Богъ ее проститъ!.. И вправду молвить: что-жъ я такое, чтобъ обо мнѣ вспоминать передъ смертью?..

Только-что она испила воды, какъ ей стало легче, а минуты черезъ три она скончалась. Приложили зеркало къ губамъ—гладко!..

Я вывелъ Печорина вонъ изъ комнаты, и мы пошли на крѣпостной валъ; долго мы ходили взадъ и впередъ рядомъ, не говоря ни слова, загнувъ руки на спину; его лицо ничего не выражало особеннаго, и мнѣ стало досадно: я бы, на его мѣстѣ, умеръ съ горя. Наконецъ онъ сѣлъ на землю, въ тѣни, и началъ что-то чертить палочкой на пескѣ. Я, знаете, больше для приличія, хотѣлъ утѣшить его, началъ говорить; онъ поднялъ голову и засмѣялся... У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ отъ этого смѣха... Я пошелъ заказывать гробъ.

Признаться, я частію для развлеченія занялся этимъ. У меня былъ кусокъ термаламы, я обилъ ею гробъ и украсилъ его черкесскими серебряными галунами, которыхъ Григорій Александровичъ накупилъ для нея-же.

На другой день рано утромъ мы ее похоронили за крѣпостью, у рѣчки, возлѣ того мѣста, гдѣ она въ послѣдній разъ сидѣла... Я хотѣлъ было поставить крестъ, да, знаете, неловко: все-таки она была нехристіанка...

Digitized by Google

Черезъ три мѣсяца Печоринъ уѣхалъ въ Грузію, въ полкъ. Въ Коби мы разстались съ Максимомъ Максимычемъ.

II. Максимъ Максимычъ.

Разставшись съ Максимомъ Максимычемъ, я живо проскакалъ терекское и дарьяльское ущелья, завтракалъ въ Казбекѣ, чай пилъ въ Ларсѣ, а къ ужину поспѣшилъ въ Владикавказъ...

...Я остановился въ гостинницѣ, гдѣ останавливаются всѣ проѣзжіе... Мнѣ объявили, что я долженъ прожить тутъ еще три дня, ибо «оказія» изъ Екатериноградa еще не пришла и, слѣдовательно, отправиться обратно не можетъ...

...Первый день я провелъ очень скучно; на другой, рано утромъ, въѣзжаетъ на дворъ повозка... А! Максимъ Максимычъ!.. Мы встрѣтились, какъ старые пріятели. Я предложилъ ему свою комнату; онъ не церемонился, даже ударилъ меня по плечу и скривилъ ротъ на манеръ улыбки. Такой чудакъ!..

Максимъ Максимычъ имѣлъ глубокія свѣдѣнія въ поваренномъ искусствѣ: онъ удивительно хорошо зажарилъ фазана, удачно полилъ его огуречнымъ разсоломъ, и я долженъ признаться, что безъ него пришлось бы остаться на сухояденіи. Бутылка кахетинскаго помогла намъ забыть о скромномъ числѣ блюдъ, которыхъ было всего одно, и, закуривъ трубки, мы усѣлись—я у окна, онъ—у затопленной печи, потому что день былъ сырой и холодный. Мы молчали...

...Такъ сидѣли мы долго... Нѣсколько повозокъ съ грязными армянами въѣхало на дворъ гостинницы и за ними пустая дорожная коляска (*она имѣла щегольской видъ. Отъ армянина узнали, что пришла оказія*).

«Слава Богу!» сказалъ Максимъ Максимычъ, подошедшій къ окну въ это время. «Экая чудесная коляска»! прибавилъ онъ... А кто-бы это такое былъ—пойдемте-ка узнать... Мы вышли въ коррпдоръ... Лакей съ извощикомъ перетаскивали въ одну изъ комнатъ чемоданы.

— Послушай, братецъ, спросилъ у него штабсъ-капитанъ: чья эта чудесная коляска?... а?.. Прекрасная коляска! Лакей, не оборачиваясь, бормоталъ что-то про себя, развязывая чемо-

Digitized by Google

данъ. Максимъ Максимычъ разсердился: онъ тронулъ неучтивца по плечу и сказалъ: я тебѣ говорю, любезный...

— Чья коляска!.. моего господина...

— А кто твой господинъ?

— Печоринъ...

— Что ты? что ты? Печоринъ?.. Ахъ, Боже мой!.. да не служилъ ли онъ на Кавказѣ?.. воскликнулъ Максимъ Максимычъ, дернувъ меня за рукавъ. У него въ глазахъ сверкала радость.

— Служилъ, кажется,—да я у нихъ недавно.

— Ну, такъ!.. такъ!.. Григорій Александровичъ?.. Такъ вѣдь его зовутъ?.. Мы съ твоимъ барономъ были пріятели, прибавилъ онъ, ударивъ дружески по плечу лакея такъ, что заставилъ его пошатнуться...

— Позвольте, сударь, вы мнѣ мѣшаете,—сказалъ тотъ, нахмурившись.

— Экой ты, братецъ!.. да знаешь-ли, мы съ твоимъ барономъ были друзья закадычные, жили вмѣстѣ?.. Да гдѣ-жъ онъ самъ остался?..

Слуга объявилъ, что Печоринъ остался ужинать и ночевать у полковника Н...

— Да не зайдетъ-ли онъ вечеромъ сюда?—сказалъ Максимъ Максимычъ:—или ты, любезный, не пойдешь-ли къ нему за чѣмъ нибудь?.. Коли пойдешь, такъ скажи, что здѣсь Максимъ Максимычъ—такъ и скажи... ужъ онъ знаетъ... я тебѣ дамъ восьмигривенный на водку...

Лакей сдѣлалъ презрительную мину, слыша такое скромное обѣщаніе, однако увѣрилъ Максима Максимыча, что онъ исполнитъ его порученіе.

— Вѣдь сейчасъ прибѣжитъ!.. сказалъ мнѣ Максимъ Максимычъ съ торжествующимъ видомъ:—пойду за ворота его дождаться... Эхъ! жалко, что я не знакомъ съ Н...

Максимъ Максимычъ сѣлъ за воротами на скамейку, а я ушелъ въ свою комнату...

...Черезъ часъ инвалидъ принесъ кипящій самоваръ и чайникъ... «Максимъ Максимычъ, не хотите-ли чаю»?—закричалъ я ему въ окно.

— Благодарствуйте; что-то не хочется.

Digitized by Google

— Эй выпейте! Смотрите, вѣдь ужъ поздно, холодно.

— Ничего; благодарствуйте...

— Ну, какъ угодно! Я сталъ пить чай одинъ; минутъ черезъ десять входитъ мой старикъ.

— Я вѣдь вы правы: все лучше выпить чайку,—да я все ждалъ. Ужъ человѣкъ его давно къ нему пошелъ, да, видно, что нибудь задержало.

Онъ наскоро выхлебнулъ чашку, отказался отъ второй и ушелъ опять за ворота въ какомъ-то безпокойствѣ: явно было, что старика огорчило небреженіе Печорина, и тѣмъ болѣе, что онъ мнѣ недавно говорилъ о своей съ нимъ дружбѣ, и еще часъ тому назадъ былъ увѣренъ, что онъ прибѣжитъ, какъ только услышитъ его имя.

Ужъ было поздно и темно, когда я снова отворилъ окно и сталъ звать Максима Максимыча, говоря, что пора спать; онъ что-то пробормоталъ сквозь зубы; я повторилъ приглашеніе— онъ ничего не отвѣчалъ.

Я легъ на диванъ, завернувшись въ шинель; и, оставивъ свѣчу на лежанкѣ, скоро задремалъ и проспалъ бы покойно, еслибъ, уже очень поздно, Максимъ Максимычъ, войдя въ комнату, не разбудилъ меня. Онъ бросилъ трубку на столъ, сталъ ходить по комнатѣ, шевырять въ печи, наконецъ легъ, но долго кашлялъ, плевалъ, ворочался.

— Не клопы-ли васъ кусаютъ?—спросилъ я.

— Да, клопы... отвѣчалъ онъ, тяжело вздохнувъ.

На другой день утромъ я проснулся рано, но Максимъ Максимычъ предупредилъ меня. Я нашелъ его у воротъ сидящаго на скамейкѣ. «Мнѣ надо сходить къ коменданту», сказалъ онъ: «такъ пожалуйста, если Печоринъ придетъ, пришлите за мной»...

Я обѣщался. Онъ побѣжалъ, какъ будто члены его получили вновь юношескую силу и гибкость.

Не прошло десяти минутъ, какъ на концѣ площади показался тотъ, котораго мы ожидали. Онъ шелъ съ полковникомъ Н..., который, доведя его до гостинницы, простился съ нимъ и поворотилъ въ крѣпость. Я тотчасъ же послалъ инвалида за Максимомъ Максимычемъ...

...Лошади были уже заложены; колокольчикъ по временамъ

Digitized by Google

звенѣлъ надъ дугою, и лакей уже два раза подходилъ къ Печорину съ докладомъ, что все готово, а Максимъ Максимычъ еще не являлся. Къ счастію, Печоринъ былъ погруженъ въ задумчивость, глядя на синіе зубцы Кавказа, и, кажется, вовсе не торопился въ дорогу. Я подошелъ къ нему. «Если вы захотите еще немного подождать»,—сказалъ я, «то будете имѣть удовольствіе увидѣться съ старымъ пріятелемъ»...

— Ахъ, точно! быстро отвѣчалъ онъ:—мнѣ вчера говорили; но гдѣ же онъ? — Я обернулся къ площади и увидѣлъ Максима Максимыча, бѣгущаго что было мочи... Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже возлѣ насъ; онъ едва могъ дышать; потъ градомъ катился съ лица его; мокрые клочки сѣдыхъ волосъ, вырвавшись изъ-подъ шапки, прилипнулись ко лбу его; колѣни его дрожали... онъ хотѣлъ кинуться на шею Печорину, но тотъ довольно холодно, хотя съ привѣтливой улыбкой, протянулъ ему руку. Штабсъ-капитанъ на минуту остолбенѣлъ, но потомъ жадно схватилъ его руку обѣими руками: онъ еще не могъ говорить.

— Какъ я радъ, дорогой Максимъ Максимычъ! Ну, какъ вы поживаете?—сказалъ Печоринъ.

— А... ты?.. а вы?.. пробормоталъ со слезами на глазахъ старикъ:—сколько лѣтъ... сколько дней... да куда это?..

— Ѣду въ Персію—и дальше...

— Неужто сейчасъ?.. Да подождите, дражайшій!.. Неужто сейчасъ разстанемся?.. Столько времени не видались...

— Мнѣ пора, Максимъ Максимычъ,—былъ отвѣтъ.

— Боже мой, Боже мой! да куда это такъ спѣшите?.. Мнѣ столько-бы хотѣлось вамъ сказать... столько разспросить... Ну, что? въ отставкѣ?.. какъ?.. что подѣлывали?.. Скучалъ! отвѣчалъ Печоринъ, улыбаясь.

— А помните наше житье-бытье въ крѣпости?... Славная страна для охоты!.. Вѣдь вы были страстный охотникъ стрѣлять... А Бэла?..

Печоринъ чуть-чуть поблѣднѣлъ и отвернулся...

— Да, помню! — сказалъ онъ, почти тотчасъ принужденно зѣвнувъ.

Максимъ Максимычъ сталъ его упрашивать остаться съ нимъ еще часа два. «Мы славно пообѣдаемъ», говорилъ онъ: «у меня

Digitized by Google

есть два фазана; а кахетинское здѣсь прекрасное... разумѣется, не то, что въ Грузіи, однако лучшаго сорта... Мы поговоримъ... Вы мнѣ разскажете про свое житье въ Петербургѣ... А?..».

— Право, мнѣ нечего разсказывать, дорогой Максимъ Максимычъ... Однако прощайте, мнѣ пора... я спѣшу... Благодарю, что не забыли... прибавилъ онъ, взявъ его за руку.

Старикъ нахмурилъ брови... Онъ былъ печаленъ и сердитъ, хотя старался скрыть это. «Забыть»! проворчалъ онъ: «я-то не забылъ ничего... Ну, да Богъ съ вами... Не такъ я думалъ съ вами встрѣтиться»...

— Ну, полно, полно!—сказалъ Печоринъ, обнявъ его дружески:—неужели я не тотъ же?.. Что дѣлать?.. всякому своя дорога... Удастся ли еще встрѣтиться — Богъ знаетъ!.. Говоря это, онъ уже сидѣлъ въ коляскѣ, и ямщикъ ужъ началъ подбирать вожжи.

— Постой, постой? закричалъ вдругъ Максимъ Максимычъ, ухватись за дверцы коляски:—совсѣмъ было забылъ... У меня остались ваши бумаги, Григорій Александровичъ... я ихъ таскаю съ собой... думалъ найти васъ въ Грузіи, а вотъ гдѣ Богъ далъ свидѣться... Что мнѣ съ ними дѣлать?..

— Что хотите?—отвѣчалъ Печоринъ.—Прощайте.

— Такъ вы въ Персію?... а когда вернетесь?... кричалъ въ слѣдъ Максимъ Максимычъ.

Коляска была уже далеко, но Печоринъ сдѣлалъ знакъ рукою, который можно было перевести слѣдующимъ образомъ: врядъ-ли! да и не зачѣмъ!...

Давно уже не слышно было ни звона колокольчика, ни стука колесъ по кремнистой дорогѣ, а бѣдный старикъ еще стоялъ на томъ же мѣстѣ въ глубокой задумчивости.

«Да», сказалъ онъ наконецъ, стараясь принять равнодушный видъ, хотя слеза досады по временамъ сверкала на его рѣсницахъ: — «конечно, мы были пріятели, — ну, да что пріятели въ нынѣшнемъ вѣкѣ!... Что ему во мнѣ? Я не богатъ, не чиновенъ, да и по лѣтамъ совсѣмъ ему не пара... вишь какимъ онъ франтомъ сдѣлался, какъ побывалъ опять въ Петербургѣ..... Что за коляска!... сколько поклажи!... и лакей такой гордый!...» Эти слова были произнесены съ иронической улыбкой. «Скажите,

Digitized by Google

продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — ну, что вы объ этомъ думаете?... ну какой бѣсъ несетъ его теперь въ Персію?... Смѣшно, ей-Богу, смѣшно!... Да я всегда зналъ, что онъ вѣтреный человѣкъ, на котораго нельзя надѣяться.... А, право, жаль, что онъ дурно кончитъ.... да и нельзя иначе!... Ужъ я всегда говорилъ, что нѣтъ проку въ томъ, кто старыхъ друзей забываетъ!...» Тутъ онъ отвернулся, чтобъ скрыть свое волненіе, и пошелъ ходить по двору около своей повозки, показывая, будто осматриваетъ колеса, тогда какъ глаза его поминутно наполнялись слезами.

— Максимъ Максимычъ, сказалъ я, подошедши къ нему, а что это за бумаги вамъ оставилъ Печоринъ?

— А Богъ его знаетъ! какія то записки....

— Что вы изъ нихъ сдѣлаете?

— Что? Я велю надѣлать патроновъ.

— Отдайте ихъ лучше мнѣ.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, проворчалъ что-то сквозь зубы и началъ рыться въ чемоданѣ; вотъ онъ вынулъ одну тетрадку и бросилъ ее съ презрѣніемъ на землю, потомъ другая, третья и десятая имѣли ту-же участь: въ его досадѣ было что-то дѣтское; мнѣ стало смѣшно и жалко....

— Вотъ онѣ всѣ, сказалъ онъ: — поздравляю васъ съ находкою....

— И я могу дѣлать съ ними все, что хочу?

— Хоть въ газетахъ печатайте. Какое мнѣ дѣло?... Что, я развѣ другъ его какой, или родственникъ?... Правда, мы жили долго подъ одной кровлей.... Да мало ли съ кѣмъ я не жилъ?....

Я схватилъ бумаги и поскорѣе унесъ ихъ, боясь, чтобъ штабсъ-капитанъ не раскаялся. Скоро пришли намъ объявить, что черезъ часъ тронется оказія: я велѣлъ закладывать. Штабсъ-капитанъ вошелъ въ комнату въ то время, когда я уже надѣвалъ шапку; онъ, казалось, не готовился къ отъѣзду; у него былъ какой-то принужденный, холодный видъ.

— А вы, Максимъ Максимычъ, развѣ не ѣдете?

— Нѣтъ-съ.

— А что такъ?

— Да я еще коменданта не видалъ, а мнѣ надо сдать кой-какія казенныя вещи....

Digitized by Google

— Да, вѣдь, вы-же были у него?

— Былъ, конечно, сказалъ, запинаясь; да его дома не было.... а я не дождался.

Я понялъ его: бѣдный старикъ въ первый разъ отъ роду, можетъ быть, бросилъ дѣла службы для *собственной надобности*, говоря языкомъ бумажнымъ,—и какъ же онъ былъ награжденъ!

— Очень жаль, Максимъ Максимычъ, что намъ до срока надо разстаться.

— Гдѣ намъ, необразованнымъ старикамъ, за вами гоняться!... Вы молодежь свѣтская, гордая; еще покамѣстъ подъ черкесскими пулями, такъ вы туда-сюда.... а послѣ встрѣтитесь, то стыдитесь и руку протянуть нашему брату.

— Я не заслужилъ этихъ упрековъ, Максимъ Максимычъ.

— Да я, знаете, такъ, къ слову говорю; а, впрочемъ, желаю вамъ всякаго счастія и веселой дороги.

Мы простились довольно сухо. Добрый Максимъ Максимычъ сдѣлался упрямымъ, сварливымъ штабсъ-капитаномъ! И отчего? Оттого, что Печоринъ, въ разсѣянности, или отъ другой причины, протянулъ ему руку, когда тотъ хотѣлъ кинуться ему на шею! Грустно видѣть, когда юноша теряетъ лучшія свои надежды и мечты, когда предъ нимъ отдергивается розовый флёръ, сквозь который онъ смотрѣлъ на дѣла и чувства человѣческія, хотя есть надежда, что онъ замѣнитъ старыя заблужденія новыми, не менѣе переходящими, но за то не менѣе сладкими.... Но чѣмъ ихъ замѣнить въ лѣта Максима Максимыча? Поневолѣ сердце очерствѣетъ и душа закроется.....

Я уѣхалъ одинъ.

Изъ сочиненій Гоголя.

Старосвѣтскіе помѣщики.

Я очень люблю скромную жизнь тѣхъ уединенныхъ владѣтелей отдаленныхъ деревень, которыхъ въ Малороссіи обыкновенно называютъ «старосвѣтскими» и которые, какъ дряхлые живописные домики, хороши своею простотою и совершенной противоположностію съ новымъ гладенькимъ строеніемъ, кото-

Digitized by Google

раго стѣнъ не промылъ еще дождь, крыши не покрыла зеленая плѣсень, и лишенное штукатурки крыльцо не выказываетъ своихъ красныхъ кирпичей. Я иногда люблю сойти въ сферу этой необыкновенно уединенной жизни, гдѣ ни одно желаніе не перелетаетъ за частоколъ, окружающій небольшой дворикъ, за плетень сада, наполненнаго яблонями и сливами, за деревенскія избы, его окружающія, пошатнувшіяся на сторону, осѣненныя вербами, бузиною и грушами. Жизнь ихъ скромныхъ владѣтелей такъ тиха, такъ тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желанія и тѣ неспокойныя порожденія злаго духа, возмущающія міръ, вовсе не существуютъ, и ты ихъ видѣлъ въ блестящемъ, сверкающемъ сновидѣніи.

Я отсюда вижу низенькій домикъ съ галлереей изъ маленькихъ почернѣлыхъ, деревянныхъ столбиковъ, идущею вокругъ всего дома, чтобы можно было, во время грома и града, затворить ставни оконъ, не замочась дождемъ; за нимъ душистая черемуха, цѣлые ряды низенькихъ фруктовыхъ деревьевъ, потопленныхъ багрянцемъ вишенъ и яхонтовымъ моремъ сливъ, покрытыхъ свинцовымъ матомъ, развѣсистый кленъ, въ тѣни котораго разостланъ, для отдыха, коверъ; предъ домомъ просторный дворъ съ низенькою, свѣжею травкою, съ протоптанною дорожкою отъ амбара до кухни и отъ кухни до барскихъ покоевъ; длинношейный гусь, пьющій воду, съ молодыми и нѣжными, какъ пухъ, гусятами; частоколъ, обвѣшенный связками сушеныхъ грушъ и яблокъ и провѣтривающимися коврами, возъ съ дынями, стоящій возлѣ амбара; отпряженный волъ, лѣниво лежащій возлѣ него—все это для меня имѣетъ неизъяснимую прелесть, можетъ быть, оттого, что я уже не вижу ихъ и что намъ мило все то, съ чѣмъ мы въ разлукѣ. Какъ бы то ни было, но даже тогда, когда бричка моя подъѣзжала къ крыльцу этого домика, душа принимала удивительно пріятное и спокойное состояніе; лошади весело подкатывали подъ крыльцо; кучеръ преспокойно слѣзалъ съ козелъ и набивалъ трубку, какъ будто бы онъ пріѣзжалъ въ собственный домъ свой; самый лай, который поднимали флегматическіе барбосы, бровки, жучки, былъ пріятенъ моимъ ушамъ.

Но болѣе всего мнѣ нравились самые владѣтели этихъ скромныхъ уголковъ, старички, старушки, заботливо выходившіе на-

Digitized by Google

встрѣчу. Ихъ лица представляются мнѣ и теперь иногда въ шумѣ и толпѣ модныхъ фраковъ, и тогда вдругъ на меня находитъ полусонъ, и мерещится былое. На лицахъ у нихъ всегда написана такая доброта, такое радушіе и чистосердечіе, что невольно отказываешься, хотя, по-крайней-мѣрѣ, на короткое время, отъ всѣхъ дерзкихъ мечтаній и незамѣтно переходишь всѣми чувствами въ низменную, буколическую жизнь.

Я до сихъ поръ не могу позабыть двухъ старичковъ прошедшаго вѣка, которыхъ, увы! теперь уже нѣтъ, но душа моя полна еще до сихъ поръ жалости, и чувства мои страшно сжимаются, когда воображу себѣ, что пріѣду современемъ опять на ихъ прежнее, нынѣ опустѣлое жилище, и увижу кучу развалившихся хатъ, заглохшій прудъ, заросшій ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ низенькій домикъ, и ничего болѣе. Грустно, мнѣ заранѣе грустно! Но обратимся къ разсказу.

Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ и жена его, Пульхерія Ивановна Товстогубиха, по выраженію окружныхъ мужиковъ,—были тѣ старики, о которыхъ я началъ разсказывать. Еслибъ я былъ живописецъ и хотѣлъ изобразить на полотнѣ Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избралъ другого оригинала, кромѣ ихъ. Аѳанасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ, Пульхеріи Ивановнѣ—пятьдесятъ пять. Аѳанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы разсказывалъ или, просто, слушалъ. Пульхерія Ивановна была нѣсколько серьезна, почти никогда не смѣялась, на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у нихъ лучшаго, что вы, вѣрно, нашли бы улыбку уже черезчуръ приторною для ея добраго лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расположены съ такою пріятностію, что художникъ, вѣрно бы, укралъ ихъ. По нимъ можно было, казалось, читать всю жизнь ихъ, ясную, спокойную жизнь, которую вели старыя національныя, простосердечныя и, вмѣстѣ, богатыя фамиліи, всегда составляющія противоположность тѣмъ низкимъ малороссіянамъ, которые выдираются изъ дегтярей, торгашей, наполняютъ, какъ саранча, присутственныя мѣста, дерутъ послѣднюю копѣйку съ своихъ же земляковъ, наводняютъ Петербургъ ябедниками, наживаютъ,

Digitized by Google

наконецъ, капиталъ и торжественно прибавляютъ къ фамиліи своей, оканчивающейся на *о*, слогъ *въ*. Нѣтъ, они не были похожи на эти презрѣнныя и жалкія творенія, также какъ и всѣ малороссійскія старинныя и коренныя фамиліи.

Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь: они никогда не говорили другъ другу *ты*, но всегда *вы*: вы, Аѳанасій Ивановичъ; вы, Пульхерія Ивановна.

— Это вы продавили стулъ, Аѳанасій Ивановичъ?

— Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна: это я...

Комнаты домика, въ которомъ жили наши старички, были маленькія, низенькія, какія обыкновенно встрѣчаются у старосвѣтскихъ людей. Въ каждой комнатѣ была огромная печь, занимавшая почти третью часть ея. Комнатки эти были ужасно теплы, потому что Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна очень любили теплоту. Топки ихъ были всѣ проведены въ сѣни, всегда почти до самаго потолка наполненныя соломою, которую обыкновенно употребляютъ въ Малороссіи вмѣсто дровъ. Трескъ этой горящей соломы и освѣщеніе дѣлаютъ сѣни чрезвычайно пріятными въ зимній вечеръ. Стѣны комнаты убраны были нѣсколькими картинами и картинками въ старинныхъ узенькихъ рамахъ. Я увѣренъ, что сами хозяева давно позабыли ихъ содержаніе, и еслибы нѣкоторыя изъ нихъ были унесены, то они бы, вѣрно, этого не замѣтили. Два портрета было большихъ, писанныхъ масляными красками: одинъ представлялъ какого-то архіерея, другой—Петра III; изъ узенькихъ рамъ глядѣла герцогиня Лавальеръ, запачканная мухами. Вокругъ оконъ и надъ дверями находилось множество небольшихъ картинокъ, которыя какъ-то привыкаешь почитать за пятна на стѣнѣ, и потому ихъ вовсе не разсматриваешь. Полъ почти во всѣхъ комнатахъ былъ глиняный, но такъ чисто вымазанный и содержавшійся съ такою опрятностію, съ какою, вѣрно, не содержится ни одинъ паркетъ въ богатомъ домѣ, лѣниво подметаемый невыспавшимся господскимъ въ ливреѣ.

Комната Пульхеріи Ивановны была вся уставлена сундуками, ящиками, ящичками и сундучечками. Множество узелковъ и мѣшковъ съ сѣменами: цвѣточными, огородными, арбузными, висѣло по стѣнамъ. Множество клубковъ съ разноцвѣтною шерстью, лоскутковъ старинныхъ платьевъ, шитыхъ за полстолѣтіе, были

Digitized by Google

укладены по угламъ въ сундучкахъ и между сундучками. Пульхерія Ивановна была большая хозяйка и собирала все, хотя иногда сама не знала, на что оно потомъ употребится.

Но самое замѣчательное въ домѣ были поющія двери. Какъ только наставало утро, пѣніе дверей раздавалось по всему дому. Я не могу сказать, отчего онѣ пѣли. Перержавѣвшія ли петли были тому виною, или самъ механикъ, дѣлавшій ихъ, скрылъ въ нихъ какой нибудь секретъ; но замѣчательно то, что каждая дверь имѣла свой особенный голосъ: дверь, ведущая въ спальню, пѣла самымъ тоненькимъ дискантомъ; дверь ведшая, въ столовую, хрипѣла басомъ; но та, которая была въ сѣняхъ, издавала какой-то странный, дребезжащій и, вмѣстѣ, стонущій звукъ, такъ что, вслушиваясь въ него, очень ясно наконецъ слышалось: «батюшки, я зябну!» Я знаю, что многимъ очень не нравится этотъ звукъ; но я его очень люблю, и если мнѣ случится иногда здѣсь услышать скрипъ дверей, тогда мнѣ вдругъ такъ и пахнетъ деревнею: низенькой комнаткой, озаренной свѣчкой въ старинномъ подсвѣчникѣ; ужиномъ, уже поставленнымъ на столѣ; майскою темною ночью, глядящею изъ сада сквозь растворенное окно, на столъ, уставленный приборами; соловьемъ, который обдаетъ садъ, домъ и дальнюю рѣку своими раскатами; страхомъ и шорохомъ вѣтвей... и, Боже, какая длинная навѣвается мнѣ тогда вереница воспоминаній!

Стулья въ комнатѣ были деревянные, массивные, какими обыкновенно отличается старина: они были всѣ съ высокими выточенными спинками, въ натуральномъ видѣ, безъ всякаго лака и краски; они не были даже обиты матеріею и нѣсколько походили на тѣ стулья, на которые и донынѣ садятся архіереи. Треугольные столики по угламъ, четырехъ-угольные передъ диваномъ и зеркаломъ въ тоненькихъ золотыхъ рамахъ, выточенныхъ листьями, которые мухи усѣяли черными точками; передъ диваномъ коверъ съ птицами, похожими на цвѣты, и цвѣтами, похожими на птицъ;—вотъ все почти убранство невзыскательнаго домика, гдѣ жили мои старики.

Афанасій Ивановичъ очень мало занимался хозяйствомъ, за то Пульхерія Ивановна хлопотала за двоихъ: солила, сушила, варила множество фруктовъ; кучеръ, по ея приказу, перегонялъ водку на разныя специи и затѣмъ самъ напивался. Прикащикъ съ войтомъ рубили господскій лѣсъ и употребляли его

Digitized by Google

на разныя подѣлки, а толстые дубы продавали на срубъ сосѣднимъ казакамъ. Когда Пульхерія Ивановна спрашивала прикащика, куда дѣвались дубы, онъ спокойно отвѣчалъ: пропали. Еще безсовѣстнѣе поступали съ мукою: привозили въ барскіе амбары только половину, да и то недоброкачественную. Но какъ тѣ ни обкрадывали, Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна не замѣчали, такъ какъ имъ мало было нужно.

Оба старичка любили покушать. Въ то время, какъ они кушали, Аѳанасій Ивановичъ разговаривалъ о томъ, что̀ было подано на столъ. Послѣ обѣда Аѳанасій Ивановичъ отдыхалъ, а затѣмъ Пульхерія Ивановна угощала его арбузомъ. Съѣвши, кромѣ того, нѣсколько грушъ, супруги шли въ садъ погулять. Послѣ гулянья Пульхерія Ивановна отправлялась по своимъ дѣламъ, а Аѳанасій Ивановичъ сидѣлъ подъ навѣсомъ и глядѣлъ, что̀ носили въ кладовую и что̀ выносили оттуда, послѣ чего опять просилъ поѣсть. Передъ ужиномъ закусывали и, наконецъ, въ 9½ часовъ ужинали и тотчасъ отправлялись спать.

Комната, въ которой спали Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна, была такъ жарка, что рѣдкій былъ бы въ состояніи остаться въ ней нѣсколько часовъ; но Аѳанасій Ивановичъ, еще сверхъ того, чтобы было теплѣе, спалъ на лежанкѣ, хотя сильный жаръ часто заставлялъ его нѣсколько разъ вставать среди ночи и прохаживаться по комнатѣ. Иногда Аѳанасій Ивановичъ, ходя по комнатѣ, стоналъ.

Тогда Пульхерія Ивановна спрашивала. Что вы стонете, Аѳанасій Ивановичъ?

— Богъ его знаетъ, Пульхерія Ивановна; какъ будто немного животъ болитъ,—говорилъ Аѳанасій Ивановичъ.

— А не лучше ли вамъ чего-нибудь съѣсть, Аѳанасій Ивановичъ?

— Не знаю, будетъ ли оно хорошо, Пульхерія Ивановна; впрочемъ, чего-жъ бы такого съѣсть?

— Кислаго молочка, или жиденькаго узвара съ сушеными грушами.

— Пожалуй, развѣ такъ только, попробовать, — говорилъ Аѳанасій Ивановичъ. Сонная дѣвка отправлялась рыться по шкапамъ, и Аѳанасій Ивановичъ съѣдалъ тарелочку; послѣ чего онъ обыкновенно говорилъ:—Теперь такъ какъ-будто сдѣлалось легче.

Иногда, если было ясное время и въ комнатахъ довольно тепло натоплено, Аѳанасій Ивановичъ, развеселившись, любилъ

Digitized by Google

пошутить надъ Пульхеріей Ивановной и поговорить о чемъ нибудь постороннемъ.

— А что, Пульхерія Ивановна,—говорилъ онъ, — если бы вдругъ загорѣлся домъ нашъ, куда бы мы дѣлись?

— Вотъ это, Боже сохрани! говорила Пульхерія Ивановна, крестясь.

— Ну, да положимъ, что домъ нашъ сгорѣлъ: куда бы мы перешли тогда?

— Богъ знаетъ, что вы говорите, Аѳанасій Ивановичъ! Какъ можно, чтобы домъ могъ сгорѣть? Богъ этого не попуститъ.

— Ну, а еслибы сгорѣлъ?

— Ну, тогда бы мы перешли въ кухню. Вы бы заняли на время ту комнатку, которую занимаетъ ключница.

— А еслибы и кухня сгорѣла?

— Вотъ еще! Богъ сохранитъ отъ попущенія, чтобы вдругъ и домъ, и кухня сгорѣли! Ну, тогда въ кладовую, покамѣстъ выстроился бы новый домъ.

— А еслибы и кладовая сгорѣла?

— Богъ знаетъ, что вы говорите! я и слушать васъ не хочу! Грѣхъ это говорить, и Богъ наказываетъ за такія рѣчи.

Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что подшутилъ надъ Пульхеріей Ивановной, улыбался, сидя на своемъ стулѣ.

Но интереснѣе всего казались для меня старички въ то время, когда бывали у нихъ гости. Тогда все въ ихъ домѣ принимало другой видъ. Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Все, что у нихъ ни было лучшаго, все это выносилось. Они наперерывъ старались угостить васъ всѣмъ, что только производило ихъ хозяйство. Но болѣе всего пріятно мнѣ было то, что во всей ихъ услужливости не было никакой приторности. Это радушіе и готовность такъ кротко выражались на ихъ лицахъ, такъ шли къ нимъ, что по неволѣ соглашался на ихъ просьбы. Онѣ были слѣдствіе чистой, ясной простоты ихъ добрыхъ безхитростныхъ душъ. Это радушіе вовсе не то, съ какимъ угощаетъ васъ чиновникъ казенной палаты, вышедшій въ люди вашими стараніями, называющій васъ благодѣтелемъ и ползающій у ногъ вашихъ. Гость никакимъ образомъ

Digitized by Google

не былъ отпускаемъ въ тотъ же день: онъ долженъ былъ непремѣнно переночевать.

— Какъ можно такою позднею порою отправляться въ такую дальнюю дорогу! всегда говорила Пульхерія Ивановна. (Гость, обыкновенно, жилъ въ трехъ или въ четырехъ верстахъ отъ нихъ.)

— Конечно, говорилъ Аѳанасій Ивановичъ,—неравно всякаго случая: нападутъ разбойники или другой недобрый человѣкъ.

— Пусть Богъ милуетъ отъ разбойниковъ! говорила Пульхерія Ивановна, — и къ чему говорить этакое на ночь? Разбойники, не разбойники, а время темное, не годится совсѣмъ ѣхать. Да и вашъ кучеръ... я знаю вашего кучера: онъ такой тендитный да маленькій: его всякая кобыла побьетъ; да притомъ теперь онъ уже, вѣрно, наклюкался и спитъ гдѣ-нибудь.

И гость долженъ былъ непремѣнно остаться; но, впрочемъ, вечеръ въ низенькой, теплой комнатѣ, радушный, грѣющій и усыпляющій разсказъ, несущійся паръ отъ поданнаго на столъ кушанья, всегда питательнаго и мастерски изготовленнаго, бывалъ для него наградою. Я вижу, какъ теперь, какъ Аѳанасій Ивановичъ, согнувшись, сидитъ на стулѣ, со всегдашнею своею улыбкою, и слушаетъ со вниманіемъ и даже съ наслажденіемъ гостя. Часто рѣчь заходила и о политикѣ. Гость, также весьма рѣдко выѣзжавшій изъ своей деревни, часто, съ значительнымъ видомъ и таинственнымъ выраженіемъ лица, выводилъ свои догадки и разсказывалъ, что французъ тайно согласился съ англичаниномъ выпустить опять на Россію Бонапарта, или просто разсказывалъ о предстоящей войнѣ, и тогда Аѳанасій Ивановичъ часто говаривалъ, какъ будто не глядя на Пульхерію Ивановну:

— Я самъ думаю пойти на войну; почему-жъ я не могу идти на войну?

— Вотъ уже и пошелъ! прерывала Пульхерія Ивановна. — Вы не вѣрьте ему, говорила она, обращаясь къ гостю:—гдѣ ему, старому, идти на войну! его первый солдатъ застрѣлитъ; ей Богу, застрѣлитъ! вотъ такъ-таки прицѣлится и застрѣлитъ.

— Что-жъ? говорилъ Аѳанасій Ивановичъ,— и я его застрѣлю.

Digitized by Google

— Вотъ слушайте только, что онъ говоритъ! подхватывала Пульхерія Ивановна:—куда ему идти на войну! И пистоли его давно уже заржавѣли и лежатъ въ каморѣ. Если бы вы ихъ видѣли: такъ такіе, что прежде еще, нежели выстрѣлятъ, разорветъ ихъ порохомъ. И руки себѣ поотобьетъ, и лице искалѣчитъ, и на вѣки несчастнымъ останется!

— Что-жъ? говорилъ Аѳанасій Ивановичъ,—я куплю себѣ новое вооруженіе; я возьму саблю или казацкую пику.

— Это все выдумки; такъ вотъ вдругъ прійдетъ въ голову, и начнетъ разсказывать! подхватывала Пульхерія Ивановна съ досадою.—Я и знаю, что онъ шутитъ, а все-таки непріятно слушать. Вотъ этакое онъ всегда говоритъ; иной разъ слушаешь, слушаешь, да и страшно станетъ.

Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что нѣсколько напугалъ Пульхерію Ивановну, смѣялся, сидя согнувшись на своемъ стулѣ.

Далѣе разсказывается о томъ, какъ Пульхерія Ивановна радушно принимала и угощала гостей всѣмъ, что только у ней было.

Добрые старички!.. Но повѣствованіе мое приближается къ весьма печальному событію, измѣнившему навсегда жизнь этого мирнаго уголка.

У Пульхеріи Ивановны была сѣренькая кошечка, которая всегда почти лежала, свернувшись клубкомъ, у ея ногъ. Пульхерія Ивановна иногда и гладила, и щекотала пальцемъ по ея шейкѣ, которую балованная кошечка вытягивала какъ можно выше. Нельзя сказать, чтобы Пульхерія Ивановна слишкомъ любила ее, но, просто, привязалась къ ней, привыкши ее всегда видѣть. Аѳанасій Ивановичъ, однакожъ, часто подшучивалъ надъ такою привязанностью.

При этомъ онъ говорилъ о преимуществахъ собаки сравн. съ кошкой, собственно для того, чтобы пошутить надъ Пульхеріей Ивановной.

За садомъ былъ у нихъ лѣсъ, гдѣ водились дикіе коты: къ нимъ-то и убѣжала кошка Пульхеріи Ивановны.

Пульхерія Ивановна замѣтила пропажу кошки, послала искать ее, но кошка не находилась. Прошло три дня, Пульхерія Ивановна пожалѣла, наконецъ вовсе о ней позабыла. Въ одинъ

Digitized by Google

день, когда она ревизовала свой огородъ и возвращалась съ нарванными своею рукою зелеными свѣжими огурцами для Аѳанасія Ивановича, слухъ ея былъ пораженъ самымъ жалкимъ мяуканьемъ. Она, какъ будто по инстинкту, произнесла: «кисъ, кисъ!» и вдругъ изъ бурьяна вышла ея сѣренькая кошка, худая, тощая: замѣтно было, что она нѣсколько уже дней не брала въ ротъ никакой пищи. Пульхерія Ивановна продолжала звать ее, но кошка стояла предъ нею, мяукала и не смѣла близко подойти: видно было, что она очень одичала съ того времени. Пульхерія Ивановна пошла впередъ, продолжая звать кошку, которая боязливо шла за нею до самаго забора. Наконецъ, увидѣвши прежнія знакомыя мѣста, вошла въ комнату. Пульхерія Ивановна тотчасъ приказала подать ей молока и мяса, и, сидя передъ нею, наслаждалась жадностью бѣдной своей фаворитки, съ какою она глотала кусокъ за кускомъ и хлебала молоко. Сѣренькая бѣглянка, почти въ глазахъ ея, растолстѣла и ѣла уже не такъ жадно; Пульхерія Ивановна протянула руку, чтобы погладить ее, но неблагодарная выпрыгнула въ окошко, и никто изъ дворовыхъ не могъ поймать ее.

Задумалась старушка. «Это смерть моя приходила за мною», сказала она сама себѣ, и ничто не могло ее разсѣять. Весь день она была скучна. Напрасно Аѳанасій Ивановичъ шутилъ и хотѣлъ узнать, отчего она такъ вдругъ загрустила; Пульхерія Ивановна была безотвѣтна, или отвѣчала совершенно не такъ, чтобы можно было удовлетворить Аѳанасія Ивановича. На другой день она замѣтно похудѣла.

— Что это съ вами, Пульхерія Ивановна? Ужъ не больны ли вы?

— Нѣтъ, я не больна, Аѳанасій Ивановичъ! я хочу вамъ объявить одно особенное происшествіе. Я знаю, что я этимъ лѣтомъ умру; смерть моя уже приходила за мною!

Уста Аѳанасія Ивановича какъ-то болѣзненно искривились; онъ хотѣлъ, однакожъ, побѣдить въ душѣ своей грустное чувство и, улыбнувшись, сказалъ:—Богъ знаетъ, что вы говорите, Пульхерія Ивановна! вы, вѣрно, вмѣсто декохта, что часто пьете, выпили персиковой.

— Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ, я не пила персиковой, сказала Пульхерія Ивановна.

Digitized by Google

И Аѳанасію Ивановичу сдѣлалось жалко, что онъ такъ пошутилъ надъ Пульхеріей Ивановной, и онъ смотрѣлъ на нее, и слеза повисла на его рѣсницѣ.

— Я прошу васъ, Аѳанасій Ивановичъ, чтобы вы исполнили мою волю, сказала Пульхерія Ивановна.—Когда я умру, то похороните меня возлѣ церковной ограды. Платье надѣньте на меня сѣренькое, то, что съ небольшими цвѣточками по коричневому полю. Атласнаго платья, что съ малиновыми полосками, не надѣвайте на меня: мертвой уже не нужно платье, — на что оно ей? а вамъ оно пригодится: изъ него сошьете себѣ парадный халатъ, на случай когда пріѣдутъ гости, то чтобы можно было вамъ прилично показаться и принять ихъ.

— Богъ знаетъ, что вы говорите, Пульхерія Ивановна! говорилъ Аѳанасій Ивановичъ:—когда-то еще будетъ смерть, а вы уже стращаете такими словами.

— Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ, я уже знаю, когда моя смерть. Вы, однакожъ, не горюйте за мною: я уже старуха и довольно пожила, да и вы уже стары; мы скоро увидимся на томъ свѣтѣ.

Но Аѳанасій Ивановичъ рыдалъ, какъ ребенокъ.

— Грѣхъ плакать, Аѳанасій Ивановичъ. Не грѣшите и Бога не гнѣвите своею печалью. Я не жалѣю о томъ, что умираю; объ одномъ только жалѣю я (тяжелый вздохъ прервалъ на минуту рѣчь ея): я жалѣю о томъ, что не знаю, на кого оставить васъ, кто присмотритъ за вами, когда я умру. Вы—какъ дитя маленькое: нужно, чтобы любилъ васъ тотъ, кто будетъ ухаживать за вами. При этомъ на лицѣ ея выразилась такая глубокая, такая сердечная жалость, что я не знаю, могъ ли бы кто-нибудь въ то время глядѣть на нее равнодушно.

Слѣдуетъ наказъ барыни Явдохѣ, чтобы она берегла барина, когда ее не будетъ, грозя, что, въ противномъ случаѣ, Явдохѣ не будетъ счастія на свѣтѣ, и сама Пульхерія Ивановна попроситъ Бога, чтобы Онъ не далъ Явдохѣ благополучной кончины. Несчастія, по увѣренію Пульхеріи Ивановны, падутъ не только на самоё Явдоху, но и на дѣтей ея, и весь родъ ея не будетъ имѣть ни въ чемъ благословенія Божія.

Бѣдная старушка! она въ то время не думала ни о той великой минутѣ, которая ее ожидаетъ, ни о душѣ своей, ни о будущей своей жизни: она думала только о бѣдномъ своемъ спут-

Digitized by Google

никѣ, съ которымъ провела жизнь и котораго оставляла сирымъ и безпріютнымъ. Она съ необыкновенною расторопностію распорядила все такимъ образомъ, чтобы послѣ нея Аѳанасій Ивановичъ не замѣтилъ ея отсутствія. Увѣренность ея въ близкой своей кончинѣ такъ была сильна и состояніе души ея такъ было къ этому настроено, что дѣйствительно чрезъ нѣсколько дней она слегла въ постелю и не могла уже принимать никакой пищи. Аѳанасій Ивановичъ весь превратился во внимательность и не отходилъ отъ ея постели. «Можетъ-быть, вы чего-нибудь бы покушали, Пульхерія Ивановна?» говорилъ онъ, съ безпокойствомъ смотря въ глаза ей. Но Пульхерія Ивановна ничего не говорила. Наконецъ, послѣ долгаго молчанія, какъ будто хотѣла она что-то сказать, пошевелила губами—и дыханіе ея улетѣло.

Далѣе разсказывается про похороны и поминки.

...Наконецъ гробъ поставили надъ ямой; ему велѣли подойти и поцѣловать въ послѣдній разъ покойницу. Онъ подошелъ, поцѣловалъ, на глазахъ его показались слезы, но какія-то безчувственныя слезы. Гробъ опустили; священникъ взялъ заступъ и первый бросилъ горсть земли; густой протяжный хоръ дьячка и двухъ пономарей пропѣлъ вѣчную память подъ чистымъ безоблачнымъ небомъ; работники принялись за заступы, и земля уже покрыла и сравняла яму. Въ это время онъ пробрался впередъ; всѣ разступились, дали ему мѣсто, желая знать его намѣреніе. Онъ поднялъ глаза свои, посмотрѣлъ смутно и сказалъ:—Такъ вотъ это вы уже и погребли ее! зачѣмъ?.. Онъ остановился и не докончилъ своей рѣчи.

Но когда возвратился онъ домой, когда увидѣлъ, что пусто въ его комнатѣ, что даже стулъ, на которомъ сидѣла Пульхерія Ивановна, былъ вынесенъ, онъ рыдалъ, рыдалъ сильно, рыдалъ неутѣшно, и слезы, какъ рѣка, лились изъ его тусклыхъ очей.

Пять лѣтъ прошло съ того времени. Какого горя не уноситъ время! какая страсть уцѣлѣетъ въ неровной битвѣ съ нимъ!

Аѳанасій Ивановичъ въ это время согнулся уже вдвое противъ прежняго. Онъ узналъ меня и привѣтствовалъ съ тою же знакомою мнѣ улыбкою. Я вошелъ за нимъ въ комнату. Казалось, все было въ нихъ по прежнему; но я замѣтилъ во всемъ какой-то страшный безпорядокъ, какое-то ощутительное отсут-

Digitized by Google

ствіе чего-то; словомъ, я ощутилъ въ себѣ тѣ странныя чувства, которыя овладѣваютъ нами, когда мы вступаемъ въ первый разъ въ жилище вдовца, котораго прежде знали нераздѣльнымъ съ подругою, сопровождавшею его всю жизнь. Чувства эти бываютъ похожи на то, когда видимъ передъ собою безъ ноги человѣка, котораго всегда знали здоровымъ. Во всемъ видно было отсутствіе заботливой Пульхеріи Ивановны; за столомъ подали одинъ ножъ безъ черенка; блюда уже не были приготовлены съ такимъ искусствомъ; о хозяйствѣ я не хотѣлъ и спросить, боялся даже и взглянуть на хозяйственныя заведенія.

Когда мы сѣли за столъ, дѣвка завязала Аѳанасія Ивановича салфеткою, и очень хорошо сдѣлала, потому что безъ того онъ бы весь халатъ свой закапалъ соусомъ. Я старался его чѣмъ-нибудь занять и разсказывалъ ему разныя новости. Онъ слушалъ съ тою же улыбкою, но по временамъ взглядъ его былъ совершенно безчувственъ, и мысли въ немъ не бродили, но исчезали. Часто поднималъ онъ ложку съ кашею и, вмѣсто того, чтобы подносить ко рту, подносилъ къ носу; вилку свою, вмѣсто того, чтобы воткнуть въ кусокъ цыпленка, онъ тыкалъ въ графинъ, и тогда дѣвка, взявши за руку, наводила на цыпленка. Мы иногда ожидали по нѣскольку минутъ слѣдующаго блюда. Аѳанасій Ивановичъ уже самъ замѣчалъ это и говорилъ: «Что это такъ долго не несутъ кушанья»? Но я видѣлъ сквозь щель въ дверяхъ, что мальчикъ, разносившій намъ блюда, вовсе не думалъ о томъ и спалъ, свѣсивши голову на скамью.

— Вотъ это тò кушанье, — сказалъ Аѳанасій Ивановичъ, когда подали намъ *мнишки* со сметаною,—это тò кушанье, продолжалъ онъ, и я замѣтилъ, что голосъ его началъ дрожать и слеза готовилась выглянуть изъ его свинцовыхъ глазъ, но онъ собиралъ всѣ усилія, желая удержать ее, — это тò кушанье, которое по... по... покой... покойни... и вдругъ брызнулъ слезами; рука его упала на тарелку, опрокинулась, полетѣла и разбилась; соусъ залилъ его всего. Онъ сидѣлъ безчувственно, безчувственно держалъ ложку, и слезы, какъ ручей, какъ немолчно текущій фонтанъ, лились,—лились ливмя на застилавшую его салфетку.

«Боже!» думалъ я, глядя на него, «пять лѣтъ всеистребляю-

Digitized by Google

щаго времени...» старикъ, уже безчувственный старикъ, котораго жизнь, казалось, ни разу не возмущало ни одно сильное ощущеніе души, котораго вся жизнь, казалось, состояла только изъ сидѣнія на высокомъ стулѣ, изъ яденія сушеныхъ рыбокъ и грушъ, изъ добродушныхъ разсказовъ—и такая долгая, такая жаркая печаль! Что же сильнѣе надъ нами: страсть или привычка? Или всѣ сильные порывы, весь вихорь нашихъ желаній и кипящихъ страстей есть только слѣдствіе нашего яркаго возраста, и только потому одному кажутся глубоки и сокрушительны? Что бы ни было, но въ это время мнѣ казались дѣтскими всѣ наши страсти противъ этой долгой, медленной, почти безчувственной привычки. Нѣсколько разъ силился онъ выговорить имя покойницы, но на половинѣ слова спокойное и обыкновенное лицо его судорожно исковеркивалось, и плачъ дитяти поражалъ меня въ самое сердце. Нѣтъ, это не тѣ слезы, на которыя обыкновенно такъ щедры старички, представляющіе вамъ жалкое свое положеніе и несчастіе; это были также не тѣ слезы, которыя они роняютъ за стаканомъ пуншу: нѣтъ, это были слезы, которыя текли не спрашиваясь, сами собою, накопляясь отъ ѣдкости боли уже охладѣвшаго сердца.

Онъ недолго послѣ того жилъ. Я недавно услышалъ о его смерти. Странно, однакожъ, то, что обстоятельства кончины его имѣли какое-то сходство съ кончиною Пульхеріи Ивановны. Въ одинъ день Аѳанасій Ивановичъ рѣшился немного пройтись по саду. Когда онъ медленно шелъ по дорожкѣ, съ обыкновенною своею безпечностію, вовсе не имѣя никакой мысли, съ нимъ случилось странное происшествіе. Онъ вдругъ услышалъ, что позади его произнесъ кто-то довольно явственнымъ голосомъ: «Аѳанасій Ивановичъ!» Онъ оборотился, но никого совершенно не было; посмотрѣлъ во всѣ стороны, заглянулъ въ кусты—нигдѣ никого. День былъ тихъ, и солнце сіяло. Онъ на минуту задумался; лицо его какъ-то оживилось, и онъ наконецъ произнесъ:—Это Пульхерія Ивановна зоветъ меня!

Онъ весь покорился своему душевному убѣжденію, что Пульхерія Ивановна зоветъ его; онъ покорился съ волею послушнаго ребенка, сохнулъ, кашлялъ, таялъ, какъ свѣчка, и наконецъ угасъ такъ, какъ она, когда уже ничего не осталось, что̀ бы могло поддержать бѣдное ея пламя. «Положите меня возлѣ Пуль-

Digitized by Google

херіи Ивановны»—вотъ все, что произнесъ онъ передъ своею кончиною.

Желаніе его исполнили и похоронили возлѣ церкви, близъ могилы Пульхеріи Ивановны.

Имѣніе старосвѣтскихъ помѣщиковъ досталось ихъ дальнему родственнику изъ военныхъ; но скоро взято было въ опеку. Крестьянскія избы развалились, мужики распьянствовались, и большинство изъ нихъ числилось въ бѣгахъ.

Украинская ночь.

Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь въ нее: съ середины неба глядитъ мѣсяцъ; необъятный небесный сводъ раздался, раздвинулся еще необъятнѣе; горитъ и дышитъ онъ; земля вся въ серебряномъ свѣтѣ; чудный воздухъ и прохладно-душенъ, и полонъ нѣги, и движетъ океанъ благоуханій. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Неподвижно, вдохновенно стали лѣса, полные мрака, и кинули огромную тѣнь отъ себя. Тихи и покойны эти пруды; холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темно-зеленыя стѣны садовъ. Весь ландшафтъ спитъ. А вверху все дышитъ, все дивно, все торжественно. А на душѣ и необъятно, и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно возникаютъ въ ея глубинѣ. Божественная ночь! Очаровательная ночь! И вдругъ все ожило: и лѣса и пруды и степи. Сыплется величественный громъ украинскаго соловья, и чудится, что мѣсяцъ заслушался его посреди неба... Какъ очарованное, дремлетъ на возвышеніи село. Еще болѣе, еще лучше блестятъ при мѣсяцѣ толпы хатъ; еще ослѣпительнѣе вырѣзываются изъ мрака низкія ихъ стѣны. Пѣсни умолкли. Все тихо. Благочестивые люди уже спятъ. Гдѣ-гдѣ только свѣтятся узенькія окна. Передъ порогами иныхъ только хатъ запоздалая семья совершаетъ свой поздній ужинъ.

Днѣпръ.

Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои. Ни зашелохнетъ,

Digitized by Google

ни прогремитъ; глядишь и не знаешь, идетъ или нейдетъ его величавая ширина, и чудится, будто весь вылитъ онъ изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и вьется по зеленому міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стеклянныхъ водъ, и прибрежнымъ лѣсамъ ярко отразиться въ водахъ. Зеленокудрые! они толпятся вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами къ водамъ и, наклонившись, глядятъ въ нихъ и не наглядятся, и не налюбуются свѣтлымъ своимъ зракомъ, и усмѣхаются ему, и привѣтствуютъ его, кивая вѣтвями; въ середину же Днѣпра они не смѣютъ глянуть: никто, кромѣ солнца и голубаго неба, не глядитъ въ него; рѣдкая птица долетитъ до середины Днѣпра. Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мірѣ.

Чуденъ Днѣпръ и при теплой лѣтней ночи, когда все засыпаетъ—и человѣкъ, и звѣрь, и птица, а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю, и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды; звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ міромъ и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ. Всѣхъ ихъ держитъ Днѣпръ въ темномъ лонѣ своемъ; ни одна не убѣжитъ отъ него—развѣ погаснетъ на небѣ; черный лѣсъ, унизанный спящими воронами, и древле разломанныя горы, свѣсясь, силятся закрыть его длинною тѣнью своею—напрасно! нѣтъ ничего въ мірѣ, что̀ бы могло прикрыть Днѣпръ. Синій, синій ходитъ онъ плавнымъ разливомъ, и середь ночи, какъ середь дня, виденъ за столько въ даль, за сколько видѣть можетъ человѣчье око. Нѣжась и прижимаясь къ берегамъ отъ ночнаго холода, даетъ онъ по себѣ серебряную струю, и она вспыхиваетъ, будто полоса дамасской сабли, а онъ, синій, снова заснулъ. Чуденъ и тогда Днѣпръ, и нѣтъ рѣки равной ему въ мірѣ!

Когда же пойдутъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещатъ, и молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣщаетъ цѣлый міръ,—страшенъ тогда Днѣпръ! Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ плескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали. Такъ убивается старая мать казака, выпроваживая своего сына въ войско: разгульный и бодрый, ѣдетъ онъ на ворономъ конѣ, подбоченившись и молодецки заломивъ шапку; а она, рыдая, бѣжитъ

Digitized by Google

за нимъ, хватаетъ его за стремя, ловитъ удила и ломаетъ надъ нимъ руки, и заливается горючими слезами.

Тарасъ Бульба.

I.

— А поворотись-ка сынъ! Экой ты смѣшной какой! Что это на васъ за поповскіе подрясники? И этакъ всѣ ходятъ въ академіи?

Такими словами встрѣтилъ старый Бульба двухъ сыновей своихъ, учившихся въ кіевской бурсѣ и пріѣхавшихъ домой къ отцу.

Сыновья его только-что слѣзли съ коней. Это были два дюжіе молодца, еще смотрѣвшіе изподлобья, какъ недавно выпущенные семинаристы. Крѣпкія, здоровыя ихъ лица были покрыты первымъ пухомъ волосъ, котораго еще не касалась бритва. Они были очень смущены такимъ пріемомъ отца и стояли неподвижно, потупивъ глаза въ землю.

— Стойте, стойте! дайте мнѣ разглядѣть васъ хорошенько, продолжалъ онъ. поворачивая ихъ:—какія же длинныя у васъ свитки! экія свитки! такихъ свитокъ еще и на свѣтѣ не было. А побѣги который-нибудь изъ васъ! я посмотрю, не шлепнется ли онъ на землю, запутавшись въ полы.

— На смѣйся, не смѣйся, батько! сказалъ наконецъ старшій изъ нихъ.

— Смотри ты, какой пышной? а отчего-жъ бы не посмѣяться?

— Да такъ; хоть ты мнѣ и батько, а какъ будешь смѣяться, то, ей Богу, поколочу.

— Ахъ, ты сякой-такой сынъ! какъ! батька? сказалъ Тарасъ Бульба, отступивши съ удивленіемъ нѣсколько шаговъ назадъ.

— Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

— Какъ же хочешь ты со мною биться? развѣ на кулаки?

— Да ужъ на чемъ бы то ни было.

Digitized by Google

— Ну, давай на кулаки! говорилъ Тарасъ Бульба, засучивъ рукава:—посмотрю я, что за человѣкъ ты на кулакѣ!

И отецъ съ сыномъ, вмѣсто привѣтствія послѣ давней отлучки, начали насаживать другъ другу тумаки и въ бока, и въ поясницу, и въ грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступая.

— Смотрите, добрые люди: одурѣлъ старый! совсѣмъ спятилъ съ ума! говорила блѣдная, худощавая и добрая мать ихъ, стоявшая у порога и не успѣвшая еще обнять ненаглядныхъ дѣтей своихъ.—Дѣти пріѣхали домой, больше года ихъ не видѣли, а онъ задумалъ ни-вѣсть что: на кулаки биться!

— Да онъ славно бьется! говорилъ Бульба, останавливаясь: ей Богу, хорошо! продолжалъ онъ, немного оправляясь: такъ, хоть бы даже и не пробовать. Добрый будетъ казакъ! Ну, здорово, сынку! почеломкается! И отецъ съ сыномъ стали цѣловаться.—Добре, сынку! Вотъ такъ колоти всякаго, какъ меня тузилъ: никому не спускай! А все-таки на тебѣ смѣшное убранство: что это за веревка виситъ? А ты, бейбайсъ, что стоишь и руки опустилъ? говорилъ онъ, обращаясь къ младшему:—чтожъ-ты, собачій сынъ, не поколотишь меня?

— Вотъ еще что выдумалъ! говорила мать, обнимавшая между тѣмъ младшаго,—и придетъ же ему этакое, чтобы дитя родное было отца! Да будто и до того теперь: дитя молодое, проѣхало столько пути, утомилось... (Это дитя было двадцати слишкомъ лѣтъ и ровно въ сажень ростомъ), ему бы теперь нужно опочить и поѣсть что нибудь, а онъ заставляетъ его биться!

— Э, да ты мазунчикъ, какъ я вижу! говорилъ Бульба.—Не слушай, сынку, матери: она, баба, ничего не знаетъ. Какая вамъ нѣжьба? А видите вотъ эту саблю? вотъ ваша матерь! А вотъ, лучше, я васъ на той же недѣлѣ отправлю въ Запорожье. Вотъ гдѣ наука! Тамъ вамъ школа; тамъ только наберешь разума. Да когда на то пошло, то и я съ вами ѣду! ей Богу, ѣду. Какого дьявола мнѣ здѣсь ждать? что я сталъ гречко сѣемъ, домоводомъ, глядѣть за овцами да за свиньями! Да пропади онѣ: я—казакъ, не хочу! Такъ что же, что нѣтъ войны? я такъ поѣду съ вами на Запорожье—погулять; ей Богу, поѣду! И старый Бульба мало-по-малу горячился, горячился, наконецъ

Digitized by Google

разсердился совсѣмъ, всталъ изъ-за стола и, пріосанившись, топнулъ ногою. — Завтра ѣдемъ! зачѣмъ откладывать? какого врага мы можемъ здѣсь высидѣть? на что намъ эта хата? къ чему намъ все это? на что эти горшки? Сказавши это, онъ началъ колотить и швырять горшки и фляжки.

Бѣдная старушка, привыкшая уже къ такимъ поступкамъ своего мужа, печально глядѣла, сидя на лавкѣ. Она не смѣла ничего говорить; но услыша о такомъ страшномъ для нея рѣшеніи, она не могла удержаться отъ слезъ; вглянула на дѣтей своихъ, съ которыми угрожала ей такая скорая разлука,—и никто бы не могъ описать всей безмолвной силы ея горести, которая, казалось, трепетала въ глазахъ ея и въ судорожно сжатыхъ губахъ.

Бульба былъ упрямъ страшно. Это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые могли возникнуть только въ тяжелый XV вѣкъ на полукочующемъ углу Европы, когда вся южная первобытная Россія, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена до тла неукротимыми набѣгами монгольскихъ хищниковъ; когда, лишившись дома и кровли, сталъ здѣсь отваженъ человѣкъ; когда на пожарищахъ, въ виду грозныхъ сосѣдей и вѣчной опасности, селился онъ и привыкалъ глядѣть имъ прямо въ очи, разучившись знать, существуетъ ли какая боязнь на свѣтѣ; когда бранным пламенемъ объялся древле мирный славянскій духъ и завелось казачество—широкая разгульная замашка русской природы, и когда всѣ порѣчья, перевозы, прибрежныя, пологія и удобныя мѣста усѣялись казаками, которымъ и счету никто не вѣдалъ, и смѣлые товарищи ихъ были въ-правѣ отвѣчать султану, пожелавшему знать о числѣ ихъ: — Кто ихъ знаетъ? у насъ ихъ раскидано по всему степу: что байракъ, то казакъ—(гдѣ маленькій пригорочекъ, тамъ ужъ и казакъ). Это было точно необыкновенное явленіе русской силы: его вышибло изъ народной груди огниво бѣдъ. Вмѣсто прежнихъ удѣловъ, мелкихъ городковъ, наполненныхъ псарями и ловчими, вмѣсто враждующихъ и торгующихъ городами мелкихъ князей, возникли грозныя селенія, курени и околицы, связанные общею опасностью и ненавистью противъ нехристіанскихъ хищниковъ. Уже извѣстно всѣмъ изъ исторіи, какъ ихъ вѣчная борьба и безпокойная жизнь спасли Европу отъ

Digitized by Google

неукротимыхъ набѣговъ, грозившихъ ее опрокинуть. Короли польскіе, очутившіеся, намѣсто удѣльныхъ князей, властителями этихъ пространныхъ земель, хотя отдаленными и слабыми, поняли значеніе казаковъ и выгоды такой бранной, строптивой жизни. Они поощряли ихъ и льстили этому расположенію. Подъ ихъ отдаленною властью гетманы, избранные изъ среды самихъ же казаковъ, преобразовали околицы и курени въ полки и правильные округи. Это не было строевое собранное войско; его бы никто не увидалъ, но, въ случаѣ войны и общаго движенья, въ восемь дней, не больше, всякій являлся на конѣ, во всемъ своемъ вооруженіи, получа одинъ только червонецъ платы отъ короля, и въ двѣ недѣли набиралось такое войско, какого бы не въ силахъ были набрать никакіе рекрутскіе наборы. Кончился походъ—воинъ уходилъ въ луга и пашни, на днѣпровскіе перевозы, ловилъ рыбу, торговалъ, варилъ пиво и былъ вольный казакъ. Современные иноземцы справедливо дивились тогда необыкновеннымъ способностямъ его. Не было ремесла, котораго бы не зналъ казакъ: накурить вина, снарядить телѣгу, намолоть пороху, справить кузнецкую, слесарную работу и, въ прибавку къ тому, гулять напропалую, пить и бражничать, какъ только можетъ одинъ русскій,—все это было ему по плечу. Кромѣ рейстровыхъ казаковъ, считавшихъ обязанностью являться во время войны, можно было во всякое время, въ случаѣ большой потребности, набрать цѣлыя толпы охочекомонныхъ: стоило только есауламъ пройти по рынкамъ и площадямъ всѣхъ селъ и мѣстечекъ и прокричать во весь голосъ, ставши на телѣгу: «Эй, вы, пивники, броварники! полно вамъ пиво варить, да валяться по запечьямъ, да кормить своимъ жирнымъ тѣломъ мухъ! Ступайте славы рыцарской и чести добиваться! Вы, плугари, гречкосѣи, овцеводы, баболюбы, полно вамъ за плугомъ ходить, да пачкать въ землѣ свои желтые чоботы, да подбираться къ жинкамъ и губить силу рыцарскую: пора доставать казацкой славы»! И слова эти были—какъ искры, падающія на сухое дерево. Пахарь ломалъ свой плугъ, бровары и пивовары кидали свои кадки и разбивали бочки, ремесленникъ и торгашъ посылалъ къ чорту и ремесло и лавку, билъ горшки въ домѣ, и все, что ни было, садилось на коня. Словомъ, русскій харак-

Digitized by Google

теръ получилъ здѣсь могучій, широкій размахъ, крѣпкую наружность.

Тарасъ былъ одинъ изъ числа коренныхъ, старыхъ полковниковъ: весь былъ онъ созданъ для бранной тревоги и отличался грубой прямотой своего нрава. Тогда вліяніе Польши начинало уже оказываться на русскомъ дворянствѣ. Многіе перенимали уже польскіе обычаи, заводили роскошь, великолѣпныя прислуги, соколовъ, ловчихъ, обѣды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Онъ любилъ простую жизнь казаковъ и перессорился съ тѣми изъ своихъ товарищей, которые были наклонны къ варшавской сторонѣ, называя ихъ холопьями польскихъ пановъ. Вѣчно неугомонный, онъ считалъ себя законнымъ защитникомъ православія. Самоуправно входилъ въ села, гдѣ только жаловались на притѣсненія арендаторовъ и на прибавку новыхъ пошлинъ съ дыма. Самъ съ своими казаками производилъ надъ ними расправу и положилъ себѣ правиломъ, что въ трехъ случаяхъ всегда слѣдуетъ взяться за саблю, именно: когда коммиссары не уважали въ чемъ старшинъ и стояли передъ ними въ шапкахъ; когда глумились надъ православіемъ и не чтили обычая предковъ, и, наконецъ, когда враги были бусурманы и турки, противъ которыхъ онъ считалъ, во всякомъ случаѣ, позволительнымъ поднять оружіе во славу христіанства.

Теперь онъ тѣшилъ себя заранѣе мыслію, какъ онъ явится съ двумя сыновьями своими въ Сѣчь и скажетъ: «Вотъ, посмотрите, какихъ я молодцовъ привелъ къ вамъ!» какъ представитъ ихъ всѣмъ старымъ, закаленнымъ въ битвахъ, товарищамъ; какъ поглядитъ на первые подвиги ихъ въ ратной наукѣ и бражничествѣ, которое почиталось тоже однимъ изъ главныхъ достоинствъ рыцаря. Онъ сначала хотѣлъ было отправить ихъ однихъ; но, при видѣ ихъ свѣжести, рослости, могучей тѣлесной красоты, вспыхнулъ воинскій духъ его, и онъ на другой же день рѣшился ѣхать съ ними самъ, хотя необходимостью этого была одна упрямая воля.

...Ну, дѣти, теперь надобно спать, а завтра будемъ дѣлать, то, что Богъ дастъ. Да не стели намъ постель! намъ не нужна постель; мы будемъ спать на дворѣ.

Ночь еще только-что обняла небо; но Бульба всегда ложился рано. Онъ развалился на коврѣ, накрылся бараньимъ тулупомъ,

Digitized by Google

потому что ночной воздухъ былъ довольно свѣжъ и потому, что Бульба любилъ укрыться потеплѣе, когда былъ дома. Онъ вскорѣ захрапѣлъ, и за нимъ послѣдовалъ весь дворъ; все, что ни лежало въ разныхъ его углахъ, захрапѣло и запѣло. Прежде всего заснулъ сторожъ, потому что болѣе всѣхъ напился для пріѣзда паничей.

Одна бѣдная мать не спала. Она приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ; она расчесывала гребнемъ ихъ молодыя, небрежно всклокоченныя кудри и смачивала ихъ слезами; она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться. Она вскормила ихъ собственною грудью; она возрастила, взлелѣяла ихъ—и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ собою! «Сыны мои, сыны мои милые! что будетъ съ вами? что ждетъ васъ»? говорила она, и слезы остановились въ морщинахъ, измѣнившихъ прекрасное, когда-то, лице ея. Въ самомъ дѣлѣ, она была жалка, какъ всякая женщина того удалаго вѣка. Она мигъ только жила любовью, только въ первую горячку страсти, въ первую горячку юности, и уже суровый прельститель ея покидалъ ее для сабли, для товарищества, для бражничества. Она видѣла мужа въ годъ два-три дня, и потомъ нѣсколько лѣтъ о немъ не было слуха. Да и когда видѣлась съ нимъ, когда они жили вмѣстѣ, что за жизнь ея была? Она терпѣла оскорбленія, даже побои; она видѣла ласки, оказываемыя только изъ милости; она была какое-то странное существо въ этомъ сборищѣ безженныхъ рыцарей, на которыхъ разгульное Запорожье набрасывало суровый колоритъ свой. Молодость безъ наслажденія мелькнула передъ нею, и ея прекрасныя свѣжія щеки и перси безъ лобзаній отцвѣли и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, всѣ чувства, все, что есть нѣжнаго и страстнаго въ женщинѣ, все обратилось у нея въ одно материнское чувство. Она съ жаромъ, съ страстью, со слезами, какъ степная чайка, вилась надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нея, берутъ для того, чтобы не увидѣть ихъ никогда! Кто знаетъ? можетъ быть, при первой битвѣ, татаринъ срубитъ имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенныя тѣла ихъ, которыя расклюетъ хищная подорожная птица, а за каждую каплю крови ихъ она от-

Digitized by Google

дала бы себя всю. Рыдая, глядѣла она имъ въ очи, когда всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать ихъ, и думала: «Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочитъ денька на два отъѣздъ; можетъ быть, онъ задумалъ оттого такъ скоро ѣхать, что много выпилъ».

Мѣсяцъ съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколъ, окружавшій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ, ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ и не думала о снѣ. Уже кони, чуя разсвѣтъ, всѣ полегли на траву и перестали ѣсть; верхніе листья вербъ начали лепетать, и, мало-по-малу, лепечущая струя спустилась по нимъ до самаго низа. Она просидѣла до свѣта, вовсе не утомилась и внутренно желала, чтобы ночь протянулась какъ можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржаніе жеребенка; красныя полосы ярко сверкнули на небѣ.

Бульба вдругъ проснулся и вскочилъ. Онъ очень хорошо помнилъ все, что приказывалъ вчера.—Ну, хлопцы, полно спать! пора, пора! Напойте коней! А гдѣ стара? (такъ онъ обыкновенно называлъ жену свою). Живѣе, стара, готовь намъ ѣсть: путь лежитъ великій!

Бѣдная старушка, лишенная послѣдней надежды, уныло поплелась въ хату.

Между тѣмъ, какъ она со слезами готовила все, что нужно къ завтраку, Бульба раздавалъ свои приказанія, возился на конюшнѣ и самъ выбиралъ для дѣтей своихъ лучшія убранства.

Бурсаки вдругъ преобразились: на нихъ явились, вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапоговъ, сафьянные красные, съ серебряными подковами; шаровары, шириною въ Черное море, съ тысячью складокъ и со сборами, и перетянулись золотымъ очкуромъ; къ очкуру прицѣплены были длинные ремешки, съ кистями и прочими побрякушками для трубки. Казакинъ алаго цвѣта, сукна яркаго, какъ огонь, опоясался узорчатымъ поясомъ; чеканные турецкіе пистолеты были засунуты запоясъ; сабля брякала по ногамъ. Ихъ лица, еще мало загорѣвшія, казалось, похорошѣли и побѣлѣли; молодые, черные усы теперь какъ-то ярче оттѣняли бѣлизну ихъ и здоровый, мощный цвѣтъ юности; они

Digitized by Google

были хороши подъ черными бараньими шапками, съ золотымъ верхомъ.

Бѣдная мать, какъ увидѣла ихъ, и слова не могла промолвить, и слезы остановились въ глазахъ ея.

— Ну, сыны, все готово! нечего мѣшкать, произнесъ наконецъ Бульба.—Теперь, по обычаю христіанскому, нужно передъ дорогою всѣмъ присѣсть.

Всѣ сѣли, не выключая даже и хлопцевъ, стоявшихъ почтительно у дверей.

— Теперь благослови, мать, дѣтей своихъ!—сказалъ Бульба:— моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь лыцарскую, чтобы стояли всегда за вѣру Христову, а не то—пусть лучше пропадутъ, чтобы и духу ихъ не было на свѣтѣ! Подойдите, дѣти, къ матери: молитва материнская и на водѣ, и на землѣ спасаетъ!

Мать, слабая, какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы, надѣла имъ, рыдая, на шею. — Пусть хранитъ васъ... Божья матерь... не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть вѣсточку о себѣ... далѣе она не могла говорить.

— Ну, пойдемъ, дѣти! сказалъ Бульба.

У крыльца стояли осѣдланные кони. Бульба вскочилъ на своего Чорта, который бѣшено отшатнулся, почувствовавъ на себѣ двадцати-пудовое бремя, потому что Тарасъ былъ чрезвычайно тяжелъ и толстъ.

Когда увидѣла мать, что уже и сыны ея сѣли на коней, она кинулась къ меньшому, у котораго въ чертахъ лица выражалось болѣе какой-то нѣжности; она схватила его за стремя, она прилипла къ сѣдлу его и, съ отчаяньемъ въ глазахъ, не выпускала его изъ рукъ своихъ. Два дюжихъ казака взяли ее бережно и унесли въ хату. Но когда выѣхали они за ворота, со всею легкостію дикой козы, несообразно лѣтамъ, выбѣжала она за ворота, съ непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного изъ сыновей съ какою-то помѣшанною, безчувственною горячностію. Ее опять увели.

Молодые казаки ѣхали смутно и удерживали слезы, боясь отца, который, съ своей стороны, былъ нѣсколько смущенъ, хотя старался этого не показывать. День былъ сѣрый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали какъ-то въ разладъ. Они, про-

Digitized by Google

ѣхавши, оглянулись назадъ. Хуторъ ихъ какъ будто ушелъ въ землю, только видны были надъ землей двѣ трубы скромнаго ихъ домика, да вершины деревъ, по сучьямъ которыхъ они лазили, какъ бѣлки; еще стлался передъ ними тотъ лугъ, по которому они могли припомнить всю исторію своей жизни, отъ лѣтъ, когда валялись по росистой травѣ его... Вотъ уже одинъ только шестъ надъ колодцемъ, съ привязаннымъ вверху колесомъ отъ телѣги, одиноко торчитъ въ небѣ; уже равнина, которую они проѣхали, кажется издали горою и все собою закрыла... Прощайте и дѣтство, и игры, и все, и все!

II. Во второй главѣ Гоголь знакомитъ читателя съ Остапомъ и Андреемъ— сыновьями Бульбы. Оказывается, что Остапъ съ первыхъ же дней поступленія въ Кіевскую Академію обнаружилъ рѣшительное нерасположеніе къ наукѣ, такъ что отецъ какъ бы силою принудилъ его учиться, но зато Остапъ считался всегда однимъ изъ лучшихъ товарищей. Онъ былъ суровъ къ другимъ побужденіямъ, кромѣ войны и разгульной пирушки. Онъ былъ прямодушенъ и добръ съ равными. Онъ *душевно былъ тронутъ слезами бѣдной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.*

Меньшой братъ его, Андрій, *имѣлъ чувства нѣсколько живѣе и какъ-то болѣе развитыя.* Онъ учился охотнѣе и безъ напряженія. Онъ также кипѣлъ жаждою подвига, но, вмѣстѣ съ нею, душа его была доступна и другимъ чувствамъ. Онъ былъ очень хорошъ собою.

...Степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе. Тогда весь югъ, все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новороссію, до самаго Чернаго моря, было зеленою, дѣвственною пустынею. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растеній; одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ, какъ въ лѣсу, вытаптывали ихъ. Ничего въ природѣ не могло быть лучше: вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубыя-синія и лиловыя волошки, желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтико-образными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный, Богъ знаетъ откуда, колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ наполненъ тысячью разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигав-

Digitized by Google

шейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался, Богъ вѣсть, въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ черною точкою! Вонъ она перевернулась крылами и блеснула передъ солнцемъ!.. Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!..

Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнялась. Все пестрое пространство ея охватывалось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло, такъ что видно было, какъ тѣнь перебѣгала по немъ, и она становилась темно-зеленою; испаренія подымались гуще; каждый цвѣтокъ, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовоніемъ. По небу изголуба-темному, какъ будто исполинскою кистью, наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота; изрѣдка бѣлѣли клоками легкія и прозрачныя облака, и самый свѣжій, обольстительный, какъ морскія волны, вѣтерокъ едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрогивался до щекъ. Вся музыка, звучавшая днемъ, утихала и смѣнялась другою. Пестрые суслики выпалзывали изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трещаніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого-нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя и, какъ серебро, отдавался въ воздухѣ. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлегъ, раскладывали огонь и ставили на него котелъ, въ которомъ варили себѣ кулишъ; паръ отдѣлялся и косвенно дымился на воздухѣ. Поужинавъ, казаки ложились спать, пустивши по травѣ спутанныхъ коней своихъ. Они раскидывались на свиткахъ, На нихъ прямо глядѣли ночныя звѣзды. Они слышали своимъ ухомъ весь безчисленный міръ насѣкомыхъ, наполнявшихъ траву: весь ихъ трескъ, свистъ, стрекотанье, все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось въ свѣжемъ воздухѣ и убаюкивало дремлющій слухъ. Если же кто-нибудь изъ нихъ подымался и вставалъ на время, то ему представлялась степь усѣянною блестящими искрами свѣтящихся червей. Иногда ночное небо въ разныхъ мѣстахъ освѣщалось дальнимъ заревомъ отъ выжигаемаго по лугамъ и рѣкамъ сухаго тростника, и темная вереница лебедей, летѣвшихъ на сѣверъ, вдругъ освѣщалась серебряно-розовымъ свѣтомъ, и тогда казалось, что красные платки летали по темному небу.

Digitized by Google

Путешественники ѣхали безъ всякихъ приключеній. Нигдѣ не попадались имъ деревья: все та же безконечная, вольная, прекрасная степь. По временамъ только въ сторонѣ синѣли верхушки отдаленнаго лѣса, тянувшагося по берегамъ Днѣпра. Одинъ только разъ Тарасъ указалъ сыновьямъ на маленькую чернѣвшую въ дальней травѣ точку, сказавши: «Смотрите, дѣтки, вонъ скачетъ татаринъ!» Маленькая головка съ усами уставила издали прямо на нихъ узенькіе глаза свои, понюхала воздухъ, какъ гончая собака, и, какъ серна, пропала, увидѣвши, что казаковъ было тринадцать человѣкъ. «А ну, дѣти, попробуйте догнать татарина! и не пробуйте,—вовѣки не поймаете: у него конь быстрѣе моего Чорта». Однакожъ Бульба взялъ предосторожность, опасаясь гдѣ-нибудь скрывшейся засады. Они прискакали къ небольшой рѣчкѣ, называвшейся Татаркою, впадающей въ Днѣпръ, кинулись въ воду съ конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть свой слѣдъ, и тогда уже, выбравшись на берегъ, они продолжали путь.

Черезъ три дня послѣ этого они были уже не далеко отъ мѣста, бывшаго предметомъ ихъ поѣздки. Въ воздухѣ вдругъ захолодѣло: они почувствовали близость Днѣпра. Вотъ онъ сверкаетъ вдали и темною полосою отдѣлился отъ горизонта. Онъ вѣялъ холодными волнами и разстилался ближе, ближе, и наконецъ обхватилъ половину всей поверхности земли. Это было то мѣсто Днѣпра, гдѣ онъ, дотолѣ спертый порогами, бралъ, наконецъ, свое и шумѣлъ, какъ море, разлившись по волѣ, гдѣ брошенные въ средину его острова вытѣсняли его еще далѣе изъ береговъ, и волны его стлались широко по землѣ, не встрѣчая ни утесовъ, ни возвышеній. Казаки сошли съ коней своихъ, взошли на паромъ и, черезъ три часа плаванія, были уже у береговъ острова Хортицы, гдѣ была тогда Сѣчь, такъ часто перемѣнявшая свое жилище.

Куча народа бранилась на берегу съ перевощиками. Казаки оправили коней. Тарасъ пріосанился, стянулъ на себѣ покрѣпче поясъ и гордо провелъ рукою по усамъ. Молодые сыны его тоже осмотрѣли себя съ ногъ до головы съ какимъ-то страхомъ и неопредѣленнымъ удовольствіемъ, и всѣ вмѣстѣ въѣхали въ предмѣстье, находившееся за полверсты отъ Сѣчи. При въѣздѣ, ихъ оглушили пятьдесятъ кузнецкихъ молотовъ, ударявшихъ въ

Digitized by Google

двадцати-пяти кузницахъ, покрытыхъ дерномъ и вырытыхъ въ землѣ. Сильные кожевники сидѣли подъ навѣсомъ крылецъ на улицѣ и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи; крамари подъ яткамя сидѣли съ кучами кремней, огнивами и порохомъ; армянинъ развѣсилъ дорогіе платки; татаринъ ворочалъ на рожнахъ бараньи катки съ тѣстомъ; жидъ, выставивъ впередъ свою голову, цѣдилъ изъ бочки горилку. Но первый, кто попался имъ на встрѣчу, это былъ запорожецъ, спавшій на самой серединѣ дороги, раскинувъ руки и ноги. Тарасъ Бульба не могъ не остановиться и не полюбоваться на него. «Эхъ, какъ важно развернулся! Фу ты, какая пышная фигура!» говорилъ онъ, остановивши коня. Въ самомъ дѣлѣ, это была картина довольно смѣлая: запорожецъ, какъ левъ, растянулся на дорогѣ; закинутый гордо чубъ его захватывалъ на полъ-аршина земли; шаровары алаго дорогаго сукна были запачканы дегтемъ для показанія полнаго къ нимъ презрѣнія. Полюбовавшись, Бульба пробирался далѣе по тѣсной улицѣ, которая была загромождена мастеровыми, тутъ же отправлявшими ремесло свое, и людьми всѣхъ націй, наполнявшими это предмѣстье Сѣчи, которое было похоже на ярмарку и которое одѣвало и кормило Сѣчь, умѣвшую только гулять да палить изъ ружей.

Наконецъ они миновали предмѣстье и увидѣли нѣсколько разбросанныхъ куреней, покрытыхъ дерномъ, или, по-татарски, войлокомъ. Иные уставлены были пушками. Нигдѣ не видно было забора, или тѣхъ низенькихъ домиковъ съ навѣсами на низенькихъ деревянныхъ, столбикахъ какіе были въ предмѣстьѣ. Небольшой валъ и засѣка, не хранимые рѣшительно никѣмъ, показывали страшную безпечность. Нѣсколько дюжинъ запорожцевъ, лежавшихъ съ трубками въ зубахъ на самой дорогѣ, посмотрѣли на нихъ довольно равнодушно и не сдвинулись съ мѣста. Тарасъ осторожно проѣхалъ съ сыновьями между нихъ, сказавши: «Здравствуйте, панове!»—Здравствуйте и вы!—отвѣчали запорожцы. Вездѣ, по всему полю, живописными кучами пестрѣлъ народъ. По смуглымъ лицамъ было видно, что всѣ были закалены въ битвахъ, испробовали всякихъ невзгодъ. Такъ вотъ она, Сѣчь! Вотъ то гнѣздо, откуда вылетаютъ всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы! вотъ откуда разливается воля и казачество на всю Украйну!

Digitized by Google

Путники выѣхали на обширную площадь, гдѣ обыкновенно собиралась рада. На большой опрокинутой бочкѣ сидѣлъ запорожецъ безъ рубашки; онъ держалъ ее въ рукахъ и медленно зашивалъ на ней дыры. Имъ опять перегородила дорогу цѣлая толпа музыкантовъ, въ серединѣ которыхъ отплясывалъ молодой запорожецъ, заломивши шапку чортомъ и вскинувши руками. Онъ кричалъ только: «Живѣй играйте, музыканты! не жалѣй, Ѳома, горилки православнымъ христіанамъ!» И Ѳома, съ подбитымъ глазомъ, мѣрялъ безъ счету каждому пристававшему по огромнѣйшей кружкѣ. Около молодого запорожца четверо старыхъ выработывали довольно мелко ногами, вскидывались, какъ вихорь, неслися въ присядку и били и круто и крѣпко своими серебряными подковами плотно убитую землю. Земля глухо гудѣла на всю окружность, и въ воздухѣ далече отдавались гопаки и тропаки, выбиваемые звонкими подковами сапоговъ. Но одинъ всѣхъ живѣе вскрикивалъ и летѣлъ вслѣдъ за другими въ танцѣ. Чуприна развѣвалась по вѣтру, вся открыта была сильная грудь; теплый зимній кожухъ былъ надѣтъ въ рукава, и потъ градомъ лилъ съ него, какъ изъ ведра.—«Да сними хоть кожухъ»! сказалъ наконецъ Тарасъ: «видишь, какъ паритъ».—«Не можно», кричалъ запорожецъ.—«Отчего»?—«Не можно; у меня ужъ такой нравъ: что скину, то пропью». А шапки ужъ давно не было на молодцѣ, ни пояса на кафтанѣ, ни шитаго платка: все пошло, куда слѣдуетъ. Толпа росла; къ танцующимъ приставали другіе, и нельзя было видѣть безъ внутренняго движенья, какъ все отдирало танецъ самый вольный, самый бѣшеный, какой только видѣлъ когда-либо свѣтъ, и который, по своимъ мощнымъ изобрѣтателямъ, названъ казачкомъ.

— Эхъ, еслибы не конь! вскрикнулъ Тарасъ:—пустился бы, право, пустился бы самъ въ танецъ!

А между тѣмъ, въ народѣ стали попадаться и уважаемые по заслугамъ всею Сѣчью сѣдые, старые чубы, бывавшіе не разъ старшинами. Тарасъ скоро встрѣтилъ множество знакомыхъ лицъ.

Остапъ и Андрій слышали только привѣтствія:—«А, это ты, Печерица! Здравствуй, Козолупъ!»—«Откуда Богъ несетъ тебя, Тарасъ?»—«Ты какъ сюда зашелъ, Долото? Здорово, Кирдяга! Здорово, Густый! Думалъ ли я видѣть тебя, Ремень!

Digitized by Google

И витязи, собравшіеся со всего разгульнаго міра восточной Россіи, цѣловались взаимно, и тутъ понеслись вопросы: «А что Касьянъ? что Бородавка? что Колоперъ? что Пидсытокъ?» и слышалъ только въ отвѣтъ Тарасъ Бульба, что Бородавка повѣшенъ въ Толопанѣ, что съ Колопера содрали кожу подъ Кизикирменомъ, что Пидсыткова голова посолена въ бочкѣ и отправлена въ самый Царь-градъ. Понурилъ голову старый Бульба и раздумчиво говорилъ:—«добрые были казаки!»

III.

Уже около недѣли Тарасъ Бульба жилъ съ сыновьями своими на Сѣчи. Остапъ и Андрій мало занимались военною школою. Сѣчь не любила затруднять себя воинскими упражненіями и терять время; юношество воспитывалось и образовывалось въ ней однимъ опытомъ, въ самомъ пылу битвъ, которые были почти безпрерывны. Казаки почитали скучнымъ занимать промежутки изученіемъ какой-нибудь дисциплины, кромѣ развѣ стрѣльбы въ цѣль, да изрѣдка конной скачки и гоньбы за звѣремъ въ степяхъ и лугахъ; все прочее время отдавалось гульбѣ— признаку широкаго размета душевной воли. Вся Сѣчь представляла необыкновенное явленіе: это было какое-то безпрерывное пиршество, балъ, начавшійся шумно и потерявшій конецъ свой. Нѣкоторые занимались ремеслами, иные держали лавочки и торговали: но большая часть гуляла съ утра до вечера, если въ карманахъ звучала возможность, и добытое добро не перешло въ руки торгашей и шинкарей....

...Охотники до военной жизни, до золотыхъ кубковъ, богатыхъ парчей, дукатовъ и реаловъ, во всякое время могли найти здѣсь работу. Одни только обожатели женщинъ не могли найти здѣсь ничего, потому что даже въ предмѣстье Сѣчи не смѣла показываться ни одна женщина.

Остапу и Андрію казалось чрезвычайно страннымъ, что при нихъ же приходила на Сѣчь бездна народа, и хоть бы кто ни будь спросилъ: откуда эти люди, кто они и какъ ихъ зовутъ? Они приходили сюда, какъ будто бы возвращались въ свой собственный домъ, откуда только за часъ передъ тѣмъ вышли. Пришедшій являлся только къ кошевому, который обыкновенно

Digitized by Google

говорилъ.—«Здравствуй! во Христа вѣруешь?»—«Вѣрую!» отвѣчалъ пришедшій.—«И въ Троицу Святую вѣруешь?»—«Вѣрую»—«И въ церковь ходишь?» — «Хожу»—«А ну, перекрестись!»—Пришедшій крестился.—«Ну, хорошо!»—отвѣчалъ кошевой:— «ступай же, въ который самъ знаешь, курень». — Этимъ оканчивалась вся церемонія. И вся Сѣчь молилась въ одной церкви и готова была защищать ее до послѣдней капли крови, хотя и слышать не хотѣла о постѣ и воздержаніи. Только побуждаемые сильною корыстію жиды, армяне и татары осмѣливались жить и торговать въ предмѣстьѣ, потому что запорожцы никогда не любили торговаться, а сколько рука вынула изъ кармана денегъ, столько и платили. Впрочемъ, участь этихъ корыстолюбивыхъ торгашей была очень жалка: они походили на тѣхъ, которые селились у подошвы Везувія, потому что какъ только у запорожцевъ не ставало денегъ, то удалые разбивали ихъ лавочки и брали всегда даромъ. Сѣчь состояла изъ шестидесяти слишкомъ куреней, которые очень похожи были на отдѣльныя независимыя республики, а еще болѣе на школу и бурсу дѣтей, живущихъ на всемъ готовомъ. Никто ничѣмъ не заводился и ничего не держалъ у себя: все было на рукахъ у куреннаго атамана, который за это обыкновенно носилъ названіе *батька*. У него были на рукахъ деньги, платья, весь харчъ, саламата, каша и даже топливо; ему отдавали деньги подъ-сохранъ. Нерѣдко происходила ссора у куреней съ куренями: въ такомъ случаѣ дѣло тотъ же часъ доходило до драки. Курени покрывали площадь и кулаками ломали другъ другу бока, покамѣстъ одни не переспливали наконецъ и не брали верхъ, и тогда начиналась гульня. Такова была Сѣчь, имѣвшая столько приманокъ для молодыхъ людей.

Остапъ и Андрій кинулись со всею пылкостью юношей въ это разгульное море, и забыли вмигъ и отцовскій домъ, и бурсу, и все, что волновало прежде душу, и предались новой жизни. Все занимало ихъ: разгульные обычаи Сѣчи и немногосложная управа и законы, которые казались имъ даже слишкомъ строгими среди такой своевольной республики. Если казакъ проворовался, укралъ какую-нибудь бездѣлицу, это считалось уже поношеніемъ всему казачеству: его, какъ безчестнаго, привязывали къ позорному столбу и клали возлѣ него дубину, которою

Digitized by Google

всякій проходящій обязанъ былъ нанести ему ударъ, пока такимъ образомъ не забивали его до смерти. Неплатившаго должника приковывали цѣпью къ пушкѣ, гдѣ долженъ былъ онъ сидѣть до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ товарищей не рѣшался его выкупить, заплативши за него долгъ. Но болѣе всего произвела впечатлѣніе на Андрія страшная казнь, опредѣленная за смертоубійство. Тутъ же при немъ вырыли яму, опустили туда живаго убійцу и сверхъ него поставили гробъ, заключавшій тѣло имъ убіеннаго, и потомъ обоихъ засыпали землею. Долго потомъ все чудился ему страшный обрядъ казни, и все представлялся этотъ заживо погребенный человѣкъ вмѣстѣ съ ужаснымъ гробомъ.

Скоро оба молодые казака стали на хорошемъ счету у казаковъ. Часто, вмѣстѣ съ другими товарищами своего куреня, а иногда со всѣмъ куренемъ и съ сосѣдними куренями, выступали они въ степи для стрѣльбы несмѣтнаго числа всѣхъ возможныхъ степныхъ птицъ, оленей и козъ, или же выходили на озера, рѣки и протоки, отведенные по жребію каждому куреню, закидывать невода, сѣти и тащить богатыя тони на продовольствіе всего куреня. Хотя и не было тутъ науки, на которой пробуется казакъ, но они стали уже замѣтны между другими молодыми прямою удалью и удачливостью во всемъ. Бойко и мѣтко стрѣляли въ цѣль, переплывали Днѣпръ противъ теченія—дѣло, за которое новичекъ принимался торжественно въ казацкіе круги.

Но старый Тарасъ готовилъ имъ другую дѣятельность. Ему не по душѣ была такая праздная жизнь: настоящаго дѣла хотѣлъ онъ. Онъ все придумывалъ, какъ бы поднять Сѣчь на отважное предпріятіе, гдѣ бы можно было разгуляться, какъ слѣдуетъ рыцарю; наконецъ въ одинъ день пришелъ къ кошевому и сказалъ ему прямо:—Что, кошевой? пора бы погулять запорожцамъ.

— Негдѣ погулять, отвѣчалъ кошевой, вынувъ изо рта маленькую трубку и сплюнувъ на сторону.

— Какъ негдѣ? можно пойти на турещину или на татарву.

— Не можно ни въ турещину, ни на татарву, отвѣчалъ кошевой, взявши опять хладнокровно въ ротъ свою трубку.

— Какъ не можно?

— Такъ; мы обѣщали султану миръ.

Digitized by Google

— Да, вѣдь онъ бусурманъ: и Богъ, и Святое писаніе велитъ бить бусурмановъ.

— Не имѣемъ права. Еслибъ не клялись еще нашей вѣрою, то, можетъ-быть, и можно было бы; а теперь нѣтъ, не можно.

— Какъ не можно? Какъ же ты говоришь: не имѣемъ права? Вотъ у меня два сына, оба молодые люди. Еще ни разу ни тотъ, ни другой не былъ на войнѣ, а ты говоришь: не имѣемъ права, а ты говоришь: не нужно идти запорожцамъ.

— Ну, ужъ не слѣдуетъ такъ.

— Такъ стало-быть слѣдуетъ, чтобы пропадала даромъ казацкая сила, чтобы человѣкъ сгинулъ, какъ собака, безъ добраго дѣла, чтобы ни отчизнѣ, ни всему христіанству не было отъ него никакой пользы? Такъ на что же мы живемъ, на какого чорта мы живемъ? растолкуй ты мнѣ это. Ты человѣкъ умный, тебя не даромъ выбрали въ кошевые; растолкуй мнѣ, на что мы живемъ?

Кошевой не далъ отвѣта на этотъ вопросъ. Это былъ упрямый казакъ. Онъ немного помолчалъ и потомъ сказалъ:—А войнѣ все-таки не бывать.

— Такъ не бывать войнѣ?—спросилъ опять Тарасъ.

— Нѣтъ.

— Такъ ужъ и думать объ этомъ нечего?

— И думать объ этомъ нечего.

— Постой же ты, чортовъ кулакъ! — сказалъ Бульба про себя: «ты меня будешь знать!» и положилъ тутъ же отомстить кошевому.

Сговорившись съ тѣмъ и другимъ, задалъ онъ всѣмъ попойку, и хмѣльные казаки, въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ, повалили прямо на площадь, гдѣ стояли привязанныя къ столбу литавры, въ которыя обыкновенно били сборъ на раду; не нашедши палокъ, хранившихся всегда у довбиша, они схватили по полѣну въ руки и начали колотить въ нихъ. На бой прежде всего прибѣжалъ довбишъ, высокій человѣкъ, съ однимъ только глазомъ, однакожъ, не смотря на то, страшно заспаннымъ.

— Кто смѣетъ бить въ литавры?—закричалъ онъ.

— Молчи! возьми свои палки, да и колоти, когда тебѣ велятъ!—отвѣчали подгулявшіе старшины.

Довбишъ вынулъ тотчасъ изъ кармана палки, которыя онъ

Digitized by Google

взялъ съ собою, очень хорошо зная окончаніе подобныхъ происшествій. Литавры грянули — и скоро на площадь, какъ шмели, стали собираться черныя кучи запорожцевъ. Всѣ собрались въ кружокъ, и послѣ третьяго боя показались, наконецъ, старшины: кошевой съ палицей въ рукѣ, знакомъ своего достоинства, судья съ войсковою печатью, писарь съ чернильницею и осаулъ съ жезломъ. Кошевой и старшины сняли шапки и раскланялись на всѣ стороны казакамъ, которые гордо стояли, подпершись руками въ бока.

— Что значитъ это собранье? чего хотите, панове?—сказалъ кошевой. Брань и крики не дали ему говорить.

— Клади палицу! клади, чортовъ сынъ, сей же часъ палицу! не хотимъ тебя больше!—кричали изъ толпы казаки. Нѣкоторые изъ трезвыхъ куреней хотѣли, какъ казалось, противиться; но курени, и пьяные, и трезвые, пошли на кулаки. Крикъ и шумъ сдѣлались общими.

Кошевой хотѣлъ было говорить, но, зная, что разъярившаяся, своевольная толпа можетъ за это прибить его на смерть, что всегда почти бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, поклонился очень низко, положилъ палицу и скрылся въ толпѣ.

— Прикажете, панове, и намъ положить знаки достоинства?— сказали судья, писарь и осаулъ, и готовились тутъ же положить чернильницу, войсковую печать и жезлъ.

— Нѣтъ, вы оставайтесь! — закричали изъ толпы — намъ нужно было только прогнать кошевого, потому что онъ — баба, а намъ нужно человѣка въ кошевые.

— Кого же выберете теперь въ кошевые? — сказали старшины.

— Кукубенка выбрать!—кричала часть.

— Не хотимъ Кукубенка!—кричала другая:—рано ему: еще молоко на губахъ не обсохло.

— Шило пусть будетъ атаманомъ! — кричали одни: — Шило посадить въ кошевые!

— Въ спину тебѣ шило!—кричала съ бранью толпа,—что онъ за казакъ, когда проворовался, собачій сынъ, какъ татаринъ? Къ чорту, въ мѣшокъ пьяницу Шила!

— Бородатаго, Бородатаго посадимъ въ кошевые!

— Не хотимъ Бородатаго! къ нечистой матери Бородатаго.

Digitized by Google

— Кричите Кирдягу! шепнулъ Тарасъ Бульба нѣкоторымъ.

— Кирдягу! Кирдягу! кричала толпа. — Бородатаго, Бородатаго! Кирдягу, Кирдягу! Шила! Къ чорту съ Шиломъ! Кирдягу!

Всѣ кандидаты, услышавъ произнесенными свои имена, тотчасъ же вышли изъ толпы, чтобы не подать никакого повода думать, будто бы они помогали личнымъ участьемъ своимъ въ избраніи.

— Кирдягу! Кирдягу! раздалось сильнѣе прочихъ.—Бородатаго! Дѣло принялись доказывать кулаками—и Кирдяга восторжествовалъ.

— Ступайте за Кирдягою! — закричали. Человѣкъ десятокъ казаковъ отдѣлилось тутъ же отъ толпы; нѣкоторые изъ нихъ едва держались на ногахъ—до такой степени успѣли нагрузиться, и отправились прямо къ Кирдягѣ объявить ему о его избраніи.

Кирдяга, хотя престарѣлый, но умный казакъ, давно уже сидѣлъ въ своемъ куренѣ и какъ будто бы не вѣдалъ ни о чемъ происходившемъ. — Что, панове? что вамъ нужно?—спросилъ онъ.

— Иди, тебя выбрали въ кошевые.

— Помилосердствуйте, панове!—сказалъ Кирдяга:—гдѣ мнѣ быть достойну такой чести! гдѣ мнѣ быть кошевымъ! Да у меня и разума не хватитъ къ отправленію такой должности. Будто уже никого лучшаго не нашлось въ цѣломъ войскѣ?

— Ступай же, говорятъ тебѣ!—кричали запорожцы. Двое изъ нихъ схватили его подъ руки, и какъ онъ ни упирался ногами, но былъ наконецъ притащенъ на площадь, сопровождаемый бранью, подталкиваньемъ сзади кулаками, пинками и увѣщаньями. «Не пяться же, чортовъ сынъ! принимай же честь, собака, когда тебѣ даютъ ее!». Такимъ образомъ введенъ былъ Кирдяга въ казачій кругъ.

— Что, панове? провозгласили во весь народъ приведшіе его:—согласны ли вы, чтобы сей казакъ былъ у насъ кошевымъ?

— Всѣ согласны! закричала толпа, и отъ крика долго гремѣло все поле.

Одинъ изъ старшинъ взялъ палицу и поднесъ ее новоизбранному кошевому. Кирдяга, по обычаю, тотчасъ же отказался. Старшина поднесъ въ другой разъ: Кирдяга отказался и въ

Digitized by Google

другой разъ, и потомъ уже за третьимъ разомъ взялъ палицу Одобрительный крикъ раздался по всей толпѣ, и вновь далеко загудѣло отъ казацкаго крика все поле. Тогда выступило изъ средины народа четверо самыхъ старыхъ, сѣдоусыхъ и сѣдочуприниыхъ казаковъ (слишкомъ старыхъ не было на Сѣчи, ибо никто изъ запорожцевъ не умиралъ своею смертью) и, взявши каждый въ руки земли, которая на ту пору отъ бывшаго дождя растворилась въ грязь, положили ему на голову. Мокрая земля стекла съ его головы, потекла по усамъ и по щекамъ, и все лицо замарала ему грязью. Но Кирдяга стоялъ, не двигаясь съ мѣста, и благодарилъ казаковъ за оказанную честь.

Такимъ образомъ кончилось шумное избраніе, которому, неизвѣстно, были ли такъ рады другіе, какъ радъ былъ Бульба: этимъ онъ отомстилъ прежнему кошевому. Къ тому же и Кирдяга былъ старый его товарищъ и бывалъ съ нимъ въ однихъ и тѣхъ же сухопутныхъ и морскихъ походахъ, дѣля суровости и труды боевой жизни. Толпа разбрелась тутъ же праздновать избранье, и поднялась гульня, какой еще не видывали дотолѣ Остапъ и Андрій. Винные шинки были разбиты; медъ, горилка и пиво забирались просто безъ денегъ; шинкари были уже рады и тому, что сами остались цѣлы. Вся ночь прошла въ крикахъ и пѣсняхъ, славившихъ подвиги,—и взошедшій мѣсяцъ долго еще видѣлъ толпы музыкантовъ, проходившихъ по улицамъ, съ бандурами, торбанами, круглыми балалайками, и церковныхъ пѣсенниковъ, которыхъ держали на Сѣчи для пѣнья въ церкви и для восхваленія запорожскихъ дѣлъ. Наконецъ хмѣль и утомленье стали одолѣвать крѣпкія головы. И видно было, какъ, то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ, падалъ на землю казакъ; какъ товарищъ, обнявши товарища, расчувствовавшись и даже заплакавши, валился вмѣстѣ съ нимъ. Тамъ гурьбою улеглась цѣлая куча, тамъ выбиралъ иной, какъ бы получше ему улечься, и легъ прямо на деревянную колоду. Послѣдній, который былъ покрѣпче, еще выводилъ какія-то безсвязныя рѣчи; наконецъ и того подкосила хмѣльная сила, повалился и тотъ, и заснула вся Сѣчь.

Digitized by Google

IV.

На другой день Тарасъ Бульба уже совѣщался съ новымъ кошевымъ, какъ поднять запорожцевъ на какое нибудь дѣло.

Кошевой на площади передъ казаками. Въ своей рѣчи онъ предлагаетъ пустить съ челнами однихъ молодыхъ—*пощаранать* берега Натоліи. Согласіе послѣдовало. Снаряжаютъ челны.

Стукъ и рабочій крикъ подымался по всей окружности; весь колебался и двигался живой берегъ.

Въ это время большой паромъ началъ причаливать къ берегу. Стоявшая на немъ толпа людей еще издали махала руками. Это были казаки въ оборванныхъ свиткахъ. Безпорядочный нарядъ (у многихъ ничего не было, кромѣ рубашки и коротенькой трубки въ зубахъ) показывалъ, что они или избѣгнули какой-нибудь бѣды, или же до того загулялись, что прогуляли все, что ни было на тѣлѣ. Изъ среды ихъ отдѣлился и сталъ впереди приземистый, плечистый казакъ, лѣтъ пятидесяти. Онъ кричалъ и махалъ рукою сильнѣе всѣхъ; но за стукомъ и крикомъ рабочихъ не было слышно его словъ.

— А съ чѣмъ пріѣхали? спросилъ кошевой, когда паромъ приворотилъ къ берегу. Всѣ рабочіе, остановивъ свои работы и поднявъ топоры и долота, смотрѣли въ ожиданіи.

— Съ бѣдою! кричалъ съ парома приземистый казакъ.

— Съ какою?

— Позвольте, панове запорожцы, рѣчь держать!

— Говори!

— Или хотите, можетъ-быть, собрать раду?

— Говори, мы всѣ тутъ.

Народъ весь стѣснился въ одну кучу.

— А вы развѣ ничего не слыхали о томъ, что дѣлается въ гетманщинѣ?

— А что? спросилъ одинъ изъ куренныхъ атамановъ.

— Э! что? Видно, вамъ татаринъ заткнулъ клейтухомъ уши, что вы ничего не слыхали.

— Говори же, что тамъ дѣлается?

— А то дѣлается, что и родились, и крестились, еще не видали такого.

Digitized by Google

— Да говори намъ, что дѣлается, собачій сынъ! закричалъ одинъ изъ толпы, какъ видно, потерявъ терпѣніе.

— Такая пора теперь завелась, что ужъ церкви святыя теперь не наши.

— Какъ не наши?

— Теперь у жидовъ онѣ въ арендѣ. Если жиду впередъ не заплатишь, то и обѣдню нельзя править.

— Что ты толкуешь?

— И если разсобачій жидъ не положитъ значка нечистою своею рукою на святой пасхѣ, то и святить пасхи нельзя.

— Вретъ онъ, паны-браты, не можетъ быть того, чтобы нечистый жидъ клалъ значокъ на святой пасхѣ.

— Слушайте! еще не то разскажу: и ксендзы ѣздятъ теперь по всей Украйнѣ въ таратайкахъ. Да не то бѣда, что въ таратайкахъ, а то бѣда, что запрягаютъ уже не коней, а православныхъ христіанъ. Слушайте! еще не то разскажу: уже, говорятъ, жидовки шьютъ себѣ юбки изъ поповскихъ ризъ. Вотъ какія дѣла водятся на Украйнѣ, панове! А вы тутъ сидите на Запорожьи, да гуляете, да, видно, татаринъ такого задалъ вамъ страха, что у васъ уже ни глазъ, ни ушей—ничего нѣтъ, и вы не слышите, что дѣлается на свѣтѣ.

— Стой, стой! прервалъ кошевой, дотолѣ стоявшій, потупивъ глаза въ землю, какъ и всѣ запорожцы, которые въ важныхъ дѣлахъ никогда не отдавались первому порыву, но молчали, и между тѣмъ въ тишинѣ совокупляли грозную силу негодованія. Стой, и я скажу слово. А что-жъ вы, такъ бы и этакъ поколотилъ чортъ вашего батька, что-жъ вы дѣлали сами? Развѣ у васъ сабель не было, что ли? Какъ же вы попустили такому беззаконію?

— Э, какъ попустили такому беззаконію?.. А попробовали бы вы, когда пятьдесятъ тысячъ было однихъ ляховъ, нечего грѣха таить, были тоже собаки и между нашими—ужъ приняли ихъ вѣру.

— А гетманъ вашъ, а полковники что дѣлали?

— Надѣлали полковники такихъ дѣлъ, что не приведи Богъ никому.

— Какъ?

— А такъ, что ужъ теперь гетманъ, зажаренный въ мѣд-

Digitized by Google

номъ быкѣ, лежитъ въ Варшавѣ, а полковничьи руки и головы развозятъ по ярмаркамъ на показъ всему народу. Вотъ что надѣлали полковники!

Всколебалась вся толпа. Сначала пронеслось по всему берегу молчаніе, подобное тому, какъ бываетъ передъ свирѣпою бурею, а потомъ вдругъ поднялись рѣчи, и весь заговорилъ берегъ: «Какъ! чтобы жиды держали на арендѣ христіанскія церкви! чтобы ксендзы запрягали въ оглобли православныхъ христіанъ! Какъ! чтобы попустить такія мученія на Русской землѣ отъ проклятыхъ недовѣрковъ! чтобы вотъ такъ поступали съ полковниками и гетманомъ! Да не будетъ же сего, не будетъ»! Такія слова перелетали по всѣмъ концамъ. Зашумѣли запорожцы, почуяли свои силы. Тутъ уже не было волненій легкомысленнаго народа: волновались все характеры тяжелые и крѣпкіе, которые нескоро накалялись, но, накалившись, упорно и долго хранили въ себѣ внутренній жаръ. «Перевѣшать всю жидову!» раздалось изъ толпы: «пусть же не шьютъ изъ поповскихъ ризъ юбокъ своимъ жидовкамъ! пусть же не ставятъ значковъ на святыхъ пасхахъ! Перетопить ихъ всѣхъ, поганцевъ, въ Днѣпрѣ!» Слова эти, произнесенныя кѣмъ-то изъ толпы, пролетѣли молніей по всѣмъ головамъ, и толпа ринулась на предмѣстье съ желаніемъ перерѣзать всѣхъ жидовъ.

Иные сборы въ походъ, такъ какъ теперь походъ предстоялъ сухопутный. Рѣчь кошеваго къ казакамъ. Они должны имѣть по парѣ коней, не забирать съ собой много одежды, взять воловъ, которые нужны будутъ при переправахъ и въ топкихъ мѣстахъ. Изъ пищи имѣть при себѣ только по горшку саламаты и толченаго проса. При захватѣ непріятельскаго добра, брать только оружіе, золото и серебро; во время похода не напиваться, подъ опасеніемъ быть застрѣленнымъ на мѣстѣ и кинутымъ безъ погребенія. Совѣты на счетъ лѣченія ранъ. Передъ походомъ молебенъ; казаки цѣлуютъ крестъ. Выступивъ изъ Сѣчи, казаки прощаются съ нею: «*Прощай, наша мать! Пусть же тебя хранитъ Богъ отъ всякаго несчастья!*»

V.

Скоро весь польскій юго-западъ сдѣлался добычею страха. Всюду пронеслись слухи: «Запорожцы! показались запорожцы!» Все, что могло спасаться, спасалось, все подымалось, и разбѣгалось, по обычаю этого нестройнаго, безпечнаго вѣка, когда не воздвигали ни крѣпостей, ни замковъ, а какъ попало, ста-

Digitized by Google

новилъ на время соломенное жилище свое человѣкъ. Онъ думалъ: «не тратить же на избу работу и деньги, когда и безъ того она будетъ снесена татарскимъ набѣгомъ.» Все всполошилось: кто мѣнялъ воловъ и плугъ на коня и ружье, и отправлялся въ полки; кто прятался, угоняя скотъ и унося, что только можно было унесть. Попадались иногда по дорогѣ и такіе, которые вооруженною рукою встрѣчали гостей; но больше было такихъ, которые бѣжали заранѣе. Всѣ знали, что трудно имѣть дѣло съ буйной и бранной толпой, извѣстной подъ именемъ запорожскаго войска, которое въ наружномъ своевольномъ неустройствѣ своемъ заключало устройство, обдуманное для времени битвы. Конные ѣхали, не отягчая и не горяча коней, пѣшіе шли трезво за возами, и весь таборъ подвигался только по ночамъ, отдыхая днемъ и выбирая для того пустыри, не заселенныя мѣста и лѣса, которыхъ было тогда еще вдоволь. Засылаемы были впередъ лазутчики и разсыльные узнавать и вывѣдывать, гдѣ, что и какъ. И часто въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ менѣе всего могли ожидать ихъ, они появлялись вдругъ — и все тогда прощалось съ жизнью: пожары обхватывали деревни; скотъ и лошади, которые не угонялись за войскомъ, были избиваемы тутъ же на мѣстѣ. Казалось, больше пировали они, чѣмъ совершали походъ свой. Дымомъ сталъ бы нынѣ волосъ отъ тѣхъ страшныхъ знаковъ свирѣпства полудикаго вѣка, которые пронесли вездѣ запорожцы. Избитые младенцы, содранная кожа съ ногъ по колѣна у выпущенныхъ на свободу—словомъ крупною монетою отплачивали казаки прежніе долги. Прелатъ одного монастыря, услышавъ о приближеніи ихъ, прислалъ отъ себя двухъ монаховъ, чтобы сказать, что они не такъ ведутъ себя, какъ слѣдуетъ, что между запорожцами и правительствомъ стоитъ согласіе, что они нарушаютъ свою обязанность къ королю, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всякое народное право. «Скажи епископу отъ меня и отъ всѣхъ запорожцевъ», сказалъ кошевой, «чтобы онъ ничего не боялся: это казаки еще только зажигаютъ и раскуриваютъ трубки». И скоро величественное аббатство обхватилось сокрушительнымъ пламенемъ, и колоссальныя готическія окна его сурово глядѣли сквозь раздѣлившіяся волны огня. Бѣгущія толпы монаховъ, жидовъ, женщинъ вдругъ омноголюдили тѣ города, гдѣ какая нибудь была

Digitized by Google

надежда на гарнизонъ и городовое рушеніе. Высылаемая по временамъ правительствомъ запоздалая помощь, состоявшая изъ небольшихъ полковъ, или не могла найти ихъ, или же робѣла, обращала тылъ при первой встрѣчѣ и улетала на лихихъ коняхъ своихъ. Случалось, что многіе военачальники королевскіе, торжествовавшіе дотолѣ въ прежнихъ битвахъ, рѣшались, соединяя свои силы, стать грудью противъ запорожцевъ.

И тутъ-то болѣе всего пробовали себя наши молодые казаки, чуждавшіеся грабительства, корысти и безсильнаго непріятеля, горѣвшіе желаніемъ показать себя передъ старыми, помѣряться одинъ на одинъ съ бойкимъ и хвастливымъ ляхомъ, красовавшимся на горделивомъ конѣ, съ летавшими по вѣтру откидными рукавами епанчи. Потѣшна была наука; много уже они добыли себѣ конной сбруи, дорогихъ сабель и ружей. Въ одинъ мѣсяцъ возмужали и совершенно переродились только-что оперившіеся птенцы и стали мужами; черты лица ихъ, въ которыхъ доселѣ видна была какая-то юношеская мягкость, стали теперь грозны и сильны. А старому Тарасу любо было видѣть, какъ оба сына его были одни изъ первыхъ. Остапу, казалось, былъ на роду написанъ битвенный путь и трудное знанье вершить ратныя дѣла. Ни разу не растерявшись и не смутившись ни отъ какого случая, съ хладнокровіемъ, почти неестественнымъ для двадцати-двухлѣтняго, онъ въ одинъ мигъ могъ вымѣрять всю опасность и все положеніе дѣла, тутъ же могъ найти средство, какъ уклониться отъ нея, но уклониться съ тѣмъ, чтобы потомъ вѣрнѣй преодолѣть ее. Уже испытанной увѣренностью стали теперь означаться его движенія, и въ нихъ не могли не быть замѣтны наклонности будущаго вождя. Крѣпостью дышало его тѣло, и рыцарскія его качества уже пріобрѣли широкую силу льва. «О, да этотъ будетъ со временемъ добрый полковникъ!» говорилъ старый Тарасъ: «ей, ей, будетъ добрый полковникъ, да еще такой, что батька за поясъ заткнетъ!».

Андрій весь погрузился въ очаровательную музыку пуль и мечей. Онъ не зналъ, что такое значитъ обдумывать, или разсчитывать, или измѣрять заранѣе свои и чужія силы. Бѣшеную нѣгу и упоенье онъ видѣлъ въ битвѣ: что-то пиршественное зрѣлось ему въ тѣ минуты, когда разгорится у человѣка голова, въ глазахъ все мелькаетъ и мѣшается, летятъ головы, съ гро-

Digitized by Google

момъ падаютъ на землю кони, а онъ несется, какъ пьяный, въ свистѣ пуль, въ сабельномъ блескѣ, и наноситъ всѣмъ удары, и не слышитъ нанесенныхъ. Не разъ дивился отецъ и Андрію, видя, какъ онъ, понуждаемый однимъ только запальчивымъ увлеченіемъ, устремлялся на то, на что бы никогда не отважился хладнокровный и разумный, и однимъ бѣшенымъ натискомъ своимъ производилъ такія чудеса, которымъ не могли не изумиться старые въ бояхъ. Дивился старый Тарасъ и говорилъ: «и это добрый (врагъ бы не взялъ его) вояка! не Остапъ, а добрый, добрый также вояка!»

VI—VII. Войско идетъ на городъ Дубно. Отчаянное сопротивленіе жителей, въ числѣ которыхъ участвуютъ и женщины. Запорожское войско облегаетъ весь городъ, опустошаетъ окрестности и проч. Подоспѣваетъ полкъ Тарасовъ. Андрій измѣняетъ своимъ ради красавицы-полячки. Въ Дубно подоспѣла помощь.

«И погибъ казакъ! пропалъ для всего казацкаго рыцарства! не видать ему больше ни запорожья, ни отцовскихъ хуторовъ своихъ, ни церкви Божіей. Украйнѣ не видать тоже храбрѣйшаго изъ своихъ дѣтей, взявшись защищать ее. Вырветъ старый Тарасъ сѣдой клокъ волосъ изъ своей чуприны, и проклянетъ и день и часъ, въ который породилъ на позоръ себѣ такого сына».

Курень, расположившійся передъ боковыми городскими воротами, частію перебитъ, частію перевязанъ, такъ какъ былъ мертвецки пьянъ. Рѣчь куренного атамана къ казакамъ по поводу происшедшаго. По приказанію кошеваго, всѣ снаряжаются: пробуютъ сабли и палаши, насыпаютъ порохъ въ пороховницы и проч. Тарасъ отходитъ къ своему полку, недоумѣвая, куда дѣлся его Андрій. Отъ жида Янкеля онъ узнаетъ объ измѣнѣ сына. Схватка поляковъ съ запорожцами. Куренной атаманъ Бородатый убитъ; на его мѣсто выбранъ Остапъ, какъ отличившійся въ послѣднемъ дѣлѣ съ поляками и какъ вообще разумный человѣкъ по отзыву самихъ казаковъ. Новая схватка, плохо кончившаяся для поляковъ. Отступленіе казаковъ и отдыхъ.

VIII.

Пришла вѣсть, что татары ограбили Сѣчь, избили и забрали въ плѣнъ всѣхъ, которые тамъ оставались. Рѣшено одной части казацкаго войска съ кошевымъ идти за татарами, а другой—выбрать наказнаго атамана. Въ атаманы попадаетъ Тарасъ. Затѣмъ одни казаки, по желанію, остаются на мѣстѣ,

Digitized by Google

а другіе идутъ попробовать меча и могучаго плеча въ схваткѣ съ татариномъ. Казаки, оставшіеся на мѣстѣ, пріуныли, проводивъ своихъ товарищей. По этому случаю Тарасъ приказываетъ распаковать свой возъ съ баклагами и боченками стараго вина, и угощаетъ казаковъ, причемъ говоритъ слѣдующее:

— Я угощаю васъ, паны-братья! такъ сказалъ Бульба—не въ честь того, что вы сдѣлали меня своимъ атаманомъ, какъ ни велика подобная честь, не въ честь также прощанья съ нашими товарищами,—нѣтъ, въ другое время прилично то и другое; не такая теперь передъ нами минута. Предъ нами дѣло великаго поту, великой казацкой доблести! Итакъ, выпьемъ, товарищи, разомъ, выпьемъ напередъ всего за святую православную вѣру, чтобы пришло наконецъ такое время, чтобы по всему свѣту разошлась и вездѣ была бы одна святая вѣра, и всѣ, сколько ни есть бусурмановъ, всѣ бы сдѣлались христіанами! Да за однимъ уже разомъ выпьемъ и за Сѣчь, чтобы долго она стояла на погибель всему бусурманству, чтобы съ каждымъ годомъ выходили изъ нея молодцы, одинъ другаго лучше, одинъ другаго краше. Да уже вмѣстѣ выпьемъ и за нашу собственную славу, чтобы сказали внуки и сыны тѣхъ внуковъ, что были когда-то такіе, которые не постыдили товарищества и не выдали своихъ. Такъ за вѣру, пане-братове, за вѣру!

— За вѣру! загомонѣли всѣ, стоявшіе въ ближнихъ рядахъ, густыми голосами.—За вѣру! подхватили дальніе—и все, что ни было, и старое и молодое, выпило за вѣру.

— За Сѣчь! сказалъ Тарасъ и высоко поднялъ надъ головою руку.

— За Сѣчь! отдалося густо въ переднихъ рядахъ.—За Сѣчь! сказали тихо старые, моргнувши сѣдымъ усомъ; и встрепенувшись, какъ молодые соколы, повторили молодые: «за Сѣчь!» И слышало далече поле, какъ поминали казаки свою Сѣчь.

— Теперь послѣдній глотокъ, товарищи, за славу и всѣхъ христіанъ, какіе живутъ на свѣтѣ!

И всѣ казаки, до послѣдняго, выпили послѣдній глотокъ за славу и всѣхъ христіанъ, какіе ни есть на свѣтѣ. И долго еще повторялось по всѣмъ рядамъ промежъ всѣми куренями: «за всѣхъ христіанъ, какіе ни есть на свѣтѣ!»

Уже пусто было въ ковшахъ, а все еще стояли казаки, поднявши руки; хоть весело глядѣли очи ихъ всѣхъ, просіявшія

Digitized by Google

виномъ, но сильно задумались они. Но не о корысти и военномъ прибыткѣ теперь думали они, не о томъ, кому посчастливится набрать червонцевъ, дорогаго оружья, шитыхъ кафтановъ и черкесскихъ коней; но задумались они, какъ орлы, сѣвшіе на вершинахъ каменистыхъ горъ, обрывистыхъ, высокихъ горъ, съ которыхъ далеко видно разстилающееся безпредѣльное море, усыпанное, какъ мелкими птицами, галерами, кораблями и всякими судами, огражденное по сторонамъ чуть видными тонкими поморьями, съ прибрежными, какъ мошки, городами и склонившимися, какъ мелкая травка, лѣсами. Какъ орлы, озирали они вокругъ себя очами все поле и чернѣющую вдали судьбу свою. Будетъ, будетъ все поле съ облогами и дорогами покрыто ихъ бѣлыми торчащими костями, щедро обмывшись казацкою ихъ кровью и покрывшись разбитыми возами, расколотыми саблями и копьями; далече раскинутся чубатыя головы съ перекрученными къ низу усами; будутъ орлы, налетѣвъ, выдирать и выдергивать изъ нихъ казацкія очи. Но добро великое въ такомъ широко и вольно разметавшемся смертномъ ночлегѣ! не погибнетъ ни одно великодушное дѣло и не пропадетъ, какъ малая порошинка съ ружейнаго дула, казацкая слава. Будетъ, будетъ бандуристъ, съ сѣдою по грудь бородою, а можетъ быть, полный зрѣлаго мужества, но бѣлоголовый старецъ, вѣщій духомъ, и скажетъ онъ про нихъ свое густое, могучее слово. И пойдетъ дыбомъ по всему свѣту о нихъ слово, и все, что ни народится потомъ, заговоритъ о нихъ; ибо далеко разносится могучее слово, будучи подобно гудящей колокольной мѣди, въ которую мастеръ много повергнулъ дорогаго, чистаго серебра, чтобы далече по городамъ, лачугамъ, палатамъ и весямъ разносился красный звонъ, сзывая равно всѣхъ на святую молитву.

IX.

Осажденные готовится къ сраженію. Тарасъ замѣтилъ это по движенію и шуму въ городѣ, и готовилъ свое войско къ тому же. Самое сраженіе. Сначала дѣло идетъ счастливо для казаковъ, но потомъ имъ плохо приходится, когда направили на казацкій таборъ пушки. Къ счастію, Остапъ ударилъ въ середину и выбилъ фитили у шести пушкарей; у четырехъ только не могъ выбить: отогнали его назадъ ляхи. И вотъ тутъ-то потерпѣли казаки: какъ будто не бывало лучшей половины одного изъ куреней. (Незамайковскаго.)

Digitized by Google

Какъ же вскинулись казаки! Какъ схватились всѣ послѣ этого!

Куренной атаманъ Кукубенко съ остальными изъ побитаго куреня вбился въ самую середину, пробрался къ пушкарямъ и уже отбилъ одну пушку, а Степанъ Гуска отбилъ другую, главную. Рѣдѣли ряды, и снопами валились ляхи.

Одинъ ляхъ, увертливый и крѣпкій, сбивъ Дегтяренка и замахнувшись на него саблею, кричалъ:

Нѣтъ изъ васъ собакъ, казаковъ, ни одного, кто бы посмѣлъ противустать мнѣ.

Тутъ выступилъ Мосій Шило, сильный казакъ.

— Такъ есть же такіе, которые бьютъ васъ, собакъ! сказалъ онъ, кинувшись на него. И уже такъ-то рубились они! наплечники и зерцала погнулись у обоихъ отъ ударовъ. Разрубилъ на немъ вражій ляхъ желѣзную рубашку, доставъ лезвеемъ самаго тѣла: зачервонила казацкая рубашка; но не поглядѣлъ на то Шило, а замахнулся всей жилистой рукою (тяжела была коренастая рука!) и оглушилъ его внезапно по головѣ. Разлетѣлась мѣдная шапка, зашатался и грянулся ляхъ; а Шило принялся рубить и крестить оглушеннаго. Не добивай, казакъ, врага, а лучше поворотись назадъ! Не поворотился казакъ назадъ, и тутъ же одинъ изъ слугъ убитаго хватилъ его ножомъ въ шею. Поворотился Шило и уже досталъ бы смѣльчака; но онъ пропалъ въ пороховомъ дымѣ. Со всѣхъ сторонъ поднялось хлопанье изъ самопаловъ. Пошатнулся Шило и почуялъ, что рана была смертельна. Упалъ онъ, наложилъ руку на свою рану и сказалъ, оборотившись къ товарищамъ:—Прощайте, паны-братья-товарищи! пусть же стоитъ на вѣчныя времена православная русская земля и будетъ ей вѣчная честь! И зажмурилъ ослабшія свои очи, и вынеслась казацкая душа изъ суроваго тѣла. А тамъ уже выѣзжалъ Задорожній съ своими, ломилъ ряды куренной Вертихвистъ и выступалъ Балабанъ.

— А что́, паны?—сказалъ Тарасъ, перекликнувшись съ куренными,—есть еще порохъ въ пороховницахъ? не ослабѣла ли казацкая сила? не гнутся ли казаки?

— Есть еще, батько, порохъ въ пороховницахъ; не ослабѣла еще казацкая сила; еще не гнутся казаки!

И наперли сильно казаки: совсѣмъ смѣшали всѣ ряды. Низ-

Digitized by Google

корослый полковникъ ударилъ сборъ и велѣлъ выкинуть восемь малеванныхъ знаменъ, чтобы собрать своихъ, разсыпавшихся далеко по всему полю. Всѣ бѣжали ляхи къ знаменамъ; но не успѣли они еще выстроиться, какъ уже куренной атаманъ, Кукубенко, ударилъ вновь съ своими Незамайковцами въ средину и напалъ прямо на толстопузаго полковника. Не выдержалъ полковникъ и, поворотивъ коня, пустился вскачь; а Кукубенко далеко гналъ его черезъ все поле, не давъ ему соединиться съ полкомъ.

Завидѣвъ тó съ боковаго куреня, Степанъ Гуска пустился за нимъ въ погоню, съ арканомъ въ рукѣ, пригнувши голову къ лошадиной шеѣ, и, улучивши время, съ одного раза накинулъ арканъ ему на шею: весь побагровѣлъ полковникъ, ухватясь за веревку обѣими руками и силясь разорвать ее, но уже дюжій размахъ вогналъ ему въ самый животъ гибельную пику. Тамъ и остался онъ пригвожденный къ землѣ. Но не сдобровать и Гускѣ! Не успѣли оглянуться казаки, какъ уже увидѣли Степана Гуску поднятаго на четыре копья! Только и успѣлъ сказать бѣднякъ:—Пусть же пропадутъ всѣ враги и ликуетъ вѣчные вѣки Русская земля!.. И тамъ же испустилъ духъ свой.

Оглянулись казаки, а ужъ тамъ съ боку казакъ Метелица угощаетъ ляховъ, шеломя того и другаго; а уже тамъ съ другаго напираетъ съ своими атаманъ Невеличкій; а у возовъ ворочаетъ врага и бьетъ Закрутыгуба, а у дальнихъ возовъ третій Писаренко отогналъ уже цѣлую ватагу; а ужъ тамъ у другихъ возовъ схватились и бьются на самыхъ возахъ.

— Чтó, паны? перекликнулся атаманъ Тарасъ, проѣхавши впереди всѣхъ,—есть ли еще порохъ въ пороховницахъ? крѣпка ли еще казацкая сила: не гнутся ли уже казаки?

— Есть еще, батько, порохъ въ пороховницахъ; еще крѣпка казацкая сила, еще не гнутся казаки!

А ужъ упалъ съ воза Бовдюгъ; прямо подъ самое сердце пришлась ему пуля; но собралъ старый весь духъ свой и сказалъ:—Не жаль разстаться съ свѣтомъ! дай Богъ и всякому такой кончины! пусть же славится до конца вѣка Русская земля! И понеслась къ вышинамъ Бовдюгова душа разсказать давно отшедшимъ старцамъ, какъ умѣютъ биться на русской землѣ, и еще лучше того, какъ умѣютъ умирать въ ней за святую вѣру.

Digitized by Google

Смерть куреннаго атамана Балабана. Предсмертныя слова его:

— Сдается мнѣ, паны-браты, умираю хорошею смертью: семерыхъ изрубилъ, девятерыхъ копьемъ искололъ, истопталъ конемъ вдоволь, а уже не припомню, сколькихъ досталъ пулею. Пусть же цвѣтетъ вѣчно Русская земля!—

Смерть Кукубенка. Послѣ этихъ только три куренныхъ атамана остались въ живыхъ; казацкіе ряды сильно рѣдѣли...

Ну!—сказалъ Тарасъ и махнулъ платкомъ. Понялъ тотъ знакъ Остапъ и ударилъ сильно, вырвавшись изъ засады, въ конницу... Всѣ сбились и растерялись ляхи, и пріободрились казаки.— Вотъ и наша побѣда!—раздались со всѣхъ сторонъ запорожскіе голоса.—Ну, нѣтъ, еще не совсѣмъ побѣда!—сказалъ Тарасъ, глядя на городскія ворота, и сказалъ онъ правду.

Выступленіе польскаго гусарскаго полка съ Андріемъ во главѣ. По приказанію Тараса, ихъ заманиваютъ къ лѣсу... Смерть Андрія отъ руки отца, какъ наказаніе за измѣну.

...Тарасъ видитъ, скачетъ къ нему на конѣ Голокопытенко:— Бѣда, отаманъ, окрѣпли ляхи, прибыла на подмогу свѣжая сила!.. Не успѣлъ сказать Голокопытенко, скачетъ Вовтузенко:—Бѣда, отаманъ, новая валитъ еще сила!.. Не успѣлъ сказать Вовтузенко, Писаренко бѣжитъ бѣгомъ уже безъ коня: «Гдѣ ты, батько, ищутъ тебя казаки. Ужъ убитъ куренной атаманъ Невеличкій. Задорожній убитъ, Черевиченко убитъ; но стоятъ казаки, не хотятъ умирать, не увидѣвъ тебя въ очи: хотятъ, чтобы взглянулъ ты на нихъ передъ смертнымъ часомъ!»

— На коня, Остапъ! сказалъ Тарасъ и спѣшилъ, чтобы застать еще казаковъ, чтобы наглядѣться еще на нихъ и чтобы они взглянули передъ смертью на своего атамана. Но не выѣхали они еще изъ лѣсу, а ужъ непріятельская сила окружила со всѣхъ сторонъ лѣсъ, и между деревьями вездѣ показались всадники съ саблями и копьями.—Остапъ, Остапъ! не поддавайся! кричалъ Тарасъ, а самъ, схвативши саблю наголо, началъ честить первыхъ попавшихся на всѣ боки. А на Остапа уже наскочило вдругъ шестеро; но не въ добрый часъ видно наскочило: съ одного полетѣла голова, другой перевернулся, отступивши; угодило копьемъ въ ребро третьяго; четвертый былъ

Digitized by Google

поотважнѣе, уклонился головой отъ пули, и попала въ конскую грудь горячая пуля—вздыбилъ бѣшеный конь, грянулся о землю и задавилъ подъ собою всадника.—Добре, сынку! добре, Остапъ! кричалъ Тарасъ.—Вотъ я слѣдомъ за тобою. А самъ все отбивался отъ наступавшихъ. Рубится и бьется Тарасъ, сыплетъ гостинцы тому и другому въ голову, а самъ глядитъ все впередъ на Остапа, и видитъ, что уже вновь схватилось съ Остапомъ мало не восьмеро разомъ. «Остапъ, Остапъ! не поддавайся!« Но уже одолѣваютъ Остапа; уже одинъ накинулъ ему на шею арканъ, уже вяжутъ, уже берутъ Остапа. «Эхъ, Остапъ, Остапъ!» кричалъ Тарасъ, пробиваясь къ нему, рубя въ капусту встрѣчныхъ и поперечныхъ. «Эхъ, Остапъ, Остапъ!..» Но какъ тяжелымъ камнемъ хватило его самого въ ту же минуту. Все закружилось и повернулось въ глазахъ его. На мигъ смѣшанно сверкнули передъ нимъ головы, копья, дымъ, блескъ огня, сучья съ древесными листьями. И грохнулся онъ, какъ подрубленный дубъ, на землю. И туманъ покрылъ его очи.

X.

Тарасъ спасенъ, сильно раненый, а Остапъ взятъ въ плѣнъ. Оправившись, Тарасъ желаетъ видѣть сына и ѣдетъ въ Варшаву. Благодаря хитрости жида Янкеля, Тарасъ благополучно пріѣзжаетъ туда, но не удалось ему ни видѣть Остапа, ни тѣмъ болѣе спасти его отъ мучительной казни. Подъ видомъ иностраннаго графа (это все устроилъ хитрый Янкель), Бульба въ тюрьмѣ,—затѣмъ онъ рѣшается идти на площадь, чтобы видѣть казнь Остапа.

Присужденные къ казни казаки шли съ открытыми головами, съ длинными чубами; бороды у нихъ были отпущены. Они шли ни боязливо, ни угрюмо, но съ какою-то тихою горделивостію; ихъ платья, изъ дорогаго сукна, износились и болтались на нихъ ветхими лоскутьями; они не глядѣли и не кланялись народу.

Впереди всѣхъ шелъ Остапъ.

Что́ почувствовалъ старый Тарасъ, когда увидѣлъ своего Остапа? Что было тогда въ его сердцѣ? Онъ глядѣлъ на него изъ толпы и не проронилъ ни одного движенія его. Они приблизились уже къ лобному мѣсту. Остапъ остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжелую чашу. Онъ глянулъ

Digitized by Google

на своихъ, поднялъ руку вверхъ и произнесъ громко:—Дай же, Боже, чтобы всѣ, какіе тутъ ни стоятъ еретики, не услышали, нечестивые, какъ мучится христіанинъ! чтобы ни одинъ изъ насъ не промолвилъ ни одного слова! Послѣ этого онъ приблизился къ эшафоту.

— Добре, сынку, добре! сказалъ тихо Бульба и уставилъ въ землю свою сѣдую голову.

Палачъ сдернулъ съ него ветхія лохмотья; ему увязали руки и ноги въ нарочно сдѣланные станки, и...

Остапъ выносилъ терзанія и пытки, какъ исполинъ. Ни крика, ни стона не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на рукахъ и ногахъ кости, когда ужасный хряскъ ихъ послышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои,—ничто похожее на стонъ не вырвалось изъ устъ его, не дрогнулось лицо его. Тарасъ стоялъ въ толпѣ, потупивъ голову, и въ то же время, гордо приподнявъ очи, одобрительно только говорилъ:—Добре, сынку, добре!—

Но когда подвели его къ послѣднимъ смертнымъ мукамъ, казалось, какъ будто стала подаваться его сила. И повелъ онъ очами вокругъ себя. Боже! все невѣдомыя, все чужія лица! Хоть бы кто-нибудь изъ близкихъ присутствовалъ при его смерти! Онъ не хотѣлъ бы слышать рыданій и сокрушенія слабой матери, или безумныхъ воплей супруги, исторгающей волосы и біющей себя въ бѣлыя груди; хотѣлъ бы онъ теперь увидѣть твердаго мужа, который бы разумнымъ словомъ освѣжилъ его и утѣшилъ при кончинѣ. И упалъ онъ силою и воскликнулъ въ душевной немощи:—Батько! гдѣ ты? слышишь ли ты все?

— Слышу! раздалось среди всеобщей тишины, и весь милліонъ народа въ одно время вздрогнулъ. Часть военныхъ всадниковъ бросилась заботливо разсматривать толпы народа. Янкель поблѣднѣлъ, какъ смерть, и когда всадники немного отдалились отъ него, онъ со страхомъ оборотился назадъ, чтобы взглянуть на Тараса; но Тараса уже возлѣ него не было: его и слѣдъ простылъ.

XI—XII. Отыскался слѣдъ Тарасовъ. Поднялась вся Украйна отомстить за посмѣянье правъ своихъ, за позорное униженіе своихъ нравовъ, за оскорбленіе вѣры предковъ и святаго обычая, за посрамленіе церквей, за безчинства

Digitized by Google

чужеземныхъ пановъ, за угнетенье, за унію, за поворное владычество жидовства на христіанской землѣ, за все, что копило и сугубило съ давнихъ временъ суровую ненависть казаковъ. Остраница, молодой, сильный гетманъ, предводительствуетъ всею несмѣтною казацкой силою. Тутъ-же и Тарасовъ отборный полкъ... Коронный гетманъ Николай Потоцкій со своею арміею окруженъ со всѣхъ сторонъ въ небольшомъ мѣстечкѣ Полонномъ. Его спасаетъ русское духовенство, вышедшее на встрѣчу казакамъ въ облаченіи, съ иконами и крестами. Согласился гетманъ отпустить Потоцкаго, взявши съ него клятвенную присягу оставить на свободѣ всѣ христіанскія церкви, забыть старую вражду и не наносить никакой обиды казацкому воинству. Одинъ только Тарасъ былъ противъ этого мира. Онъ схватилъ своихъ и грянулъ на Польшу, причемъ выжегъ восемнадцать мѣстечекъ, около сорока костеловъ и уже доходилъ до Кракова, губя и разрушая все на пути.

«Это вамъ, вражьи ляхи, поминки по Остапѣ»! приговаривалъ только Тарасъ.—

Потоцкому поручено было съ пятью полками поймать непремѣнно Тараса.

Шесть дней уходили казаки проселочными дорогами отъ всѣхъ преслѣдованій; едва выносили кони необыкновенное бѣгство и спасали казаковъ. Но Потоцкій на сей разъ былъ достоинъ возложеннаго порученія: неутомимо преслѣдовалъ онъ ихъ и настигъ на берегу Днѣстра, гдѣ Бульба занялъ для роздыха оставленную развалившую крѣпость.

Надъ самой кручей у Днѣстра-рѣки виднѣлась она своимъ оборваннымъ валомъ и своими развалившимися остатками стѣнъ. Щебнемъ и разбитымъ кирпичемъ усѣяна была верхушка утеса, готовая всякую минуту сорваться и слетѣть внизъ. Тутъ-то, съ двухъ сторонъ, прилежащихъ къ полю, обступилъ его коронный гетманъ Потоцкій. Четыре дня бились и боролись казаки, отбиваясь кирпичами и каменьями. Но истощились запасы и силы, рѣшился Тарасъ пробиться сквозь ряды. И пробились было уже казаки и, можетъ быть, еще разъ послужили бы имъ вѣрно быстрые кони, какъ вдругъ, среди самаго бѣгу, остановился Тарасъ и вскрикнулъ: «Стой! выпала люлька съ табакомъ; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьимъ ляхамъ»! И нагнулся старый отаманъ и сталъ отыскивать въ травѣ свою люльку съ табакомъ, неотлучную спутницу на моряхъ и на сушѣ, и въ походахъ, и дома. А тѣмъ временемъ набѣжала вдругъ ватага и схватила его подъ могучія плечи. Двинулся было онъ всѣми чле-

Digitized by Google

нами, но уже не посыпались на землю, какъ бывало прежде, схватившіе его гайдуки. «Эхъ, старость, старость»! сказалъ онъ, и заплакалъ дебелый старый казакъ. Но не старость была виною: сила одолѣла силу. Чуть не тридцать человѣкъ повисло у него по рукамъ и по ногамъ. «Попалась ворона!» кричали ляхи. «Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собакѣ, лучшую честь воздать.» И присудили, съ гетманскаго разрѣшенья, сжечь его живаго въ виду всѣхъ. Тутъ же стояло голое дерево, вершину котораго разбило громомъ. Притянули его желѣзными цѣпями къ древесному стволу, гвоздемъ прибивши ему руки и приподнявъ его повыше, чтобы отвсюду былъ видѣнъ казакъ, и принялись тутъ же раскладывать подъ деревомъ костеръ. Но не на костеръ глядѣлъ Тарасъ, не объ огнѣ онъ думалъ, которымъ собирались жечь его, глядѣлъ онъ, сердечный, въ ту сторону, гдѣ отстрѣливались казаки, — ему съ высоты все было видно, какъ на ладони. «Занимайте, хлопцы, занимайте скорѣе», кричалъ онъ, «горку, что за лѣсомъ: туда не подступятъ они»! Но вѣтеръ не донесъ его словъ. «Вотъ пропадутъ, продадутъ ни за что»! говорилъ онъ отчаянно и взглянулъ внизъ, гдѣ сверкалъ Днѣстръ. Радость блеснула въ очахъ его. Онъ увидѣлъ выдвинувшіяся изъ-за кустарника четыре кормы, собралъ всю силу голоса и зычно закричалъ: «Къ берегу! къ берегу, хлопцы! спускайтесь подгорной дорожкой, что налѣво. У берега стоятъ челны, всѣ забирайте, чтобы не было погони».

На этотъ разъ вѣтеръ дунулъ съ другой стороны, и всѣ слова были услышаны казаками. Но за такой совѣтъ достался ему тутъ же ударъ обухомъ по головѣ, который переворотилъ все въ глазахъ его.

Пустились казаки во всю прыть подгорной дорожкой; а ужъ погоня за плечами. Видятъ: путается и загибается дорожка и много даетъ въ сторону извивовъ.—А, товарищи! ни куда пошло!—сказали всѣ, остановились на мигъ, подняли свои нагайки, свиснули—и татарскіе ихъ кони, отдѣлившись отъ земли, распластавшись въ воздухѣ, какъ змѣи, перелетѣли черезъ пропасть и бултыхнули прямо въ Днѣстръ. Двое только не попали въ рѣку, грянулись съ вышины объ каменья и пропали тамъ на вѣки съ конями, даже не успѣвши издать крику. А казаки уже плыли съ конями въ рѣкѣ и отвязывали челны.

Digitized by Google

Ляхи дивятся неслыханному казацкому дѣлу и думаютъ, прыгать ли имъ, или нѣтъ.

Молодой полковникъ, родной братъ прекрасной полячки, обворожившей бѣднаго Андрія, бросается съ конемъ за казаками—и погибаетъ.

Когда очнулся Тарасъ Бульба отъ удара и глянулъ на Днѣстръ, уже казаки были на челнахъ и гребли веслами, пули сыпались на нихъ сверху, но не доставали. И вспыхнули радостныя очи у стараго отáмана.

— Прощайте, товарищи! кричалъ онъ имъ сверху,—вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь, да хорошенько погуляйте! Что взяли, чортовы ляхи? думаете, есть что-нибудь на свѣтѣ, чего бы побоялся казакъ? Постойте же, придетъ время, будетъ время, узнаете вы, что такое православная русская вѣра! Уже и теперь чуютъ дальніе и близкіе народы: подымается изъ русской земли свой царь, и не будетъ въ мірѣ силы, которая бы не покорилась ему!... А уже огонь подымался надъ костромъ, захватывалъ его ноги и разостлался пламенемъ по дереву... Да развѣ найдутся на свѣтѣ такіе огни и муки и сила такая, которая бы пересилила русскую силу?!

Не малая рѣка Днѣстръ, и много на ней заводьевъ, рѣчныхъ густыхъ камышей, отмелей и глубокихъ мѣстъ; блеститъ рѣчное зеркало, оглашенное звонкимъ ячаньемъ лебедей, и гордый гоголь быстро несется по немъ, и много куликовъ, краснозобыхъ турухтановъ и всякихъ иныхъ птицъ въ тростникахъ и на прибрежьяхъ. Казаки быстро плыли на узкихъ двухрульныхъ челнахъ, дружно гребли веслами, осторожно миновали отмели, всполашивая подымавшихся птицъ, и говорили про своего отáмана.

Мертвыя души.

Глава I.

Отставной коллежскій совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ пріѣзжаетъ въ губернскій городъ NN. Остановившись въ гостинницѣ, пріѣзжій подробно разспросилъ у полового о городскихъ властяхъ, о болѣе или менѣе крупныхъ

Digitized by Google

помѣщикахъ, о томъ, не было ли въ этомъ краю какихъ нибудь повальныхъ болѣзней и т. под,

На другой день Чичиковъ уже дѣлалъ визиты губернатору, вице-губернатору, прокурору, предсѣдателю палаты, полиціймейстеру, инспектору врачебной управы, даже городскому архитектору, при чемъ умѣлъ расположить къ себѣ каждаго изъ нихъ, и тутъ же былъ приглашенъ къ кому на вечеръ, къ кому на обѣдъ и т. д. Губернаторъ нашелъ, что Чичиковъ—благонамѣренный человѣкъ; прокуроръ—что онъ дѣльный человѣкъ; жандармскій полковникъ говорилъ, что онъ ученый человѣкъ; предсѣдатель палаты—что онъ знающій и почтенный человѣкъ; полиціймейстеръ—что онъ почтенный и любезный человѣкъ; жена полиціймейстера—что онъ любезнѣйшій и обходительнѣйшій человѣкъ.

Даже помѣщикъ Собакевичъ, который рѣдко отзывался о комъ либо съ хорошей стороны, назвалъ Чичикова своей женѣ «препріятнымъ человѣкомъ». О прошедшемъ Чичикова жители города мало знали: онъ уклончиво и общими мѣстами говорилъ о себѣ, что онъ «незначущій червь міра сего», что потерпѣлъ на службѣ за правду,—что ищетъ избрать мѣсто для жительства,—что, прибывши въ этотъ городъ, почелъ за непремѣнный долгъ засвидѣтельствовать почтеніе первымъ сановникамъ его.

На губернскомъ балу и на обѣдѣ у полиціймейстера Чичиковъ знакомится съ помѣщиками—Маниловымъ, Собакевичемъ и Ноздревымъ.

Глава II.

Уже болѣе недѣли Чичиковъ жилъ въ городѣ, разъѣзжая по вечеринкамъ и обѣдамъ. Наконецъ онъ рѣшился перенести свои визиты за городъ и навѣстить помѣщиковъ Манилова и Собакевича, которымъ далъ слово.

Тутъ же, въ началѣ главы, Гоголь знакомитъ читателя съ двумя крѣпостными людьми Чичикова, съ которыми онъ путешествовалъ:—лакеемъ Петрушкой и кучеромъ Селифаномъ.

Слѣдуетъ описаніе деревни помѣщика Манилова, къ которому Чичиковъ ѣдетъ по своимъ особеннымъ дѣламъ, про что читатель узнаетъ изъ разговора Чичикова съ Маниловымъ, послѣ того какъ они пообѣдали и уединились въ кабинетѣ.

Деревня Маниловка немногихъ могла занимать своимъ мѣстоположеніемъ. Домъ господскій стоялъ одиночкой на юру, то есть на возвышеніи, открытомъ всѣмъ вѣтрамъ, какимъ только вздумается подуть; покатость горы, на которой онъ стоялъ, была одѣта подстриженнымъ дерномъ. На ней были разбросаны по-англійски двѣ-три клумбы съ кустами сиреней и желтыхъ акацій; пять-шесть березъ небольшими купами кое-гдѣ возносили свои мелко-

Digitized by Google

листныя, жиденькія вершины. Подъ двумя изъ нихъ видна была бесѣдка съ плоскимъ зеленымъ куполомъ, деревянными голубыми колоннами и надписью: *храмъ уединеннаго размышленія;* пониже прудъ, покрытый зеленью, что впрочемъ не въ диковинку въ аглицкихъ садахъ русскихъ помѣщиковъ. У подошвы этого возвышенія, и частію по самому скату, темнѣли вдоль и поперекъ сѣренькія, бревенчатыя избы, которыя герой нашъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, въ ту жъ минуту принялся считать и насчиталъ болѣе двухъ сотъ. Нигдѣ между ними растущаго деревца, или какой-нибудь зелени: вездѣ глядѣло только одно бревно. Видъ оживляли двѣ бабы, которыя, картинно подобравши платья и подтыкавшись со всѣхъ сторонъ, брели по колѣни въ прудѣ, влача за два деревянныя кляча изорванный бредень, гдѣ видны были два запутавшіеся рака и блестѣла попавшаяся плотва; бабы, казалось, были между собою въ ссорѣ и за что-то перебранивались. Поодаль въ сторонѣ темнѣлъ какимъ-то скучно-синеватымъ цвѣтомъ сосновый лѣсъ. Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день былъ не то ясный, не то мрачный, а какого-то свѣтло-сѣраго цвѣта, какой бываетъ только на старыхъ мундирахъ гарнизонныхъ солдатъ. Для пополненія картины не было недостатка въ пѣтухѣ, предвозвѣстникѣ перемѣнчивой погоды, который, не смотря на то, что голова его продолблена была до самаго мозгу носами другихъ пѣтуховъ, горланилъ очень громко и даже похлопывалъ крыльями, обдерганными, какъ старыя рогожки. Подъѣзжая ко двору, Чичиковъ замѣтилъ на крыльцѣ самого хозяина, который стоялъ въ зеленомъ шалоновомъ сюртукѣ, приставивъ руку ко лбу, въ видѣ зонтика надъ глазами, чтобы разсмотрѣть получше подъѣзжавшій экипажъ. По мѣрѣ того, какъ бричка приближалась къ крыльцу, глаза его дѣлались веселѣе, и улыбка раздвигалась болѣе и болѣе.

— Павелъ Ивановичъ! вскричалъ онъ наконецъ, когда Чичиковъ вылѣзалъ изъ брички. Насилу вы таки насъ вспомнили!

Оба пріятеля очень крѣпко поцѣловались, и Маниловъ увелъ своего гостя въ комнату. Хотя время, въ продолженіе котораго они будутъ проходить сѣни, переднюю и столовую, нѣсколько коротковато, но попробуемъ, не успѣемъ ли какъ-нибудь имъ воспользоваться и сказать кое-что о хозяинѣ дома. Но тутъ авторъ долженъ признаться, что подобное предпріятіе очень трудно.

Digitized by Google

Гораздо легче изображать характеры большаго размѣра: тамъ просто бросай краски со всей руки на полотно, черные палящіе глаза, нависшія брови, перерѣзанный морщиною лобъ, перекинутый черезъ плечо черный, или алый, какъ огонь, плащъ,— и портретъ готовъ: но вотъ эти всѣ господа, которыхъ много на свѣтѣ, которые съ-вида очень похожи между собою, а между тѣмъ, какъ приглядишься, увидишь много самыхъ неуловимыхъ особенностей—эти господа страшно трудны для портретовъ. Тутъ придется сильно напрягать вниманіе, пока заставишь передъ собою выступить всѣ тонкія, почти невидимыя черты, и вообще далеко придется углублять уже изощренный въ наукѣ выпытыванія взглядъ.

Одинъ Богъ развѣ могъ сказать, какой былъ характеръ Манилова. Есть родъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ *люди такъ себѣ, ни то, ни се, ни въ городѣ Богданъ, ни въ селѣ Селифанъ*, по словамъ пословицы. Можетъ быть, къ нимъ слѣдуетъ примкнуть и Манилова. На взглядъ онъ былъ человѣкъ видный; черты лица его были не лишены пріятности, но въ эту пріятность, казалось, черезъ-чуръ было передано сахару; въ пріемахъ и оборотахъ его было что-то заискивающее расположенія и знакомства. Онъ улыбался заманчиво, былъ бѣлокуръ, съ голубыми глазами. Въ первую минуту разговора съ нимъ, не можешь не сказать: «Какой пріятный и добрый человѣкъ»! Въ слѣдующую за тѣмъ минуту ничего не скажешь, а въ третью скажешь: «Чортъ знаетъ, что такое»! и отойдешь подальше; если жъ не отойдешь, почувствуешь скуку смертельную. Отъ него не дождешься никакого живаго, или хоть даже заносчиваго слова, какое можешь услышать почти отъ всякаго, если коснешься задирающаго его предмета. У всякаго есть свой задоръ: у одного задоръ обратился на борзыхъ собакъ; другому кажется, что онъ сильный любитель музыки и удивительно чувствуетъ всѣ глубокія мѣста въ ней; третій мастеръ лихо пообѣдать; четвертый—сыграть роль хоть однимъ вершкомъ выше той, которая ему назначена; пятый, съ желаніемъ болѣе ограниченнымъ: спитъ и грезитъ о томъ, какъ бы пройтись на гуляньи съ флигель-адъютантомъ; шестой уже одаренъ такою рукою, которая чувствуетъ желаніе сверхъ-естественное заломить уголъ какому нибудь бубновому тузу или двойкѣ, тогда какъ рука седь-

Digitized by Google

маго такъ и лѣзетъ произвести гдѣ-нибудь порядокъ, подобраться поближе къ личности станціоннаго смотрителя или ямщиковъ, словомъ—у всякаго есть свое, но у Манилова ничего не было. Дома онъ говорилъ очень мало и большею частію размышлялъ и думалъ, но о чемъ онъ думалъ, тоже развѣ Богу было извѣстно. Хозяйствомъ, нельзя сказать, чтобы онъ занимался, онъ даже никогда не ѣздилъ на поля, хозяйство шло какъ-то само собою. Когда приказчикъ говорилъ: «Хорошо бы, баринъ, то и то сдѣлать»—«Да, недурно», отвѣчалъ онъ обыкновенно, куря трубку, которую курить сдѣлалъ привычку, когда еще служилъ въ арміи, гдѣ считался скромнѣйшимъ, деликатнѣйшимъ и образованнѣйшимъ офицеромъ. «Да, именно недурно», повторялъ онъ. Когда приходилъ къ нему мужикъ и, почесавши рукою затылокъ, говорилъ: «Баринъ, позволь отлучиться на работу, подать заработать». «Ступай», говорилъ онъ, куря трубку, и ему даже въ голову не приходило, что мужикъ шелъ пьянствовать. Иногда, глядя съ крыльца на дворъ и на прудъ, говорилъ онъ о томъ, какъ бы хорошо было, если бы вдругъ отъ дома провели подземный ходъ, или чрезъ прудъ выстроить каменный мостъ, на которомъ бы были по обѣимъ сторонамъ лавки, и чтобы въ нихъ сидѣли купцы и продавали разные мелкіе товары, нужные для крестьянъ. При этомъ глаза его дѣлались чрезвычайно сладкими и лицо принимало самое довольное выраженіе. Впрочемъ, всѣ эти проэкты такъ и оканчивались только одними словами. Въ его кабинетѣ всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на 24-й страницѣ, которую онъ постоянно читалъ уже два года. Въ домѣ его чего-нибудь вѣчно не доставало: въ гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольскою шелковою матеріей, которая, вѣрно, стоила весьма недешево; но на два кресла ея не достало, и кресла стояли обтянуты просто рогожею; впрочемъ, хозяинъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ всякій разъ предостерегалъ своего гостя словами: «Не садитесь на эти кресла, они еще не готовы». Въ иной комнатѣ и вовсе не было мебели, хотя и было говорено въ первые дни послѣ женитьбы: «Душенька, нужно будетъ завтра похлопотать, чтобы въ эту комнату хоть на время поставить мебель.» Въ-вечеру подавался на столъ очень щегольской подсвѣчникъ изъ темной бронзы, съ тремя античными граціями, съ перломутровымъ

Digitized by Google

щегольскимъ щитомъ, и рядомъ съ нимъ ставился какой-то просто мѣдный инвалидъ, хромой, свернувшійся на сторону и весь въ салѣ, хотя этого не замѣчалъ ни хозяинъ, ни хозяйка, ни слуги. Жена его... впрочемъ, они были совершенно довольны другъ другомъ. Не смотря на то, что минуло болѣе восьми лѣтъ ихъ супружеству, изъ нихъ все еще каждый приносилъ другому или кусочекъ яблочка, или конфетку, или орѣшекъ, и говорилъ трогательно-нѣжнымъ голосомъ, выражавшимъ совершенную любовь: «Разинь, душенька, свой ротикъ, я тебѣ положу этотъ кусочекъ». Само собою разумѣется, что ротикъ раскрывался при этомъ случаѣ очень граціозно. Ко дню рожденія приготовляемы были сюрпризы — какой нибудь бисерный чехольчикъ на зубочистку. И весьма часто, сидя на диванѣ, вдругъ, совершенно неизвѣстно изъ какихъ причинъ, одинъ, оставивши свою трубку, а другая—работу, если только она держалась на ту пору въ рукахъ, они напечатлѣвали другъ другу такой томный и длинный поцѣлуй, что въ продолженіи его можно бы легко выкурить маленькую соломенную сигарку. Словомъ, они были то, что говорится счастливы. Конечно, можно бы замѣтить, что въ домѣ есть много другихъ занятій, кромѣ продолжительныхъ поцѣлуевъ и сюрпризовъ, и много бы можно сдѣлать разныхъ запросовъ. Зачѣмъ, напримѣръ, глупо и безъ толку готовится на кухнѣ? зачѣмъ довольно пусто въ кладовой? зачѣмъ воровка ключница? зачѣмъ нечистоплотны и пьяницы слуги? зачѣмъ вся дворня спитъ немилосерднымъ образомъ и повѣсничаетъ все остальное время? Но все это предметы низкіе; а Манилова воспитана хорошо; а хорошее воспитаніе, какъ извѣстно, получается въ пансіонахъ; а въ пансіонахъ, какъ извѣстно, три главные предмета составляютъ основу человѣческихъ добродѣтелей: французскій языкъ, необходимый для счастія семейственной жизни, фортепьяно—для доставленія пріятныхъ минутъ супругу, и, наконецъ, собственно хозяйственная часть: вязаніе кошельковъ и другихъ сюрпризовъ. Впрочемъ, бываютъ разныя усовершенствованія и измѣненія въ методахъ, особенно въ нынѣшнее время: все это болѣе зависитъ отъ благоразумія и способностей самихъ содержательницъ пансіона. Въ другихъ пансіонахъ бываетъ такимъ образомъ, что прежде фортепьяно, потомъ французскій языкъ, а тамъ уже хозяйственная часть. А иногда бываетъ и

Digitized by Google

такъ, что прежде хозяйственная часть, т. е. вязаніе сюрпризовъ, потомъ французскій языкъ, а тамъ уже фортепьяно. Разныя бываютъ методы. Не мѣшаетъ сдѣлать еще замѣчаніе, что Манилова... но, признаюсь, о дамахъ я очень боюсь говорить, да притомъ мнѣ пора возвратиться къ нашимъ героямъ, которые стояли уже нѣсколько минутъ передъ дверями гостиной, взаимно упрашивая другъ друга пройти впередъ.

— Сдѣлайте милость, не безпокойтесь такъ для меня, я пройду послѣ, говорилъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, нѣтъ, вы гость, говорилъ Маниловъ, показывая рукою на дверь.

— Не затрудняйтесь, пожалуста не затрудняйтесь; пожалуста проходите, говорилъ Чичиковъ.

— Нѣтъ ужъ извините, не допущу пройти позади такому пріятному, образованному гостю.

— Почему жъ образованному?... пожалуста проходите.

— Ну, да ужъ извольте проходить вы.

— Да отчего жъ?

— Ну, да ужъ оттого! сказалъ съ пріятною улыбкою Маниловъ.

Наконецъ оба пріятеля вошли въ дверь бокомъ, и нѣсколько притиснули другъ друга.

— Позвольте мнѣ вамъ представить жену мою, сказалъ Маниловъ. Душенька! Павелъ Ивановичъ!

Чичиковъ точно увидѣлъ даму, которую онъ совершенно было не примѣтилъ, раскланиваясь въ дверяхъ съ Маниловымъ. Она была недурна; одѣта къ лицу. На ней хорошо сидѣлъ матерчатый шелковый капотъ блѣднаго цвѣта; тонкая небольшая кисть руки ея что-то бросила поспѣшно на столъ и сжала батистовый платокъ съ вышитыми уголками. Она поднялась съ дивана, на которомъ сидѣла; Чичиковъ не безъ удовольствія подошелъ къ ея ручкѣ. Манилова проговорила, нѣсколько даже картавя, что онъ очень обрадовалъ ихъ своимъ пріѣздомъ, и что мужъ ея, не проходило дня, чтобы не вспоминалъ о немъ.

— Да, молвилъ Маниловъ, ужъ она бывало все спрашиваетъ меня:—Да что жъ твой пріятель не ѣдетъ?—Погоди, душенька, пріѣдетъ. А вотъ вы наконецъ и удостоили насъ своимъ

Digitized by Google

посѣщеніемъ. Ужъ такое право доставили наслажденіе: майскій день, именины сердца...

Чичиковъ, услышавши, что дѣло ужъ дошло до именинъ сердца, нѣсколько даже смутился и отвѣчалъ скромно, что ни громкаго имени не имѣетъ, ни даже ранга замѣтнаго.

— Вы все имѣете, прервалъ Маниловъ съ такою же пріятною улыбкою, все имѣете, даже еще болѣе.

— Какъ вамъ показался нашъ городъ? молвила Манилова. Пріятно ли провели тамъ время?

— Очень хорошій городъ, прекрасный городъ, отвѣчалъ Чичиковъ, и время провелъ очень пріятно; общество самое обходительное.

— А какъ вы нашли нашего губернатора? сказала Манилова.

— Не правда ли, что препочтеннѣйшій и прелюбезнѣйшій человѣкъ? прибавилъ Маниловъ.

— Совершенная правда, сказалъ Чичиковъ;—препочтеннѣйшій человѣкъ. И какъ онъ вошелъ въ свою должность, какъ понимаетъ ее! Нужно желать побольше такихъ людей.

— Какъ онъ можетъ этакъ, знаете, принять всякаго, наблюсти деликатность въ своихъ поступкахъ, присовокупилъ Маниловъ съ улыбкою, и отъ удовольствія почти совсѣмъ зажмурилъ глаза, какъ котъ, у котораго слегка пощекотали за ушами пальцемъ.

— Очень обходительный и пріятный человѣкъ, продолжалъ Чичиковъ; и какой искусникъ! я даже никакъ не могъ предполагать этого: какъ хорошо вышиваетъ разные домашніе узоры! Онъ мнѣ показалъ своей работы кошелекъ: рѣдкая дама можетъ такъ искусно вышить.

— А вице-губернаторъ, не правда ли, какой милый человѣкъ; сказалъ Маниловъ, опять нѣсколько прищуривъ глаза.

— Очень, очень достойный человѣкъ, отвѣчалъ Чичиковъ.

— Ну, позвольте, а какъ вамъ показался полиціймейстеръ? Не правда ли, что очень пріятный человѣкъ?

— Чрезвычайно пріятный, и какой умный, какой начитанный человѣкъ! Мы у него проиграли въ вистъ, вмѣстѣ съ прокуроромъ и предсѣдателемъ палаты, до самыхъ позднихъ пѣтуховъ. Очень, очень достойный человѣкъ.

Digitized by Google

— Ну, а какого вы мнѣнія о женѣ полиціймейстера? прибавила Манилова. Не правда ли, прелюбезная женщина?

— О, это одна изъ достойнѣйшихъ женщинъ, какихъ только я знаю, отвѣчалъ Чичиковъ.

За симъ не пропустили предсѣдателя палаты, почмейстера, и такимъ образомъ перебрали почти всѣхъ чиновниковъ города, которые всѣ оказались самыми достойными людьми.

— Вы всегда въ деревнѣ проводите время? сдѣлалъ наконецъ, въ свою очередь, вопросъ Чичиковъ.

— Больше въ деревнѣ, отвѣчалъ Маниловъ. Иногда впрочемъ пріѣзжаемъ въ городъ для того только, чтобы увидѣться съ образованными людьми. Одичаешь, знаете, если будешь все время жить взаперти.

— Правда, правда, сказалъ Чичиковъ.

— Конечно, продолжалъ Маниловъ, другое дѣло, если бы сосѣдство было хорошее, если бы, напримѣръ, такой человѣкъ, съ которымъ бы въ нѣкоторомъ родѣ можно было поговорить о любезности, о хорошемъ обращеніи, слѣдить какую-нибудь этакую науку, чтобы этакъ расшевелило душу, дало бы, такъ сказать, паренье этакое... Здѣсь онъ еще что-то хотѣлъ выразить и, замѣтивши, что нѣсколько зарапортовался, ковырнулъ только рукою въ воздухѣ и продолжалъ:—тогда, конечно, деревня и уединеніе имѣли бы очень много пріятностей. Но рѣшительно нѣтъ никого... Вотъ только иногда почитаешь «Сынъ Отечества.»

Чичиковъ согласился съ этимъ совершенно, прибавивши, что ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ жить въ уединеніи, наслаждаться зрѣлищемъ природы и почитать иногда какую нибудь книгу...

— Но знаете ли? прибавилъ Маниловъ:—все, если нѣтъ друга, съ которымъ бы можно подѣлиться...

— О, это справедливо, это совершенно справедливо! прервалъ Чичиковъ. Что всѣ сокровища тогда въ мірѣ! *Не имѣй денегъ, имѣй хорошихъ людей для обращенія*, сказалъ одинъ мудрецъ.

— И знаете, Павелъ Ивановичъ! сказалъ Маниловъ, явя въ лицѣ своемъ выраженіе не только сладкое, но даже приторное, подобное той микстурѣ, которую ловкій свѣтскій докторъ засластилъ немилосердно, воображая обрадовать паціента.—Тогда

Digitized by Google

чувствуешь какое-то, въ нѣкоторомъ родѣ духовное наслажденіе... Вотъ какъ, напримѣръ, теперь, когда случай мнѣ доставилъ счастье, можно сказать, образцовое, говорить съ вами и наслаждаться пріятнымъ вашимъ разговоромъ...

— Помилуйте, что жъ за пріятный разговоръ?... Ничтожный человѣкъ, и больше ничего, отвѣчалъ Чичиковъ.

— О, Павелъ Ивановичъ! позвольте мнѣ быть откровеннымъ: я бы съ радостію отдалъ половину всего моего состоянія, чтобы имѣть часть тѣхъ достоинствъ, которыя имѣете вы!...

— Напротивъ, я бы почелъ съ своей стороны за величайшее...

Не извѣстно, до чего бы дошло взаимное изліяніе чувствъ обоихъ пріятелей, если бы вошедшій слуга не доложилъ, что кушанье готово.

— Прошу покорнѣйше! сказалъ Маниловъ.

— Вы извините, если у насъ нѣтъ такого обѣда, какой на паркетахъ и въ столицахъ: у насъ просто, по русскому обычаю, щи, но отъ чистаго сердца. Покорнѣйше прошу.

Тутъ они еще нѣсколько времени поспорили о томъ, кому первому войти, и наконецъ Чичиковъ вошелъ бокомъ въ столовую.

Въ столовой уже стояли два мальчика, сыновья Манилова, которые были въ тѣхъ лѣтахъ, когда сажаютъ дѣтей за столъ, но еще на высокихъ стульяхъ. При нихъ стоялъ учитель, поклонившійся вѣжливо и съ улыбкою. Хозяйка сѣла за свою суповую чашку; гость былъ посаженъ между хозяиномъ и хозяйкою, слуга завязалъ дѣтямъ на шею салфетки.

— Какія миленькія дѣти! сказалъ Чичиковъ, посмотрѣвъ на нихъ; а который годъ?

— Старшему осьмой, а меньшому вчера только минуло шесть, сказала Манилова.

— Ѳемистоклюсъ! сказалъ Маниловъ, обратившись къ старшему, который старался освободить свой подбородокъ, завязанный лакеемъ въ салфетку. Чичиковъ поднялъ нѣсколько бровь, услышавъ такое отчасти греческое имя, которому, неизвѣстно почему, Маниловъ далъ окончаніе на юсъ; но постарался тотъ же часъ привесть лицо въ обыкновенное положеніе.

— Ѳемистоклюсъ, скажи мнѣ, какой лучшій городъ во Франціи?

Здѣсь учитель обратилъ все вниманіе на Ѳемистоклюса и, казалось, хотѣлъ ему вскочить въ глаза, но наконецъ совершенно

Digitized by Google

успокоился и кивнулъ головою, когда Ѳемистоклюсъ сказалъ «Парижъ».

— А у насъ какой лучшій городъ? спросилъ опять Маниловъ.

Учитель опять настроилъ вниманіе.

— Петербургъ, отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ.

— А еще какой?

— Москва, отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ.

— Умница, душенька! сказалъ на это Чичиковъ. Скажите, однако жъ... продолжалъ онъ, обратившись тутъ же съ нѣкоторымъ видомъ изумленія къ Маниловымъ. Я долженъ вамъ сказать, что въ этомъ ребенкѣ будутъ большія способности.

— О, вы еще не знаете его! отвѣчалъ Маниловъ: у него чрезвычайно много остроумія. Вотъ меньшой, Алкидъ, тотъ не такъ быстръ, а этотъ сейчасъ, если что-нибудь встрѣтитъ, букашку, козявку, такъ ужъ у него вдругъ глазенки и забѣгаютъ, побѣжитъ за ней слѣдомъ и тотчасъ обратитъ вниманіе. Я его прочу по дипломатической части. Ѳемистоклюсъ! продолжалъ онъ снова, обращаясь къ нему, хочешь быть посланникомъ?

— Хочу, отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ, жуя хлѣбъ и болтая головой направо и налѣво.

Въ это время, стоявшій позади лакей утеръ посланнику носъ, и очень хорошо сдѣлалъ, иначе бы капнула въ супъ препорядочная посторонняя капля. Разговоръ начался за столомъ объ удовольствіи спокойной жизни, прерываемый замѣчаніями хозяйки о городскомъ театрѣ и объ актерахъ. Учитель очень внимательно глядѣлъ на разговаривающихъ и, какъ только замѣчалъ, что они были готовы усмѣхнуться, въ ту же минуту открывалъ ротъ и смѣялся съ усердіемъ. Вѣроятно, онъ былъ человѣкъ признательный и хотѣлъ заплатить этимъ хозяину за хорошее обращеніе. Одинъ разъ, впрочемъ, лицо его приняло суровый видъ, и онъ строго застучалъ по столу, устремивъ глаза на сидѣвшихъ насупротивъ его дѣтей. Это было у мѣста, потому что Ѳемистоклюсъ укусилъ за ухо Алкида, и Алкидъ, зажмуривъ глаза и открывъ ротъ, готовъ былъ зарыдать самымъ жалкимъ образомъ, но, почувствовавъ, что за это легко можно было лишиться блюда, привелъ ротъ въ прежнее положеніе и началъ со слезами грызть баранью кость, отъ которой у него обѣ щеки лоснились жиромъ.

Digitized by Google

Хозяйка очень часто обращалась къ Чичикову со словами: «Вы ничего не кушаете, вы очень мало взяли». На что Чичиковъ отвѣчалъ всякій разъ:—Покорнѣйше благодарю, я сытъ. Пріятный разговоръ лучше всякаго блюда.

Уже встали изъ-за стола. Маниловъ былъ доволенъ чрезвычайно и, поддерживая рукою спину своего гостя, готовился такимъ образомъ препроводить его въ гостинную, какъ вдругъ гость объявилъ, съ весьма значительнымъ видомъ, что онъ намѣренъ съ нимъ поговорить объ одномъ очень нужномъ дѣлѣ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ васъ попросить въ мой кабинетъ, сказалъ Маниловъ, и повелъ въ небольшую комнату, обращенную окномъ на синѣвшій лѣсъ.—Вотъ мой уголокъ, сказалъ Маниловъ.

— Пріятная комнатка, сказалъ Чичиковъ, окинувши ее глазами. Комната была точно не безъ пріятности: стѣны были выкрашены какой-то голубенькой краской, въ родѣ сѣренькой; четыре стула, одно кресло, столъ, на которомъ лежала книжка съ заложенною закладкою, о которой мы уже имѣли случай упомянуть, нѣсколько исписанныхъ бумагъ; но больше всего было табаку. Онъ былъ въ разныхъ видахъ: въ картузахъ и въ табачницѣ, и наконецъ насыпанъ былъ просто кучею на столѣ. На обоихъ окнахъ тоже помѣщены были горки выбитой изъ трубки золы, разставленныя не безъ старанія очень красивыми рядками. Замѣтно было, что это иногда доставляло хозяину препровожденіе времени.

— Позвольте васъ попросить расположиться въ этихъ креслахъ, сказалъ Маниловъ. Здѣсь вамъ будетъ покойнѣе.

— Позвольте, я сяду на стулѣ.

— Позвольте вамъ этого не позволить, сказалъ Маниловъ съ улыбкою. Это кресло у меня ужъ ассигновано для гостя: рады, или не рады, но должны сѣсть.

Чичиковъ сѣлъ.

— Позвольте мнѣ васъ попотчивать трубочкою.

— Нѣтъ, не курю, отвѣчалъ Чичиковъ ласково и какъ-бы съ видомъ сожалѣнія.

— Отчего? сказалъ Маниловъ тоже ласково и съ видомъ сожалѣнія.

— Не сдѣлалъ привычки, боюсь; говорятъ, трубка сушитъ.

Digitized by Google

— Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что это предубѣжденіе. Я полагаю даже, что курить трубку гораздо здоровѣе, нежели нюхать табакъ. Въ нашемъ полку былъ поручикъ, прекраснѣйшій и образованнѣйшій человѣкъ, который не выпускалъ изо рта трубки не только за столомъ, но даже, съ позволенія сказать, во всѣхъ прочихъ мѣстахъ. И вотъ ему теперь уже сорокъ слишкомъ лѣтъ, но, благодаря Бога, до сихъ поръ такъ здоровъ, какъ нельзя лучше.

Чичиковъ замѣтилъ, что это точно случается и что въ натурѣ находится много вещей, неизъяснимыхъ даже для обширнаго ума.

— Но позвольте прежде одну просьбу... проговорилъ онъ голосомъ, въ которомъ отдалось какое-то странное, или почти странное выраженіе, и вслѣдъ за тѣмъ, неизвѣстно отъ чего, оглянулся назадъ.. Маниловъ тоже, неизвѣстно отъ чего, оглянулся назадъ. Какъ давно вы изволили подавать ревизскую сказку?

— Да, ужъ давно; а лучше сказать—не припомню.

— Какъ съ того времени много у васъ умерло крестьянъ?

— А не могу сказать: объ этомъ, я полагаю, нужно спросить прикащика. Эй, человѣкъ! позови прикащика: онъ долженъ быть сегодня здѣсь.

Прикащикъ явился. Это былъ человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, брившій бороду, ходившій въ сюртукѣ и, повидимому, проводившій очень покойную жизнь, потому что лицо его глядѣло какою-то пухлою полнотою, а желтоватый цвѣтъ кожи и маленькіе глаза показывали, что онъ зналъ слишкомъ хорошо, что такое пуховики и перины. Можно было видѣть тотчасъ, что онъ совершилъ свое поприще, какъ совершаютъ его всѣ господскіе прикащики: былъ прежде просто грамотнымъ мальчишкой въ домѣ, потомъ женился на какой-нибудь Агашкѣ, ключницѣ, барыниной фавориткѣ, сдѣлался самъ ключникомъ, а тамъ и прикащикомъ. А сдѣлавшись прикащикомъ, поступалъ, разумѣется, какъ всѣ прикащики: водился и кумился съ тѣми, которые на деревнѣ были побогаче, подбавлялъ на тягла побѣднѣе; проснувшись въ девятомъ часу утра, поджидалъ самовара и пилъ чай.

— Послушай, любезный: сколько у насъ умерло крестьянъ съ тѣхъ поръ, какъ подавали ревизію?

— Да какъ—сколько? Многіе умирали съ тѣхъ поръ, сказалъ

Digitized by Google

прикащикъ, и при этомъ кинулъ, заслонивъ ротъ слегка рукою, на подобіе щитка.

— Да, признаюсь, я самъ такъ думалъ, подхватилъ Маниловъ, именно очень многіе умирали! Тутъ онъ оборотился къ Чичикову и прибавилъ еще: точно, очень многіе.

— А какъ, напримѣръ, числомъ? спросилъ Чичиковъ.

— Да, сколько числомъ? подхватилъ Маниловъ.

— Да какъ сказать — числомъ? Вѣдь не извѣстно, сколько умирало: ихъ никто не считалъ.

— Да, именно, сказалъ Маниловъ, обратясь къ Чичикову; я тоже предполагалъ, большая смертность; совсѣмъ не извѣстно, сколько умерло.

— Ты пожалуйста ихъ перечти, сказалъ Чичиковъ, и сдѣлай подробный реестрикъ всѣхъ поименно.

— Да, всѣхъ поименно, сказалъ Маниловъ. Прикащикъ сказалъ: Слушаю! и ушелъ.

— А для какихъ причинъ вамъ это нужно? спросилъ, по уходѣ прикащика, Маниловъ.

Этотъ вопросъ, казалось, затруднилъ гостя: въ лицѣ его показалось какое-то напряженное выраженіе, отъ котораго онъ даже покраснѣлъ — напряженіе что-то выразить не совсѣмъ покорное словамъ. И въ самомъ дѣлѣ, Маниловъ наконецъ услышалъ такія странныя и необыкновенныя вещи, какихъ еще никогда не слыхали человѣческія уши.

— Вы спрашиваете, для какихъ причинъ? Причины вотъ какія: я хотѣлъ бы купить крестьянъ... сказалъ Чичиковъ, запнулся и не кончилъ рѣчи.

— Но позвольте спросить васъ, сказалъ Маниловъ, какъ желаете вы купить крестьянъ: съ землею или просто на выводъ, то есть безъ земли?

— Нѣтъ, я не то, чтобы совершенно крестьянъ, сказалъ Чичиковъ: я желаю имѣть мертвыхъ...

— Какъ-съ? извините... я нѣсколько тугъ на ухо, мнѣ послышалось престранное слово...

— Я полагаю пріобрѣсть мертвыхъ, которые, впрочемъ, значились бы по ревизіи, какъ живые, сказалъ Чичиковъ.

Маниловъ выронилъ тутъ же чубукъ съ трубкою на полъ, и какъ разинулъ ротъ, такъ и остался съ разинутымъ ртомъ

Digitized by Google

въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ. Оба пріятеля, разсуждавшіе о пріятностяхъ дружеской жизни, остались недвижимы, впеpя другъ въ друга глаза, какъ тѣ портреты, которые вѣшались встарину одинъ противъ другаго, по обѣимъ сторонамъ зеркала. Наконецъ Маниловъ поднялъ трубку съ чубукомъ и поглядѣлъ снизу ему въ лицо, стараясь высмотрѣть, не видно ли какой усмѣшки на лицѣ его, не пошутилъ ли онъ; но ничего не было видно такого; напротивъ, лицо даже казалось степеннѣе обыкновеннаго. Потомъ подумалъ, не спятилъ ли гость какъ-нибудь невзначай съ ума, и со страхомъ посмотрѣлъ на него пристально; но глаза гостя были совершенно ясны; не было въ нихъ дикаго, безпокойнаго огня, какой бѣгаетъ въ глазахъ сумасшедшаго человѣка; все было прилично и въ порядкѣ. Какъ ни придумывалъ Маниловъ, какъ ему быть и что ему сдѣлать, но ничего другаго не могъ придумать, какъ только выпустить изо рта оставшійся дымъ очень тонкою струею.

— И такъ я бы желалъ знать, можете ли вы мнѣ таковыхъ, не живыхъ въ дѣйствительности, но живыхъ относительно законной формы, передать, уступить, или какъ вамъ заблагоразсудится лучше?

Но Маниловъ такъ сконфузился и смѣшался, что только смотрѣлъ на него.

— Мнѣ кажется, вы затрудняетесь?.. замѣтилъ Чичиковъ.

— Я?... нѣтъ, я не то, сказалъ Маниловъ, но я не могу постичь... извините... я, конечно, не могъ получить такого блестящаго образованія, какое, такъ сказать, видно во всякомъ вашемъ движеніи; не имѣю высокаго искусства выражаться.... Можетъ быть, здѣсь... въ этомъ, вами сейчасъ выраженномъ изъясненіи... скрыто другое... Можетъ быть, вы изволили выразиться такъ для красоты слога?

— Нѣтъ, — подхватилъ Чичиковъ, — нѣтъ, я разумѣю предметъ таковъ, какъ есть, то есть тѣ души, которыя точно уже умерли.

Маниловъ совершенно растерялся. Онъ чувствовалъ, что ему нужно что-то сдѣлать, предложить вопросъ, а какой вопросъ— чортъ его знаетъ. Кончилъ онъ, наконецъ, тѣмъ, что выпустилъ опять дымъ, но только уже не ртомъ, а чрезъ носовыя ноздри.

— И такъ, если нѣтъ препятствій, то съ Богомъ можно бы

Digitized by Google

приступить къ совершенію купчей крѣпости, сказалъ Чичиковъ.

— Какъ, на мертвыя души купчую?

— А, нѣтъ! сказалъ Чичиковъ. Мы напишемъ, что они живы, такъ какъ стоитъ дѣйствительно въ ревизской сказкѣ. Я привыкъ ни въ чемъ не отступать отъ гражданскихъ законовъ; хотя за это и потерпѣлъ на службѣ, но ужъ извините: обязанность для меня дѣло священное, законъ — я нѣмѣю предъ закономъ.

Послѣднія слова понравились Манилову, но въ толкъ самого дѣла онъ все-таки никакъ не вникъ и, вмѣсто отвѣта, принялся насасывать свой чубукъ такъ сильно, что тотъ началъ наконецъ хрипѣть, какъ фаготъ. Казалось, какъ-будто онъ хотѣлъ вытянуть изъ него мнѣніе относительно такого неслыханнаго обстоятельства; но чубукъ хрипѣлъ и больше ничего.

— Можетъ быть, вы имѣете какія-нибудь сомнѣнія?

— О, помилуйте, ничуть! Я не на-счетъ того говорю, чтобы имѣлъ какое-нибудь, то есть, критическое предосужденіе о васъ. Но позвольте доложить, не будетъ ли это предпріятіе, или, чтобъ еще болѣе, такъ сказать, выразиться, негоція,—такъ не будетъ ли эта негоція не соотвѣтствующею гражданскимъ постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи?

Здѣсь Маниловъ, сдѣлавши нѣкоторое движеніе головою, посмотрѣвъ очень значительно въ лицо Чичикова, показалъ во всѣхъ чертахъ лица своего и въ сжатыхъ губахъ такое глубокое выраженіе, какого, можетъ быть, и не видано было на человѣческомъ лицѣ, развѣ только у какого-нибудь слишкомъ умнаго министра, да и то въ минуту самаго головоломнаго дѣла.

Но Чичиковъ сказалъ просто, что подобное предпріятіе, или негоція, никакъ не будетъ несоотвѣтствующею гражданскимъ постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи, а чрезъ минуту потомъ прибавилъ, что казна получитъ даже выгоды, ибо получитъ законныя пошлины.

— Такъ вы полагаете?..

— Я полагаю, что это будетъ хорошо.

— А, если хорошо, это другое дѣло: я противъ этого ничего, сказалъ Маниловъ и совершенно успокоился.

— Теперь остается условиться въ цѣнѣ....

— Какъ въ цѣнѣ? сказалъ опять Маниловъ и остановился.

Digitized by Google

Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которыя въ нѣкоторомъ родѣ окончили свое существованіе? Если ужъ вамъ пришло этакое, такъ сказать, фантастическое желаніе, то съ своей стороны я передаю ихъ вамъ безъинтересно и купчую беру на себя.

Великій упрекъ былъ бы историку предлагаемыхъ событій, если бы онъ упустилъ сказать, что удовольствіе одолѣло гости послѣ такихъ словъ, произнесенныхъ Маниловымъ. Какъ онъ ни былъ степененъ и разсудителенъ, но тутъ чуть не произвелъ даже скачекъ по образцу козла, что, какъ извѣстно, производится только въ самыхъ сильныхъ порывахъ радости. Онъ поворотился такъ сильно въ креслахъ, что лопнула шерстяная матерія, обтягивавшая подушку; самъ Маниловъ посмотрѣлъ на него въ нѣкоторомъ недоумѣніи. Побужденный признательностію, онъ наговорилъ тутъ же столько благодарностей, что тотъ смѣшался, весь покраснѣлъ, производилъ головою отрицательный жестъ, и наконецъ уже выразился, что это сущее *ничего*, что онъ точно хотѣлъ бы доказать чѣмъ-нибудь сердечное влеченіе, магнитизмъ души; а умершія души въ нѣкоторомъ родѣ совершенная дрянь.

— Очень не дрянь, сказалъ Чичиковъ, пожавъ ему руку. Здѣсь былъ испущенъ очень глубокій вздохъ. Казалось, онъ былъ настроенъ къ сердечнымъ изліяніямъ; не безъ чувства и выраженія произнесъ онъ наконецъ слѣдующія слова:—Если бы вы знали, какую услугу оказали сей, повидимому, дрянью человѣку безъ племени и роду! Да, и дѣйствительно, чего не потерпѣлъ я? какъ барка какая-нибудь среди свирѣпыхъ волнъ... Какихъ гоненій, какихъ преслѣдованій не испыталъ, какого горя не вкусилъ, а за что? за то, что соблюдалъ правду, что былъ чистъ на своей совѣсти, что подавалъ руку и вдовицѣ безпомощной, и сиротѣ-горемыкѣ!... Тутъ даже онъ отеръ платкомъ выкатившуюся слезу.

Маниловъ былъ совершенно растроганъ. Оба пріятеля долго жали другъ другу руки и долго смотрѣли молча одинъ другому въ глаза, въ которыхъ видны были навернувшіяся слезы. Маниловъ никакъ не хотѣлъ выпустить руки нашего героя и продолжалъ жать ее такъ горячо, что тотъ уже не зналъ, какъ ее выручить. Наконецъ, выдернувши ее потихоньку, онъ сказалъ,

Digitized by Google

что не худо бы купчую совершить поскорѣе и хорошо бы, если бы онъ самъ понавѣдался въ городъ; потомъ взялъ шляпу и сталъ откланиваться.

— Какъ? вы уже хотите ѣхать? сказалъ Маниловъ, вдругъ очнувшись и почти испугавшись.

Въ это время вошла въ кабинетъ Манилова.

— Лизанька, сказалъ Маниловъ съ нѣсколько жалостнымъ видомъ, Павелъ Ивановичъ оставляетъ насъ!

— Потому что мы надоѣли Павлу Ивановичу, отвѣчала Манилова.

— Сударыня! здѣсь, сказалъ Чичиковъ, здѣсь, вотъ гдѣ, тутъ онъ положилъ руку на сердце, да, здѣсь пребудетъ пріятность времени, проведеннаго съ вами! и повѣрьте, не было бы для меня большаго блаженства, какъ жить съ вами, если не въ одномъ домѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ.

— А знаете, Павелъ Ивановичъ? сказалъ Маниловъ, которому очень понравилась такая мысль, какъ было бы въ самомъ дѣлѣ хорошо, если бы жить этакъ вмѣстѣ, подъ одною кровлею, или подъ тѣнью какого-нибудь вяза, пофилософствовать о чемъ-нибудь, углубиться!...

— О, это была бы райская жизнь! сказалъ Чичиковъ, вздохнувши. Прощайте, сударыня! продолжалъ онъ, подходя къ ручкѣ Маниловой. Прощайте, почтеннѣйшій другъ! Не позабудьте просьбы!

— О, будьте увѣрены! отвѣчалъ Маниловъ. Я съ вами разстаюсь не болѣе, какъ на два дни.

Всѣ вышли въ столовую.

— Прощайте, миленькія малютки? сказалъ Чичиковъ, увидѣвши Алкида и Ѳемистоклюса, которые занимались какимъ-то деревяннымъ гусаромъ, у котораго уже не было ни руки, ни носа. Прощайте, мои крошки! Вы извините меня, что я не привезъ вамъ гостинца, потому что, признаюсь, не зналъ даже, живете ли вы на свѣтѣ; но теперь, какъ пріѣду, непремѣнно привезу. Тебѣ привезу саблю. Хочешь саблю?

— Хочу, отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ.

— А тебѣ барабанъ. Не правда ли, тебѣ барабанъ! продолжалъ онъ, наклонившись къ Алкиду.

Digitized by Google

— Парапанъ, отвѣчалъ шопотомъ и потупивъ голову Алкидъ.

— Хорошо, я тебѣ привезу барабанъ,—такой славный барабанъ; этакъ все будетъ туррр... ту... тра та та, та та та... Прощай, душенька! прощай! Тутъ поцѣловалъ онъ его въ голову и обратился къ Манилову и его супругѣ съ небольшимъ смѣхомъ, съ какимъ, обыкновенно, обращаются къ родителямъ, давая имъ знать о невинности желаній ихъ дѣтей.

— Право, останьтесь. Павелъ Ивановичъ! сказалъ Маниловъ, когда уже всѣ вышли на крыльцо. Посмотрите, какія тучи.

— Это маленькія тучки, отвѣчалъ Чичиковъ.

— Да знаете ли вы дорогу къ Собакевичу?

— Объ этомъ хочу спросить васъ.

— Позвольте, я сейчасъ разскажу вашему кучеру. Тутъ Маниловъ съ такою же любезностію разсказалъ дѣло кучеру, и сказалъ ему даже одинъ разъ *вы*.

Кучеръ услышавъ, что нужно пропустить два поворота и поворотить на третій, сказалъ: «Потрафимъ, ваше благородіе», и Чичиковъ уѣхалъ, сопровождаемый долго поклонами и маханьями платка приподымавшихся на цыпочкахъ хозяевъ.

Маниловъ долго стоялъ на крыльцѣ, провожая глазами удалявшуюся бричку, и, когда она уже совершенно стала невидна, онъ все еще стоялъ, куря трубку. Наконецъ вошелъ онъ въ комнату, сѣлъ на стулѣ и предался размышленію, душевно радуясь, что доставилъ гостю своему небольшое удовольствіе. Потомъ мысли его перенеслись незамѣтно къ другимъ предметамъ и наконецъ занеслись Богъ знаетъ куда. Онъ думалъ о благополучіи дружеской жизни, о томъ, какъ бы хорошо было жить съ другомъ на берегу какой-нибудь рѣки, потомъ чрезъ эту рѣку началъ строиться у него мостъ, потомъ огромнѣйшій домъ съ такимъ высокимъ бельведеромъ, что можно оттуда видѣть даже Москву, и тамъ пить вечеромъ чай на открытомъ воздухѣ и разсуждать о какихъ-нибудь пріятныхъ предметахъ; потомъ, что они вмѣстѣ съ Чичиковымъ пріѣхали въ какое-то общество, въ хорошихъ каретахъ, гдѣ обворожаютъ всѣхъ пріятностію обращенія, и что самое высшее начальство, узнавши о такой ихъ дружбѣ, пожаловало ихъ генералами, и далѣе, наконецъ, Богъ знаетъ, что такое, чего уже онъ и самъ никакъ не могъ разобрать. Странная просьба Чичикова прервала вдругъ всѣ его мечтанія. Мысль

Digitized by Google

о ней какъ-то особенно не варилась въ его головѣ: какъ ни переворачивалъ онъ ее, но никакъ не могъ изъяснить себѣ, и все время сидѣлъ онъ и курилъ трубку, что тянулось до самаго ужина.

Глава 3.

Чичиковъ направляется къ Собакевичу; но Селифанъ, подъ вліяніемъ Маниловскаго угощенія, заговорился съ своими лошадями и сбился съ дороги.— На ихъ горе пошелъ сильный дождь, сопровождаемый громомъ и молніей.

«Между тѣмъ Чичиковъ сталъ примѣчать, что бричка качалась во всѣ стороны и надѣляла его пресильными толчками; это дало ему почувствовать, что они своротили съ дороги и, вѣроятно, тащились по взборонненному полю. Селифанъ, казалось, самъ смекнулъ, но не говорилъ ни слова.

— Что, мошенникъ, по какой дорогѣ ты ѣдешь? сказалъ Чичиковъ.

— Да что жъ, баринъ, дѣлать, время-то такое; кнута не видишь, такая потьма! Сказавши это, онъ такъ покосилъ бричку, что Чичиковъ принужденъ былъ держаться обѣими руками. Тутъ только замѣтилъ онъ, что Селифанъ подгулялъ.

— Держи, держи, опрокинешь!—кричалъ онъ ему.

— Нѣтъ, баринъ, какъ можно, чтобъ я опрокинулъ,—говорилъ Селифанъ.—Это не хорошо опрокинуть, я ужъ самъ знаю; ужъ я ни какъ не опрокину... Затѣмъ началъ онъ слегка поворачивать бричку, поворачивалъ, поворачивалъ и наконецъ выворотилъ ее совершенно на бокъ. Чичиковъ и руками и ногами шлепнулся въ грязь. Слѣзши съ козелъ, Селифанъ сталъ передъ бричкою, подперся въ бока обѣими руками, въ то время, какъ баринъ барахтался въ грязи, силясь оттуда вылѣзть, и сказалъ послѣ нѣкотораго размышленія: «Вишь ты и перекинулась»!

Чичиковъ бранитъ Селифана, грозитъ ему розгами: добродушный Селифанъ не прочь отъ наказанія, коли за дѣло...

Тутъ сама судьба сжалилась надъ ними, и вотъ наши путешественники пріѣзжаютъ въ деревню помѣщицы Коробочки.

Коробочка одна изъ тѣхъ матушекъ, небольшихъ помѣщицъ, которыя плачутся на неурожаи, убытки, и держатъ голову на бокъ, а между тѣмъ набираютъ понемногу деньжонокъ въ пестрядевые мѣшечки, размѣщенные по ящикамъ комодовъ. Въ одинъ мѣшечекъ отбираютъ все цѣлковики, въ другой полтин-

Digitized by Google

нички, въ третій четвертачки, хотя съ виду и кажется, будто бы въ комодѣ ничего нѣтъ, кромѣ бѣлья, да ночныхъ кофточекъ, да нитяныхъ моточковъ, да распоротаго салопа, имѣющаго потомъ обратиться въ платье, если старое какъ-нибудь прогоритъ во время печенія праздничныхъ лепешекъ со всякими пряженцами, или поизотрется само собою. Но не сгоритъ платье и не изотрется само собою: бережлива старуха, и салопу суждено пролежать долго въ распоротомъ видѣ, а потомъ достаться, по духовному завѣщанію, племянницѣ внучатной сестры, вмѣстѣ со всякимъ другимъ хламомъ.

Было два часа ночи, и Коробочка очень жалѣла, что, за позднимъ временемъ, не можетъ ничего предложить Чичикову; но ему ничего не было нужно, кромѣ постели.

Проснулся на другой день онъ уже довольно позднимъ утромъ...

...Подошедши къ окну, Чичиковъ началъ разсматривать бывшіе передъ нимъ виды: окно глядѣло едва ли не въ курятникъ; по крайней мѣрѣ, находившійся передъ нимъ узенькій дворикъ весь былъ наполненъ птицами и всякой домашней тварью. Индѣйкамъ и курамъ не было числа; промежъ нихъ расхаживалъ пѣтухъ мѣрными шагами, потряхивая гребнемъ и поворачивая голову на бокъ, какъ будто къ чему-то прислушиваясь; свинья съ семействомъ очутилась тутъ же; разгребая кучу сора, съѣла она мимоходомъ цыпленка и, не замѣчая этого, продолжала уписывать арбузныя корки своимъ порядкомъ. Этотъ небольшой дворикъ, или курятникъ, перегражадалъ досчатый заборъ, за которымъ тянулись пространные огороды съ капустой, лукомъ, картофелемъ, свеклой и прочимъ хозяйственнымъ овощемъ. По огороду были разбросаны кое-гдѣ яблони и другія фруктовыя деревья, накрытыя сѣтями для защиты отъ сорокъ и воробьевъ, изъ которыхъ послѣдніе цѣлыми косвенными тучами переносились съ одного мѣста на другое. Для этой же самой причины водружено было нѣсколько чучелъ на длинныхъ шестахъ съ растопыренными руками; на одномъ изъ нихъ надѣтъ былъ чепецъ самой хозяйки. За огородами слѣдовали крестьянскія избы, которыя хотя были выстроены въ-разсыпную и не заключены въ правильныя улицы, но, по замѣчанію, сдѣланному Чичиковымъ, показывали довольство обитателей, ибо были поддержи-

Digitized by Google

ваемы, какъ слѣдуетъ: изветшавшій тесъ на крышахъ вездѣ былъ замѣненъ новымъ; ворота нигдѣ не покосились; а въ обращенныхъ къ нему крестьянскихъ крытыхъ сараяхъ замѣтилъ онъ—гдѣ стоявшую запасную, почти новую, телѣгу, а гдѣ и двѣ. «Да у нея деревушка не маленькая»! сказалъ онъ и положилъ тутъ же разговориться и познакомиться съ хозяйкой покороче...

...Послѣ обыкновенныхъ утреннихъ привѣтствій, онъ повелъ такія рѣчи.

— У васъ, матушка, хорошая деревенька. Сколько въ ней душъ?

— Душъ-то въ ней, отецъ мой, безъ малаго 80,—сказала хозяйка;—да бѣда, времена плохи: вотъ и прошлый годъ былъ такой неурожай, что Боже храни.

— Однакожъ мужики на видъ дюжіе, избенки крѣпкія. А позвольте узнать фамилію вашу. Я такъ разсѣялся... пріѣхалъ въ ночное время...

— Коробочка, коллежская секретарша.

— Покорнѣйше благодарю. А имя и отчество?

— Настасья Петровна.

— Настасья Петровна? хорошее имя Настасья Петровна. У меня тетка родная, сестра моей матери, Настасья Петровна.

— А ваше имя какъ? спросила помѣщица. Вѣдь вы, я чай, засѣдатель?

— Нѣтъ, матушка,—отвѣчалъ Чичиковъ усмѣхнувшись,—чай не засѣдатель, а такъ ѣздимъ по своимъ дѣлишкамъ.

— А, такъ вы покупщикъ! Какъ же жаль право, что я продала медъ купцамъ такъ дешево! а вотъ ты бы, отецъ мой, у меня, вѣрно, его купилъ.

— А вотъ меду и не купилъ бы.

— Что́ жъ другое? Развѣ пеньку? Да вѣдь и пеньки у меня теперь маловато! полпуда всего.

— Нѣтъ, матушка, другаго рода товарецъ: скажите, у васъ умирали крестьяне?

— Охъ, батюшка, осьмнадцать человѣкъ!—сказала старуха, вздохнувши.—И умеръ такой все славный народъ, все работники. Послѣ того, правда, народились, да что́ въ нихъ? все такая мелюзга. А засѣдатель подъѣхалъ—подать, говоритъ, уплачивать съ души. Народъ мертвый, а плати какъ за живаго. На

Digitized by Google

прошлой недѣлѣ сгорѣлъ у меня кузнецъ, такой искусный кузнецъ и слесарное мастерство зналъ.

— Развѣ у васъ былъ пожаръ?

— Богъ приберегъ отъ такой бѣды; пожаръ бы еще хуже: самъ сгорѣлъ, отецъ мой. Внутри у него какъ-то загорѣлось, черезъ-чуръ выпилъ; только синій огонекъ пошелъ отъ него, весь истлѣлъ и почернѣлъ, какъ уголь. А такой былъ преискусный кузнецъ! И теперь мнѣ выѣхать не на чемъ: некому лошадей подковать.

— На все воля Божья, матушка,—сказалъ Чичиковъ вздохнувши: — противъ мудрости Божіей ничего нельзя сказать.... Уступите-ка ихъ мнѣ, Настасья Петровна?

— Кого, батюшка?

— Да вотъ этихъ-то всѣхъ, что́ умерли.

— Да какъ же уступить ихъ?

— Да такъ просто. Или, пожалуй, продайте. Я вамъ за нихъ дамъ деньги.

— Да какъ же, я право въ толкъ-то не возьму? Нешто хочешь ты ихъ откапывать изъ земли?

Чичиковъ увидѣлъ, что старуха хватила далеко и что необходимо ей нужно растолковать, въ чемъ дѣло. Въ немногихъ словахъ объяснилъ онъ ей, что переводъ или покупка будетъ значиться только на бумагѣ, и души будутъ прописаны какъ-бы живыя.

— Да на что̀ жъ онѣ тебѣ?—сказала старуха, выпучивъ на него глаза.

— Это ужъ мое дѣло.

— Да вѣдь онѣ жъ мертвыя.

— Да кто же говоритъ, что онѣ живыя? Потому-то и въ убытокъ вамъ, что мертвыя: вы за нихъ платите, а теперь я васъ избавлю отъ хлопотъ и платежа. Понимаете? Да не только избавлю, да еще сверхъ того дамъ вамъ пятнадцать рублей. Ну, теперь ясно?

— Право, не знаю,—произнесла хозяйка съ разстановкой.— Вѣдь я мертвыхъ никогда еще не продавала.

— Еще бы! Это бы скорѣе походило на диво, если бы вы ихъ кому-нибудь продали. Или вы думаете, что въ нихъ есть въ самомъ дѣлѣ какой нибудь прокъ?

Digitized by Google

— Нѣтъ, этого-то я не думаю. Что же въ нихъ за прокъ? Проку никакого нѣтъ. Меня только то и затрудняетъ, что онѣ уже мертвыя.

«Ну, баба, кажется, крѣпколобая»! подумалъ про-себя Чичиковъ.—Послушайте, матушка! Да вы разсудите только хорошенько: вѣдь вы раззоряетесь, платите за него подать, какъ за живаго...

— Охъ, отецъ мой, и не говори объ этомъ! подхватила помѣщица.—Еще третью недѣлю внесла болѣе полутораста, да засѣдателя подмаслила...

— Ну, видите, матушка? А теперь примите въ соображеніе только то, что засѣдателя вамъ подмасливать больше не нужно, потому что теперь я плачу за нихъ,—я, а не вы; я принимаю на себя всѣ повинности; я совершу даже крѣпость на свои деньги,—понимаете ли вы это?

Старуха задумалась. Она видѣла, что дѣло точно какъ будто выгодно, да только ужъ слишкомъ новое и небывалое, а потому начала сильно побаиваться, чтобы какъ-нибудь не надулъ ее этотъ покупщикъ; пріѣхалъ же Богъ знаетъ откуда, да еще и въ ночное время.

— Такъ что жъ, матушка, по рукамъ, что-ли? говорилъ Чичиковъ.

— Право, отецъ мой, никогда еще не случалось продавать мнѣ покойниковъ. Живыхъ-то я уступила вотъ и третьяго года Протопопу, — двухъ дѣвокъ, по сту рублей каждую: и очень благодарилъ: такія вышли славныя работницы: сами салфетки ткутъ.

— Ну, да не о живыхъ дѣло; Богъ съ ними! Я спрашиваю мертвыхъ.

— Право, я боюсь на первыхъ-то порахъ, чтобы какъ нибудь не понести убытку. Можетъ быть, ты, отецъ мой, меня обманываешь, а они того... они больше какъ нибудь стоятъ.

— Послушайте, матушка... эхъ какія вы! что жъ они могутъ стоить? Разсмотрите: вѣдь это прахъ. Понимаете ли? это, просто, прахъ. Вы возьмите всякую негодную, послѣднюю вещь, напримѣръ, даже простую тряпку,—и тряпкѣ есть цѣна: ее хоть, по крайней мѣрѣ, купятъ на бумажную фабрику, а вѣдь это ни на что не нужно. Ну, скажите сами, на что оно нужно?

Digitized by Google

— Ужъ это точно правда. Ужъ совсѣмъ ни на что не нужно; да вѣдь меня одно только и останавливаетъ, что вѣдь онѣ уже мертвыя.

«Эхъ ее дубино-головая какая»! сказалъ про-себя Чичиковъ, уже начиная выходить изъ терпѣнія. «Поди-ты, сладь съ нею! въ потъ бросила, проклятая старуха»! Тутъ онъ, вынувши изъ кармана платокъ, началъ отирать потъ, въ самомъ дѣлѣ выступившій на лбу. Отерши потъ, Чичиковъ рѣшился попробовать, нельзя ли ее навести на путь какою-нибудь иною стороною.—Вы, матушка,—сказалъ онъ,—или не хотите понимать словъ моихъ, или такъ нарочно говорите, лишь бы что-нибудь говорить... Я вамъ даю деньги: пятнадцать рублей ассигнаціями,—понимаете ли? Вѣдь это деньги. Вы ихъ не сыщете на улицѣ. Ну, признайтесь, почемъ продали медъ?

— По 12-ти рублей пудъ.

— Хватили немножко грѣха на душу, матушка. По двѣнадцати не продали.

— Ей-Богу, продала.

— Ну, видите-ль? Такъ за то—это медъ. Вы собирали его, можетъ быть, около года съ заботами, со стараніемъ; хлопотали, ѣздили, морозили пчелъ, кормили ихъ въ погребѣ цѣлую зиму, а мертвыя души дѣло не отъ міра сего. Тутъ вы съ своей стороны никакого не прилагали старанія: на то была воля Божія, чтобъ онѣ оставили міръ сей, нанеся ущербъ вашему хозяйству. Тамъ вы получили за трудъ, за стараніе двѣнадцать рублей, а тутъ вы берете ни за что, даромъ, да и не двѣнадцать, а пятнадцать, да и не серебромъ, а все синими ассигнаціями.—Послѣ такихъ сильныхъ убѣжденій Чичиковъ почти уже не сомнѣвался, что старуха наконецъ подастся.

— Право,—отвѣчала помѣщица,—мое такое неопытное, вдовье дѣло! лучше жъ я маленько повременю, авось понаѣдутъ купцы, да примѣнюсь къ цѣнамъ.

— Срамъ, срамъ, матушка! просто, срамъ! Ну, что вы это говорите, подумайте сами! кто жъ станетъ покупать ихъ? Ну, какое употребленіе онъ можетъ изъ нихъ сдѣлать?

— А можетъ, въ хозяйствѣ-то какъ нибудь подъ случай понадобятся... возразила старуха, да и не кончила рѣчи: открыла

Digitized by Google

ротъ и смотрѣла на него почти со страхомъ, желая знать, что онъ на это скажетъ.

— Мертвые въ хозяйствѣ! Экъ куда хватили! Воробьевъ развѣ пугать по ночамъ въ вашемъ огородѣ, что-ли?

— Съ нами крестная сила! Какія ты страсти говоришь!— проговорила старуха, крестясь.

— Куда жъ еще вы ихъ хотѣли пристроить? Да, впрочемъ, вѣдь кости и могилы—все вамъ остается: переводъ только на бумагѣ. Ну такъ что же? Какъ же? отвѣчайте, по крайней мѣрѣ.

Старуха вновь задумалась.

— О чемъ же вы думаете, Настасья Петровна?

— Право, я всё не приберу, какъ мнѣ быть; лучше я вамъ пеньку продамъ.

— Да что жъ пенька? Помилуйте, я васъ прошу совсѣмъ о другомъ, а вы мнѣ пеньку суете! Пенька пенькою, въ другой разъ пріѣду, заберу и пеньку. Такъ какъ-же, Настасья Петровна?

— Ей-Богу, товаръ такой странный, совсѣмъ небывалый!

Здѣсь Чичиковъ вышелъ совершенно изъ границъ всякаго терпѣнія, хватилъ въ-сердцахъ стуломъ объ полъ и посулилъ ей чорта.

Чорта помѣщица испугалась необыкновенно.—Охъ, не припоминай его, Богъ съ нимъ! вскрикнула она, вся поблѣднѣвъ.— Еще третьяго дня всю ночь мнѣ снился окаянный. Вздумала было на ночь загадать на картахъ, послѣ молитвы, да, видно, въ наказаніе-то Богъ и наслалъ его. Такой гадкій привидѣлся: а рога-то длиннѣе бычачьихъ.

— Я дивлюсь, какъ они вамъ десятками не снятся. Изъ одного христіанскаго человѣколюбія хотѣлъ: вижу — бѣдная вдова убивается, терпитъ нужду... да пропади и околѣй со всей вашей деревней!...

— Ахъ, какія ты забранки пригинаешь! сказала старуха, глядя на него со страхомъ.

— Да не найдешь словъ съ вами! Право, словно какая нибудь, не говоря дурнаго слова, дворняшка, что лежитъ на сѣнѣ: и сама не ѣстъ сѣна, и другимъ не даетъ. Я хотѣлъ было закупать у васъ хозяйственные продукты разные, потому что я и казенные подряды тоже веду... — Здѣсь онъ прилгнулъ, хоть и вскользъ, и безъ всякаго дальнѣйшаго размышленія, но не-

Digitized by Google

ожиданно—удачно. Казенные подряды подѣйствовали сильно на Настасью Петровну, по крайней мѣрѣ, она произнесла уже почти просительнымъ голосомъ: да чего-жъ ты разсердился такъ горячо? Знай я прежде, что ты такой сердитый, да я бы совсѣмъ тебѣ и не прекословила.

— Есть изъ чего сердится! Дѣло яйца выѣденнаго не стоитъ, а я стану изъ-за него сердиться!

— Ну, да изволь, я готова отдать за пятнадцать ассигнацій! только смотри, отецъ мой, на счетъ подрядовъ-то: если случится муки брать ржаной, или гречневой, или крупъ, или скотины битой, такъ ужъ пожалуйста не обидь меня.

— Нѣтъ, матушка, не обижу,—говорилъ онъ, а между тѣмъ отиралъ рукою потъ, который въ три ручья катился по лицу его.

Вопросъ о повѣренномъ для совершенія купчей крѣпости и письмо къ нему отъ Коробочки, которое сочинилъ самъ же Чичиковъ.

«Хорошо бы было», подумала, между тѣмъ, про себя Коробочка, «если бы онъ забиралъ у меня въ казну муку и скотину. Нужно его задобрить: тѣста со вчерашняго вечера еще осталось, такъ пойти сказать Фетиньѣ, чтобъ испекла блиновъ. Хорошо бы также загнуть пирогъ прѣсный съ яйцомъ: у меня его славно загибаютъ, да времени беретъ немного.

Коробочка подписывается подъ довѣреннымъ письмомъ и диктуетъ Чичикову имена проданныхъ ему мужиковъ, такъ какъ не вела никакихъ записокъ, ни списковъ, а знала почти всѣхъ наизусть.

Послѣ угощенія, Чичиковъ собрался въ дальнѣйшій путь.

— Такъ ужъ, пожалуйста, не забудьте на счетъ подрядовъ.

— Не забуду, не забуду,—говорилъ Чичиковъ, выходя въ сѣни.

— А свинаго сала не покупаете? сказала хозяйка, слѣдуя за нимъ.

— Почему не покупать? Покупаю, только послѣ.

— У меня о святкахъ и свиное сало будетъ.

— Купимъ, купимъ, всего купимъ, и свинаго сала купимъ.

— Можетъ быть, понадобится птичьихъ перьевъ. У меня къ Филиппову посту будутъ и птичьи перья.

— Хорошо, хорошо, говорилъ Чичиковъ.

Digitized by Google

Чтобы имъ вѣрнѣе и скорѣе добраться до большой дороги, Коробочка даетъ Чичикову дѣвчонку.

Кончая разсказъ о Коробочкѣ, Гоголь устанавливаетъ на нее такой взглядъ:

...«Да, полно, точно ли Коробочка стоитъ такъ низко на безконечной лѣстницѣ человѣческаго совершенствованія? Точно ли такъ велика пропасть, отдѣляющая ее отъ сестры ея, недосягаемо огражденной стѣнами аристократическаго дома, съ благовонными чугунными лѣстницами, сіяющей мѣдью, краснымъ деревомъ и коврами, зѣвающей за недочитанной книгой, въ ожиданіи остроумно-свѣтскаго визита, гдѣ ей предстанетъ поле блеснуть умомъ и высказать вытверженныя мысли,—мысли, занимающія, по законамъ моды, на цѣлую недѣлю городъ, мысли не о томъ, что̀ дѣлается въ ея домѣ и въ ея помѣстьяхъ, запутанныхъ и разстроенныхъ, благодаря незнанію хозяйственнаго дѣла, а о томъ, какой психическій переворотъ готовится во Франціи, какое направленіе принялъ модный католицизмъ»?

Отвѣтъ, конечно, въ пользу Коробочки.

Глава 4.

По дорогѣ Чичиковъ, заѣхавши въ трактиръ, чтобы дать отдохнуть лошадямъ, да и самому подкрѣпиться, встрѣчается съ знакомымъ ему помѣщикомъ Ноздревымъ.

Гоголь такъ характеризуетъ Ноздрева:

Такихъ людей приходилось всякому встрѣчать немало. Они называются разбитными малыми, слывутъ еще въ дѣтствѣ и въ школѣ за хорошихъ товарищей, и, при всемъ томъ, бываютъ весьма больно поколачиваемы. Въ ихъ лицахъ всегда видно что-то открытое, прямое, удалое. Они скоро знакомятся, и не успѣешь оглянуться, какъ уже говорятъ *ты*. Дружбу заведутъ, кажется, на-вѣкъ, но всегда почти такъ случается, что подружившійся подерется съ нимъ того же вечера на дружеской пирушкѣ. Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народъ видный. Ноздревъ въ тридцать пять лѣтъ былъ таковъ же совершенно, какимъ въ осьмнадцать и двадцать: охотникъ погулять... Дома онъ больше дня никакъ не могъ усидѣть. Чуткій носъ его слышалъ за нѣсколько десятковъ верстъ, гдѣ была ярмарка со всякими съѣздами и балами; онъ уже въ одно мгновеніе ока былъ тамъ, спорилъ и заводилъ су-

Digitized by Google

мятицу за зеленымъ столомъ, ибо имѣлъ, подобно всѣмъ таковымъ, страстишку къ картишкамъ. Въ картишки игралъ онъ не совсѣмъ безгрѣшно и чисто, зная много разныхъ передержекъ и другихъ тонкостей, и потому игра весьма часто оканчивалась другою игрою: или поколачивали его сапогами, или же задавали передержку его густымъ и очень хорошимъ бакенбардамъ, такъ что возвращался домой онъ иногда съ одной только бакенбардой и то довольно жидкой. Но здоровыя и полныя щеки его такъ хорошо были сотворены и вмѣщали въ себѣ столько растительной силы, что бакенбарды скоро выростали вновь, еще даже лучше прежнихъ. И что всего страннѣе, что можетъ только на одной Руси случиться, онъ чрезъ нѣсколько времени уже встрѣчался опять съ тѣми пріятелями, которые его тузили, и встрѣчался какъ ни въ чемъ не бывало: и онъ, какъ говорится, ничего, и они ничего.

Ноздревъ былъ въ нѣкоторомъ отношеніи историческій человѣкъ. Ни на одномъ собраніи, гдѣ онъ былъ, не обходилось безъ исторіи. Какая нибудь исторія непремѣнно происходила: или выведутъ его подъ руки изъ зала жандармы, или принуждены бываютъ вытолкать свои же пріятели. Если же этого не случится, то все-таки что-нибудь да будетъ такое, чего съ другимъ никакъ не будетъ: или нарѣжется въ буфетѣ такимъ образомъ, что только смѣется, или проврется самымъ жестокимъ образомъ, такъ что наконецъ самому сдѣлается совѣстно. Въ немъ еще была страстишка нагадить ближнему, иногда вовсе безъ всякой причины. Чѣмъ кто ближе съ нимъ сходился, тому онъ скорѣе всѣхъ насаливалъ: распускалъ небылицу, глупѣе которой трудно выдумать, разстраивалъ свадьбу, торговую сдѣлку, и вовсе не почиталъ себя вашимъ непріятелемъ; напротивъ, если случай приводилъ его опять встрѣтиться съ вами, онъ обходился вновь по-дружески и даже говорилъ: «Вѣдь ты такой подлецъ,— никогда ко мнѣ не заѣдешь». Ноздревъ во многихъ отношеніяхъ былъ многосторонній человѣкъ, то есть, человѣкъ на всѣ руки. Въ ту же минуту онъ предлагалъ вамъ ѣхать, куда угодно, хоть на край свѣта, войти, въ какое хотите, предпріятіе, мѣнять все, что ни есть, на все, что хотите. Ружье, собака, лошадь—все было предметомъ мѣны, но вовсе не съ тѣмъ, чтобы выиграть: это происходило, просто, отъ какой-то неугомонной

Digitized by Google

юркости и бойкости характера. Если ему на ярмаркѣ посчастливилось напасть на простака и обыграть его, онъ накупалъ кучу всего, что прежде попадалось ему на глаза въ лавкахъ: хомутовъ, курительныхъ свѣчекъ, платковъ для няньки, жеребца, изюму, серебряный рукомойникъ, голландскаго холста, крупичатой муки, табаку, пистолетовъ, селедокъ, картинъ, точильный инструментъ, горшковъ, сапоговъ, фаянсовую посуду—на сколько хватало денегъ. Впрочемъ, рѣдко случалось, чтобы это было довезено домой: почти въ тотъ же день спускалось оно все другому счастливѣйшему игроку, иногда даже прибавлялась собственная трубка съ кисетомъ и мундштукомъ, а въ другой разъ и вся четверня со всѣмъ, съ коляской и кучеромъ, такъ что самъ хозяинъ отправлялся въ коротенькомъ сюртучкѣ, или архалукѣ, искать какого нибудь пріятеля, чтобы попользоваться его экипажемъ. Вотъ какой былъ Ноздревъ.

Можетъ быть, назовутъ его характеромъ избитымъ, станутъ говорить, что теперь нѣтъ уже Ноздрева. Увы! несправедливы будутъ тѣ, которые станутъ говорить такъ. Ноздревъ долго еще не выведется изъ міра. Онъ вездѣ между нами, и, можетъ быть, только ходитъ въ другомъ кафтанѣ; но легкомысленно-непроницательны люди, и человѣкъ въ другомъ кафтанѣ кажется имъ другимъ человѣкомъ.

Въ обращеніи съ Чичиковымъ Ноздревъ развернулся вполнѣ. Началъ съ ярмарочныхъ похожденій, причемъ вралъ немилосердно, и кончилъ тѣмъ, что затащилъ Чичикова къ себѣ въ гости. Дома онъ показалъ ему все до послѣдняго чубука и испорченной шарманки. За обѣдомъ Ноздревъ хотѣлъ подпоить гостя, чтобы вѣрнѣе обыграть его, но Чичиковъ былъ остороженъ. Выбравши удобную минуту, Чичиковъ заговариваетъ о мертвыхъ душахъ, и дѣлаетъ большую ошибку, отъ которой потомъ пришлось ему много потерпѣть. Ноздревъ даромъ уступаетъ умершихъ крестьянъ, лишь бы Чичиковъ купилъ у него за 4,000 жеребца, который, по его увѣренію, заплоченъ 10,000. Чичиковъ ни на какія покупки, ни на какой промѣнъ не согласился. На другой день Ноздревъ принудилъ таки Чичикова играть въ шашки, но не умѣлъ въ игрѣ скрыть своихъ плутней: Чичиковъ уличилъ его и бросилъ играть, за что его, бѣднаго, чуть не побили люди Ноздрева,—къ счастью, подъѣхалъ капитанъ-исправникъ, и Чичиковъ за его спиною выскользнулъ на крыльцо, сѣлъ въ бричку и велѣлъ Селифану погонять лошадей во весь духъ.

Глава 5.

Чичиковъ ѣдетъ къ помѣщику Собакевичу.

Digitized by Google

Деревня Собакевича показалась ему довольно велика; два лѣса, березовый и сосновый, какъ два крыла, одно темнѣе, другое свѣтлѣе, были у ней справа и слѣва; посреди виднѣлся деревянный домъ съ мезониномъ, красной крышей и темносѣрыми, или, лучше, дикими стѣнами; домъ—въ родѣ тѣхъ, какъ у насъ строятъ для военныхъ поселеній и нѣмецкихъ колонистовъ. Было замѣтно, что, при постройкѣ его, зодчій безпрестанно боролся со вкусомъ хозяина. Зодчій былъ педантъ и хотѣлъ симметріи, хозяинъ—удобства и, какъ видно, въ слѣдствіе того, заколотилъ на одной сторонѣ всѣ отвѣчающія окна и провертѣлъ на мѣсто ихъ одно маленькое, вѣроятно, понадобившееся для темнаго чулана. Фронтонъ тоже никакъ не пришелся посреди дома, какъ ни бился архитекторъ, потому что хозяинъ приказалъ одну колонну съ боку выкинуть, и оттого очутилось не четыре колонны, какъ было назначено, а только три. Дворъ окруженъ былъ крѣпкою и непомѣрно толстою деревянною рѣшеткой. Помѣщикъ, казалось, хлопоталъ много о прочности. На конюшни, сараи и кухни были употреблены полновѣсныя и толстыя бревна, опредѣленныя на вѣковое стояніе. Деревенскія избы мужиковъ тоже срублены были на диво: не было кирченыхъ стѣнъ, рѣзныхъ узоровъ и прочихъ затѣй, но все было пригнано плотно и какъ слѣдуетъ. Даже колодецъ былъ обдѣланъ въ такой крѣпкій дубъ, какой идетъ только на мельницы да на корабли. Словомъ, все на что ни глядѣлъ Чичиковъ, было упористо, безъ пошатки, въ какомъ-то крѣпкомъ и неуклюжемъ порядкѣ...

...Когда Чичиковъ взглянулъ искоса на Собакевича, онъ ему на этотъ разъ показался весьма похожимъ на средней величины медвѣдя... Цвѣтъ лица имѣлъ каленый, горячій, какой бываетъ на мѣдномъ пятакѣ. Извѣстно, что есть много на свѣтѣ такихъ лицъ, надъ отдѣлкою которыхъ натура не долго мудрила, не употребляла никакихъ мелкихъ инструментовъ, какъ-то: напильниковъ, буравчиковъ и прочаго, но просто рубила со всего плеча: хватила топоромъ разъ—вышелъ носъ, хватила въ другой — вышли губы, большимъ сверломъ ковырнула глаза и, не обскобливши, пустила на свѣтъ, сказавши: живетъ! Такой же самый крѣпкій и на диво стаченный образъ былъ у Собакевича: держалъ онъ его болѣе внизъ, чѣмъ вверхъ, шеи не ворочалъ вовсе и,

Digitized by Google

въ силу такого неповорота, рѣдко глядѣлъ на того, съ которымъ говорилъ, но всегда или на уголъ печки, или на дверь.

Разговоръ съ Собакевичемъ Чичиковъ началъ похвалами губернскимъ властямъ.

По Собакевичу,—предсѣдатель—такой дуракъ, какого свѣтъ не производилъ; губернаторъ—первый разбойникъ въ мірѣ и лицо разбойничье, дать ему ножъ да выпустить его на большую дорогу,—зарѣжетъ, за копѣйку зарѣжетъ! Онъ да еще вице-губернаторъ — это Гога да Магога! Полиціймейстеръ — мошенникъ: продастъ, обманетъ, еще и пообѣдаетъ съ вами!— Я ихъ всѣхъ знаю, *говоритъ Собакевичъ*, — это все мошенники; весь городъ тамъ такой: мошенникъ на мошенникѣ сидитъ и мошенникомъ погоняетъ. Всѣ христопродавцы. Одинъ тамъ только и есть порядочный человѣкъ — прокуроръ, да и тотъ, если сказать правду, свинья».

За столомъ онъ говорилъ: «у меня, когда свинина—всю свинью давай на столъ, баранина—всего барана тащи, гусь—всего гуся! Лучше я съѣмъ двухъ блюдъ, да съѣмъ въ мѣру, какъ душа требуетъ. *Дѣйствительно такъ у него и было за обѣдомъ:* бараній бокъ съ кашей, ватрушки, мѣрою больше тарелки, индюкъ съ теленка, набитый яйцами, рисомъ, печенками и ни вѣсть чѣмъ.

Послѣ обѣда Чичиковъ заговорилъ съ Собакевичемъ о своемъ дѣлѣ.

— Вамъ нужно мертвыхъ душъ? спросилъ Собакевичъ очень просто, безъ малѣйшаго удивленія, какъ бы рѣчь шла о хлѣбѣ.

— Да, отвѣчалъ Чичиковъ и смягчилъ выраженіе, прибавивши:—несуществующихъ.

— Извольте, я готовъ продать, сказалъ Собакевичъ, смекнувши, что покупщикъ, вѣрно, долженъ имѣть здѣсь какую-нибудь выгоду.

Онъ запросилъ по сту рублей за душу, а Чичиковъ предложилъ ему—по восьми гривенъ.

Въ то время какъ они торговались, Собакевичъ, между прочимъ, замѣтилъ:

Знаете-ли, что такого рода покупки—я это говорю между нами, по дружбѣ—не всегда позволительны, и разскажи я, или кто иной—такому человѣку не будетъ никакой довѣренности относительно контрактовъ, или вступленія въ какія нибудь выгодныя обязательства».

Digitized by Google

Наконецъ сошлись на 2-хъ рубляхъ съ полтиною за душу.

Въ то время какъ Собакевичъ выписывалъ проданныхъ мужиковъ, Чичиковъ, глядя на его спину и ноги, не могъ не воскликнуть внутренно: «Экъ наградилъ-то тебя Богъ! вотъ ужъ, точно, какъ говорятъ, неладно скроенъ, да крѣпко сшитъ!.. Родился ли ты ужъ такимъ медвѣдемъ, или омедвѣдила тебя захолустная жизнь, хлѣбные посѣвы, возня съ мужиками, и ты черезъ нихъ сдѣлался то, что́ называютъ человѣкъ-кулакъ? Но нѣтъ: я думаю, ты все былъ бы тотъ же, хотя бы даже воспитали тебя по модѣ, пустили бы въ ходъ, и жилъ бы ты въ Петербургѣ, а не въ захолустьи. Вся разница въ томъ, что теперь ты упишешь полъ-бараньяго бока съ кашей, закусивши ватрушкою въ тарелку, а тогда бы ты ѣлъ какія-нибудь котлетки съ трюфелями. Да вотъ теперь у тебя подъ властью мужика: ты съ ними въ ладу и, конечно, ихъ не обидишь, потому что они твои,—тебѣ же будетъ хуже, а тогда бы у тебя были чиновники, которыхъ бы ты сильно пощелкивалъ, смекнувши, что они не твои же крѣпостные, или грабилъ бы ты казну! Нѣтъ, кто ужъ кулакъ, тому не разогнуться въ ладонь! А разогни кулаку одинъ, или два пальца—выйдетъ еще хуже. Попробуй онъ слегка верхушекъ какой-нибудь науки,—дастъ онъ знать потомъ, занявши мѣсто повиднѣе, всѣмъ тѣмъ, которые въ самомъ дѣлѣ узнали какую нибудь науку!

Чичиковъ, принявъ записку отъ Собакевича, долженъ былъ дать задатокъ—двадцать пять рублей. Затѣмъ онъ проситъ, чтобы эта сдѣлка осталась въ тайнѣ, въ чемъ его успокоилъ Собакевичъ.

Узнавъ отъ Собакевича, что у помѣщика Плюшкина люди мрутъ, какъ мухи, Чичиковъ ѣдетъ къ нему. На дорогѣ, при разспросѣ, какъ проѣхать къ Плюшкину, спрошенный мужикъ сообщаетъ, что Плюшкинъ прозванъ «*заплатаннымъ*.»

По этому поводу Гоголь дѣлаетъ слѣдующее отступленіе.

«Выражается сильно россійскій народъ! и если наградитъ кого словцомъ, то пойдетъ оно ему въ родъ и потомство, утащитъ оно его съ собою и на службу, и въ отставку, и въ Петербургъ, и на край свѣта, и какъ ужъ потомъ ни хитри и ни облагораживай свое поприще, — ничто не поможетъ: каркнетъ само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажетъ ясно, откуда вылетѣла птица. Произнесенное метко, все равно, что пи-

Digitized by Google

санное, не вырубливается топоромъ. А ужъ куда бываетъ метко все то, что вышло изъ глубины Руси, гдѣ нѣтъ ни нѣмецкихъ, ни чухонскихъ, ни всякихъ иныхъ племенъ, а все самъ-самородокъ, живой и бойкій русскій умъ, что не лѣзетъ за словомъ въ карманъ, не высиживаетъ его, какъ насѣдка цыплятъ, а влѣпливаетъ съ-разу, какъ паспортъ на вѣчную носку, и нечего прибавлять уже потомъ, какой у тебя носъ, или губы: одной чертой обрисованъ ты съ ногъ до головы!

«Какъ несмѣтное множество церквей, монастырей съ куполами, главами, крестами, разсыпано на святой благочестивой Руси, такъ несмѣтное множество племенъ, поколѣній, народовъ, толпится, пестрѣетъ и мечется по лицу земли. И всякій народъ, носящій въ себѣ залогъ силъ, полный творящихъ способностей души, своей яркой особенности и другихъ даровъ Бога, своеобразно отличился каждый своимъ собственнымъ словомъ, которымъ выражая какой ни есть предметъ, отражаетъ въ выраженіи его часть собственнаго своего характера Сердцевѣдѣніемъ и мудрымъ познаньемъ жизни отзовется слово британца; легкимъ щеголемъ блеснетъ и разлетится недолговѣчное слово француза; затѣйливо придумаетъ свое, не всякому доступное, умно-худощавое слово нѣмецъ; но нѣтъ слова, которое было бы такъ замашисто, бойко, такъ вырвалось бы изъ-подъ самаго сердца, такъ бы кипѣло и животрепетало, какъ метко сказанное русское слово».

Глава 6.

Прежде, давно, въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно, была ли то деревушка, бѣдный, уѣздный городишко, село ли, слободка — любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ. Всякое строеніе, все, что носило только на себѣ напечатлѣнье какой-нибудь замѣтной особенности, все останавливало меня и поражало. Каменный ли казенный домъ извѣстной архитектуры, съ половиною фальшивыхъ оконъ, одинъ - одинешенекъ, торчавшій среди бревенчатой тесанной кучи одноэтажныхъ мѣщанскихъ, обывательскихъ домиковъ, круглый ли, правильный куполъ, весь обитый листовымъ бѣлымъ желѣзомъ, вознесенный надъ вы-

Digitized by Google

бѣленною, какъ снѣгъ, новою церковью, рынокъ ли, франтъ ли уѣздный, попавшійся среди города — ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманья, и, высунувши носъ изъ походной телѣги своей, я глядѣлъ и на невиданный дотолѣ покрой какого нибудь сюртука, и на деревянные ящики съ гвоздями, съ сѣрой, желтѣвшей вдали, съ изюмомъ и мыломъ, мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ конфектъ, глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго Богъ знаетъ изъ какой губерніи на уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожкахъ,— и уносился мысленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ. Уѣздный чиновникъ пройди мимо—я уже задумывался: куда онъ идетъ, на вечеръ ли къ какому-нибудь своему брату, или прямо къ себѣ домой, чтобы, посидѣвши съ полчаса на крыльцѣ, пока не совсѣмъ еще сгустились сумерки, сѣсть за раннiй ужинъ, съ матушкой, съ женой, съ сестрой жены и всей семьей; и о чемъ будетъ веденъ разговоръ у нихъ, въ то время, когда дворовая дѣвка въ монистахъ, или мальчикъ въ толстой курткѣ, принесетъ, уже послѣ супа, сальную свѣчу въ долгонѣчномъ, домашнемъ подсвѣчникѣ? Подъѣзжая къ деревнѣ какого-нибудь помѣщика, я любопытно смотрѣлъ на высокую, узкую, деревянную колокольню, или широкую, темную, деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мнѣ издали, сквозь древесную зелень, красная крышка и бѣлыя трубы помѣщичьяго дома, и я ждалъ нетерпѣливо, пока разойдутся на обѣ стороны заступавшіе его сады и онъ покажется весь, съ своею, тогда, увы! вовсе непошлою наружностью; и по немъ старался я угадать: кто таковъ самъ помѣщикъ, толстъ ли онъ, и сычовья ли у него, или цѣлыхъ шестеро дочерей, съ звонкимъ дѣвическимъ смѣхомъ, играми и вѣчною красавицей меньшой сестрицей, и черноглазы ли онѣ, и весельчакъ ли онъ самъ, или хмуренъ, какъ сентябрь въ послѣднихъ числахъ, глядитъ въ календарь, да говоритъ про скучную для юности рожь и пшеницу?

Теперь равнодушно подъѣзжаю ко всякой незнакомой деревнѣ и равнодушно гляжу на ея пошлую наружность; моему охлажденному взору непріятно, мнѣ не смѣшно, и то, что пробудило бы въ прежніе годы живое движенье въ лицѣ, смѣхъ и немолчныя

Digitized by Google

рѣчи, то скользитъ теперь мимо, и безучастное молчаніе хранятъ мои недвижныя уста. О моя юность! о моя свѣжесть!

Покамѣстъ Чичиковъ думалъ и внутренно посмѣивался надъ прозвищемъ, отпущеннымъ мужиками Плюшкину, онъ не замѣтилъ, какъ въѣхалъ въ средину обширнаго села, со множествомъ избъ и улицъ. Скоро, однакоже, далъ замѣтить ему это непорядочный толчокъ, произведенный бревенчатою мостовою, предъ которою городская каменная была ничто. Эти бревна, какъ фортепьянныя клавиши, подымались то вверхъ, то внизъ, и необерегшійся ѣздокъ пріобрѣталъ или шишку на затылокъ, или синее пятно на лобъ, или же случалось своими собственными зубами откусить пребольно хвостикъ собственнаго же языка. Какую-то особенную ветхость замѣтилъ онъ на всѣхъ деревенскихъ строеніяхъ: бревно на избахъ было темно и старо; многія крыши сквозили, какъ рѣшето; на иныхъ оставался только конекъ вверху да жерди по сторонамъ въ видѣ ребръ. Кажется, сами хозяева снесли съ нихъ дранье и тесъ, разсуждая, и, конечно, справедливо, что въ дождь избы не кроютъ, а въ ведро и сама не каплетъ, бабиться же въ ней не зачѣмъ, когда есть просторъ и въ кабакѣ, и на большой дорогѣ, словомъ—гдѣ хочешь. Окна въ избенкахъ были безъ стеколъ, иныя были заткнуты тряпкой, или зипуномъ; балкончики подъ крышами съ перилами, неизвѣстно для какихъ причинъ дѣлаемые въ иныхъ русскихъ избахъ, покосились и почернѣли даже живописно. Изъ-за избъ тянулись во многихъ мѣстахъ рядами огромныя клади хлѣба, застоявшіяся, какъ видно, долго; цвѣтомъ походили онѣ на старый, плохо выжженный кирпичъ, на верхушкѣ ихъ росла всякая дрянь, и даже прицѣпился съ боку кустарникъ. Хлѣбъ, какъ видно, былъ господскій. Изъ-за хлѣбныхъ кладей и ветхихъ крышъ, возносились и мелькали на чистомъ воздухѣ то справа, то слѣва, по мѣрѣ того, какъ бричка дѣлала повороты, двѣ сельскія церкви, одна возлѣ другой,—опустѣвшая деревянная и каменная, съ желтенькими стѣнами, испятнанная, истрескавшаяся. Частями сталъ выказываться господскій домъ и наконецъ глянулъ весь въ томъ мѣстѣ, гдѣ цѣпь избъ прервалась, и на мѣсто ихъ остался пустыремъ огородъ, или капустникъ, обнесенный низкою, мѣстами изломанною, городьбою. Какимъ-то дряхлымъ инвалидомъ глядѣлъ сей странный замокъ, длинный, длинный

Digitized by Google

непомѣрно. Мѣстами былъ онъ въ одинъ этажъ, мѣстами въ два; на темной крышѣ, не вездѣ надежно защищавшей его старость, торчали два бельведера, одинъ противъ другаго, оба уже пошатнувшіеся, лишенные когда-то покрывавшей ихъ краски. Стѣны дома ощеливали мѣстами нагую штукатурную рѣшетку и, какъ видно, много потерпѣли отъ всякихъ непогодъ, дождей, вихрей и осеннихъ перемѣнъ. Изъ оконъ только два были открыты, прочія были заставлены ставнями, или даже забиты досками. Эти два окна, съ своей стороны, были тоже подслѣповаты; на одномъ изъ нихъ темнѣлъ наклеенный треугольникъ изъ синей сахарной бумаги.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и засохлый, казалось, одинъ освѣжалъ эту обширную деревню и одинъ былъ вполнѣ живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣніи. Зелеными облаками и неправильными, трепетолистными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревъ. Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурею или грозою, подымался изъ-за этой зеленой гущи и круглился на воздухѣ, какъ правильная мраморная, сверкающая колонна; косой, остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался къ верху вмѣсто капители, темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка или черная птица. Хмѣль, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣснаго орѣшника, и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ наконецъ вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревъ, или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленыя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, сіявшее какъ темная пасть; оно было все окинуто тѣнью, и чуть-чуть мелькали въ черной глубинѣ его: бѣжавшая узкая дорожка, обрушенныя перилы, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый дряхлый стволъ ивы, сѣдой чапыжникъ, густой щетиною вытыкавшій изъ-за ивы засохшіе отъ страшной глушины, перепутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья, и, наконецъ, молодая вѣтвь клена, протянувшая съ боку свои зеле-

Digitized by Google

ные лапы-листы, подъ одинъ изъ которыхъ забравшись, Богъ вѣсть какимъ образомъ, солнце, превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада, нѣсколько высокорослыхъ, не вровень другимъ, осинъ, подымали огромныя вороньи гнѣзда на трепетныя свои вершины. У иныхъ изъ нихъ отдернутыя и невполнѣ отдѣленныя вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда онѣ соединятся вмѣстѣ, когда по нагроможденному, часто безъ толку, труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа облегчитъ тяжелыя массы, уничтожитъ грубоощутительную правильность и нищенскія прорѣхи, сквозь которыя проглядываетъ нескрытый, нагой планъ, и даетъ чудную теплоту всему, что создалось съ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности.

Сдѣлавъ одинъ или два поворота, герой нашъ очутился наконецъ передъ самымъ домомъ, который показался теперь еще печальнѣе. Зеленая плѣсень уже покрыла ветхое дерево на оградѣ и воротахъ. Толпа строеній — людскихъ, амбаровъ, погребовъ, видимо ветшавшихъ, — наполнила дворъ; возлѣ нихъ направо и налѣво чинны были ворота въ другіе дворы. Все говорило, что здѣсь когда-то хозяйство текло въ обширномъ размѣрѣ, и все глядѣло нынѣ мрачно. Ничего не замѣтно было оживляющаго картину, — ни отворившихся дверей, ни выходившихъ откуда-нибудь людей, никакихъ живыхъ хлопотъ и заботъ дома. Только одни главныя ворота были растворены, и то потому, что въѣхалъ мужикъ, съ нагруженною телѣгою, покрытою рогожею, показавшійся какъ-бы нарочно для оживленія сего вымершаго мѣста: въ другое время и они были заперты наглухо, ибо въ желѣзной петлѣ висѣлъ замокъ-исполинъ. У одного изъ строеній Чичиковъ скоро замѣтилъ какую-то фигуру, которая начала вздорить съ мужикомъ пріѣхавшимъ на телѣгѣ. Долго онъ не могъ разсмотрѣть, какого пола была фигура, баба или мужикъ. Платье на ней было совершенно неопредѣленное, похожее очень на женскій капотъ; на головѣ колпакъ, какой носятъ деревенскія дворовыя бабы; только одинъ голосъ показался ему нѣсколько сильнымъ для женщины. «Ой баба»! подумалъ онъ про себя, и тутъ же прибавилъ: «Ой нѣтъ! — Конечно, баба»! наконецъ сказалъ

Digitized by Google

онъ, разсмотрѣвъ попристальнѣе. Фигура, съ своей стороны, глядѣла на него тоже пристально. Казалось, гость былъ для нея въ диковинку, потому что она обсмотрѣла не только его, но и Селифана, и лошадей, начиная съ хвоста и до морды. По висѣвшимъ у нея за поясомъ ключамъ и по тому, что она бранила мужика довольно поносными словами, Чичиковъ заключилъ, что это, вѣрно, ключница.

— Послушай, матушка, сказалъ онъ, выходя изъ брички:— что баринъ?...

— Нѣтъ дома,—прервала ключница, не дожидаясь окончанія вопроса, и потомъ, спустя минуту, прибавила: — А что вамъ нужно?

— Есть дѣло.

— Идите въ комнаты! сказала ключница, отворотившись и показавъ ему спину, запачканную мукою, съ большой прорѣхою пониже.

Онъ вступилъ въ темныя, широкія сѣни, отъ которыхъ подуло холодомъ, какъ изъ погреба. Изъ сѣней онъ попалъ въ комнату, тоже темную, чуть-чуть озаренную свѣтомъ, выходившимъ изъ-подъ широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, онъ наконецъ очутился въ свѣту и былъ пораженъ представшимъ безпорядкомъ. Казалось, какъ-будто въ домѣ происходило мытье половъ, и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одномъ столѣ стоялъ даже сломанный стулъ и, рядомъ съ нимъ, часы съ остановившимся маятникомъ, къ которому паукъ уже приладилъ паутину. Тутъ же стоялъ, прислоненный бокомъ къ стѣнѣ, шкафъ, съ стариннымъ серебромъ, графинчиками и китайскимъ фарфоромъ. На бюро, выложенномъ перломутровою мозаикой, которая мѣстами уже выпала и оставила послѣ себя одни желтенькіе желобки, наполненные клеемъ, лежало множество всякой всячины: куча исписанныхъ мелко бумажекъ, накрытыхъ мраморнымъ позеленѣвшимъ прессомъ, съ яичкомъ на верху, какая-то старинная книга въ кожаномъ переплетѣ съ краснымъ обрѣзомъ, лимонъ весь высохшій, ростомъ не болѣе лѣснаго орѣха, отломленная ручка креселъ, рюмка съ какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмомъ, кусочекъ сургучика, кусочекъ гдѣ-то поднятой тряпки, два пера запачканныя чернилами, высохшія какъ въ чахоткѣ, зубочистка, совершенно

Digitized by Google

пожелтѣвшая, которою хозяинъ, можетъ быть, ковырялъ въ зубахъ своихъ еще до нашествія на Москву французовъ.

По стѣнамъ навѣшано было весьма тѣсно и безтолково нѣсколько картинъ: длинный, пожелтѣвшій гравюръ какого-то сраженія, съ огромными барабанами, кричащими солдатами въ треугольныхъ шляпахъ и тонущими конями, безъ стекла, вставленный въ раму краснаго дерева съ тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по угламъ. Въ рядъ съ ними занимала полстѣны огромная почернѣвшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цвѣты, фрукты, разрѣзанный арбузъ, кабанью морду и висѣвшую, головою внизъ, утку. Съ средины потолка висѣла люстра въ холстинномъ мѣшкѣ, отъ пыли сдѣлавшаяся похожею на шелковый коконъ, въ которомъ сидитъ червякъ. Въ углу комнаты была навалена на полу куча того, что погрубѣе и что недостойно лежать на столахъ. Что именно находилось въ кучѣ, рѣшить было трудно; ибо пыли на ней было въ такомъ изобиліи, что руки всякаго касавшагося становились похожими на перчатки; замѣтнѣе прочаго высовывались оттуда отломленный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никакъ бы нельзя было сказать, чтобы въ комнатѣ сей обитало живое существо, если бы не возвѣщалъ его пребыванье старый, поношенный колпакъ, лежавшій на столѣ. Пока онъ разсматривалъ все странное убранство, отворилась боковая дверь, и взошла та же самая ключница, которую встрѣтилъ онъ на дворѣ. Но тутъ увидѣлъ онъ, что это былъ скорѣе ключникъ, чѣмъ ключница: ключница, по крайней мѣрѣ, не брѣетъ бороды, а этотъ, напротивъ того, брилъ, и, казалось, довольно рѣдко, потому что весь подбородокъ съ нижней частью щеки походилъ у него на скребницу изъ желѣзной проволоки, какою чистятъ на конюшнѣ лошадей. Чичиковъ, давши вопросительное выраженіе лицу своему, ожидалъ съ нетерпѣньемъ, что хочетъ сказать ему ключникъ. Ключникъ тоже, съ своей стороны, ожидалъ, что хочетъ ему сказать Чичиковъ. Наконецъ послѣдній, удивленный такимъ страннымъ недоумѣніемъ, рѣшился спросить:

— Что жъ баринъ? у себя, что ли?

— Здѣсь хозяинъ, сказалъ ключникъ.

— Гдѣ же? повторилъ Чичиковъ.

Digitized by Google

— Что, батюшка, слѣпы-то, что ли? сказалъ ключникъ.—Эхва! А вить хозяинъ-то я!

Здѣсь герой нашъ поневолѣ отступилъ назадъ и поглядѣлъ на него пристально. Ему случалось видѣть не мало всякаго рода людей,—даже такихъ, какихъ намъ съ читателемъ, можетъ быть, никогда не придется увидать; но такого онъ еще не видывалъ. Лицо его не представляло ничего особеннаго: оно было почти такое же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ; одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки его не потухнули и бѣгали изъ подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, насторожа уши и моргая усомъ, онѣ высматриваютъ, не затаился ли гдѣ котъ, или шалунъ мальчишка, и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ. Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его. Никакими средствами и стараніями нельзя бы докопаться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги; назади, вмѣсто двухъ, болталось четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ ли, повязка ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстукъ. Словомъ, если бы Чичиковъ встрѣтилъ его, такъ принаряженнаго, гдѣ-нибудь у церковныхъ дверей, то, вѣроятно, далъ бы ему мѣдный грошъ; ибо къ чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно, и онъ не могъ никакъ удержаться, чтобы не подать бѣдному человѣку мѣднаго гроша. Но передъ нимъ стоялъ не нищій, передъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика была тысяча слишкомъ душъ, и попробовалъ бы кто найти у кого другаго столько хлѣба, зерномъ, мукою и, просто, въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушилы загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ, выдѣланныхъ и сыромятныхъ, высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной. Заглянулъ бы кто-нибудь къ нему на рабочій дворъ, гдѣ наготовлено было на запасъ всякаго дерева и посуды, никогда не употреблявшейся,—ему бы показалось, ужъ не попалъ ли онъ какъ-нибудь въ Москву на щепной дворъ, куда ежедневно от-

Digitized by Google

правляются расторопныя тещи и свекрухи, съ кухарками позади, дѣлать свои хозяйственные запасы и гдѣ горами бѣлѣетъ всякое дерево, шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересѣки, ушаты, лагуны, жбаны съ рыльцами и безъ рылецъ, побратимы, лукошки, мыкольники, куда бабы кладутъ свои мочки и прочій дрязгъ, коробья изъ тонкой гнутой осины, бураки изъ плетеной берестки и много всего, что идетъ на потребу богатой и бѣдной Руси. На что бы, казалось, нужна была Плюшкину такая гибель подобныхъ издѣлій? Во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣнія, какія были у него; но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь симъ, онъ ходилъ еще каждый день по улицамъ своей деревни, заглядывалъ подъ мостики, подъ перекладины, и все, что ни попадалось ему—старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ,— все тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу, которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты. — Вонъ, уже рыболовъ пошелъ на охоту! говорили мужики, когда видѣли его идущаго на добычу. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ него не зачѣмъ было мести улицу: случилось проѣзжавшему офицеру потерять шпору—шпора эта мигомъ отправлялась въ извѣстную кучу; если баба, какъ-нибудь зазѣвавшись у колодца, позабывала ведро, онъ утаскивалъ и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь; но если только она попадала въ кучу, тогда все кончено: онъ божился, что вещь его куплена имъ тогда-то, у того-то, или досталась отъ дѣда. Въ комнатѣ своей онъ подымалъ съ полу все, что ни видѣлъ: сургучикъ, лоскутокъ бумажки, перышко и все это клалъ на бюро, или на окошко.

А вѣдь было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ, былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости! Все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ: двигались мельницы, валяльни, работали суконныя фабрики, столярные станки, прядильни; вездѣ, во все входилъ зоркій взглядъ хозяина и, какъ трудолюбивый наукъ, бѣгалъ, хлопотливо, но расторопно, по всѣмъ концамъ хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ видѣнъ умъ; опытностію и познаніемъ

Digitized by Google

свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосольствомъ; на встрѣчу выходили двѣ миловидныя дочки, обѣ бѣлокурыя и свѣжія, какъ розы; выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всѣми, мало обращая вниманія на то, радъ ли, или не радъ былъ этому гость. Въ домѣ были открыты всѣ окна; антресоли были заняты квартирою учителя-француза, который славно брился и былъ большой стрѣлокъ: приносилъ всегда къ обѣду тетерекъ, или утокъ, а иногда и одни воробьиныя яйца, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ея не ѣлъ. На антресоляхъ жила также его компатріотка, наставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ; локти были въ порядкѣ, нигдѣ ни какой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ, перешла къ нему. Плюшкинъ сталъ безпокойнѣе и, какъ всѣ вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе. На старшую дочь, Александру Степановну, онъ не могъ во всемъ положиться, да и былъ правъ, потому что Александра Степановна скоро убѣжала съ штабсъ-ротмистромъ Богъ вѣсть какого кавалерійскаго полка, и обвѣнчалась съ нимъ гдѣ-то наскоро, въ деревянной церкви, зная, что отецъ не любитъ офицеровъ, по странному предубѣжденію, будто бы всѣ военные картежники и мотишки. Отецъ послалъ ей на дорогу проклятіе, а преслѣдовать не заботился. Въ домѣ стало еще пустѣе. Во владѣльцѣ стала замѣтнѣе обнаруживаться скупость; сверкнувшая въ жесткихъ волосахъ его сѣдина, вѣрная подруга ея, помогла ей еще болѣе развиться. Учитель-французъ былъ отпущенъ, потому что сыну пришла пора на службу; мадамъ была прогнана, потому что оказалась не безгрѣшною въ похищеніи Александры Степановны; сынъ, будучи отправленъ въ губернскій городъ съ тѣмъ, чтобы узнать въ палатѣ, по мнѣнію отца, службу существенную, опредѣлился вмѣсто того въ полкъ и написалъ къ отцу, уже по своемъ опредѣленіи, прося денегъ на обмундировку. Весьма естественно, что онъ получилъ на это то, что называется въ простонародіи—шишъ. Наконецъ, послѣдняя дочь, оставшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Оди-

Digitized by Google

ная жизнь дала сытную пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ, и чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе; человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мелѣли ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ. Случись же подъ такую минуту, какъ-будто нарочно въ подтвержденіе его мнѣнія о военныхъ, что сынъ его проигрался въ карты; онъ послалъ ему отъ души свое отцовское проклятіе и никогда уже не интересовался знать, существуетъ ли онъ на свѣтѣ, или нѣтъ. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его домѣ, наконецъ остались только два, изъ которыхъ одно, какъ уже видѣлъ читатель, было заклеено бумагою; съ каждымъ годомъ уходили изъ вида болѣе и болѣе главныя части хозяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ; неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ, которые пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія; покупщики торговались, торговались и наконецъ бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ; сѣно и хлѣбъ гнили, клади и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть разводи на нихъ капусту; мука въ подвалахъ превращалась въ камень, и нужно было ее рубить; къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притронуться: они обращались въ пыль. Онъ уже позабывалъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкапу графинчикъ съ остаткомъ какой-нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ намѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ея не выпилъ, да гдѣ лежало перышко, или сургучикъ. А между тѣмъ въ хозяйствѣ доходъ собирался по прежнему: столько же оброку долженъ былъ принесть мужикъ, такимъ же приносомъ орѣховъ обложена была всякая баба, столько же поставовъ холста должна была наткать ткачиха. Все это сваливалось въ кладовыя и все становилось гниль и прорѣха, и самъ онъ обратился наконецъ въ какую-то прорѣху на человѣчествѣ. Александра Степановна какъ-то пріѣзжала раза два съ маленькимъ сынкомъ, пытаясь, нельзя-ли чего-нибудь получить: видно, походная жизнь съ штабсъ-ротмистромъ не была такъ привлекательна, какою казалась до свадьбы. Плюшкинъ, однакоже, ее простилъ и даже далъ маленькому внучку

Digitized by Google

поиграть какую-то пуговицу, лежавшую на столѣ, но денегъ ничего не далъ. Въ другой разъ Александра Степановна пріѣхала съ двумя малютками и привезла ему куличъ къ чаю и новый халатъ, потому что у батюшки былъ такой халатъ, на который глядѣть не только было совѣстно, но даже стыдно. Плюшкинъ приласкалъ обоихъ внуковъ и, посадивши ихъ къ себѣ одного на правое колѣно, а другаго на лѣвое, покачалъ ихъ совершенно такимъ образомъ, какъ будто они ѣхали на лошадяхъ; куличъ и халатъ взялъ, но дочери рѣшительно ничего не далъ; съ тѣмъ и уѣхала Александра Степановна.

Итакъ, вотъ какого рода помѣщикъ стоялъ передъ Чичиковымъ! Должно сказать, что подобное явленіе рѣдко попадается на Руси, гдѣ все любитъ скорѣе развернуться, нежели съежиться, и тѣмъ поразительнѣе бываетъ оно, что тутъ же, въ сосѣдствѣ, подвернется помѣщикъ, кутящій во всю ширину русской удали и барства, прожигающій, какъ говорится, насквозь жизнь. Небывалый проѣзжій остановится съ изумленіемъ при видѣ его жилища, недоумѣвая, какой владѣтельный принцъ очутился внезапно среди маленькихъ, темныхъ владѣльцевъ: дворцами глядятъ его бѣлые, каменные домы съ безчисленнымъ множествомъ трубъ, бельведеровъ, флюгеровъ, окруженные стадомъ флигелей и всякими помѣщеньями для пріѣзжихъ гостей. Чего нѣтъ у него? театры, балы, всю ночь сіяетъ убранный огнями и плошками, оглашенный громомъ музыки, садъ. Полгуберніи разодѣто и весело гуляетъ подъ деревьями, и никому не является дикое и грозящее въ семъ насильственномъ освѣщеніи, когда театрально выскакиваетъ изъ древесной гущи озаренная поддѣльнымъ свѣтомъ вѣтвь, лишенная своей яркой зелени, а вверху темнѣе, и суровѣе, и въ двадцать разъ грознѣе, является чрезъ то ночное небо, и, далеко трепеща листьями въ вышинѣ, уходя глубже въ непробудный мракъ, негодуютъ суровыя вершины деревъ на сей мишурный блескъ, освѣтившій снизу ихъ корни.

Уже нѣсколько минутъ стоялъ Плюшкинъ, не говоря ни слова, а Чичиковъ все еще не могъ начать разговора, развлеченный какъ видомъ самого хозяина, такъ и всего того, что было въ его комнатѣ. Долго не могъ онъ придумать, въ какихъ бы словахъ изъяснить причину своего посѣщенія. Онъ уже хотѣлъ было выразиться въ такомъ духѣ, что, наслышась о добродѣтели и

Digitized by Google

рѣдкихъ свойствахъ души его, почелъ долгомъ принести лично дань уваженія; но спохватился и почувствовалъ, что это слишкомъ. Искоса бросивъ еще одинъ взглядъ на все, что было въ комнатѣ, онъ почувствовалъ, что слова: *добродѣтель и рѣдкія свойства души* можно съ успѣхомъ замѣнить словами: *экономія и порядокъ*; и потому, преобразивши такимъ образомъ рѣчь, онъ сказалъ, что, наслышась объ экономіи его и рѣдкомъ управленіи имѣніями, онъ почелъ за долгъ познакомиться и принести лично свое почтеніе. Конечно, можно бы было привести иную, лучшую причину, но ничего иного не взбрело тогда на умъ.

На это Плюшкинъ что-то пробормоталъ сквозь губы, ибо зубовъ не было,—что именно, неизвѣстно, но, вѣроятно, смыслъ былъ таковъ: «А побралъ бы тебя чортъ съ твоимъ почтеніемъ!» Но такъ какъ гостепріимство у насъ въ такомъ ходу, что скряга не въ силахъ преступить его законовъ, то онъ прибавилъ тутъ же нѣсколько внятнѣе: — Прошу покорнѣйше садиться! Я давненько не вижу гостей, сказалъ онъ,—да признаться сказать, въ нихъ мало вижу проку. Завели пренеприличный обычай ѣздить другъ къ другу, а въ хозяйствѣ-то упущенія... да и лошадей ихъ корми сѣномъ! Я давно ужъ отобѣдалъ, а кухня у меня низкая, прескверная, и труба-то совсѣмъ развалилась, — начнешь топить, еще пожару надѣлаешь.

— Вонъ оно какъ! подумалъ про-себя Чичиковъ: — хорошо же, что я у Собакевича перехватилъ ватрушку, да ломоть бараньяго бока.

— И такой скверный анекдотъ, что сѣна хоть бы клокъ въ цѣломъ хозяйствѣ! продолжалъ Плюшкинъ. — Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ прибережешь его? землишка маленькая, мужикъ лѣнивъ, работать не любитъ, думаетъ, какъ бы въ кабакъ... того и гляди, пойдешь на старости лѣтъ по-міру.

— Мнѣ, однакоже, сказывали, скромно замѣтилъ Чичиковъ,— что у васъ болѣе тысячи душъ.

— А кто это сказывалъ? А вы бы, батюшка, наплевали въ глаза тому, который это сказывалъ! Онъ пересмѣшникъ, видно, хотѣлъ пошутить надъ вами. Вотъ даютъ — тысячи душъ, а подпитка сосчитай, а и ничего не начтешь! Послѣдніе три года проклятая горячка выморила у меня здоровенный кушъ мужиковъ.

Digitized by Google

— Скажите! и много выморила? воскликнулъ Чичиковъ съ участіемъ.

— Да, снесли многихъ.

— А позвольте узнать, сколько числомъ?

— Душъ восемьдесятъ.

— Нѣтъ?

— Не стану лгать, батюшка.

— Позвольте еще спросить: вѣдь эти души, я полагаю, вы считаете со дня подачи послѣдней ревизіи?

— Это бы еще слава Богу, сказалъ Плюшкинъ; да ихъ-то, что съ того времени, до ста-двадцати наберется.

— Вправду? цѣлыхъ сто-двадцать? воскликнулъ Чичиковъ и даже разинулъ нѣсколько ротъ отъ изумленія.

— Старъ я, батюшка, чтобы лгать: седьмой десятокъ живу! сказалъ Плюшкинъ. Онъ, казалось, обидѣлся такимъ, почти радостнымъ, восклицаніемъ. Чичиковъ замѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ неприлично подобное безучастіе къ чужому горю, и потому вздохнулъ тутъ же и сказалъ, что соболѣзнуетъ.

— Да вѣдь соболѣзнованія въ карманъ не положишь, сказалъ Плюшкинъ. Вотъ возлѣ меня живетъ капитанъ, чортъ знаетъ его, откуда взялся! говоритъ—родственникъ. «Дядюшка, дядюшка!» и въ руку цѣлуетъ, а какъ начнетъ соболѣзновать, вой такой подыметъ, что уши береги. Съ лица весь красный: пѣннику, чай, на смерть придерживается. Вѣрно, спустилъ денежки, служа въ офицерахъ, или театральная актриса выманила, такъ вотъ онъ теперь и соболѣзнуетъ!

Чичиковъ постарался объяснить, что его соболѣзнованіе совсѣмъ не такого рода, какъ капитанское, и что онъ не пустыми словами, а дѣломъ готовъ доказать его, и, не откладывая дѣла далѣе, безъ всякихъ обиняковъ, тутъ же изъявилъ готовность принять на себя обязанность платить подати за всѣхъ крестьянъ, умершихъ такими несчастными случаями. Предложеніе, казалось, совершенно изумило Плюшкина. Онъ, вытаращивъ глаза, долго смотрѣлъ на него и наконецъ спросилъ:—Да вы, батюшка, не служили ли въ военной службѣ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Чичиковъ довольно лукаво,—служилъ по статской.

— По статской? повторилъ Плюшкинъ и сталъ жевать гу-

Digitized by Google

бами, какъ-будто что-нибудь кушалъ.—Да вѣдь какъ же? вѣдь это вамъ самимъ-то въ убытокъ?

— Для удовольствія вашего готовъ и на убытокъ.

— Ахъ, батюшка! ахъ, благодѣтель мой! воскликнулъ Плюшкинъ, не замѣчая отъ радости, что у него изъ носа выглянулъ весьма некартинно табакъ, на образецъ густаго кофея, и полы халата, раскрывшись, показали платье, не весьма приличное для разсматриванья. Вотъ утѣшили старика! Ахъ, Господи ты мой! ахъ, Святители вы мои!... Далѣе Плюшкинъ и говорить не могъ. Но не прошло и минуты, какъ эта радость, такъ мгновенно показавшаяся на деревянномъ лицѣ его, такъ же мгновенно и прошла, будто ея вовсе не было, и лицо его вновь приняло заботливое выраженіе. Онъ даже утерся платкомъ и, свернувши его въ комокъ, сталъ имъ водить себя по верхней губѣ.

— Какъ же, съ позволенія вашего, чтобы не разсердить васъ, вы всякій годъ беретесь платить за нихъ подать? и деньги будете выдавать мнѣ, или въ казну?

— Да мы вотъ какъ сдѣлаемъ: мы совершимъ на нихъ купчую крѣпость, какъ-бы они были живые и какъ-бы вы ихъ мнѣ продали.

— Да, купчую крѣпость... сказалъ Плюшкинъ, задумался и сталъ опять кушать губами. Вѣдь вотъ купчую крѣпость — все издержки. Приказные такіе безсовѣстные! Прежде бывало полтиной мѣди отдѣлаешься да мѣшкомъ муки, а теперь пошли цѣлую подводу крупъ, да и красную бумажку прибавь,—такое сребролюбіе! Я не знаю, какъ никто другой не обратитъ на это вниманіе. Ну, сказалъ бы ему какъ-нибудь душеспасительное слово! Вѣдь словомъ хоть кого проймешь. Кто что ни говори, а противъ душеспасительнаго слова не устоишь.

«Ну, ты, я думаю, устоишь!» подумалъ про-себя Чичиковъ, и произнесъ тутъ же, что, изъ уваженія къ нему, онъ готовъ принять даже издержки по купчей на свой счетъ.

— Услыша, что даже издержки по купчей онъ принимаетъ на себя, Плюшкинъ заключилъ, что гость долженъ быть совершенно глупъ и только прикидывается, будто служилъ по статской, а вѣрно былъ въ офицерахъ и волочился за актерками. При всемъ томъ онъ, однакожъ, не могъ скрыть своей радости и пожелалъ всякихъ утѣшеній не только ему, но даже и дѣткамъ

Digitized by Google

его, не спросивъ, были ли они у него, или нѣтъ. Подошедъ къ окну, постучалъ онъ пальцами въ стекло и закричалъ: «Эй, Прошка!» Черезъ минуту было слышно, кто-то вбѣжалъ въ-попыхахъ въ сѣни, долго возился тамъ и стучалъ сапогами, наконецъ дверь отворилась, и вошелъ Прошка, мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ такихъ большихъ сапогахъ, что, ступая, едва не вынулъ изъ нихъ ноги. Почему у Прошки были такіе большіе сапоги, это можно узнать сейчасъ же: у Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ея въ домѣ, были одни только сапоги, которые должны были всегда находиться въ сѣняхъ. Всякій призываемый въ барскіе покои обыкновенно отплясывалъ черезъ весь дворъ босикомъ, но, входя въ сѣни, надѣвалъ сапоги и такимъ уже образомъ являлся въ комнату. Выходя изъ комнаты, онъ оставлялъ сапоги опять въ сѣняхъ и отправлялся вновь на собственной подошвѣ. Если бы кто взглянулъ изъ окошка въ осеннее время, и особенно, когда по утрамъ начинаются маленькія изморози, то бы увидѣлъ, что вся дворня дѣлала такіе скачки, какіе врядъ ли удастся выдѣлать на театрахъ самому бойкому танцовщику.

— Вотъ посмотрите, батюшка, какая рожа! сказалъ Плюшкинъ Чичикову, указывая пальцемъ на лицо Прошки. Глупъ вѣдь, какъ дерево, а попробуй что-нибудь положить — мигомъ украдетъ! Ну чего ты пришелъ, дуракъ, скажи, чего? Тутъ онъ произвелъ небольшое молчаніе, на которое Прошка отвѣчалъ тоже молчаніемъ.—Поставь самоваръ—слышишь? да вотъ возьми ключъ, да отдай Маврѣ, чтобы пошла въ кладовую: тамъ на полкѣ есть сухарь изъ кулича, который привезла Александра Степановна,—чтобы подали его къ чаю!.. Постой, куда же ты? дурачина! эхва, дурачина!.. Бѣсъ у тебя въ ногахъ, что ли, чешется?... Ты выслушай прежде. Сухарь-то сверху, чай, испортился, такъ пусть соскоблитъ его ножемъ, да крохъ не бросаетъ, а снесетъ въ курятникъ. Да смотри ты, ты не входи, братъ, въ кладовую; не то—я тебя, знаешь? березовымъ-то вѣникомъ, чтобы для вкуса-то! вотъ у тебя теперь славный аппетитъ, такъ чтобы еще былъ получше! Вотъ попробуй-ка войти въ кладовую, а я тѣмъ временемъ изъ окна стану глядѣть.— Имъ ни въ чемъ нельзя довѣрять, продолжалъ онъ, обратившись къ Чичикову послѣ того, какъ Прошка убрался вмѣстѣ

Digitized by Google

съ своими сапогами. Вслѣдъ за тѣмъ онъ началъ и на Чичикова посматривать подозрительно. Черты такого необыкновеннаго великодушія стали казаться ему невѣроятными, и онъ подумалъ про-себя: «Вѣдь чортъ его знаетъ, можетъ быть, онъ просто хвастунъ, какъ всѣ эти мотишки: навретъ, навретъ, чтобы поговорить и напиться чаю; а потомъ и уйдетъ!» А потому изъ предосторожности, и, вмѣстѣ, желая нѣсколько поиспытать его, сказалъ онъ, что не дурно бы совершить купчую поскорѣе, потому-что, де, въ человѣкѣ не увѣренъ: сегодня живъ, а завтра и Богъ вѣсть.

Чичиковъ изъявилъ готовность совершить хоть сію же минуту и потребовалъ только списка всѣмъ крестьянамъ.

Это успокоило Плюшкина. Замѣтно было, что онъ придумывалъ что-то сдѣлать, и точно, взявши ключи, приблизился къ шкафу и, отперши дверцу, рылся долго между стаканами и чашками и наконецъ произнесъ: — Вѣдь вотъ не сыщешь, а у меня былъ славный ликерчикъ, если только не выпили: народъ—такіе воры. А вотъ развѣ не это ли онъ? Чичиковъ увидѣлъ въ рукахъ его графинчикъ, который былъ весь въ пыли, какъ въ фуфайкѣ.—Еще покойница дѣлала, продолжалъ Плюшкинъ; — мошенница ключница совсѣмъ было его забросила, и даже не закупорила, каналья! Козявки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь соръ-то повынулъ и теперь вотъ чистенькая, я вамъ налью рюмочку.

Но Чичиковъ постарался отказаться отъ такого ликерчика, сказавши, что онъ уже и пилъ, и ѣлъ.

— Пили уже и ѣли! сказалъ Плюшкинъ.—Да, конечно, хорошаго общества человѣка хоть гдѣ узнаешь: онъ не ѣстъ, а сытъ; а какъ эдакой какой-нибудь воришка, да его сколько ни корми... Вѣдь вотъ капитанъ пріѣдетъ: «Дядюшка,» говоритъ, — «дайте чего-нибудь поѣсть!» А я ему такой же дядюшка, какъ онъ мнѣ дѣдушка. У себя дома ѣсть, вѣрно, нечего, такъ вотъ онъ шатается! Да, вѣдь, вамъ нуженъ реестрикъ всѣхъ этихъ тунеядцевъ? Какъ же! я, какъ зналъ, всѣхъ ихъ списалъ на особую бумажку, чтобы, при первой подачѣ ревизіи, всѣхъ ихъ вычеркнуть. Плюшкинъ надѣлъ очки и сталъ рыться въ бумагахъ. Развязывая всякія связки, онъ попотчивалъ своего гостя такою пылью, что тотъ чихнулъ. Наконецъ вытащилъ бумажку, всю исписанную кругомъ. Крестьянскія имена усыпали ее тѣсно, какъ мошки. Были тамъ

Digitized by Google

всякіе: и Парамоновъ, и Пименовъ, и Пантелейконовъ, и даже выглянулъ какой-то Григорій Доѣзжай-не-доѣдешь; всѣхъ было сто-двадцать слишкомъ. Чичиковъ улыбнулся при видѣ такой многочисленности. Спрятавъ ее въ карманъ, онъ замѣтилъ Плюшкину, что ему нужно будетъ, для совершенія крѣпости, пріѣхать въ городъ.

— Въ городъ? Да какъ же?... а домъ-то какъ оставишь? Вѣдь у меня народъ или воръ, или мошенникъ: въ день такъ оберутъ, что и каѳтана не на чемъ будетъ повѣсить.

— Такъ не имѣете ли кого-нибудь знакомаго?

— Да кого же знакомаго? Вѣдь мои знакомые померли, или раззнакомились... Ахъ, батюшка! какъ не имѣть? имѣю! вскричалъ онъ.—Вѣдь знакомъ самъ предсѣдатель, ѣзжалъ даже въ старые годы ко мнѣ! Какъ не знать? однокорытниками были, вмѣстѣ по заборамъ лазили! Какъ не знакомый? ужъ такой знакомый! такъ ужъ не къ нему ли написать?

— Конечно, къ нему.

— Какъ же? ужъ такой знакомый! въ школѣ были пріятели.

И на этомъ деревянномъ лицѣ вдругъ скользнулъ какой-то теплый лучъ, выразилось—не чувство, а какое-то блѣдное отраженіе чувства: явленіе, подобное неожиданному появленію на поверхности водъ утопающаго, произведшему радостный крикъ въ толпѣ, обступившей берегъ. Но напрасно обрадовавшіеся братья и сестры кидаютъ съ берега веревку и ждутъ, не мелькнетъ ли вновь спина, или утомленныя бореньемъ руки: появленіе было послѣднее. Глухо все, и еще страшнѣе и пустыннѣе становится послѣ того затихнувшая поверхность безотвѣтной стихіи. Такъ и лицо Плюшкина, вслѣдъ за мгновенно скользнувшимъ на немъ чувствомъ, стало еще безчувственнѣй и еще пошлѣе.

— Лежала на столѣ четвертка чистой бумаги, сказалъ онъ,— да не знаю, куда запропастилась! люди у меня такіе негодные!— Тутъ сталъ онъ заглядывать и подъ столъ, и на столъ, шарилъ вездѣ и наконецъ закричалъ: «Мавра! а Мавра!» На зовъ явилась женщина съ тарелкой въ рукахъ, на которой лежалъ сухарь, уже знакомый читателю, и между ними произошелъ такой разговоръ:

— Куда ты дѣла, разбойница, бумагу?

— Ей Богу, баринъ, не видывала, опричь небольшаго лоскутка, которымъ изволили прикрыть рюмку.

Digitized by Google

— А вотъ и по глазамъ вижу, что подтибрила.

— Да на что жъ бы я подтибрила? Вѣдь мнѣ проку въ ней никакого: я грамотѣ не знаю.

— Врешь, ты снесла пономаренку: онъ маракуетъ, такъ ты ему и снесла.

— Да пономаренокъ, если захочетъ, такъ достанетъ себѣ бумаги. Не видалъ онъ вашего лоскутка!

— Вотъ погоди-на: на страшномъ судѣ черти припекутъ тебя за это желѣзными рогатками! вотъ посмотришь, какъ припекутъ!

— Да за что же припекутъ, коли я не брала и въ руки четвертки? Ужъ скорѣе другой какой бабьей слабостью, а воростовомъ меня еще никто не попрекалъ.

— А вотъ черти-то тебя и припекутъ! скажутъ: — А вотъ тебѣ, мошенница, за то, что барина-то обманывала! — да горячими-то тебя и припекутъ!

— А я скажу: «Не за что! ей Богу, не за что; не брала я... Да вотъ она лежитъ на столѣ. Всегда напраслиной попрекаете!

Плюшкинъ увидѣлъ точно четвертку и на минуту остановился, пожевалъ губами и произнесъ:—Ну, что жъ ты расходилась такъ! экая занозистая! Ей скажи только одно слово, а она ужъ въ отвѣтъ десятокъ! Поди-ка принеси огоньку запечатать письмо. Да стой! ты схватишь сальную свѣчу: сало дѣло топкое: сгоритъ да и нѣтъ, только убытокъ; а ты принеси-ка мнѣ лучинку!

Мавра ушла, а Плюшкинъ, сѣвши въ кресла и взявши въ руку перо, долго еще ворочалъ на всѣ стороны четвертку, придумывая, нельзя ли отдѣлить отъ нея еще осьмушку, но наконецъ убѣдился, что никакъ нельзя; всунулъ перо въ чернильницу съ какою-то заплѣснѣвшею жидкостью и множествомъ мухъ на днѣ, и сталъ писать, выставляя буквы, похожія на музыкальныя ноты, придерживая поминутно прыть руки, которая разскакивалась по всей бумагѣ, лѣпя скупо строка на строку, и не безъ сожалѣнія подумывая о томъ, что все еще останется много чистаго пробѣла.

И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ! могъ такъ измѣниться! И похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирай-те же съ собою

Digitized by Google

въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество, забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ—не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: «Здѣсь погребенъ человѣкъ»; но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости.

— А не знаете ли вы какого нибудь вашего пріятеля, сказалъ Плюшкинъ, складывая письмо,—которому бы понадобились бѣглыя души?

— А у васъ есть и бѣглыя? быстро спросилъ Чичиковъ, очнувшись.

— Въ томъ-то и дѣло, что есть. Зять дѣлалъ выправки, говоритъ: будто и слѣдъ простылъ; но вѣдь онъ человѣкъ военный: мастеръ притопывать шпорой, а если бы похлопотать по судамъ...

— А сколько ихъ будетъ числомъ?

— Да десятковъ до семи тоже наберется.

— Нѣтъ?

— А ей Богу такъ. Вѣдь у меня, что годъ, то бѣгаютъ. Народъ-то больно прожорливъ, отъ праздности завелъ привычку трескать, а у меня ѣсть и самому нечего... А ужъ я бы за нихъ, что ни дай, взялъ бы. Такъ посовѣтуйте вашему пріятелю-то: отыщись вѣдь только десятокъ, такъ вотъ уже у него славная деньга. Вѣдь ревизская душа стоитъ въ пятистахъ рубляхъ.

«Нѣтъ, этого мы пріятелю и понюхать не дадимъ,» сказалъ про-себя Чичиковъ и потомъ объяснилъ, что такого пріятеля никакъ не найдется, что однѣ издержки по этому дѣлу будутъ стоить болѣе, ибо отъ судовъ нужно отрѣзать полы собственнаго кафтана да уходить подалѣе; но что если онъ уже дѣйствительно такъ стиснутъ, то, будучи подвигнутъ участіемъ, онъ готовъ дать... но что это такая бездѣлица, о которой даже не стоитъ и говорить.

— А сколько бы вы дали? спросилъ Плюшкинъ, и самъ ожидовѣлъ; руки его задрожали, какъ ртуть.

— Я бы далъ по двадцати пяти копѣекъ за душу.

— А какъ вы покупаете, на чистыя?

— Да, сейчасъ деньги.

Digitized by Google

— Только, батюшка, ради нищеты-то моей, уже дали бы по ›рока копѣекъ!

— Почтеннѣйшій! сказалъ Чичиковъ:—не только по сорока ›опѣекъ, по пяти сотъ рублей заплатилъ бы! съ удовольствіемъ ›платилъ бы, потому что вижу — почтенный, добрый старикъ ›рпитъ по причинѣ собственнаго добродушія.

— А ей Богу такъ, ей Богу правда! сказалъ Плюшкинъ, свѣ›ивъ голову внизъ и сокрушительно покачавъ ее.—Все отъ добро›ушія.

— Ну, видите ли? я вдругъ постигнулъ вашъ характеръ. И ›акъ, почему жъ не дать бы мнѣ по пяти сотъ рублей за душу, ›... состоянья нѣтъ; по пяти копѣекъ, извольте, готовъ прибавить, чтобы каждая душа обошлась такимъ образомъ въ тридцать копѣекъ.

— Ну, батюшка, воля ваша, хоть по двѣ копѣйки пристегните.

— По двѣ копѣечки пристегну, извольте. Сколько ихъ у васъ? ›ы, кажется, говорили— семьдесятъ?

— Нѣтъ, всего наберется семьдесятъ-восемь.

— Семьдесятъ-восемь, семьдесятъ-восемь, по тридцати копѣекъ за душу, это будетъ... здѣсь герой нашъ одну секунду, › болѣе, думалъ и сказалъ вдругъ:—это будетъ двадцать-четыре ›убля девяносто-шесть копѣекъ! онъ былъ въ ариѳметикѣ силенъ. ›утъ же заставилъ онъ Плюшкина написать росписку и выдалъ ›му деньги, которыя тотъ принялъ въ обѣ руки и понесъ ихъ › бюро съ такою же осторожностью, какъ-будто бы несъ какую›ибудь жидкость, ежеминутно боясь расплескать ее. Подошедши › бюро, онъ переглядѣлъ ихъ еще разъ, и уложилъ тоже чрезвы›айно осторожно въ одинъ изъ ящиковъ, гдѣ, вѣрно, имъ суждено › быть погребенными до тѣхъ поръ, покамѣстъ отецъ Карпъ и › тецъ Поликарпъ, два священника его деревни, не погребутъ › го самого, къ неописанной радости зятя и дочери, а можетъ › быть, и капитана, приписавшагося ему въ родню. Спрятавши › еньги, Плюшкинъ сѣлъ въ кресла и уже, казалось, больше не › огъ найти матеріи, о чемъ говорить.

— А что, вы ужъ собираетесь ѣхать? сказалъ онъ, замѣ›тивъ небольшое движеніе, которое сдѣлалъ Чичиковъ для того › олько, чтобы достать изъ кармана платокъ.

Digitized by Google

Этотъ вопросъ напомнилъ ему, что въ самомъ дѣлѣ не зачѣмъ болѣе мѣшкать.—Да, мнѣ пора! произнесъ онъ, взявшись за шляпу.

— А чайку?

— Нѣтъ, ужъ чайку пусть лучше когда-нибудь въ другое время.

— Какъ же? а я приказалъ самоваръ. Я, признаться сказать, не охотникъ до чаю: напитокъ дорогой, да и цѣна на сахаръ поднялась немилосердная. Прошка? не нужно самовара! Сухарь отнеси Маврѣ, слышишь? пусть его положитъ на то же мѣсто: или, нѣтъ, подай его сюда, я ужо снесу его самъ. Прощайте, батюшка, да благословитъ васъ Богъ! А письмо-то пред сѣдателю вы отдайте. Да, пусть прочтетъ, онъ мой старый знакомый. Какъ же? были съ нимъ однокорытниками!

За симъ, это странное явленіе, этотъ съежившійся старичишка проводилъ его со двора, послѣ чего велѣлъ ворота тотъже часъ запереть; потомъ обошелъ кладовыя, съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть, на своихъ ли мѣстахъ сторожа, которые стояли на всѣхъ углахъ, колотя деревянными лопатками въ пустой боченокъ, на мѣсто чугунной доски; послѣ того заглянулъ въ кухню, гдѣ, подъ видомъ того, чтобы попробовать, хорошо ли ѣдятъ люди, наѣлся препорядочно щей съ кашею и, выбранивши всѣхъ до послѣдняго за кражу и дурное поведеніе, возвратился въ свою комнату. Оставшись одинъ, онъ даже подумалъ о томъ, какъ бы ему возблагодарить гостя за такое, въ самомъ дѣлѣ, безпримѣрное великодушіе. «Я ему подарю», подумалъ онъ просебя, «карманные часы: они вѣдь хорошіе, серебряные часы, а не то, чтобы какіе-нибудь томпаковые, или бронзовые,—немножко поиспорчены, да вѣдь онъ себѣ переправитъ; онъ человѣкъ еще молодой, такъ ему нужны карманные часы, чтобы понравиться своей невѣстѣ. Или нѣтъ», прибавилъ онъ, послѣ нѣкотораго размышленія, «лучше я оставлю ихъ ему, послѣ своей смерти, въ духовной, чтобы вспоминалъ обо мнѣ».

Глава 7.

Счастливъ путникъ, который, послѣ длинной, скучной дороги, съ ея холодами, слякотью, грязью, невыспавшимися

Digitized by Google

нціонными смотрителями, бряканьями колокольчиковъ, по-
ками, перебранками, ямщиками, кузнецами и всякаго рода
ожными подлецами, видитъ наконецъ знакомую крышу съ
сущимися на встрѣчу огоньками, и предстанутъ предъ нимъ
комыя комнаты, радостный крикъ выбѣжавшихъ на встрѣчу
дей, шумъ и бѣготня дѣтей, и успокоительныя тихія рѣчи,
рываемыя пылающими лобзаніями, властными истребить все
альное изъ памяти! Счастливъ семьянинъ, у кого есть та-
й уголъ, но горе холостяку!

Счастливъ писатель, который, мимо характеровъ скучныхъ,
отивныхъ, поражающихъ печальною своею дѣйствительностью,
иближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство
ловѣка, который, изъ великаго омута ежедневно вращающих-
образовъ, избралъ одни немногія исключенія, который не
мѣнилъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускал-
съ вершины своей къ бѣднымъ ничтожнымъ своимъ со-
атьямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко
торгнутые отъ нея и возвеличенные образы! Вдвойнѣ зави-
нъ прекрасный удѣлъ его: онъ среди ихъ, какъ въ родной
мьѣ; а между тѣмъ далеко и громко разносится его слава.
нъ окурилъ упоительнымъ куревомъ людскія очи; онъ чудно
льстилъ имъ, сокрывъ печальное въ жизни, показавъ имъ
рекраснаго человѣка. Все, рукоплеща, несется за нимъ и мчит-
вслѣдъ за торжественной его колесницей. Великимъ всемір-
ымъ поэтомъ именуютъ его, парящимъ высоко надъ всѣми
ругими геніями міра, какъ паритъ орелъ надъ другими высо-
олетающими. При одномъ имени его уже объемлются трепе-
омъ молодыя пылкія сердца; отвѣтныя слезы ему блещутъ во
сѣхъ очахъ. Нѣтъ равнаго ему по силѣ!.. Но не таковъ удѣлъ,
другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все,
то ежеминутно предъ очами и чего не зрятъ равнодушныя
очи,—всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ
нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повсе-
невныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подъ-
ласъ горькая и скучная дорога,—и, крѣпкою силою неумолима-
о рѣзца, дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на все-
народныя очи! Ему не собрать народныхъ рукоплесканій, ему
не зрѣть признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взвол-

Digitized by Google

нованныхъ имъ душъ; къ нему не полетитъ на встрѣчу шестнадцати-лѣтняя дѣвочка съ закружившеюся головою и геройскимъ увлеченьемъ; ему не позабыться въ сладкомъ обаяньи имъ же исторгнутыхъ звуковъ; ему не избѣжать, наконецъ, современнаго суда, лицемѣрно-безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянныя созданья, отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ отъ него и сердце, и душу, и Божественное пламя таланта. Ибо не признаетъ современный судъ, что равно чудны стекла, озирающія солнцы, и передающія движенья незамѣченныхъ насѣкомыхъ; ибо не признаетъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданья; ибо не признаетъ современный судъ, что высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеньемъ, и что цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха! Не признаетъ сего современный судъ, и все обратитъ въ упрекъ и поношенье непризнанному писателю: безъ раздѣленья, безъ отвѣта, безъ участья, какъ безсемейный путникъ останется онъ одинъ посреди дороги. Сурово его поприще и горько почувствуетъ онъ свое одиночество.

И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью идти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключемъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ святой ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ, въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей...

Чичиковъ въ городѣ для совершенія купчихъ крѣпостей на купленныя мертвыя души, а затѣмъ, въ компаніи предсѣдателя, Собакевича, Манилова, у полиціймейстера на обѣдѣ.

Глава 8.

Покупки Чичикова сдѣлались предметомъ разговоровъ въ городѣ; на него стали смотрѣть какъ на милліонщика. Вниманіе къ нему особенно проявилось на балу у губернатора:

Digitized by Google

, что ни было, обратилось къ нему на встрѣчу, кто съ кар-
ı въ рукахъ, кто на самомъ интересномъ пунктѣ разговора.—
иковъ разомъ почувствовалъ себя въ нѣсколькихъ объятіяхъ...
ы тутъ же обступили его блестящею гирляндою и нанесли
:обой цѣлыя облака всякаго рода благоуханій; но Чичиковъ
, предпочтеніе дочери губернатора, чѣмъ вооружилъ противъ
: дамское общество.

Въ то время, какъ Чичиковъ занималъ губернаторскую
у, показался Ноздревъ и, увидавъ Чичикова, шелъ прямо
нему.

— А, херсонскій помѣщикъ, херсонскій помѣщикъ!—кри-
ь онъ, подходя и заливаясь смѣхомъ.—Что? много наторго-
ь мертвыхъ! Вѣдь вы не знаете, ваше превосходительство
губернатору), онъ торгуетъ мертвыми душами! Ей-Богу! По-
шай, Чичиковъ! вѣдь ты, я тебѣ говорю по дружбѣ, вотъ
всѣ здѣсь твои друзья, вотъ и его превосходительство
:ь,—я бы тебя повѣсилъ, ей-Богу повѣсилъ!

Чичиковъ просто не зналъ, гдѣ сидѣлъ.

— Повѣрите ли, ваше превосходительство, — продолжалъ
ıдревъ:—какъ сказалъ онъ мнѣ: «продай мертвыхъ душъ»,
акъ и лопнулъ со смѣха. Пріѣзжаю сюда, мнѣ говорятъ, что
, накупилъ на три милліона крестьянъ на выводъ! да онъ торго-
ъ у меня мертвыхъ. Послушай, Чичиковъ: да ты скотина,
Богу скотина! вотъ и его превосходительство здѣсь... не
ıвда ли прокуроръ?...

Это вздорное, повидимому, происшествіе замѣтно разстрои-
нашего героя. Чичиковъ пробовалъ объ этомъ не думать,
,рался разсѣяться, развлечься, присѣлъ въ вистъ, но все
ıло, какъ кривое колесо: два раза сходилъ онъ въ чужую
:ть и, позабывъ, что по третьей не бьютъ, размахнулся со
:й руки и хватилъ сдуру свою же... За ужиномъ тоже онъ не
лъ въ состояніи развернуться, не смотря на то, что обще-
:о за столомъ было пріятное и что Ноздрева давно уже вы-
ıн, когда онъ посреди котильона сѣлъ на полъ и сталъ хва-
:ть за полы танцующихъ. Чичиковъ даже не дождался оконча-
ı ужина и уѣхалъ къ себѣ.

На его горе еще пріѣхала въ городъ Коробочка, чтобы узнать навѣрно,

Digitized by Google

по чемъ ходятъ мертвыя души, и ужъ не промахнулась ли она. Боже сохрани, продавъ ихъ, можетъ быть, въ тридевятое.

Глава 9.

Дамы сплетничаютъ и сочиняютъ про Чичикова цѣлыя исторіи.

Дама просто пріятная пріѣхала къ *пріятной во всѣхъ отношеніяхъ дамѣ* и уже хотѣла приступить къ дѣлу; но восклицаніе, которое издала въ это время послѣдняя, вдругъ дало другое направленіе разговору.

— Какой веселенькій ситецъ!—воскликнула во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама, глядя на платье просто пріятной дамы.

— Да, очень веселенькій. Прасковья Ѳедоровна, однакоже, находитъ, что лучше, если бы клѣточки были помельче, и чтобы не коричневыя были крапинки, а голубыя.—Сестрѣ я прислала матерійку: это такое очарованье, котораго, просто, нельзя выразить словами. Вообразите себѣ: полосочки узенькія, узенькія, какія только можетъ представить воображеніе человѣческое, фонъ голубой, и черезъ полоску все глазки и лапки, глазки и лапки... Словомъ, безподобно! Можно сказать рѣшительно, что ничего еще не было подобнаго.

Послѣ разговоровъ въ этомъ родѣ, просто пріятная дама разсказываетъ, что узнала отъ протопопши о Чичиковѣ.

— Пріѣхала, говоритъ, къ ней помѣщица Коробочка, перепуганная и блѣдная какъ смерть, и разсказываетъ, и какъ разсказываетъ! — вдругъ, въ глухую полночь, когда уже все спало въ домѣ, раздается въ ворота стукъ, ужаснѣйшій, какой только можно себѣ представить; кричитъ: «Отворите, отворите, не то будутъ выломаны ворота!»...

— Вообразите себѣ только то, что является вооруженный съ ногъ до головы въ родѣ Ринальда-Ринальдина и требуетъ: «Продайте», говоритъ, «всѣ души, которыя умерли». Коробочка отвѣчаетъ очень резонно, говоритъ: «Я не могу продать, потому что онѣ мертвыя». — «Нѣтъ», говоритъ, «онѣ не мертвыя, это мое», говоритъ, «дѣло знать, мертвыя ли онѣ, или нѣтъ; онѣ не мертвыя, не мертвыя!» кричитъ «не мертвыя!» Словомъ скандальозу надѣлалъ ужаснаго: вся деревня сбѣжалась, ребенки пла-

Digitized by Google

, все кричитъ, никто никого не понимаетъ, ну просто оррёръ, ръ, оррёръ!..

шивъ затѣмъ по—своему, что тутъ могли значить мертвыя души, дамы вились каждая въ свою сторону бунтовать городъ, что имъ и удалось. ники, къ довершенію всей путаницы, напуганные двумя бумагами, ко- получилъ новый губернаторъ—не скрывается ли у нихъ дѣлатель фаль- къ ассигнацій и бѣжавшій отъ законнаго преслѣдованія разбойникъ— нись къ Коробочкѣ разузнать о Чичиковѣ; но увидѣли только, что Коро- была, просто, глупая старуха. Маниловъ отозвался о Чичиковѣ въ са- лестныхъ выраженіяхъ. Собакевичъ показалъ, что Чичиковъ купилъ у зародъ во всѣхъ отношеніяхъ живой, а что дальше будетъ съ крестья- то не его вина и т. д. Отъ людей Чичикова также ничего особеннаго не али. Послѣ всего этого чиновники рѣшили собраться у полиціймейстера, поразсудить, что и какъ имъ дѣлать...

Глава 10.

Собравшись у полиціймейстера, чиновники имѣли случай тить другъ другу, что они даже похудѣли отъ этихъ за- и тревогъ... Одинъ говорилъ, что Чичиковъ дѣлатель го- рственныхъ ассигнацій, и потомъ самъ прибавлялъ: «а мо- быть, и не дѣлатель»; другой утверждалъ, что онъ чинов- генералъ-губернаторской канцеляріи, и тутъ же присово- ялъ: «а впрочемъ, чортъ его знаетъ: на лбу вѣдь не про- ь». Что онъ не переодѣтый разбойникъ, въ этомъ никто сомнился. Вдругъ почтмейстеръ успокаиваетъ всѣхъ, что ковъ не кто другой, какъ капитанъ Копѣйкинъ, и разска- етъ объ этомъ капитанѣ предлинную исторію.

ъ концѣ разсказа его прерываетъ полиціймейстеръ: «вѣдь капитанъ Копѣй- , ты самъ сказалъ, безъ руки и ноги, а у Чичикова»...

Здѣсь почтмейстеръ вскрикнулъ и хлопнулъ со всего раз- рукой по своему лбу, назвавши себя публично при всѣхъ тиной. Однакожъ, минуту спустя, онъ тутъ же сталъ хи- ть и попробовалъ было вывернуться, говоря, что въ Англіи ъ изобрѣлъ деревянныя ноги такимъ образомъ, что, при мъ прикосновеніи къ незамѣтной пружинкѣ, уносили эти ноги овѣка Богъ знаетъ въ какія мѣста, такъ что послѣ нигдѣ тыскать его нельзя было.

Digitized by Google

Но всѣ очень усумнились, чтобы Чичиковъ былъ капитанъ Копѣйкинъ, и нашли, что почтмейстеръ хватилъ уже слишкомъ далеко.

Затѣмъ было высказано предположеніе: не есть ли Чичиковъ переодѣтый Наполеонъ, выпущенный англичаниномъ съ острова Елены, и теперь пробирающійся въ Россію, причемъ находили, что Чичиковъ, по росту и складу своей фигуры, смахиваетъ на Наполеона.

Думали-думали, толковали-толковали, и наконецъ рѣшили, что не худо бы еще разспросить Ноздрева, такъ какъ онъ первый вынесъ исторію о мертвыхъ душахъ и былъ, какъ говорится, въ какихъ-то тѣсныхъ отношеніяхъ съ Чичиковымъ.

Онъ отвѣчалъ на всѣ пункты, даже не запинувшись; объявилъ, что Чичиковъ накупилъ мертвыхъ душъ на нѣсколько тысячъ и что онъ самъ продалъ ему, потому что не видитъ причины, почему не продать; что Чичиковъ шпіонъ; что еще въ школѣ, гдѣ онъ съ нимъ вмѣстѣ учился, его называли фискаломъ и что за это товарищи, а въ томъ числѣ и онъ, нѣсколько его поизмяли, такъ что нужно было потомъ приставить 240 піявокъ; что въ домѣ Чичикова было на два милліона фальшивыхъ ассигнацій; но Чичиковъ, не смотря на то, что домъ его опечатали и приставили караулъ, на каждую дверь по два солдата, ухитрился въ одну ночь подмѣнить фальшивыя ассигнаціи настоящими и т. д. все въ такомъ же родѣ.

Чиновники послѣ Ноздрева остались еще въ худшемъ положеніи. Изъ нихъ бѣдный прокуроръ скоропостижно умираетъ.

Чичиковъ, между тѣмъ, ничего не зная, сидѣлъ дома по милости флюса и небольшаго воспаленія въ горлѣ; онъ только недоумѣвалъ, почему въ это время ни одинъ изъ городскихъ чиновниковъ не навѣстилъ его. По выздоровленіи, первый визитъ Чичиковъ дѣлаетъ губернатору, но слышитъ отъ швейцара: «не приказано принимать!» Другіе чиновники или не приняли, или приняли его какъ-то странно: такой принужденный и непонятный вели разговоръ, такъ растерялись, что Чичиковъ усумнился въ здоровьи ихъ мозга.

Раскрываетъ глаза Чичикову Ноздревъ, сообщивъ ему, что его подозрѣваютъ въ поддѣлкѣ ассигнацій, и что онъ, Ноздревъ, за Чичикова горой, выдалъ его за товарища по школѣ и проч. Ноздревъ сообщилъ Чичикову и о смерти прокурора. Чичиковъ постарался сбыть поскорѣе Ноздрева и рѣшилъ на другой день въ 6 часовъ утра выѣхать изъ города.

Digitized by Google

Глава 11.

Чичиковъ оставляетъ городъ. При поворотѣ въ одну изъ улицъ, бричка жна была остановиться, потому что во всю длину ея проходила безконечная ребальная процессія: хоронили прокурора.
Скоро бричка сворачиваетъ въ болѣе пустынныя улицы.—

Вотъ ужъ и мостовая кончилась и шлагбаумъ, и городъ зади, и ничего нѣтъ, и опять въ дорогѣ... Русь! Русь! вижу бя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу. Бѣдна рода въ тебѣ, не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія дива, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства,—города съ мноконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинія дерева и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ и въ вѣчной лли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на омоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя ыбы; не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую темныя рки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтыми милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя ебеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, акъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои орода; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же епостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что̀ въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу, и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?.. И еще полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль передъ твоимъ пространствомъ. Что пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною

Digitized by Google

силою отразясь въ глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи... у! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!..

— Держи, держи, дуракъ! кричалъ Чичиковъ Селифану.

— Вотъ я тебя палашомъ! кричалъ скакавшій на встрѣчу фельдъегерь, съ усами въ аршинъ.—Не видишь, лѣшій дери твою душу, казенный экипажъ! И, какъ призракъ, исчезнула съ громомъ и пылью тройка.

Какое странное, и манящее, и чудесное въ словѣ *дорога*! и какъ чудна она сама, эта дорога! Ясный день, осенніе листья, холодный воздухъ... Покрѣпче въ дорожную шинель, шапку на уши, тѣснѣй и уютнѣй прижмемся въ углу! Въ послѣдній разъ пробѣжавшая дрожь прохватила члены, и уже смѣнила ее пріятная теплота. Кони мчатся... какъ соблазнительно крадется дремота и смежаются очи, и уже сквозь сонъ слышатся и *не бѣлы снѣги*, и сапъ лошадей, и шумъ колесъ, и уже храпишь, прижавши къ углу своего сосѣда. Проснулся—пять станцій убѣжало назадъ: луна; невѣдомый городъ; церкви съ старинными деревянными куполами и чернѣющими остроконечьями; темные бревенчатые и бѣлые каменные дома; сіяніе мѣсяца тамъ и тамъ, будто бѣлые полотняные платки развѣшались по стѣнамъ, по мостовой, по улицамъ; косяками пересѣкаютъ ихъ черныя, какъ уголь, тѣни; подобно сверкающему металлу, блистаютъ вкось озаренныя деревянныя крыши; и нигдѣ ни души: все спитъ. Одинъ одинешенекъ, развѣ гдѣ нибудь въ окошкѣ, брежжетъ огонекъ: мѣщанинъ ли городской тачаетъ свою пару сапоговъ, пекарь ли возится въ печуркѣ—что до нихъ? А ночь! небесныя силы! какая ночь совершается въ вышинѣ! А воздухъ, а небо, далекое, высокое, тамъ, въ недоступной глубинѣ своей, такъ необъятно, звучно и ясно раскинувшееся!.. Но дышетъ свѣжо въ самыя очи холодное ночное дыханіе и убаюкиваетъ тебя, и вотъ уже дремлешь и забываешься, и храпишь, и ворочается сердито, почувствовавъ на себѣ тяжесть, бѣдный, притиснутый въ углу сосѣдъ. Проснулся — и уже опять передъ тобою поля и степи; нигдѣ ничего; вездѣ пустырь, все открыто. Верста съ цыфрой летитъ тебѣ въ очи; занимается утро; на побѣлѣвшемъ холодномъ небосклонѣ золотая блѣдная полоса; свѣжѣе и жестче становится вѣтеръ. Покрѣпче въ теплую шинель!.. Какой славный

Digitized by Google

ходъ! какой чудный вновь обнимающій тебя сонъ! Толчекъ— опять проснулся. На вершинѣ неба солнце. «Полегче! легче!» лишится голосъ; телѣга спускается съ кручи; внизу плотина рокая, широкій ясный прудъ, сіяющій, какъ мѣдное дно, редъ солнцемъ; деревня, избы разсыпались на косогорѣ: какъ зда, блеститъ въ сторонѣ крестъ сельской церкви; болтовня киковъ, и невыносимый аппетитъ въ желудкѣ... Боже! какъ хороша подъ часъ, далекая, далекая дорога! Сколько разъ, къ погибающій и тонущій, я хватался за тебя, и ты всякій въ меня великодушно выносила и спасала! А сколько родись въ тебѣ чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грезъ, сколько речувствовалось дивныхъ впечатлѣній!..

Чичиковъ, увѣрившись, что онъ точно выѣхалъ изъ города, занялся только ой дорогою, и городъ N какъ будто не бывалъ въ его памяти, какъ будто ѣзжалъ онъ его давно, въ дѣтствѣ. Наконецъ и дорога перестала занить его, и онъ сталъ слегка закрывать глаза и склонять голову къ подушкѣ. торъ признается,—этому даже радъ, находя такимъ образомъ случай поговорить о своемъ героѣ, при чемъ оговаривается, что его герой скорѣе не понравится читателямъ, такъ какъ онъ не могъ взять въ герои добродѣтельнаго овѣка.

Но... можетъ быть, въ сей же самой повѣсти почуются иныя, це доселѣ небраныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство сскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божественными доблеями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ рѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушго стремленія и самоотверженія, и мертвыми покажутся предъ ими всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга редъ живымъ словомъ! подымутся русскія движенія... и увитъ, какъ глубоко заронилось въ славянскую природу то, что кользнуло только по природѣ другихъ народовъ...

А теперь беретъ въ герои плутоватаго человѣка потому, что писатели задили добродѣтельнаго человѣка.

Темно и скромно происхожденіе нашего героя. Родители были воряне, но столбовые, или личные, Богъ вѣдаетъ. Лицомъ онъ а нихъ не походилъ: покрайней мѣрѣ, родственница, бывшая ри его рожденіи, низенькая, коротенькая женщина, которыхъ быкновенно называютъ пиголицами, взявши въ руки ребенка,

Digitized by Google

вскрикнула: «Совсѣмъ вышелъ не такой, какъ я думала! Ему бы слѣдовало пойти въ бабку съ матерней стороны, что было бы и лучше, а онъ родился, просто, какъ говоритъ пословица: *ни въ мать, ни въ отца, а въ проѣзжаго молодца*». Жизнь при началѣ взглянула на него какъ-то кисло-непріятно, сквозь какое-то мутное, занесенное снѣгомъ окошко: ни друга, ни товарища въ дѣтствѣ! Маленькая горенка съ маленькими окнами, не отворявшимися ни въ зиму, ни въ лѣто; отецъ—больной человѣкъ, въ длинномъ сюртукѣ на мерлушкахъ и въ вязанныхъ хлопанцахъ, надѣтыхъ на босую ногу, безпрестанно вздыхавшій, ходя по комнатѣ, и плевавшій въ стоявшую въ углу песочницу; вѣчное сидѣнье на лавкѣ, съ перомъ въ рукахъ, чернилами на пальцахъ и даже на губахъ; вѣчная прописъ передъ глазами: «Не лги, послушествуй старшимъ и носи добродѣтель въ сердцѣ;» вѣчный шаркъ и шлепанье по комнатѣ хлопанцевъ, знакомый, но всегда суровый голосъ: «Опять задурилъ!» отзывавшійся въ то время, когда ребенокъ, наскуча однообразіемъ труда, придѣлывалъ къ буквѣ какую-нибудь кавыку, или хвостъ; и вѣчно знакомое, всегда непріятное чувство, когда, вслѣдъ за сими словами, краюшка уха его скручивалась очень больно ногтями длинныхъ протянувшихся сзади пальцевъ: вотъ бѣдная картина первоначальнаго его дѣтства, о которомъ едва сохранилъ онъ блѣдную память. Но въ жизни все мѣняется быстро и живо: и въ одинъ день съ первымъ весеннимъ солнцемъ и разлившимися потоками, отецъ, взявши сына, выѣхалъ съ нимъ на телѣжкѣ, которую потащила мухортая пѣгая лошадка, извѣстная у лошадиныхъ барышниковъ подъ именемъ сороки; ею правилъ кучеръ, маленькій горбунокъ, родоначальникъ единственной крѣпостной семьи, принадлежавшей отцу Чичикова, занимавшій почти всѣ должности въ домѣ. На сорокѣ тащились они полтора дня слишкомъ; на дорогѣ ночевали, переправлялись черезъ рѣку, закусывали холоднымъ пирогомъ и жареною бараниною, и только на третій день утромъ добрались до города. Передъ мальчикомъ блеснули нежданнымъ великолѣпіемъ городскія улицы, заставившія его на нѣсколько минутъ разинуть ротъ. Потомъ сорока бултыхнула вмѣстѣ съ телѣжкою въ яму, которою начинался узкій переулокъ, весь стремившійся внизъ и запруженный грязью; долго работала она тамъ всѣми силами и мѣсила ногами, под-

Digitized by Google

стрекаемая и горбункомъ, и самимъ бариномъ, и наконецъ втащила ихъ въ небольшой дворикъ, стоявшій на косогорѣ, съ двумя разцвѣтшими яблонями передъ старенькимъ домикомъ и садикомъ позади его, низенькимъ, маленькимъ, состоявшимъ только изъ рябины, бузины и скрывшейся въ глубинѣ ея деревянной будочки, крытой драньемъ, съ узенькимъ матовымъ окошечкомъ. Тутъ жила родственница ихъ, дряблая старушонка, все еще ходившая всякое утро на рынокъ и сушившая потомъ чулки свои у самовара, которая потрепала мальчика по щекѣ и полюбовалась его полнотою. Тутъ долженъ былъ онъ остаться и ходить ежедневно въ классы городскаго училища. Отецъ, переночевавши, на другой же день выбрался въ дорогу, При разставаніи, слезъ не было пролито изъ родительскихъ глазъ; дана была полтина мѣди на расходъ и лакомства и, что гораздо важнѣе, умное наставленіе. «Смотри же, Павлуша: учись, не дури и не повѣсничай, а больше всего—угождай учителямъ и наставникамъ. Коли будешь угождать начальнику, то хоть и въ наукѣ не успѣешь, и таланту Богъ не далъ, все пойдешь въ ходъ и всѣхъ опередишь. Съ товарищами не водись: они тебя добру не научатъ, а если ужъ пошло на то, такъ водись съ тѣми, которые побогаче, чтобы при случаѣ могли быть тебѣ полезными. Не угощай и не потчивай никого, а веди себя лучше такъ, чтобы тебя угощали, а больше всего береги и копи копѣйку: эта вещь надежнѣе всего на свѣтѣ. Товарищъ, или пріятель тебя надуетъ и въ бѣдѣ первый тебя выдастъ, а копѣйка не выдастъ, въ какой бы бѣдѣ ты ни былъ. Все сдѣлаешь и все прошибешь на свѣтѣ копѣйкой». Давши такое наставленіе, отецъ разстался съ сыномъ и потащился вновь домой на своей сорокѣ, и съ тѣхъ поръ уже никогда онъ больше его не видѣлъ; но слова и наставленія заронились глубоко ему въ душу.

Павлуша съ другаго же дня принялся ходить въ классы. Особенныхъ способностей къ какой-нибудь наукѣ въ немъ не оказалось; отличался онъ больше прилежаніемъ и опрятностію; но за то оказался въ немъ большой умъ съ другой стороны, со стороны практической. Онъ вдругъ смекнулъ и понялъ дѣло, и повелъ себя въ отношеніи къ товарищамъ точно такимъ образомъ, что они его угощали, а онъ ихъ не только никогда, но даже иногда, припрятавъ полученное угощенье, потомъ прода-

Digitized by Google

валъ имъ же. Еще ребенкомъ, онъ умѣлъ уже отказать себѣ во всемъ. Изъ данной отцомъ полтины не издержалъ ни копѣйки, напротивъ, въ тотъ же годъ уже сдѣлалъ къ ней приращеніе, показавъ оборотливость почти необыкновенную. Слѣпилъ изъ воску снигиря, выкрасилъ его и продалъ очень выгодно. Потомъ, въ продолженіи нѣкотораго времени, пустился на другія спекуляціи, именно вотъ какія: накупивши на рынкѣ съѣстнаго, садился въ классѣ возлѣ тѣхъ, которые были побогаче, и какъ только замѣчалъ, что товарища начинало тошнить—признакъ наступающаго голода, онъ высовывалъ ему изъ-подъ скамьи, будто невзначай, уголъ пряника, или булки, и, раззадоривши его, бралъ деньги, соображаясь съ аппетитомъ. Два мѣсяца онъ провозился у себя на квартирѣ безъ отдыха около мыши, которую засадилъ въ маленькую деревянную клѣточку, и добился наконецъ до того, что мышь становилась на заднія лапки, ложилась и вставала по приказу, и продалъ потомъ ее тоже очень выгодно. Когда набралось денегъ до пяти рублей, онъ мѣшочекъ зашилъ и сталъ копить въ другой. Въ отношеніи къ начальству онъ повелъ себя еще умнѣе. Сидѣть на лавкѣ никто не умѣлъ такъ смирно. Надобно замѣтить, что учитель былъ большой любитель тишины и хорошаго поведенія, и терпѣть не могъ умныхъ и острыхъ мальчиковъ: ему казалось, что они непремѣнно должны надъ нимъ смѣяться. Достаточно было тому, который попалъ на замѣчаніе со стороны остроумія, достаточно было ему только пошевелиться, или какъ-нибудь ненарокомъ мигнуть бровью, чтобы подпасть вдругъ подъ гнѣвъ. Онъ его гналъ и наказывалъ немилосердно. «Я, братъ, изъ тебя выгоню заносчивость и непокорность!» говорилъ онъ: «я тебя знаю насквозь, какъ ты самъ себя не знаешь. Вотъ ты у меня постоишь на колѣняхъ! ты у меня поголодаешь!» И бѣдный мальчишка, самъ не зная за что, натиралъ себѣ колѣни и голодалъ по суткамъ. «Способности и дарованія! это все вздоръ!» говаривалъ онъ: «я смотрю только на поведеніе. Я поставлю полные баллы во всѣхъ наукахъ тому, кто ни аза не знаетъ, да ведетъ себя похвально; а въ комъ я вижу дурной духъ да насмѣшливость, я тому нуль, хоть онъ Солона заткни за поясъ!» Такъ говорилъ учитель, не любившій на смерть Крылова за то, что онъ сказалъ: «По мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй», и

Digitized by Google

гда разсказывавшій, съ наслажденіемъ въ лицѣ и въ глазахъ, ъ въ томъ училищѣ, гдѣ онъ преподавалъ прежде, такая на тишина, что слышно было, какъ муха летитъ, что ни нъ изъ учениковъ въ теченіе круглаго года не кашлянулъ и высморкался въ классѣ, и что до самаго звонка нельзя было ать, былъ ли кто тамъ, или нѣтъ. Чичиковъ вдругъ постигъ духъ начальника и въ чемъ должно состоять поведеніе. шевельнулъ онъ ни глазомъ, ни бровью во все время класса, ъ ни щипали его сзади; какъ только раздавался звонокъ, онъ сался опрометью и подавалъ учителю прежде всѣхъ треухъ итель ходилъ въ треухѣ); подавши треухъ, онъ выходилъ овый изъ класса и старался ему попасться раза три на дорѣ, безпрестанно снимая шапку. Дѣло имѣло совершенный ѣхъ. Во все время пребыванія въ училищѣ былъ онъ на ичномъ счету и при выпускѣ получилъ полное удостоеніе во ѣхъ наукахъ, аттестатъ и книгу съ золотыми буквами: *за прирное прилежаніе и благонадежное поведеніе*. Вышедъ изъ учиища, онъ очутился уже юношей довольно заманчивой наружсти, съ подбородкомъ, потребовавшимъ бритвы. Въ это время еръ отецъ его. Въ наслѣдствѣ оказалось: четыре заношенныя звозвратно фуфайки, два старыхъ сюртука, подбитыхъ мерашками, и незначительная сумма денегъ. Отецъ, какъ видно, лъ свѣдущъ только въ совѣтѣ копить копѣйку, а самъ накоъ ее немного. Чичиковъ продалъ тутъ же ветхій дворишко ничтожной землицей за тысячу рублей, а семью людей переъ въ городъ, располагаясь основаться въ немъ и заняться ужбой. Въ это же время былъ выгнанъ изъ училища, за глусть, или другую вину, бѣдный учитель, любитель тишины и квальнаго поведенія. Учитель съ горя принялся пить; наконъ и пить уже было ему не на что; больной, безъ куска хлѣба помощи, пропадалъ онъ гдѣ-то въ нетопленной, забытой коркѣ. Бывшіе ученики его, умники и остряки, въ которыхъ у мерещилась безпрестанно непокорность и заносчивое поведіе, узнавши объ жалкомъ его положеніи, собрали тутъ же и него деньги, продавъ даже многое нужное; одинъ только авлуша Чичиковъ отговорился неимѣніемъ и далъ какой-то такъ серебра, который тутъ же товарищи ему бросили, сказавши: «Эхъ ты, жила!» Закрылъ лицо руками бѣдный учитель,

Digitized by Google

когда услышалъ о такомъ поступкѣ бывшихъ учениковъ своихъ; слезы градомъ полились изъ погасавшихъ очей, какъ у безсильнаго дитяти. «При смерти на одрѣ привелъ Богъ заплакать», произнесъ онъ слабымъ голосомъ, и тяжело вздохнулъ, услышавъ о Чичиковѣ, прибавя тутъ же: «Эхъ, Павлуша! вотъ какъ перемѣняется человѣкъ! вѣдь какой былъ благонравный! ничего буйнаго—шелкъ! Надулъ, сильно надулъ...»

Нельзя, однакоже, сказать, чтобы природа героя нашего была такъ сурова и черства и чувства его были до того притуплены, чтобы онъ не зналъ ни жалости, ни состраданія. Онъ чувствовалъ и то, и другое, онъ бы даже хотѣлъ помочь, но только, чтобы не заключалось это въ значительной суммѣ, чтобы не трогать уже тѣхъ денегъ, которыхъ положено было не трогать; словомъ, отцовское наставленіе. «Береги и копи копѣйку» пошло въ прокъ. Но въ немъ не было привязанности собственно къ деньгамъ для денегъ, имъ не владѣли скряжничество и скупость. Нѣтъ, не онѣ двигали имъ; ему мерещилась впереди жизнь во всѣхъ довольствахъ, со всякими достатками; экипажи, домъ отлично устроенный, вкусные обѣды — вотъ что̀ безпрерывно носилось въ головѣ его. Чтобы наконецъ, потомъ, со-временемъ, вкусить непремѣнно все это, вотъ для чего береглась копѣйка, скупо отказываемая до времени и себѣ, и другому. Когда проносился мимо его богачъ на пролетныхъ красивыхъ дрожкахъ, на рысакахъ въ богатой упряжи, онъ какъ вкопанный останавливался на мѣстѣ и потомъ, очнувшись, какъ послѣ долгаго сна, говорилъ: «А вѣдь былъ конторщикъ, волосы носилъ въ кружокъ»! И все, что̀ ни отзывалось богатствомъ и довольствомъ, производило на него впечатлѣніе, непостижимое имъ самимъ. Вышедъ изъ училища, онъ не хотѣлъ даже отдохнуть: такъ сильно было у него желаніе приняться за дѣло и службу. Однакоже, не смотря на похвальные аттестаты, съ большимъ трудомъ опредѣлился онъ въ казенную палату. И въ дальнихъ захолустьяхъ нужна протекція. Мѣстечко досталось ему ничтожное: жалованья тридцать или сорокъ рублей въ годъ. Но рѣшился онъ жарко заняться службою, все побѣдить и преодолѣть. И точно, самоотверженіе, терпѣнье и ограниченіе нуждъ показалъ онъ неслыханное. Съ ранняго утра до поздняго вечера, не уставая ни душевными, ни тѣлесными силами, писалъ онъ,

Digitized by Google

огрязнувъ весь въ канцелярскія бумаги, не ходилъ домой, спалъ въ канцелярскихъ комнатахъ на столахъ, обѣдалъ подъ-часъ съ сторожами, и при всемъ томъ умѣлъ сохранить опрятность, порядочно одѣться, сообщить лицу пріятное выраженіе и даже что-то благородное въ движеніяхъ. Надобно сказать, что палатскіе чиновники отличались невзрачностію и неблагоразуміемъ. У иныхъ были лица—точно дурно выпеченный хлѣбъ: щеку разнуло въ одну сторону, подбородокъ покосило въ другую, верхнюю губу взнесло пузыремъ, которая, въ прибавку къ тому, еще и треснула; словомъ, совсѣмъ некрасиво. Говорили они всѣ какъ-то сурово, такимъ голосомъ, какъ бы собирались кого прибить; приносили частыя жертвы Вакху, показавъ, такимъ образомъ, что въ славянской природѣ есть еще много остатковъ язычества; приходили даже подъ-часъ въ присутствіе, какъ говорится, нализавшись, отчего въ присутствіи было нехорошо и воздухъ былъ вдвое не ароматическій. Между такими чиновниками не могъ не быть замѣченъ и отличенъ Чичиковъ, представляя во всемъ совершенную противоположность и взрачностью лица, и привѣтливостью голоса, и совершеннымъ неупотребленіемъ никакихъ крѣпкихъ напитковъ. Но при всемъ томъ трудна была его дорога. Онъ попалъ подъ начальство уже престарѣлому повытчику, который былъ образъ какой-то каменной безчувственности и непотрясаемости: вѣчно тотъ же, неприступный, никогда въ жизни не явившій на лицѣ своемъ усмѣшки, не привѣтствовавшій ни разу никого даже запросомъ о здоровьѣ. Никто не видалъ, чтобы онъ хоть разъ былъ не тѣмъ, чѣмъ всегда; хоть на улицѣ, хоть у себя дома; хотя бы разъ показалъ онъ въ чемъ-нибудь участіе; хоть бы напился пьянъ и въ пьянствѣ разсмѣялся бы; хоть бы даже предался дикому веселью, какому предается разбойникъ въ пьяную минуту; но даже тѣни не было въ немъ ничего такого. Ничего не было въ немъ ровно: ни злодѣйскаго, ни добраго, и что-то страшное являлось въ семъ отсутствіи всего. Черство-мраморное лицо его, безъ всякой рѣзкой неправильности, не намекало ни на какое сходство; въ суровой соразмѣрности между собою были черты его. Одни только частыя рябины и ухабины, истыкавшія ихъ, причисляли его къ числу тѣхъ лицъ, на которыхъ, по народному выраженію, чортъ приходилъ по ночамъ молотить горохъ. Казалось, не бы-

Digitized by Google

ло силъ человѣческихъ подбиться къ такому человѣку и привлечь его расположеніе, но Чичиковъ попробовалъ. Сначала онъ принялся угождать во всѣхъ незамѣтныхъ мелочахъ: разсмотрѣлъ внимательно чинку перьевъ, какими писалъ онъ, и, приготовивши нѣсколько по образцу ихъ, клалъ ему всякій разъ ихъ подъ руку; сдувалъ и сметалъ со стола его песокъ и табакъ; завелъ новую тряпку для его чернильницы; отыскалъ гдѣ-то его шапку, прескверную шапку, какая когда-либо существовала въ мірѣ, и всякій разъ клалъ ее возлѣ него за минуту до окончанія присутствія; чистилъ ему спину, если тотъ запачкалъ ее мѣломъ у стѣны. Но все это осталось рѣшительно безъ всякаго замѣчанія, такъ какъ-будто ничего этого не было и дѣлано. Наконецъ онъ пронюхалъ его домашнюю, семейную жизнь: узналъ, что у него была зрѣлая дочь, съ лицомъ, тоже похожимъ на то, какъ будто бы на немъ происходила по ночамъ молотьба гороху. Съ этой-то стороны придумалъ онъ навести приступъ. Узнавъ, въ какую церковь приходила она по воскреснымъ днямъ, становился всякой разъ насупротивъ ее, чисто одѣтый, накрахмаливши сильно манишку, и дѣло возъимѣло успѣхъ: пошатнулся суровый повытчикъ и зазвалъ его на чай. И въ канцеляріи не успѣли оглянуться, какъ устроилось дѣло такъ, что Чичиковъ переѣхалъ къ нему въ домъ, сдѣлался нужнымъ и необходимымъ человѣкомъ, закупалъ муку и сахаръ, съ дочерью обращался какъ съ невѣстой, повытчика звалъ папенькой и цѣловалъ его руку. Всѣ положили въ палатѣ, что въ концѣ февраля, передъ великимъ постомъ, будетъ свадьба. Суровый повытчикъ сталъ даже хлопотать за него у начальства, и чрезъ нѣсколько времени Чичиковъ самъ сѣлъ повытчикомъ на одно открывшееся мѣсто. Въ этомъ, казалось, и заключалась главная цѣль связей его съ старымъ повытчикомъ, потому что тутъ же сундукъ свой онъ отправилъ секретно домой и на другой день очутился уже на другой квартирѣ. Повытчика пересталъ звать папенькой и не цѣловалъ больше его руки, а о свадьбѣ такъ дѣло и замялось, какъ-будто вовсе ничего не происходило. Однакожъ встрѣчаясь съ нимъ, онъ всякій разъ ласково жалъ ему руку и приглашалъ его на чай, такъ что старый повытчикъ, не смотря на вѣчную неподвижность и черствое равноду-

Digitized by Google

ніе, всякой разъ встряхивалъ головою и произносилъ себѣ подъ носъ: «Надулъ, надулъ чортовъ сынъ!»

Это былъ самый трудный порогъ, черезъ который перешагнулъ онъ. Съ этихъ поръ пошло легче и успѣшнѣе. Онъ сталъ человѣкомъ замѣтнымъ. Все оказалось въ немъ, что нужно для этого міра: и пріятность въ оборотахъ и поступкахъ, и бойкость въ дѣловыхъ дѣлахъ. Съ такими средствами добылъ онъ въ непродолжительное время то, что называютъ хлѣбное мѣстечко, и воспользовался имъ отличнымъ образомъ. Нужно знать, что въ тоже самое время начались строжайшія преслѣдованія всякихъ взятокъ. Преслѣдованій онъ не испугался и обратилъ ихъ тотъ же часъ въ свою пользу, показавъ такимъ образомъ прямо русскую изобрѣтательность, являющуюся только во время прижимокъ. Дѣло устроено было вотъ какъ. Какъ только приходилъ проситель и засовывалъ руку въ карманъ съ тѣмъ, чтобы вытащить оттуда извѣстныя рекомендательныя письма, за подписью князя Хованскаго, какъ выражаются у насъ на Руси. «Нѣтъ, нѣтъ», говорилъ онъ съ улыбкой, удерживая его руки, «вы думаете, что я... нѣтъ, нѣтъ! Это нашъ долгъ, наша обязанность; безъ всякихъ возмездій мы должны сдѣлать. Съ этой стороны ужъ будьте покойны: завтра же все будетъ сдѣлано. Позвольте узнать вашу квартиру; вамъ и заботиться не нужно самимъ: все будетъ принесено къ вамъ на домъ». Очарованный проситель возвращался домой чуть не въ восторгѣ, думая: вотъ наконецъ человѣкъ, какихъ нужно побольше! это просто драгоцѣнный алмазъ!» Но ждетъ проситель день, другой—не приносятъ дѣла на домъ; на третій тоже. Онъ въ канцелярію—дѣло и не начиналось; онъ къ драгоцѣнному алмазу.—«Ахъ, извините!» говорилъ Чичиковъ очень учтиво, схвативши его за обѣ руки, «у насъ было столько дѣла! но завтра же будетъ все сдѣлано, завтра непремѣнно! право, мнѣ даже совѣстно». И все это сопровождалось движеніями обворожительными. Если при этомъ распахивалась какая-нибудь пола халата, то рука въ ту же минуту старалась дѣло поправить и придержать полу. Но ни завтра, ни послѣ завтра, ни на третій день не несутъ дѣла на домъ. Проситель берется за умъ: да полно нѣтъ ли чего! вывѣдываетъ—говорятъ: «Нужно дать писарямъ.»—«Почему же не дать? я готовъ четвертакъ писарямъ!» вскрикиваетъ проситель.—

Digitized by Google

«Да чего вы такъ горячитесь?» отвѣчаютъ ему: «оно такъ и выйдетъ: писарямъ и достанется по четвертаку, а остальное пойдетъ къ начальнику». Бьетъ себя по лбу недогадливый проситель и бранитъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, новые обычаи и вѣжливыя облагороженныя обращенія чиновниковъ. «Прежде было знаешь, по крайней мѣрѣ, что̀ дѣлать: принесъ правителю дѣлъ красную, да и дѣло въ шляпѣ; а теперь по бѣленькой, да еще недѣлю провозишься, пока догадаешься... чортъ бы побралъ безкорыстіе и чиновное благородство!» Проситель, конечно, правъ; но за то теперь нѣтъ взяточниковъ: всѣ правители дѣлъ честнѣйшіе и благороднѣйшіе люди: секретари только да писаря мошенники. Скоро представилось Чичикову поле гораздо просторнѣе: образовалась коммиссія для построенія какого-то казеннаго, весьма капитальнаго строенія. Въ эту коммиссію пристроился и онъ, и оказался одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ. Коммиссія немедленно приступила къ дѣлу. Шесть лѣтъ возилась около зданія; но климатъ, что ли, мѣшалъ, или матеріалъ у нея былъ такой, только никакъ не шло казенное зданіе выше фундамента. А между тѣмъ въ другихъ концахъ города очутилась у каждаго изъ членовъ по красивому дому гражданской архитектуры: видно, грунтъ земли былъ тамъ получше. Члены уже начинали благоденствовать и стали заводиться семействомъ. Тутъ только и теперь только сталъ Чичиковъ понемногу выпутываться изъ-подъ суровыхъ законовъ воздержанья и неумолимаго своего самоотверженія. Тутъ только долговременный постъ наконецъ былъ смягченъ, и оказалось, что онъ всегда не былъ чуждъ разныхъ наслажденій, отъ которыхъ умѣлъ удержаться въ лѣта пылкой молодости, когда ни одинъ человѣкъ совершенно не властенъ надъ собою. Оказались кое какія излишества: онъ завелъ довольно хорошаго повара, тонкія голландскія рубашки. Уже сукна купилъ онъ себѣ такого, какого не носила вся губернія, и съ этихъ поръ сталъ держаться болѣе коричневыхъ и красноватыхъ цвѣтовъ съ искрою; уже пріобрѣлъ онъ отличную пару и самъ держалъ одну возжу, заставляя пристяжную виться кольцомъ; уже завелъ онъ обычай вытираться губкой, смѣшанной съ одеколономъ; уже покупалъ онъ весьма недешево какое-то мыло для сообщенія гладкости кожѣ; уже...

Digitized by Google

Но вдругъ, на мѣсто прежняго тюфяка, былъ присланъ вый начальникъ, человѣкъ военный, строгій, врагъ взяточ-ковъ и всего, что называется неправдой. На другой же нь пугнулъ онъ всѣхъ до одного, потребовалъ отчеты, видѣлъ недочеты, на каждомъ шагу недостающія суммы, за-вѣтилъ въ ту же минуту дома красивой гражданской архитек-уры, и пошла переборка. Чиновники были отставлены отъ лжности; дома гражданской архитектуры поступили въ казну обращены были на разныя богоугодныя заведенія и школы ля кантонистовъ; все распушено было въ пухъ, и Чичиковъ олѣе другихъ. Лицо его вдругъ, не смотря на пріятность, не понравилось начальнику,—почему именно, Богъ вѣдаетъ: ино-да даже, просто, не бываетъ на это причинъ,—и онъ возне-навидѣлъ его на смерть. Но, такъ какъ все же онъ былъ че-ловѣкъ военный, стало быть не зналъ всѣхъ тонкостей граж-данскихъ продѣлокъ, то чрезъ нѣсколько времени, посредствомъ правдивой наружности и умѣнья поддѣлываться ко всему, втер-лись къ нему въ милость другіе чиновники, и новый правдивый начальникъ скоро очутился въ рукахъ еще большихъ мошенни-ковъ, которыхъ онъ вовсе не почиталъ такими, даже былъ до-воленъ, что выбралъ наконецъ людей, какъ слѣдуетъ, и хва-стался не въ шутку тонкимъ умѣньемъ различать способности. Чиновники вдругъ постигнули духъ его и характеръ. Все, что ни было подъ начальствомъ его, сдѣлалось страшными гони-телями неправды; вездѣ, во всѣхъ дѣлахъ они преслѣдовали ее, какъ рыбакъ острогой преслѣдуетъ какую нибудь мясистую бѣ-лугу, и преслѣдовали ее съ такимъ успѣхомъ, что въ скоромъ времени у каждаго очутилось по нѣскольку тысячъ капиталу. Въ это время обратились на путь истины многіе изъ преж-нихъ чиновниковъ и были вновь приняты на службу. Но Чи-чиковъ уже никакимъ образомъ не могъ втереться; какъ ни старался и ни стоялъ за него, подстрекнутый письмами князя Хованскаго, первый секретарь, постигнувшій совершенно упра-вленье генеральскимъ носомъ; но тутъ онъ ничего рѣшительно не могъ сдѣлать. Начальникъ былъ такого рода человѣкъ, кото-раго хотя и водили за носъ (впрочемъ, безъ его вѣдома), но за то уже, если въ голову ему западала какая-нибудь мысль, то она тамъ была все равно, что желѣзный гвоздь: ничѣмъ

Digitized by Google

нельзя было ее оттуда вытеребить. Все, что могъ сдѣлать умный секретарь, было уничтоженье запачканнаго послужнаго списка, и на то уже онъ подвинулъ начальника не иначе, какъ состраданіемъ, изобразивъ ему въ живыхъ краскахъ трогательную судьбу несчастнаго семейства Чичикова, котораго, къ несчастію, у него не было.

«Ну, что жъ»! сказалъ Чичиковъ, «зацѣпилъ, поволокъ, сорвалось—не спрашивай. Плачемъ горю не пособить, нужно дѣло дѣлать». И вотъ рѣшился онъ съизнова начать карьеръ, вновь вооружиться терпѣніемъ, вновь ограничиться во всемъ, какъ ни привольно и ни хорошо было развернулся прежде. Нужно было переѣхать въ другой городъ, тамъ еще приводить себя въ извѣстность. Все какъ-то не клеилось. Двѣ-три должности долженъ онъ былъ перемѣнить въ самое короткое время: должности какъ-то были грязны, низменны. Нужно знать, что Чичиковъ былъ самый благопристойный человѣкъ, какой когда-либо существовалъ на свѣтѣ. Хотя онъ и долженъ былъ въ началѣ протираться въ грязномъ обществѣ, но въ душѣ всегда сохранялъ чистоту, любилъ, чтобы въ канцеляріяхъ были столы изъ лакированнаго дерева и все бы было благородно. Никогда не позволялъ онъ себѣ въ рѣчи неблагопристойнаго слова и оскорблялся всегда, если въ словахъ другихъ видѣлъ отсутствіе должнаго уваженія къ чину, или званію. Читателю, я думаю, пріятно будетъ узнать, что онъ всякіе два дня перемѣнялъ на себѣ бѣлье, а лѣтомъ, во время жаровъ, даже и всякій день; всякій сколько нибудь непріятный запахъ уже оскорблялъ его. По этой причинѣ онъ всякій разъ, когда Петрушка приходилъ раздѣвать его и скидавать сапоги, клалъ себѣ въ носъ гвоздику; и во многихъ случаяхъ нервы у него были щекотливые, какъ у дѣвушки, и потому тяжело ему было очутиться вновь въ тѣхъ рядахъ, гдѣ все отзывалось пѣнникомъ и неприличьемъ въ поступкахъ. Какъ ни крѣпился онъ духомъ, однако же похудѣлъ и даже позеленѣлъ во время невзгодъ. Но переносилъ все герой нашъ, переносилъ сильно, терпѣливо переносилъ, и—перешелъ наконецъ въ службу по таможнѣ. Надобно сказать, что эта служба давно составляла тайный предметъ его помышленій. Онъ видѣлъ, какими щегольскими заграничными вещицами заводились таможенные чиновники, какіе фарфоры и батисты пере-

Digitized by Google

и кумушкамъ, тетушкамъ и сестрицамъ. Не разъ давно
ıъ говорилъ со вздохомъ: «Вотъ бы куда перебраться: и
ца близко, и просвѣщенные люди, а какими тонкими гол-
ими рубашками можно обзавестись»! Надобно прибавить,
ои этомъ онъ подумывалъ еще объ особенномъ сортѣ фран-
го мыла, сообщавшаго необыкновенную бѣлизну кожѣ и
:ть щекамъ. Какъ оно называлось, Богъ вѣдаетъ, но, по
ıедположеніямъ, непремѣнно находилось на границѣ. И такъ,
ıвно бы хотѣлъ въ таможню, но удерживали текущія раз-
ыгоды по строительной коммиссіи, и онъ разсуждалъ спра-
о, что таможня, какъ бы то ни было, все еще не болѣе,
куравль въ небѣ, а коммиссія уже была синица въ рукахъ.
ь же рѣшился онъ, во что бы то ни стало, добраться до
ıи, и добрался. За службу свою принялся онъ съ рев-
ı необыкновенною. Казалось, сама судьба опредѣлила
ıть таможеннымъ чиновникомъ. Подобной расторопности,
ıательности и прозорливости было не только не видано,
ке не слыхано. Въ три-четыре недѣли онъ уже такъ на-
руку въ таможенномъ дѣлѣ, что зналъ рѣшительно все:
ıе вѣсилъ, не мѣрялъ, а по фактурѣ узнавалъ, сколько въ
штукѣ аршинъ сукна, или иной матеріи; взявши въ руку
ıкъ, онъ могъ сказать вдругъ, сколько въ немъ фунтовъ.
ıсается до обысковъ, то здѣсь, какъ выражались сами
ıщи, у него, просто, было собачье чутье: нельзя было не
ться, видя, какъ у него доставало столько терпѣнія, чтобы
ть всякую пуговку, и все это производилось съ убійст-
мъ хладнокровіемъ, вѣжливымъ до невѣроятности. И въ
:мя, когда обыскиваемые бѣсились, выходили изъ себя и
ıовали злобное побужденіе избить щелчками пріятную его
ность, онъ, не измѣняясь ни въ лицѣ, ни въ вѣжливыхъ
ıкахъ, приговаривалъ только: «Не угодно ли вамъ будетъ
кко побезпокоиться и привстать?» Или: «Не угодно ли
будетъ, сударыня, пожаловать въ другую комнату? тамъ
'а одного изъ нашихъ чиновниковъ объяснится съ вами.»
«Позвольте, вотъ я ножичкомъ немного распорю подклад-
ней шинели,» и, говоря это, онъ вытаскивалъ оттуда ша-
ıатки, хладнокровно, какъ изъ собственнаго сундука. Даже
ıство изъяснилось, что это былъ чортъ, а не человѣкъ:

Digitized by Google

онъ отыскивалъ въ колесахъ, дышлахъ, лошадиныхъ ушахъ и иивѣсть въ какихъ мѣстахъ, куда бы никакому автору не пришло въ мысль забраться, и куда позволяется забираться только однимъ таможеннымъ чиновникамъ; такъ, что бѣдный путешественникъ, переѣхавшій черезъ границу, все еще, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ не могъ опомниться и, отирая потъ, выступившій мелкою сыпью по всему тѣлу, только крестился да приговаривалъ: «Ну, ну!» Положеніе его весьма походило на положеніе школьника, выбѣжавшаго изъ секретной комнаты, куда начальникъ призвалъ его съ тѣмъ, чтобы дать кое-какое наставленіе, но, вмѣсто того, высѣкъ совершенно неожиданнымъ образомъ. Въ непродолжительное время не было отъ него никакого житья контрабандистамъ. Это была гроза и отчаяніе всего польскаго жидовства. Честность и неподкупность его были неодолимы, почти неестественны. Онъ даже не составилъ себѣ небольшаго капитальца изъ разныхъ конфискованныхъ товаровъ и отбираемыхъ кое-какихъ вещицъ, не поступающихъ въ казну, во избѣжаніе лишней переписки. Такая ревностно-безкорыстная служба не могла не сдѣлаться предметомъ общаго удивленія и не дойти наконецъ до свѣдѣнія начальства. Онъ получилъ чинъ и повышеніе, и вслѣдъ затѣмъ представилъ проэктъ изловить всѣхъ контрабандистовъ, прося только средствъ исполнить его самому. Ему тотъ же часъ вручена была команда и неограниченное право производить всякіе поиски. Этого только ему и хотѣлось. Въ то время образовалось сильное общество контрабандистовъ обдуманно-правильнымъ образомъ; на милліоны сулило выгодъ дерзкое предпріятіе. Онъ давно уже имѣлъ свѣдѣніе о немъ и даже отказалъ подосланнымъ подкупить, сказавши сухо: «Еще не время». Получивъ же въ свое распоряженіе все, въ ту же минуту далъ знать обществу, сказавши: «Теперь пора». Разсчетъ былъ слишкомъ вѣренъ. Тутъ въ одинъ годъ онъ могъ получить то, чего не выигралъ бы въ двадцать лѣтъ. Прежде онъ не хотѣлъ вступать ни въ какія сношенія съ ними, потому что былъ не болѣе, какъ простой пѣшкой, стало быть не много получилъ бы; но теперь... теперь совсѣмъ другое дѣло: онъ могъ предложить какія угодно условія. Чтобы дѣло шло безпрепятственнѣй, онъ склонилъ и другаго чиновника, своего товарища, который не устоялъ противъ соблаз-

Digitized by Google

не смотря на то, что волосомъ былъ сѣдъ. Условія были ючены, общество приступило къ дѣйствіямъ. Дѣйствія наись блистательно. Читатель, безъ сомнѣнія, слышалъ такъ то повторяемую давнишнюю исторію объ остроумномъ путествіи испанскихъ барановъ, которые, совершивъ переходъ чеъ границу въ двойныхъ тулупчикахъ, принесли подъ тулупами на милліонъ брабантскихъ кружевъ. Это происшествіе чилось именно тогда, когда Чичиковъ служилъ при таможнѣ. участвуй онъ самъ въ этомъ предпріятіи, никакимъ жидамъ мірѣ не удалось бы привести въ исполненіе подобнаго дѣла. слѣ трехъ, или четырехъ бараньихъ походовъ черезъ границу, обоихъ чиновниковъ очутилось по четыреста тысячъ капиталу. Чичикова, говорятъ, даже перевалило и за пятьсотъ, потому о былъ побойчѣе. Богъ знаетъ, до какой бы громадной цифры возросли благодатныя суммы, если бы какой-то нелегкій звѣрь перебѣжалъ поперекъ всему. Чортъ сбилъ съ толку обоихъ иновниковъ: чиновники, говоря попросту, перебѣсились и поорились ни за что́. Какъ-то въ жаркомъ разговорѣ, а можетъ ть нѣсколько и выпивши, Чичиковъ назвалъ другаго чиновика поповичемъ, а тотъ, хотя дѣйствительно былъ поповичъ, извѣстно почему—обидѣлся жестоко и отвѣтилъ ему тутъ же льно и необыкновенно рѣзко, именно вотъ какъ: «Нѣтъ, врешь статскій совѣтникъ, а не поповичъ; а вотъ ты — такъ поповичъ!» И потомъ еще прибавилъ ему въ пику для большей доды: «Да, вотъ-молъ что́!» Хотя онъ отбрилъ такимъ образомъ го кругомъ, обративъ на него имъ же приданное названіе и отя выраженіе! «Вотъ-молъ что!» могло быть сильно, но недовольный симъ, онъ послалъ еще на него тайный доносъ. Какъ ыло дѣло въ самомъ дѣлѣ, Богъ ихъ вѣдаетъ; пусть лучше итатель-охотникъ досочинитъ самъ. Главное въ томъ, что тайныя ношенія съ контрабандистами сдѣлались явными. Статскій совѣтникъ, хоть и самъ пропалъ, но таки упекъ своего товарища. Чиновниковъ взяли подъ судъ, конфисковали, описали все, что у нихъ ни было, и все это разрѣшилось вдругъ, какъ громъ, надъ головами ихъ. Какъ послѣ чаду, опомнились они и увидѣли съ ужасомъ, что надѣлали. Статскій совѣтникъ не устоялъ противъ судьбы и гдѣ-то погибъ въ глуши, но коллежскій устоялъ. Онъ умѣлъ затаить часть деньжонокъ какъ ни чутко было обоня-

Digitized by Google

ніе наѣхавшаго на слѣдствіе начальства. Употребилъ всѣ тонкіе извороты ума, уже слишкомъ опытнаго, слишкомъ знающаго хорошо людей: гдѣ подѣйствовалъ пріятностью оборотовъ, гдѣ трогательною рѣчью, гдѣ покурилъ лестью, ни въ какомъ случаѣ, не портящею дѣла, гдѣ всунулъ деньжонку, словомъ— обработалъ дѣло, по крайней мѣрѣ, такъ, что отставленъ былъ не съ такимъ безчестьемъ, какъ товарищъ, и увернулся изъ-подъ уголовнаго суда. Но уже ни капитала, ни разныхъ заграничныхъ вещицъ, ничего не осталось ему: на все это нашлись другіе охотники. Удержалось у него тысячонокъ десятокъ, запрятанныхъ про черный день, да дюжины двѣ голландскихъ рубашекъ, да небольшая бричка, въ какой ѣздятъ холостяки, да два крѣпостныхъ человѣка: кучеръ Селифанъ и лакей Петрушка; да таможенные чиновники, движимые сердечною добротою, оставили ему пять или шесть кусковъ мыла для сбереженія свѣжести щекъ,—вотъ и все. И такъ, вотъ въ какомъ положеніи вновь очутился герой нашъ! вотъ какая громада бѣдствій обрушилась ему на голову! Это называлъ онъ: потерпѣть по службѣ за правду. Теперь можно бы заключить, что, послѣ такихъ бурь, испытаній, превратностей судьбы и жизненнаго горя, онъ удалится съ оставшимися кровными десятью тысячонками въ какое-нибудь мирное захолустье уѣзднаго городишка и тамъ заклёкнетъ на вѣки въ ситцевомъ халатѣ, у окна низенькаго домика, разбирая по воскреснымъ днямъ драку мужиковъ, возникшую передъ окнами, или, для освѣженія, пройдясь въ курятникъ пощупать лично курицу, назначенную въ супъ, и проведетъ такимъ образомъ нешумный, но въ своемъ родѣ тоже не безполезный вѣкъ. Но такъ не случилось. Надобно отдать справедливость непреодолимой силѣ его характера. Послѣ всего того, что́ бы достаточно было, если не убить, то охладить и усмирить навсегда человѣка, въ немъ не потухла непостижимая страсть. Онъ былъ въ горѣ, въ досадѣ, роптал на весь свѣтъ, сердился на несправедливость судьбы, негодовалъ на несправедливость людей, и однакоже не могъ отказаться отъ новыхъ попытокъ. Словомъ, онъ показалъ терпѣнье, передъ которымъ ничто деревянное терпѣнье нѣмца, заключенное уже въ медленномъ, лѣнивомъ обращеніи крови его. Кровь Чичикова, напротивъ, играла сильно, и нужно было много разумной воли, чтобъ набросить узду на все

Digitized by Google

то, что хотѣло бы выпрыгнуть и погулять на свободѣ. Онъ разсуждалъ, и въ разсужденіи его видна была нѣкоторая сторона справедливости: «Почему жъ я? зачѣмъ на меня обрушилась бѣда? Кто жъ зѣваетъ теперь по должности? всѣ пріобрѣтаютъ. Несчастнымъ я не сдѣлалъ никого: я не ограбилъ вдову, я не пустилъ никого по міру; пользовался я отъ избытковъ; бралъ тамъ, гдѣ всякій бралъ бы; не воспользуйся я, другіе воспользовались бы. За что же другіе благоденствуютъ, и почему долженъ я пропасть червемъ? И что я теперь? куда я гожусь? какими глазами я стану смотрѣть теперь въ глаза всякому почтенному отцу семейства? какъ не чувствовать мнѣ угрызенія совѣсти, зная, что даромъ бременю землю? и что скажутъ потомъ мои дѣти? «Вотъ», скажутъ «отецъ-скотина: не оставилъ намъ никакого состоянія!»

Уже извѣстно, что Чичиковъ сильно заботился о своихъ потомкахъ. Такой чувствительный предметъ! Иной, можетъ быть, и не такъ бы глубоко запустилъ руку, если бы не вопросъ, который, не извѣстно почему, приходитъ самъ собою: а что скажутъ дѣти? И вотъ будущій родоначальникъ, какъ осторожный котъ, покося только однимъ глазомъ въ бокъ, не глядитъ ли откуда хозяинъ, хватаетъ поспѣшно все, что къ нему поближе: мыло ли стоитъ, свѣчи ли, сало, канарейка ли попалась подъ лапу, словомъ—не пропускаетъ ничего. Такъ жаловался и плакалъ герой нашъ, а между тѣмъ дѣятельность никакъ не умирала въ головѣ его; тамъ все хотѣло что-то строиться и ждало только плана. Вновь съежился онъ, вновь принялся вести трудную жизнь, вновь ограничилъ себя во всемъ, вновь изъ чистоты и приличнаго положенія опустился въ грязь и низменную жизнь. И, въ ожиданіи лучшаго, принужденъ былъ даже заняться званіемъ повѣреннаго, званіемъ, еще не пріобрѣтшимъ у насъ гражданства, толкаемымъ со всѣхъ сторонъ, плохо уважаемымъ мелкою приказною тварью и даже самими довѣрителями, осужденнымъ на пресмыканье въ переднихъ, грубости и прочее; но нужда заставила рѣшиться на все. Изъ порученій досталось ему, между прочимъ, одно: похлопотать о заложеніи въ опекунскій совѣтъ нѣсколькихъ сотъ крестьянъ. Имѣніе было разстроено въ послѣдней степени. Разстроено было скотскими падежами, плутами - прикащиками, неурожаями, повальными болѣзнями, истребившими лучшихъ работниковъ, и, наконецъ, безтолковьемъ самого помѣщика, убиравшаго

Digitized by Google

себѣ въ Москвѣ домъ въ послѣднемъ вкусѣ и убившаго на эту уборку все состояніе свое, до послѣдней копѣйки, такъ, что ужъ не на что было ѣсть. По этой-то причинѣ понадобилось наконецъ заложить послѣднее оставшееся имѣніе. Закладъ въ казну былъ тогда еще дѣло новое, на которое рѣшались не безъ страха. Чичиковъ, въ качествѣ повѣреннаго, прежде расположивши всѣхъ (безъ предварительнаго расположенія, какъ извѣстно, не можетъ быть даже взята простая справка, или выправка,—все же хоть по бутылкѣ мадеры придется влить во всякую глотку), и такъ, расположивши всѣхъ, кого слѣдуетъ, объяснилъ онъ, что вотъ какое, между прочимъ, обстоятельство: половина крестьянъ вымерла, такъ чтобы не было потомъ какихъ-нибудь привязокъ... «Да вѣдь они по ревизской сказкѣ числятся?» сказалъ секретарь: «одинъ умеръ, другой родится, а все въ дѣло годится». Секретарь, какъ видно, умѣлъ говорить въ риѳму. А между тѣмъ героя нашего осѣнила вдохновеннѣйшая мысль, какая когда-либо приходила въ человѣческую голову. «Эхъ я Акимъ-простота!» сказалъ онъ самъ въ себѣ: «ищу рукавицъ, а обѣ за поясомъ! Да накупи я всѣхъ этихъ, которые вымерли, пока еще не подавали новыхъ ревизскихъ сказокъ, пріобрѣти ихъ, положимъ, тысячу, да, положимъ, опекунскій совѣтъ дастъ по двѣсти рублей на душу: вотъ ужъ двѣсти тысячъ капиталу! А теперь же время удобное! недавно была эпидемія, народу вымерло, слава Богу, не мало; помѣщики попроигрывались въ карты, закутили и промотались какъ слѣдуетъ; все полѣзло въ Петербургъ служить; имѣнія брошены, управляются какъ ни попало, подати уплачиваются съ каждымъ годомъ труднѣе: такъ мнѣ съ радостью уступитъ ихъ каждый, уже потому только, чтобы не платить за нихъ подушныхъ денегъ; можетъ, въ другой разъ такъ случится, что съ иного и я зашибу за это копѣйку. Конечно, трудно, хлопотливо, страшно, чтобы какъ-нибудь еще не досталось, чтобы не вывести изъ этого исторіи. Ну, да вѣдь данъ же человѣку на что-нибудь умъ! А главное то хорошо, что предметъ-то покажется всѣмъ невѣроятнымъ, никто не повѣритъ. Правда, безъ земли ни купить, ни заложить. Да вѣдь я куплю на выводъ, на выводъ; теперь земли въ Таврической и Херсонской губерніяхъ отдаются даромъ, только заселяй. Туда я ихъ всѣхъ и переселю! въ Херсонскую ихъ! пусть тамъ живутъ! А переселеніе можно

Digitized by Google

сдѣлать законнымъ образомъ, какъ слѣдуетъ по судамъ. Если захотятъ освидѣтельствовать крестьянъ—пожалуй, я и не прочь; почему же нѣтъ? я представлю и свидѣтельство за собственноручнымъ подписаніемъ капитана-исправника. Деревню можно назвать Чичикова слободка, или по имени, данному при крещеніи: сельцо Павловское». И вотъ такимъ образомъ составился въ головѣ нашего героя сей странный сюжетъ, за который, не знаю, будутъ ли благодарны ему читатели, а ужъ какъ благодаренъ авторъ, такъ и выразить трудно; ибо, что ни говори, не приди въ голову Чичикова эта мысль, не явилась бы на свѣтъ сія поэма.

Перекрестясь, по русскому обычаю, приступилъ онъ къ исполненію. Подъ видомъ избранія мѣста для жительства и подъ другими предлогами, предпринялъ онъ заглянуть въ тѣ и другіе углы нашего государства, и преимущественно въ тѣ, которые болѣе другихъ пострадали отъ несчастныхъ случаевъ: неурожаевъ, смертностей и прочаго и прочаго, словомъ—гдѣ бы можно удобнѣе и дешевле накупить потребнаго народа. Онъ не обращался наобумъ ко всякому помѣщику, но избиралъ людей болѣе по своему вкусу, или такихъ, съ которыми бы можно было съ меньшими затрудненіями дѣлать подобныя сдѣлки, стараясь прежде познакомиться, расположить къ себѣ, чтобы, если можно, болѣе дружбою, а не покупкою пріобрѣсти мужиковъ. И такъ, читатели не должны негодовать на автора, если лица, донынѣ являвшіяся, не пришлись по его вкусу: это вина Чичикова; здѣсь онъ полный хозяинъ, и куда ему вздумается, туда и мы должны тащиться...

...И такъ, вотъ весь на лицо герой нашъ, каковъ онъ есть!.. Справедливѣе всего назвать его *хозяинъ*, *пріобрѣтатель*.

Глава оканчивается лирическимъ отступленіемъ о тройкѣ и русской землѣ.

...И какой же Русскій не любитъ быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, не сказать иногда: «Чортъ побери все!» его ли душѣ не любить ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно-чудное? кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ, и самъ летишь и все летитъ: летятъ версты, летятъ на-встрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ, съ темными

Digitized by Google

строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и воронымъ крикомъ; летитъ вся дорога невѣсть куда въ пропадающую даль; и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мельканьи, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ, только небо надъ головою да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ одни, кажется, недвижны. Эхъ тройка, птица-тройка! кто тебя выдумалъ! знать, у бойкаго народа ты могла только родиться, — въ той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнемъ-гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а наскоро, живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ, снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ чортъ знаетъ на чемъ; а привсталъ, да замахнулся, да затянулъ пѣсню—кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ — и вонъ она понеслась, понеслась, понеслась!... И вонъ уже видно вдали, какъ что-то пылитъ и сверлитъ воздухъ.

Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается позади. Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель. Не молнія ли это, сброшенная съ неба? что̀ значитъ это наводящее ужасъ движеніе? и что̀ за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони — что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо говоритъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню — дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху, и мчится, вся вдохновенная Богомъ!... Русь, куда же несешься ты? дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и, косясь, посторанниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства.

Digitized by Google

«Ревизоръ» (комедія).

Дѣйствіе первое.

Комната въ домѣ городничаго.

Явленіе I.

Городничій, Попечитель богоугодныхъ заведеній, Смотритель училищъ, Судья, Частный приставъ, Лѣкарь, два квартальныхъ.

Городничій. Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе: къ намъ ѣдетъ ревизоръ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Какъ, ревизоръ?

Артемій Филипповичъ. Какъ, ревизоръ?

Городничій. Ревизоръ изъ Петербурга, инкогнито. И еще съ секретнымъ предписаніемъ.

Аммосъ Федоровичъ. Вотъ-те на!

Артемій Филипповичъ. Вотъ не было заботы, такъ подай!

Лука Лукичъ. Господи Боже! еще и съ секретнымъ предписаніемъ.

Городничій. Я какъ-будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенныя крысы. Право, этакихъ я никогда не видывалъ: черныя, неестественной величины! пришли, понюхали, и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Чмыхова, котораго вы, Артемій Филипповичъ, знаете. Вотъ что́ онъ пишетъ: «Любезный другъ, кумъ и благодѣтель» (*бормочетъ въ полголоса, пробѣгая скоро глазами*)... «и увѣдомить тебя». А, вотъ: «спѣшу, между прочимъ, увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ (*значительно поднимаетъ палецъ вверхъ*). Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ представляетъ себя частнымъ лицомъ. Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что́ плыветъ въ руки...» (*Остановясь*).

Digitized by Google

Ну, здѣсь свои... «то совѣтую тебѣ взять предосторожность: ибо онъ можетъ пріѣхать во всякій часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ гдѣ-нибудь инкогнито... Вчерашняго дня...» Ну, тутъ ужъ пошли дѣла семейныя: «сестра Анна Кириловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ; Иванъ Кириловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ...» и прочее и прочее. Такъ вотъ какое обстоятельство!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да, обстоятельство такое необыкновенно. Что-нибудь не даромъ.

Лука Лукичъ. Зачѣмъ же, Антонъ Антоновичъ, отчего это? зачѣмъ къ намъ ревизоръ?

Городничій, (*испуская вздохъ*). Зачѣмъ! такъ ужъ, видно, судьба! (*Вздохнувъ*). До сихъ поръ, благодареніе Богу, подбирались къ другимъ городамъ; теперь пришла очередь къ нашему.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и больше политическая причина. Это значитъ вотъ что: Россія... да... хочетъ вести войну, а министерія-то, вотъ видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.

Городничій. Экъ куда хватили! Еще умный человѣкъ! Въ уѣздномъ городѣ измѣна! Чтó онъ, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, я вамъ скажу. Вы не того... вы не... Начальство имѣетъ тонкіе виды; даромъ, что далеко, а оно себѣ мотаетъ на усъ.

Городничій. Мотаетъ, или не мотаетъ, а я васъ, господа, предувѣдомилъ. Смотрите! по своей части я кое-какія распоряженія сдѣлалъ, совѣтую и вамъ. Особенно вамъ, Артемій Филипповичъ! Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственныя вамъ богоугодныя заведенія—и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично. Колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по-домашнему.

Артемій Филипповичъ. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надѣть и чистые.

Городничій. Да. И тоже надъ каждою кроватью надписать по-латынѣ, или на другомъ какомъ языкѣ... это ужъ по

Digitized by Google

вашей части, Христіянъ Ивановичъ, — всякую болѣзнь: когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа... Не хорошо, что у васъ больные такой крѣпкій табакъ курятъ, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если бы ихъ было меньше; тотчасъ отнесутъ къ дурному смотрѣнію, или къ неискусству врача.

Артемій Филипповичъ. О! насчетъ врачеванія мы съ Христіяномъ Ивановичемъ взяли свои мѣры: чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше, лѣкарствъ дорогихъ мы не употребляемъ. Человѣкъ простой, если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ. Да и Христіяну Ивановичу затруднительно было бъ съ ними изъясняться — онъ по-русски ни слова не знаетъ.

(*Христіянъ Ивановичъ издаетъ звукъ, отчасти похожій на букву и, и нѣсколько на е.*)

Городничій. Вамъ тоже посовѣтовалъ бы, Аммосъ Ѳедоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенятами, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально, и почему жъ сторожу и не завесть его; только, знаете, въ такомъ мѣстѣ неприлично... Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ-то позабывалъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. А вотъ я ихъ сегодня же велю всѣхъ забрать на кухню. Хотите, приходите обѣдать.

Городничій. Кромѣ того, дурно, что у васъ высушивается въ самомъ присутствіи всякая дрянь, и надъ самымъ шкафомъ съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а тамъ, какъ проѣдетъ ревизоръ, пожалуй, опять можете его повѣсить. Также засѣдатель вашъ... онъ, конечно, человѣкъ свѣдущій, но отъ него такой запахъ, какъ-будто бы сейчасъ вышелъ изъ винокуреннаго завода,—это тоже нехорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню чѣмъ-то, развлеченъ. Есть противъ этого средства, если уже это дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, у него природный запахъ: можно ему посовѣтовать ѣсть лукъ, или чеснокъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными медикаментами Христіянъ Ивановичъ.

Digitized by Google

(*Христіанъ Ивановичъ издаетъ тотъ же звукъ.*)

Аммосъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать: онъ говоритъ, что въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ тѣхъ поръ отъ него отдаетъ немного водкою.

Городничій. Да, я такъ только замѣтилъ вамъ. Насчетъ же внутренняго распоряженія и того, что называетъ въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нѣтъ человѣка, который-бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и Волтеріянцы напрасно противъ этого говорятъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Что жъ вы полагаете, Антонъ Антоновичъ, грѣшками? Грѣшки грѣшкамъ рознь. Я говорю всѣмъ открыто, что беру взятки, но чѣмъ взятки? Борзыми щенками. Это совсѣмъ иное дѣло.

Городничій. Ну, щенками или чѣмъ другимъ, все взятки.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Ну, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ. А вотъ, напримѣръ, если у кого-нибудь шуба стоитъ пятьсотъ рублей, да супругѣ шаль....

Городничій. Ну, а что изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? За то вы въ Бога не вѣруете; вы въ церковь никогда не ходите; а я, по крайней мѣрѣ, въ вѣрѣ твердъ и каждое воскресенье бываю въ церкви. А вы... О, я знаю васъ: вы если начнете говорить о сотвореніи міра, просто волосы дыбомъ поднимаются.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ.

Городничій. Ну, въ иномъ случаѣ много ума хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ, я такъ только упомянулъ объ уѣздномъ судѣ; а, по правдѣ сказать, врядъ ли кто когда-нибудь заглянетъ туда: это ужъ такое завидное мѣсто, самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, такъ какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться особенно насчетъ учителей. Они люди, конечно, умные и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ, но имѣютъ очень странные поступки, натурально, неразлучные съ ученымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, вотъ этотъ, что имѣетъ толстое лицо... не вспомню его фамилію, никакъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы, взошедши на каѳедру, не сдѣлать гримасу, вотъ этакъ (*дѣлаетъ*

Digitized by Google

рим асу); и потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстука утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего, можетъ быть, оно тамъ и нужно такъ, объ этомъ я не могу судить; но, вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ это посѣтителю—это можетъ быть очень худо: господинъ ревизоръ, или другой кто можетъ принять это на свой счетъ. Изъ этого, чортъ знаетъ, что можетъ произойти.

Лука Лукичъ. Что жъ мнѣ, право, съ нимъ дѣлать? я ужъ нѣсколько разъ ему говорилъ. Вотъ еще на дняхъ, какъ зашелъ было въ классъ нашъ предводитель, онъ скроилъ такую рожу, какой я никогда еще не видывалъ. Онъ-то ее сдѣлалъ отъ добраго сердца, а мнѣ выговоръ, зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются юношеству.

Городничій. Тоже долженъ вамъ замѣтить и объ учителѣ по исторической части. Онъ ученая голова—это видно, и свѣдѣній нахваталъ тьму, но только объясняетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его: ну, покамѣстъ говорилъ объ ассиріянахъ и вавилонянахъ—еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что съ нимъ сдѣлалось. Я думалъ, что пожаръ, ей Богу! сбѣжалъ съ каѳедры и, что силы есть, хвать стуломъ объ полъ! Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать! отъ этого убытокъ казнѣ.

Лука Лукичъ. Да, онъ горячъ! я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ... Говоритъ: «Какъ хотите, для науки я жизни не пощажу».

Городничій. Да, таковъ ужъ неизъяснимый законъ судебъ: умный человѣкъ или пьяница, или рожу такую строитъ, что хоть святыхъ выноси.

Лука Лукичъ. Не приведи Богъ служить по ученой части, всего боишься! Всякій мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ.

Городничій. Это бы еще ничего,—инкогнито проклятое! Вдругъ заглянетъ: «А, вы здѣсь, голубчики! А кто», скажетъ, «здѣсь судья?»—«Ляпкинъ-Тяпкинъ!»—«А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній?» — Земляника».—«А подать сюда Земляникуъ!» Вотъ что худо!

Digitized by Google

Явленіе II.

Тѣ же и Почтмейстеръ.

Почтмейстеръ. Объясните, господа, что, какой чиновникъ ѣдетъ?

Городничій. А вы развѣ не слышали?

Почтмейстеръ. Слышалъ отъ Петра Ивановича Бобчинскаго. Онъ только-что былъ у меня въ почтовой конторѣ.

Городничій. Ну, что? какъ вы думаете объ этомъ?

Почтмейстеръ. А что думаю? война съ турками будетъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Въ одно слово! я самъ то же думалъ.

Городничій. Да, оба пальцемъ въ небо попали!

Почтмейстеръ. Право, съ турками. Это все французъ гадитъ.

Городничій. Какая война съ турками! просто намъ плохо будетъ, а не туркамъ. Это ужъ извѣстно: у меня письмо.

Почтмейстеръ. А, если такъ, то не будетъ войны съ турками.

Городничій. Ну, что же, какъ вы, Иванъ Кузьмичъ.

Почтмейстеръ. Да что я? Какъ вы, Антонъ Антоновичъ?

Городничій. Да что я? Страху-то нѣтъ, а такъ, немножко. Купечество да гражданство меня смущаетъ. Говорятъ, что я имъ солоно пришелся, а я, вотъ ей Богу, если и взялъ съ иного, то, право, безъ всякой ненависти. Я даже думаю (*беретъ его подъ руку и отводитъ въ сторону*), я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, къ намъ ревизоръ? Послушайте, Иванъ Кузьмичъ, нельзя ли вамъ, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибываетъ къ вамъ въ почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этакъ немножко распечатать и прочитать, не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія, или, просто, переписки. Если же нѣтъ, то можно опять запечатать; впрочемъ, можно даже и такъ отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстеръ. Знаю, знаю... Этому не учите, это я дѣлаю не то, чтобы изъ предосторожности, а больше изъ лю-

Digitized by Google

бопытства, — смерть люблю узнать, что есть новаго на свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это преинтересное чтеніе! Иное письмо съ наслажденіемъ прочтешь—такъ описываются разные пассажи... а назидательность какая... лучше чѣмъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ!».

Городничій. Ну, чтожъ, скажите, ничего не начитывали о какомъ-нибудь чиновникѣ изъ Петербурга?

Почтмейстеръ. Нѣтъ, о петербургскомъ ничего нѣтъ, а о костромскихъ и саратовскихъ много говорится. Жаль, однакожъ, что вы не читаете писемъ. Есть прекрасныя мѣста. Вотъ, недавно, одинъ поручикъ пишетъ къ пріятелю и описалъ балъ въ самомъ игривомъ... очень, очень хорошо: «Жизнь моя, милый другъ, течетъ», говоритъ, «въ эмпиреяхъ: барышень много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ...» съ большимъ, съ большимъ чувствомъ описалъ. Я нарочно оставилъ его у себя. Хотите, прочту?

Городничій. Ну, теперь не до того. Такъ сдѣлайте милость, Иванъ Кузьмичъ: если на случай попадется жалоба или донесеніе, то, безъ всякихъ разсужденій, задерживайте.

Почтмейстеръ. Съ большимъ удовольствіемъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Смотрите, достанется вамъ когда-нибудь за это.

Почтмейстеръ. Ахъ, батюшки!

Городничій. Ничего, ничего. Другое дѣло, если бъ вы изъ этого публичное что-нибудь сдѣлали, но вѣдь это дѣло семейное.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да, нехорошее дѣло заварилось! А я, признаюсь, шелъ было къ вамъ, Антонъ Антоновичъ, съ тѣмъ, чтобы попотчивать васъ собаченкою. Родная сестра тому кобелю, котораго вы знаете. Вѣдь вы слышали, что Чептовичъ съ Варховинскимъ затѣяли тяжбу, и теперь мнѣ роскошь: травлю зайцевъ на земляхъ и у того, и у другого.

Городничій. Батюшка, не милы мнѣ теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидитъ въ головѣ! Такъ и ждешь, что вотъ отворится дверь—и шасть...

Digitized by Google

Явленіе III.

Тѣ же, Бобчинскій и Добчинскій (*оба входятъ запыхавшись*).

Бобчинскій. Чрезвычайное происшествіе!

Добчинскій. Неожиданное извѣстіе!

Всѣ. Что, что такое?

Добчинскій. Непредвидѣнное дѣло: приходимъ въ гостинницу...

Бобчинскій (*перебивая*). Приходимъ съ Петромъ Ивановичемъ въ гостинницу...

Добчинскій (*перебивая*). Э, позвольте, Петръ Ивановичъ, я разскажу.

Бобчинскій. Э, нѣтъ, позвольте ужъ я... позвольте, позвольте... вы ужъ и слога такого не имѣете...

Добчинскій. А вы собьетесь и не припомните всего.

Бобчинскій. Припомню, ей Богу, припомню. Ужъ не мѣшайте, пусть я разскажу, не мѣшайте! Скажите, господа, сдѣлайте милость, чтобъ Петръ Ивановичъ не мѣшалъ.

Городничій. Да говорите ради Бога, что такое? У меня сердце не на мѣстѣ. Садитесь, господа! возьмите стулья! Петръ Ивановичъ вотъ вамъ стулъ (*всѣ усаживаются вокругъ обоихъ Петровъ Ивановичей*). Ну, что, что такое?

Бобчинскій. Позвольте, позвольте; я все по порядку. Какъ-только имѣлъ я удовольствіе выйти отъ васъ послѣ того, какъ вы изволили смутиться полученнымъ письмомъ, да-съ — такъ я тогда же забѣжалъ... ужъ пожалуйста не перебивайте, Петръ Ивановичъ! Я ужъ все, все, все знаю-съ. Такъ я, вотъ изволите видѣть, забѣжалъ къ Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотилъ къ Растаковскому, а не заставши Растаковскаго, зашелъ вотъ къ Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да идучи оттуда, встрѣтился съ Петромъ Ивановичемъ.

Добчинскій (*перебивая*). Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги.

Бобчинскій. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги. Да встрѣтившись съ Петромъ Ивановичемъ, и говорю ему, съ

Digitized by Google

шали ли вы о новости, которую получилъ Антонъ Антоновичъ изъ достовѣрнаго письма? А Петръ Ивановичъ уже слышали объ этомъ отъ ключницы вашей, Авдотьи, которая, не знаю зачѣмъ-то, была послана къ Филиппу Антоновичу Почечуеву.

Добчинскій (*перебивая*). За боченкомъ для французской водки.

Бобчинскій (*отводя ему руки*). За боченкомъ для французской водки. Вотъ мы пришли съ Петромъ-то Ивановичемъ къ Почечуеву... Ужъ вы, Петръ Ивановичъ... энтого... не перебивайте, пожалуйста не перебивайте!.. Пошли къ Почечуеву, да на дорогѣ Петръ Ивановичъ говоритъ: «Зайдемъ», говоритъ, «въ трактиръ. Въ желудкѣ-то у меня... съ утра я ничего не ѣлъ, такъ желудочное трясеніе...» Да-съ, въ желудкѣ-то у Петра Ивановича... «А въ трактиръ», говоритъ, «привезли теперь свѣжей семги, такъ мы закуснимъ». Только-что мы въ гостинницу, какъ вдругъ молодой человѣкъ...

Добчинскій (*перебивая*). Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ...

Бобчинскій. Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ, ходитъ этакъ по комнатѣ, и въ лицѣ этакое разсужденіе... физіономія... поступки, и здѣсь (*вертитъ рукою около лба*) много, много всего. Я будто предчувствовалъ и говорю Петру Ивановичу: «Здѣсь что-нибудь не спроста-съ». Да. А Петръ-то Ивановичъ ужъ мигнулъ пальцемъ и подозвали трактирщика-съ, трактирщика Власа—у него жена три недѣли назадъ тому родила, и такой пребойкій мальчикъ, будетъ такъ же, какъ и отецъ, содержать трактиръ. Подозвавши Власа, Петръ Ивановичъ и спроси его потихоньку: «Кто», говоритъ, «этотъ молодой человѣкъ?» а Власъ и отвѣчаетъ на это: «Это», говоритъ.... Э, не перебивайте, Петръ Ивановичъ, пожалуйста, не перебивайте, вы не разскажете, ей Богу, не разскажете: вы пришепетываете, у васъ, я знаю, одинъ зубъ во рту со свистомъ.... «Это», говоритъ, «молодой человѣкъ, чиновникъ», да-съ, «ѣдущій изъ Петербурга, а по фамиліи», говоритъ, «Иванъ Александровичъ Хлестаковъ-съ, а ѣдетъ», говоритъ, «въ Саратовскую губернію и», говоритъ, «престранно себя аттестуетъ: другую ужъ недѣлю живетъ, изъ трактира не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ и ни копѣйки не хочетъ платить». Какъ сказалъ онъ мнѣ

Digitized by Google

это, а меня такъ вотъ свыше и вразумило. «Э!» говорю я Петру Ивановичу...

Добчинскій. Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это я сказалъ «э»!

Бобчинскій. Сначала вы сказали, а потомъ и я сказалъ. «Э!» сказали мы съ Петромъ Ивановичемъ. «А съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежитъ въ Саратовскую губернію?»—Да-съ. А вотъ онъ-то и есть этотъ чиновникъ.

Городничій. Кто, какой чиновникъ?

Бобчинскій. Чиновникъ-то, о которомъ изволили получить нотацію—ревизоръ.

Городничій (*въ страхѣ*). Что вы, Господь съ вами! это не онъ.

Добчинскій. Онъ! и денегъ не платитъ, и не ѣдетъ. Кому же быть, какъ не ему? И подорожная прописана въ Саратовъ.

Бобчинскій. Онъ, онъ, ей Богу онъ.... Такой наблюдательный: все осмотрѣлъ. Увидѣлъ, что мы съ Петромъ-то Ивановичемъ ѣли семгу,—больше потому, что Петръ Ивановичъ на счетъ своего желудка... да,—такъ онъ и въ тарелки къ намъ заглянулъ. Меня такъ и проняло страхомъ.

Городничій. Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! Гдѣ же онъ тамъ живетъ?

Добчинскій. Въ пятомъ нумерѣ, подъ лѣстницей.

Бобчинскій. Въ томъ самомъ нумерѣ, гдѣ прошлаго года подрались проѣзжіе офицеры.

Городничій. И давно онъ здѣсь?

Добчинскій. А недѣли двѣ ужъ. Пріѣхалъ на Василья Египтянина.

Городничій. Двѣ недѣли! (*въ сторону.*) Батюшки, сватушки, выносите, святые угодники! Въ эти двѣ недѣли высѣчена унтеръ-офицерская жена! арестантамъ не выдавали провизіи. На улицахъ кабакъ, нечистота! Позоръ! поношеніе! (*хватается за голову.*)

Артемій Филипповичъ. Что жъ, Антонъ Антоновичъ, ѣхать парадомъ въ гостинницу.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, нѣтъ! Впередъ пустить голову, духовенство, купечество; вотъ и въ книгѣ: Дѣянія Іоанна Масона...

Digitized by Google

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ; позвольте ужъ мнѣ самому! Бывали трудные случаи въ жизни, сходили, еще даже и спасибо получалъ. Авось, Богъ вынесетъ и теперь. (*Обращаясь къ Бобчинскому.*) Вы говорите, онъ молодой человѣкъ?

Бобчинскій. Молодой, лѣтъ двадцати трехъ или четырехъ съ небольшимъ.

Городничій. Тѣмъ лучше: молодого скорѣе пронюхаешь. Бѣда, если старый чортъ; а молодой весь на верху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь одинъ, или, вотъ хоть съ Петромъ Ивановичемъ, приватно, для прогулки, навѣдаться, не терпятъ ли проѣзжающіе непріятностей. Эй, Свистуновъ!

Свистуновъ. Что угодно?

Городничій. Ступай сейчасъ за частнымъ приставомъ, или нѣтъ, ты мнѣ нуженъ. Скажи тамъ кому-нибудь, чтобы какъ можно поскорѣе ко мнѣ частнаго пристава, и приходи сюда. (*Квартальный бѣжитъ въ попыхахъ.*)

Артемій Филипповичъ. Пойдемъ, пойдемъ, Аммосъ Ѳедоровичъ. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ случиться бѣда.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да вамъ чего бояться? Колпаки чистые надѣлъ на больныхъ, да и концы въ воду.

Артемій Филипповичъ. Какое колпаки! Больнымъ велѣно габеръ-супъ давать, а у меня по всѣмъ коррпдорамъ несетъ такая капуста, что береги только носъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. А я на этотъ счетъ покоенъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто зайдетъ въ уѣздный судъ? А если и заглянетъ въ какую-нибудь бумагу, такъ жизни не будетъ радъ. Я вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ сижу на судейскомъ стулѣ, а какъ загляну въ докладную записку—а! только рукой махну! Самъ Соломонъ не разрѣшитъ, что въ ней правда, и что неправда. (*Судья, Попечитель богоугодныхъ заведеній, Смотритель училищъ и Почтмейстеръ уходятъ, и въ дверяхъ сталкиваются съ возвращающимся квартальнымъ.*)

Digitized by Google

Явленіе IV.

Городничій, Бобчинскій, Добчинскій и квартальный.

Городничій. Что, дрожки тамъ стоятъ?

Квартальный. Стоятъ.

Городничій. Ступай на улицу... или нѣтъ, постой! ступай, принеси... Да другіе-то гдѣ? неужели ты только одинъ Вѣдь я приказывалъ, чтобы и Прохоровъ былъ здѣсь. Гдѣ Прохоровъ?

Квартальный. Прохоровъ въ частномъ домѣ, да только къ дѣлу не можетъ быть употребленъ.

Городничій. Какъ такъ?

Квартальный. Да такъ: привезли его поутру мертвецки. Вотъ уже два ушата воды вылили, до сихъ поръ не протрезвился.

Городничій (*хватаясь за голову*). Ахъ Боже мой, Боже мой! Ступай скорѣе на улицу, или нѣтъ—бѣги прежде въ комнату, слышь! и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Петръ Ивановичъ, поѣдемъ!

Бобчинскій. И я, и я... позвольте и мнѣ, Антонъ Антоновичъ.

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, нельзя! неловко, да и на дрожкахъ не помѣстимся.

Бобчинскій. Ничего, ничего, я такъ: пѣтушкомъ, пѣтушкомъ, пѣтушкомъ побѣгу за дрожками. Мнѣ бы только немножко въ щелочку-то, въ дверь этакъ посмотрѣть, какъ у него эти поступки...

Городничій (*принимая шпагу, къ квартальному*). Бѣги сейчасъ, возьми десятскихъ, да пусть каждый изъ нихъ возьметъ... Экъ шпага какъ исцарапалась! Проклятый купчишка Авдулинъ—видитъ, что у городничаго старая шпага, не прислалъ новой. О, лукавый народъ! А такъ, мошенники, я, чтобы просьбы изъ-подъ полы и готовятъ. Пусть каждый возьметъ въ руки по улицѣ... чортъ возьми, по улицѣ—по метлѣ! и вымели бы всю улицу, что идетъ къ трактиру, и вымели бы чисто... Слышишь! Да смотри: ты, ты, я знаю тебя: ты такъ и

Digitized by Google

мишься, да крадешь въ ботфорты серебряныя ложечки,—смотри, у меня ухо востро!... Что ты сдѣлалъ съ купцомъ Черняевымъ, а? Онъ тебѣ на мундиръ далъ два аршина сукна, а ты стянулъ всю штуку. Смотри! не по чину берешь! ступай!

Явленіе V.

Тѣ же и Частный приставъ.

Городничій. А, Степанъ Ильичъ, скажите, ради Бога, куда вы запропастились? На что это похоже?

Частный приставъ. Я былъ тутъ сейчасъ за воротами.

Городничій. Ну, слушайте же, Степанъ Ильичъ! Чиновникъ-то изъ Петербурга пріѣхалъ. Какъ вы тамъ распорядились?

Частный приставъ. Да такъ, какъ вы приказывали: Квартальнаго Пуговицына я послалъ съ десятскими подчищать тротуаръ.

Городничій. А Держиморда гдѣ?

Частный приставъ, Держиморда поѣхалъ на пожарной трубѣ.

Городничій. А Прохоровъ пьянъ?

Частный приставъ. Пьянъ.

Городничій. Какъ вы это такъ допустили?

Частный приставъ. Да Богъ его знаетъ! Вчерашняго дня случилась за городомъ драка,—поѣхалъ туда для порядка, а возвратился пьянъ.

Городничій. Послушайте-жъ, вы сдѣлайте вотъ что: квартальный поручикъ... онъ высокаго роста, такъ пусть стоитъ, для благоустройства, на мосту. Да разметать наскоро старый заборъ, что возлѣ сапожника, и поставить соломенную вѣху, чтобы было похоже на планировку. Оно, чѣмъ больше ломки, тѣмъ больше означаетъ дѣятельности градоправителя. Ахъ, Боже мой! я и позабылъ, что возлѣ того забора навалено на сорокъ телѣгъ всякаго сору. Что это за скверный городъ: только гдѣ-нибудь поставь какой-нибудь памятникъ, или, просто, заборъ, чортъ ихъ знаетъ, откудова и нанесутъ всякой дряни! Да если

Digitized by Google

пріѣзжій чиновникъ будетъ спрашивать службу, довольны ли— чтобы говорили: «Всѣмъ довольны, ваше благородіе!» а который будетъ не доволенъ, то ему послѣ дамъ такого неудовольствія... (*Вздихаетъ.*) О, охъ, хо, хо, хъ! грѣшенъ, во многомъ грѣшенъ! (*Беретъ вмѣсто шляпы футляръ.*) Дай только Боже, чтобы сошло съ рукъ поскорѣе, а тамъ-то я поставлю ужъ такую свѣчу, какой еще никто не ставилъ: на каждую бестію купца наложу доставить по три пуда воску. О Боже мой, Боже мой! Ѣдемъ Петръ Ивановичъ? (*Вмѣсто шляпы хочетъ надѣть бумажный футляръ*).

Частный приставъ. Антонъ Антоновичъ, это коробка, а не шляпа!

Городничій (*бросаетъ коробку*). Коробка такъ коробка! Чортъ съ ней! Да если спросятъ: отчего не выстроена церковь при богоугодномъ заведеніи, на которую, назадъ тому пять лѣтъ, была ассигнована сумма, то не забыть сказать, что началась строиться, но сгорѣла. Я объ этомъ и рапортъ представлялъ. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажетъ, что она и не начиналась. Да сказать Держимордѣ, чтобы не слишкомъ давалъ воли кулакамъ своимъ; онъ, для порядка, всѣмъ ставитъ фонари подъ глазами, и правому и виноватому. Ѣдемъ, Петръ Ивановичъ. (*Уходитъ и возвращается.*) Да не выпускать солдатъ на улицу безо всего: эта дрянная гарниза надѣнетъ только сверхъ рубашки мундиръ, а внизу ничего нѣтъ. (*Всѣ уходятъ.*)

Дѣйствіе второе.

Это дѣйствіе начинается монологомъ Осипа, слуги Хлестакова. Онъ лежитъ на барской постели и философствуетъ по-своему. Жизнь ему въ настоящую минуту представляется очень горькою вслѣдствіе мотовства его барина, о которомъ даетъ знать, какъ о мелкомъ чиновникѣ. Монологъ оканчивается возгласомъ: «Ахъ, Боже ты мой, хоть бы какія нибудь щи! Кажись, такъ бы теперь весь свѣтъ съѣлъ!» Входитъ Хлестаковъ и бранитъ Осипа за то, что валяется на барской постели. Осипъ говоритъ, что онъ не валялся. Затѣмъ приказываетъ Осипу идти въ буфетъ за обѣдомъ. На это Осипъ заявляетъ, что хозяинъ не только не даетъ обѣда, а еще намѣревается жаловаться городничему и идетъ позвать самого хозяина. Оставшись

Digitized by Google

одинъ, Хлестаковъ горюетъ не о томъ, что у него нѣтъ денегъ, а о томъ, что лишенъ средствъ отыграться, потомъ думаетъ продать что нибудь изъ своего гардероба, чтобы утолить голодъ; но сейчасъ же и бросаетъ это намѣреніе, желая пріѣхать домой въ петербургскомъ костюмѣ, а еще лучше хотѣлъ бы подкатить въ каретѣ съ фонарями, а Осипъ на запяткахъ, въ ливреѣ. Сверхъ всякаго чаянія ему даютъ обѣдъ, но въ послѣдній разъ. Послѣ обѣда Осипъ докладываетъ ему, что пріѣхалъ городничій.

Хлестаковъ (*испугавшись*). Вотъ тебѣ на! Эка бестія трактирщикъ, успѣлъ уже пожаловаться! Что если въ самомъ дѣлѣ онъ потащитъ меня въ тюрьму? Что-жъ! Если благороднымъ образомъ, я пожалуй... нѣтъ, нѣтъ, не хочу!... Да что онъ, какъ онъ смѣетъ въ самомъ дѣлѣ? Что я ему, развѣ купецъ или ремесленникъ? (*Бодрится и выпрямляется.*) Да я ему прямо скажу: «Какъ вы...» (*у дверей вертится ручка; Хлестаковъ блѣднѣетъ и съеживается.*) (Явленія I—VII).

Явленіе VIII.

Хлестаковъ, Городничій и Добчинскій.

(*Городничій, вошедъ, останавливается. Оба въ испугѣ смотрятъ нѣсколько минутъ одинъ на другаго, выпучивъ глаза*).

Городничій (*немного оправившись и протянувъ руки по швамъ*). Желаю здравствовать!

Хлестаковъ (*кланяясь*). Мое почтеніе!

Городничій. Извините!

Хлестаковъ. Ничего...

Городничій. Обязанность моя, какъ градоначальника здѣшняго города, заботиться о томъ, чтобы проѣзжающимъ и всѣмъ благороднымъ людямъ никакихъ притѣсненій...

Хлестаковъ (*сначала немного заикается, но къ концу рѣчи говоритъ громко*). Да что-жъ дѣлать?... Я не виноватъ... я, право, заплачу... мнѣ пришлютъ изъ деревни. (*Бобчинскій выглядываетъ изъ-за дверей*). Онъ больше виноватъ: говядину мнѣ подаетъ такую твердую, какъ бревно, а супъ—онъ, чортъ знаетъ, что плеснулъ туда, я долженъ былъ выбросить его за окно. Онъ меня голодомъ по цѣлымъ днямъ... чай такой странный: воняетъ рыбой, а не чаемъ. За что-жъ я... Вотъ новость!

Городничій (*робѣя*). Извините, я, право, не виноватъ.

Digitized by Google

На рынкѣ у меня говядина всегда хорошая. Привозятъ холмогорскіе купцы, люди трезвые и поведенія хорошаго. Я ужъ не знаю, откуда онъ беретъ такую. А если что не такъ, то... Позвольте мнѣ предложить вамъ переѣхать со мною на другую квартиру.

Хлестаковъ. Нѣтъ, не хочу! Я знаю, что значитъ на другую квартиру: то есть — въ тюрьму. Да какое вы имѣете право, да какъ вы смѣете?.. Да вотъ я... я служу въ Петербургѣ... (*гордо*) Я, я, я...

Городничій (*въ сторону*). О Господи ты Боже, какой сердитый! Все узналъ, все разсказали проклятые купцы!

Хлестаковъ (*храбрясь*). Да вотъ вы хоть тутъ со всей своей командой не пойду! Я прямо къ министру! (*стуча кулакомъ по столу.*) Что вы? что вы?

Городничій (*вытянувшись и дрожа всѣмъ тѣломъ*). Помилуйте, не погубите! Жена, дѣти маленькія... не сдѣлайте несчастнымъ человѣка!

Хлестаковъ. Нѣтъ, я не хочу! Вотъ еще! мнѣ какое дѣло? Оттого, что у васъ жена и дѣти, я долженъ идти въ въ тюрьму, вотъ прекрасно! (*Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и въ испугѣ прячется.*) Нѣтъ, благодарю покорно, не хочу!

Городничій (*дрожа*). По неопытности, ей Богу по неопытности. Недостаточность состоянія. Сами изволите посудить, казеннаго жалованья не хватаетъ даже на чай и сахаръ. Если же и были какія взятки, то самая малость: къ столу что-нибудь, да на пару платья. Что-жъ до унтеръ-офицерской вдовы, занимающейся купечествомъ, которую я будто бы высѣкъ, то это клевета, ей Богу клевета. Это выдумали злодѣи мои; это такой народъ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлестаковъ. Да что̀, мнѣ нѣтъ никакого дѣла до нихъ... (*въ размышленіи*) Я не знаю, однакожъ, зачѣмъ вы говорите о злодѣяхъ, или о какой-то унтеръ-офицерской вдовѣ... Унтеръ-офицерская жена совсѣмъ другое, а меня вы не смѣете высѣчь, до этого вамъ далеко... Вотъ еще! смотри ты какой!.. Я заплачу деньги, но у меня теперь нѣтъ. Я потому и сижу здѣсь, что у меня нѣтъ ни копѣйки.

Городничій (*въ сторону*). О, тонкая штука! Экъ куда метнулъ! какого туману напустилъ! разбери, кто хочетъ! Не

Digitized by Google

знаешь, съ которой стороны и приняться. Ну, да ужъ попробовать; не куда пошло, что будетъ, то будетъ, попробовать на авось. (*Вслухъ*) Если вы точно имѣете нужду въ деньгахъ, или въ чемъ другомъ, то я готовъ служить сію минуту. Моя обязанность помогать проѣзжающимъ.

Хлестаковъ. Дайте, дайте мнѣ въ займы! Я сейчасъ же расплачусь съ трактирщикомъ. Мнѣ бы только рублей двѣсти, или хоть даже меньше.

Городничій (*поднося бумажникъ*) Ровно двѣсти рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаковъ (*принимая деньги*). Покорнѣйше благодарю! Я вамъ тотчасъ пришлю ихъ изъ деревни... у меня это вдругъ... я вижу, вы благородный человѣкъ. Теперь другое дѣло.

Городничій, (*въ сторону*). Ну, слава Богу! деньги взялъ. Дѣло, кажется, пойдетъ теперь на ладъ. Я таки ему, вмѣсто двухъ-сотъ, четыреста ввернулъ.

Хлестаковъ. Эй, Осипъ! (*Осипъ входитъ.*) Позови сюда трактирнаго слугу! (*къ Городничему и Добчинскому*) А что-жъ вы стоите! сдѣлайте милость, садитесь! (*Добчинскому*) садитесь, прошу покорнѣйше!

Городничій. Ничего мы и такъ постоимъ.

Хлестаковъ. Сдѣлайте милость, садитесь! Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушіе; а то, признаюсь, я ужъ думалъ, что вы пришли съ тѣмъ, чтобы меня... (*Добчинскому*) Садитесь! (*Городничій и Добчинскій садятся. Добчинскій выглядываетъ въ дверь и прислушивается.*)

Городничій (*въ сторону*). Нужно быть посмѣлѣе. Онъ хочетъ, чтобы считали его инкогнитомъ. Хорошо, подпустимъ и мы турусы: прикинемся, какъ будто совсѣмъ и не знаемъ, что онъ за человѣкъ. (*Вслухъ*) Мы, прохаживаясь по дѣламъ должности, вотъ съ Петромъ Ивановичемъ Добчинскимъ, здѣшнимъ помѣщикомъ, зашли въ гостинницу, чтобы освѣдомиться, хорошо ли содержатся проѣзжающіе, потому что я не такъ, какъ иной городничій, которому ни до чего дѣла нѣтъ; но я, кромѣ должности, по христіанскому человѣколюбію, хочу, чтобы всякому смертному оказывался хорошій пріемъ,—и вотъ, какъ будто въ награду, случай доставилъ такое пріятное знакомство.

Хлестаковъ. Я тоже самъ очень радъ. Безъ васъ я, при-

Digitized by Google

знаюсь, долго бы просидѣлъ здѣсь: совсѣмъ не зналъ, чѣмъ заплатить.

Городничій (*въ сторону*). Да, разсказывай! не зналъ, чѣмъ заплатить! (*вслухъ*) Осмѣлюсь ли спросить, куда и въ какія мѣста ѣхать изволите?

Хлестаковъ. Я ѣду въ Саратовскую губернію, въ собственную деревню.

Городничій (*въ сторону, съ лицомъ, принимающимъ ироническое выраженіе*). А? и не покраснѣетъ! О, да съ нимъ нужно ухо востро! (*Вслухъ*) Благое дѣло изволили предпринять! Вѣдь вотъ, относительно дороги: говорятъ, съ одной стороны непріятности на счетъ задержки лошадей, а вѣдь съ другой стороны развлеченье для ума. Вѣдь вы, чай, больше для собственнаго удовольствія ѣдете.

Хлестаковъ. Нѣтъ, батюшка меня требуетъ. Разсердился старикъ, что до сихъ поръ ничего не выслужилъ въ Петербургѣ. Онъ думаетъ, что такъ вотъ пріѣхалъ, да сейчасъ тебѣ Владиміра въ петлицу и дадутъ. Нѣтъ, я бы послалъ его самого потолкаться въ канцелярію.

Городничій (*въ сторону*). Прошу посмотрѣть, какія пули отливаетъ! и старика-отца приплелъ! (*Вслухъ*) И на долгое время изволите ѣхать?

Хлестаковъ. Право не знаю. Вѣдь мой отецъ упрямъ и глупъ, старый хрѣнъ, какъ бревно. Я ему прямо скажу: какъ хотите, я не могу жить безъ Петербурга. За что-жъ въ самомъ дѣлѣ я долженъ погубить жизнь съ мужиками! Теперь не тѣ потребности, душа моя жаждетъ просвѣщенія.

Городничій (*въ сторону*). Славно завялъ узелокъ! Вретъ, вретъ, и нигдѣ не оборвется! А вѣдь какой невзрачный, низенькій, кажется, ногтемъ бы придавилъ его. Ну, да постой! ты у меня проговоришься. Я тебя ужо заставлю побольше разсказать! (*Вслухъ*) Справедливо изволили замѣтить! Что́ можно сдѣлать въ глуши? Вѣдь вотъ хотя бы здѣсь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалѣешь ничего, а награда неизвѣстно еще когда будетъ. (*Окидываетъ глазами комнату*) Кажется, эта комната нѣсколько сыра?

Хлестаковъ. Скверная комната, и клопы такіе, какихъ я нигдѣ не видывалъ: какъ собаки кусаютъ.

Digitized by Google

Городничій. Скажите! такой просвѣщенный гость, и терпитъ отъ кого же? Отъ какихъ-нибудь негодныхъ клоповъ, которымъ бы и на свѣтъ не слѣдовало родиться. Никакъ даже темно въ этой комнатѣ!

Хлестаковъ. Да, совсѣмъ темно. Хозяинъ завелъ обыкновеніе не отпускать свѣчей. Иногда что-нибудь хочется сдѣлать, почитать, или придетъ фантазія сочинить что-нибудь—не могу: темно, темно!

Городничій. Осмѣлюсь ли просить васъ... но нѣтъ, я недостоинъ.

Хлестаковъ. А что?

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ, недостоинъ, недостоинъ!

Хлестаковъ. Да что-жъ такое?

Городничій. Я бы дерзнулъ... У меня въ домѣ есть прекрасная для васъ комната, свѣтлая, покойная... но нѣтъ, чувствую самъ, что это ужъ слишкомъ большая честь... Не разсердитесь, ей Богу отъ простоты души предложилъ.

Хлестаковъ. Напротивъ, извольте, я съ удовольствіемъ. Мнѣ гораздо пріятнѣе въ приватномъ домѣ, чѣмъ въ этомъ кабакѣ.

Городничій. А ужъ я какъ буду радъ! А ужъ какъ жена обрадуется! У меня уже такой нравъ: гостепріимство съ самаго дѣтства, особливо если гость просвѣщенный человѣкъ. Не подумайте, чтобы я говорилъ это изъ лести; нѣтъ, не имѣю этого порока, отъ полноты души выражаюсь.

Хлестаковъ. Покорно благодарю! Я самъ тоже не люблю людей двуличныхъ. Мнѣ очень нравится ваша откровенность и радушіе, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовалъ, какъ только оказывай мнѣ преданность и уваженье, уваженье и преданность.

Затѣмъ Городничій предлагаетъ Хлестакову осмотрѣть богоугодныя заведенія и другія, училище, острогъ и городскія тюрьмы. Хлестаковъ отклоняетъ осматривать тюрьмы и соглашается ѣхать въ богоугодныя заведенія.

Передъ отъѣздомъ Городничій запиской предупреждаетъ жену, что пріѣдетъ домой съ почтеннымъ гостемъ,—и Землянику, попечителя богоугодныхъ заведеній, чтобы встрѣчалъ ревизора.

Дѣйствіе 3. Хлестаковъ, въ домѣ Городничаго, говоритъ о своемъ значеніи въ Петербургѣ, и присутствующіе тутъ чиновники приходятъ въ трепетъ, равно какъ и самъ Городничій. Наконецъ, почувствовавъ нѣкоторое разслабленіе

Digitized by Google

(дѣло было послѣ завтрака у Земляники), идетъ отдохнуть. Городничій отдаетъ приказаніе квартальному смотрѣть, какъ бы кто не подалъ жалобы Хлестакову.

Дѣйствіе 4. Совѣщаніе чиновниковъ о томъ, какъ бы задобрить ревизора. Представляются Хлестакову каждый отдѣльно, причемъ Хлестаковъ беретъ у нихъ деньги, какъ бы взаймы. Оставшись одинъ, Хлестаковъ теперь ясно видитъ, что его принимаютъ за кого-то другаго, и этотъ кто-то — важное лицо. Осипъ совѣтуетъ барину поскорѣй убраться отсюда. Хлестаковъ сначала не соглашается, а потомъ Осипъ сманилъ его славной тройкой, какую дастъ Городничій. Отсылка письма къ другу въ Петербургъ о всемъ случившемся съ нимъ въ дорогѣ, между прочимъ, и въ этомъ городишкѣ. Являются просители съ жалобами на Городничаго. Хлестаковъ всѣхъ выслушиваетъ и такие не даромъ, напр., купцовъ, какъ и раньше чиновниковъ. Просьбы, наконецъ, надоѣдаютъ, и Хлестаковъ болѣе никого не принимаетъ. Приводятъ лошадей. Хлестаковъ, только что нареченный женихъ дочери Городничаго, уѣзжаетъ, будто бы къ дядѣ, не болѣе какъ на одинъ день. Тутъ Городничій даетъ ему на дорогу 400 рублей да персидскій коверъ.

Дѣйствіе пятое.

Комната перваго дѣйствія.

Явленіе I.

Городничій, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничій. Что, Анна Андреевна? а? думала ли ты что нибудь объ этомъ? Экой богатый призъ, канальство! Ну, признайся откровенно: тебѣ и во снѣ не видѣлось—просто изъ какой нибудь городничихи вдругъ, фу ты, канальство, съ какимъ дьяволомъ породнилась!

Анна Андреевна. Совсѣмъ нѣтъ; я давно это знала. Это тебѣ въ диковинку, потому что ты простой человѣкъ, никогда не видалъ порядочныхъ людей.

Городничій. Я самъ, матушка, порядочный человѣкъ. Однакожъ, право, какъ подумаешь, Анна Андреевна, какія мы съ тобою теперь птицы сдѣлались! а, Анна Андреевна? высокаго полета, чортъ побери! Постой же, теперь же я задамъ перцу всѣмъ этимъ охотникамъ подавать просьбы и доносы! Эй,

Digitized by Google

кто тамъ? (*входитъ квартальный*). А это ты, Иванъ Карновичъ! призови-ка сюда, братъ, купцовъ. Вотъ я ихъ, канальевъ! Такъ жаловаться на меня! Вишь ты, проклятый іудейскій народъ. Постойте жъ, голубчики! прежде я васъ кормилъ до усовъ только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всѣхъ, кто только ходилъ бить челомъ на меня, и вотъ этихъ больше всего писакъ, писакъ, которые закручивали имъ просьбы. Да объяви всѣмъ, чтобы знали, что, вотъ-дескать, какую честь Богъ послалъ городничему, что выдаетъ дочь свою—не то, чтобы за кокого-нибудь простаго человѣка, а за такого, что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ все сдѣлать, все, все, все! Всѣмъ объяви, чтобы всѣ знали! Кричи во весь народъ, валяй въ колокола, чортъ возьми! ужъ когда торжество, такъ торжество. (*Квартальный уходитъ.*) Такъ вотъ какъ, Анна Андреевна, а? Какъ же мы теперь, гдѣ будемъ жить? здѣсь или въ Питерѣ?

Анна Андреевна. Натурально, въ Петербургѣ. Какъ можно здѣсь оставаться?

Городничій. Ну въ Питерѣ, такъ въ Питерѣ; а оно хорошо бы и здѣсь оставаться? Что, вѣдь я думаю, что уже городничество тогда къ чорту, а, Анна Андреевна?

Анна Андреевна. Натурально, что за городничество!

Городничій. Вѣдь оно, какъ ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чинъ зашибить, потому что онъ запанибрата со всѣми министрами и во дворецъ ѣздитъ; такъ поэтому можетъ такое производство сдѣлать, что со временемъ и въ генералы влѣзешь. Какъ ты думаешь, Анна Андреевна: можно влѣзть въ генералы?

Анна Андреевна. Еще бы! конечно, можно.

Городничій. А, чортъ возьми, славно быть генераломъ! Кавалерію повѣсятъ тебѣ черезъ плечо. А какую кавалерію лучше, Анна Андреевна, красную или голубую?

Анна Андреевна. Ужъ, конечно, голубую лучше.

Городничій. Э! вишь чего захотѣла! хорошо и красную. Вѣдь почему хочется быть генераломъ? потому что, случится, поѣдешь куда нибудь—фельдъегеря и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ,—лошадей! и тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается: всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а

Digitized by Google

ты себѣ и въ усъ не дуешь! Обѣдаешь гдѣ нибудь у губернатора, а тамъ—стой городничій! Хе, хе, хе! (*задивается и помираетъ со смѣху*) Вотъ что, канальство, заманчиво!

Анна Андреевна. Тебѣ все такое грубое нравится. Ты долженъ помнить, что жизнь надо будетъ совсѣмъ перемѣнить, что твои знакомые будутъ не то, что какой нибудь судья-собачникъ, съ которымъ ты ѣздишь травить зайцевъ, или Земляника; напротивъ, знакомые твои будутъ съ самымъ тонкимъ обращеніемъ: графы и всѣ свѣтскіе... Только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого въ хорошемъ обществѣ никогда не услышишь.

Городничій. Что-жъ, вѣдь слово не вредитъ.

Анна Андреевна. Да хорошо, когда ты былъ городничимъ; а тамъ, вѣдь, жизнь совершенно другая.

Городничій. Да! тамъ, говорятъ есть двѣ рыбицы: ряпушка и корюшка, такія, что только слюнка потечетъ, какъ начнешь ѣсть.

Анна Андреевна. Ему бы все только рыбки. Я не иначе хочу, чтобъ нашъ домъ былъ первый въ столицѣ, и чтобъ у меня въ комнатѣ такое было амбре, чтобъ нельзя было войти, и надо бы только этакъ зажмурить глаза. (*Зажмуриваетъ глаза и нюхаетъ*). Ахъ какъ хорошо!

Явленіе II.

Тѣ же и купцы.

Городничій. А! здорово, соколики!

Купцы (*кланяясь*). Здравія желаемъ, батюшка!

Городничій. Что, голубчики, какъ поживаете? какъ товаръ идетъ вашъ? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестіи, надувалы морскіе, жаловаться? Что, много взяли? «Вотъ», думаютъ, «такъ въ тюрьму его и засадитъ!..» Знаете ли вы, семь чертей и одна вѣдьма вамъ въ зубы, что...

Анна Андреевна. Ахъ, Боже мой! какія ты, Антоша, слова произносишь!

Городничій (*съ неудовольствіемъ*). А, не до словъ те-

Digitized by Google

перь! Знаете ли, что тотъ самый чиновникъ, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? а? что теперь скажете? Теперь я васъ!... обманываете народъ!.. Сдѣлаешь подрядъ съ казною, на сто тысячъ надуешь ее, поставивши гнилаго сукна, да потомъ пожертвуешь двадцать аршинъ, да и давай тебѣ еще награду за это! Да если-бъ знали, такъ бы тебѣ... И брюхо суетъ впередъ: онъ купецъ, его не тронь; «мы», говоритъ, «и дворянамъ не уступимъ». Да дворянинъ... ахъ ты рожа! дворянинъ учится наукамъ; его хоть и сѣкутъ въ школѣ, да за дѣло, чтобъ онъ зналъ полезное. А ты что? начинаешь плутнями, тебя хозяинъ бьетъ за то, что не умѣешь обманывать. Еще мальчишка, «Отче нашъ» не знаешь, а уже обмѣриваешь; а какъ разопретъ тебѣ брюхо, да набьешь себѣ карманъ, такъ и заважничалъ! Фу, ты какая невидаль! Оттого, что ты шестнадцать самоваровъ выдуешь въ день, такъ оттого и важничаешь! Да я плевать на твою голову и на твою важность!

Купцы (*кланяясь*). Виноваты, Антонъ Антоновичъ!

Городничій. Жаловаться? а кто тебѣ помогъ сплутовать, когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на двадцать тысячъ, тогда какъ его и на сто рублей не было? Я помогъ тебѣ, козлиная борода! Ты позабылъ это? Я, показавши это на тебя, могъ бы тебя также спровадить въ Сибирь. Что̀ скажешь? а?

Одинъ изъ купцовъ. Богу виноваты, Антонъ Антоновичъ, лукавый попуталъ! И закаемся впередъ жаловаться. Ужъ какое хошь удовлетвореніе, не гнѣвись только!

Городничій. Не гнѣвись! Вотъ ты теперь валяешься у ногъ моихъ. Отчего? оттого, что мое взяло; а будь хоть немножко на твоей сторонѣ, такъ ты бы меня, каналья, втопталъ въ самую грязь, еще бы и бревномъ сверху навалилъ.

Купцы (*кланяются въ ноги*). Не погуби, Антонъ Антоновичъ!

Городничій. «Не погуби!» теперь: «не погуби!» а прежде что? я бы васъ... (*махнувъ рукою*) Ну! да Богъ проститъ! полно! Я не памятозлобенъ; только теперь смотри, держи ухо востро! я выдаю дочку не за какого-нибудь простаго дворянина, чтобъ поздравленіе было... понимаешь! не то, чтобъ отбояриться

Digitized by Google

какимъ-нибудь балычкомъ, или головою сахару... ну, ступай съ Богомъ! (*Купцы уходятъ*).

Явленіе III.

Тѣ же, Аммосъ Ѳедоровичъ, Артемій Филипповичъ, потомъ Растаковскій.

Аммосъ Ѳедоровичъ (*еще въ дверяхъ*). Вѣрить ли слухамъ, Антонъ Антоновичъ? къ вамъ привалило необыкновенное счастіе?

Артемій Филипповичъ. Имѣю честь поздравить съ необыкновеннымъ счастіемъ! Я душевно обрадовался, когда услышалъ. (*Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны*) Анна Андреевна! (*подходя къ ручкѣ Марьи Антоновны*) Марья Антоновна!

Растаковскій (*входитъ*). Антона Антоновича поздравляю, да продлитъ Богъ жизнь вашу и новой четы, и дастъ вамъ потомство многочисленное, внучатъ и правнучатъ! Анна Андреевна! (*подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны*) Марья Антоновна! (*подходитъ къ ручкѣ Марьи Антоновны*).

Явленіе IV.

Тѣ же, Коробкинъ съ женою, Люлюковъ.

Коробкинъ. Имѣю честь поздравить Антона Антоновича! Анна Андреевна! (*подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны*) Марья Антоновна! (*подходитъ къ ея ручкѣ*).

Жена Коробкина. Душевно поздравляю васъ, Анна Андреевна, съ новымъ счастіемъ.

Люлюковъ. Имѣю честь поздравить, Анна Андреевна! (*подходитъ къ ручкѣ, и потомъ, обратившись къ зрителямъ, щелкаетъ языкомъ съ видомъ удальства*). Марья Антоновна! Имѣю честь поздравить (*подходитъ къ ея ручкѣ, и обращается къ зрителямъ съ тѣмъ же удальствомъ*).

Digitized by Google

Явленіе V.

Множество гостей *въ сюртукахъ и фракахъ подходятъ сначала къ ручкѣ Анны Андреевны, говоря: «Анна Андреевна!» потомъ къ Марьѣ Антоновнѣ, говоря: «Марья Антоновна!» Бобчинскій и Добчинскій проталкиваются.*

Бобчинскій. Имѣю честь поздравить.

Добчинскій. Антонъ Антоновичъ! имѣю честь поздравить.

Бобчинскій. Съ благополучнымъ происшествіемъ!

Добчинскій. Анна Андреевна!

Бобчинскій. Анна Андреевна! (*оба подходятъ въ одно время, сталкиваются лбами*).

Добчинскій. Марья Антоновна! (*подходитъ къ ручкѣ*) честь имѣю поздравить. Вы будете въ большомъ, большомъ счастіи, въ золотомъ платьѣ ходить и деликатные разные супы кушать, очень забавно будете проводить время.

Бобчинскій (*перебивая*). Марья Антоновна, имѣю честь поздравить! Дай Богъ вамъ всякаго богатства, червонцевъ и сынка-съ этакого маленькаго, энтакого-съ! (*показываетъ рукою*) чтобъ можно было на ладонку посадить, да-съ! все будетъ мальчишка кричать: уа! уа! уа!

Явленіе VI.

Еще нѣсколько гостей *подходятъ къ ручкамъ*. Лука Лукичъ съ женою.

Лука Лукичъ. Имѣю честь...

Жена Луки Лукича (*бѣжитъ впередъ*). Поздравляю васъ, Анна Андреевна! (*цѣлуются*). А я такъ право обрадовалась! Говорятъ мнѣ: «Анна Андреевна выдаетъ дочку».—«Ахъ, Боже мой!» думаю себѣ, и такъ обрадовалась, что говорю мужу: «Послушай, Луканчикъ: вотъ какое счастіе Аннѣ Андреевнѣ!» «Ну», думаю себѣ. «Слава Богу!» и говорю ему: «Я такъ восхищена, что сгараю нетерпѣніемъ изъявить лично Аннѣ Андреевнѣ.... Ахъ Боже мой!» думаю себѣ: «Анна Андреевна именно

Digitized by Google

ожидала хорошей партіи для своей дочери, а вотъ теперь такая судьба; именно такъ сдѣлалось, какъ она хотѣла», и такъ право обрадовалось, что не могла говорить. Плачу, плачу, вотъ просто рыдаю! Уже Лука Лукичъ говоритъ: «Отчего ты, Настенька, рыдаешь!»—«Луканчикъ», говорю, «я и сама не знаю, слезы такъ вотъ рѣкой и льются».

Городничій. Покорнѣйше прошу садиться, господа! Эй, Мишка, принеси сюда побольше стульевъ! (*Гости садятся.*)

Явленіе VII.

Тѣ же, Частный приставъ и квартальные.

Частный приставъ. Имѣю честь поздравить васъ, ваше высокоблагородіе, и пожелать благоденствія на многія лѣта!

Городничій. Спасибо, спасибо! Прошу садиться! (*Гости усаживаются.*)

Аммосъ Ѳедоровичъ. Но скажите пожалуста, Антонъ Антоновичъ, какимъ образомъ все это началось, постепенный ходъ всего дѣла.

Городничій. Ходъ дѣла чрезвычайный: изволилъ собственнолично сдѣлать предложеніе.

Анна Андреевна. Очень почтительнымъ и самымъ тонкимъ образомъ. Все чрезвычайно хорошо говорилъ: «Я, Анна Андреевна, изъ одного только уваженія къ вашимъ достоинствамъ». И такой прекрасный, воспитанный человѣкъ, самыхъ благороднѣйшихъ правилъ! «Мнѣ, вѣрите ли, Анна Андреевна, мнѣ жизнь копѣйка; я только потому, что уважаю ваши рѣдкія качества».

Марья Антоновна. Ахъ, маменька! вѣдь это онъ мнѣ говорилъ.

Анна Андреевна. Перестань, ты ничего не знаешь, и не въ свое дѣло не мѣшайся! «Я, Анна Андреевна, изумляюсь». Въ такихъ лестныхъ разсыпался словахъ.... и когда я хотѣла сказать: «Мы никакъ не смѣемъ надѣяться на такую честь», онъ вдругъ упалъ на колѣни и такимъ самымъ благороднѣйшимъ образомъ: «Анна Андреевна! не сдѣлайте несчастнѣйшимъ! со-

Digitized by Google

гласитесь отвѣчать моимъ чувствамъ, не то, я смертью окончу жизнь свою».

Марья Антоновна. Право, маменька, онъ обо мнѣ это говорилъ.

Анна Андреевна. Да, конечно... и объ тебѣ было, я ничего этого не отвергаю.

Городничій. И такъ даже напугалъ: говорилъ, что застрѣлится. «Застрѣлюсь, застрѣлюсь!» говоритъ.

Многіе изъ гостей. Скажите пожалуйста!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Экая штука?

Лука Лукичъ. Вотъ подлинно судьба ужъ такъ вела.

Артемій Филипповичъ. Не судьба, батюшка, судьба индѣйка: заслуги привели къ тому. (*Въ сторону*) Этакой свиньѣ лѣзетъ всегда въ ротъ счастіе!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Я пожалуй, Антонъ Антоновичъ, продамъ вамъ того кобелька, котораго торговали.

Городничій. Нѣтъ, мнѣ теперь не до кобельковъ!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Ну, не хотите, на другой собакѣ сойдемся.

Жена Коробкина. Ахъ, какъ, Анна Андреевна, я рада вашему счастію! вы не можете себѣ представить.

Коробкинъ. Гдѣ жъ теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышалъ, что онъ уѣхалъ за чѣмъ-то.

Городничій. Да, онъ отправился на одинъ день, по весьма важному дѣлу.

Анна Андреевна. Къ своему дядѣ, чтобъ испросить благословеніе.

Городничій. Испросить благословеніе: но завтра же.... (*Чихаетъ; поздравленія сливаются въ одинъ гулъ*) Много благодаренъ! но завтра же я назадъ... (*Чихаетъ; поздравительный гулъ; слышнѣе другихъ голоса):*

Частнаго пристава. Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

Бобчинскаго. Сто лѣтъ и куль червонцевъ!

Добчинскаго. Продли Богъ на сорокъ сороковъ!

Артемій Филипповичъ. Чтобъ ты пропалъ!

Жена Коробкина. Чортъ тебя подери!

Городничій. Покорнѣйше благодарю! И вамъ того же желаю.

Digitized by Google

Анна Андреевна. Мы теперь въ Петербургѣ намѣрены жить. А здѣсь, признаюсь, такой воздухъ... деревенскій уже слишкомъ!... признаюсь, большая непріятность... Вотъ и мужъ мой... онъ тамъ получитъ генеральскій чинъ.

Городничій. Да, признаюсь, господа, я, чортъ возьми, очень хочу быть генераломъ.

Лука Лукичъ. И дай Богъ получить!

Растаковскій. Отъ человѣка невозможно; а отъ Бога все возможно.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Большому кораблю — большое плаванье.

Артемій Филипповичъ. По заслугамъ и честь.

Аммосъ Ѳедоровичъ (*въ сторону*). Вотъ выкинетъ штуку, когда въ самомъ дѣлѣ сдѣлается генераломъ! Вотъ ужъ кому пристало генеральство, какъ коровѣ сѣдло! Нѣтъ, до этого еще далека пѣсня. Тутъ и почище тебя есть, а до сихъ-поръ еще не генералы.

Артемій Филипповичъ (*въ сторону*). Эка, чортъ возьми, ужъ и въ генералы лѣзетъ. Чего добраго, можетъ и будетъ генераломъ. Вѣдь у него важности, лукавый не взялъ бы его, довольно! (*Обращаясь къ нему*) Тогда, Антонъ Антоновичъ, и насъ не позабудьте.

Аммосъ Ѳедоровичъ. И если что случится, напримѣръ, какая-нибудь надобность по дѣламъ, не оставьте покровительствомъ.

Коробкинъ. Въ слѣдующемъ году повезу сынка въ столицу на пользу государства, такъ, сдѣлайте милость, окажите ему вашу протекцію, мѣсто отца заступите сироткѣ.

Городничій. Я готовъ съ своей стороны, готовъ стараться.

Анна Андреевна. Ты, Антоша, всегда готовъ обѣщать. Во-первыхъ, тебѣ не будетъ времени думать объ этомъ. И какъ можно, и съ какой стати себя обременять этакими обѣщаніями?

Городничій. Почему жъ, душа моя, иногда можно!

Анна Андреевна. Можно, конечно, да вѣдь не всякой же мелюзгѣ оказывать покровительство.

Digitized by Google

Жена Коробкина. Вы слышали, какъ она трактуетъ насъ?

Гостья. Да, она такова всегда была; я ее знаю: посади ее за столъ, она и ноги свои...

Явленіе VIII.

Тѣ же и почтмейстеръ, *въ-попыхахъ и съ распечатаннымъ письмомъ въ рукѣ.*

Почтмейстеръ. Удивительное дѣло, господа! Чиновникъ, котораго мы приняли за ревизора, былъ не ревизоръ.

Всѣ. Какъ, не ревизоръ!

Почтмейстеръ. Совсѣмъ не ревизоръ, я узналъ это изъ письма.

Городничій. Что вы, что вы, изъ какого письма?

Почтмейстеръ. Да изъ собственнаго его письма. Приносятъ ко мнѣ на почту письмо. Взглянулъ на адресъ, вижу: «въ Почтамскую улицу». Я такъ и обомлѣлъ. «Ну,» думаю себѣ, «вѣрно нашелъ безпорядки по почтовой части и увѣдомляетъ начальство». Взялъ, да и распечаталъ.

Городничій. Какъ же вы?..

Почтмейстеръ. Самъ не знаю: неестественная сила побудила. Призвалъ было уже курьера съ тѣмъ, чтобы отправить его съ эстафетой,—но любопытство такое одолѣло, какого еще никогда не чувствовалъ. Не могу, не могу, слышу, что не могу! тянетъ, такъ вотъ и тянетъ! Въ одномъ ухѣ такъ вотъ и слышу: «Эй не распечатывай, пропадешь, какъ курица!» а въ другомъ словно бѣсъ какой шепчетъ: «Распечатай, распечатай, распечатай!» И какъ придавилъ сургучъ — по жиламъ огонь, а распечаталъ — морозъ, ей Богу морозъ. И руки дрожатъ и все помутилось.

Городничій. Да какъ же вы осмѣлились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстеръ. Въ томъ-то и штука, что онъ не уполномоченный, и не особа!

Городничій. Что жъ онъ по вашему такое?

Digitized by Google

Почтмейстеръ. Ни сё, ни то; чортъ знаетъ, что такое!

Городничій (*запальчиво*). Какъ ни сё ни то? Какъ вы смѣете называть его ни тѣмъ, ни сѣмъ, да еще и чортъ знаетъ чѣмъ? я васъ подъ арестъ...

Почтмейстеръ. Кто? вы?

Городничій. Да, я!

Почтмейстеръ. Коротки руки!

Городничій. Знаете ли, что онъ женится на моей дочери, что я самъ буду вельможа, что я въ самую Сибирь законопачу!

Почтмейстеръ. Эхъ, Антонъ Антоновичъ! что Сибирь! далеко Сибирь! Вотъ лучше я вамъ прочту. Господа! позвольте прочитать письмо!

Всѣ. Читайте, читайте!

Почтмейстеръ (*читаетъ*). «Спѣшу увѣдомить тебя, душа Тряпичкинъ, какія со мной чудеса. На дорогѣ обчистилъ меня кругомъ пѣхотный капитанъ, такъ что трактирщикъ хотѣлъ уже было посадить въ тюрьму, какъ вдругъ, по моей петербургской физіономіи и по костюму, весь городъ принялъ меня за генералъ-губернатора. И я теперь живу у городничаго, жупрую, волочусь напропалую за его женой и дочкой. Помнишь, какъ мы съ тобой бѣдствовали, обѣдали наширомыжку, и какъ одинъ разъ было кандитеръ схватилъ меня за воротникъ, по поводу съѣденныхъ пирожковъ насчетъ доходовъ англійскаго короля? Теперь совсѣмъ другой оборотъ! Всѣ мнѣ даютъ взаймы, сколько угодно. Оригиналы страшные, отъ смѣху ты бы умеръ! Ты, я знаю, пишешь статейки: помѣсти ихъ въ свою литературу. Во-первыхъ: городничій—глупъ, какъ сивый меринъ...»

Городничій. Не можетъ быть! тамъ нѣтъ этого!

Почтмейстеръ (*показывая письмо*). Читайте сами.

Городничій (*читаетъ*). «какъ сивый меринъ». Не можетъ быть, вы это сами написали!

Почтмейстеръ. Какъ же бы я сталъ писать?

Артемій Филипповичъ. Читайте!

Лука Лукичъ. Читайте!

Почтмейстеръ (*продолжая читать*). «городничій—глупъ, какъ сивый меринъ...»

Digitized by Google

Городничій. О, чортъ возьми! нужно еще повторять! какъ будто оно тамъ и безъ того не стоитъ.

Почтмейстеръ (*продолжая читать*). «Хм... хм... хм... сивый меринъ. Почтмейстеръ тоже добрый человѣкъ... (*Оставляя читать*) Ну тутъ онъ и обо мнѣ тоже неприлично выразился.

Городничій. Нѣтъ, читайте!

Почтмейстеръ. Да къ чему-жъ?..

Городничій. Нѣтъ, чортъ возьми, когда ужъ читать, такъ читать! Читайте все!

Артемій Филипповичъ. Позвольте, я прочитаю. (*Надѣваетъ очки и читаетъ:*) Почтмейстеръ точь-въ-точь департаментскій сторожъ Михѣевъ, должно быть, также, подлецъ, пьетъ горькую».

Почтмейстеръ (*къ зрителямъ*). Ну, скверный мальчишка, котораго надо высѣчь: больше ничего!

Артемій Филипповичъ (*продолжая читать*). «Надзиратель надъ богоугоднымъ заведе... п... и...» (*заикается*).

Коробкинъ. А что-жъ вы остановились?

Артемій Филипповичъ. Да нечеткое перо... впрочемъ, видно, что негодяй.

Коробкинъ. Дайте мнѣ! вотъ у меня, я думаю, получше глаза. (*Беретъ письмо.*)

Артемій Филипповичъ (*не давая письма*). Нѣтъ, это мѣсто можно пропустить, а тамъ дальше разборчиво.

Коробкинъ. Да позвольте, ужъ я знаю.

Артемій Филипповичъ. Прочитать, я и самъ прочитаю,—далѣе, право, все разборчиво.

Почтмейстеръ. Нѣтъ, все читайте! вѣдь прежде все читано.

Всѣ. Отдайте, Артемій Филипповичъ, отдайте письмо! (*Коробкину*) Читайте!

Артемій Филипповичъ. Сейчасъ. (*отдаетъ письмо*) Вотъ позвольте... (*закрываетъ пальцемъ*) вотъ отсюда читайте. (*Всѣ приступаютъ къ нему.*)

Почтмейстеръ. Читайте, читайте! вздоръ, все читайте!

Коробкинъ (*читая*). «Надзиратель за богоугоднымъ заведеніемъ, Земляника: совершенная свинья въ ермолкѣ».

Digitized by Google

Артемій Филипповичъ (*къ зрителямъ*). И не остроумно! свинья въ ермолкѣ! гдѣ-жъ свинья бываетъ въ ермолкѣ?

Коробкинъ (*продолжаетъ читать*). «Смотритель училищъ протухнулъ насквозь лукомъ».

Лука Лукичъ (*къ зрителямъ*). Ей Богу, и въ ротъ никогда не бралъ луку!

Аммосъ Ѳедоровичъ (*въ сторону*). Слава Богу, хоть по крайней мѣрѣ обо мнѣ нѣтъ!

Коробкинъ, (*читаетъ*). «Судья...»

Аммосъ Ѳедоровичъ. Вотъ тебѣ на! (*вслухъ*) Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и чортъ ли въ немъ, дрянь этакую читать!

Лука Лукичъ. Нѣтъ!

Почтмейстеръ. Нѣтъ, читайте!

Артемій Филипповичъ. Нѣтъ, ужъ читайте!

Коробкинъ (*продолжаетъ*). Судья Ляпкинъ-Тяпкинъ въ сильнѣйшей степени моветонъ...» (*останавливается*) Должно быть французское слово.

Аммосъ Ѳедоровичъ. А чортъ его знаетъ, что оно значитъ! Еще хорошо, если только мошенникъ, а можетъ быть того еще хуже.

Коробкинъ (*продолжая читать*). «А, впрочемъ, народъ гостепріимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкинъ. Я самъ, по примѣру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, братъ, такъ жить, хочешь наконецъ пищи для души. Вижу, точно надо чѣмъ-нибудь высокимъ заняться. Пиши ко мнѣ въ Саратовскую губернію, а оттуда въ деревню Подкалитовку. (*Переворачиваетъ письмо и читаетъ адресъ*) Его благородію, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, въ Санктпетербургъ, въ Почтамскую улицу, въ домѣ подъ номеромъ девяносто седьмымъ, поворотя на дворъ, въ третьемъ этажѣ, направо.

Одна изъ дамъ. Какой репримантъ неожиданный!

Городничій. Вотъ когда зарѣзалъ, такъ зарѣзалъ! убитъ, убитъ, совсѣмъ убитъ! Ничего не вижу: вижу какія-то свиныя рыла, вмѣсто лицъ, а больше ничего... Воротить, воротить его! (*Машетъ рукою.*)

Почтмейстеръ. Куда воротить! я, какъ нарочно, прика-

Digitized by Google

залъ смотрителю дать самую лучшую тройку; чортъ угораздилъ дать и впередъ предписаніе.

Жена Коробкина. Вотъ ужъ точно, вотъ ужъ безпримѣрная конфузія!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Однакожъ, чортъ возьми, господа! онъ у меня взялъ триста рублей взаймы.

Артемій Филипповичъ. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстеръ (*вздыхаетъ*). Охъ! и у меня триста рублей.

Бобчинскій. У насъ съ Петромъ Ивановичемъ шестьдесятъ пять-съ на ассигнаціи-съ, да-съ.

Аммосъ Ѳедоровичъ (*въ недоумѣніи разставляетъ руки*). Какъ же это, господа! какъ это, въ самомъ дѣлѣ, мы такъ оплошали?

Городничій (*бьетъ себя по плечу*). Какъ я—нѣтъ, какъ я, старый дуракъ? выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!.. Тридцать лѣтъ живу на службѣ; ни одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обокрасть, поддѣвалъ на уду; трехъ губернаторовъ обманулъ!.. Что губернаторовъ! (*Махнувъ рукой*) нечего и говорить про губернаторовъ...

Анна Андреевна. Но это не можетъ быть, Антоша: онъ обручился съ Машенькой!..

Городничій (*въ сердцахъ*). Обручился! кукишъ съ масломъ—вотъ тебѣ и обручился! Лѣзетъ мнѣ въ глаза съ обрученьемъ!.. (*Въ изумленіи*) Вотъ смотрите, смотрите, весь міръ, все христіанство, всѣ смотрите, какъ одураченъ городничій! Дурака ему, дурака, старому подлецу! (*Грозитъ самому себѣ кулакомъ*) Эхъ ты толстоносый! Сосульку, тряпку принялъ за важнаго человѣка! Вонъ онъ теперь по всей дорогѣ заливаетъ колокольчикомъ! Разнесетъ по всему свѣту исторію! мало того, что пойдешь въ посмѣшище — найдется щелкоперъ, бумагомарака, въ комедію тебя вставитъ. Вотъ что обидно! чина, званія не пощадитъ, и будутъ всѣ скалить зубы и бить въ ладоши. Чему смѣетесь? надъ собою смѣетесь!.. Эхъ вы!.. (*Стучитъ со злости ногами объ полъ*) Я бы всѣхъ этихъ бумагомаракъ! У, щелкоперы, либералы проклятые! чортово сѣмя! Узломъ бы васъ

Digitized by Google

завязалъ, въ муку бы стеръ васъ всѣхъ, да чорту въ подкладку! въ шапку туда ему!.. (*Суетъ кулакомъ и бьетъ каблукомъ въ полъ*).

(*Послѣ нѣкотораго молчанія*)

До сихъ поръ не могу придти въ себя. Вотъ, подлинно, если Богъ хочетъ наказать, такъ отниметъ прежде разумъ. Ну, что было въ этомъ вертопрахѣ похожаго на ревизора? Ничего не было! Вотъ просто ни на полмизинца не было похожаго — и вдругъ всѣ: ревизоръ, ревизоръ! Ну кто первый выпустилъ, что онъ ревизоръ? Отвѣчайте!

Артемій Филипповичъ (*разставивъ руки*). Ужъ какъ это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туманъ какой-то ошеломилъ, чортъ попуталъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да кто выпустилъ, — вотъ кто выпустилъ: эти молодцы! (*Показываетъ на Добчинскаго и Бобчинскаго*).

Бобчинскій. Ей, ей, не я! и не думалъ...

Добчинскій. Я ничего, совсѣмъ ничего...

Артемій Филипповичъ. Конечно, вы!

Лука Лукичъ. Разумѣется. Прибѣжали какъ сумасшедшіе изъ трактира. «Пріѣхалъ, пріѣхалъ, и денегъ не платитъ...» Нашли важную птицу!

Городничій. Натурально, вы! сплетники городскіе, лгуны проклятые!

Артемій Филипповичъ. Чтобъ васъ чортъ побралъ съ вашимъ ревизоромъ и разсказами.

Городничій. Только рыскаете по городу да смущаете всѣхъ, трещотки проклятыя, сплетни сѣете, сороки коротко-хвостыя!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Пачкуны проклятые!

Лука Лукичъ. Колпаки!

Артемій Филипповичъ. Сморчки короткобрюхіе! (*Всѣ обступаютъ ихъ*).

Бобчинскій. Ей Богу, это не я, это Петръ Ивановичъ.

Добчинскій. Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, вы вѣдь первые того...

Бобчинскій. А вотъ и нѣтъ; первые-то были вы.

Digitized by Google

Явленіе послѣднее.

Тѣ же и жандармъ.

Жандармъ. Пріѣхавшій по именному повелѣнію изъ Петербурга чиновникъ требуетъ васъ сейчасъ же къ себѣ. Онъ остановился въ гостинницѣ.

(*Произнесенныя слова поражаютъ, какъ громомъ, всѣхъ. Звукъ изумленія единодушно излетаетъ изъ дамскихъ устъ; вся группа, вдругъ перемѣнивши положеніе, остается въ окаменѣніи. Нѣмая сцена.*)

Изъ піесы: «Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи».

Авторъ этой новой комедіи, только что представленной (по объясненію Гоголя—лице идеальное; это вообще комикъ, избравшій предметомъ своимъ осмѣяніе злоупотребленій въ кругу различныхъ сословій и должностей), вышедши изъ зрительнаго зала, остается въ сѣняхъ во все время разъѣзда публики и внимательно прислушивается къ толкамъ о своей комедіи.

ДВА ЛЮБИТЕЛЯ ИСКУССТВЪ.

ПЕРВЫЙ. Я не вижу въ піесѣ завязки.

ВТОРОЙ. Я не буду теперь утверждать, есть ли въ піесѣ завязка, или нѣтъ. Я скажу только, что вообще ищутъ частной завязки и не хотятъ видѣть общей. Люди простодушно привыкли, что безъ женитьбы никакъ не можетъ окончиться піеса. Конечно, это завязка, но какая завязка? точно узелокъ на уголкѣ платка. Нѣтъ, комедія должна вязаться сама собою, всей своей массою, въ одинъ большой, общій узелъ. Завязка должна обнимать всѣ лица, а не одно или два, коснуться того, что̀ волнуетъ, болѣе или менѣе, всѣхъ дѣйствующихъ. Тутъ всякій герой; теченіе и ходъ піесы производитъ потрясеніе всей машины: ни одно колесо не должно оставаться, какъ ржавое и невходящее въ дѣло.

Digitized by Google

первый. Но всѣ не могутъ же быть героями; одинъ или два должны управлять другими?

второй. Совсѣмъ не управлять, а развѣ преобладать. И въ машинѣ одни колеса замѣтнѣе и сильнѣй движутся, ихъ можно только назвать главными; но править піесою идея, мысль. Безъ нея нѣтъ въ ней единства. А завязать можетъ все самый ужасъ, страхъ ожиданія, гроза идущаго вдали закона...

первый. Но это выходитъ ужъ придавать комедіи какое-то значеніе, болѣе общее.

второй. Да развѣ это не есть ея прямое и настоящее значеніе? Въ самомъ началѣ комедія была уже общественнымъ, народнымъ созданіемъ. По крайней мѣрѣ, такою показалъ ее самъ отецъ ея, Аристофанъ. Послѣ уже она вошла въ узкое ущелье частной завязки, внесла любовный ходъ, одну и ту же непремѣнную завязку.

третій, *подходя и слегка ударивъ второго по плечу*. Ты не правъ: любовь такъ же, какъ и другія чувства, можетъ тоже войти въ комедію.

второй. Я и не говорю, чтобы она не могла войти. Но и любовь и всѣ другія чувства, болѣе возвышенныя, тогда только произведутъ высокое впечатлѣніе, когда будутъ развиты во всей глубинѣ. Занявшись ими, неминуемо должно пожертвовать всѣмъ прочимъ. Все тò, чтò составляетъ именно сторону комедіи, тогда уже поблѣднѣетъ, и значеніе комедіи общественной непремѣнно исчезаетъ.

третій. Стало быть, предметомъ комедіи должно быть непремѣнно низкое? Комедія выйдетъ уже низкій родъ.

второй. Для того, кто будетъ глядѣть на слова, а не вникать въ смыслъ, это такъ. Но развѣ положительное и отрицательное не можетъ служить той же цѣли? Развѣ комедія и трагедія не могутъ выразить ту же высокую мысль? Развѣ все, до малѣйшей излучины души подлаго и безчестнаго человѣка, не рисуетъ уже образъ честнаго человѣка? Развѣ все это накопленіе низостей, отступленіе отъ законовъ и справедливости, не даетъ уже знать, чего требуютъ отъ насъ законъ, долгъ и справедливость? Въ рукахъ искуснаго медика и холодная и горячая вода лѣчатъ съ равнымъ успѣхомъ однѣ и тѣ же болѣзни. Въ

Digitized by Google

рукахъ таланта все можетъ служить орудіемъ къ прекрасному, если только правится высокой мыслью послужить прекрасному.

Выходятъ ТРОЕ МУЖЧИНЪ *вмѣстѣ.*

ПЕРВЫЙ. Почему жъ не посмѣяться? смѣяться можно; но что за предметъ для насмѣшки: злоупотребленія и пороки? какая здѣсь насмѣшка?

ВТОРОЙ. Такъ надъ чѣмъ же смѣяться? Развѣ надъ добродѣтелями, надъ достоинствами человѣка?

ПЕРВЫЙ. Нѣтъ; да это не предметъ для комедіи, мой милый. Это уже нѣкоторымъ образомъ касается правительства. Какъ-будто нѣтъ другихъ предметовъ, о чемъ можно писать?

ВТОРОЙ. Какіе же другіе предметы?

ПЕРВЫЙ. Ну, да мало ли есть всякихъ смѣшныхъ свѣтскихъ случаевъ. Ну, положимъ, напримѣръ, я отправился на Аптекарскій островъ, а кучеръ меня вдругъ завезъ тамъ на Выборгскую или къ Смольному монастырю. Мало ли есть всякихъ смѣшныхъ сцѣпленій?

ВТОРОЙ. То есть, вы хотите отнять у комедіи всякое серьёзное значеніе. Но зачѣмъ же издавать непремѣнный законъ? Комедій въ томъ именно вкусѣ, въ какомъ вы желаете, есть множество. Почему же не допустить существованія двухъ-трехъ такихъ, какова была игранная теперь? Если же вамъ нравятся тѣ, о которыхъ вы говорите, поѣзжайте только въ театръ: тамъ всякій день вы увидите піесу, гдѣ одинъ спрятался подъ стулъ, а другой вытащилъ его оттуда за ногу.

Выходятъ ДВА ЗРИТЕЛЯ.

ПЕРВЫЙ. Скажите мнѣ, гдѣ есть такое общество, которое бы состояло все изъ такихъ людей, чтобы не было, если не половины, то, по крайней мѣрѣ нѣкоторой части порядочныхъ людей? Если комедія должна быть картиной и зеркаломъ общественной нашей жизни, то она должна отразить ее во всей вѣрности.

ВТОРОЙ. Во первыхъ, по моему мнѣнію, эта комедія вовсе не картина, а скорѣе фронтиспись. Вы видите—и сцена, и мѣсто дѣйствія идеальныя. Иначе авторъ не сдѣлалъ бы очевидныхъ

Digitized by Google

погрѣшностей и анахронизмовъ, не вложилъ бы даже инымъ лицамъ тѣхъ рѣчей, которыя, по свойству своему и по мѣсту, занимаемому лицами, не принадлежатъ имъ. Только первая раздражительность приняла за личность то̀, въ чемъ нѣтъ и тѣни личности, и что̀ принадлежитъ болѣе или менѣе личности всѣхъ людей. Это сборное мѣсто. Отвсюду, изъ разныхъ угловъ Россіи, стеклись сюда исключенія изъ правды, заблужденія и злоупотребленія, чтобы послужить одной идеѣ: произвести въ зрителѣ яркое, благородное отвращеніе отъ многаго кое-чего низкаго. Впечатлѣніе еще сильнѣй оттого, что никто изъ приведенныхъ лицъ не утратилъ своего человѣческаго образа; человѣческое слышится вездѣ, оттого еще глубже сердечное содроганіе. И, смѣясь, зритель невольно оборачивается назадъ, какъ-бы чувствуя, что близко отъ него то, надъ чѣмъ онъ посмѣялся, и что ежеминутно долженъ онъ стоять на стражѣ, чтобы не ворвалось оно въ его собственную душу. Я думаю, забавнѣй всего слышать автору упреки: «зачѣмъ лица и герои его не привлекательны», тогда какъ онъ употребилъ все, чтобы оттолкнуть отъ нихъ. Да если бы хотя одно лицо честное было помѣщено въ комедію, и помѣщено со всей увлекательностью, то всѣ до одного перешли бы на сторону этого истиннаго лица, и позабыли бы вовсе о тѣхъ, которые такъ испугали ихъ теперь. Эти образцы, можетъ быть, не мерещились бы безпрестанно, какъ живые; по окончаніи представленія, зритель не унесъ бы грустнаго чувства и не говорилъ бы: «Неужели существуютъ такіе люди?»

первый. Да, это, однакоже, не вдругъ поймутъ.

второй Весьма естественно. Смыслъ внутренній всегда постигается послѣ. И чѣмъ живѣе, чѣмъ ярче тѣ образы, въ которые онъ облекся и на которые раздробился, тѣмъ болѣе останавливается всеобщее вниманіе на образахъ. Только сложивши ихъ вмѣстѣ, получишь итогъ и смыслъ созданія...

синій армякъ. (*сѣрому*). Небось, прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли, когда пришла царская расправа! (*оба выходятъ вонъ*).

Голосъ купца. Оно вотъ изволите видѣть. Оно здѣсь больше, такъ сказать, съ маральной стороны. Конечно, бываютъ, такъ сказать, всякіе-съ. Да вѣдь и то̀ извольте посудить,

Digitized by Google

что и честный человѣкъ, случаемъ придется..... А на счетъ моральности, такъ и за дворянами это водится.

Голосъ сердитаго чиновника, но, какъ видно, опытнаго. Что̀ онъ знаетъ? чорта онъ знаетъ! И вретъ онъ, вретъ: все это, что̀ ни написалъ онъ, все враки. И взятки не такъ берутъ, ужъ если пошло на то̀...

Появляется группа людей.

первый. Разсудите: ну, танцоръ, напримѣръ—тамъ все-таки искусство; ужъ того никакъ не сдѣлаешь, что онъ дѣлаетъ. Ну, захоти я, напримѣръ: да у меня, просто, ноги не подымутся. Ну сдѣлай я антраша—не сдѣлаю ни за что. А вѣдь писать можно не учившись. Я не знаю, кто такой авторъ, но мнѣ сказывали, что онъ невѣжа совершенный, ничего не знаетъ, его откуда-то, кажется, выгнали.

второй. Ну, однакожъ, все-таки что-нибудь онъ долженъ знать; безъ этого нельзя писать,

первый. Да помилуйте, что̀ жъ онъ можетъ знать? Вы сами знаете, что̀ такое литераторъ? Пустѣйшій человѣкъ: это всему свѣту извѣстно, ни на какое дѣло не годится. Ужъ ихъ пробовали употреблять, да бросили. Ну, посудите сами, ну, что такое они пишутъ? вѣдь это все пустяки, побасенки! Захотите, я сей же часъ это напишу, и вы напишете, и онъ напишетъ, и всякій напишетъ.

второй. Да, конечно, почему жъ и не написать. Будь только капля ума въ головѣ, такъ ужъ и можно.

первый. Да и ума ненужно. Зачѣмъ тутъ умъ? Вѣдь это все побасенки. Ну, если бы еще была, положимъ, какая нибудь ученая наука, какой-нибудь предметъ, котораго еще не знаешь—а вѣдь это что такое? Вѣдь это всякій мужикъ знаетъ. Это всякій день увидишь на улицѣ. Садись только у окна, да записывай все, что ни дѣлается, вотъ и вся штука.

третій. Это правда. Какъ подумаешь, право, на какой вздоръ употребляютъ время!

первый. Именно, трата времени, больше ничего. Побасенки, пустяки! Просто бы надо запретить давать имъ перо и чернила въ руки. Однакожъ, народъ выходитъ, пойдемте! Поды-

Digitized by Google

мать шумъ, кричать! поощрять! а дѣло, просто, вздоръ! Побасенки, пустяки! побасенки! (*Уходитъ. Толпа рѣдѣетъ, бѣгутъ кое-какіе отставшіе*).

Авторъ піесы, *выходя*. Я услышалъ болѣе, чѣмъ предполагалъ. Какая пестрая куча толковъ! Счастье комику, который родился среди націи, гдѣ общество еще не слилось въ одну недвижимую массу, гдѣ оно не облеклось одной корой стараго предразсудка, заключающаго мысли всѣхъ въ одну и ту же форму и мѣрку; гдѣ что человѣкъ, то мнѣнье; гдѣ всякій самъ создатель своего характера. Какое разнообразіе въ этихъ мнѣніяхъ! Какъ даже въ этихъ недоброжелательныхъ осужденіяхъ много того, что нужно знать комику. Какой живой урокъ! Да, я удовлетворенъ. Но отчего же грустно становится моему сердцу? Странно: мнѣ жаль, что никто не замѣтилъ честнаго лица, бывшаго въ моей піесѣ. Да, было одно честное, благородное лицо, дѣйствовавшее въ ней во все время продолженія ея. Это честное, благородное лицо былъ—смѣхъ. Онъ былъ благороденъ потому, что рѣшился выступить не смотря на низкое значеніе, которое дается ему въ свѣтѣ. Онъ былъ благороденъ потому, что рѣшился выступить не смотря на то, что доставилъ обидное прозванье комику, прозванье холоднаго эгоиста, и заставилъ даже усумниться въ присутствіи нѣжныхъ движеній души его. Никто не вступился за этотъ смѣхъ. Я комикъ и служилъ ему честно, и потому долженъ стать его заступникомъ. Нѣтъ, смѣхъ значительнѣй и глубже, чѣмъ думаютъ. Не тотъ смѣхъ, который порождается временной раздражительностью, желчнымъ, болѣзненнымъ расположеніемъ характера; не тотъ также легкій смѣхъ, который весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, излетаетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заключенъ вѣчно-біющійся родникъ его: но который углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользнуло бы, безъ проницающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугала бы такъ человѣка. Презрѣнное и ничтожное, мимо котораго онъ равнодушно проходитъ всякій день, не возрасло бы передъ нимъ въ такой страшной, почти карикатурной силѣ, и онъ не вскрикнулъ бы, содрагаясь: «неужели есть такіе люди»? тогда какъ, по собственному сознанью его, бываютъ хуже люди. Нѣтъ, несправедливы тѣ, которые

Digitized by Google

говорятъ, будто смѣхъ возмущаетъ! Возмущаетъ только то, что мрачно, а смѣхъ свѣтелъ. Многое бы возмутило человѣка, бывъ представлено въ наготѣ своей; но озаренное силою смѣха, несетъ оно уже примиреніе въ душу. И тотъ, кто понесъ бы мщеніе противу злобнаго человѣка, уже почти мирится съ нимъ, видя осмѣянными низкія движенія души его. Несправедливо говорятъ, что смѣхъ не дѣйствуетъ на тѣхъ, противу которыхъ устремленъ, и что плутъ первый посмѣется надъ плутомъ, выведеннымъ на сценѣ: плутъ-потомокъ посмѣется, но плутъ-современникъ не въ силахъ посмѣяться! Онъ слышитъ, что уже у всѣхъ остался неотразимый образъ, что одного низкаго движенія съ его стороны достаточно, чтобы этотъ образъ пошелъ ему въ вѣчное прозвище; а насмѣшки боится даже тотъ, кто уже ничего не боится на свѣтѣ. Нѣтъ, засмѣяться добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ можетъ только одна глубоко-добрая душа. Но не слышатъ могучей силы такого смѣха: «что̀ смѣшно, то̀ низко», говоритъ свѣтъ; только тому, что̀ произносится суровымъ, напряженнымъ голосомъ, тому только даютъ названіе высокаго. Но, Боже! сколько проходитъ ежедневно людей, для которыхъ нѣтъ вовсе высокаго въ мірѣ! Все, что̀ ни творилось вдохновеніемъ, для нихъ пустяки и побасенки; созданія Шекспира для нихъ побасенки, высокія движенія души—для нихъ побасенки. Нѣтъ, не оскорбленное, мелочное самолюбіе писателя заставляетъ меня сказать это, не потому, что мои незрѣлыя, слабыя созданья были сейчасъ названы побасенками; нѣтъ, я вижу свои недостатки и вижу, что достоинъ упрековъ: но не могла выносить равнодушно душа моя, какъ совершеннѣйшія творенія честились именами пустяковъ и побасенокъ! ныла душа моя, когда я видѣлъ, какъ много тутъ же, среди самой жизни, безотвѣтныхъ, мертвыхъ обитателей, страшныхъ недвижнымъ холодомъ души своей и безплодной пустыней сердца; ныла душа моя, когда на безчувственныхъ ихъ лицахъ не вздрагивалъ даже ни призракъ выраженія отъ того, что повергало въ небесныя слезы глубоко-любящую душу, и не коснѣлъ языкъ ихъ произнести свое вѣчное слово: «побасенки»! Побасенки!... а вонъ протекли вѣка, города и народы снеслись и исчезли съ лица земли; какъ дымъ унеслось все, что было, а побасенки живутъ и повторяются понынѣ, и внемлютъ имъ

Digitized by Google

мудрые цари, глубокіе правители, прекрасный старецъ, и полный благороднаго стремленія юноша. Побасенки! А вонъ: стонутъ балконы и перила театровъ; все потрясло съ низу до верху, превратясь въ одно чувство, въ одинъ мигъ, въ одного человѣка; всѣ люди встрѣтились, какъ братья, въ одномъ душевномъ движеніи, и гремитъ дружнымъ рукоплесканьемъ благодарный гимнъ тому, котораго уже пятьсотъ лѣтъ какъ нѣтъ на свѣтѣ. Слышатъ ли это въ могилѣ истлѣвшія его кости? отзывается ли душа его, терпѣвшая суровое горе жизни? Побасенки!... А вонъ, среди сихъ же рядовъ потрясенной толпы, пришелъ удрученный горемъ и невыносимой тяжестью жизни, готовый поднять отчаянно на себя руку, и брызнули вдругъ свѣжительныя слезы изъ его очей, и вышелъ онъ примиренный съ жизнію, и проситъ вновь у неба горя и страданій, чтобы только жить и залиться вновь слезами отъ такихъ побасенокъ. Побасенки! Но міръ задремалъ бы безъ такихъ побасенокъ, обомлѣла бы жизнь, плѣсенью и тиной покрылись бы души. Побасенки!.. О, да пребудутъ же вѣчно священны въ потомствѣ имена благосклонно внимавшихъ такимъ побасенкамъ: чудный перстъ Провидѣнья былъ неотлучно надъ главами творцовъ ихъ. Въ минуты даже бѣдъ и гоненій, все, что было благороднѣйшаго въ государствахъ, становилось прежде всего ихъ заступникомъ.

Бодрѣй же въ путь! И да не смутится душа отъ осужденій, но приметъ благодарно указанія недостатковъ, не омрачась даже и тогда, если бы отказали ей въ высокихъ движеніяхъ и въ святой любви къ человѣчеству! Міръ, какъ водоворотъ: движутся въ немъ вѣчно мнѣнія и толки, но все переламываетъ время. Какъ шелуха, слетаетъ ложь, и, какъ твердыя зерна, остаются недвижныя истины. Что признавалось пустымъ, можетъ явиться потомъ вооруженное строгимъ значеніемъ. Во глубинѣ холоднаго смѣха могутъ отыскаться горячія искры вѣчной могучей любви. И почему знать, можетъ быть, будетъ признано потомъ всѣми, что въ силу тѣхъ же законовъ, почему гордый и сильный человѣкъ является ничтожнымъ и слабымъ въ несчастіи, а слабый возрастаетъ, какъ исполинъ, среди бѣдъ,—въ силу тѣхъ же самыхъ законовъ, кто льетъ часто душевныя, глубокія слезы, тотъ, кажется, болѣе всѣхъ смѣется на свѣтѣ!...

Digitized by Google

ДУХОВНЫЕ ПИСАТЕЛИ.

Изъ слова похвальнаго о флотѣ Россійскомъ по побѣдѣ галерами Россійскими, надъ кораблями Шведскими Іуліа 27 дня полученной.

...Была нужда Россіи имѣти флотъ, яко не единаго моря предѣлами своими досязающей, но нужды той еще никто, еще и самъ Монархъ Россійскій не ощущалъ; видѣлъ единъ Всевидецъ Богъ главную флота нужду, опредѣляя намъ на времена сія завладѣніе сего поморія; а отъ человѣкъ кто сіе провидѣти, кто пророчествовати моглъ? И то первый знакъ, что возбужденная въ Монаршемъ сердцѣ къ морскому плаванію охота не отъ промысла человѣческаго была. Да еще же, что̀ охотѣ той вину подало? нѣгдѣ по случаю найденный малый ветхій, презрѣнный ботикъ. О томъ сталъ первѣе легкій вопросъ, а съ полученнаго отвѣта возгорѣлась охота, да еще только къ водному гулянію; скоро же, больше и больше разгараяся сердце, пролилось, аки пламень, ко устроенію великаго флота. Кто здѣ не видитъ явнаго Божія смотрѣнія? не той ли сіе дѣйствовалъ, который и о умноженіи церкве своея предложилъ притчу (Мае. XIII. 31—32)? *Подобно*, рече, *есть Царствіе небесное зерну горушичну, еже, земъ человѣкъ, вѣя на селѣ своемъ. Еже малѣйше убо есть отъ всѣхъ сѣмянъ: егда же возрастетъ, болѣе всѣхъ зелій есть, и бываетъ древо: яко пріити птицамъ небеснымъ, и витати на вѣтвей его.* Кто же не скажетъ, что малый ботикъ противъ флота есть, аки зерно противу древа? а отъ того зерна возрасли сія великая, дивная, крылатая, оруженосная древеса. О ботикъ, позлащенія достойный! Тщалися нѣцыи искати на горахъ Араратскихъ доски ковчега Ноева; мой бы совѣтъ былъ ботикъ сей блюсти и хранити въ сокровищахъ на незабвенную память послѣднему роду.

Удивило себе еще Божіе смотрѣніе, подая сердцу Монаршему неусыпное тщаніе, и благословя дѣло сіе дивнымъ благопоспѣ-

Digitized by Google

шествомъ, такъ что и лютая, и еще тогда намъ тяжкая война не могла сдѣлати препятія, и воевана, и строено подобнѣ, какъ о Іудеяхъ, Іерусалимѣ, по возвращеніи Вавилонскомъ, созидающихъ, пишется (Неем. IV, 17): *единою рукою своею творяху дѣло, а другою держаху мечъ.*

Но се паче всего дивнѣйшее есть: возбужденный къ дѣлу сему Монархъ недоволенъ прилежнымъ своимъ попеченіемъ и тщаніемъ, недоволенъ ученіемъ подданныхъ своихъ, самъ корабельной архитектурѣ тоея древодѣлію учитися потщался, отложивъ весь покой, воспріявъ трудную и не безбѣдную перегринацію. Образъ въ свѣтѣ еще неслыханный! А гдѣ уже оніи Римскіи Квинтіи и Фабрикіи, которымъ удивляются историки, что бывше на время Диктаторы, не возгнушалися паки трудитися въ земледѣліи? помрачилъ славу ихъ Петръ, который купно и скипетръ и мечъ, и древодѣльная орудія носитъ, не уродъ тѣломъ, дивенъ дѣломъ, многоручный нарещися достоинъ.

Кто всего сего смотрѣнію Божію не воспишетъ, тотъ смотрѣнію быти не довѣряетъ.

Мы же еще посмотримъ, какъ тое смотрѣніе милостивое есть къ роду Россійскому, а сіе познаемъ съ превеликія пользы, которую отечеству нашему флотъ морскій подаетъ.

Суесловіе есть, если не безуміе нѣкіихъ стихотворцевъ, которіи такъ плаванія воднаго ненавидятъ, что и первыхъ того изобрѣтателей проклинаютъ. Обычно господа оніи вымыслы своя нарицаютъ нѣкіимъ восхищеніемъ, или восторгомъ, да часто имъ въ восторгахъ своихъ недоброе снится. Охуждаютъ навигацію, да плодовъ ея не отметаютъ. Подобнѣ они же страховъ воинскихъ, правительскихъ попеченій и судебныхъ трудовъ не любятъ, и весьма похваляютъ покой житія сельскаго, а не разсуждаютъ того, что покой сей безъ воинскихъ, правительскихъ и судебныхъ непокоевъ быти не можетъ.

Противное намъ показуетъ самый здравый разумъ, созданія Божія разсуждающій. Да разсудитъ всякъ, къ чему толь пространная поля водная, моря и безмѣрный океанъ создалъ Богъ? къ питію ли? довлѣли бы на сіе рѣки и источники, а не толикое водъ множество, большую часть земноводнаго сего круга объемшее; еще же и питію человѣческому весьма неугодное. Сія того вина есть (яко премудрѣ разсуждаетъ Василій Великій въ

Digitized by Google

своемъ Шестодневіи), что премудрый міра Создатель, промышляя человѣкомъ взаимное друголюбіе, не благоволилъ всѣмъ странамъ земнымъ всякіе плоды житію нашему потребные произносити; ибо тогда сіи жители на оныхъ, а оные на сихъ ниже посмотрѣли бы, единъ отъ другаго помощи не требуя. Раздѣлилъ убо Творецъ земная своя благая различнымъ странамъ по части, да бы такъ едина отъ другой требуя взаимнаго пособія, лучше въ любовный союзъ сопрягатися могли. Но понеже не возможно было людемъ имѣть коммуникацію земнымъ путемъ отъ конецъ до конецъ міра сего, того ради великій промыслъ Божій проліялъ промежъ селенія человѣческая водное естество, взаимному всѣхъ странъ сообществу послужити могущее. А отъ сего видимъ, какая и коликая флота морскаго нужда, видимъ, что всякъ, сего не любящій, не любитъ добра своего, и Божію о добрѣ нашемъ промыслу неблагодаренъ есть.

Но обще о пользѣ флота много бы глаголати, но не нужно, яко всякому благоразсудному извѣстно есть. Мы точію вкратцѣ разсудимъ, какъ собственно россійскому государству нужный и полезный есть морскій флотъ. А въ первыхъ, понеже не къ единому морю прилежитъ предѣлами своими сія монархія, то какъ не безчестно ей не имѣть флота? Не сыщемъ ни единой въ свѣтѣ деревни, которая, надъ рѣкою или озеромъ положена, не имѣла бы лодокъ: а толь славной и сильной монархіи, полудневная и полунощная моря обдержащей, не имѣть бы кораблей? хотя бы ни единой къ тому не было нужды, однако же было бы то безчестно и укорительно. Стоимъ надъ водою и смотримъ, какъ гости къ намъ приходятъ и отходятъ, а сами того не умѣемъ. Слово въ слово такъ, какъ въ стихотворскихъ фабулахъ нѣкій Танталъ стоитъ въ водѣ да жаждетъ. И потому и наше море не наше. Но смотримъ, какъ то и поморіе наше? развѣ было бы наше по милости заморскихъ сосѣдъ, до ихъ соизволенія.

Что бо, когда благословилъ Богъ Россіи сія своя поморскія страны возвратити себѣ и другія вновь завладѣти, что было бы, аще бы не было готоваго флота? какъ бы мѣста сія удержати? какъ жить и отъ нападенія непріятельскаго опасатися, не токмо что оборонитися.

Земный непріятельскій приходъ издалече слышенъ и нескоръ:

Digitized by Google

есть время приготовиться и предварить его. Не такъ морскій: не летаютъ предъ нимъ голосныя вѣсти, не слышатся шумы, не видно дыма и праха: въ который часъ увидиши его, въ тотъ же и надѣйся пришествія его. Если бы къ намъ добріи гости, не предвозвѣстя о себѣ, моремъ ѣхали,—узрѣвше ихъ, немощно бы уготовить трактаментъ для нихъ. Какъ же на такъ нечаянно и скоро нападающаго непріятеля мощно устроить подобающую оборону? едина конфузія, единъ ужасъ, трепетъ и мятежъ. А хотя бы кто и предвозвѣстилъ о походѣ его, то какъ же еще знать, на который онъ берегъ выйдетъ, на который городъ нападетъ? Какъ многіе поморскіе городы, не весьма флота не имѣвшіи, но не имѣвшіи флота довольнаго, погибли, разорении не отъ сильнаго супостата, но отъ пиратовъ, т. е. морскихъ разбойниковъ, полны суть исторіи. А если же иногда морскій непріятель и не получитъ своего желанія; однакожъ, настращавъ и поругався, отступаетъ безъ урону своего, не отлагая злобы, но храня, яко неотмщенную, на иное время. Приходящаго его не начаешься, отходящаго нельзя догонять. Кратко рещи: поморію, флотомъ не вооруженному, такъ трудное дѣло съ морскимъ непріятелемъ, какъ трудно связанному человѣку драться съ свободнымъ, или какъ трудно земнымъ при рѣкѣ Нилѣ животнымъ обходиться съ крокодилами.

Также то трудное было бы тебѣ, о Россіе, на поморіи твоемъ съ непріятелемъ обхожденіе, аще не бы милостивый промыслъ Божій предварилъ тебе благословеніемъ благостыннымъ, и не возбудилъ бы въ тебѣ тщаливаго духа ко устроенію флота и ко обученію морскаго плаванія. Не былъ бы укрощенъ на лучшее, но только раздраженъ на горшее супостатъ твой. Объяла и завладѣла рука твоя сіе толь славное и великое поморіе, яко возмездіе и обильный плодъ всѣхъ войны сея трудовъ и иждивеній. Но возмогла ли бы и удержать надолго единою земною силою? великое сумнительство. Если же бы не могла, что слѣдовало? испразднилася бы слава толикихъ викторій; не меньшая бо слава есть удержать завоеванное, нежели завоевать, давная есть пословица. Отродилася бы непріятелю сила: паки бы было ему съ Ливоніи, Інгріи, Кареліи, Финляндіи множество и воинства, и имѣнія, и хлѣба; паки бы походы его и нападенія на твоя внутренняя. Нынѣ же что? наготствуетъ, скудѣетъ и

Digitized by Google

гладъ терпитъ. И вмѣсто того, чтобы на предѣлы наши нападалъ, своихъ видитъ разореніе; и вмѣсто того, чтобы имѣлъ намъ страшенъ быти, чуждее себѣ заступленіе купуетъ, хотя и не вельми счастливымъ торгомъ. Видиши, о Россіе, пользу флота твоего: не только бо готова и сильна тебѣ отъ нападенія непріятельскаго оборона, которой бы не имѣла еси, не имущи флота, по вышепредложенному разсужденію, но и наступательная на онаго сила велика, и викторіи не трудны: и что вельми дивно, сами непріятели тѣсноту свою, истиною понуждени, засвидѣтельствовали, когда на монетахъ недавно въ память падшаго короля своего изданныхъ, льва вервіемъ обвязаннаго напечатали.

И уже посмотримъ на прекрасное лице нынѣшнія викторіи: она бо вся доселѣ описанныя къ флоту морскому нужды, и вся тогожде флота пользы явно показуетъ.

Чему бы Россія не могла и вѣрити, аще бы въ корабельной войнѣ не была искусна, то нынѣ сама сдѣлала, славна всегда водная викторія, хотя равныя обоихъ сторонъ силы. Аще бо гдѣ, тутъ наипаче военное дѣйствіе Марсовымъ жребіемъ нарицати подобаетъ. Не какъ коня, такъ и корабль удобно управити: а вѣтръ и море, яко непостоянныя элементы, тако ненадежныя помощники: кому помогутъ, и кому сопротивятся, неизвѣстно. Въ таковомъ убо неизвѣстіи, сумнительствѣ, бѣдствіи, получити викторію необычная воистину слава есть.

Но прочія морскія викторіи, противъ нынѣшней Россійской, мощно нарещи общія и обычныя. Въ прочіихъ равныя сражаются силы, а тутъ галеры съ кораблями: прочіимъ помогаетъ, а тутъ мѣшаетъ вѣтръ. Сіи двѣ трудности толикую побѣды важность показуютъ, что и сказати трудно.

Галерамъ наступати на корабли, которіи оныхъ не стрѣльбою огненною, но единымъ нашествіемъ не побѣдити, но въ щепы разбити могутъ, обычное ли дѣло? Въ таковомъ силъ неравенствѣ дерзнути на бой дивно, вступити въ бой предивно, а побѣдити, и удивленіе побѣждаетъ... Но придаетъ удивленія то еще, что великую акціи трудность вѣтръ дѣлалъ. На тишинѣ водной галерамъ единымъ нападати на корабли стоящыя, и то не легко; есть бо подобное аттакованіе крѣпкихъ фортецъ: а галерамъ съ кораблями сражатися въ погоду, кажется и чаянію противное. Тотъ же вѣтръ, который кораблю ко обращенію его служитъ,

Digitized by Google

галерамъ мѣшаетъ. Нельзя не сказать, слышатели, что сія виторія сталась отъ собственнаго Божія смотрѣнія: и большую здѣ видимъ милость Господню, нежели гдѣ провидѣнія вѣтры на помощь посылала.

Тако продолжаетъ радости твоя, тако славы твоя умножаетъ Богъ, о Россіе! Прославимъ убо прославившаго насъ, благодаримъ обрадовавшему насъ: его дѣло есть флотъ Россійскій, его благословеніе есть толикая сила и толикія плоды флота Россійскаго.

Благословенъ же и ты Богомъ вышнимъ державнѣйшій Монархо Россійскій, яко толь милостивое къ достоянію твоему Божіе смотрѣніе не вотще тобою дѣйствуетъ. Какъ многими Россію твою одолжилъ еси благодѣяніи! Тебѣ должна есть исправленіе, красоту и толикую силу свою: тебѣ должна всю толь дивную и славную измѣну свою, что презрѣна прежде и поругана всѣми, нынѣ славна и страшна всѣмъ есть: на морѣ и на землѣ побѣждаетъ. Торжествуй и радуйся толико благословенъ сый Богомъ: радуйся Богу, помощнику твоему.

Слово на погребеніе Петра Великаго.

Что се есть? до чего мы дожили, о Россіане, что видимъ, что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ! Не мечтаніе ли се? не сонное ли намъ привидѣніе? охъ, какъ истинная печаль! охъ, какъ извѣстное наше злоключеніе! Виновникъ безчисленныхъ благополучій нашихъ и радостей, воскресившій аки отъ мертвыхъ Россію, и воздвигшій въ толикую силу и славу, или паче, рождшій и воспитавшій, прямый сый отечествія своего отецъ, которому по его достоинству добріи россійстіи сынове безсмертну быти желали, по лѣтамъ же и состава крѣпости многолѣтно еще жить имущаго вси надѣялися: противно и желанію и чаянію скончалъ жизнь, и, о лютой намъ язвы! тогда жизнь скончалъ, когда по трудахъ, безпокойствахъ, печалехъ, бѣдствіяхъ, по многихъ и много-образныхъ смертехъ, жить нѣчто начиналъ. Довольно же видимъ, коль прогнѣвили мы тебе, о Боже нашъ! и коль раздражили долготерпѣніе Твое! О недостойныхъ и бѣдныхъ насъ! О грѣховъ нашихъ безмѣрія! Не видяй сего, слѣпъ есть;

Digitized by Google

видяй же и неисповѣдуяй, въ жестокосердіи своемъ окаменѣнъ есть. Но что намъ умножать жалости сердоболія, которыя утолять, елика возможно, подобаетъ. Какъ же то и возможно? понеже есть ли великія его таланты, дѣйствія и дѣла воспомянемъ, еще вящше утратою толикаго добра нашего уязвимся и возрыдаемъ. Сей воистинну толь печальной траты развѣ бы летаргомъ нѣкіимъ, нѣкіимъ смерто-образнымъ сномъ забыть намъ возможно. Кого бо мы, и каковаго, и толикаго лишилися?

Се оный твой, Россіе, Сампсонъ, каковый дабы въ тебѣ моглъ явитися, никто въ мірѣ не надѣялся, а о явшемся весь міръ удивился. Засталъ онъ въ тебѣ силу слабую, и здѣлалъ по имени своему каменную, адамантову; засталъ воинство въ дому вредное, въ полѣ не крѣпкое, отъ супостатъ ругаемое, и ввелъ отечеству полезное, врагомъ страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищалъ, купно и возвращеніемъ отъятыхъ земель дополнилъ, и новыхъ провинцій пріобрѣтеніемъ умножилъ. Когда же востающыя на насъ разрушалъ, купно и зломыслящихъ намъ сломилъ и сокрушилъ духи, и, заградивъ уста зависти, славная проповѣдати о себѣ всему міру повелѣлъ.

Се твой первый, о Россіе, Іафетъ, неслыханное въ тебѣ отъ вѣка дѣло совершившій, строеніе и плаваніе корабельное; новый въ свѣтѣ флотъ, но и старымъ не уступающій, какъ надъ чаяніе, такъ выше удивленія всея вселенныя, и отверзе тебѣ путь во вся концы земли, и простре силу и славу твою до послѣднихъ океана, до предѣлъ ползы твоея, до предѣлъ правдою полагаемыхъ; власть же твоея державы, прежде и на земли зыблющуюся, нынѣ и на мори крѣпкую и постоянную сотворилъ.

Се Моисей твой, о Россіе! не суть ли законы его яко крѣпкая забрала правды, и яко не рѣшимыя оковы злодѣянія? не суть ли уставы его ясныя, свѣтъ стезямъ твоимъ, высокоправительствующій сугклитъ, и подъ нимъ главныя и частныя правительства отъ него учрежденныя? не свѣтила ли суть тебѣ къ поисканію пользы, и ко отраженію вреда, къ безопасію миролюбныхъ и ко обличенію свирѣпыхъ? Воистинну оставилъ намъ сумнѣніе о себѣ, въ чемъ онъ лучшій и паче достохвалный: или яко отъ добрыхъ и простосердечныхъ любимъ и лобызаемъ; или яко отъ нераскаянныхъ лестецовъ и злодѣевъ ненавидимъ былъ.

Се твой, Россіе, Соломонъ, пріемшій отъ Господа смыслъ и

Digitized by Google

мудрость многу зѣло. И не доволно ли о семъ свидѣтелствуютъ многообразная філософская искусства, и его дѣйствіемъ показанная, и многимъ подданнымъ вліянная, и заведенная различная, прежде намъ и неслыханная ученія, хитрости и мастерства; еще же и чины, и степени, и порядки гражданскія, и честныя образы житейскаго обхожденія, и благопріятныхъ обычаевъ и нравовъ правила: но и внѣшній видъ и наличіе краснопретворенное, яко уже отечество наше, и отъ внутрь и отъ внѣ, несравненно отъ прежднихъ лѣтъ лучше, и весьма иное видимъ и удивляемся.

Се же твой, о и церкве Россійская, и Давидъ и Константинъ: его дѣло—правительство сѵнодалное, его попеченіе пишемая и глаголемая наставленія. О колиная произносило сердце сіе воздыханія о невѣжествѣ пути спасеннаго! колинія ревности на суевѣрія, и лестническія притворы, и расколъ гнѣздящійся въ насъ безумный, враждебный и пагубный! колиное же въ немъ и желаніе было и исканіе вящшаго въ чинѣ пастырскомъ искусства, прямѣйшаго въ народѣ богомудрія и изряднѣйшаго во всемъ исправленія!

Но о многоименитаго мужа! краткимъ ли словомъ объимемъ безчисленныя его славы, а простирати рѣчи не допускаетъ настоящая печаль и жалость, слезить токмо и стенать понуждающая. Негли со временемъ нѣчто притупится тернъ сей, сердца наша бодущій, и тогда пространнѣе о дѣлахъ и добродѣтелехъ его побесѣдуемъ. Хотя и никогда доволно, и по достоинству его возглаголати не можемъ; а и нынѣ кратко воспоминающе, и аки бы токмо воскрылій ризъ его касающееся, видимъ, слышателіе, видимъ бѣдніи мы и несчастливіи, кто насъ оставилъ и кого мы лишилися.

Не весьма же, о Россіане, изнемогаимъ отъ печали и жалости, не весма бо и оставилъ насъ сей великій монархъ и отецъ нашъ. Оставилъ насъ, но не нищихъ и убогихъ: безмѣрное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его дѣлами означилося, при насъ есть. Какову онъ Россію свою здѣлалъ, такова и будетъ: здѣлалъ добрымъ любимую, любима и будетъ; здѣлалъ врагомъ страшную, страшная и будетъ; здѣлалъ на весь міръ славную, славная и быть не престанетъ. Оставилъ намъ духовная, гражданская и воинская исправленія. Убо оставляя насъ разрушеніемъ тѣла своего, духъ свой оставилъ намъ.

Digitized by Google

Наипаче же, въ своемъ въ вѣчная отшествіи, не оставилъ насъ сирыхъ. Како бо весьма оспротѣлыхъ насъ наречемъ, когда державное его наслѣдіе видимъ, прямаго по немъ помощника въ жизни его, и подобонравнаго владѣтеля по смерти его, Тебе, милостивѣйшая и самодержавнѣйшая Государыня наша, великая героиня, и монархиня, и матерь всероссійская. Міръ весь свидѣтель есть, что женская плоть не мѣшаетъ тебѣ быть подобной Петру Великому. Владѣтелское благоразуміе и матернее благоутробіе твое и природою тебѣ отъ Бога данное кому неизвѣстно? А когда обое то утвердилося въ тебѣ и совершилося, не просто сожитіемъ толикаго монарха, но и сообществомъ мудрости, и трудовъ, и разноличныхъ бѣдствій его, въ которыхъ чрезъ многая лѣта, аки злато въ горнилѣ искушенную за малое судилъ онъ имѣть тебѣ ложа своего сообщницу, но и короны, и державы, и престола своего наслѣдницу сотворилъ. Какъ намъ не надѣяться, что сдѣланная отъ него утвердишъ, недодѣланная сотворишъ и все въ добромъ состояніи удержишъ? Токмо, о душе мужественная! потщися одолѣть нестерпимую сію болѣзнь твою, аще и усугубилася она въ тебѣ отъятіемъ любезнѣйшей дщери, и аки жестокая рана новымъ уязвеніемъ безъ мѣры разъярилася. И якова ты отъ всѣхъ видима была въ присутствіи подвизающагося Петра, во всѣхъ его трудѣхъ и бѣдствіяхъ неотступная бывши сообщница, понудися такова же быть и въ прегоркомъ семъ лишеніи.

Вы же, благороднѣйшее сословіе, всякаго чина и сана, сынове россійстіи, вѣрностію и повиновеніемъ утѣшайте Государыню и матерь вашу. Утѣшайте и самихъ себе, несумнѣннымъ познаваніемъ Петрова духа въ Монархинѣ вашей видяще, яко не весь Петръ отшелъ отъ насъ. Прочее припадемъ вси Господеви нашему, тако посѣтившему насъ, да яко Богъ щедротъ и отецъ всякія утѣхи, ея величеству самодержавнѣйшей Государыни нашей, и ея дражайшей крови: дщерямъ, внукамъ, племянницамъ, и всей высокой фамиліи, отретъ сія неутолимыя слезы, и усладитъ сердечную горесть благостыннымъ своимъ призрѣніемъ, и всѣхъ насъ милостивнѣ да утѣшитъ.

Но, о Россіе! видя, кто и каковый тебе оставилъ, виждь и какову оставилъ тебе. Аминь.

Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Digitized by Google

Рѣчь Императору Александру I на коронованіе его.

И такъ, сподобилъ насъ Богъ узрѣть Царя своего вѣнчанна и превознесенна! Чтожъ теперь возглаголемъ мы, что сотворимъ, о, россійстіи сынове? Возблагодаримъ ли Вышнему Царю царей за таковое о любезномъ Государѣ нашемъ и о насъ благоволеніе? И мы благодаримъ всеусерднѣйше. Возслемъ ли къ Нему моленія, да добротѣ сей подастъ силу? И мы молимъ Его всею вѣрою нашею. Принесемъ ли что либо въ даръ Господу? И онъ благихъ нашихъ не требуетъ; а и сей самый вѣнецъ, и скипертъ, и державу, и Россію и всѣхъ насъ сердца и утробы приносимъ Ему и вручаемъ Ему. Привѣтствовать ли Ваше Императорское Величество съ симъ облеченіемъ славы? И мы привѣтствуемъ всеподданнѣйше. Изъявлять ли Вашему Величеству свое усердіе и вѣрность? И мы то свидѣтельствуемъ предъ лицемъ неба и земли, предъ лицемъ сего алтаря, и предъ лицемъ Бога и ангеловъ Его. Пожелать ли Вашему Императорскому Величеству счастливаго и долголѣтняго царствованія? О, забвена буди десница наша, аще не всегда будемъ оную воздѣвать къ небесамъ въ жару моленій нашихъ! Молиться ли, да Богъ самъ управляетъ Тобою, просвѣщая мысль и удобряя сердце? О, прильпни языкъ нашъ къ гортани нашей, аще на что другое онъ будетъ обращенъ, а не на таковыя токмо моленія! Пасть ли намъ предъ Престоломъ величества Божія, да, находя въ Монархѣ своемъ чадолюбиваго отца, будемъ мы къ Нему привержены любовію, яко чада? И мы падаемъ и громко предъ Нимъ вопіемъ. Премудрый Художникъ! мы предъ Тобою бреніе, сотвори изъ бренія сего сосуды не въ безчестіе, но сосуды въ честь. Таковымъ образомъ многоразличныя обращая въ сердцахъ чувствія, усматриваемъ нѣчто, особаго вниманія и озабочиванія достойное.

Вселюбезнѣйшій Государь! Сей вѣнецъ на главѣ Твоей есть слава наша, но Твой подвигъ. Сей скипетръ есть нашъ покой, но Твое бдѣніе. Сія держава есть наша безопасность, но Твое попеченіе. Сія порфира есть наше огражденіе но Твое ополченіе. Вся сія утварь царская есть намъ утѣшеніе, но Тебѣ бремя.

Digitized by Google

Бремя поистинѣ и подвигъ! предстанетъ бо лицу Твоему пространнѣйшая въ свѣтѣ имперія, каковую едва ли когда видѣла вселенная, и будетъ отъ мудрости Твоея ожидать во всѣхъ своихъ членахъ и во всемъ тѣлѣ совершеннаго согласія и благоустройства. Узриши сходящіе съ небесъ вѣсы правосудія, со гласомъ отъ Судіи неба и земли: да судиши судъ правый, и вѣсы Его да не уклониши ни на шуее, ни на десное. Узри въ лицѣ благаго Бога сходящее къ Тебѣ милосердіе, требующее, да милостивъ будеши къ вручаемымъ Тебѣ народамъ. Достигнутъ бо престола Твоего вдовицы и сироты, и бѣдные, утѣсняемые во зло употребленною властію и лицепріятіемъ и мздоимствомъ лишаемые правъ своихъ, и вопить не престанутъ, да защитиши ихъ, да отреши имъ слезы, да устроиши ихъ вездѣ проповѣдывать Твою промыслительную державу. Предстанетъ и самое человѣчество въ первородной своей и нагой простотѣ, безъ всякаго отличія порожденій и происхожденій: взирай, возопіетъ, общій отецъ! на права человѣчества: мы равно всѣ чада Твои. Никто не можетъ быть предъ Тобою извергомъ, развѣ утѣснитель человѣчества и подымающій себя выше предѣловъ его. Наконецъ благочестію Твоему предстанетъ и Церковь, сія мать, возродившая насъ духомъ, облеченная въ одежду, обагренную кровію Единороднаго Сына Божія. Сія августѣйшая дщерь неба хотя довольно для себя находитъ защиты въ единой главѣ своей, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, яко огражденная силою креста Его, но и къ Тебѣ, Благочестивѣйшій Государь, яко первородному сыну своему, простретъ она свои руки и, ими объявъ Твою любезнѣйшую выю, умолять не престанетъ: да сохраниши залогъ вѣры цѣлъ и невредимъ, да сохраниши не для Себя токмо, но паче да явиши Собою примѣръ благочестія и тѣмъ да заградиши нечестивыя уста вольнодумства и да укротиши злый духъ суевѣрія.

Но съ ангелами Божіими не усомнятся предстать и духи злобы. Отважатся окрестъ престола Твоего пресмыкатися и ласкательство, и клевета, и пронырство, со всѣмъ своимъ злымъ порожденіемъ, и дерзнутъ подумать, что аки-бы подъ видомъ раболѣпности можно имъ возобладать Твоею прозорливостію. Откроетъ безобразную главу свою мздоимство и лицепріятіе, стремясь превратить вѣсы правосудія. Появится безстыдно и роскошь,

Digitized by Google

со всѣми видами нечистоты, къ нарушенію святости супружествъ и къ пожертвованію всего единой плоти и крови въ праздности и суетѣ.

При таковомъ злыхъ полчащъ окруженіи, обымутъ Тя истина и правда, и мудрость и благочестіе, и будутъ, охраняя державу Твою, вкупѣ съ Тобою желать и молить: да воскреснетъ въ Тебѣ Богъ, и расточатся врази Твои!

Се подвигъ твой, Державнѣйшій Государь! се брань, требующая, да препояшеши мечъ Твой по бедрѣ Твоей, о герой! и наляцы, и успѣвай, и царствуй, и наставитъ Тя дивно десница Вышняго.

Дивно, глаголемъ: ибо отъ всего того предохранить себя, все то превозмочь, все управить въ мирѣ и благоустройствѣ, требуетъ силъ болѣе, нежели человѣческихъ. Почему, судя о Тебѣ, хотя превознесенномъ паче всѣхъ человѣкъ, но яко о человѣкѣ, и должны бы мы свои радости и восторги торжественные въ своихъ предѣлахъ удержать.

Удержать! Но что же означаетъ сіе, днесь надъ Тобою совершившееся дѣйствіе? Состоитъ-ли оно въ одной наружности? составляетъ-ли только одинъ простой обрядъ? Ахъ, нѣтъ! О Давидѣ, едва избранъ онъ былъ Богомъ въ царя Израилю и святымъ елеемъ помазанъ, слово Божіе гласитъ: и ношашеся Духъ Господень надъ Давидомъ отъ того дне и потомъ. Сіе Духа Господне ношеніе въ день сей осѣнило и освятило главу Твою. Не тщетны желанія всея Россіи; не тщетны моленія всея Церкви. Призираетъ Господь на молитву смиренныхъ и не уничижитъ моленія ихъ.

Да и самое души твоея расположеніе привлекаетъ таковое призрѣніе Господне; ибо точно можемъ мы о Тебѣ, Государь, тоже сказать, что сказано о помазанникѣ Давидѣ: и Давидъ красенъ, добръ очами и благъ взоромъ Господеви. Что само по себѣ не толикобъ было важно, ежелибъ оно не было точнымъ знаменіемъ Твоея красоты душевныя, доброты мыслей и благости сердечной.

И такъ, великодушнѣйшій Государь, симъ укрѣпися и ободрися! Съ такою помощію небесною, съ таковымъ дарованнымъ Тебѣ духомъ Владычнимъ, подвигъ Твой будетъ удобенъ, бдѣніе

Digitized by Google

Твое будетъ сладостно, попеченіе Твое будетъ успѣшно, бремя легко, и ополченіе Твое будетъ побѣдительно и торжественно.

Но се и еще подаетъ Тебѣ Богъ Своего о державѣ Твоей промышленія печать видимую. Вложилъ онъ въ сердце Вашему Императорскому Величеству, да и любезнѣйшую Свою супругу, Ея Императорское Величество, сотворити участну Своея чести и славы вѣнчанія и помазанія. Сіе сходственно съ уставомъ Предвѣчнаго. Когда священный супружества союзъ совокупилъ Васъ во-едино, и когда уставлено Богомъ быти женѣ помощницею своему мужу, то и честь ихъ должна быть нераздѣльна. Благоразуміе же и добродѣтели Ея Величества оправдаютъ благую всѣхъ насъ о Ней надежду; конечно, оправдитъ Она слово Господне, дабы быть вѣрною Вашему Величеству въ ношеніи общественнаго бремени помощницею.

Видя таковымъ образомъ отвсюду огражденна и укрѣпленна Тебя, Великій Государь, и радуемся, и торжествуемъ, и привѣтствуемъ, и благодаримъ Господа, и вопіемъ: Благословенъ Господь, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ и вознесе рогъ Христа своего!

Но прежде всѣхъ и паче всѣхъ да возрадуется душа Твоя, благочестивѣйшая Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, о благословенномъ плодѣ чрева Твоего! О коль сладостенъ, коль питателенъ для насъ есть сей плодъ Твой! Святая Твоя кровь течетъ по жиламъ Его, и все, что въ ней есть животворное и добротное, сообщено и Ему. Давно Апостолъ провозгласилъ: «аще корень святъ, то и вѣтви». Корень вѣтви оживляетъ, а вѣтви корень украшаютъ. Не есть ли сіе въ сердцѣ Твоемъ, Благочестивѣйшая Государыня, живоноснымъ источникомъ полныя радости? Ежели какая была и есть въ душѣ Твоей скорбь: не доволенъ ли источникъ сей оную усладить? Ежели какія бурныя тучи помрачили мысль Твою: сіе возсіявшее отъ Тебя свѣтило не довольно ли разогнать весь мракъ сей? И такъ, видя днесь, яко матерь Соломонова, сына Своего вѣнчанна и превознесенна, возрадуйся и возвеселися и возблагодари Господу, столь милостиво Тя посѣтившему. А мы всѣ вкупѣ, со всею Россіею, послѣдуя Тебѣ, яко ликоначальницѣ Маріямѣ, ударяя въ тимпаны и кимвалы нашихъ сердецъ, предъ священнѣйшимъ лицемъ Боговѣнчаннаго Монарха нашего взыграемъ и воспоемъ, и услы-

Digitized by Google

шано будетъ до послѣднихъ земли: съ нами Богъ! разумѣйте, языцы, и покоряйтеся! могущіи, покоряйтеся! Аще бо паки возможете, и паки побѣждени будете, яко съ нами Богъ!

Платонъ.

I.

Слово въ Великій Пятокъ.

Одному благочестивому пустыннику надлежало сказать что-либо братіи, ожидавшей отъ него наставленія. Проникнутый глубокимъ чувствомъ бѣдности человѣческой, старецъ (*Антоній Великій*), вмѣсто всякаго наставленія, воскликнулъ: «Братія, давайте плакать!» и всѣ пали на землю и пролили слезы.

Знаю, братія, что и вы ожидаете теперь слова назиданія; но уста мои невольно заключаются, при видѣ Господа, почивающаго во гробѣ. Кто осмѣлится разглагольствовать, когда Онъ безмолствуетъ?.. И что можно сказать вамъ о Богѣ и Его правдѣ о человѣкѣ и его неправдѣ, чего стократъ сильнѣе не говорили бы сіи язвы? Кого не тронутъ онѣ, тотъ тронется ли отъ слабаго слова человѣческаго? На Голгофѣ не было проповѣди: тамъ только рыдали и били *въ перси своя* (Лук. 23. 48). И у сего гроба мѣсто не разглагольствію, а покаянію и слезамъ.

Братія! Господь и Спаситель нашъ во гробѣ: начнемъ же молиться и плакать. Аминь.

Иннокентій.

II.

Слово въ Великій Пятокъ.

Паки Голгоѳа и крестъ! Паки гробъ и плащаница! И такъ, есть еще фарисеи и книжники, убіеніемъ невинныхъ *мнящіеся службу приносити Богу* (Іоан. 16. 2); есть еще Іуды, лобызающіе устами и предающіе руками! есть еще Пилаты и Ироды! ругающіеся истинѣ и омывающіе руки въ крови праведниковъ, Но, братія, есть ли между нами еще вѣрные и мужественные

Digitized by Google

Іоанны, для принятія Божественнаго всыновленія со креста? есть ли благоразумные сотники, достойные стоять на стражѣ у гроба Сына Божія? есть ли Іосифы и Никодимы, дерзающіе внити къ Пилату и просить тѣла Іисусова? есть ли Саломіи и Магдалины, для принятія первой вѣсти о воскресеніи? Господь, по свидѣтельству Псалмопѣвца, *приниче нѣкогда на сыны человѣческіе видѣти, аще есть разумѣваяй или взыскаяй Бога*, и не узрѣлъ ни единаго: *вси уклонишася, неключими быша; нѣсть творяй благостыню, нѣсть до единаго* (Псал. 13. 2). Теперь, братія, чтобы ближе видѣть, Господь приникаетъ не съ неба, не съ престола славы, а со креста, изъ гроба; приникаетъ видѣти уже не на сыны человѣческіе, а на сыны благодати Своея: аще есть разумѣваяй силу смерти Его, распинаяйся Ему въ духѣ. Что-же, Господи, зришь ты теперь между нами? Болѣе-ли, лучше-ли прежняго? Видишь многократныя поклоненія, слышишь многочисленныя величанія; но и на Голгофѣ Ты видѣлъ покиванія главою, и въ преторіи Пилата Ты слышалъ: *радуйся, царю Іудейскій!* Видишь на очахъ нѣкоторыхъ слезы, слышишь изъ устъ нѣкоторыхъ воздыханія; но и съ Голгофы многіе возвращались, *біюще въ перси своя* (Лук. 23. 48), и, не смотря на сіе, Твои перси оставались на крестѣ для уязвленія ихъ копіемъ.

Нѣтъ, братія, не то потребно для Господа и Спасителя нашего; не для поклоненія и величаній, даже самыхъ усердныхъ, не для вздоховъ и слезъ, даже самыхъ горькихъ, благоволитъ Онъ являться намъ висящимъ на крестѣ и лежащимъ во гробѣ. У гроба сего должно быть большему: *здѣсь судъ міру* (Іоан. 12. 31), — судъ нашимъ мыслямъ, нравамъ и дѣяніямъ. Здѣсь, въ настоящее время, долженъ происходить разсчетъ Домовладыки съ рабами, Спасителя съ душами, искупленными Его кровію. *Пріидите*, вѣщаетъ Онъ намъ чрезъ пророка, *пріидите и истяжимся* (Ис. 1. 18)!

Смотрите, что Я сдѣлалъ для васъ! У Меня была ваша глава, и она въ терновомъ вѣнцѣ; у Меня были ваши руки и ноги, и онѣ прободены; у Меня было ваше сердце, и оно отверсто для васъ копіемъ; у Меня была ваша плоть и кровь, и Я отдалъ ее за всѣхъ и доселѣ питаю ими васъ въ причащеніи. Единъ духъ Мой Я предалъ со креста не вамъ, ибо въ сіи минуты вы не умѣли бы сохранить его, а Отцу; но, по вознесеніи

Digitized by Google

Моемъ на небо, Я ниспослалъ вамъ и Духа Св. отъ Отца. Вотъ что я сдѣлалъ для васъ: Я весь вашъ! Явите, что вы сдѣлали для Меня или паче для себя, ибо все Мое для васъ: *пріидите и истяжимся!*

Можемъ ли, братія, уклониться отъ сего призванія? И такъ, служитель алтаря, стань у гроба сего и дай отчетъ. Чтобы раздрать завѣсу церковную, закрывавшую отъ тебя святое святыхъ, и содѣлать тебѣ свободнымъ доступъ къ престолу благодати, Спаситель твой взошелъ на крестъ. Какъ пользуешься ты драгоцѣннымъ правомъ и какъ предстоишь у престола благодати? Низводишь-ли благословеніе на себя и предстоящихъ? возвѣщаешь ли имъ пути живота? предходишь ли примѣромъ благой жизни? Если ты право правишь слово истины и спасенія; если для тебя нѣтъ бо́льшей радости, какъ видѣть или слышать, что духовныя чада твои *ходятъ во истинѣ* (3 Іоан. 1. 4) Христовой; если, въ случаѣ нужды, ты, по примѣру Пастыреначальника, готовъ душу свою положить за овцы своя: то благо тебѣ; ты іерей по чину Іисусову, приступай къ сему гробу съ дерзновеніемъ; лобызай сіи язвы и вдыхай изъ нихъ новый духъ мужества и любви на новые подвиги. По окончаніи чреды служенія на землѣ, ты внидешь въ нерукотворенную скинію на небеси, *идѣже Предтеча о насъ вниде Іисусъ* (Евр. 6. 20). Но если руки твои подъемлются горѣ, а сердце постоянно вращается долу; если ѳиміамъ восходитъ къ небу, а мысли всегда блуждаютъ по землѣ; если, предстоя трапезѣ Господней и преломляя хлѣбъ жизни для другихъ, ты самъ гладенъ духомъ и, вмѣсто манны, ищешь мясъ египетскихъ: то удались отъ сего гроба; здѣсь земля святая; твое мѣсто не здѣсь, а во дворѣ Каіафы!

Властелинъ судьбы ближнихъ, коему дано право вязать и рѣшить, стань у гроба сего и дай отчетъ. И ты не имѣешь власти никоея же, *аще не бы ти дано свыше* (Іоан. 19. 11); и ты творишь судъ Божій. Памятуешь ли сіе и со страхомъ ли Божіимъ держишь вѣсы правды? Чтобы ты не страшился за истину потерять, въ случаѣ нужды, имя друга кесарева, пріязнь сильныхъ земли, голгоѳскій Страдалецъ пріобрѣлъ для тебя имя друга Божія; чтобы ты всегда умѣлъ отличать невинность отъ преступленія, слабость отъ злонамѣренности, Онъ, въ помощь мерцанію твоей совѣсти, придалъ свѣтильникъ слова Своего:

Digitized by Google

пользуешься ли ты симъ средствомъ во благо ближнихъ и твердо ли идешь путемъ закона и долга? Если ты не зришь на лица; побораешь по истинѣ, какъ бы она ни была презрѣна другими; если твой лицеостротонъ не омытъ ни кровію, ни слезами неправедно осужденныхъ: то приступи къ побѣжденію лжи и лукавства, къ сраженію съ искушеніями и соблазнами, къ священнодѣйствію правды. Тамъ, на всемірномъ судѣ, и ты станешь одесную, пріимешь милость и будешь увѣнчанъ вѣнцемъ правды. Но если ты, имѣя власть пустить невиннаго и зная невинность его, тѣмъ не менѣе готовъ предать его въ руки враговъ, чтобы не оскорбить ихъ гордости; если, вмѣсто суда и защиты невинности, ты глумишься надъ ея несчастіями и заставляешь ее влачиться изъ одного судилища въ другое; если твоя правда состоитъ только въ омовеніи рукъ предъ народомъ: то удались отъ гроба сего; твое мѣсто не здѣсь, а въ преторіи Пилата!

Наперсникъ мудрости, ты, который всю жизнь проводишь въ изысканіи истины, въ познаніи тайнъ природы, стань у гроба сего и дай отчетъ. Чтобы тебѣ не блуждать напрасно по лабиринту человѣческихъ заблужденій и не исчезать въ суетныхъ помышленіяхъ о началѣ и концѣ вещей и человѣка, для сего Самъ единородный Сынъ Божій, *сый въ лонѣ Отчи* (Іоан. 1. 18), пріиде въ міръ и *далъ есть намъ разумъ и свѣтъ, да познаемъ Бога истиннаго и да будемъ во истиннѣмъ Сынѣ его* Іисусѣ Христѣ (1 Іоан. 5. 20). Въ пользу-ли тебѣ сіе снисхожденіе и руководство? Послѣ толикихъ трудовъ и усилій, позналъ ли ты, что есть истина? увѣрился-ли, что ея нѣтъ ни на землѣ, ни на небѣ, какъ токмо въ Томъ, Кто есть истина и источникъ всякія истины по самому существу Своему, въ единородномъ Сынѣ и Словѣ Божіемъ? Увѣрившись въ семъ, памятуешь-ли, что *есть истина во Христѣ* (Еф. 4. 21); что она состоитъ *не въ прельстительныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа* (1 Кор. 2. 4) и силы; не въ высокоумныхъ мечтаніяхъ, а въ томъ, чтобы *отложить ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотѣхъ прелестныхъ, и облещися въ новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и въ преподобіи истины* (Еф. 4. 22—24)? Если ты право правишь слово истины, *не сокрывая ее въ неправдѣ* (Рим. 1. 18) ни своего, ни общественнаго мнѣнія; если на служеніе истинѣ взираешь какъ на служеніе Самому Богу; если слава Бо-

Digitized by Google

жія и благо ближнихъ, а не самолюбіе и корысть, двигнутъ и руководятъ тебя въ твоихъ изысканіяхъ: то приступай съ дерзновеніемъ къ сему гробу величайшаго Свидѣтеля и Творца истины; лобызай язвы, понесенныя за истину, и почерпай мужество на новые подвиги для истины. Любя ее здѣсь, ты пріимешь за нее и отъ нея все на небѣ; будешь представленъ туда, гдѣ одна истина, одинъ свѣтъ, одна радость. Но если святая истина въ занятіяхъ твоихъ служитъ токмо средствомъ къ достиженію другихъ земныхъ цѣлей; если ты съ равнымъ усердіемъ готовъ защищать ложь, для тебя выгодную; если плодомъ твоихъ изысканій были одни сомнѣнія, превращеніе умовъ, возмущеніе совѣстей; если ты готовъ издѣваться надъ истиною, потому что она, какъ Іисусъ предъ Иродомъ, кажется тебѣ странною: то удались отъ сего гроба — святое *буйство* (1 Кор. 1. 23) креста не по тебѣ: твое мѣсто не здѣсь, а во дворѣ Ирода!

Нужно-ли глашать всѣхъ по имени? Каждый, кто носитъ имя христіанина, стань у гроба сего и дай отчетъ. Ты крестился въ смерть Христову; ты облекся въ бѣлую одежду заслугъ Христовыхъ; ты пріялъ обрученіе святаго Духа; сочетался навѣки Христу, отрекшись міра, діавола и всего служенія его. Какъ исполняешь все сіе? Гдѣ невинность и духъ? Гдѣ вѣра и вѣрность? Яви теперь у гроба сего, что ты: ученикъ или предатель, другъ или навѣтникъ? Если ты всю жизнь проводишь такъ, какъ бы не вступалъ ни въ какое обязательство съ своимъ Спасителемъ; если дѣйствуешь во всѣхъ случаяхъ, какъ бы для тебя не было ни суда, ни вѣчности: то зачѣмъ являешься теперь здѣсь? Для чего возмущаешь смертный покой Божественнаго Страдальца? Кое причастіе сему кресту и твоему Веліару? Кое общеніе сему гробу и твоей мамонѣ? У тебя есть другія божества, иди, поклоняйся имъ; у тебя есть другія язвы,—иди, лобызай ихъ.

Такъ, братія, у гроба Христова мѣсто токмо невинности или покаянію. Души вѣрныя Господу, Іосифы, Никодимы, Саломіи, Магдалины, явитесь! Се ваше мѣсто, се вашъ часъ! Божественному Страдальцу нужна плащаница: облеките Его вашими святыми помыслами; Ему нужна смирна: представьте ваши молитвы. Ангелы Божіи, явитесь и смѣните насъ, недостойныхъ стрещи великую стражбу!

Digitized by Google

Но, братія, земные ангелы, подобно небеснымъ, всегда на божественной стражѣ; они всегда носятъ *на себѣ язвы своего Господа* (Гал. 6. 17); самый животъ ихъ всегда *сокровенъ со Христомъ въ Богѣ* (Кол. 3. 3). Что речемъ о самихъ себѣ? Какъ согласимъ нашу нечистоту съ неприступностію сего священнаго мѣста? Дерзнемъ ли приблизиться къ гробу Жизнодавца? Но лобызаніе нечистыми устами не будетъ-ли новою язвою для пречистаго тѣла? Дерзнемъ-ли, гонимые неправдами нашими, оставить лежащаго во гробѣ Господа? Но къ *кому идемъ* (Іоан. 6. 68)? *Нѣсть инаго подъ небесемъ, о немъ же подобаетъ спастися* (Дѣян. 4. 12), кромѣ имени Его всеосвящающаго. Что же сотворимъ, братія? Сотворимъ то, что сдѣлалъ Петръ, отвергшійся Господа. Исшедши изъ сего храма, удалившись отъ сего гроба, въ какомъ-либо святомъ уединеніи омоемъ горькими слезами прежнія неправды наша и дадимъ обѣтъ не отвергаться впредь Господа и святаго закона Его. Послѣ таковаго покаянія, Господь не отвергнетъ и насъ, и если не предастъ намъ, какъ покаявшемуся апостолу, ключей, то не заключитъ, по крайней мѣрѣ, отъ насъ дверей царствія. Аминь.

Иннокентій.

Слово въ недѣлю Православія.

Если бы кто изъ непочитающихъ св. иконы принялъ трудъ быть свидѣтелемъ настоящаго нашего богослуженія и видѣть, что совершается нынѣ въ храмахъ нашихъ въ честь св. иконъ, то, вѣроятно, не усумнился бы признать, что нельзя оказать имъ почтенія болѣе того, какъ оказывается нами. Ибо мы не только воспѣваемъ нынѣ въ честь святыхъ иконъ множество пѣсней хвалебныхъ; не только износимъ ихъ съ торжествомъ на среду храма и совершаемъ предъ ними благоговѣйное поклоненіе; но и возглашаемъ, наконецъ, грозную анаѳему противъ тѣхъ, кои дерзаютъ, по неразумію, сравнивать св. иконы съ истуканами языческими.

Но, братіе мои, среди нашего торжества въ честь св. иконъ, мнѣ слышится нѣкая жалоба на насъ отъ сихъ же св. иконъ. Возносится она, правда, не изъ храмовъ, а изъ домовъ, и притомъ не всѣхъ; но жалоба св. иконъ, откуда бы она ни проис-

Digitized by Google

ходила, стоитъ быть выслушанною, особенно въ день настоящій.

Въ чемъ состоитъ она?—Въ томъ, отвѣчаютъ св. иконы, что изъ нѣкоторыхъ христіанскихъ домовъ мы уже вовсе изгнаны; а въ нѣкоторыхъ, хотя и остаемся до времени, но приведены въ такое стѣсненное положеніе, что почти лучше намъ не быть въ нихъ, дабы избавить и себя отъ униженія, и владѣльца дома отъ тяжести, которую мы составляемъ для него.

Хотя жалоба отъ св. иконъ могла бы быть принятою и уваженною безъ особеннаго предварительнаго разслѣдованія; но чтобы явить совершенное безпристрастіе, пойдемъ въ сіи домы—взойдемъ, напр., въ этотъ. Но, тутъ, кажется, должно быть противное, ибо домовладыка любитъ изображенія: ими увѣшаны всѣ стѣны, даже мнимыя побѣды надъ нами Галловъ нашли тамъ себѣ, и не малое, мѣсто. Ужели не найдется его тутъ хотя для одной св. иконы? Увы, смотрю во всѣ стороны и не нахожу ни одной! Что значило бы это? Не перемѣнилъ ли хозяинъ дома своей вѣры? Нѣтъ, онъ по прежнему пишется Православнымъ Христіаниномъ. Такъ, можетъ быть, у него недостатокъ въ иконахъ... Но, кто пріобрѣлъ десять Наполеоновъ, тотъ могъ пріобрѣсть одного Спасителя или Матерь Его... Навожу справку: оказывается, что многими иконами снабдило хозяина дома еще благочестіе предковъ его. Куда же онѣ дѣвались?—проданы или сокрыты. Отъ чего и для чего?—потому, что недавно послѣдовало строгое запрещеніе имѣть, тѣмъ паче показывать въ домѣ св. иконы. Отъ кого? Отъ новой повелительницы—моды... Ей, всевластной, не угодно видѣть въ домахъ иконъ,—и ихъ нѣтъ!

Горе сему дому—моды! Не долго цвѣсти и стоять ему твердо съ ея преспещреннымъ ликомъ!...

Пойдемъ въ другой дворъ, напр., вотъ въ этотъ.—Есть ли въ семъ домѣ св. иконы?—Есть и не мало. Укажите же, гдѣ онѣ?—Вотъ тамъ.—Но ихъ не видно.—Подойдите ближе, присмотритесь и увидите. Точно, это икона; но что значитъ такая ея малость? Скудость способовъ хозяина дома? Всего менѣе: его домъ похожъ на чертоги владѣльческіе. Недостатокъ мѣста въ помѣщеніи? Но его, явно, стало бы не на одну икону. Тайна въ другомъ: хотятъ имѣть иконы,—чтобы не показаться вовсе отставшими отъ св. обычая предковъ,—но имѣть въ та-

Digitized by Google

комъ видѣ, чтобы это, какъ говорится, не бросалось въ глаза. Но, что же худаго, если св. икона будетъ замѣтна? О, вы не знаете, это значило бы подвергнуться крайней опасности. Отъ кого? отъ той же всевластной повелительницы, моды. Малую, непримѣтную икону, она еще можетъ стерпѣть и покрыть своимъ великодушіемъ, а большой, замѣтной, уважаемой—этого преступленія она не проститъ никогда. Имѣющаго такую икону тотчасъ, безъ суда и справокъ, почтутъ и провозгласятчч еловѣкомъ худаго тона, не знающимъ вкуса, не умѣющимъ жить въ свѣтѣ. Что же послѣ сего долго думать? Прочь прежнія, большія, видимыя иконы! Надѣлаемъ малыхъ, невидимыхъ! Мы—люди образованные!..-

Судите послѣ сего сами, братіе мои, есть ли причина подозрѣвать, что и у насъ не безъ нѣкоего гоненія на св. иконы. Не трудно видѣть и гдѣ источникъ его, и кого должно назвать у насъ врагомъ св. иконъ. Это не человѣкъ какой нибудь, какъ бывало прежде во времена иконоборства, а одно пустое и праздное имя, праздное, но ужасное по своему дѣйствію на тѣхъ, кои не имѣютъ и столько, не говоримъ усердія къ вѣрѣ и св. церкви, а простой и обыкновенной твердости духа, чтобы не убояться стать противъ моды...

Что же намъ дѣлать? Поелику нынѣ день суда церковнаго; то, призвавъ на помощь здравый смыслъ, не усумнимся произнести хотя краткое сужденіе касательно сего предмета,—не съ тѣмъ, чтобы осуждать и упрекать кого либо, а чтобы предоставить случай нѣкоторымъ, не до конца ослѣпленнымъ модою, возвратиться изъ добровольнаго, и потому самому еще болѣе постыднаго, плѣна ея.

Скажи намъ, всевластная повелительница—мода, что̀ сдѣлали тебѣ св. иконы, что ты такъ враждуешь противъ нихъ? Отнимали у тебя въ жилищахъ православныхъ христіанъ мѣсто, предназначенное тобою для чего-либо тебѣ нужнаго? Но мѣсто, которое занималось иконами, при всей изобрѣтательности твоей, доселѣ остается пусто, и ты ничѣмъ не можешь занять его съ приличіемъ. Значитъ, ты враждуешь противъ св. иконъ напрасно. Или, можетъ быть, присутствіе на своемъ мѣстѣ св. иконъ отняло бы часть совершенства у твоихъ украшеній комнатныхъ, придуманныхъ по послѣднему вкусу? Но что препят-

Digitized by Google

ствуетъ сей же самый вкусъ приложить благоговѣйно къ размѣщенію и украшенію св. иконъ? Тогда онѣ, кромѣ назиданія, послужили бы еще къ полнотѣ благолѣпія, о коемъ столько у тебя заботы. Или, можетъ быть, ты, домовладыка, опасаешься, что какой нибудь иновѣрецъ изъ иконъ въ домѣ твоемъ заключитъ, что ты почитаешь св. иконы и принадлежишь къ церкви православной? А кто же изъ иновѣрцевъ и безъ того не знаетъ о семъ? Для избѣжанія сей опасности (если она существуетъ для тебя), надобно было бы оставить не иконы, а самую вѣру и церковь. Или, наконецъ, не боишься ли, чтобъ кто либо, среди увеселеній, бывающихъ въ чертогахъ твоихъ, не остановилъ своего взора на св. иконѣ, и не опустилъ потомъ очей долу? А развѣ не бываетъ сего и отъ другихъ причинъ? Какъ бы ни умножалъ ты трубы и тимпаны, не можешь удалить сихъ причинъ отъ души человѣческой. Потерпи же на ряду съ другими и благое впечатлѣніе отъ св. иконъ, кои, можетъ быть, твоего же сына или дочь въ подобномъ случаѣ оградятъ невидимо отъ паденія душевнаго.

Какъ вамъ, братіе, а мнѣ, сколько я ни думаю, кажется, что причинъ къ удаленію и даже къ умаленію св. иконъ въ домахъ нашихъ нѣтъ; съ другой стороны, сколько побужденій къ возстановленію ихъ въ прежнемъ надлежащемъ видѣ! Ибо, скажи намъ еще, мода, давно ли ты появилась на свѣтъ и захватила въ свои нечистыя руки скиптръ домашняго самодержавія? Вся твоя жизнь исчисляется немногими десятками лѣтъ; а св. иконы существуютъ у насъ отъ начала христіанства. Какъ же ты, малолѣтнее и малограмотное дитя, не устрашишься священныхъ сѣдинъ тысячелѣтняго старца? И не ты ли претворяешь въ себѣ любовь къ древности и всякой, тѣмъ паче отечественной, роешься съ примѣрнымъ терпѣніемъ подъ землею, дабы достать, какъ сокровище, то, что за нѣсколько вѣковъ брошено было, можетъ быть, на землю, какъ негодное къ употребленію? Не слѣдовало ли бы тебѣ уже по одному этому хранить благоговѣйно св. иконы, предъ коими молились, и въ часы счастія и въ годину искушеній, отцы и праотцы наши? Далѣе, мода—скажи намъ, кого когда спасла ты и отъ какой избавила опасности? Гдѣ царство, тобой устроенное? Гдѣ домъ, отъ тебя процвѣтшій? Многіе, напротивъ, погибли и, вѣроятно,

Digitized by Google

еще множайшіе погибнутъ отъ твоихъ прихотей. Посмотри же что сдѣлали св. иконы? Икона суда страшнаго обратила великаго князя Владиміра, и съ нимъ всю Россію, отъ идоловъ къ Богу истинному; икона Спасителя доставила Андрею Боголюбскому побѣду надъ болгарами; икона Знаменія Богоматери защитила беззащитный Новгородъ; икона Богоматери Владимірскія обратила вспять Тамерлана съ его воинствомъ; икона Богоматери Казанской избавила царствующій градъ Москву отъ плѣна литовскаго и спасла Россію. Видишь ли, мода, что ты сдѣлала? А мы тотчасъ можемъ указать тебѣ на домы, прежде цвѣтущіе, а теперь, по милости твоей, покрытые стыдомъ и бѣдностію;—на семейства, прежде мирныя и благословенныя, а теперь, отъ рабства тебѣ, дошедшіе до того, что сынъ возстаетъ на отца, братъ не можетъ видѣть сестры.

Но что спорить съ бездушнымъ словомъ и убѣждать вѣтръ? Обратимся къ владыкѣ дома.

И такъ, ты, возлюбленный, стыдишься показать въ твоемъ домѣ св. икону; а матерь твоя не стыдилась, когда, рождая тебя, для облегченія мукъ смертныхъ, взирала на св. икону и поручала тебя въ охраненіе ей на всю жизнь. Ты стыдишься теперь показать въ своемъ домѣ св. икону, а въ ту ужасную минуту, когда все оставляло тебя и ты казался погибающимъ, не ты ли становился предъ нею на колѣна, со слезами просилъ Бога о помощи, и давалъ обѣты вести себя по-христіански? Стыдишься въ своемъ домѣ показать св. икону; а не она ли, эта икона, теперь заброшенная во мракъ, станетъ у главы твоей на стражѣ, когда ты будешь лежать во гробѣ—мертвъ и бездыханенъ?

Не продолжимъ пренія—дѣло ясно; справка вѣрна; свидѣтели съ обѣихъ сторонъ выслушаны; возраженія разсмотрѣны: остается произнести судъ. Куда клонится ваше мнѣніе? На сторону моды или св. иконъ? Избирайте, что хотите. Не могущій выйти изъ плѣна моды, пусть лобызаетъ ея узы; а мы начнемъ сейчасъ же покланяться съ благоговѣніемъ св. иконамъ и лобызать съ любовію изображенія Спасителя нашего и Его Пречистыя Матери. Аминь.

Иннокентій.

Digitized by Google

Слово о гласѣ вопіющаго въ пустынѣ и на воспоминаніе происшествій 1812 года.

Гласъ вопіющаго въ пустыни: уготовайте путь Господень, правы творите стези Его (Марк. 1, 3.).

Блаженная пустыня, въ которой слышенъ столь вожделѣнный гласъ! Вожделѣнный гласъ, которымъ возвѣщается приближеніе Господа! Ибо если повелѣвается *уготовать путь Господень и правы творить стези Его въ пустыни*: то, конечно, Господь не далекъ отъ нея и желаетъ посѣтить ее. Посему-то и пророкъ Господень привѣтствуетъ ее радостію и веселіемъ: *радуйся, пустыня жаждущая, да веселится пустыня, яко кринъ* (Исаіи 35, 1).

Что передъ сею пустынею и гласомъ ея, хотя, впрочемъ, не столько глаголющимъ въ мірѣ, сколько *вопіющимъ* въ трепетномъ благоговѣніи,—что предъ ними молва и смятеніе человѣческихъ обществъ, что шумъ и разсѣянность города, который едва ли гдѣ и когда бываетъ лучше, нежели какими видѣлъ его пустынелюбивый царь: *видѣхъ беззаконіе и прекаканіе во градѣ; днемъ и нощью обыдетъ его по стѣнамъ его; беззаконіе и трудъ посредѣ его и неправда; и не оскудѣ отъ стогнъ его лихва и лесть* (Псал. 54, 10—12). И кто не пожелаетъ съ Давидомъ *удалиться бѣгая, и водвориться въ пустыни*, такъ чтобы тамъ *чаять Бога*? (8). Кто изъ тѣхъ самыхъ, которые любятъ находить препятствія въ исканіи Бога, не возскорбитъ, по крайней мѣрѣ, о томъ, что не можетъ исторгнуться отъ *суеты и крушенія духа* и не имѣетъ *крилъ, яко голубиныхъ, да полетитъ и почіетъ?*

О если-бы Господь даровалъ намъ нынѣ, хотя на краткое время, снити внимательно мыслію въ лежащую предъ лицемъ Его *пустыню*, пріять сердцемъ *гласъ* предваряющій благодати Его, да въ умиленіи подвигнемся на *уготованіе пути* Его!

Гласъ вопіющаго въ пустыни: уготовайте путь Господень, правы творите стези Его.

Когда Евангеліе, дабы обратить очи ваши на путь Госпо-

Digitized by Google

день, оглашаетъ васъ *гласомъ пустыни*, да не возмнитъ кто изъ васъ, христіане граждане, будто васъ хотятъ безъ различія похищать изъ жизни общественной и влещи къ Іоанну Крестителю въ нѣкую ненаселенную страну іорданскую. Пророкъ, издалеча слышавшій и предвозвѣстившій *гласъ вопіющаго въ пустыни*, явленный во Іоаннѣ, безъ сомнѣнія, имѣлъ предъ очами нѣчто болѣе, нежели одну іорданскую пустыню. *Всякая дебрь наполнится, и всякая гора и холмъ смирится; и будутъ вся стропотная въ право и острая въ пути гладки*, и—потомъ—*явится слава Господня* (Ис. 40. 4—5); такъ изображаетъ Исаія преображеніе своей пустыни. Но пустыня Іоаннова и явленіе Господа Іисуса, и послѣ оставалась также дикою, какъ была прежде.

Какая-же то пустыня, въ которой пророкъ слышалъ гласъ, возвѣщающій приближеніе Господа? Вотще потерялись бы мы въ разнообразіи временъ невозвратныхъ и мѣстъ недосягаемыхъ для обрѣтенія оныя. Напротивъ, она не столько удалена, сколько непримѣчаема, и усматривается чрезъ восхожденіе отъ чувственнаго къ духовному, отъ человѣческаго къ божественному. Что есть пустыня, въ обыкновенномъ понятіи человѣческомъ, для ока чувственнаго? Мѣсто необитаемое и невоздѣлываемое человѣками, хотя-бы оно было исполнено звѣрей и другихъ живущихъ тварей. Отселѣ да разумѣемъ, что есть пустыня для взора духовнаго, для ока Божія? Когда страсти, свойственныя естеству звѣрей, и пожеланія скотскія, возобладавъ человѣкомъ, удаляютъ отъ него всякую духовную мысль, всякое чистое желаніе, всякое благое дѣло, и, такъ сказать, опустошаютъ высшую область его природы—что тогда есть душа его, какъ не пустыня дикая? Но когда число таковыхъ животныхъ человѣковъ столь велико, что весь составъ человѣчества, по слову Божію, есть *плоть* (Быт. 6, 3), совершенные же духовные человѣки рѣже на землѣ нежели класы, остающіеся на пожатой нивѣ: то что есть и цѣлый міръ предъ очами *Отца духовъ* (Евр. 12, 9), какъ не безплодная пустыня? Наконецъ, когда самый градъ Божій на землѣ оскудѣваетъ сынами вышняго Іерусалима и попирается язычниками; когда избранный вертоградъ Возлюбленнаго приноситъ, вмѣсто гроздія, терніе; когда люди Господни *оставляютъ источники воды живыя*—Господа, чтобы *ископати себѣ кладенцы*

Digitized by Google

сокрушенные (Іер. 2, 13), возмущаютъ или преграждаютъ чистый токъ небесной истины, но потомъ истаяваютъ неутолимою жаждою надъ горькими потоками земной мудрости: что тогда самая церковь, какъ не пустыня жаждущая?

И въ сіи-ли неустроенныя, оставленныя, непроходныя пустыни пролагаетъ Себѣ путь Господь славы и велелѣпоты? Исходитъ отъ блаженныхъ селеній небесныхъ и грядетъ посѣтить землю, грѣхомъ и проклятіемъ опустошенную? Оставляетъ сыновъ дома Своего, чистыхъ духовъ, питающихся свѣтомъ лица Его, и поспѣшаетъ обрѣсти овча Своего стада, заблуждающее отъ Него въ горахъ и дебряхъ? Такъ! *Господь*, который самый *потопъ населяетъ* (Пс, 18, 10), не хощетъ предать конечному запустѣнію ни единаго угла Своего безпредѣльнаго владычества; единородный Сынъ Божій единою рукою въ славномъ *дому* Отца Своего уготовляетъ *обители* для упокоенія спасаемыхъ, другою зиждетъ *скинію въ пустынѣ* для спасительнаго прибѣжища погибающихъ. И здѣсь явится слава благодати Его: только всякое ниспаденіе въ чувственность да удержится; всякое возношеніе гордости да низложится; закоснѣніе въ неправдѣ собственной да не препятствуетъ открыться правдѣ Божіей; терніе и каменіе—злоба и ожесточеніе—да не препинаютъ мирнаго шествія любви божественной: *всякая дебрь да наполнится, и всякая гора и холмъ смирится, и будутъ вся стропотная въ право, и острая въ пути гладки, и—явится слава Господня.* Воздвигнитесь убо, работающіе міру неблагодарному, воздвигнитесь отъ него тайнымъ шествіемъ, подобно какъ древніе израильтяне отъ Египта; обратитеся и воззрите очами духа на лице пустыни—въ васъ и окрестъ васъ—ожидающей своего посѣщенія и обновленія; видите ея сѣтующій образъ; провидите славу, ей обѣщаемую; *и аще услышите гласъ Господа, сотрясающаго пустыню* (Псал. 28, 8), *не ожесточите сердецъ вашихъ* (Псал. 94, 8); *путесотворите шествующему по пустынямъ* (Псал. 67, 5).

Но кто можетъ сказать, что не слышалъ сего страшнаго иногда, однако тѣмъ не менѣе милосердаго гласа? Гласъ Іоанна Крестителя, призывающій къ покаянію и возвѣщающій приближеніе царствія Божія, не есть единственный *гласъ вопіющаго въ пустыни*, но повтореніе многократныхъ и продолженіе непрерывныхъ подобныхъ гласовъ. Еще тогда, какъ человѣкъ, услы-

Digitized by Google

шавъ *гласъ Господа Бога, ходяща въ рай*, сокрылся въ первый разъ отъ лица Его и такимъ образомъ открылъ первую *пустыню* въ самомъ раю, тогда-же услышался и первый *гласъ въ пустыни: гдѣ еси?*—гласъ, который оттолѣ, въ безчисленныхъ отголоскахъ, несется по всѣмъ мѣстамъ и временамъ, и пронесется до самой вѣчности, взыскуя погибающихъ въ удаленіи отъ Господа. Если бы не одебелѣло сердце людей сихъ; если бы не тяжко слышали они ушима и не смежали очей своихъ, то всѣ чувства ихъ непрестанно наполнялъ бы гласъ благодати, предваряющей и призывающей къ обращенію и спасенію: гласъ отвнѣ—возглашающій въ видимой природѣ; извнутрь—исходящій изъ глубины души; гласъ свыше—нисходящій въ божественномъ откровеніи; гласъ долу—отражающійся въ происшествіяхъ міра, движимыхъ перстомъ Господа и дуновеніемъ устъ Его.

Гласъ въ природѣ. Если онъ мало слышимъ, то потому самому, что непрестающъ. Привычка слышать его притупила вниманіе, и его равномѣрность показалась безмолвіемъ. Безбожникъ исповѣдалъ-бы Бога, воззрѣвъ на небеса и услышавъ вѣщаніе ихъ, если-бы не родился подъ ними; каменное сердце разсѣлось-бы отъ стенаній земли, проклятой въ дѣлахъ человѣка, если-бы всѣмъ бытіемъ своимъ не было погружено въ сіи стенанія прежде нежели ощутило само себя. *Небеса*, говоритъ одинъ изъ имѣющихъ уши слышати, *небеса повѣдаютъ славу Божію* такъ, что *не суть рѣчи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи ихъ* (Псал. 18, 2—4), т. е. нѣтъ языка или нарѣчія, на которомъ бы само собою не выражалось ихъ проповѣданіе. Другой среди сихъ торжественныхъ гласовъ твари, славословящей премудраго Творца, открываетъ болѣзненныя воздыханія *твари, повинувшейся суетѣ: вѣмы*, говоритъ, *яко вся тварь совоздыхаетъ и соболѣзнуетъ даже донынѣ* (Рим. 8, 22). Сіи совокупные гласы и воздыханія твари: гласъ отъ источника первоначальнаго въ мірѣ блага и воздыханіе изъ бездны произникшаго зла, гласъ небеснаго порядка и воздыханіе земнаго нестроенія, гласъ жизни и воздыханіе смерти, гласъ всеобщаго сохраненія и воздыханіе всеобщаго истлѣнія, не суть-ли, для разумѣвающихъ, нѣкій *гласъ вопіющаго въ пустыни* или вопль самой всемірной пустыни, отовсюду гласящей человѣку: «кто, кромѣ тебя, могъ внести зло въ твореніе Всеблагаго? Не ты-ли,

Digitized by Google

будучи поставленъ ихъ владыкою, содѣлался ихъ поработителемъ? Не ты-ли превратилъ царство благолѣпія въ безобразную пустыню и окрестъ плодовъ жизни посадилъ терніе и волчцы? Доколѣ убо и страждешь самъ, и съ собою оставляешь *всю тварь воздихать и соболѣзновать?* Доколѣ не обратишься всѣмъ существомъ твоимъ, да съ тобою приблизится и все владычество твое къ единому Виновнику всякаго блага и совершенства, отъ котораго ты удалился, но который еще столь видимо къ тебѣ приближается отвсюду и Своею славою и Своими щедротами? Доколѣ *не уготовляешь пути Господня, и правыхъ не творишь стезей Его?»* Боже мой! Если-бы единый мгновенный вздохъ цѣлыя Твоея твари могъ быть измѣренъ внѣшнимъ чувствомъ, сколько бурь и громовъ онъ-бы составилъ! Но вся тварь непрестанно воздыхаетъ къ нашему сердцу, неумолимо вопіетъ къ уму, и мы не слышимъ, и еще веселимся ея страданіемъ и разрушеніемъ!

Гласъ изъ глубины души. Сей, можетъ быть, еще менѣе слышенъ, нежели гласъ внѣшней природы, потому что и болѣе тонкаго требуетъ чувства, и болѣе глубокаго вниманія. Хотя, безъ сомнѣнія, никто не можетъ лучше *вѣдать, яже въ человѣцѣ, какъ духъ человѣка, живущій въ немъ* (1 Кор. 2. 11); но духъ сей нерѣдко уподобляется такому домовладыкѣ, который проводитъ большую часть времени въ открытыхъ храминахъ своего дома, замѣчаетъ мимоходящихъ, пріемлетъ посѣщающихъ, собесѣдуетъ, пиршествуетъ, а тайную клѣть свою едва посѣщаетъ, какъ чуждую гостинницу, не знаетъ сокровищницы своей и всѣ попеченія домостроительства возлагаетъ на рабовъ и наемниковъ. Мы живемъ, по большей части, во внѣшнихъ чувствахъ; заботимся о преходящихъ удовольствіяхъ; мудрость міра, страсти, пожеланія управляютъ нашею дѣятельностію: между тѣмъ, что происходитъ въ душѣ нашей, что скрывается въ таинственной глубинѣ ея, не вѣдаемъ и болѣе стараемся познать другихъ, нежели самихъ себя; отверзаемъ всѣ возможные исходы изъ самихъ себя и ни единаго входа внутрь себя. Блаженъ, кто умѣетъ, по примѣру Давида, собирать всѣ свои силы въ ту невѣдомую страну природы человѣческой, которая сопредѣльна съ вышними областями духовнаго и божественнаго, тамъ *открывать ко Господу путь свой* (Псал. 36. 5) и ожидать исходящей отъ лица Его судьбы своей: *услышу, что речетъ о мнѣ Господь Богъ!* Съ

Digitized by Google

сей непостижимой для разумѣнія высоты нисходятъ въ сердце вѣрующее и любящее живѣйшія внушенія благодарныхъ ощущеній: *яко речетъ* Господь *миръ на люди своя и на обращающія сердца къ Нему* (Псал. 84. 9). Но и когда сей *миръ Божій, превосходяй всякъ умъ* (Фил. 4. 7), еще не посѣтилъ насъ, и тогда не также-ли удобно или не паче ли еще свойственно гласу Господню достигать до насъ прямымъ путемъ духа и сердца, нежели окрестною стезею чувствъ и плоти? Не испытали-ль мы уже иногда, въ минуту внутренней тишины, когда утомленныя суетою мысли возвращаются отъ своего разсѣянія, когда пресыщенныя желанія отрѣшаются отъ своихъ предметовъ, и мы нечаянно начинаемъ *внимать себѣ* (1 Тим. 4. 16),—не испытали-ль мы въ такое время нѣкой пустыни въ духѣ, нѣкой туги въ сердцѣ, въ которыхъ таится глубокое и непрестанное воздыханіе? Наблюдайте постояннѣе за симъ скрытнымъ ощущеніемъ; заключайтесь чаще отъ мірскаго шума, оное заглушающаго, во внутреннюю храмину души вашей; заграждайте тщательнѣе всѣ исходы къ разсѣянію: вы узнаете во внутреннемъ воздыханіи вашемъ то самое, которому совоздыхаетъ вся тварь; мало по малу оно будетъ разрѣшаться то въ терзающее *рыканіе* (Псал. 37. 9), яко льва, то въ умягчающее стенаніе, яко горлицы и, наконецъ, вы услышите истинный *гласъ вопіющаго* во внутренней вашей *пустыни*, возвѣщающій вамъ, что хожденіе въ стропотныхъ путяхъ міра и плоти только уязвляетъ и утомляетъ душу вашу; что вы напрасно расширяете для нея стези ея изгнаническаго странствованія, по которымъ она только болѣе удаляется отъ отечества небеснаго; что для нея должно искать пути возвращенія къ Отцу Небесному и спасительнаго посѣщенія свыше, *уготовлять путь Господень и правы творить стези Его.*

Гласъ въ откровеніи. Между тѣмъ, какъ большая часть человѣковъ день отъ дня тягчае слышали ушима, да не услышатъ всеобщаго воздыханія твари о свободѣ чадъ Божіихъ, и часъ отъ часу болѣе одебелѣвало ихъ сердце, да не уразумѣютъ глаголовъ сего самаго сердца, которое *взыскуетъ лица твоего, Господи* (Псал. 26. 8), Ты, не хотяй смерти закоснѣвающаго даже грѣшника и неистощимый въ средствахъ къ обращенію его, подвизался Самъ, *да явленъ будеши не ищущимъ Тебѣ, и обрящешися не вопрошающимъ о Тебѣ* (Ис. 65. 1). Отъ времени до вре-

Digitized by Google

меня, Ты открывалъ ухо избраннымъ Твоимъ, исполнялъ духъ ихъ животворящимъ словомъ Твоимъ и устроялъ ихъ яко трубами Твоего гласа и устами Твоего глаголанія къ сынамъ человѣческимъ на языкѣ сыновъ человѣческихъ. *Многочастнѣ и многообразнѣ глаголалъ еси отцемъ во пророцѣхъ; въ послѣдніи дній сихъ глаголалъ намъ въ Сынѣ* (Евр. 1. 1—2); отселѣ съ новымъ обиліемъ *изліялъ отъ Духа Твоего* на апостоловъ, да *пророкутъ*, и чрезъ нихъ донынѣ продолжаешь изливать оный *на всякую плоть* (Іоил. 2. 23). Не знаемъ, Твою-ли благость безпредѣльную и непостижимую премудрость должны мы единственно прославить за постепенное распространеніе Твоихъ видимыхъ съ нами общеній, или, въ то-же время, обязаны сознать умножающееся въ насъ невниманіе и ожесточеніе, востребовавшее крайнихъ усилій противоборствующихъ: только сокровище торжественныхъ Твоихъ откровеній, тысящелѣтіями собираемое, никогда не являлось и толико исполненнымъ и толико для всѣхъ открытымъ, какъ въ сію *послѣднюю годину* (1 Іоан. 2. 18). *Слово, еже завовѣдалъ еси съ нами*, отъ вѣка, *Духъ твой*, облеченный священнымъ письменемъ, *настоитъ посреди насъ* (Агг. 2. 6); оглашаетъ во храмахъ, собесѣдуетъ въ домахъ; и тогда какъ въ служеніе слова призываются толико нищіе дарами апостольства, Ты положилъ въ сердце любящихъ Тебя, да вновь самихъ апостоловъ—въ ихъ писаніяхъ—сопроводятъ по градамъ и весямъ, по чертогамъ и хижинамъ, и такимъ образомъ во всемъ пространствѣ исполнится сказанное: *проповѣстся сіе Евангеліе царствія по всей вселенный* (Матѳ. 24. 14). Теперь *гласъ* или, лучше, совокупность гласовъ, по временамъ, по мѣстамъ *вопіявшихъ въ пустыни*, гласъ, не только возвѣщающій, но и являющій приближеніе Твое, не возбуждающій только ужасъ пустыни, но и утѣшающій благодатію ея посѣщенія, не указующій только *стези потная и острая*, но и наставляющій *уготовлять путь* Твой и *правы творити стези* Твои, поставляющій насъ *рабами*, *ходящими Господа своего, и дѣвами*, уготовляющимися *во срѣтеніе жениху*, сей живый и животворящій гласъ уже простирается и горамъ отдаленнѣйшимъ и достигаетъ въ глубочайшія *дебри*. Тамъ вѣси, Господи, не конецъ ли уже великой всемірной проповѣди мы слышимъ: *проповѣстся сіе Евангеліе царствія по всей вселенный, во свидѣтельство всѣмъ языкомъ, и тогда пріидетъ кон-*

Digitized by Google

чина. Ты единъ зриши въ сей мрачной полунощи, не время ли уже *быти воплю: се Женихъ грядетъ, исходите во срѣтеніе Его!* (Матѳ. 25. 6).

Гласъ въ происшествіяхъ міра. Поелику всякое *слово Божіе живо и дѣйственно* (Евр. 4. 12), и все сущее и дѣйствуемое въ мірѣ *носимо глаголомъ силы* Божіей (Евр. 1. 3), то несомнительно, что во всѣхъ происшествіяхъ міра, поколику они суть дѣйствія Провидѣнія, заключенъ глаголъ Божій, и въ особенности въ происшествіяхъ, дѣйствующихъ на человѣка—глаголъ Божій, простирающійся къ человѣку. Опытъ и благоговѣйное вниманіе къ дѣламъ промысла или, точнѣе, самъ Промыслитель міра отечески вводитъ чадъ Своихъ въ познаніе сего непреложнаго языка случайныхъ, по видимому, событій: и чада не отвергающія наказанія Отча, разумѣваютъ, какъ благоденствіе возвѣщаетъ имъ любовь и милосердіе Божіе; искушенія и внезапныя избавленія поучаютъ вѣрованію и упованію на Провидѣніе; бѣдствія обличаютъ грѣхъ и призываютъ къ покаянію: лишенія временныхъ благъ и наружныхъ преимуществъ проповѣдываютъ смиреніе и самоотверженіе; препятствія и преткновенія въ путяхъ міра и плоти призываютъ на путь Господень. Но если кто еще не слышитъ или не узнаетъ тихаго гласа Божія въ приключеніяхъ собственной жизни, да не затворитъ, по крайней мѣрѣ, слуха и сердца отъ тѣхъ всемірныхъ гласовъ судебъ, которые вдругъ поражаютъ племена и народы, наполняютъ вѣки, потрясаютъ небомъ и землею. *Да плачетъ земля, и да помрачится небо* (Іер. 4. 28), взываетъ Богъ у пророка, когда всѣ другіе гласы призыванія, обличенія, сѣтованія, угроженія не могли остановить стремившагося къ своей погибели народа израильскаго. Такъ обыкновенно *глаголетъ* Богъ *суды Своя* къ языкамъ преогорчевающимъ. Онъ повелѣваетъ сему небу, которое повѣдаетъ славу Его, проповѣдывать Его гнѣвъ и ярость гласомъ страшныхъ знаменій и тлетворныхъ вліяній; заповѣдуетъ сей землѣ, которая отъ года до года износитъ Его благословенія, вознести стенанія глада и шумъ нестроенія; обрушиваетъ грады и царства, дабы громомъ паденія ихъ пробудить спящихъ въ безчувственномъ забвеніи о Немъ: все превращаетъ въ пустыню тамъ, гдѣ *мерзость запустѣнія* (Матѳ. 24. 15) проникла до самаго святилища; но все токмо для того, чтобы, погубляя путь нечестивыхъ, расширить

Digitized by Google

и очистить пространство, да *уготовится путь Господень, и правы сотворятся стези Его!*

Гласъ Господень въ крѣпости! Гласъ Господень въ великолѣпіи (Псал. 28. 4). Казалось-бы, христіане, что намъ нельзя и почить отъ множества, силы и непрестаннаго взыванія гласовъ, возбуждающихъ насъ обращаться къ Богу. Однако въ Евангеліи назнаменовано время коснѣнія небеснаго Жениха, въ которое *воздремаша вся* и спаху (Матѳ. 25, 5): и пусть каждый, очистивъ чувствія, испытаетъ окомъ, и слухомъ, и сердцемъ, не все ли окрестъ насъ знаменуетъ сію опасную нощь бездѣйствія и безпечности?

Богъ славы гремитъ (Псал. 28. 3) нынѣ всѣми Своими гласы устъ, и трубъ, и громовъ. Не будемъ говорить о ударахъ, которыми *сотрясаетъ* Онъ всю великую пустыню западнаго христіанства. Слышите-ли вы *гласъ*, недавно возгремѣвшій и еще еще утихающій въ предѣлахъ собственной земли нашей, въ развалинахъ, въ *пустыни* града великаго? Сей болѣзненный и смертный гласъ толь многихъ гражданъ, гласъ разрушенія вѣковыхъ оградъ, гласъ поруганія храмовъ, есть ли только дѣйствіе случайнаго удара? Но рука Провидѣнія не ударяетъ мимо своея мѣты, а сія мѣта назначается премудростію и правосудіемъ. Есть ли сіе одно пораженіе виновныхъ? Безъ сомнѣнія, всевидящимъ судомъ не наказуются невинные: но не *будемъ судіями помышленій злыхъ* (Іак. 2. 4), не осудимъ братій нашихъ паче самихъ себя. Въ общемъ бѣдствіи долженствовали пасть и виновные, которымъ продолженіе жизни послужило-бы токмо къ умноженію ихъ преступленій; но могли, безъ неправосудія, пострадать и невинные, которыхъ бы страданіе болѣ очистило и запечатлѣло мученичествомъ, нечаянная кончина только ускорила привести къ блаженному концу бытія ихъ, и которые, можетъ быть, спасены такимъ образомъ отъ преткновеній, угрожавшихъ имъ въ спокойномъ продолженіи земнаго странствованія. Нѣтъ! посѣщенные тягчайшими бѣдствіями не суть виновнѣйшіе насъ, помиловавшихъ, и ударъ судебъ возгремѣлъ не на однихъ тѣхъ, на которыхъ низведенъ онъ. *Ни, глаголю вамъ, но аще не покаетеся вси, вси такоже погибнете* (Лук. 13. 5). Вотъ гласъ, который Самъ Господь научалъ насъ слышать въ каждомъ бѣдствіи общественномъ. И услышали-ли, уразумѣли-ли, пріяли-ли мы въ ис-

Digitized by Google

стоящихъ происшествіяхъ сіе поученіе Господне? Правда, гласъ помилованія и благоволенія, которымъ огласилъ насъ Господь предъ всѣми языками, свидѣтельствуетъ о множествѣ пріявшихъ гласъ наказанія Его: смиреніе въ признаніи вседѣйствующей надъ нами руки Его и благотворительность къ бѣдствующимъ ближнимъ, распространяемыя посреди насъ дѣйствіемъ сильныхъ примѣровъ, являютъ въ насъ плодъ достойный покаянія. Но такъ-ли сокрушилъ сердца наши крѣпкій гласъ Господень, чтобы *всякая дебрь наполнилась, и всякая гора и холмъ смирились?* Не еще-ли зіяютъ ненасытимыя земныя желанія? Подая требующимъ, отказываемъ-ли мы себѣ хотя въ нѣкоторыхъ излишествахъ? Не слишкомъ-ли поспѣшаемъ заглушать сокрушающій, но вкупѣ и назидающій *гласъ вопіющаго въ пустыни*, шумомъ плещущихъ и веселящихся? Но многое-ли, пробужденное судомъ, уже вновь воздремало подъ сѣнію милости? Блюдемся, о чада помилованія! дабы нерадѣніемъ о богатствѣ благости и долготерпѣнія Божія, толь многочастно и многообразно призывающаго насъ ко обращенію и премѣненію житія, вновь не собирать себѣ гнѣва Божія и не предать себя тягчайшему и конечному суду. Помыслимъ: если нынѣ, во время благопріятно и въ день спасенія, не *уготоваемъ мы пути Господня*, и *не сотворимъ правыхъ стезей Его*, то, когда явится Самъ Онъ, *и отъ лица Его* не токмо горы и холмы, но *побѣгутъ небо и земля*, такъ что *мѣста не обрящется имъ* (Апок. 20. 11), гдѣ мы тогда обрящемся? Аминь.

Филаретъ.

Слово противъ роскоши въ одеждѣ и убранствѣ.

И о одежди что печетеся? Смотрите кринъ сельныхъ, како ростутъ: не труждаются, не прядутъ. Глаголю же вамъ, яко ни Соломонъ во всей славѣ своей облечеся, яко единъ отъ сихъ (Матѳ. VI, 28—29).

Можно предугадать, что говорено будетъ противъ излишнихъ попеченій объ одеждѣ и убранствѣ; и, можетъ быть, при сей догадкѣ, нѣкоторые уже помышляютъ, что сей предметъ слишкомъ малъ для того, чтобы занять вниманіе христіанскаго собранія, въ часъ, назначенный для спасительнаго ученія. Но излишества и въ малыхъ вещахъ не суть малости. Излишество

Digitized by Google

въ пищѣ и питіи въ самомъ началѣ своемъ есть источникъ немощей и болѣзней, а въ своемъ продолженіи можетъ превратиться въ медленное самоубійство. Такъ и вредъ суетныхъ попеченій объ одеждѣ простирается отъ тѣла до души: это уже не малость!

Есть люди, у которыхъ сіи попеченія составляютъ не малую долю ежедневныхъ упражненій и похищаютъ великую часть времени, которое, все безъ остатка, нужно для пріобрѣтенія вѣчности: это никакъ не малость! Кому, не смотря на сіе, поученіе объ одеждѣ и уборахъ кажется малостію: тотъ пусть помыслитъ, могъ ли величайшій подъ солнцемъ учитель учить малостямъ! Не слушайте, если не угодно, малыхъ людей, разсуждающихъ о малостяхъ; но вы не должны оставить безъ вниманія того, чему небесный Учитель насъ поучаетъ.

О одежди что печетеся? Смотрите кринъ сельныхъ, како растутъ: не трудаются, не прядутъ. Глаголю же вамъ, яко ни Соломонъ во всей славѣ своей облечеся, яко единъ отъ сихъ.

Что такое одежда? Въ порядкѣ естественномъ—средство для человѣческаго тѣла отъ разрушительнаго дѣйствія стихій; въ порядкѣ нравственномъ—защита стыдливости; въ порядкѣ гражданскомъ—искусственное прикрытіе членовъ тѣла, приспособленное къ отправленію того или другаго званія общественнаго, и, вмѣстѣ отличительный знакъ званій и степеней, въ нихъ поставленныхъ. Хотя изъ сихъ понятій тотчасъ можно усмотрѣть, что попеченіями объ одеждѣ должны управлять необходимость, скромность, постоянство: впрочемъ, не остановимся на сихъ понятіяхъ, которыя болѣе показываютъ правильное употребленіе одежды человѣками и обществами, нежели ея происхожденіе и первоначальное назначеніе отъ Творца человѣковъ и обществъ человѣческихъ. Съ сего священнаго мѣста можно и должно видѣть далѣе, нежели обыкновенно видитъ міръ и его стихійная мудрость.

Возведите мысли ваши къ первымъ днямъ вселенныя, въ которые человѣческій родъ заключался въ одной четѣ, только вышедшей изъ рукъ Создателя въ совершенной чистотѣ и святости: вы не найдете тамъ никакого слѣда одежды. *Бѣста*, говорит книга Бытія, *оба нага*, *Адамъ же и жена его*, *и не стыдяся* (Быт. II, 25). Можно даже сказать безъ противорѣчія свидѣтельству слова Божія, что они не были и наги, потому что не знали и не ощущали того недостатка, который мы называемъ наготою

Digitized by Google

подобно какъ тотъ не есть еще гладенъ, кто не принимаетъ пищи, но и не чувствуетъ въ ней нужды. Но вкусили прельщенные лукавымъ зміемъ отъ запрещеннаго плода,—*и разумѣша, яко нази бѣша* (Быт. III. 7). Вотъ начало наготы! *И сшиста листвіе смоковное, и сотвориста себѣ препоясанія* (Быт. 3. 7). Вотъ происхожденіе одежды!

И такъ, что̀ есть одежда наша? Она есть произведеніе беззаконія; она есть обязаніе грѣховной раны, и притомъ пустое, безъ цѣлебнаго елея; она есть слабое средство для кратковременнаго сохраненія осужденнаго тѣла отъ дѣйствія стихій, совершающихъ его казнь; она есть прикрытіе нравственнаго безобразія, содѣлавшагося естественнымъ; она есть защита отъ стыда тѣлесной наготы, изобрѣтенная обнаженнымъ въ совѣсти человѣкомъ; она есть видимый знакъ человѣка-преступника; она есть всеобщій и всегдашній трауръ, наложенный раскаяніемъ, по смерти первобытной непорочности; она есть знамя побѣды, которое нашъ врагъ выставилъ наружу, овладѣвъ нашею внутренностію. Что же дѣлаютъ тѣ, которые съ такою заботливостію непрерывъ стараются блистать красотою и великолѣпіемъ одеждъ? Едва ли что-нибудь болѣе, какъ только возобновляютъ и украшаютъ торжество древняго врага человѣческаго рода. Что̀ значитъ сія гордость, съ которою имѣющій на себѣ дорогую одежду едва удостоиваетъ взора покрытую вретищемъ или полураздѣтую нищету, сія ненасытимость, съ какою нѣкоторые со дня на день умножаютъ, сіе непостоянство, съ которымъ такъ часто перемѣняютъ уборы? Не есть ли сіе нѣчто подобное тому, какъ если бы больной вздумалъ тщеславиться множествомъ своихъ струповъ и красотою обязаній; или, если бы рабъ, принужденный носить оковы, желалъ имѣть ихъ въ великомъ числѣ, и выработанныя съ разнообразнымъ искусствомъ?

Правда, Богъ нѣкоторымъ образомъ освятилъ то, что есть въ одеждѣ простѣйшаго и, вмѣстѣ, необходимѣйшаго. *И сотвори Господь Богъ Адаму и женѣ его ризы кожаны: и облече ихъ* (Быт. III. 21). Но чрезъ сіе самое вновь осуждается безразсудная заботливость о украшеніи тѣла. Если вещество, по наставленію самаго Бога, употребленное для составленія одѣянія, была кожа: то для чего нѣкоторые или несчастными, или презрѣнными представляютъ себѣ тѣхъ, которые носятъ простой

Digitized by Google

лекъ и грубую волну? Для чего намъ непріятно, если не на насъ прядетъ шелковый червь, не для насъ земля раждаетъ злато, и море—перла? Къ чему столь дѣтскія прихоти! Чего вамъ лучше и благолѣпнѣе той одежды, которую для васъ готовитъ самъ Богъ! Ибо можно сказать, что Онъ и для каждаго изъ насъ, какъ для Адама и его жены, творитъ потребныя ризы. Въ какой странѣ міра Онъ предопредѣляетъ намъ произойти на свѣтъ, въ той же и производитъ все, что, по качеству сея страны, потребно для тѣла нашего, и для снисканія того, что необходимо потребно, почти всегда довольно средствъ влагаетъ въ руки наши Его премудрый Промыслъ. Для чего же еще мы нерѣдко желаемъ, чтобы одежда наша превышала не только требованіе необходимости, но и приличіе нашего состоянія? Для чего иногда мы недовольны своими украшеніями потому только, что оныя не похищены у отдаленнѣйшихъ братій нашихъ? Посмотрите— такъ премудрость Божія постыждаетъ не только суетныя попеченія о излишнемъ, но и о потребномъ излишнія, — посмотрите на полевые цвѣты, какъ онѣ растутъ, не прядутъ и не трудятся; а вы, маловѣры, мучите себя по произволу изыскиваемыми заботами о вашемъ одѣяніи: какъ будто Провидѣніе меньше занимается вами, нежели быліемъ, нынѣ цвѣтущимъ, а завтра увядающимъ,—и будто Оно забыло близъ васъ произвести для васъ потребное!

И какой же предметъ столь нетерпѣливыхъ заботъ?—Нѣжная ткань, драгоцѣнные камни, чистое золото—пусть приложатъ къ сему исчисленію, что еще угодно, какъ все сіе мало и не достойно озаботить того, кто хотя мало размышляетъ! Не знаю что можетъ давать золоту на вѣсахъ разумнаго человѣка такую же тяжесть, какъ и на вѣсахъ торжника, если это не есть тяжесть бѣдъ, которыми обременяетъ онъ родъ человѣческій. То что называютъ лучшею водою въ камняхъ, не суть ли слезы несчастныхъ жертвъ, которыя вживѣ, глубже мертвыхъ, погребаются въ мрачномъ чревѣ горъ, для извлеченія оттуда сихъ драгоцѣнныхъ бездѣлицъ? Лучшія произведенія искусныхъ рукъ могутъ ли составить чью-нибудь славу, кромѣ своего художника? И далеко ли простирается сія слава? Художникъ міра положилъ предѣлъ для тщеславія смертнаго искусства въ самыхъ обыкновенныхъ дѣлахъ природы. Посмотрите еще разъ на полевые цвѣты

Digitized by Google

Соломонъ, во всей славѣ своей, не облачался такъ, какъ послѣдній изъ нихъ, говоритъ истина.

Если вы, смотря на полевые цвѣты, не обрѣтаете въ себѣ мудрости пчелъ, дабы собрать съ оныхъ тоній, духовный медъ; если зрѣлище природы не приноситъ вамъ наставленія, которое бы обратилось въ васъ въ силу и жизнь: изберите себѣ другое, высшее зрѣлище; возвысьте духъ вашъ, и воззрите не на образъ и тѣнь истины, но на самое лице ея, на красоту не созданную, на цвѣтъ совершенства;—воззрите, члены тѣла Христова, на Главу свою, и всмотритесь пристально, пристанутъ ли ей любимыя ваши украшенія? Какая несообразность! Глава во ясляхъ, на соломѣ; а члены хотятъ почивать на своихъ сѣдалищахъ и утопать въ одрахъ своихъ! Глава въ уничиженіи, въ въ нищетѣ; а члены только и помышляютъ о богатствѣ и великолѣпіи! Глава орошается кровавымъ потомъ; а члены умащаются и обливаются благовоніями! Со главы падаютъ слезы; а члены жемчугъ осѣяетъ! Глава въ терніи; а члены въ розахъ! Глава багрѣетъ отъ истекшей крови, и смертною объемлется блѣдностію; а члены лукавымъ искусствомъ дополняютъ у себя недостатокъ естественной живости,—и, думая сами себѣ дать красоту, въ которой природа имъ отказала, превращаютъ живый образъ человѣческій въ изображеніе художественное! Глава то въ наготѣ, то въ одеждѣ поруганія, а члены любятъ покопться подъ серебрянымъ виссономъ, подъ златымъ руномъ, или, вмѣсто наготы Распятаго, съ презрѣніемъ стыда и скромности, вымышляютъ себѣ одежду, которая бы не столько покрывала, какъ обнажала! Но, *да не возглаголютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ* (Псал. XVI. 4)! Должно опасаться, чтобы не почтено было неблагопристойностію обличеніе обычаевъ, которымъ, однакожъ, послѣдовать неблагопристойностію не почитается.

Чтожъ? — спросятъ, вѣроятно, люди, болѣе желающіе избавиться отъ обличенія, нежели исправить обличаемое: неужели всѣ должны отвергнуть всякое благолѣпіе и облечься въ рубища!— Нѣтъ, совопросники, *мудрые еже творити злая, благо же творити не познавшіе* (Іер. IV. 22)! Никто сего не требуетъ. Божественный учитель нашъ обличаетъ, а потому и насъ обязываетъ обличать только попеченія объ одеждѣ, и особенно излишнія, суетныя, пристрастныя. *О одеждѣ что печетеся*? Впрочемъ, извѣстно,

Digitized by Google

что и Самъ Онъ (безъ сомнѣнія, дабы не лишить утѣшенія и награды людей, служившихъ Его телѣснымъ потребностямъ) носилъ драгоцѣнный нешвенный хитонъ, который пожалѣли раздрать раздѣлявшіе ризы Его. Есть родъ и степень благолѣпія, и даже великолѣпія въ одѣяніи, который назначаетъ не пристрастіе, но благоприличіе; не суетность, но состояніе; не тщеславіе, но долгъ и обязанность. Но попеченія безъ конца, пышность безъ мѣры, расточеніе безъ цѣли, ежедневныя перемѣны уборовъ потому только, что есть люди, которые имѣютъ низость заниматься изобрѣтеніями сего рода, и что слишкомъ много такихъ, которые имѣютъ рабскую низость подражать симъ дѣтскимъ изобрѣтеніямъ,—невѣроятная безразсудность! Безразсудность тѣмъ болѣе странная и нелѣпая, что, безъ сомнѣнія, многіе, виновные въ ней, признаютъ ее и однакожъ не престаютъ вновь дѣлаться виновными въ ней! И пусть бы оставалась она безразсудностію: бѣдственно то, что ею пораждаются и питаются беззаконія. Спросите, напримѣръ, нѣкоторыхъ, пришедшихъ въ сіе священное мѣсто не прежде начала, но уже въ продолженіи общественныхъ молитвъ и священнодѣйствія, спросите и сами себя, вы, съ которыми сіе случилось: какъ похищено сіе время у Бога и у души? Окажется, что у нѣкоторыхъ оно посвящено было тѣлу, изъ котораго творили тогда кумиръ. Не видите ли, какъ явно мнимыя малости ваши обращаются въ оскорбленіе Великаго Бога?—Или посмотрите, какъ иногда на торжищѣ безъ вниманія проходитъ мимо нищаго, просящаго мелкой монеты на хлѣбъ насущный, и тысячи отдаютъ за ненужное украшеніе. Кто дерзнетъ сказать, что тутъ не нарушена любовь къ ближнему? Кто же не видитъ изъ сихъ немногихъ примѣровъ, какъ легко извиняемая міромъ суетность можетъ сдѣлать человѣка повиннымъ предъ обѣими скрижалями закона Божія.

Христіане! Какъ наслѣдники и будущіе возобновители рая, не облѣняйтесь исторгать изъ сердецъ вашихъ и малое быліе нечистыхъ страстей, дабы не умножились плевелы, и не возрасло терніе, и не было подавлено сѣмя Божественное. Лучше лишиться тысячи украшеній тѣла, нежели представить Всевидцу малѣйшее пятно въ душѣ и совѣсти. Ахъ! Хотя бы подъ рубищемъ, только бы сохранить то царственное облаченіе, о которомъ писано:

Digitized by Google

Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся (Гал. III. 28). Аминь.

Филаретъ.

Слово о духовномъ просвѣщеніи Россіи.

Праздникъ академіи есть праздникъ науки: праздникъ духовной академіи есть праздникъ вѣры и науки. Если же вѣрѣ свойственно праздновать торжество разума, то каково должно быть значеніе праздника въ духовной академіи?

Вы не потребуете, а я не стану теперь разсуждать, въ какой степени удовлетворяетъ этому значенію нашъ нынѣшній праздникъ. Но есть желаніе сердца, которое не хотѣлось бы, да и не должно скрывать: желаніе, чтобы праздники нашихъ академій когда-нибудь составляли торжество духовнаго просвѣщенія всей Россіи.

Духовное просвѣщеніе, конечно, имѣетъ связь съ религіознымъ чувствомъ, однимъ словомъ—съ благочестіемъ. Однакожъ не о благочестіи теперь я говорю, а о духовномъ просвѣщеніи. Просвѣщеніе это, правда, относится непосредственно къ духовному сословію; однакожъ не это сословіе теперь я имѣю въ виду, а весь народъ русскій.

Въ настоящее время, когда такъ сильно возбуждено дѣло отечественнаго просвѣщенія, имѣется ли въ виду духовное просвѣщеніе отечества? Если такъ,—слава Богу! значитъ, Россія на вѣрномъ пути истиннаго, полнаго прогресса. А оставить эту задачу въ сторонѣ значило бы оставить цѣлую половину дѣла.

Трудно ли понять эту задачу? Вотъ народъ, всею душею преданный вѣрѣ отцевъ, для котораго вѣра все: его мудрость, его добродѣтель, его сила и утѣшеніе въ жизни. Но этотъ народъ въ церкви, какъ дитя за матерью, только повторяетъ за церковію слова вѣры и молитвы, безъ яснаго сознанія, а внѣ церкви въ немъ и около него тьма, тьма религіознаго невѣдѣнія, суевѣрій, лжеученій. И не этотъ ли туманъ низменныхъ полей русской народности закрываетъ и задерживаетъ свѣтъ просвѣщенія, теперь озаряющій пока только вершины Россіи? Вотъ милліоны людей, полагающихъ всю вѣру и спасеніе въ томъ, что-

Digitized by Google

бы въ крестномъ знаменіи слагать два, а не три перста, чтобы аллилуія пѣть дважды, а не трижды, и еще—*бритва да не взыдетъ на лицо ихъ* (Числ. 6. 5.): не правда ли, какъ это пусто и смѣшно? Но это непобѣдимое упорство въ невѣжествѣ, это ожесточенное отдѣленіе отъ церкви и общества, эта мрачная ненависть ко всему современному, наконецъ это раздраженіе противъ существующихъ порядковъ въ церкви и государствѣ, заклейменныхъ именемъ антихриста, нѣтъ! это уже не пусто и не смѣшно: это ужасно! это язва, которая разъѣдаетъ тѣло Россіи и разслабляетъ ея внутреннюю жизнь.

Вотъ общество, твердое въ духѣ русскаго православія, неизмѣнное въ чувствахъ вѣры и благочестія. Но на сколько свѣта въ этомъ духѣ? Какъ глубоко дно этихъ чувствъ? Если тутъ только церковный обрядъ, только урочное молитвословіе, постъ, праздникъ... ну, не глубокое дно! Если знаніе вѣры ограничено только грамотою по церковной книгѣ или только символомъ вѣры и другими, забытыми, впрочемъ, уроками дѣтства, и дальше не идетъ; если вѣра свѣтитъ въ душѣ, какъ тусклая лампадка предъ иконами, когда кругомъ темнота ночи, а человѣкъ спитъ: немного свѣта! При этотъ-то неяркомъ свѣтѣ мирно почіетъ несильная совѣсть, дремлющая подъ негромкій, неопредѣленный и поэтому успокоительный говоръ религіозныхъ чувствъ; по этому-то неглубокому дну религіозной жизни разсчитанно движутся нетяжелые груды некрупныхъ добродѣтелей, которыми и довольствуются невысокія чувства и неширокія потребности души. Думаемъ ли мы, что это не отзывается въ ходѣ народнаго просвѣщенія и общественной жизни? А этотъ разладъ вѣры съ жизнію, благочестія съ нравами, десницы съ шуйцею, когда первая прилежно дѣлаетъ крестныя знаменія, а послѣдняя знаменуется вовсе противо-крестными дѣлами?..

Вотъ образованные классы общества, конечно, не исключающіе вѣры изъ своего образованія: и ничего не можетъ быть прекраснѣе и плодотворнѣе для жизни общественной, какъ свѣтъ вѣры въ образованномъ кругу. Но если въ этомъ кругу должны образоваться и изъ него развиваться въ обществѣ всѣ лучшія идеи и убѣжденія, то не въ правѣ ли мы искать и ожидать здѣсь и тѣхъ свѣтлыхъ понятій, которыми этотъ кругъ можетъ помочь намъ въ великомъ дѣлѣ нравственно-религіознаго обра-

Digitized by Google

вованія народа? Какихъ понятій? Такихъ, напримѣръ, что истинное просвѣщеніе состоитъ не въ подчиненіи вѣры свѣтскому образованію или бродячимъ понятіямъ времени, какія бы они ни были и откуда бы они ни пришли, этому обману чувствъ и воображенія на базарѣ житейской суеты, а состоитъ въ стройномъ, гармоническомъ единеніи разума и вѣры, науки и откровенія, жизни гражданственной и религіозной; что свобода совѣсти, провозглашенная современнымъ просвѣщеніемъ, должна вести людей, конечно, не къ тому, чтобы они разнуздали свой умъ, сердце и волю и пустили ихъ на всѣ четыре стороны— думать, чувствовать и дѣлать, какъ случится, а развѣ къ тому, чтобы сознательно, по убѣжденіямъ ума и сердца, усвоять себѣ чистый свѣтъ истины и твердую силу нравственную въ вѣрѣ истинной, которая есть одна, а не всѣ истинны, такъ какъ и не всѣ ложны; что точное и ясное познаніе своей вѣры, прилежное занятіе вѣрою не должно оставаться, да и считаться не должно принадлежностію только привиллегированной на то касты, а должно быть, по возможности, общимъ украшеніемъ образованныхъ сыновъ вѣры; что и каста эта не должна считаться принадлежностію больше церкви, чѣмъ общества, а столько же общества, сколько и церкви; что образованнымъ людямъ свойственно показывать другимъ, необразованнымъ, примѣръ не пренебреженія къ своей церкви, ея внушеніямъ и правиламъ, а уваженія, и въ томъ, какъ во всемъ хорошемъ, предшествовать народу мыслію здравою, чувствомъ свѣтлымъ и доброю волею; что между церковію и обществомъ не должно быть слишкомъ плотной стѣны, внутрь которой изъ общества люди входили бы только въ урочные дни и часы на молитву и изъ-за которой служитель церкви выходилъ бы въ общество только въ важнѣйшія эпохи людской жизни или только для сбора подаяній, а внѣ этихъ случаевъ онъ былъ бы въ обществѣ лишній. Не такъ ли? Не такъ ли думаютъ и сами истинно-образованные люди? И въ нашихъ словахъ да не слышится горечь какая-нибудь, или сдержанная укоризна, или сословное предубѣжденіе... о нѣтъ! Сказать ли? Пріятно возбужденная сила жизни пробуждаетъ особенно живые голоса въ природѣ на утренней зарѣ. Теперь Россія на зарѣ своего возрожденія: и мы тѣмъ смѣлѣе возвышаемъ голосъ, что въ нашемъ образованномъ обществѣ

Digitized by Google

видится уже заря тѣхъ свѣтлыхъ понятій, слышатся уже отголоски тѣхъ отрадныхъ чувствъ, на которыя мы теперь указываемъ. Мы только выяснили и развили ихъ.

И такъ, свѣта и свѣта, свѣта духовнаго—вотъ чего требуетъ религіозная жизнь русскаго народа по всѣмъ степенямъ ея. Конечно, кто же, какъ не мы, должны быть проводниками этого свѣта? Откуда, если не изъ нашихъ святилищъ, онъ долженъ свѣтить народу? Но это можетъ быть только тогда, когда свѣтъ этотъ не будетъ заключенъ только въ нашихъ стѣнахъ; когда наши учебныя учрежденія получатъ общественное значеніе; когда наше просвѣщеніе не будетъ оставаться замкнутымъ для общества въ себѣ самомъ и въ насъ, а свѣтлымъ, живымъ потокомъ прольется въ его духъ и жизнь и возьметъ свою долю во всецѣломъ его образованіи. Вотъ тогда и праздники нашихъ академій сдѣлаются праздниками духовнаго просвѣщенія не для насъ только, а и для всей Россіи. Аминь.

Іоаннъ.

Слово при дворянскихъ выборахъ въ С.-Петербургѣ.

Въ торжественномъ собраніи людей благорожденныхъ, представителей современнаго Русскаго общества, мы нынѣ особеннымъ долгомъ почитаемъ съ особенною силою напомянуть — о Богѣ. Напомянуть? Не примите, благородные слушатели, этого слова за обличеніе, какъ будто бы вы не помните Бога, какъ будто настоящее собраніе ваше предъ лицемъ Бога не есть доказательство вашей памяти о Немъ. Нѣтъ! Не то мы хотимъ сказать. Но видите ли: бываютъ времена, обстоятельства, дѣла, въ которыхъ и незабывчивымъ людямъ и о простыхъ, повидимому, общеизвѣстныхъ истинахъ, безпрестанно твердятъ: помните! не забывайте!

А какую истину чаще повторять надобно въ такихъ обстоятельствахъ, когда въ жизни народа совершается переломъ, когда невѣрные пути, невѣрные шаги могутъ не одного человѣка, не нѣсколько человѣкъ, а цѣлый народъ низринуть въ пропасть? Народъ! *помни Бога!*

И такъ, не одно дѣло вашихъ сословныхъ выборовъ теперь

Digitized by Google

у насъ въ виду. Оно, какъ и все ваше сословіе, должно быть нераздѣльно съ жизнію общества, и потому имѣетъ свое значеніе и силу въ связи общихъ дѣлъ Россіи; и смотря на васъ, какъ передовыхъ дѣятелей жизни народной, мы теперь невольно обращаемъ свои мысли ко всему Русскому народу.

Да, настоящее время Россіи слишкомъ важно для всѣхъ насъ. Сколько нынѣ въ Россіи дѣлъ, новыхъ, обширныхъ, многосложныхъ, многотрудныхъ! Сколько нуждъ, вопросовъ, предпріятій! Сколько для всей этой работы нужно ума, знанія, энергіи, силы воли, сколько силъ и средствъ общественныхъ! Думаете ли вы, что все это не выходитъ изъ предѣловъ силъ человѣческихъ, что на все это достанетъ у насъ своихъ способностей и средствъ? Не ошибитесь. Человѣческіе умы и средства и дѣла бываютъ только тогда крѣпки, когда въ нихъ дѣйствуетъ Богъ; забытъ Богъ: тогда Онъ дѣйствительно оставляетъ людей ихъ собственнымъ силамъ и средствамъ, и тогда они падаютъ, падаютъ подъ бременемъ дѣлъ, котораго снести не могли. Вы знаете, что нѣсколько рыбаковъ передѣлали жизнь цѣлаго міра: знаете также, что самые сильные народы древности падали, какъ скоро новымъ, возникавшимъ потребностямъ и вопросамъ жизни не соотвѣтствовали ихъ силы. Вотъ что значитъ сила Божія и сила человѣческая! А кто думаетъ, что для настоящихъ дѣлъ Россіи нужны силы только вещественныя, тотъ ошибается. Прежде и болѣе всего потребны силы нравственныя; а источникъ ихъ— Богъ, основа ихъ—вѣра въ Бога.

Въ наше время вся Россія и все въ Россіи преобразуется. Благое сердце и добрая воля Царя предшествуютъ народу на пути преобразованій. Вотъ гдѣ по преимуществу имѣетъ мѣсто и должна всю свою силу сохранить святая истина, что сердце Царево въ руцѣ Божіи, *Божіи*, а не *человѣческой!* И да будетъ! Мы отъ всей глубины душъ нашихъ молимъ Бога, да будетъ это сердце, свободное и неприкосновенное для чуждыхъ собственнымъ его чувствамъ приражеиій человѣческихъ, всегда и вполнѣ открыто водительству самаго Бога! Да будутъ въ дѣлахъ сердца Царева совѣщателями и исполнителями мужи разума, правды, совѣсти и нравственности христіанской; словомъ, мы молимся, чтобы въ совѣтахъ Царевыхъ присутствовалъ— Богъ!

Digitized by Google

Преобразованія, конечно, должны вести народъ къ лучшему. Но что такое это *лучшее*? Какія тутъ идеи, какія начала, какія цѣли? Какой духъ и силы тутъ дѣйствуютъ? Вы укажете на народное просвѣщеніе, цивилизацію, силу общественнаго мнѣнія, свободу мысли и слова, развитіе народной самодѣятельности, и т. д; а мы скажемъ: если все это не основано на началахъ строго-нравственныхъ, не проникнуто чистымъ воздухомъ нравственнымъ, если при этомъ не имѣется въ виду нравственная жизнь народа, съ ея потребностями и законами, тогда все это пустоцвѣтъ, гниль; скажемъ болѣе—все это легко обращается въ ложь и зло. Неужели же безнравственность можетъ быть добромъ и—къ добру? А нравственности нѣтъ, гдѣ нѣтъ вѣры въ Бога.

Народъ есть сила живая, сознательная, нравственная. Его нельзя усовершенствовать, какъ машину. Только нравственными средствами, при нравственныхъ цѣляхъ, и можно дѣйствовать на него къ лучшему. Никакія мѣры, улучшенія не будутъ успѣшны и плодотворны, если не сопровождаются развитіемъ нравственнаго сознанія въ народѣ, если не будутъ имѣть корня и силы въ народной нравственности. Хотимъ ли мы въ самомъ дѣлѣ, чтобы народъ былъ истинно-образованнѣе, гражданственнѣе, дѣятельнѣе и крѣпче въ своей жизни общественной, чтобы онъ хорошо умѣлъ пользоваться своими народными силами и правами? Сдѣлаемъ его нравственнѣе; по крайней мѣрѣ—не дадимъ ему путей къ безнравственности. А что сдѣлала Европейская цивилизація съ первобытными народами, необразованными, но патріархальными, когда пришла къ нимъ безъ религіи и нравственности?—Она ихъ погубила.

Есть въ жизни народной стороны, не подлежащія преобразованію. Это именно—христіанская вѣра и нравственность. Но духъ времени посягаетъ и на это. Ему кажется, что люди будутъ умнѣе и просвѣщеннѣе, если не будутъ обязаны вѣровать въ Бога и Христа, что народы будутъ счастливѣе, если не религія, а что-нибудь другое, напр. соціализмъ, будетъ опредѣлять для нихъ правила нравственности. Что-жъ? Безъ дальнихъ разсужденій мы можемъ сейчасъ повѣрить это умозрѣніе. Обратимся прямо и просто къ человѣческому чувству. Вотъ вамъ, людямъ благороднымъ и образованнымъ, какъ покажется, еслибы кто,

Digitized by Google

во имя просвѣщенія, сталъ объяснять, что вы и всѣ люди получили жизнь не только не отъ Бога, даже не отъ людей, а выродились изъ животныхъ? Если бы кто, во имя общественнаго блага, сталъ доказывать, что ваше право собственности вовсе не есть право, а воровство; что ваше супружество есть насиліе для вашихъ супругъ, и ваше семейство не вамъ принадлежитъ и не обязано вамъ никакимъ собственнымъ долгомъ, и т. д.?— Что за безуміе? скажете вы: а это и есть просвѣщеніе и нравственное ученіе—безъ религіи и христіанской нравственности. И увы! все это у насъ въ Россіи нынѣ проповѣдуется и печатается.

Нѣтъ! Не дастъ Русскій народъ преобразовать свою вѣру, вѣру православную и соединенное съ нею ученіе нравственное. Это его духовная сила; это корень его внутренней жизни и духъ его жизни исторической. И горе тому, кто посягнулъ бы на эту святыню народа! Народъ Русскій не можетъ быть не православнымъ; иначе онъ пересталъ бы быть Русскимъ; отнять у него вѣру, въ которой онъ и одной буквы перемѣнить не позволяетъ, значило бы со дна возмутить всю его жизнь, значило бы отнять у него душу. Кто отважится на такое душегубство?

Народъ, возвращенный отъ покѣстной зависимости къ свободѣ, общество, призываемое къ самоуправленію въ своихъ дѣлахъ, къ водворенію среди себя гласности, суда совѣсти и мира,—каковъ долженъ быть этотъ народъ и это общество? Скажемъ однимъ словомъ: они должны быть *совѣстливы*. Пусть просвѣтится, укрѣпится, возвысится народная и общественная совѣсть: и вы будете безопасны отъ злоупотребленій народной свободы; у васъ будетъ здравое и вѣрное общественное мнѣніе; будутъ цѣлы общественныя суммы; вы будете имѣть правые суды присяжныхъ и отличныхъ мировыхъ судей. Не правда ли? — Но вотъ вопросъ: гдѣ обществу и народу взять такую совѣстливость? Отвѣтъ: нигдѣ, какъ въ религіи. Никакой законъ мірской, никакая власть и сила человѣческая не простирается на совѣсть: только Богъ—судія совѣсти. Нѣтъ въ совѣсти Бога: не ожидайте добра тамъ, гдѣ надобно полагаться на совѣсть человѣческую.

Наконецъ, предъ лицемъ Бога похвалимся ли мы общественною жизнію? Открытое вольномысліе въ самыхъ священныхъ

Digitized by Google

для человѣка предметахъ, не только явное охлажденіе и пренебреженіе къ церкви, но и не скрываемая непріязнь къ ней, извращеніе нравственныхъ понятій, публичный развратъ, убійство времени, достоинія и жизни въ денежныхъ играхъ, роскошь и расточительность среди вопіющихъ нуждъ общественныхъ и всеобщихъ жалобъ на затрудненія въ средствахъ жизни, равнодушіе и неразвитіе общественной дѣятельности среди настоятельно вызывающихъ ее вопросовъ, странный голосъ среди отечества противу отечественныхъ интерессовъ и стремленіе ослаблять основы народной жизни; неуваженіе власти, и, при слабомъ чувствѣ законности, неугомонныя посягательства на неподлежащія права; упадокъ серьезнаго образованія и воспитанія, раздоръ въ семействахъ между отцами и дѣтьми, безмѣрное пьянство въ народѣ, умноженіе дерзкихъ общественныхъ преступленій: и все это въ то самое время, когда рѣчь и дѣло идетъ о возрожденіи Россіи, и мы воображаемъ, что идемъ впередъ! Не кажется ли вамъ, не можетъ ли придти на мысль всякому строгому наблюдателю, если посмотрѣть вокругъ себя серьезно, что жизнь наша какъ будто сдвинулась съ вѣковыхъ религіозныхъ и нравственныхъ основаній, и, въ разладѣ съ народною вѣрою и совѣстію, съ отечественною любовію и правдою, при нашей внутренней несостоятельности, идетъ будто не вѣсть куда, безъ разумныхъ убѣжденій и сознательно-вѣрныхъ стремленій? Но это было бы ужасно!

Народъ! *помни Бога.*

Возвращаясь къ вашимъ выборамъ, мы молимъ Бога, чтобы Онъ благословилъ ихъ и, принявъ вашу клятву во имя Его, воздѣйствовалъ въ вашемъ духѣ къ совершенію ихъ въ мирѣ, порядкѣ, безпристрастіи, въ предѣлахъ строгой законности и въ видахъ не одного сословнаго, но и общественнаго блага. Аминь.

Іоаннъ.

Поученіе въ скорбяхъ.

Многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе (Дѣян. 14. 2).

Не скорби слишкомъ, не доходи въ скорби до унынія.

Digitized by Google

Тяжело тебѣ?

Къ Богу обратись поскорѣе, Богу, Отцу твоему, скажи: тяжело мнѣ, Господи!

Богъ для того и попускаетъ намъ скорби, чтобы при нихъ мы скорѣе къ Нему обращались, чтобы скорѣе о Немъ вспоминали.

Звономъ колокола церковь созываетъ христіанъ на молитву, а скорбію нашею сердечною Богъ заставляетъ насъ къ Нему обратиться.

Мнѣ слишкомъ тяжело, больно, говоришь ты; я не могу и къ Богу обратиться, перекреститься не могу, сказать Богу, что мнѣ тяжело, не могу, не хочется.

Но ты хоть это скажи Богу: мнѣ слишкомъ тяжело, Господи, больно; я не могу и къ Тебѣ обратиться, перекреститься не могу, сказать Тебѣ, что мнѣ тяжело, не могу, не хочется. Скажи такъ, и именно этими словами или подобными какими нибудь, выражающими скорбь души твоей, только непремѣнно скажи: и увидишь, какъ это хорошо, спасительно для тебя; не успѣешь договорить словъ своихъ, какъ тебѣ легче будетъ.

Скорбными словами нашими, особенно когда мы къ Богу ихъ обращаемъ, скорбь наша всегда облегчается. Что Богу выскажешь отъ души, то не будетъ больше тяготить душу (Псал. 31. 5). Богъ—Слово всегда благодатію Своею отзывается въ сердцѣ нашемъ на сердечныя наши къ Нему слова. «Ахъ, зачѣмъ, же мнѣ все скорбѣть и скорбѣть, такъ часто, такъ много скорбѣть? Успокоюсь я теперь, какъ къ Богу обращусь; но послѣ вѣдь и опять будетъ тоже, и опять буду скорбѣть такъ же».

Что дѣлать! Прогоняй отъ себя теперешнюю твою скорбь, а о будущей не безпокойся: будущею скорбію займешься, когда придетъ она, если только придетъ. Да, теперь, когда тяжело тебѣ, обратись къ Богу, и если успокоишься, будь этимъ доволенъ. А послѣ, когда опять скорбѣть будешь, ты опять за тоже, опять къ Богу. Весело тебѣ, легко на душѣ? Будь веселъ и благодари Бога. Тяжело стало, скорбитъ душа твоя?—къ Богу поскорѣе.

«И такъ мнѣ надобно всю жизнь»?—Да, и такъ всю жизнь. И такъ живя, ты наконецъ пріучишься къ Богу всегда обращаться, въ Богѣ всегда находить успокоеніе, и такимъ образомъ

Digitized by Google

многими скорбми внидешь въ царствіе Божіе, гдѣ уже не будешь больше скорбѣть, а все будешь радоваться о Богѣ, вѣчно, непрерывно радоваться.

Да, вотъ зачѣмъ тебѣ надобно по временамъ скорбѣть, чтобъ, со временемъ, внити въ царствіе Божіе, гдѣ живутъ и радуются только тѣ, которые въ этой жизни *многими скорбми* пріучаются въ Богѣ находить радость и успокоеніе себѣ. Аминь.

Прот. Р. Путятинъ.

Поученіе предъ св. причастіемъ.

Св. пророкъ Моисей однажды на горѣ увидѣлъ купину, которая горѣла и не сгарала; онъ хотѣлъ подойти къ ней поближе, чтобы разсмотрѣть столь чудное явленіе; но вдругъ услышалъ голосъ, изъ купины къ нему говорящій: «Моисее, Моисее! не приближайся сѣмо, изуй прежде сапоги отъ ногъ твоихъ!» (Исх. 3. 4—5).

Слушатели благочестивые! Купина, видѣнная Моисеемъ, подлинно было явленіе чудное и страшное; ибо горѣла и не сгарала, ибо изъ купины говорилъ самъ Богъ. Не столь же ли чудна и страшна св. Чаша, которой вы предстоите и къ которой приступаете? Здѣсь, въ этой св. Чашѣ, подъ видомъ хлѣба преподается вамъ истинное тѣло Господа нашего Іисуса Христа, а подъ видомъ вина—истинная кровь Его. Здѣсь, въ этой св. Чашѣ, огнь Божественный, чудный, страшный огнь, достойныхъ очищающій и оживляющій, а недостойныхъ попаляющій и сожигающій. И потому отъ лица Бога, нѣкогда говорившаго изъ купины, и теперь таинственно здѣсь присутствующаго, говорю всякому приближающемуся сѣмо: изуй прежде сапоги отъ ногъ твоихъ; развяжи прежде всѣ грѣховныя узы, связующія твою душу.

Время еще не ушло; еще можно сдѣлать то, что ты не могъ, или не хотѣлъ, а долженъ бы сдѣлать прежде. Благоразумный разбойникъ, и на крестѣ вися, успѣлъ приготовить себя въ рай. Не удерживай въ душѣ твоей болѣзненныхъ вздоховъ: съ этими вздохами вылетаютъ грѣхи. Не стыдись твоихъ сердечныхъ слезъ: это бальзамъ на раны грѣховныя. Забудь все земное, тебя окружающее: на тебя теперь смотритъ твой ангелъ-храни-

Digitized by Google

тель; на тебя теперь смотритъ все воинство небесное. Ты теперь какъ бы на страшномъ судѣ; теперь рѣшается твоя участь на цѣлую вѣчность: ты причастишься или въ жизнь вѣчную, или въ осужденіе вѣчное. И такъ скажи въ душѣ своей: я грѣшникъ, первый въ мірѣ грѣшникъ, но я впередъ уже не хочу быть таковымъ, и хочу исправиться, хочу бросить худыя дѣла, оставить порочныя намѣренія; только сподоби меня, Господи, теперь достойно причаститься пречистыхъ Твоихъ Таинъ.

Вѣрую, Господи, только помози моему невѣрію, вѣрую, *яко ты воистинну Христосъ, сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти; еще вѣрую*, и еще молю Тебя,—помози моему невѣрію, *еще вѣрую, яко сіе есть самое пречистое тѣло Твое, и сія есть самая честная кровь Твоя*. Не даю Тебѣ лобзанія Іудина, нѣтъ, я уже не промѣняю Тебя ни на какія удовольствія, не продамъ Тебя ни за какую цѣну; только помилуй меня, и сподоби неосужденно причаститися пречистыхъ Твоихъ Таинъ.

Съ такою вѣрою, съ такимъ намѣреніемъ приступающій къ сей св. Чашѣ разрѣшается отъ грѣховныхъ узъ, связующихъ его душу, и потому причастится Пречистыхъ Таинъ не въ судъ или осужденіе, но въ отпущеніе грѣховъ и жизнь вѣчную.

Дай, Господи, такъ причаститься всѣмъ намъ, не только нынѣ, но и всегда. Аминь.

Прот. Р. Путятинъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google